

ТРУДЫ

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1908.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук
Санкт-Петербургъ, Февраль 1909 г

Непрерывный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно уже заявлялась желательность такого изданія ученыхъ произведеній В. Г. Васильевскаго, въ которомъ они были бы болѣе доступны и удобны для пользованія, чѣмъ въ книжкахъ журналовъ за разные мѣсяцы и годы. Въ запискѣ по поводу предложенія объ избраніи Василья Григорьевича въ академики, читанной А. А. Кувиномъ въ Историко-Филологическомъ Отдѣленіи Академіи 12-го декабря 1889 г., было между прочимъ сказано:

«Труды профессора В. Г. Васильевскаго по большей части разсѣяны по разнымъ ученымъ періодическимъ изданіямъ и, главнымъ образомъ, по разнымъ книжкамъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, начиная съ 1864 года. Это обстоятельство, какъ и слѣдовало ожидать, имѣло весьма невыгодную сторону и для пользовавшихся трудами нашего ученаго, и для него самого; въ послѣднемъ случаѣ страдала главнымъ образомъ популярность его, такъ какъ наши ученые журналы читаются у насъ очень немногими. Вотъ почему еще довольно давно предложено было нашему историку его учениками, почитателями и интересующимися распространеніемъ у насъ научныхъ званій издать отдѣльными книгами тѣ его труды, которые имѣютъ болѣе научное значеніе».

Василій Григорьевичъ не успѣлъ однако самъ предпринять новаго изданія своихъ работъ. Послѣ его кончины Историко-Филологическое Отдѣленіе сочло долгомъ озаботиться осуществленіемъ этого предпріятія, полагая, что такимъ изданіемъ Академія оказала бы услугу русской исторической наукѣ и достойно почтила бы память своего знаменитаго сочлена. Образованной для того Комиссіи поручено было Отдѣленіемъ составить планъ этого изданія и наблюдать за его печатаніемъ.

Особенно настоятельную потребность представляет и потому въ первую очередь поставлено Коммиссіей перевзданіе тѣхъ трудовъ Василя Григорьевича, которые имѣютъ предметомъ исторію Византіи и ея отношеній къ Россіи и славянамъ.

Размѣщеніе этихъ трудовъ не въ той послѣдовательности, въ какой они появлялись въ періодическихъ изданіяхъ, а въ хронологическомъ или систематическомъ порядкѣ ихъ сюжетовъ, при чрезвычайномъ обиліи и разнообразіи вопросовъ, затрагиваемыхъ почти каждымъ изслѣдованіемъ нашего историка, представило бы слишкомъ много трудностей и немало неудобствъ. Въ числѣ послѣднихъ явилась бы и необходимость расторженія той группировки, какая для нѣкоторыхъ работъ, напр., для «Русско-византійскихъ отрывковъ», была установлена самимъ авторомъ. Если бы даже и удалось сколько-нибудь строго провести порядокъ хронологіи или систематики сюжетовъ, то эта выгода была бы куплена слишкомъ дорогою цѣной: была бы разрушена прекрасная и высокопоучительная картина роста и той науки, для которой такъ много сдѣлалъ покойный изслѣдователь, и его собственнаго таланта. Намѣреваясь поэтому не отступать безъ особенно уважительныхъ причинъ отъ того порядка, въ какомъ отдѣльные труды выполнялись и издавались авторомъ, Коммиссія въ первомъ томѣ изданія помѣстила самыя раннія изъ работъ Василя Григорьевича по византійской исторіи.

Для нѣкоторыхъ трудовъ нашлись экземпляры, принадлежавшіе автору, съ его собственноручными замѣтками. Въ новомъ изданіи по мѣрѣ возможности приняты поправки, дополненія и сокращенія, указанныя въ этихъ замѣткахъ. Но чаще всего онѣ представляютъ такой матеріалъ намековъ, напоминаній и цитатъ, которымъ только самъ авторъ могъ бы воспользоваться какъ слѣдуетъ и которымъ отчасти, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, онъ дѣйствительно воспользовался.

Кромѣ упомянутыхъ авторскихъ измѣненій, допущены при перевзданіи только такія, которыя или состояли въ исправленіи очевидныхъ опечатокъ и описокъ, или вызывались свѣркою цитатъ съ новѣйшими изданіями текстовъ. Къ частямъ изслѣдованій, основанныхъ на источникахъ болѣе или менѣе далекихъ отъ спеціальности византиниста, напр., на восточныхъ или скандинавскихъ, сдѣланы добавочныя примѣчанія, преимущественно тамъ, гдѣ оказывалось, что положеніе научныхъ вопросовъ, обсуждавшихся Василемъ Григорьевичемъ, существенно измѣнилось вслѣдствіе обнаруженія источниковъ, прежде не извѣстныхъ.

Дополненія, внесенныя изъ собственноручныхъ замѣтокъ автора, отмѣчены прямыми скобками—[], а дополненія и измѣненія редакціи—ломаными — < >.

Ссылки на тексты, вошедшіе въ составъ Боннскаго корпуса византійскихъ историковъ, относятся вообще къ страницамъ этого корпуса. Тамъ, гдѣ представлялось цѣлесообразнымъ сослаться на другія изданія, сдѣланы соотвѣтствующія указанія.

Первое изъ вошедшихъ въ этотъ томъ изслѣдованій было подготовлено къ печати членомъ Коммисіи В. Э. Регелемъ; при изданіи гѣхъ частей второго, которыя основаны на источникахъ скандинавскихъ и грузинскихъ, существенную помощь оказали Коммисіи профессора Ө. А. Браунъ и Н. Я. Марръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Византія и Печенѣги (1048—1094)	1
Приложенія.	
I. О Куманскомъ (Половецкомъ) словарѣ	118
II. Русскіе на Дунаѣ въ XI вѣкѣ	132
III. Теофилактъ Болгарскій и его сочиненія	184
IV. О посланіи императора Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому	149
V. Объ испытаніи воза Божіей двумя жребіями	169
Іоаннъ Продромъ митрополитъ Кіевскій	174
Варяго - русская и варяго - англійская дружина въ Константинополь XI и XII вѣковъ.	
I. Положеніе вопроса о византійскихъ Варягахъ и источники для его рѣшенія.	176
II. Варяги, отправленные въ Константинополь Владиміромъ, и первыя свидѣтельства исландскихъ сагъ о Норманнахъ, вступившихъ въ варяжскую дружину	181
III. Шеститысячный русскій корпусъ въ Константинополь съ 988 года	196
IV. Византійскіе Варанги 1034 года	210
V. Варяжскіе баснословные рассказы	221
VI. Пѣсни скальдовъ, какъ единственный историческій матеріалъ въ сагахъ для вопроса о Варягахъ	240
VII. Дѣйствительная исторія Гаральда и его Вэринговъ въ Кон- стантинополь	253
VIII. Норманы, Русскіе и Варяги въ Сициліи и Апуліи (1088— 1042)	288
IX. Нашествіе Русскихъ на Константинополь и Варяги 1047 года	303
X. Варяги и Франки во второй половинѣ XI вѣка	316
XI. Прямые доказательства существованія Варяго-Руси въ XI вѣкѣ	343
XII. Англичане на византійской службѣ въ видѣ Варяговъ.	355
О Варяго-Руссахъ (Отвѣтъ Д И Иловайскому)	378

ВИЗАНТІЯ И ПЕЧЕНЬГИ*).

(1048 — 1094).

(Посвящается Константину Николаевичу Вастужеву-Рюмину).

I.

Императоръ Василій II, знаменитый Болгаробойца, умирая 116 (въ 1025 г.), оставилъ Византійскую имперію на верху внѣшняго величія и силы. Въ кровавой борьбѣ низвергнута была въ прахъ славянская держава Самуила, и Византійская имперія снова простиралась до береговъ Дуная, какъ это было во время Юстиніана I. На востокъ Константинопольскія хоругви снова доходили до береговъ Евфрата, греческая власть была восстановлена въ Сиріи; властители Грузіи и Арменіи, налуганные успѣхами турецкаго оружія, добровольно передали въ руки византійскаго императора свою власть и свои столицы. (Ани, Васпаруканъ). Усмиривъ возстаніе въ южной Италіи, Василій II хотѣлъ увѣнчать свои успѣхи великимъ подвигомъ на пользу христіанства; предъ своею смертію онъ занялъ былъ приготовленіями къ большому походу для изгнанія Сарациновъ съ острова Сяцилія; разноплеменная византійская армія — Турки и Болгары, Валахи и Русскіе — уже стояла въ Реджіо и ожидала прибытія императора ¹⁾. Начатые переговоры съ Римомъ указывали на существованіе еще болѣе широкихъ плановъ, чѣмъ завоеваніе Сяциліи.

*) <Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 164 (1872 г.), Отд. II, стр. 116—165 и 243—382 >

1) *Annales Bareses sub ann. 1027* (годъ поставленъ невѣрно), *MG. SS. V, 53: cum exercitu magno, id est Russorum, Guandalorum, Turcorum, Burgarum, Vlachorum, Macedonum.*

Все, что было сделано Василием II и его двумя достойными предшественниками — Фокой и Цимисхием, все великие замыслы Василия, все это быстро рушилось при его преемниках. Какъ это уже не разъ бывало въ византійской исторіи, за эпохою 117 могущества и блеска послѣдовало съ удивительною быстротою самое глубокое паденіе.

Рядъ грубыхъ политическихъ ошибокъ былъ несомнѣнно сдѣланъ византійскими правителями, слѣдовавшими за Болгаро-бойцей. Благопріятное время для смѣлыхъ и великихъ предпріятій въ Сициліи и въ Италіи было пропущено. Къ планамъ Василия воротились только тогда, какъ обаяніе греческой побѣды при Каннахъ, гдѣ Русскіе помогли Византійцамъ разбить апудійскихъ инсургентовъ и первыхъ Норманновъ, пришедшихъ къ нимъ на помощь¹⁾, уже давно исчезло. Попытка завоеванія Сициліи въ 1040 году, сначала все-таки успѣшная, рушилась позорнымъ образомъ, благодаря византійскому корыстолюбію, которое никогда не любило дѣлиться добычей съ союзниками и помощниками, которое въ томъ же самомъ году подняло возстаніе въ Сербіи и Болгаріи, благодаря той утонченной жестокости, соединенной съ глубокимъ презрѣніемъ къ человѣческому достоинству, которая допускала образованная Византія въ отношеніи и къ своимъ, и къ чужимъ. Тотъ искатель приключеній, которому греческій катаванъ велѣлъ выщипать бороду, предварительно избивъ его раздѣтое до-нага тѣло ременною плетью, возжегъ въ жителяхъ Мельфи «пламя неудовольствія, таившееся подъ пепломъ», и привелъ Норманновъ въ этотъ важный городъ, чѣмъ и положено было начало норманнскому завоеванію греческихъ владѣній въ южной Италіи. Братья Готвильи и самый знаменитый изъ нихъ Робертъ (Гвискаръ) начали свое поприще, ознаменованное такими чудесными успѣхами, и черезъ сорокъ лѣтъ уже грозили самому Константинополю.

1) De Blasiis, La insurrezione Pugliese I, 91 [A de mari hist, MG. SS. IV, 140: Richardo vero comite Rotomagi, filio Richardi, Normannos gubernante, multitudo eorum cum duce Rodulfo armati Romam, et inde coalivente papa Benedicto Apuliam aggressi, cuncta devastant. Contra quos exercitum Basilius intendit, et congressione bis et ter facta, victores Normanni existunt Quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt Cp. Pselli hist., Sathas Bibl. hist. med. aevi IV, p. 10.]

Распутное мотовство Константина IX и его набожное благочестіе, выражавшееся въ постройкѣ великолѣпныхъ храмовъ и щедрыхъ дотаціяхъ Софійскому клиру, одинаково и совокупно помогали завоевательному движенію Сельджуковъ на азіатскомъ востокѣ. Въ то самое время, когда это движеніе начинало принимать грозные размѣры, онъ, ради нуждъ своего истощеннаго казначейства, переложилъ военную повинность пограничныхъ зависимыхъ армянскихъ и грузинскихъ провинцій на денежную. Пятидесяти тысячъ превосходнаго ополченія, которое стало бы защищать свою родину со всѣмъ упорствомъ патріотическаго одушевленія, не существовало по винѣ византійскаго правительства. Совершенно справедливо находятъ въ этомъ непосредственную причину быстрыхъ успѣховъ турецкаго нашествія въ Азію.

Даже завоеваніе Болгаріи оказалось въ сущности большою 118 ошибкой и принесло громадный вредъ при той неспособности привязать къ себѣ славянское населеніе, которою отличалось какъ греческое чиновничество, такъ и греческое духовенство. Завоеваніе Болгаріи только нарушило ту систему византійскаго равновѣсія на сѣверѣ, которая вѣкогда приводила въ восторгъ кабинетную политическую мудрость Константина Багрянороднаго. Центромъ этого равновѣсія были Печенѣги, господствовавшіе въ X вѣкѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ. Если Византія находится въ дружбѣ съ Печенѣжскою ордою, то, объясняетъ Константинъ Порфирогенитъ своему сыну, никто изъ ея враговъ не осмѣлится даже пошевелиться. Русскіе совсѣмъ не могутъ предпринять никакого похода виѣ своихъ границъ, если они не находятся въ мирѣ съ Печенѣгами; безъ позволенія Печенѣговъ они не могутъ приходить въ Константинополь ни для торговли, ни съ войною. Мадьяры, столько разъ испытавшіе поражение отъ Печенѣговъ, продолжаютъ питать къ нимъ самую почтительную боязнь. Итакъ, если византійскій императоръ будетъ находиться въ мирѣ съ Печенѣгами, то ни Русскіе, ни Мадьяры не страшны для него, — они даже не посмѣютъ тогда просить слишкомъ большихъ подарковъ отъ Грековъ за свое мирное поведеніе. Иначе имъ можно погрозить Печенѣгами. То же самое и въ отношеніи Болгарскаго царства. Если византійскій императоръ хочетъ быть страшнымъ для Болгаръ, онъ легко достигнетъ

этого посредствомъ Печенѣговъ. Все это было такъ, пока Печенѣги сами не были сосѣдями имперіи, пока свободная Болгарія заслоняла византійскую державу отъ напрающаго изъ Азіи варварскаго міра. Когда отношенія измѣнились, когда плотина была не только прорвана, но совсѣмъ разрушена, — Византія оказалась такъ же мало способною удерживать волны турецкаго наводненія въ Европѣ, какъ и въ Азіи. Правда, что придунайская и черноморская Болгарія какъ будто истощилась и омертвѣла еще ранѣе борьбы Василія и Самуила; центръ тяжести болгарской державы Самуила былъ перенесенъ отъ Балканъ и Дуная на берега Охридскаго озера, въ Македонію и Албанію. Но города Дерстръ (Силистрія), Бдынъ (Видинъ), Месемврія все-таки сохраняли свое прежнее значеніе, они не сдѣлались бы такою легкою добычей Печенѣговъ и сбродной дунайской вольницы, если бы за ними оставалась живая народная сила, окончательно убитая только Болгаробойцей и византійскимъ управленіемъ. Если бы поля Болгаріи не обезлюдѣли послѣ византійскаго погрома, то не было бы необходимости дѣлать опыты неудачной колонизаціи съ дикими кочевниками.

Въ пустоту, которая образовалась послѣ разрушенія Болгарскаго царства, устремились сначала Печенѣги, потомъ Узы и Куманы (Половцы), тѣспившіе ихъ съ тыла¹⁾. Тѣ и другіе были одинаково страшными врагами для Византійской монархіи XI и XII вѣковъ, не менѣе страшными, чѣмъ ихъ собратья Турки-Сельджуки въ Азіи. Вотъ какъ описываетъ печенѣжскіе набѣги на византійскія провинціи знаменитый церковный писатель XI вѣка, Теофилактъ Болгарскій: «Ихъ набѣгъ — ударъ молніи, ихъ отступление тяжело и легко въ одно и то же время: тяжело отъ множества добычи, легко — отъ быстроты бѣгства. Нападая, они всегда предупреждаютъ молву, а отступая, не даютъ преслѣдующимъ возможности о нихъ услышать. А главное — они опустошаютъ чужую страну, а своей не имѣютъ; если бы кто

1) [О Половцахъ и Печенѣгахъ см. Пл. Бурачковъ, Опытъ изслѣдованія о Кумавахъ или Половцахъ. Записки Одесск. общ. ист. и древн. X (1877), стр. 111 сл. Аристовъ, О землѣ Половецкой (историко-географическій очеркъ). Изв. Ист.-Филол. Инст. Князя Безбородко 1877, стр. 207 сл. П. Голубовскій, Объ Узахъ и Торкахъ. Журн. М. Н. Пр. 1884. Июль, стр. 1 сл.]

былъ смѣлѣе Дарія Истаспа, если бы онъ навелъ мостъ на Истрѣ и сталъ искать Скивоовъ — все одно, онъ безумно погнался бы за недостижимымъ. Они спрячутся въ скалахъ, прикроются густотою лѣса, а онъ будетъ блуждать по горамъ и рощамъ, которыхъ дикая суровость уступаетъ только двкой натурѣ преслѣдуемыхъ; онъ будетъ зрителемъ той великой скяеской пустыни, которая не осталась неизвѣстною и для пословицы. Если, вопреки природѣ вещей, онъ будетъ упорствовать, то и самъ погибнетъ, не столько заслуживъ сожалѣніе своимъ несчастіемъ, сколько осужденіе своимъ безразсудствомъ; а Скивы успѣютъ доказать, что они дѣти скалъ и дубовъ, будутъ наносить удары, сами имъ не подвергаясь, такъ что, по моему, если можно вѣрить мѣтамъ, тотъ Гигесъ, который металъ стрѣлы изъ мрака, самъ недоступный имъ, былъ никто другой, какъ Скивоъ. Жизнь мирная — для нихъ несчастіе, верхъ благополучія — когда они имѣютъ удобный случай для войны или когда насмѣются надъ мирнымъ договоромъ. Самое худшее то, что они своимъ множествомъ превосходятъ весеннихъ пчелъ, и никто еще не зналъ, сколькими тысячами или десятками тысячъ они считаются: число ихъ безчисленно»¹⁾).

Половцы или Куманы наследовали въ XII вѣкѣ имя Скивоовъ, которое въ XI вѣкѣ исключительно принадлежало Печеньгамъ. Все то, что Теофилактъ Болгарскій говорилъ о Скивахъ XI столѣтія, все это Евстафій Солунскій могъ сказать о Скивахъ XII вѣка. «Это народъ, не имѣющій прочнаго постояннаго пребыванія, не знающій осѣдлой жизни и потому не гражданственный. Всякою землей онъ стремится завладѣть, но ни одной не можетъ заселить, и посему—это народъ многоблуждающій (*πολυπλάνητον*). Это летучіе люди, и поэтому ихъ нельзя поймать. Они не имѣютъ ни городовъ, ни селъ, оттого за ними слѣдуетъ звѣрство (*τὸ θηριώδες*). Не таковы даже коршуны, плотоядный родъ и всѣмъ ненавистный; таковы развѣ грифы, которыхъ благотѣльная природа удалила въ мѣста необитаемыя, точно такъ, какъ и Скивоовъ.

1) Изъ рѣчи Теофилакта къ императору Алексію Комнину: *Λόγος εἰς τὸν αὐτοκράτορα χύριον Ἀλέξιον τὸν Κομνηνόν*. Migne, Patrol. graeca t. 126, col. 287—306.

Волчьи обычаи воспитали такихъ людей: дерзкій и прозорливый, волкъ легко обращается въ бѣгство, когда появится что-нибудь страшное. Точно таковъ и народъ скиескій; если онъ встрѣтитъ мужественное сопротивленіе, онъ озирается назадъ и обращается въ бѣгство. Въ одно и то же время онъ близокъ и уже далеко отступилъ. Его еще не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся изъ глазъ»¹⁾.

Въ обѣихъ характеристикахъ, въ сущности, конечно, правдивыхъ, не мало византійской риторики. Не лишнее, поэтому, познакомиться съ болѣе точными замѣчаніями о бытѣ этихъ народовъ менѣе притязательнаго въ литературномъ отношеніи еврейскаго путешественника. Рабби Пегахія видѣлъ Половцевъ во время своего путешествія изъ Регенсбурга въ Азію черезъ Польшу, Кіевскую Русь, Крымъ и т. д. около 1170 года. То, что онъ говоритъ о Половцахъ (жителяхъ страны Кедаръ), во многомъ относится и къ Печеньгамъ, единоплеменнымъ съ ними.

«Они (Половцы) не имѣютъ кораблей, но шиваютъ вмѣстѣ десять растянутыхъ лошадиныхъ кожъ и веревку, которая прикрѣпляется по краямъ кругомъ; они садятся на кожи, помѣщая тутъ же свои телѣги и весь багажъ. Потомъ они привязываютъ веревку на краю кожъ къ хвостамъ своихъ лошадей, которыхъ пускаютъ вплавь, и такимъ образомъ переправляются на другой берегъ». Византійскій писатель, который также говоритъ объ этомъ способѣ скиеской переправы, замѣчаетъ, что кожаные
121 мѣшки, наполненные соломой, были всегда такъ хорошо сшиты, что въ нихъ не проникала ни малѣйшая капля воды»²⁾.

«Хлѣба не употребляютъ въ пищу въ землѣ Кедаръ, но ѣдятъ рисъ и просо, сваренное въ молокѣ, а также молоко и сыръ. Они кладутъ, сверхъ того, куски мяса подъ сѣдло лошади, на которой ѣдутъ, и потомъ гонятъ ее, пока она не вспотѣетъ. Мясо дѣлается теплымъ, и они ѣдятъ его». «Печеньги и Куманы—

1) Изъ рѣчи Евстація къ Исааку Ангелу: *Eustathii oracula*, ed. Tafel, p. 44. Евстацій, кажется, имѣлъ подъ рукою рѣчь Θεοφιλάκτα: нѣкоторыя выраженія Θεοφιλάκτα повторяются буквально въ дальнѣйшемъ описаніи Кумановъ, соединившихся съ Болгарами Петра и Асѣня. [Ср. *Pselii hist.*, *Sathas Bibl.* IV, p. 247.]

2) *Nicet. Chroniat.* p. 124. (ed. Bonn.). Также *Niceph. Gregor.* I, 37.

это народъ нечистый, который употребляетъ почти сырое мясо вмѣсто пищи и кобылье молоко вмѣсто пѣтя, который ѣсть кошекъ и всякую нечистоту» — говорятъ западные источники, почти съ такимъ же чувствомъ брезгливости и отвращенія, какое выражается на страницахъ нашей первоначальной лѣтописи ¹⁾.

«Въ землѣ Кедаръ можно путешествовать только подь охраною (under escort). Вотъ способъ, которымъ сыны Кедара заключаютъ взаимное обязательство вѣрности. Путешественникъ прокалываетъ иглой свой палецъ и приглашаетъ предполагаемаго спутника сосать кровь изъ раненаго пальца. Онъ дѣлается такимъ образомъ какъ бы одной плоти и крови съ своимъ спутникомъ. Есть еще другой способъ брать клятву. Мѣдный сосудъ, имѣющій форму человѣческаго лица, наполняется молокомъ; путешественникъ и его спутникъ пьютъ изъ него и послѣ этого никогда не бываетъ измѣны.

«Куманы не имѣютъ общаго властителя (king), но только князей и благородныя фамиліи. Они живутъ въ палаткахъ, чрезвычайно дальнозорки, обладая прекрасными глазами, потому что они не ѣдятъ соли и употребляютъ извѣстныя растенія. Они — отличные стрѣлки изъ лука и убиваютъ птицъ на лету. Они замѣчаютъ и узнаютъ предметы болѣе чѣмъ на одинъ день разстоянія» ²⁾.

Таковы были тѣ страшные и свирѣпыя враги, съ которыми пришлось бороться Византійской имперіи, сокрушившей Болгарское царство.

Около половины XI столѣтія Печеньги перешли за Дунай. Это событіе, оставляемое безъ вниманія во всѣхъ новыхъ историческихъ сочиненіяхъ, имѣло громадное значеніе въ исторіи 12-го столѣтія. По своимъ послѣдствіямъ оно почти такъ же важно, какъ переходъ за Дунай западныхъ Готовъ, которымъ начинается

1) Pecenati et hii qui Falones dicuntur, crudis et immundis carnibus, utpote equinis, catinis, usque hodie vescuntur: Otton Frising. Chron., MG. SS. XX, 233 sq [Cf. Gesta Frider. ibid. p. 368.] Chumani, gens immundissima, que carnibus utebatur fere crudis pro cibo et lacte equarum et sanguine pro potu: Annales Mellicenses, MG. SS. IX, 640.

2) Venisch, Travels of Rabbi Petachia of Ratisbon. London 1856. [См. П. Марголия, Три еврейскіе путешественника XI и XII ст.: Эльдэдъ Давидъ, Р. Вениаминъ Тудельскій и Р. Петакій Регенсбургскій. С.-Петербургъ 1881.]

такъ-называемое переселеніе народовъ. Большая ошибка, особенно неумѣстная въ византійской и русской исторіи, состоитъ въ томъ, что обыкновенно опускаютъ изъ виду близкую родственную связь различныхъ турецкихъ племенъ, именуя однихъ Турками, а другихъ, какъ-бы въ отличіе, Тюрками. Между тѣмъ Печенъги и Узы или Половцы совершенно такіе же Турки, какъ и Турки-Сельджуки¹⁾. Извѣстный куманскій словарь, въ подлинности котораго не сомнѣваются новые изслѣдователи, служитъ убѣдительнымъ и нагляднымъ доказательствомъ совершеннаго сходства языка Половцевъ съ нарѣчіемъ турецко-татарскимъ²⁾.

Что касается Печенъговъ, то о нихъ византійскіе источники прямо говорятъ, что они говорили однимъ языкомъ съ Куманами или Половцами³⁾. Если бы не опускалась изъ виду единоплеменность Печенъговъ и Сельджуковъ, то безъ сомнѣнія исторія скорѣе замѣтила бы связь между переходомъ Печенъговъ за Дунай въ предѣлы Византійской имперіи и успѣхами Сельджуковъ въ Малой Азіи. Мы увидимъ, что европейское и азіатское нашествіе стремятся въ концѣ XI столѣтія подать руку одно другому. Непосредственною причиною великаго движенія съ запада на востокъ, то-есть перваго крестоваго похода, на сколько эта причина заключалась въ положеніи Восточной имперіи, были не столько завоеванія Сельджуковъ въ Азіи, сколько грозныя и страшныя массы орды Печенъжской, угрожавшей самому Константинополю.

Вообще эти движенія Печенъжской орды послѣ перехода за Дунай необходимо прослѣдить шагъ за шагомъ, во всей подробности, которая намъ доступна при существующихъ источникахъ. Не смотря на утомительное однообразіе описаній печенъжскаго грабительства и разбоя, здѣсь можно найти нѣкоторыя довольно важныя указанія и намеки для исторіи восточной Европы. Византійская политика предъ первымъ крестовымъ походомъ и въ самомъ первомъ крестовомъ походѣ не можетъ быть ясно понята безъ постояннаго вниманія къ печенъжскому вопросу. Отношенія

1) [Chronique de Michel le Syrien, Recueil des histor. des crois. Docum. ar. I, 315.]

2) Объ этомъ словарѣ см. приложение I.

3) Anna Com. I, 404 (Вопп.).

Византія къ князьямъ русскимъ, вѣроятно, получаютъ новый свѣтъ отъ болѣе подробнаго изученія исторіи Печенѣговъ и Половцевъ.

III

Въ XI столѣтіи Печенѣги, раздѣленные на 13 колѣвъ, кочевали на пространствахъ отъ береговъ Днѣпра до рѣки Дуная ¹⁾. Узы, одно изъ болѣе сильныхъ племенъ той орды, которая потомъ въ Европѣ получила названіе Куманской или Половецкой, выдвигаясь съ востока, начинали тѣснить своихъ единоплеменниковъ. Въ этой борьбѣ нѣкоторые улусы печенѣжскіе уже принуждены были откочевать къ самому Дунаю, искать убѣжища въ низменныхъ, болотистыхъ областяхъ при устьяхъ этой рѣки. Внутренніе раздоры среди орды Печенѣжской, находившіеся въ связи съ внѣшними отношеніями къ сосѣдямъ, ослабили силу нѣкогда грозныхъ кочевниковъ. Тирахъ, сынъ Килдаря, главный изъ князей Печенѣжскихъ, ради своего знатнаго происхожденія пользовавшійся уваженіемъ и нѣкоторою властію во всей ордѣ, потерялъ свой авторитетъ; его обвиняли въ слабости и трусости. Въ лицѣ Кегена явился ему опасный соперникъ; не отличаясь знатностію рода, Кегенъ приобрѣлъ славу именно въ удачныхъ схваткахъ съ Узами ²⁾.

Тирахъ питалъ въ себѣ глубокую злобу и нѣсколько разъ пытался погубить своего врага въ тайной засадѣ. Раздраженный неудачами, онъ обратился къ открытой силѣ. Отправлена была

1) [Въ Русской лѣтописи за это время неоднократно говорится о Печенѣгахъ. Последнее большое нашествіе ихъ было въ 1036 г. Лавр. лѣт. П. С. Р. Л. I, 65: Вѣсть приде ему (Ярославу), яко Печенѣзи остоятъ Кыевъ; Ярославъ събра вой много, Варягы и Словѣни, приде Кыеву и вииде въ городъ свой. И бѣ Печенѣгъ безъ числа. . . . И побѣгоша Печенѣзи разво . . . а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне. См. подъ 1060 г. (стр. 70): Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ, совокупивше вои безчислены, поидоша на конихъ и въ лодяхъ, безчислено множество, на Торкы Се слышавше Торци, убоишася. пробѣгоша и до сего дне, и помроша бѣгаючи, Божьимъ гнѣвомъ гоним. . . . Тако Богъ избави хрестьяны отъ погавыхъ]

2) Cedren. II, 583. Къ объясненію отношеній между Кегеномъ и Тирахомъ могутъ служить слова арабскаго писателя Ибнъ-Саида, цитуемаго Абульфедеою (Reinaud, Géographie d'Aboulféda II, 293): Un chef peetchénègue, qui est en état d'hostilité avec le khakan des Peetchénègues, bien que, chez cette nation, la dignité de khakan soit héréditaire et se transmette des pères aux enfants. Но каганомъ въ нашей исторіи долженъ считаться Тирахъ, а не Кегенъ (Κεγένης).

вооруженная толпа съ порученіемъ схватить и убить Кегена. Тотъ узналъ во-время о грозящей ему опасности и, скрывшись гдѣ-то въ низовьяхъ Днѣпра, избѣжалъ вѣрной гибели. Изъ своего убѣжища Кегенъ завязалъ потомъ сношенія съ своими «родичами», съ тѣмъ «колѣномъ», къ которому онъ принадлежалъ по своему происхожденію. Улусъ Белемаридовъ отпалъ, по его приглашенію, отъ общаго союза печенѣжскихъ племенъ, во главѣ котораго стоялъ Тирахъ. Этому примѣру послѣдовалъ и другой улусъ — Пагуманиды. Кегенъ располагалъ теперь достаточными силами, чтобы начать открытую междоусобную войну съ Тврахомъ, своимъ гонителемъ, подъ властью котораго оставалось, однако, 11 колѣнъ. Борьба оказалась неравною; Кегенъ былъ разбитъ и долго блуждалъ со своими улусами на простр-
124 ствѣ между устьями Днѣпра и Дуная, нигдѣ не находя безопаснаго и спокойнаго кочевья. Жажда мести томила между тѣмъ его варварскую душу.

V Онъ рѣшился искать убѣжища за Дунаемъ и предложить свои услуги византійскому императору. Съ двумя улусами, которые къ нему пристали, Кегенъ явился близъ Дерстра (Силистрии); численность пришедшей орды простиралась, говоритъ Кедринъ, до 20 тысячъ, такъ что печенѣжскія палатки совершенно покрыли одинъ изъ дунайскихъ острововъ¹⁾. Правитель придунайскихъ городовъ, по имени Михаилъ, сынъ Анастасія, въ отвѣтъ на свой запросъ получилъ отъ императора Константина Мономаха приказаніе открыть Печенѣгамъ свободный входъ въ предѣлы имперіи, снабдить ихъ съѣстными припасами, а самого Кегена, ихъ предводителя, отправить съ почетомъ въ столицу. Печенѣжскій князь былъ принятъ благосклонно при пышномъ и церемоніальномъ дворѣ Мономаха. Обласканный императоромъ, грубый и неопрятный обитатель степныхъ войлочныхъ кибитокъ получилъ благородный и славный нѣкогда титулъ римскаго патриція, такъ-же мало идущій къ нему, какъ мало шло названіе Римлянъ народу, въ число друзей и союзниковъ котораго, по старой

1) Cedren. (Bonp.), II, 582 sq. Zonar. (Bonp.) III, 641. — [О бохѣ раннихъ набѣгахъ Печенѣговъ см. Cedren. II, 483, 499, 512, 514. Zonar. III, 590.]

формуль, онъ былъ вписанъ. Новый патрицій далъ обѣщаніе отказаться отъ привольной кочевой жизни, принять христіанскую вѣру и склонить къ тому же своихъ спутниковъ, подвластныхъ ему. Печеньгамъ между тѣмъ были отведены земли въ придунайской Болгаріи; поселенные здѣсь, они должны были оберегать и защищать границы имперіи отъ нападений своихъ соплеменниковъ и не всегда дружныхъ съ Византіей князей русскихъ. Три крѣпости на берегахъ Дуная, не названныя въ источникахъ, отданы были въ руки печенѣжскихъ поселенцевъ. Принятые съ такимъ довѣріемъ, степные дикари не отказались исполнить благочестивое желаніе византійскаго императора и съ большою готовностію послѣдовали примѣру своего хана. Греческій монахъ Евѡмій, прибывшій на Дунай вмѣстѣ съ Кегеномъ, безъ труда обратилъ въ христіанство, или, по крайней мѣрѣ, окрестилъ въ дунайской водѣ цѣлыя тысячи Печенѣговъ¹⁾. Чтобъ оцѣнить этотъ успѣхъ, припомнимъ, что сорокъ лѣтъ тому назадъ католическій миссіонеръ Бруно называлъ Печенѣговъ самыми упорными и жестокими изъ всѣхъ язычниковъ, и въ продолженіе пятимѣсячной проповѣди въ степяхъ Приднѣпровья, съ большими 125 опасностями для своей жизни, успѣлъ обратить въ христіанскую вѣру не болѣе тридцати человекъ²⁾. Малое сѣмя не дало плода; вмѣстѣ съ тремя десятками новообращенныхъ, а можетъ быть и ранѣе, умерла среди Печенѣговъ всякая память о ревностномъ миссіонерѣ, скоро нашедшемъ мученическую смерть у другихъ варваровъ. Мы увидимъ, на сколько дѣйствительно было новое обращеніе.

Христіанское крещеніе, во всякомъ случаѣ, не смягчило свирѣпой души того варвара, который подалъ другимъ примѣръ обращенія. Кровная месть своему врагу оставалась главною цѣлію Кегена. Его набѣги на улусы Печенѣговъ, оставшихся подъ властію Тираха, были столько же непрерывны, сколько жестоки и кровавы. Убивая взрослыхъ безъ пощады, Кегенъ вводилъ въ

1) Cedren. II, 584. Zonar. III, 642. Attaliota (Bonn.) p. 31.

2) *Quinque menses in eo populo stetimus -circiter triginta animas christianitate facta.* Письмо св. Бруно, изданное Гильфердингомъ въ Русской Бесѣдѣ 1856, ч. I, отд. II, стр. 14 сл. [Ср. изд. Jaffé у Miklosich, Slav. Bibl. II, 307.]

плѣнь женщинъ и дѣтей, которыхъ потомъ продавалъ въ рабство. Византія ихъ покупала ¹⁾).

Тирахъ, утомленный набѣгами Кегена, обратился къ императору. Ссылаясь на мирный договоръ, когда-то заключенный Византіяцами съ Печенѣжскою ордою, ханъ требовалъ, чтобы Мономахъ отказалъ въ покровительствѣ перебѣжчику Кегену, или по крайней мѣрѣ запретилъ ему переходить на другую сторону Дуная и вредить печенѣжскимъ кочевникамъ, до сихъ поръ уважавшимъ границы имперіи. Если этого не будетъ исполнено, то варваръ грозилъ разрывомъ союзаго договора и внесеніемъ тяжкой войны въ предѣлы имперіи.

√ Константины Мономахъ, довольный раздоромъ, который укрѣплялся при его содѣйствіи среди опасной турецкой орды Печенѣговъ, громко засмѣялся въ лицо посламъ печенѣжскаго хана и гордо отвергъ ихъ требованіе ²⁾. Правитель придунайскихъ городовъ Михайлъ и перебѣжчикъ Кегенъ получили приказаніе внимательно наблюдать за переправами на Дунаѣ. Сто морскихъ судовъ были отправлены Чернымъ моремъ въ устья Дуная, чтобы вмѣстѣ съ конными разъѣздами поселенныхъ Печенѣговъ сторожить движенія Тираха и, въ случаѣ пужды, препятствовать его переходу на болгарскій берегъ рѣки. Тирахъ, глубоко раздраженный, съ нетерпѣніемъ ожидалъ удобнаго времени.

Зима 1048 года наступила ранѣе обыкновеннаго и была очень сурова. Дунай покрылся толстымъ слоемъ льда; сторожевые посты византійскіе, страдая отъ холода, ослабили свою бдительность. Тирахъ воспользовался готовыми и открытыми путями; со всею ордою, въ числѣ, говорятъ, 800.000 человекъ, онъ перебрался въ предѣлы имперіи ³⁾.

Начались страшныя сцены грабежа и разбоя. Вмѣстѣ съ извѣстіями о вступленіи въ Болгарію всей орды Печенѣжской, Константины Мономахъ получилъ донесеніе отъ Михайла и Ке-

1) Cedren. II, 584: γύνακα δὲ καὶ παῖδας ἀνδραποδίζόμενος καὶ πωλῶν τοῖς Ῥωμαίοις.

2) Cedren. II, тамъ-же.

3) Cedren. II, тамъ-же. Ср. Zonar. III, 642. Зонара не обозначаетъ цифры.

гена о неможливості протистояти нашествію съ тѣми силами, якія у нихъ были. Необходимо было отправить подкрѣпленіе. Воевода (стратигъ) Адрианопольскій, Константинъ Аріавитъ, и правитель Болгаріи, Василій Монахъ, получили приказаніе спѣшити на помощь къ Михаилу и Кегену съ военными силами своихъ провинцій. Печенѣжскій князь (Кегенъ) управлялъ военными движеніями византійской арміи и, зная пріемы и привычки своихъ соплеменниковъ и недавнихъ сокочевниковъ, сдѣлалъ имъ много вреда. Но лучшимъ союзникомъ Византіи была дикая, грубая и невоздержная натура ея враговъ. Молодое вино и славянскіе національные медовые напитки, приготовленные Болгарами¹⁾, понравились Печенѣгамъ и, употребляемые въ несоразмѣрномъ количествѣ, произвели губительное дѣйствіе. Открылись повальныя болѣзни. Эпидемическая дисентерія производила ежедневно страшныя опустошенія въ печенѣжскихъ массахъ²⁾).

Кегенъ узналъ о бѣдственномъ положеніи соплеменниковъ и склонилъ своихъ теперешнихъ товарищей, греческихъ воеводъ, въ виду вражескаго многочисленія соблюдавшихъ робкую осторожность, къ рѣшительному удару. Византійскія силы двинулись впередъ; Печенѣги, упавшіе духомъ, не въ силахъ были противопоставить какое-либо сопротивленіе. Они побросали оружіе; Тирахъ съ прочими князьями, а затѣмъ и вся остальная масса, отдались въ плѣнъ Византійцамъ. ✓

Кегенъ совѣтовалъ перерѣзать всѣхъ плѣнниковъ, прикрывая дикую жажду мести заботами объ интересахъ усыновившей его имперіи. Онъ говорилъ: змѣю всего лучше убьешь зимою, когда она не можетъ пошевелить своимъ хвостомъ, а когда она отогрѣется на солнцѣ, то это будетъ хлопотливо и трудно. Византійскій историкъ³⁾ считаетъ не лишнимъ отдать честь глубокому смыслу варварскаго аполога. Но воеводы Константина Мономаха послѣдовали болѣе утонченнымъ и болѣе мягкимъ внушеніямъ византійской государственной мудрости. Болгарія, которая еще не оправилась послѣ ужаснаго погрома при Васи́лѣ II,

1) Cedren. II, тамъ-же.

2) Attaliota p. 30. Cedren. II, 586. Ср. Zonar. III, 643.

3) Cedren. II, 587.

представляла много пустыхъ, не заселенныхъ земель¹⁾. Византійская казна сильно нуждалась въ исправныхъ плательщикахъ поземельнаго налога, а византійская армія—въ хорошей конницѣ. Последняя потребность была особенно настоятельна въ настоящій моментъ, когда Турки-Сельджуки уже начинали свои завоеванія въ восточныхъ провинціяхъ имперіи. Голоса византійскихъ воеводъ взяли верхъ надъ кровожадными требованіями мстительнаго Печенѣга. Кегенъ могъ располагать судьбою только тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые попали въ плѣнъ къ нему самому. Онъ перерѣзалъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ не успѣлъ продать въ рабство. Но большинство плѣнниковъ, цѣлые десятки тысячъ Печенѣговъ были поселены Василіемъ Мономахомъ въ Болгаріи, состоявшей подъ его управленіемъ, главнымъ образомъ около Срѣдца (Сардики), Ниша и Евцапела²⁾, но также и въ другихъ мѣстахъ. Оружіе было, разумѣется, отобрано. Тирахъ и сто сорокъ знатныхъ Печенѣговъ отведены въ столицу; Константинъ Мономахъ велѣлъ ихъ окрестить и потомъ далъ имъ надлежащіе чины и титулы византійской табели о рангахъ³⁾.

Служба Печенѣговъ скоро понадобилась. Сельджукскій султанъ Тогриль-бей (Тогрульбегъ) грозилъ новымъ нападеніемъ византійскимъ владѣніямъ въ Азіи. По этому поводу пятнадцать тысячъ печенѣжскихъ коняковъ были отправлены къ греческой арміи, стоявшей на армянской границѣ. Отпуская Печенѣговъ, Константинъ Мономахъ надѣлилъ ихъ щедрыми подарками, богатымъ оружіемъ и статными конями. Четверо печенѣжскихъ князей, находившихся въ Константинополѣ, были поставлены во главѣ отряда. Исторія сохранила имена ихъ: это были Сульчу (Σουλτζούς), Селтѣ, Карамá и Каталимъ⁴⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ прямо напоминаютъ о родствѣ Печенѣговъ съ тѣмъ турецкимъ племенемъ, противъ котораго ихъ посылали. Но ошибка византійскаго правительства состояла не только въ томъ, что

1) Zonar III, 643.

2) (Относительно Евцапела см С. Jireček, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel, Prag 1877, стр. 70: Овѣропје. Ср. А сropolis. р. 84: Νεοστίνπολις. Ерhгаem. vers. 8516: Εὐτζάπολις.)

3) Cedren. II, 587. Zonar. III, 643. Attalios. р. 81.

4) Cedren. II, 588.

оно посылало противъ Турокъ близкое и родственное имъ войско. Съ совершенно близорукою неосмотрительностью Печеньги были отправлены въ походъ цѣлою массою, безъ всякой греческой силы, способной наблюдать за ними и обуздывать ихъ.

Въ Скутари (Хрисополѣ) Печеньги сѣли на лошадей и вспо- 128
мнили свою привольную жизнь въ степяхъ Черноморья. Конь, открытое пространство, война и грабежъ, все это они опять имѣли предъ собою. Но ощущение приволья смущалось мыслию о необходимости подчиняться чужимъ приказаніямъ, воспомина- ніемъ о братьяхъ, оставшихся въ далекой Болгаріи. Недовѣріе къ византійскимъ властямъ и провожатымъ, смутныя опасенія о дальнемъ пути въ неизвѣстныя страны усилили пробудившуюся тревогу. Она разрѣшилась въ неожиданномъ, произвольномъ, инстинктивномъ порывѣ. Около города Даматри, въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Скутари, въ печенѣжскомъ отрядѣ произошло волненіе, послѣдовала остановка, вслѣдъ за тѣмъ самъ собою составилъ коментъ (вѣче)¹⁾. Совѣщаніе было бурное, и голоса раздѣлились. Одни кричали, что нужно идти далѣе, что необходимо слушаться царя, во владѣніяхъ котораго они находятся; отдѣленные отъ всякихъ сообщеній со своими единоплеменниками, Печеньги не довольно многочисленны, чтобъ устоять противъ греческихъ силъ, которыя преграждаютъ имъ обратный путь. Другіе ничего не хотѣли слышать о дальнѣйшемъ походѣ въ Грузію; нужно остаться въ этой самой странѣ, гдѣ уже они находились, овладѣть ею и защищаться здѣсь отъ нападений византійскаго императора. Если бы принято было послѣднее мнѣ-

1) Cedren. II, 588: καὶ σπάντες ἐπὶ τῆς ὁδοῦ συμβουλὴν προετίθεσαν, ἣτις παρ' αὐτοῖς κομέντων ὠνόμασται. Томашекъ (въ рецензій на книгу Реслера «Romantische Studien» въ Zeitschrift für Oesterreich. Gymnas. 1872, zweites Heft, S. 149) производитъ слово коментъ отъ валашскаго kuwintu — слово, рѣчь, совѣщаніе. Онъ хочетъ доказать, что Печеньги заимствовали это слово отъ своихъ данниковъ Валаховъ, а не наоборотъ (ср. Rosler, S. 124). Но Томашекъ забылъ, что это слово встрѣчается еще у Льва Діакона: Святославъ, въ арміи котораго было много Печенѣговъ, собираетъ коментъ. Ср. стр. 150: βουλὴν ὁ Σφενδοθάλιος τῶν ἀρίστων ἐχάδιζεν, ἣν καὶ κομέντων τῇ σφετέρῳ διαλέκτῳ φασίν. [Ср. Theophan. ed de Boor I, 170, 9: κομέντων γενέσθαι; 170, 12 ἐν τῷ κομέντῳ; 433: κομέντων ποιήσαντες. Conat. Porphyg. De cerem. I, 422: σιλέντων καὶ κομέντων. См. II, 438, прим. Рейске: κομέντων, ita pro conventum ascribent olim et propuntiant] — См. Бруно въ своемъ письмѣ также говоритъ о печенѣжскомъ коментѣ, concilium.

віе, то, быть можетъ, мы имѣли бы въ исторіи однимъ любопытнымъ явленіемъ болѣе: Печенѣжское государство въ Вѣнціи, въ виду Константинополя. Къ счастью, не было принято ни то, ни другое мнѣвіе, а восторжествовало третье. Одинъ изъ печенѣжскихъ предводителей, прісланныхъ изъ Константинополя, Каталимъ, предложилъ воротиться назадъ, къ единоплеменникамъ, оставшимся въ Болгаріи, и увлекъ за собою разгоряченную толпу, которая подъ его предводительствомъ обратно направлялась къ морскому берегу. Кораблей, на которыхъ были перевезены Печенѣги, здѣсь болѣе не нашлось. Но Каталимъ не смутился и закричалъ своимъ спутникамъ, что кто хочетъ спасенія себѣ и Печенѣгамъ, тотъ пусть слѣдуетъ его примѣру: вслѣдъ затѣмъ, прищпоривъ коня, подареннаго Константиномъ Мономахомъ, бросился въ воду Босфора. Отчаянный поступокъ привелъ было въ недоумѣніе толпу наѣздниковъ, остановившихся на берегу пролива. Но сейчасъ же нашлось нѣсколько отважныхъ дикарей, которые, очертя голову, поплыли на лошадяхъ за своимъ вождемъ, за ними послѣдовали другіе и, наконецъ, вся толпа. Босфоръ вовсе не представляетъ такого широкаго воднаго пространства (въ узкихъ мѣстахъ не болѣе 500 метровъ), котораго не могла бы переплыть хорошая лошадь. Импровизированная переправа совершилась благополучно. На другомъ берегу Босфора, у св. Тарасія¹⁾ — церковь въ предмѣстьяхъ Константинополя — Печенѣги вышлыли на берегъ. Дальнѣйшій путь они направили къ Срѣдцу, туда, гдѣ поселены были ихъ единоплеменники, принужденные теперь заниматься земледѣліемъ. Никакого сопротивленія они не встрѣтили на своемъ походѣ: до такой степени неожиданно было ихъ появленіе на свропейскомъ берегу и такъ быстро было ихъ движеніе. Послѣ прибытія въ Болгарію, Каталимъ и его товарищи безъ труда подняли тамъ печенѣжскихъ поселенцевъ, еще не привыкшихъ къ осѣдлой жизни. Косы и серпы, розданные правительствомъ, либо купленные у сосѣдей Болгаръ пріучавшимися къ деревенскому хозяйству Печенѣгами, замѣнили теперь отобранное оружіе. Вслѣдъ затѣмъ окрестности

1) [См Dethier, Der Bosphor und Constantinopel, Wien 1876, стр. 70. Σχ. Βυζαντίου, Ἡ Κωνσταντινούπολις, II, стр. 180]

Срѣдца и Нѣша снова опустѣли. Печеньги направились мимо Филиппополя къ Балканамъ, прошли горными проходами и остановились въ придунайскихъ областяхъ, близъ устьевъ рѣки Осмы. Только одинъ Селтѣ основался было со своимъ улусомъ ближе къ Балканамъ, близъ теперешней Ловчи, на той же рѣкѣ Осмѣ; но Ариантъ, двинувшійся со своимъ македонскимъ корпусомъ вслѣдъ за ушедшими Печеньгами, принудилъ его отступить далѣе на сѣверъ, къ товарищамъ. Всѣ виѣстѣ печенѣжскіе князья отыскали потомъ удобную для кочевья равнину между Балканами и Дунаемъ; она открывалась къ морю и была богата лѣсомъ, водой и пастбищами. Туземцы называли мѣстность «Сто Холмовъ»¹⁾.

Подданные Константина Мономаха и, прежде всего, жители придунайской Болгаріи тяжело заплатились за ошибки своего императора. Степные хищники не остались спокойными на мѣстахъ своего новаго поселенія. Всѣ сосѣднія области много терпѣли отъ ихъ набѣговъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ искалъ средствъ поправить свою ошибку и призвалъ въ столицу, для совѣщанія, Кегена, который оставался вѣрнымъ византійскому правительству. Печенѣжскій князь прибылъ вооруженнымъ со своимъ улусомъ и расположился внѣ городскихъ стѣнъ, на равнинѣ, называвшейся Майданомъ (Μαϊτας). Но прежде чѣмъ Кегень успѣлъ явиться во дворецъ и узнать, зачѣмъ онъ призванъ, съ нимъ случилось бѣдственное происшествіе, едва не стоившее ему жизни. Ночью пробрался въ его палатку три Печенѣга, посланные, вѣроятно, его смертельнымъ врагомъ Тирахомъ. Замѣченные тѣлохранителями князя, они все-таки успѣли нанести нѣсколько ударовъ спящему Кегену, къ счастью, оказавшихся потомъ не смертельными. Въ печенѣжскомъ лагерѣ поднялось смятеніе; убійцы, которые спѣшили спастись бѣгствомъ, были пойманы и приведены къ сыну Кегена, Балтчару. Балтчаръ не рѣшился произвести съ ними немедленную расправу согласно съ обычаями кровной мести, такъ какъ убійцы требовали себѣ суда предъ императоромъ. Утромъ слѣдующаго дня по улицамъ Константинополя потянулась необычайная процессія. Впереди ѣхала

1) Cedren. II, 589—590. Zonar. III, 643—644.

четырехколесная телѣга, въ которой лежалъ раненый Кегенъ; къ ней были привязаны злодѣи, покусившіеся на его жизнь; да-
 лѣе позади шли пѣшкомъ двое братьевъ, сыновья Кегена, ихъ
 сопровождали на коняхъ тысячи Печенѣговъ. Процессія остано-
 вилась у дворца императорскаго. Константинъ Мономахъ, пред-
 увѣдомленный о причинѣ уличнаго шума, велѣлъ ввести къ себѣ
 старшаго сына Кегенова и, зная обычай кровной мести у вар-
 варовъ, спросилъ его, почему онъ не умертвилъ тотчасъ же зло-
 дѣевъ, покусившихся на жизнь его отца. Балтчаръ отвѣтилъ,
 что этого не сдѣлано изъ уваженія къ имени императора, кото-
 рое было произнесено преступниками. Мономахъ велѣлъ при-
 вести къ себѣ узниковъ и самъ допрашивалъ ихъ о побужденіяхъ
 къ убійству «римскаго патріція». Варвары отвѣчали, что они
 хотѣли сдѣлать это изъ преданности къ императору; они узнали,
 что Кегенъ замышлялъ зло противъ его особы, что онъ хотѣлъ
 утромъ этого дня войти въ столицу, перебить всѣхъ ея жите-
 лей, ограбить ея сокровища и бѣжать за Балканы къ взбунто-
 вавшимся улусамъ. Грубая выдумка печенѣжскихъ варваровъ
 встрѣтилась съ утонченною подозрительностію хитрой Византіи
 и нашла себѣ благосклонный приѣмъ. Преступники были взяты
 изъ рукъ Печенѣговъ и послѣ тайкомъ отпущены на волю; Ке-
 131 генъ, подъ предлогомъ излѣченія его ранъ, запертъ въ одномъ
 изъ императорскихъ дворцовъ и разлученъ со своими сыновьями,
 которые въ свою очередь также содержались подъ арестомъ въ
 разныхъ мѣстахъ. Печенѣги не вѣрили византійскому врачебному
 искусству, чувствовали себя незовко и тѣсно вблизи столицъ и
 тосковали по своимъ степямъ. Напрасно Мономахъ старался усы-
 пить ихъ подозрительность виномъ, которое отпускали имъ въ
 щедромъ количествѣ, и примирить ихъ съ собою роскошными
 яствами, которыми кормили ихъ въ изобиліи. Когда, по его
 приказанію, сдѣлана была попытка потихоньку отобрать у Пече-
 нѣговъ оружіе и коней, вся орда Кегенова ночью снялась съ
 своего лагеря и ускакала по направленію на сѣверъ. На третій
 день она уже была за Балканами, гдѣ соединилась съ прочими
 ея соплеменниками ¹⁾. По дорогѣ, теперь уже хорошо знаемой,

1) Cedren. II, 598—596.

Печеньги скоро воротились и, раскинувъ свои кочевья при подошвѣ Балканъ, ближе къ Адрианополю, пачали опустошительныя набѣги на города и села Фракійскаго округа. Константинъ Ариантъ, Адрианопольскій воевода, пошелъ на нихъ съ своимъ ополченіемъ, но былъ разбитъ на голову при крѣпости Діамполѣ (Jamboli) близъ балканскихъ проходовъ. Константинъ Мономахъ принужденъ былъ вызвать свои военныя силы изъ Азіи, гдѣ Турки-Сельджуки оставили на короткое время въ покоѣ византійскія владѣнія, чтобъ овладѣть столицею халифата Багдадомъ. Въ ожиданіи, когда соберется вся его армія, Мономахъ сдѣлалъ еще разъ попытку склонить Печеньговъ къ покорности или, по крайней мѣрѣ, къ дружелюбному соглашенію. Въ Константинополѣ оставались еще Тирахъ и нѣскольکو князей печенѣжскихъ, задержанныхъ здѣсь съ 1048 года. Осыпанные богатыми дарами, обвадеженные еще большими милостями въ будущемъ, они были отправлены въ печенѣжскія кочевья съ порученіемъ уговаривать своихъ соплеменниковъ къ примиренію съ византійскимъ императоромъ и съ клятвеннымъ обязательствомъ во всякомъ случаѣ воротиться назадъ. Но въ родныхъ вѣжахъ Печеньги забыли свои обѣщанія, отреклись отъ христіанскаго креста, на которомъ клялись, и отъ самаго крещенія. Византійцы увидѣли Тираха во главѣ печенѣжской конницы, когда ихъ полки собрались, и дѣло дошло до борьбы въ открытомъ полѣ. Ополченія «восточныхъ» округовъ подъ главнымъ начальствомъ евнуха Никифора, который былъ нѣкогда домашнимъ священникомъ у Мономаха, потомъ покинулъ служеніе алтарю ради мірскаго славолюбія и носилъ теперь званіе ректора и стратопедарха ¹⁾, 132 и сверхъ того отряды наемныхъ Франковъ съ ихъ предводителемъ Ервѣ (Hervé, *Ἐρβέριος*) прибыли изъ Азіи. Черезъ такъ называемый Желѣзный заборъ (кисура) Византійцы перешли за Балканы и расположились въ мѣстности, носившей названіе Діакене (*Διακηνέ*, *Indja-kevi*) ²⁾ неподалеку отъ Ста-Холмовъ, гдѣ были главныя становища Печеньговъ. Военственный евнухъ Никифоръ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и боялся только одного:

1) Cedren. II, 593.

2) [Ср. *Διακηνά* въ *Manuelis Philae Carmina* ed. E. Miller II, 249.]

какъ бы Печеньги не разбѣжались преждевременно; ему хотѣлось захватить ихъ всѣхъ разомъ. Такія надежды раздѣляла вся византійская армія, которая даже запаслась веревками и ремнями, чтобы вязать плѣнныхъ Печеньговъ ¹⁾. Византійская кичливость была наказана самымъ чувствительнымъ образомъ: Печеньги, оградившись кругомъ своими телѣгами, отбили два нападенія Византійцевъ, осыпая ихъ сверху градомъ стрѣлъ, мѣтко пускаемыхъ ²⁾, а затѣмъ сами перешли въ наступленіе. Византійская армія не устояла, ея вожди первые показали примѣръ бѣгства. Пораженіе было страшное, множество убитыхъ осталось на мѣстѣ битвы, остатки разбитой арміи Никифора едва нашли себѣ спасеніе въ лѣсахъ и ущельяхъ Балканскихъ горъ ³⁾.

Послѣ этого никто не мѣшалъ Печеньгамъ грабить и разорять Македонскую провинцію; два или три раза они возвращались въ свои палатки, отягченные богатою добычею. Такъ прошло время отъ осени 1049 года до наступленія слѣдующаго лѣта. 8-го іюня 1050 года Печеньги явились подъ Адрианополемъ, гдѣ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, снова собрались значительныя силы подъ начальствомъ Константина Арианита. Наученный опытомъ, Адрианопольскій воевода хотѣлъ соблюдать самую большую осторожность. Онъ не выходилъ изъ-за рововъ и окоповъ, которыми огражденъ былъ его укрѣпленный лагерь, и располагалъ напасть на Печеньговъ только тогда, какъ ихъ пылъ остынетъ и силы утомятся въ напрасныхъ попыткахъ противъ неприступной позиціи. Это былъ, нужно думать, самый благоразумный образъ дѣйствія противъ нетерпѣливыхъ варваровъ. Но плавъ былъ разрушенъ своевольною и неумѣстною отвагой одного изъ второстепенныхъ начальниковъ. Не дожидаясь позволенія главнаго вождя, онъ вышелъ изъ окоповъ и завязалъ сраженіе. Печеньжская конница, какъ вихрь, накинута на византійскую пѣхоту и смяла ее. Константинъ Арианитъ, чтобы спасти стѣсненный отрядъ отъ несомнѣнной гибели, поспѣшилъ на помощь подчиненному, нарушившему требованія

1) Cedren. II, 598.

2) Attaliota p. 32.

3) Attaliota p. 33. Ср. Cedren. II, 599.

дисциплины. Общее сраженіе завязалось въ Адрианопольскихъ предмѣстьяхъ, на вспаханныхъ поляхъ и среди виноградниковъ¹⁾. Византійцы были обращены въ бѣгство, при чемъ оставили множество убитыхъ на мѣстѣ сраженія. Самъ главный воевода Константинъ, очевидно, самый способный въ средѣ вождей Мономаха, тяжело раненый, попался въ плѣнъ Печенѣгамъ и за покушеніе на жизнь ихъ князя, сдѣланное въ порывѣ болѣзненнаго раздраженія, погибъ мучительною смертію²⁾. Уцѣлѣвшая часть разбитаго войска спаслась за окопами, которыхъ не слѣдовало оставлять, и должна была здѣсь выдержать осаду. Печенѣги пытались завалить ровъ камнями и вѣтвями порубленныхъ виноградниковъ. Быть можетъ, они и успѣли бы взять лагерь; но счастливый случай, направившій ударъ греческой катапульты въ одного изъ князей печенѣжскихъ Сулчу, спасъ Грековъ отъ этой опасности. Ошеломленные смертію своего предводителя, услышавъ въ то же время о приближеніи болгарскаго ополченія, Печенѣги, снявъ осаду, разсѣялись. За то ихъ разбойническія шайки стали появляться въ разныхъ мѣстахъ Македоніи и Фракіи, вездѣ оставляя за собою страшные слѣды. Опустошая поля, сожигая села, уводя въ плѣнъ или избивая жителей, Печенѣги не щадили самыхъ дѣтей и звѣрски умерщвляли ихъ, отнимая отъ материнской груди³⁾. Нѣкоторые дерзкіе отряды доходили почти до самыхъ стѣнъ Константинополя. Мономахъ принялъ, наконецъ, такъ близко къ сердцу бѣдствія своихъ подданныхъ, какъ это за нимъ не всегда водилось. Онъ собирался лично стать во главѣ своей гвардіи, чтобъ биться съ врагами, и только жестокая подагра, слѣдствіе невоздержной жизни, заставила его остаться въ креслахъ, въ которыхъ онъ съ нѣкотораго времени сидѣлъ неподвижно⁴⁾.

Противъ печенѣжскихъ наѣздяковъ, подошедшихъ къ столицѣ, вмѣсто больного императора, отправился одинъ изъ спальныхъ евнуховъ императрицы Зои, патрицій Іоаннъ, по прозва-

1) [Jireček, Heerstrasse, стр. 100.]

2) Attaliota p. 84. Cedren. II, 601. У Кедрина небольшое размогласіе съ первымъ источникомъ.

3) Cedren. II, 603.

4) Attaliota p. 85.

нію Философъ, принявъ начальство надъ императорскими тѣлохранителями и дворцовою прислугой. Евнухъ нашелъ Печень-
 184 говъ недалеко отъ Константинополя, напалъ на враговъ, когда они спали непробуднымъ сномъ, и перерѣзалъ всѣхъ ихъ. На крестьянскихъ телѣгахъ привезены были груды печенѣжскихъ головъ въ столицу и представлены императору ¹⁾. Самымъ лучшимъ и единственно возможнымъ средствомъ для защиты обѣихъ провинцій Македоніи и Фракіи пока былъ признанъ слѣдующій способъ веденія войны. Византійская армія засѣла по крѣпостямъ. Когда Печеньги разсыпались въ окрестностяхъ для грабежа, или еще лучше когда они, обремененные затруднительною тяжестью добычи, возвращались назадъ, тогда только византійскіе отряды выходили изъ своихъ укрѣпленій и отнимали награбленное богатство, не всегда отдавая его обратно въ руки пострадавшихъ жителей ²⁾. Еще разъ прибѣгъ Константинъ Мономахъ къ средству, которое уже было испытано и оказалось совершенно непригоднымъ. Изъ всѣхъ печенѣжскихъ князей, принятыхъ въ византійское подданство около 1048 года, оставался въ Константинополѣ одинъ Кегенъ, палѣжившійся отъ ранъ, но содержимый подъ стражею со времени извѣстнаго покушенія на его жизнь. Онъ былъ выпущенъ на свободу и отправленъ къ Печенѣгамъ, чтобъ уговорить ихъ къ миру, или, по крайней мѣрѣ, отвлечь отъ общаго печенѣжскаго союза Пагуманидовъ и Белемарнидовъ, нѣкогда признававшихъ его власть. Заподозрѣнный въ предѣ Мономахомъ, Кегенъ, повидимому, хотѣлъ исполнить свое обѣщаніе добросовѣстно. Но у него было много враговъ, которые давно искали его гибели. Заманивъ къ себѣ Кегена обманомъ, приверженцы Твраха убили его и разсѣкли трупъ его на мелкія части ³⁾.

Необходимы были мѣры болѣе рѣшительныя и болѣе дѣйствительныя. Вызваны были изъ Азіи послѣднія греческія силы, тамъ оставшіяся, мѣстныя ополченія округа Телухъ, Черной горы и проч. Это были, по своему вооруженію, конные стрѣлки,

1) Cedren. II, 603.

2) Attaliota p. 95.

3) Cedren. II, 603.

слѣдовательно, самое цѣлесообразное войско въ борьбѣ съ дикими кочевниками. Всего набралось до 20 тысячъ. Принявъ главное начальство надъ этими силами, Никифоръ Врѣнній, будущій претендентъ на императорскій престолъ, долженъ былъ обуздывать дерзость печенѣжскихъ шаекъ, не вступая въ рѣшительное сраженіе. Между тѣмъ какъ Врѣнній довольно удачно исполнялъ свою задачу въ Адрианопольской области, въ то самое время сосредоточены были на югѣ западныя силы, посланы въ поле Варяги и Франки, подъ начальствомъ патриція Михаила, который носилъ званіе аколуса, то-есть главнаго начальника варяжскихъ дружинъ¹⁾. Несмотря на дѣйствія Врѣннія на сѣверѣ, все пространство на юго-востокъ отъ Адрианополя до рѣки Ергена (Еркенѣ) было наполнено печенѣжскими разбѣздами; они опустошали окрестности Аркадіополя (теперь Люле-Бургасъ) и Халкиды и проникали еще далѣе. Михаилъ Аколусъ расположился лагеремъ въ Харіуполѣ, въ укрѣпленіи, находившемся въ суточномъ разстояніи отъ приморскаго города Родосто. Черезъ нѣсколько времени и здѣсь появились Печенѣги. Безпечность варваровъ простиралась до того, что они спокойно расположились для отдыха вблизи византійскихъ силъ, давая знать о начавшемся веселомъ пирѣ игрою на свирѣляхъ и цимбалахъ²⁾. Ночью Михаилъ напалъ на нихъ и безъ труда истребилъ большую часть ихъ шайки³⁾. Это навело нѣкоторый страхъ на Печенѣговъ, которые уже привыкли грабить безнаказанно.

Въ Адрианополѣ Михаилъ соединился съ Врѣнніемъ, и оба направились къ сѣверу, очищая провинцію отъ загоновъ печенѣжскихъ, разсѣявшихся повсюду. Имъ удалось настигнуть двѣ значительныя шайки: одну при Топлицѣ, недалеко отъ Адрианополя, на рѣкѣ Марицѣ, и потомъ другую при Галоѣ, уже вблизи Балканскаго хребта, и разбить ихъ на голову⁴⁾. Печенѣги были

1) [Ср. Cedren II, 606.]

2) Cedren. II, 604.

3) Attaliota p. 36. Cedren II, 604.

4) Attaliota p. 36: Τοπλιτζόν, τόπος δὲ οὗτος οὐ μικρὸν ἀπέθεν τῆς Ἀνδρινοπολεως. Ср. Cedren. II, 604: φρούριον - - παρὰ τὸν "Εβρον. Кедринъ говоритъ о стычкѣ при Топлицѣ прежде случая подъ Харіуполемъ и вообще представляетъ событія нѣсколько иначе, чѣмъ Attaliota. Мы слѣдуемъ болѣе послѣднему, такъ какъ это самостоятельный писатель, а Кедринъ — компиляторъ не всегда искусный.

прогнаны за Балканы; ихъ дерзость была пѣсколько обуздана. Хотя они продолжали дѣлать набѣги на область Адрианопольскую, по по крайней мѣрѣ съ большою осторожностію, чѣмъ прежде¹⁾. Такъ прошли 1051 и 1052 годы.

Чтобы прекратить тягостные набѣги Печенѣговъ, чтобы возвратить Византіи ея придунайскія владѣнія, Константинъ Мономахъ велѣлъ (въ 1053 году) своимъ воеводамъ перейти
136 Балканы. Тотъ же самый аколугъ Михайлъ и знакомый намъ Василій Момахъ, правитель Болгаріи, имѣвшій свое мѣстопробываніе въ Нишѣ, перешли съ своимъ войскомъ горные проходы и при Великомъ Прѣславѣ (у нынѣшняго Ески-Стамбула, близъ Шумлы) основали лагерь, укрѣпленный глубокимъ ровомъ и палисадомъ. Византійская армія скоро была окружена здѣсь полчищами Печенѣговъ и подверглась полной осадѣ. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, начинающійся голодъ заставилъ воеводъ рѣшиться на отступление, которое должно было совершиться подъ покровомъ ночной темноты. Но движеніе Византійцевъ было открыто Печенѣгами, и путь былъ прегражденъ. Въ страшномъ ночномъ побоищѣ смятые полки византійскіе почти безъ сопротивленія были истреблены варварами: въ числѣ убитыхъ находился и правитель Болгаріи синкеллъ Василій; только небольшая часть успѣла какъ-то добраться до Адрианополя. Всѣ плоды прежнихъ побѣдъ были потеряны. Огорченный императоръ хотѣлъ набирать новую армію, но ему посовѣтовали отказаться отъ дальнѣйшей борьбы съ Печенѣгами: Богу, очевидно, не угодно, чтобы кѣмъ бы то ни было уничтоженъ былъ одинъ изъ языковъ, существующихъ въ извѣстномъ числѣ по его волѣ²⁾. Такъ въ благочестивой гордости утѣшали себя Византійцы, принужденные покупать у варваровъ миръ дорогою цѣною. Смягченные щедрыми дарами, Печенѣги обязались въ продолженіе тридцати лѣтъ спокойно жить въ занятыхъ ими областяхъ, не переходя за Балканы безъ призыва. Ихъ князья приняты были въ число чиновъ Константинопольскаго двора.

1) Cedren. II, 604: οὐκ ἀνέτως - - ἄλλὰ μετὰ φειδοῦς.

2) Attalota p. 43: ὡς τὸ θεῖον οὐκ ἐπινεύει τὸ εἶδος ἡβηδὸν καταχευτηθῆναι καὶ γλῶσσαν μίαν τῶν ἀπηρεθιμμένων σχολάσαι.

Съ тѣхъ поръ мы не слышимъ о Печенѣгахъ до 1059 года. Въ этомъ году они, какъ выражается византійскій историкъ, выползли изъ норъ, въ которыхъ скрывались¹⁾, и снова начали опустошать греческія области — едва-ли не по наущенію короля венгерскаго Андрея (1046 — 1061), который въ то же самое время разорвалъ мирный договоръ съ Византіей и началъ враждебныя дѣйствія. Но Венгрія скоро примирилась съ имперіей. Венгерскіе послы встрѣтили императора Исаака (Комнина) въ Срѣдцѣ (Сардикѣ, Софія), куда онъ прибылъ со своею арміей. Миръ былъ возстановленъ на условіяхъ намъ неизвѣстныхъ. Послѣ того Исаакъ направился къ востоку, за Балканы, для усмиренія Печенѣговъ. На этотъ разъ они почти не противопоставили ни- 137
какого отпора. Между князьями отдѣльныхъ печенѣжскихъ колѣнъ не было единодушія и согласія; одинъ за другимъ они признали надъ собою власть византійскаго императора и обѣщались сохранить вѣрность²⁾. Только Селтѣ, извѣстный намъ по знаменитой переправѣ чрезъ Босфоръ, не хотѣлъ покориться, надѣясь на неприступное положеніе своего убѣжища, которое онъ нашелъ себѣ на берегу Дуная на какой-то скалѣ. Варваръ дошелъ до такой дерзости, что не побоялся выйти въ открытое поле противъ всѣхъ силъ императора. Онъ былъ скоро наказанъ за свою смѣлость. Разбитый на голову высланнымъ противъ него отрядомъ, Селтѣ избѣжалъ плѣна только въ густыхъ лѣсахъ около Дуная; его укрѣпленіе было занято византійскимъ гарнизономъ. Императоръ Исаакъ съ торжествомъ возвратился назадъ. Но на возвратномъ пути его армія страшно пострадала отъ дождей, бурь, града и разлива рѣки Осмы, чрезъ которую, близъ Ловчи, ему пришлось переправиться³⁾.

1) Scylitz. p. 645.

2) Attaliota p. 66: Τῶν δὲ πρὸς ἧλιον θυνοῦσα Σαυροματῶν ταραττομένων, σὺν αὐτοῖς δὲ καὶ τῶν περὶ τὸν Ἰετρον Σχυθῶν. p. 67: κατὰ κλήσας τοὺς Σαυρομάτας. У Скилицы (p. 645) и Зонары (III, 612) вмѣсто Сарматовъ: Οὐγγῶν—Οὐγγῆρων. Атталиота и въ другихъ мѣстахъ (p. 97 sq.) называетъ Мадьяръ Сарматами. Но у Анны Комниной, которая тоже упоминаетъ о походѣ Исаака, — другая терминологія: см. I, 166. Мадьяры у нея называются Даками (ср. I, 331 и конецъ договора съ Боемундомъ, II, 246), а вмѣсто Печенѣговъ Атталиоты и Скилицы называютъ Сарматы (Σαυρομάτας), что въ другихъ мѣстахъ у нея означаетъ Узовъ (см. I, 844 и ср. I, 254). Увы же, мы увидимъ, и у Скилицы смѣшиваются съ Печенѣгами.

3) Attaliota p. 67 sq. Cedren. II, 646. Zonar. III, 672. Анна Комн. I, 166.

Походъ Исаака Комнина имѣлъ, повидимому, болѣе важное значеніе, чѣмъ это можно заключать изъ краткихъ и неполныхъ извѣстій, сообщаемыхъ источниками. Слѣдствіемъ его было возстановленіе византійской власти на Дунаѣ. Магистръ Василій Апокаль и Никифоръ Вотаниать, будущій императоръ, оставлены были начальниками придунайскихъ городовъ. Печенѣги, живя среди болгарскаго населенія подъ управленіемъ своихъ родовыхъ князей, признавая въ то же время верховныя права имперіи, не могли, конечно, сдѣлаться вдругъ осѣдлыми и спокойными подданными. Время отъ времени ихъ бродячія шайки пускались грабить своихъ сосѣдей и не церемонились выходить изъ границъ, имъ указанныхъ для кочевья¹⁾. Но если бы не было прилива новыхъ сродныхъ элементовъ изъ-за Дуная, то хотя мало по 138 малу еще можно было приучать Печенѣговъ къ нѣкоторой осѣдлости, можно было внушить имъ уваженіе къ авторитету Константинопольской власти.

Между тѣмъ на Дунаѣ тѣснились уже новыя толпы турецкихъ кочевниковъ, двигавшіяся по слѣдамъ Печенѣговъ, ушедшихъ отъ нихъ въ предѣлы Византійской имперіи.

III.

Въ сентябрѣ 1064 года Узы явились на Дунаѣ²⁾. Это было настоящее переселеніе; цѣлое племя, въ числѣ 600 тысячъ³⁾, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ, толпилось на лѣвомъ берегу рѣки. Всѣ усилія воспрепятствовать ихъ переправѣ были напрасны. На челнокахъ, выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ, на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ соломой, Узы перешли на византійскій берегъ. Болгары и Греки, которые хотѣли

1) Attaliota p. 83.

2) [О поражениі, нанесенномъ «Торкамъ» въ 1060 г. русскими князьями, говорится въ Лавр. лѣт. П. С. Р. Л. I, 70.]

3) Attaliota p. 83: συνεφύριζετο γὰρ τὸ ἔθνος εἰς ἑξήκοντα μυριάδας ἀνδρῶν. Scylitz. p. 654 (въ концѣ) — беретъ эту цифру у Атталиоты, который служитъ ему болѣе чѣмъ источникомъ. Зонара III, 678, написалъ, правда: ἑξήκοντα χιλιάδας, но и онъ точно также сокращаетъ первоначальный рассказъ Атталиоты: въ виду того, что у самого Атталиоты говорится о мириадахъ и это же слово повторено у Скилицы, отступленіе Зонары можетъ быть объяснено только его невнимательностію.

удержать ихъ, были разбиты; двое сановниковъ императорскихъ попались въ плѣнъ. Дунайская равнина была во власти страшной орды. Скоро наводнила она болѣе отдаленныя области имперіи; одна часть Узовъ отдѣлилась отъ прочей массы и бросилась на юго-западъ: Солунская область и самая Эллада испытали всѣ ужасы варварскаго нашествія. Императоръ Константинъ X Дука, услышавъ о страшномъ событіи, совсѣмъ потерялъ голову; казалось совершеннымъ безуміемъ пытаться противопоставить военную силу имперіи этимъ мліадамъ свирѣпыхъ хищниковъ, изъ коихъ каждый почти родился на лошади и выросъ съ лукомъ и копьемъ въ рукахъ. Самыя сокровища казны императорской, столько разъ спасавшія Византію, казались недостаточными въ виду необозримой массы враговъ. Только понуждаемый народнымъ ропотомъ, обвиняющимъ его въ скупости, императоръ отправилъ посольство къ предводителямъ Узовъ; щедрыми подарками и еще болѣе щедрыми обѣщаніями онъ старался склонить ихъ къ миролюбивымъ чувствамъ и убѣждалъ воротиться опять за Дунай. Нѣсколько знатныхъ Узовъ, привлеченныхъ щедростію императора и богатствомъ его казны, явились, по его приглашенію, въ Константинополь и были здѣсь приняты съ самымъ 139 благосклоннымъ вниманіемъ. Но все это мало помогло. Въ опустошенной еще Печеньгами Болгаріи многочисленныя толпы Узовъ не находили себѣ удовлетворительной добычи, ни даже достаточнаго пропитанія. Въмѣсто того, чтобы возвращаться назадъ, они стремились все впередъ. Македонія и Оракія пострадали подобно Солунской области. Набѣги кочевниковъ доходили снова почти до стѣнъ Константинополя. Горестъ и отчаяніе жителей столицы достигли послѣдней степени. Они начинали серьезно разсуждать между собою о необходимости выселенія изъ Европы, точно такъ, какъ послѣ въ Кіевѣ, подъ вліяніемъ всеобщаго броженія, охватившаго восточную Европу вслѣдствіе движенія турецкихъ племенъ, собирались двинуться въ Греческую землю. Въ Византіи объявленъ былъ всенародный постъ и покаяніе, чтобы умиловитъ разгнѣванное правосудіе небесное; крестные ходы въ столицѣ повторялись ежедневно, самъ императоръ принималъ въ нихъ участіе и плакалъ въ виду сокрушенной толпы. Несмотря на это сочувствіе къ народному бѣдствію, положеніе Констан-

типа Дуки во дворцѣ Влахернскомъ сдѣлалось невыносимымъ. Византійцы привыкли смотрѣть на бѣдствія общественныя, какъ на казнь Божию за грѣхи правителей: образованный и умный историкъ этого времени отмѣчаетъ именно здѣсь это воззрѣніе и выражаетъ ему нѣкоторое сочувствіе, несмотря на то, что его сочиненіе посвящено также одному изъ императоровъ. Константинъ Дука, непопулярный за суровость во взысканіи всѣхъ податныхъ недопмокъ, сдѣлался предметомъ саркастическихъ насмѣшекъ у толпы, перешедшей отъ религіознаго умиленія къ дерзкимъ демонстраціямъ. Скрываясь отъ народнаго негодованія, императоръ оставилъ столицу ¹⁾ и съ небольшою свитой — съ нимъ было 150 человекъ — остановился въ своемъ загородномъ имѣніи около мѣстечка Хировакхи (между Буйюкъ-Чекмедже и Кучукъ-Чекмедже, въ 4—5 часахъ отъ Константинополя ²⁾).

Злоязычные Византійцы говорили, что ихъ государь отправился противъ Узовъ съ арміею столь же многочисленною и доблестною, какъ армія Діониса (Бахуса), съ которою онъ совершилъ походъ въ Индію. Но, можетъ-быть, императоръ лучше зналъ, чего нужно ожидать. Когда онъ раскинулъ палатки въ
140 открытой равнинѣ, чрезъ нѣсколько времени явились въ его лагерь гонцы, которые были посланы на сѣверъ: они принесли радостныя извѣстія. Плѣнные воеводы — Апокапъ и Вотаніать — были освобождены изъ плѣна и давали знать о совершенной гибели страшной орды. Лучшие люди въ средѣ Узовъ поддались дѣйствию византійскаго золота и, склонясь на убѣжденія придурнайскихъ правителей, ушли обратно за Дунай, покинувъ своихъ на произволъ судьбы. Между тѣмъ — обычное слѣдствіе варварской неумѣренности и невоздержности — въ многолюдныхъ улусахъ уже свирѣпствовали повальные болѣзни. За изобиліемъ, вызвавшимъ изнѣщество, послѣдовалъ недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасахъ, затѣмъ голодъ и эпидемія, какъ уже это было съ Печенѣгами. Необозримое число пришель-

1) [Ср. Psell. hist. p. 268].

2) Хированки между рр. Меласомъ и Аенрой (Синп. р. 74), между Карасу (Черная вода) и Sazli-dere (на картѣ Викенеля: La Thrase), между заливами Буйюкъ-Чекмедже и Кучукъ-Чекмедже, въ четырехъ-пяти часахъ отъ Константинополя (Viquesepe, La Thrase, I, 144—146).

цевъ быстро сократилось подъ ударами этихъ бичей. Остальные были до такой степени истомлены физически и убиты нравственно, что или сдѣлались легкою добычею Болгаръ и Печеньговъ, которые брали ихъ въ плѣнъ и безъ милосердія топтали копытами ихъ же лошадей, давили колесами ихъ же телѣгъ, или просили съ покорностію милости и пощады у властей византійскихъ.

Императоръ съ торжествомъ воротился въ столицу. Избавленіе отъ страшнаго врага справедливо приписывалось одному Богу, потому что храбрость войска или умѣнье его вождей нисколько въ томъ не участвовали. Въ народѣ говорили о чудѣ; рассказывали, что въ тотъ самый день, какъ въ Константинополѣ совершался крестный ходъ, отрядъ Узовъ, расположившійся въ Чурузѣ (Чорлу), былъ прогнанъ невидимою силою, воздушнымъ войскомъ, которое метало свои стрѣлы и не оставило ни одного врага не уязвленнымъ.

Неизвѣстно, какъ велико было число Узовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ видимыхъ и невидимыхъ казней; но, вѣроятно, оно было довольно значительно. Часть поступила на службу византійскаго императора, получивъ въ надѣль казенныя земли въ Македоніи; въ греческой арміи являются потомъ отряды Узовъ, при дворѣ и въ высокихъ званіяхъ встрѣчаются имена, принадлежащія этому племени, тамъ и здѣсь часто соединяемыя и смѣшиваемыя съ Печеньгами подъ однимъ общимъ названіемъ Скивоовъ. Другая часть, перебравшись во-время за Дунай, если избѣгла болѣзней, то не спаслась отъ голода и также принуждена была подчиниться высшимъ требованіямъ осѣдлой жизни среди христіанскаго народа. Византійскій писатель говоритъ о какомъ-то князѣ Миридоновѣ, который разсѣялъ Узовъ по своимъ городамъ. Онъ разумѣеть подъ этимъ страннымъ названіемъ какого-либо 141 изъ князей русскихъ, у которыхъ Узы именовались Торками¹⁾.

1) Attaliota p. 87: καὶ τούτους ὡσεὶ τοῦ τῶν Μυριδόβων ἀρχοντι προσρηῖναι καὶ παρ' αὐτοῦ διασπαρῆναι τῆς ἀφ' αὐτῶν πόλεως. Никто другой, кромѣ русскаго князя, не можетъ разумѣться подъ княземъ Миридоновъ уже потому, что онъ живетъ за Дунаемъ. Мадыре у Атталиоты называются Сарматами, а имя Русскихъ онъ ни однажды не употребляетъ, говоря о Русской землѣ и Русскихъ князьяхъ. Сверхъ того (указаніе, сдѣланное намъ А. А. Кушикомъ), къ объясненію, почему Атталиота Русскихъ называетъ Миридонами, быть можетъ, служить то мѣсто у Льва Діакона (pag. 150), гдѣ онъ говоритъ

«Такимъ образомъ, при царѣ Константинѣ, съ одной стороны, обрушились сильные удары на Ромэйскую землю, съ другой — послѣдовало избавленіе отъ величайшей опасности: враги были поражены неожиданною гибелью, какой никто и никогда не могъ надѣяться. Поэтому люди, разумно сопоставляющіе обстоятельства, созмѣряли бѣдственныя или благополучныя событія недостойнствомъ или добродѣтелью императора. Но не погрѣшить противъ истины и тотъ, кто сочтетъ бѣдственныя событія возмездіемъ вообще за грѣхи человѣческіе, а благополучіе припишетъ единственно божественному милосердію, а не царской добродѣтели. Ибо всякое благо нисходитъ свыше. Но при этомъ усердная молитва, подкрѣпляемая благими дѣлами, также преклоняетъ на милость. На счетъ царей ставятся событія, потому что на нихъ, по справедливости, падаетъ большее порицаніе и большее неудовольствіе за неразумныя дѣйствія, равно какъ имъ принадлежитъ бѣльшая благодарность за разумныя дѣйствія, совершенно такъ, какъ на тѣхъ, кто управляетъ колесницей, а не на самыхъ лошадей, возлагается отвѣтственность за успѣхъ или неудачу въ состязаніи»¹⁾.

Между тѣмъ какъ Печенѣги и Узы тревожили европейскія области имперіи, ихъ восточные соплеменники Сельджуки постоянно расширяли кругъ своей власти и своихъ завоеваній въ Азіи. Въ 1050 году Тогрильбей вошелъ въ Багдадъ съ Узми (Ghus) и Туркменами, частію приведенными имъ съ береговъ Окса (изъ Бухары и Киргизскихъ степей), частію еще ранѣе выселившимися 142 во владѣнія халифовъ²⁾. Въ 1064 году Альпъ-Арсланъ, племянникъ Тогрильбея, напалъ на Грузію, покорилъ Нахичевань, Карсъ, Ани, главный городъ Арменіи³⁾. Въ 1067 году Турки опустошали Месопотамію, Сирію, Киликію и Каппадокію. Они перерѣзали жителей Кесаріи, ограбили въ церкви Василя Вели-

о сходствѣ погребальныхъ обрядовъ у воиновъ Святослава и у древнихъ Грековъ. Эти обычаи ведутъ свое начало отъ спутниковъ Ахиллеса. Ахиллесъ былъ Скиѣтъ родомъ изъ Мирмикіона (Μυρμιχιδώνος), города на Маотійскомъ озерѣ (между Керчю и Еникале по Палласу): свѣтлые волосы, голубые глаза и другіе признаки служатъ доказательствомъ, что Ахиллесъ былъ Скиѣтъ и даже Тавроскиѣтъ, то-есть, Русскій.

1) Attaliota p. 86 sq.

2) Weil, Geschichte der islamitischen Völker, стр. 227 сл.

3) Тамъ же, стр. 230.

каго богатства, составившіяся пожертвованіями многихъ поколѣній, и остались зимовать въ границахъ имперіи. Слабая рука женщины не въ силахъ была управлять государствомъ въ такое тяжелое время. Разрѣшенная патриархомъ отъ клятвы, данной умирающему мужу, оставаться до смерти вдовой, императрица Евдокія посадила на тронъ рядомъ съ собою присужденнаго къ казни заговорщика и бунтовщика. 1-го января 1068 года былъ провозглашенъ императоромъ героическій и несчастный Романъ IV Діогенъ, прославившійся прежде того въ войнахъ съ Мадьярами и Печенѣгами.

Печенѣги и Узы, поселенные въ предѣлахъ монархіи, очерченныхъ нѣкогда мечемъ Василія II, принимали дѣятельное участіе въ турецкихъ походахъ Романа IV. Они составляли въ византійской арміи легкую конницу, родъ войска, столь важный въ борьбѣ съ племенами, также сохранявшими быстроту и смѣлость кочевыхъ набѣговъ. Въ передовые отряды и сторожевые разъѣзды посылались Узы и Печенѣги. Когда утомленное войско греческое останавливалось на привалѣ, не имѣя чѣмъ подкрѣпить свои силы, Печенѣги, не слѣзая съ коней, бросались въ окрестности для добыванія припасовъ. Когда нужно было разорить страпу, занятую неприятелемъ, отправляли впередъ Узовъ¹⁾. Однимъ словомъ, услуги бывшихъ степныхъ набѣдниковъ были весьма полезны. Но было одно неудобство и одна опасность при пользованіи этимъ родомъ войска. Участники походовъ Романа, наблюдая вблизи своихъ новыхъ товарищей въ ихъ стычкахъ съ Турками-Сельджуками, поражены были близкимъ родственнымъ

1) Замѣчательно, что Attaliota, который описываетъ походъ Романа, какъ очевидецъ и важный участникъ, вездѣ употребляетъ названіе «Скионы», которое у него, какъ у другихъ, означаетъ Печенѣговъ (см. p. 80: Σχύθαι δέ, οὗς Πητζινίχους οἰδεν ὁ δημώδης λόγος κηλεῖν. p. 66: Σχύθων, οὗς Πητζινίχους τὸ πλῆθος κηλέσκουσιν), а Скилица, рабски слѣдуя Attaliotъ и только сокращая его разсказъ, вмѣсто Скионовъ почти постоянно ставитъ «Узы».

Attaliota p. 108: πρὸ τοῦ καταβῆναι δὲ τοῦ ἱπποῦ, τοὺς τε Σχύθας - - εἰς προνομὴν ἀποστείλας. Ср. Scylitz. p. 672 (здѣсь тоже Скионы).

Attaliota p. 148: προπέστειλε μὲν ὁ βασιλεὺς ἐκ τοῦ μεσοφορικῶ Σχύθας εἰς τοῦ Χλίχτ προνομὴν τε καὶ διουκλίευσιν. Ср. Scylitz. p. 691: τὸ μεσοφορικὸν τῶν Οὐζῶν.

Attaliota p. 150: παρεβουθήσων τοῖς προκροστλήϊσι Σχύθαις. Ср. Scylitz. p. 692: βοεθήσων τοῖς Οὐζαῖς.

сходствомъ тѣхъ и другихъ: та же, на взглядъ Грековъ, безобразная паружность, тѣ же крики, тѣ же военныя ухватки¹⁾. Когда турецкая конница нападала на узо-печенѣжскій станъ, то Греки теряли всякую возможность разобрать, кто ихъ союзники и кто непріятель: только привычный глазъ могъ при близкомъ сходствѣ отыскать внѣшніе признаки отличія²⁾. Языкъ въ этомъ случаѣ едва-ли могъ оказать помощь: если и была разница въ нарѣчіяхъ сельджукскомъ и печенѣжскомъ, то не такого рода, чтобы поразить слухъ не знающихъ ни того, ни другого языка. Слѣдовало опасаться, что несмотря на византійское золото и ткани Сквиы не останутся глухи къ голосу крови, узнаютъ въ Туркахъ своихъ братьевъ и передадутся на ихъ сторону. Предъ самую роковую битвою, которая кончилась плѣномъ Романа, цѣлый отрядъ узо-печенѣжскій ушелъ въ лагерь враговъ³⁾. Страхъ, что всѣ другіе послѣдуютъ этому примѣру, едва-ли былъ изглаженъ возобновленною присягой на вѣрность имперіи, которую предводители Узо-Печенѣговъ дали по обычаю своей варварской обрядности⁴⁾. Можетъ-быть, это опасеніе роковымъ образомъ подѣйствовало на исходъ сраженія при Манцикертѣ, хотя Печенѣги честно сохранили клятву (1071 года).

Византійское государство, въ числѣ немаловажныхъ заслугъ котораго исторія должна зачесть его содѣйствіе сближенію племенъ и народовъ, познакомило между собою двѣ разрозненные вѣтви турецкаго племени. Это знакомство не осталось безъ вліянія на ходъ будущихъ событій и принесло не малый вредъ имперіи.

Помимо всего прочаго и сами по себѣ Узо-Печенѣги представляли въ высшей степени неугомонный, крайне безпокойный элементъ населенія. Всякую минуту они готовы были сѣсть на

1) Attaliota p. 142. Одинъ изъ турецкихъ вождей перешелъ къ Диогену, и вотъ что говоритъ очевидецъ: τὴν ὄψιν Σκύθης καὶ ἄλλας, ἐκείνη καὶ τοῦτο τὸ γένος ἐκ Σχυθῶν καὶ τῆς ἐκείνων κακοηθείας καὶ δυσμορφίας κατὰγεται. Ср. Scylitz. p. 688.

2) Attaliota p. 156: τὸ γὰρ τῶν Σχυθῶν μισθοφορικόν, ἐμφερές κατὰ πάντα τοῖς Τούρκοις ὄν. Ср. Scylitz. p. 695.

3) Attaliota p. 157 μοῖρά τις Σχυθική. Scylitz. p. 695: μοῖρά τις Οὐζική.

4) Attaliota p. 158: τοὺς Σκύθας. Ср. Scylitz. p. 696: Σχυθῶν, τῶν Οὐζῶν φημί.

своихъ лошадей, идти за каждымъ искателемъ приключеній, который обѣщаль имъ награду и добычу. Кто имѣлъ неудовольствіе на византійское правительство и думалъ о мести, кто имѣлъ притязанія сѣсть на престолъ Юстиніана и Василя, тому стоило только перейти за Балканы, чтобъ отыскать цѣлую армию готовыхъ помощниковъ. На Дунаѣ образовалась странная смѣсь бродячаго населенія, составленнаго изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Здѣсь, по словамъ византійскаго историка, можно было встрѣтить людей всякаго языка ¹⁾. Вслѣдъ за Печеньгамп и Узами стремились Половцы, и безъ сомнѣнія являлись русскіе поселенцы. Мы не знаемъ, въ какой степени заслуживаетъ вниманія предположеніе, что Славяне, распространившіеся на почвѣ древней Дакіи съ VI вѣка, были тѣ самые, которые послѣ получили названіе Русскихъ, и что уже къ нимъ должны быть возводимы слѣды русскаго населенія, сохраняющіеся здѣсь въ мѣстныхъ названіяхъ. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ достаточныхъ основаній отдѣлять славянскія поселенія, которыя свѣдѣли на лѣвомъ берегу Дуная и въ области р. Тисы, отъ той большой славянской массы, которая наполняла Балканскій полуостровъ до прихода восточныхъ народовъ и которая ассимилировала Болгарскую орду и отсюда получила свое названіе. Во всякомъ случаѣ, было ли у нихъ тамъ прямо единокровное населеніе, или только родственное славянское, но съ X вѣка Русскихъ сильно тянуло къ Дунаю. Въ XI вѣкѣ туда ходила русская вольница, вслѣдъ за нею двигались и мирныя осѣдлыя колоніи. Указанія на это можно найти какъ въ нашихъ лѣтописяхъ, такъ и въ источникахъ византійскихъ ²⁾. Очень вѣроятно, что придунайскіе города, называемые русскими въ источникахъ перваго рода, сдѣлались такими именно съ того времени, въ которое Византійцы отмѣчаютъ наплывъ туда новаго населенія. Нѣтъ никакой возможности думать, чтобы Печеньги, а потомъ Половцы, отъ кочевого быта могли вдругъ переходить къ городской жизни, и чтобъ они безъ всякаго привужденія и необходимости стали заниматься земледѣліемъ, что, какъ мы увидимъ, дѣлали переселенцы. Византійскій

1) Attaliota p 204 (мѣсто приведено ниже)

2) См. приложение II.

писатель XI вѣка, впрочемъ, прямо говоритъ, что сѣвшанное населеніе нѣкоторыхъ большихъ городовъ по Дунаю, поражавшее своимъ разноязычнымъ составомъ, хотя подъ вліяніемъ сосѣдства съ кочевниками и усвоило печенѣжскій образъ жизни и печенѣжское своевоіе, но тѣмъ не менѣе не было печенѣжскимъ, а напротивъ иногда много терпѣло отъ этихъ сосѣдей¹⁾. Константинопольское правительство поняло, какую выгоду оно можетъ извлечь изъ этой противоположности. Чтобы удержать за собою по крайней мѣрѣ номинальную власть на Дунаѣ, чтобы замкнуть кочевую орду, поселившуюся въ Болгарію, въ болѣе или менѣе твердомъ кругѣ, оно приносило большія жертвы. Въ то время какъ Охридская Болгарія стонала подъ игомъ византійской финансовой системы, воинственное населеніе придунайскихъ городовъ ежегодно получало изъ Константинополя богатые подарки. Нечего говорить о томъ, что само оно ничего не платило. Эта уступчивость и щедрость притязательной казны византійской объясняется желаніемъ поддержать ослабѣвающія связи между центромъ имперіи и сѣверными ея окраинами, чтобы не выпустить изъ рукъ вліянія на всю страну между Дунаемъ и Балканами.

Когда на византійскомъ престолѣ сидѣлъ Михайлъ VII Парраинакъ, неспособный ученикъ ученаго Пселла, государствомъ правилъ одинъ изъ самыхъ безжалостныхъ и суровыхъ представителей финансовой византійской политики, внучекъ Никифоръ, любимецъ императора и его первый министръ. Въ числѣ другихъ мѣръ, принятыхъ для пользы казначейства, но едва не погубившихъ государство, этотъ министръ произвелъ сокращеніе въ тѣхъ денежныхъ подаркахъ, которые посылались въ придунайскіе города (около 1074 г.). Неумѣстная бережливость имѣла самыя дурныя послѣдствія. Придунайская вольница порвала всякія связи съ имперіей, вошла въ тѣсный союзъ съ кочевниками и замышляла нѣчто болѣе опасное. Въ Дерстрѣ (Силистріи), который по своему значенію стоялъ во главѣ прежнихъ болгарскихъ

1) Attaliota p 204 sq : τὸ παρὰ τὸν Ἰστρον κατοικοῦν μισοβάρβαρον. παρέχονται γὰρ τῇ ὄχθῃ τούτου πολλάι καὶ μεγάλαι πόλεις, ἐκ πάσης γλώσσης συνηγμένον ἔχουσαι: πλῆθος—πρὸς αἷς οἱ περαιωθέντες Σκύθαι (Печенѣги) τὸ πρότερον τὸν Σχυδικὸν ἐπιφέρουσι βίον. παρ' ὧν καταλιζόμεναι —

городовъ на Дунаѣ, сталъ властвовать какой-то Татушь, Печеньгъ, судя по имени. Византійское правительство хотѣло поправить свою ошибку.

Вестархъ Несторъ, пользовавшійся личнымъ довѣріемъ императора, Славянинъ по происхожденію, способный, слѣдовательно, привлечь къ себѣ славянскіе элементы волиовавшихся городовъ, посланъ былъ на сѣверную границу имперіи въ званіи катапана. Вліятельные жители Дерстра, прѣбывшіе въ Константинополь, увѣрили императора, что какъ скоро Несторъ явится, городъ и крѣпость, отказавшись отъ союза съ Печеньгами, признаютъ власть византійскаго правительства. Но катапанъ скоро убѣдился въ томъ, что полномочія, принесенныя изъ 146 Константинополя, не имѣютъ никакого значенія на Дунаѣ. Онъ очутился въ страшномъ положеніи правителя, не признаваемого своими подчиненными. Онъ потомъ дѣйствительно успѣлъ сблизиться со своими единоплеменниками, но только уступивъ ихъ стремленіямъ и раздѣливъ ихъ планы, то-есть отказавшись отъ намѣренія сблизить ихъ съ Византіей.

Предводители воинственныхъ дружинъ въ Дерстрѣ и другихъ городахъ взяли съ греческаго катапана клятву, что онъ во всемъ будетъ заодно съ ними, вмѣстѣ вошли въ соглашеніе съ Печеньгами и рѣшили идти на Константинополь. Говорятъ, что Несторъ, кстати, былъ лично раздраженъ противъ евнуха Никифора, который, узнавъ о неуспѣхѣ его миссіи на Дунаѣ, хотѣлъ воротить большія деньги, данныя ему въ руки, и конфисковалъ его домъ въ Константинополѣ. Союзники перешли Балканы, безпрепятственно грабили въ Адрианопольской области и достигли столицы. Осажденный Константинополь скоро былъ поставленъ въ тяжелое положеніе отъ недостатка въ средствахъ пропитанія. Обвиняя во всемъ ненавистнаго Никифора, жители волновались и требовали у своего императора, чтобъ онъ выдалъ любимца головою смертельному врагу его Нестору, который на этомъ условіи обѣщалъ снять осаду. Михаилъ Парапиакъ обнаружилъ упорство, едва-ли впрочемъ объяснимое благородною твердостью, а скорѣе вліаніемъ того же логовета Никифора. «Онъ не хотѣлъ», говоритъ съ нѣкоторымъ упрекомъ современникъ, «пожертвовать однимъ человѣкомъ спасенію всего греческаго народа». Быть

можетъ, Михаилъ VII надѣялся также на содѣйствіе Запада, гдѣ папа Григорій VII, съ которымъ онъ завязалъ сношенія, призывалъ всѣхъ христіанъ на помощь Восточной имперіи противъ язычниковъ, дошедшихъ уже до стѣнъ Константинополя¹⁾. Избавленіе пришло другимъ путемъ, довольно темнымъ. Византійцы говорили о сверхъестественной помощи и заступничествѣ Богоматери. История намекаетъ на интриги, произведшія раздѣ-
147 леніе въ лагерѣ союзниковъ. Печеньги, отправленные въ Константинополь для переговоровъ, послѣ своего возвращенія заподозрѣны были въ замыслахъ на жизнь Нестора, главнаго руководителя въ походѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что союзники сняли осаду и пошли обратно къ Дунаю, довершая разореніе Фракіи и Македоніи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, (въ 1078 г.) беспощадное и разорительное хозяйничанье логовета Никифора довело наконецъ до послѣдней крайности ненависть къ существующему правительству подданныхъ Михаила VII. Пользуясь такимъ настроеніемъ, нѣсколько претендентовъ одновременно заявили свои притязанія на императорскій престолъ. Въ Азіи явился Никифоръ Вотаниатъ, нанявшій къ себѣ на службу Турокъ, въ Европѣ—Вріенній, который нашелъ поддержку среди населенія Адрианопольской области; на заднемъ планѣ стоялъ Василанъ, управлявшій Драчемъ и византійскими владѣніями на Адриатическомъ морѣ. Печеньги не могли остаться въ сторонѣ отъ движенія, которое обѣщало имъ хорошую поживу.

Мы видимъ ихъ сначала въ роли защитниковъ законной власти Михаила VII. Они осаждаютъ Вріеннію въ Адрианополѣ, грабятъ и угоняютъ скотъ у сосѣднихъ жителей, не разбирая, конечно, кто признаетъ Михаила, а кто Никифора Вріеннія. Вріенній принужденъ былъ уплатить Печеньгамъ громадную сумму въ 20 кентинарій, не считая дорогихъ тканей и серебра-

1) Jaffé, Monumenta Gregoriana (Bibl. rer. Germ. II) p. 69: Notum vobis esse volumus, hunc virum praesentium portitorem, dum de ultramarinis nuper revertetur partibus,—nostram praesentiam visitasse a quo sicut a plerisque aliis cognovimus, gentem paganorum contra christianum fortiter invaluisse imperium et miseranda crudelitate iam fere usque ad muros Constantinopolitane civitatis omnia devastasse. Это писано въ марѣ 1074 г. Ср. письмо къ Генриху IV отъ 7-го декабря того же года Jaffé, Monum. Greg. p. 145.

ныхъ сосудовъ ¹⁾). Тѣ же самыя, а можетъ-быть и другіе Печеньгѣ ходили съ братомъ Вріенніа къ Константинополю, вблизи котораго онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Франковъ и Варяго-Русовъ, состоявшихъ на службѣ Михаила VII ²⁾). За Вріенніа бились потомъ Печеньгѣ съ своими единоплеменниками Турками, которыхъ привелъ полководецъ уже воцарившагося Никифора Вотаниата ³⁾). Наконецъ, у нихъ же искалъ себѣ помощи и Василакіа. Печеньгѣ, повидимому, не успѣли къ рѣшительному сраженію, которое произошло при Солунѣ, но нѣсколько позже еще разъ явились подъ Адрианополею, сожгли его предмѣстья и ушли назадъ, узнавъ о гибели своего союзника. Въ этомъ послѣднемъ походѣ Печеньговъ сопровождали Кумапы, или что то же, Половцы: первое упоминаніе этого имени въ византійской исторіи ⁴⁾). Повидимому, какое время могло быть благопріятнѣе ¹⁴⁸ для той вольницы, которая собралась на Дунаѣ, какъ не этотъ періодъ борьбы трехъ претендентовъ за престолъ византійскій? Но моментъ, которымъ воспользовались Печеньгѣ, прошелъ для нея въ праздномъ спокойствіи. Причины тому надобно искать въ расположеніи, а можетъ-быть, и въ дѣйствіяхъ князей южно-русскихъ, Святослава и Всеволода. Еще Михаилъ VII просилъ ихъ помощи для обузданія безпокойнаго населенія городовъ болгарскихъ. Митрополитъ Кіевскій Георгій, находившійся въ Константинополѣ въ 1073 году, и зодчіе, отправленные въ слѣдующемъ году въ Кіевъ для построенія Печерской церкви, — вотъ два обстоятельства, которыя заставляютъ угадывать, что отказа не могло быть. Русскіе корабли были въ Мраморномъ морѣ, русскіе Варяги, на нихъ прибывшіе, помогли разбить Вріенніа въ 1077 году. По другимъ извѣстіямъ Святославъ Ярославичъ предъ своею смертію, которая послѣдовала 25-го февраля 1076 года, собрался идти «на Болгары»; его преемникъ Всеволодъ распустилъ собранное войско, уже получивъ извѣстіе о воцареніи Никифора Вотаниата (мартъ 1078 года). Черезъ нѣсколько

1) Attaliota p. 261 sq Scylitz p. 731. Zonar. II p. 290 Par

2) Attaliota p. 117 (252 sqq.?). Niceph. Bryenn. p. 114. О Варяго-Руссахъ см. въ приложеніи II.

3) Attaliota p. 290. Bryenn. p. 136. 139. Anna p. 12 Par.

4) Attaliota p. 298. 301. Scylitz. p. 739. 741.

времени въ Константинополь прибыло посольство изъ-за Дуная. Источники не говорятъ опредѣленно, кѣмъ оно было отправлено; но послы явились съ самыми дружелюбными заявленіями. Они называли тѣхъ изъ своихъ единоземцевъ, которые побратались во вредъ имперіи съ Печенѣгами и заодно съ ними участвовали въ походѣ Нестора, явными отступниками, прямыми схизматиками. Чтобы доставить полное удовлетвореніе священной особѣ греческаго императора, послы привели съ собою нѣсколько чело-
вѣкъ, виновныхъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ 1074 года, и подвергли ихъ безчестному наказанію въ присутствіи самого Никифора Вотаниата.

Несмотря на то, на Дунаѣ все осталось по прежнему. Въ 1086 году мы находимъ города придунайскіе въ томъ же самомъ положеніи, какъ это было за десять лѣтъ предъ тѣмъ. Въ Дерстрѣ господствуетъ Татушъ, въ Виддинѣ — Хали (Χαλι; Олегъ?); Всеславъ и Сача (Σατζα) захватили другіе города. Постоянно новыя толпы поселенцевъ наплывали къ Дунаю. Анна говоритъ о прибытіи «какого-то скиоскаго племени»: оставивъ свою родпу, оно явилось на Дунаѣ и, дружелюбно принятое Татушемъ и Всеславомъ, перешло на другой берегъ рѣки, потомъ завладѣло здѣсь нѣкоторыми небольшими городами. Видно, что это не были кочевники; нѣсколько прочнѣе усѣвшись, переселенцы начали заниматься земледѣліемъ, сѣяли пшеницу и овесъ. Самый
149 способъ выраженія гордой цесаревны, боявшейся осквернить страницы своего сочиненія какимъ-либо лишнимъ варварскимъ названіемъ, и появленіе русскихъ посадниковъ на Дунаѣ въ началѣ слѣдующаго столѣтія — все заставляетъ думать, что эти переселенцы были Русскіе, и что ихъ число здѣсь возрастало постоянно ¹⁾.

IV.

Утвердившись между Дунаемъ и Балканами, Печенѣги своими набѣгами сдѣлали не мало зла и кореннымъ византійско-греческимъ владѣніямъ въ Македоніи и Фракіи. Несмотря на крещеніе, совершенное надъ ними монахомъ Евѣиміемъ, они очень

1) См. приложение II.

медленно и туго поддавались вліянію Византіи — религіозному и политическому. Нѣкоторые признаки сближенія мы замѣчаемъ только на Дунаѣ; Болгары, составлявшіе старое туземное население, и русскіе бродники, толпившеся на рѣкѣ, такъ хорошо знакомой древней русской пѣснѣ и древнимъ русскимъ поэтамъ, одни — увлекаемые глубокою ненавистію къ византійскому правительству и національною враждою къ греческому народу, другие — побуждаемые неусидчивостію и удалствомъ, естественнымъ въ молодомъ обществѣ, не прочь были отъ сближенія и дружбы съ кочевниками, вмѣстѣ съ ними ходили за Балканы, подчинялись власти ихъ князей, но и сами подчиняли ихъ своему вліянію. Если это вліяніе простиралось и на религіозную область, то едва ли оно было въ пользу православія или даже настоящаго христіанства. Съ X вѣка въ Болгаріи сильно распространилась ересь богомильская, родственная съ манихейскими дуалистическими сектами, такъ широко господствовавшими въ Европѣ и Азіи ¹⁾. Въ богомильствѣ несомнѣнно выражалась также національная, политическая оппозиція славянская противъ тяжелаго господства Грековъ въ церковной и свѣтской области. Съ этой точки зрѣнія, положеніе Придунайской Болгаріи въ XI вѣкѣ было весьма благоприятно широкому распространенію и укрѣпленію ереси. Средоточіе церковнаго управленія находилось далеко, въ центрѣ Македонской Болгаріи, въ городѣ Охридѣ. Послѣ покоренія Болгарскаго царства Василемъ II настало обычное безчеловѣчное и кровопійственное хозяйничанье греческихъ финансовыхъ чиновниковъ, цѣлая армія которыхъ накинута на Болгарію. Мы знаемъ эти порядки и этихъ людей изъ писемъ Теофилакта Болгарскаго: бóльшая часть этихъ писемъ наполнена горькими жалобами на греческихъ писцовъ, дозорщиковъ, сборщиковъ по- 150 датей и пр. Если они не щадяли архіепископа родомъ Грека, человека имѣвшаго важныя связи при дворѣ, то что было и что дѣлалось съ простымъ Болгаринномъ! Изъ той же переписки Теофилакта мы видимъ, съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ относились даже лучшіе изъ архипастырей-Грековъ къ своей сла-

1) См. Собраніе сочиненій А. Θ. Гильфердинга I, стр. 130 и слѣд., 226 и сл.

вянской паствѣ, къ этимъ «нечистымъ варварамъ, отъ которыхъ пздали несеть козлинымъ запахомъ ихъ одежды». При такомъ настроеніи съ одной стороны, легко себѣ представить то не со-всѣмъ дружелюбное чувство, которое другая сторона питала къ Грекамъ, занявшимъ епископскія кафедры Вядина, Срѣдца и т. д. Богомилы и Армяне, первые распространители манихейства, упоминаемые нѣсколько разъ Теофлактомъ, находили самую удобную почву для своей пропаганды.

Павликѣанство, одна изъ главныхъ отраслей манихейзма, принесено было въ Европу поселенцами, которыхъ вывели изъ Арменіи Константинъ Ковронимъ и Іоаниъ Цемисхій. Центромъ павликѣанства въ Греческой имперіи былъ Филиппополь. Помѣ-щаая въ окрестностяхъ этого города восточную колонію, побѣдп-тель нашего Святослава имѣлъ въ виду двойную цѣль: во-пер-выхъ, удалить непокорныхъ и воинственныхъ сектантовъ отъ горныхъ замковъ (φρούριον) и ущелій ихъ родины, гдѣ съ ними было трудно справиться, и во-вторыхъ, поставить ихъ оплотомъ противъ постоянныхъ нашествій и набѣговъ на Оракію со сто-роны скиѣскаго сѣвера, изъ-за Балканъ ¹⁾). Результатъ оказался противоположный цѣлямъ византійской политики, всегда любив-шей размѣщать подвластныхъ «варваровъ», какъ ей вздумается. Филиппопольскіе павликѣане и появившіеся рядомъ съ ними бого-милы участвовали, повидимому, въ возстаніяхъ Болгаріи противъ византійскаго ига. Въ концѣ XI вѣка — въ періодъ, которымъ мы занимаемся — они протягивали руку своимъ собратьямъ въ Дунайской Болгаріи и виѣсто того, чтобъ охранять Балканскіе проходы отъ Печенѣговъ, призвали этихъ «Скиѣовъ» противъ Византіи, съ которою они разсорились. Мы увидимъ, какой страшный вредъ они нанесли этимъ имперіи.

Связи Филиппопольскихъ манихеевъ съ Печенѣгами и потомъ Куманами или Половцами такъ постоянны и прочны, что сами собою наводятъ на нѣкоторыя соображенія и догадки. Нужно
151 припомнить, что въ странахъ Трансоксанскихъ, первоначальной родиной турецкихъ племенъ, манихейзмъ господствовалъ въ ши-рокихъ размѣрахъ съ самыхъ первыхъ временъ своего появлен-

1) Anna p. 451 B sq. Ср. Гильфердяга Собр. сочиненій I, 227.

нія (съ конца III вѣка). Арабскіе петочники рассказываютъ, что когда въ Персію, вслѣдъ за казню самого Мани, начался преслѣдованіи противъ его учениковъ и приверженцевъ, то большее число ихъ перешло «рѣку Бальха» (Оксъ, Аму-Дарья) и поселилось во владѣніяхъ Турецкаго хана (князя). Впоследствии, когда Персидское царство Сассанидовъ было покорено Арабаму-мусульманами, часть манихеевъ воротилась обратно на берега Евфрата и Тигра (провинція Иракъ)¹⁾. Въ X вѣкѣ, при халифѣ Муктадирѣ (908 — 932), манихей снова подверглись гоненію и опять искали убѣжища въ Хорасанѣ и Туркестанѣ, находившихся подъ властью одного и того же князя (изъ династіи Саманидовъ). Въ Самаркандѣ собралось пятьсотъ человекъ, открыто заявившихъ свою принадлежность къ гонимой халифомъ сектѣ. Властитель Хорасана также былъ ревностный мусульманинъ; когда ему сдѣлалось извѣстно о появленіи въ его владѣніяхъ послѣдователей манихейства, онъ хотѣлъ всѣхъ ихъ убить. Манихей, однако, имѣли сильнаго покровителя въ князѣ турецкаго племени Тагазгазъ, который самъ исповѣдывалъ манихейское ученіе. Вслѣдствіе его угрозъ манихейзмъ былъ признанъ терпимымъ въ Хорасанѣ и Туркестанѣ; въ половинѣ X вѣка, по свидѣтельству современника, манихей были въ Самаркандѣ, Согдѣ и Нухкатѣ²⁾. Что касается до племени Тагазгазъ, обитавшаго на границахъ Китая и Кашгара, въ самой срединѣ между Хорасаномъ и Китаемъ, то о принадлежности его къ манихейской ереси есть другія несомнѣнныя свидѣтельства того же X вѣка³⁾. Наконецъ,

1) [О манихейзмѣ среди мусульманъ см. Alfred v. Kremer, *Culturgegeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams*, Leipzig 1873, стр. 85 сл. — Аошинъ, всемогущій любимецъ халифа Мотасима, принадлежалъ къ послѣдователямъ манихейства, который даже былъ распространенъ въ сѣверной Персіи. Аошинъ происходилъ изъ провинціи Осрушна. См. Weil, *Geschichte der Chalifen II*, 326 сл.]

2) Flügel, *Mani, seine Lehre und seine Schriften* (Aus dem Fihrist des Abū-ʿIḥarādsh Muḥammad ben Ishak al-Warrāq, bekannt unter dem Namen Ibn-Abi-Ja'kūb an-Nadīm), Leipzig, 1862, S. 105 (переводный текстъ) и S. 385—401 (комментарій). Ср. Reinaud въ ниже указанномъ мѣстѣ; также А. А. Кунякъ, *Историческіе матеріалы и розысканія въ Учен. Записк. Академіи Наукъ*, т II (годъ 1854), стр. 761.

3) Reinaud, *Géographie d'Aboulféda*, t. I (Introduction générale à la géographie des orientaux), p. 360 Рейндъ приводитъ мѣсто изъ Масуди, гдѣ прямо сказано, что Тагазгазъ, самое могущественное турецкое племя, исповѣдуютъ манихейзмъ. По мнѣнію Рейндъ, Тагазгазъ — Уйгуры; см. стр. 363.

мы имѣемъ извѣстія о существованіи манихейзма на старой турецкой родинѣ въ XII столѣтіи¹⁾.

152 Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что если не Печеньги, то Куманы или Узы, занимавшіе въ X вѣкѣ обширныя страны на востокъ, сѣверъ и сѣверо-западъ Аральскаго озера, именно въ сосѣдствѣ съ областію турецкаго манихейзма, принесли съ собою болѣе или менѣе темныя воспоминанія и болѣе или менѣе искаженные обрывки ученія Манн. О религіи Печеньговъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій, но о Куманахъ или Половцахъ одинъ арабскій писатель говоритъ, что они поклоняются звѣздамъ, вѣрятъ въ небесныя вліянія и предаются изученію астрологіи²⁾. Итакъ, они сохранили еще преданія сабейзма, отъ котораго, думаютъ, манихейзмъ заимствовалъ свои основныя принципы (не отвергая воздѣйствія другихъ родственныхъ вліяній), что, конечно, не исключаетъ возможности и прямой памяти объ ученіи Манн. На эту память, позволяемъ себѣ догадываться, указываетъ между прочимъ имя Маніаха или Маніака, которое, съ одной стороны, носилъ князь Согда, жившій въ VI вѣкѣ, съ другой стороны—Половецкій ханъ, съ которымъ мы еще встрѣтимся въ нашей исторіи³⁾. Та легкость, съ какою заключались родственныя связи между христіанскими русскими князьями и половецкими ханами, быть можетъ, объясняется присутствіемъ въ азіатскомъ манихействѣ хотя очень затемненныхъ

1) У Ибнъ-аль-Атира подъ 536 (1142) годомъ (vol. XI, 55): «Въ 522 году эль-Аваръ, онъ же гурханъ Китайскій, выступилъ къ границамъ Кашгара съ значительнымъ отрядомъ—Пораженный владѣтелемъ Кашгара, онъ вскорѣ послѣ того умеръ. И наследовалъ ему Китайскій куханъ (то-есть, великій царь); и одѣвался онъ въ нарядъ ихъ царей съ покрываломъ и платкомъ и былъ манихей. И когда онъ вышелъ изъ Китая въ Туркестанъ, присоединились къ нему Китайскіе Турки». Переводъ этого мѣста сообщенъ намъ П. И. Лерхомъ, которому и приносимъ за это благодарность О Гурханѣ см. Weil, Gesch. der islamit. Völker S. 244. «Gurchan, der Hauptling der Sbatat-Turkomanen, welcher die nordlichen Provinzen Turkistans und einen Theil China's beherrschte, — bedrohte Samarkand».

2) Ибнъ-Саидъ, цитуемый Абуль-Фехой въ Reinaud, Géographie d'Aboulféda t. II, p. 291.—Ибнъ-Саидъ жилъ около половины XIII стол.

3) Menandri histor. quae supersunt (p. 297 Bonn., fr. 18 Muell.): ὁ Μανιάχ, ὁς τῶν Σουβιτῶν πρεσβύτης. Такъ это имя постоянно пишется у Менаандра. Половецкій Маніакъ у Анны Комниной VIII, 4 p. 228 Pag. ὁ Μανιάχ (такъ два раза; мы увидимъ далѣе, что это — лицо хорошо извѣстное въ русской исторіи).

христіанскихъ идей и обрядовъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отвергать воспріимчивости къ манихейскимъ ученіямъ какъ со стороны Половцевъ, находившихся издавна въ близкомъ сосѣдствѣ съ Печеньгами и съ послѣдней четверти XI столѣтія иногда вмѣстѣ съ ними ходившихъ за Балканы, такъ и со стороны самихъ Печеньговъ. Въ послѣднемъ десятилѣтіи XI вѣка остатки Печеньговъ были поселены въ Могленской области, — а въ XII 153 здѣсь господствуетъ манихейско-богомилская ересь ¹⁾. Обращаясь къ порядку историческихъ событій.

Въ царствованіе Никифора Вотаниата (1077—1081) среди жителей Филиппополя, державшихся павликіанской ереси, былъ какой-то Лека; по происхожденію это былъ Грекъ, но тѣмъ не менѣе онъ породнился посредствомъ брака съ Печеньгами, которые жили между Дунаемъ и Балканами ²⁾. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Лека оставилъ свою родину, ушелъ къ Печеньгамъ и сталъ ихъ возбуждать противъ Грековъ и византійскаго правительства. Съ нимъ заодно дѣйствовалъ Добромиръ, повидимому Болгаринъ, державшійся богомилской ереси. Добромиръ изъ приморскаго города Месимврїи (Мисиври), близкаго къ центру печеньжскихъ кочевьевъ, завязалъ точно такъ-же сношенія съ Печеньгами и Куманами (Половцами ³⁾, въ свою очередь наущая ихъ противъ Константинопольской власти.

1) О поселеніи Печеньговъ въ Могленской области будетъ сказано ниже, при извѣстіи о манихействѣ въ Могленской епархіи; см. Житіе Изаріона у А. Н. Попова, Изборникъ статей изъ хронографовъ, стр. 15—17. — [Anna по Codex Leidens въ Recueil des hist. des crois Hist. grecs I, p. 112 sq. 'Επί δὲ καὶ ἀπὸ τῶν Κομάνων, ὧν ὁ Κωνσταντῖνος εἰς τὰ χέρηρα εἶχεν (εἶχε γὰρ πολλοὺς, ἐξέβησαν δὲ τότε εἰς κοῦρρος), συνέβη καὶ ἐπίσταν ἀπὸ τούτων ἕξ, καὶ ἀπέστειλαν αὐτοὺς πρὸς τὸν Βασιλεῦσιν. Ὁ δὲ ὡσπερ εὖρεμα τῆς γνώμης αὐτοῦ τούτους λαβὼν, ἀπέχεττι: πρὸς τὸν Πάπαν -- εἰδείκνυε καὶ τοὺς Κομάνους πρὸς ἀληθῆ μαρτυρίαν τῶν λόγων αὐτοῦ. Ἐλέγε γὰρ ὡς πὸ βασιλεὺς Ἀλέξιος κατὰ τῶν Χριστιανῶν μαίνεται, καὶ τοὺς ἔθνικοὺς καὶ ἀπίστους ἅπαντας ἀγαπᾷ καὶ τοὺς Βουγμῖλους αὐτούσε. Ср. ibid. p. 99.]

2) Attaliota p 802: Λέχη τοῦ τοὺς Πατζινάκους ἐντείοντος (Ῥωμῆτος γὰρ ὧν ἐξ ἐπιγαμβρείας αὐτοῖς ἠυτομόλης). Scylitz. p 741 Λέχη δὲ τις ἀπὸ Πκυλικιάνων Φελιππουπόλεως ὀρηγμένος ἐξ' Ἐπιγαμβρείας ἠυτομόλης τοῖς Πατζινάκους и т. д. Въ латинскомъ переводѣ Скилицы слово Ἐπιγαμβρία принято забавнымъ образомъ за собственное имя: Epigambria ad Patzinacas transfugit.

3) Attaliota l. cit.: καὶ κατὰ τοῦ τὴν ἐν Μεσημβρία διακυκῶντος Δοβρομηρῶ ἦν. Здѣсь, напротивъ, переводчикъ Атталиоты собственное имя Месимврїи принялъ за нарицательное и поставилъ безсмысленныя слова: qui teggam australem concuteret. Ср. Scylitz. p. 741.

Слѣдствіемъ этой агитаціи былъ новый печенѣжскій набѣгъ на области, подвластныя имперіи. Печенѣги опустошали окрестности Ниша и Срѣдца. Въ послѣднемъ изъ двухъ названныхъ городовъ Лека убилъ мѣстнаго епископа, по имени Михаила, который увѣщевалъ свою паству оставаться вѣрною греческому правительству и, конечно, самъ былъ Грекъ по происхожденію. Но успѣхи манихейско-печенѣжскаго движенія были остановлены искусными дѣйствіями Алексѣя Комнина, который зашелъ въ тылъ Печенѣгамъ и принудилъ ихъ удалиться за Дунай. Комнинъ воротился въ Филиппополь, гдѣ павликіане, повидимому, тоже не были вполне спокойны. Здѣсь лучший воевода и государственный дѣятель императора Никифора, скоро свергнувшій своего благодѣтеля съ престола, имѣлъ первый случай познакомиться съ духомъ и отношеніями Филиппопольской еретической общины, которая послѣ надѣлала ему такъ много хлопотъ¹⁾. Благодарянисходительности и щедрости Никифора Вотаниата, Лека, точно такъ какъ и Добромиръ, покорились ему добровольно и явились съ повинною головою, за что были возведены въ высокіе чины и получили богатые дары²⁾. Скоро однако нашлись другіе люди, которые пошли по слѣдамъ Леки и Добромира.

Въ составѣ разплеменной арміи Алексѣя Комнина, выведенной имъ противъ Норманновъ, находилось 2.800 манихеевъ (богомилловъ) подъ начальствомъ собственныхъ вождей, Ксапты и Кулеона. Въ самую критическую минуту этотъ отрядъ поки-

1) Scylitz. p. 741 sq. Niceph. Bryenn. p. 157. Съ извѣстіями Атталиоты и Скилицы, который, заимствуя отчасти буквально у перваго, имѣетъ и самостоятельныя извѣстія (объ убійствѣ епископа), мы сопоставляемъ рассказъ Никифора Врѣннія о нашествіи Печенѣговъ на страну, лежащую между Нишемъ и Скопией (Σκοπίων), 1) потому что этотъ рассказъ занимаетъ то же мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ изложенія у Врѣннія, какое у Скилицы занимаетъ извѣстіе объ убійствѣ епископа Михаила и у Атталиоты извѣстіе объ агитаціи Леки и Добромира; 2) потому что, по Врѣннію, Скионы (Печенѣги), очевидно, были въ Срѣдцѣ: они оставили его послѣ того, какъ обошелъ его Алексѣй Комнинъ (παράδόντος—τὴν Σερδικήν); и по Скилицѣ — то же, ибо епископъ Михаилъ убитъ, очевидно, въ столицѣ своей епархіи. Что Филиппопольскіе павликіане не были спокойны, это мы заключаемъ изъ словъ Врѣннія: πρὸς τὴν Φιλίππου αἰθρῆς ἐπάγουσι (ὁ Ἀλέξιος), καὶ τὰ χετὰ τὴν χώραν αὐτῶν διαδέμενος—

2) Attaliota p. 302. Scylitz. p. 741. Съ рассказанными сейчасъ событіями должно имѣть связь назначеніе въ 1078 году новаго правителя (δοῦξ) въ «Скопю» (Σκοπίων) и отправленіе Льва Диаватина въ Месимврію, гдѣ онъ заключилъ сдѣлку и договоръ съ Печенѣгами или Куманами; см. Scylitz. p. 743.

нуль Алексѣя: манихей ушли домой. Улучивъ первый свободный моментъ, императоръ рѣшился строго наказати измѣнниковъ. Хитростію, не совсѣмъ согласною съ императорскимъ достоинствомъ, заманивъ къ себѣ главныхъ вождей и болѣе видныхъ представителей Фялиппопольской еретической общины, онъ заперъ ихъ всѣхъ въ тюрьму, конфисковалъ ихъ имущество и потомъ роздалъ своимъ солдатамъ. Императорскій чящовникъ, которому поручено было исполнить эту мѣру (τὴν οἰκονομίαν), взялся за дѣло съ грубою жестокостію. Семейства еретиковъ, попавшихся въ императорскую западню, не были пощажены: ихъ женъ вытолкали изъ домовъ новые владѣльцы, а правительство дало имъ кровь — въ Фялиппопольской крѣпости подъ арестомъ¹⁾. Въ члелѣ этихъ женщинъ находились четыре сестры одного изъ приближенныхъ домашнихъ слугъ Алексѣя, по имени Травла. Травль, уроженецъ Фялиппополя, былъ взятъ Алексѣемъ въ свой домъ еще до восшествія на императорскій престолъ, при чемъ его окрестилъ, а потомъ и женили на одной изъ служанокъ императрицы. Узнавъ о бѣдствіи, постигшемъ его близкихъ, Травль бѣжалъ изъ Константинополя, подговоривъ къ тому и своихъ знакомыхъ и родныхъ. Въ Фялиппополѣ также нашлось не мало людей, готовыхъ всюду идти за Травломъ, на котораго еретическая община привыкла смотрѣть какъ на заступника и тайнаго главу своего. На подобіе какого-нибудь западнаго рыцаря, Травль съ своими приверженцами засѣлъ въ одной горной крѣпости (Бѣлятовѣ), неподалеку отъ Фялиппополя, и отсюда повелъ войну противъ Византійскаго государства и общества. Новые поселенцы въ старинномъ центрѣ богомльской ереси жестоко поплатились за пожалованныя имъ помѣстья и дома. Травль не давалъ имъ покою своими набѣгами.

Византійское правительство, конечно, нашло бы средства укротить наконецъ смѣлаго сектанта, несмотря на всю воинственность его павликіанской дружины. Но Травль, который понималъ это, нашелъ себѣ союзниковъ. Дочь императора Алексѣя говоритъ, что сторону Травла пріяли уже извѣстные намъ власти-

1) Anna p. 154 sq.

тели придунайскихъ городовъ, и что при посредствѣ ихъ Травль вступилъ въ союзъ съ Печенѣгами, кочевавшими поблизости Дуная. Для скрѣпленія союза Травль, бросившій свою православную жену, въ которой онъ нашелъ мало сочувствія къ бѣдствіямъ своихъ тайныхъ единовѣрцевъ, сосваталъ себѣ дочь одного изъ знатныхъ «Сквиоовъ». Печенѣги опять готовились подняться на защиту манихейско-богомилской общины и церкви. Ихъ угрожающія приготовления сдѣлались извѣстными въ Византійской столицѣ. Императоръ Алексѣй хотѣлъ предупредить бѣду переговорами съ Травломъ, но тотъ остался глухъ къ обѣщаніямъ своего прежняго господина и не повѣрилъ византійской золотой грамотѣ, подписанной краснымъ императорскими чернилами¹⁾. Императоръ Алексѣй принужденъ былъ выслать противъ Бѣлятовы настоящую армію, давъ ей въ начальники своихъ лучшихъ воеводъ. Между тѣмъ приверженцы Травла заняли горные проходы и ущелья и пригласили Печенѣговъ. Доместикъ Запада Пакурианъ и его товарищъ Вранъ, прибывъ къ манихейскому убѣжищу, противъ своего ожиданія нашли здѣсь «безчисленное множество» новыхъ враговъ, такъ что осторожный Пакурианъ хотѣлъ воротиться назадъ, и только пылкій и отважный Вранъ настоялъ на необходимости дать сраженіе. Оно было несчастью для Грековъ: самъ Вранъ былъ убитъ, Пакурианъ смертельно раненъ, армія разсѣялась во всѣ стороны²⁾. Возобновилась прежняя исторія: Печенѣги стали грабить окрестности Филиппополя, императоръ Алексѣй призывалъ войска изъ Малой Азіи, хотя они и тамъ были весьма нужны — Турки уже осаждали Никею.

Изъ Азіи прибыли Татикій, природный Турокъ, мальчикомъ попавшійся въ плѣнъ Византійцамъ и выросшій вмѣстѣ съ Алексѣемъ, и Константинъ Гумбертопуль (сынъ Гумберта), одинъ изъ южно-итальянскихъ Норманновъ, перешедшихъ въ византійскую службу. Татикій нашелъ Печенѣговъ вдалеко отъ Филиппополя. Расположившись лагеремъ на берегу рѣчки, протекающей около мѣстечка Влисна, въ двухъ дняхъ пути отъ Филиппо-

1) Anna p. 158 BC.

2) Anna p. 182 sq.

поля на востокъ ¹⁾, Татикій увидѣлъ толпу Печенѣговъ, возвращающихся послѣ набѣга на окрестныя села съ большою добычею и множествомъ полоненнаго народу. Когда онъ пошелъ по слѣдамъ ихъ, хищники подъ глазами у него присоединились къ главному печенѣжскому стану, расположенному на рѣкѣ Марпцѣ ²⁾. Воевода Алексѣя повелъ нападеніе и одержалъ верхъ въ схваткѣ. Печенѣги разсѣялись, а Татикій вошелъ побѣдителемъ въ Филиппополь. Но здѣсь онъ узналъ отъ посланныхъ впередъ лазутчиковъ, что большія печенѣжскія силы собрались около укрѣпленія, недавно занятаго богومیями, то-есть, около Бѣлятовы, и что окрестности страдаютъ отъ ихъ грабежа. Черезъ нѣсколько времени какой-то варваръ привнесъ извѣстіе, что Печенѣги всею ордой идутъ къ Филиппополю. Несмотря на недостаточность своихъ силъ, Татикій двинулся навстрѣчу и, перейдя р. Марицу, дѣйствительно увидѣлъ передъ собою страшныя тучи степныхъ наѣздяковъ. Византійская армія съ своими пышными знаменами, блестящими кольчугами и наплечьями, на которыхъ отражалась солнечные лучи, и печенѣжскія массы, пугающія своею необозримою густотою, изумительною быстротою своихъ коней, стали другъ противъ друга. Ни та, ни другая сторона не хотѣла 157 начинать рѣшительнаго боя. Печенѣговъ пугало византійское вооруженіе, осторожный Татикій опасался подавляющаго множества варваровъ. Только одни Франки съ Гумбертолуломъ горѣли жаждою битвы: они «точили зубы и желѣзо» и рвались впередъ, но были остановлены главнымъ воеводой ³⁾. Простоявъ день, обѣ стороны воротились каждая въ свой лагерь. То же повторилось и на слѣдующій день. А на утро третьяго дня Печенѣги, не выдержавъ утомительной пытки, повернули назадъ къ Балканскимъ проходамъ. Татикій погнался было за ними, — по

1) Анна р 183 C: παρὰ τῷ χεῖλεϊ τοῦ κητὰ τὸν Βλίσνον ῥέοντος ποταμοῦ. У Вильгардуана (éd. de Wailly 1874, p. 266 § 445) Blisime въ однодневномъ разстояніи отъ Верои (Эски-Загра). См. Wiener Jahrbuch. der Literat. B. 42 S. 53: Blisimos слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ ручей Ядина (Jadina) впадаетъ въ Марицу, противъ деревни Bahadere. Fischer, Kreuzzug Friedrich's I, S. 95 на дорогѣ отъ Филиппополя къ Адрианополю, вѣроятно по близости теперешняго Papaslu.

2) Анна р. 183 D: κητὰ τὸν ἢ παρὲν ὄχθον—вмѣсто Εὐρου ὄχθον.

3) Анна р. 184 D.

пѣшій конному не товарищъ, замѣчаетъ Анна греческою пословицей, имѣющею смыслъ именно нашей поговорки ¹⁾). Когда Византійцы пришли къ «желѣзному запору», думая настигнуть здѣсь враговъ, то и слѣдъ ихъ простыль. Татикій вернулъся въ Адрианополь и, оставивъ здѣсь Франковъ, распустивъ по домамъ другихъ ополченцевъ, съ небольшимъ отрядомъ прибылъ въ столицу ²⁾). Все это было осенью 1086 года.

Въ началѣ 1087 года въ печенѣжскихъ кочевьяхъ за Балканами и далѣе — въ половецкихъ вѣжахъ около Днѣпра и Дона, собиралась новая гроза для несчастныхъ подданныхъ императора Византійскаго. Венгерскій король Соломонъ, сынъ Андрея, лишенный (въ 1074 году) престола своими двоюродными братьями (Гейза до 1077 г. и Владиславъ съ 1077 по 1095 г.), отвергнутый своею женою (Юдиль, сестра Гейнриха IV Германскаго) ³⁾, послѣ неудачной попытки воротить себѣ королевскій престолъ при помощи половецкаго хана Кутеска ⁴⁾, задумалъ — вмѣстѣ со своимъ союзникомъ и вмѣстѣ съ печенѣжскимъ княземъ Челгу — одно общее большое нападеніе на Византію, можетъ быть, съ цѣлію основать новое царство взаимъ утраченнаго ⁵⁾. Челгу съ Печенѣгами, съ Половцами и Соломонъ съ своими мадьярскими приверженцами, ушедшими вмѣстѣ съ нимъ въ кочевья дикарей, — цѣлая 80-ти тысячная орда нахлынула по веснѣ 158 1087 года на Македонію и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, прошла мимо Адрианополя; страшный потокъ, наводнивъ долину

1) Анна p. 185: ἀλλὰ πεζός φασιν παρά Λύδιον ἄρμα.

2) Анна p. 185 B: τῶν δὲ στρατιωτῶν οἴκοι παρευθῆναι ἕκαστον χελεύσας.

3) См. Bernoldi Chronic. MG SS V, 439 и 446. Siegeberti Chron. MG. SS. VI, 363. Chronicon Posoniense, Endlicher Monum. Arpadiana p. 56.

4) Thwrocъ [=Chronicon pictum Vindob. (Historiae Hungaricae fontes, SS. II) p. 194: adiit ducem Cunorum qui uocabatur Kutesk. Chronicon Dubnicense (ibid. III) p. 94 sq.].

5) Анна p. 188: σύμμικτον ἐπαχόμενος στρίτευμα — — ἔχ τε Σαυροματῶν καὶ Σχυθῶν καὶ ἀπὸ τοῦ Δακτικοῦ στρατεύματος οὐκ ὀλίγους, ὧν ὁ οὕτω κηλούμενος Σολομών δημαγωγός ἦν. [Chron. pictum Vindob. p. 195: At rex Salomon cum latrunculis Cunorum inuasit Bulgariam et confinia Graecie, ubi ab exercitu imperatoris Graecie miserabiliter sunt percussi, e quibus pauci valde euaserunt. Cum enim uidissent Cuni magnam multitudinem loricatorum, timuerunt valde, ceperuntque festinare ut transirent Danubium, priusquam ab hostibus concluderentur.] Финлей привязалъ Даковъ за Влаховъ и по поводу имени Соломона напоминаетъ замѣтку Веніамина Тудельскаго о распространенности еврейскихъ именъ между Влахами.

рѣки Марицы (Гebra), спускался къ Мраморному морю. Населеніе сель и деревень въ страхѣ бѣжало въ укрѣпленные города, думая найти въ нихъ безопасное убѣжище. Напрасная надежда. Города быля разоряемы точно такъ же, какъ и села. Печеньги взяли уже Харіуполь, въ суточномъ разстояніи отъ Родосто (при Мраморномъ морѣ ¹⁾). Только здѣсь и теперь военныя силы имперіи подали признакъ своего существованія. Двое воеводъ византійскихъ заняли укрѣпленное мѣсто Памфилъ ²⁾, думая въ немъ защищаться. Но приближеніе Печеньговъ и Половцевъ, предъ которыми все бѣжало, принудило ихъ спуститься къ городку Кулъ, по дорогѣ отъ Эноса къ Константинополю ³⁾. Печеньги шли сзади по пятамъ, какъ гончія собаки. Николай Маврокатакалонъ, главный воевода, послѣ нѣсколькихъ колебаній рѣшился дать отпоръ врагамъ, которыми начальствовалъ самъ Челгу. Блестящій, неожиданный успѣхъ увѣнчалъ его смѣлое рѣшеніе. Челгу палъ въ сраженіи; здѣсь же, повидному, сложилъ свою голову и Соломонъ ⁴⁾. Печеньги бѣжали, много изъ нихъ было убито, да не мало потонуло въ двухъ рѣчкахъ, между которыми они очутились. Побѣдоносное войско византійское, вмѣсто того чтобы преслѣдовать враговъ, которыхъ впрочемъ нагнать было не легко,

1) Харіуполь рядомъ съ Родосто: *Partitio regni Graeci*, у Tafel, *Urkunden*, I (*Fontes rer. Austr.* XII), 466. *Villehard. ed. de Wailly* p. 220 § 373: *Cariople*; ночь и день ѣхали отъ Харіуполя до Родосто.

2) Тѣ Памфилон между Родосто и Димотикою (*Partitio* p. 491); одинъ день пути отъ Адрианополя на югъ (*Villehard. p.* 218 § 369: *Pamfile*).

3) Анна p. 188 B: τὸ τοῦ Κούλη πολίχνιον. *Partitio* p. 480: *pertinentia Culi*. Вѣроятно, *Tschelebi-koï*, въ 4 мил. къ с.-в. отъ Эноса: *Fischer, Kreuzzug Friedrich's I*, S. 100 и 193 со ссылкой на *Wiener Jahrbücher*.

4) *Bernoldi Chron. sub anno 1087*, *MG. SS. V*, 446: *Salomon quondam rex Ungarorum...*, dum quiddam contra regem Grecorum molitur, post incredibilem hostium stragem et ipse viriliter occubuit. *Annalista Saxo*, ann. 1087, *MG. SS. VI*, 724: *Salaman Ungarie quondam rex et Knut rex Danorum a suis occisi sunt*. Въ Венгерскихъ источникахъ (Кеза, Турочъ) басни. [*Cronicon pictum Vindob.* p. 195 sq, рассказываетъ о Соломонѣ, что онъ успѣлъ все-таки спастись во время бѣгства отъ преслѣдованія враговъ, но затѣмъ скрылся отъ своихъ спутниковъ, обратился на путь раскаянія и въ уединеніи велъ жизнь подвижника, только изрѣдка показываясь людямъ (его видѣли въ Венгріи во время короля Коломана), онъ умеръ и погребенъ въ Полѣ (*Pole in ciuitate Istria*). Кеза (*Hist. Hung. Fontes SS II*) p. 87 сообщаетъ еще нѣкоторыя подробности о подвижнической монашеской жизни Соломона, который въ видѣ нищаго получилъ подаванія отъ брата короля Владислава.]

воротилось въ столицу, дабы получить достойную награду за свой подвигъ ¹⁾.

Печеньги, оставивъ Фракію и Македонію, ушли за Балканы, гдѣ они уже давно хозяйничали, какъ у себя дома, на всемъ пространствѣ до рѣки Дуная. Византійское правительство не могло, однако, примириться окончательно съ мыслию о потерѣ 159 такой обширной области, и если бы могло, то все-таки невыносимо было оставаться подъ угрозой постоянныхъ набѣговъ на Флиппополь, Адрианополь, чуть не на самый Константинополь. Всѣ усилія византійской политики посѣять раздоръ въ печенѣжскихъ вѣжахъ и привлечь на свою сторону вліятельныхъ хановъ до сихъ поръ оказывались тщетными. Къ удивленію Грековъ, хорошо понимавшихъ силу золота, ни одинъ важный перебѣжчикъ не являлся къ императору Алексѣю ²⁾. Печеньги находили болѣе выгоднымъ дружно дѣлиться добычей и брать огромныя суммы съ казны императорской за выкупъ плѣнныхъ. Такъ, за одного изъ своихъ вельможъ Алексѣй заплатилъ 40,000 монетъ ³⁾. Частые набѣги Печенѣговъ не прекращались ни осенью, ни даже зимою 1087—1088 годовъ, и на слѣдующую весну все предвѣщало повтореніе прошлогоднихъ событій.

Императоръ Алексѣй, ободренный успѣхомъ, рѣшился предупредить неприятныхъ гостей — перейти за Балканы и, если можно, выгнать Печенѣговъ изъ предѣловъ имперіи, границею которой считался Дунай. Лѣтомъ 1088 года онъ расположился лагеремъ между Діамполемъ (Jambol, Jamboli) и Голоей при южной подошвѣ хребта Балканскаго, неподалеку отъ «Желѣзнаго запора» (Демиръ-капу). Онъ простоялъ здѣсь сорокъ дней, чтобы дать время собраться всѣмъ военнымъ силамъ, которыми имперія располагала въ Европѣ. Въ то же время византійская флотилія на Черномъ морѣ, обыкновенно стоявшая въ Анхіалѣ, получила приказаніе плыть къ устьямъ Дуная и, поднявшись вверхъ по теченію, дѣйствовать противъ Печенѣговъ заодно съ

1) Anna p. 189 Par.

2) Anna p. 190.

3) Ibid. Это былъ Григорій Маврокатакаловъ, вѣроятно, братъ побѣдителя Челгу.

сухопутною арміею. Начальство надъ нею было поручено Георгію Евфорвину. Планъ былъ задуманъ хорошо и на широкую ногу, и трудно понять, отчего онъ нашелъ себѣ сочувствіе только въ пылкой и неопытной молодежи (Георгій Палеологъ, Николай Маврокатакалонъ) и, напротивъ того, былъ встрѣченъ неодобрительно такими опытными людьми, какъ бывший претендентъ на корону, слѣпой Вріеній, давно примирившійся съ Алексѣемъ. Что касается Печенѣговъ, то одновременное появленіе Евфорвина на водахъ Дуная и сухопутной арміи въ Балканской Болгаріи произвело на нихъ сильное впечатлѣніе; Печенѣжскіе князья снарядили огромное (въ 150 чел.) посольство просить миръ¹⁾. 160 Самъ императоръ объяснялся съ варварскою депутаціею. Переходя отъ смиренной покорности къ наглой дерзости, печенѣжскіе кибитные полетики то хотѣли соблазнить Алексѣя обѣщаніемъ вѣрнаго союза, предлагая поставлять 30,000 всадниковъ для всякаго похода въ Европѣ или Азіи, то начинали сыпать угрозами²⁾. Не трудно было догадаться, что миръ, заключенный при такихъ обстоятельствахъ, то-есть, ранѣе чѣмъ была вѣсколько прииженна заносчивая смѣлость грубыхъ кочевниковъ, окажется очень непрочнымъ. Византия должна была возстановить нѣкоторое почтительное уваженіе къ себѣ среди дикихъ ордъ, уже взявшихъ привычку презирать ее. Поэтому Алексѣй Комнинъ поступилъ весьма разумно, отвергнувъ мирныя предложенія Печенѣговъ. Но этого было мало; онъ хотѣлъ показать, что само небо покровительствуетъ Грекамъ и даетъ свои откровенія ихъ императору, уполномочивая его на вѣроломное нарушеніе общенародныхъ обычаевъ, охраняющихъ неприкосновенность посла у самыхъ дикихъ племенъ. Одинъ изъ секретарей императора, знатокъ астрономіи, какихъ въ ученой Византии было еще немало, шепнулъ на ухо своему повелителю, во время его объясненій съ печенѣжскою депутаціею, что въ этотъ день (это было 20-е іюля 1088 г.) должно послѣдовать солнечное затменіе. Императоръ сейчасъ повялъ намекъ и внушеніе; обращаясь къ посламъ, онъ объявлялъ, что отдаетъ дѣло на судъ Божій: «Самъ Богъ пока-

1) Анна р. 192 В.

2) Анна р. 192 С.

жетъ, съ ложью или правдой вы пришли ко мнѣ: если послѣдуетъ какое знаменіе на небѣ, значить — вы обманываете меня; а если не будетъ никакого знаменія, то, значить — я подозреваю васъ напрасно». Не прошло двухъ часовъ, какъ свѣтъ дневной померкъ, и весь кругъ солнечный закрылся тьмою ¹⁾. Удивленные небеснымъ знаменіемъ, послы еще болѣе изумились, когда ихъ взяли подъ стражу, какъ обманщиковъ, и отправили въ Константинополь. Дорогой они, впрочемъ, нашли возможность освободиться; убивъ ночью своихъ стражей, они пробрались горными тропинками, которыя имъ были хорошо извѣстны, къ своимъ «сердоболямъ» за Балканами.

Ожидая общаго движенія Печеньговъ, императоръ Алексѣй, принимавшій посольство, повидимому, еще въ Голоѣ, перешелъ, 181 вслѣдъ за главною арміею, горные проходы и направился къ городу Плискову ²⁾. Печеньги, какъ голодные волки, рыскали кругомъ византійскаго войска и перехватывали мелкіе фуражирные отряды, убивая и забирая въ плѣнъ людей. Двигаясь далѣе къ сѣверу, Греки подошли къ Дерстру (Силистріи) и остановились лагеремъ въ 24 стадіяхъ отъ города на рѣчкѣ, впадающей въ Дунай. Вдругъ со стороны, откуда ихъ не ожидали, толпой налетѣли съ своимъ обычнымъ крикомъ и ревомъ отчаянные печенѣжскіе наѣзники, ворвались въ лагерь, проскакали до самой императорской палатки и произвели страшную суматоху и беспорядокъ, среди которыхъ опрокинута была императорская палатка — дурное предзнаменованіе было замѣчено; выхватили нѣсколько плѣнниковъ и, безъ особеннаго вреда для себя, удалились ³⁾. Императоръ Алексѣй послѣ этого перемѣнилъ позицію и, совсѣмъ придвинувшись къ Дерстру, началъ правильную осаду. При помощи стѣнобитныхъ машинъ, городъ былъ взятъ; но два

1) Anna p. 192 sq. Cp. Auctarium Mellicense sub a. 1088 MG. SS. IX, 539: Eclipsis solis facta est. Въ Воскресенской летописи (Полное Собрание, VII, 4) подъ 6596 годомъ также обозначено затменіе, но оно перемѣшано съ другимъ, которое было 21-го мая 1091 года, какъ это и стоитъ на своемъ мѣстѣ въ Лаврентьевскомъ спискѣ.

2) Anna p. 193 C. καταλαρβάνει τὴν Πλίτκοβαν. На одной картѣ Бозгаринъ показана Плиска на югъ отъ Силистріи, по направленію къ Эски-Стамбулу. Гильфердингъ, I, 161, со ссылкой на Черткова.

3) Anna p. 193 sq.

замка, возвышавшіеся надъ нимъ, представляли непреодолимую твердыню; въ нихъ засѣли родичи (συγγενεῖς) Татуша, давно извѣстнаго намъ властителя дунайскихъ береговъ. Самъ Татушъ, узнавъ о приближеніи самого императора съ арміею и предвидя осаду, ушелъ за Дунай къ Половцамъ. Онъ хотѣлъ убѣдить ихъ подать руку помощи единоплеменному народу печенѣжскому. Несмотря на отсутствіе главнаго вождя, его «родичи» держались упорно, и Алексѣй счелъ за лучшее снять осаду. Впрочемъ, онъ продолжалъ держаться дунайскаго берега, опираясь на флотъ, который могъ всегда оказать существенную услугу, какъ при нападеніи, такъ и при отступленіи; византійская армія именно здѣсь, по мысли Алексѣя, должна была дать сраженіе Печенѣгамъ, приходъ которыхъ ожидался. Главный станъ печенѣжскій, главное средоточіе ихъ силы находилось, по прежнему, въ холмистой мѣстности на югъ отъ Великой Прѣславы (между Шумлой, Варной и Балканами?); здѣсь былъ сооруженъ ихъ лагерь. Опять, вслѣдствіе убѣжденій со стороны своихъ молодыхъ совѣтниковъ (Палеолога, Маврокатакалона), императоръ Алексѣй отказался отъ своего первоначальнаго плана и рѣшился предпринять экспедицію на югъ къ прежней столицѣ царей Болгарскихъ, находившейся теперь во власти Печенѣговъ. Можетъ 162 быть, ожидаемое прибытіе Половцевъ осталось не безъ вліянія на такое рѣшеніе. Очевидно, что греческая армія могла очутиться, оставаясь на Дунаѣ, между Печенѣгами, которые прійдутъ съ юга, и Половцами, которыхъ приведетъ Татушъ. Палеологъ и Катакалонъ разсуждали, что, овладѣвъ Прѣславою, Византійцы могутъ стать твердою ногою на сѣверѣ хребта Балканскаго, и что постоянно тревожа Печенѣговъ, пресѣкая имъ всѣ средства къ грабежу и, слѣдовательно, пропитанію, можно будетъ окончательно выжить ихъ изъ Болгаріи¹⁾. Утромъ, съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, въ полномъ боевомъ порядкѣ двинулась византійская армія отъ Дерстра къ югу; но враги были гораздо ближе, чѣмъ о нихъ думали. Скоро появилась на пути отступленія цѣлая орда печенѣжская. Впереди скакали всадники, которые сейчасъ же начали заирать Грековъ; сзади тянулись

1) Anna p. 195.

печенѣжскія арбы съ женами и дѣтьми. Началась жестокая битва. Самъ императоръ стоялъ въ центрѣ своего войска, окруженный родственниками и отрядомъ Франковъ, которымъ начальствовалъ его братъ Адрианъ; сверхъ того, Алексѣй избралъ еще шесть человекъ, которымъ специально ввѣрилъ охрану своей особы; въ числѣ ихъ были два сына покойнаго императора Діогена, начальникъ варяжской дружины Нампуть и проч. На лѣвомъ крылѣ начальствовалъ кесарь Никифоръ Мелиссианъ, зять императора по сестрѣ, на правомъ, кромѣ Татикія, стояли Узанъ и Карачанъ съ своими соплеменниками, то-есть, Узами, оставшимися на службѣ византійской¹⁾. Цѣлый почти день длился бой; съ обѣихъ сторонъ пало не мало убитыхъ, въ числѣ ихъ былъ сынъ Діогена, Левъ, который, увлекшись военнымъ пыломъ, подсказалъ слишкомъ быстро къ печенѣжскимъ телѣгамъ и былъ оттуда пораженъ смертельнымъ ударомъ; то же самое едва не случилось съ братомъ императора Адрианомъ. Исходъ сраженія оставался нерѣшеннымъ до самаго вечера, когда вдругъ появились вдали новыя толпы Печенѣговъ въ числѣ 36 тысячъ, спѣша на помощь къ своимъ. Тогда византійцы не устояли и обратились въ бѣгство. Напрасно Алексѣй пытался удержать ихъ; онъ сталъ впереди своего отряда, держа въ одной рукѣ обнаженный мечъ, въ другой—распушенный въ видѣ знамени омофоръ Влахернской Богоматери, столько разъ спасавшій греческую столицу отъ варваровъ. Покинутый своею арміей, оставаясь только съ двадцатью человекъми, императоръ подвергался лично большой опасности. Трое пѣшихъ Печенѣговъ бросились на него; одинъ схватилъ его за ногу, двое другихъ держали узду его лошади. Сильныя мышцы спасли Алексѣя: одинъ изъ враговъ потерялъ руку, другой, пораженный ударомъ, повалился на землю, третій обратился въ бѣгство. Протостраторъ Михаилъ Дука, оглянувшись кругомъ и не видя нигдѣ поддержки, приглашалъ императора позаботиться о своей жизни. Алексѣй съ жаромъ отвѣчалъ, что онъ предпочитаетъ смерть постыдному бѣгству. Но, получивъ напоминаніе о долгѣ императора, который не имѣетъ права жертво-

1) Anna p. 195 D: Σχυρομάται Ср. p. 142 O: Οὐζῆς δὲ τὴν κλῆσιν φερόντων ἐκ τοῦ γένους λαχών.

вать своею жизнью, какъ простой солдатъ, и отъ жизни котораго зависить судьба государства и самая возможность поправить бѣду въ будущемъ, Алексѣй послѣдовалъ общему примѣру. Съ большимъ трудомъ, съ опасностью на каждомъ шагѣ, послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ преслѣдующими Грековъ Печеньгами, при чемъ Алексѣй снова доказалъ силу своего плеча и ловкость въ управленіи своимъ мечемъ, удалось ему съ протостраторомъ Михаиломъ избѣгнуть плѣна, отдѣлавшись неопасною, хотя оставившею надолго сильную боль контузіей ¹⁾. Онъ принужденъ былъ, для сохраненія драгоценной святыни, которая въ сраженіи служила ему знаменемъ, спрятать омофоръ Богородицы въ густой травѣ на пути своего бѣгства ²⁾. Ночью прибылъ императоръ въ Голою, по другую сторону Балканъ, а чрезъ день явился въ Вероѣ. Когда въ столицѣ узнали о печальной развязкѣ похода, то между гражданами распространилась ироническая поговорка: «Отъ Дерестра до Голои хорошая станція, Комнинъ» ³⁾.

Въ Вероѣ (Эски-Загра) явился къ Алексѣю одинъ изъ вѣрнѣйшихъ его друзей и совѣтниковъ, Георгій Палеологъ, оставшій во время бѣгства. Палеологъ рассказывалъ, что онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни только чуду. Его загнанная лошадь пала, Печеньги преслѣдовали его по пятамъ, но въ самую критическую минуту какое-то сверхъестественное существо явилось ему въ образѣ одного епископа (Халкидонскаго) и подвело ему коня, на которомъ Палеологъ и успѣлъ ускакать отъ погони. Чудесный конь былъ потомъ все-таки убитъ подъ бѣглецомъ печеньжскою стрѣлой, и Палеологъ болѣе десяти дней скрывался въ го- 164
рахъ у одной бѣдной вдовы. Тѣмъ не менѣе Анна, вѣруя въ чудо, искренно недоумѣваетъ, какъ могла небесная сила избрать для своего проявленія образъ епископа, который не былъ пріятель ея отцу и заподозрѣнъ былъ въ неправильномъ пониманіи нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ.

Не всѣ были такъ счастливы, какъ императоръ Алексѣй и

1) Анна p. 198. Анна замѣчаетъ, что она пересказываетъ всѣ подробности со словъ отца, на основаніи его воспоминаній въ семейномъ дружескомъ кругѣ, p. 198 B.

2) Анна p. 198 D.

3) Анна *ibid.*: ἀπὸ τῆν Δρεστραν εἰς Γολόην χαλδὸν ἀπληκτον, Κομνηνα.

Георгій Палеологъ. Число Византійцевъ, доставшихся въ плѣнники Печенѣгамъ, было весьма велико; въ этомъ числѣ были такія знатныя лица, какъ зять императора (по сестрѣ) кесарь Никифоръ Мелиссиъ. Князья Печенѣжскіе, раздраженные нападеніемъ Алексѣя на ихъ улусы, думали о самой варварской мести и хотѣли перерѣзать всѣхъ плѣнныхъ Грековъ безъ исключенія. Къ счастью, первобытныя формы печенѣжскаго политическаго устройства требовали въ важныхъ дѣлахъ всенароднаго согласія на вѣчѣ. Печенѣжскій коментъ, въ исторіи св. Бруно являющійся такъ свирѣпымъ, на этотъ разъ возсталъ противъ жестокаго рѣшенія своихъ хановъ: пусть лучше императоръ выкупить плѣнныхъ; ради своихъ родныхъ онъ, конечно, не откажется дать выкупъ богатый. Кесарь Никифоръ, изъ опасенія за свою жизнь «поощрявшій» Печенѣговъ къ такому рѣшенію, написалъ императору въ Верюю объ условіяхъ выкупа. Много убыло казны изъ Константинопольскаго казначейства для удовлетворенія корыстолюбивыхъ варваровъ¹⁾.

Печенѣги умѣли цѣнить византійскіе дукаты съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ греческая монета явилась на свѣтъ съ этимъ названіемъ (то есть, уже со временъ Константина Дуки); они знали также достоинство шелковыхъ тканей съ Фивскихъ и Коринфскихъ фабрикъ; но на этотъ разъ богатство принесло несчастье Печенѣгамъ. Едва они успѣли подѣлить свои барыши, какъ явились Куманы, приведенные Татушемъ (который, какъ сказано было, отправился искать ихъ помощи). Половецкіе ханы, которые до сихъ поръ грабили больше небогатые города и села русскія, поражены были удивленіемъ и завистію при видѣ сокровищъ, доставшихся ихъ соплеменникамъ, и потребовали новаго дѣлежа въ пользу Половцевъ, совершившихъ такой далекой путь. Нужно признать, что соображенія и мотивы, которые кесаревна Анна влагаетъ въ уста опоздавшихъ помощниковъ, весьма согласны съ обстоятельствами и характеромъ дѣйствующихъ лицъ. «Мы оставили свои вежи», говорили Куманы, «проѣхали такое
165 пространство, чтобы поспѣшить на помощь вамъ. Мы готовы были раздѣлить всѣ опасности, слѣдовательно, вмѣемъ право

1) Анна p. 200.

разсчитывать на всё выгоды счастливой побѣды. Мы, съ своей стороны, сдѣлали все, что отъ насъ требовалось: нельзя послѣ этого отпустить насъ съ пустыми руками. Развѣ мы виноваты, что греческій каганъ вступилъ въ сраженіе, не дождавшись насъ? Жадные и неблагодарные Печеньги остались глухи предъ голосомъ справедливости и логики и на отрѣзъ отказались удовлетворить своихъ союзниковъ. Что произошло далѣе, можно впередъ угадать. Варвары разсорились, а потомъ подрались изъ-за византійскаго золота. Щадить другъ друга они не умѣли: завязалась обычная кровавая, дикая, неумолимая борьба. Половцы оказались сильнѣе; Печеньги были разбиты и загнаны въ болота около низовьевъ Дуная. Только недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ заставилъ Половцевъ отказаться отъ желанія довершить свою месть надъ Печеньгами полнымъ ихъ истребленіемъ. Уходя домой, на берега Днѣпра и Дона, Половецкіе ханы возымѣли, однако, твердое намѣреніе воротиться въ скоромъ времени назадъ.

V.

243

Въ то время, какъ христіанскій востокъ истощалъ свои силы въ утомительной непрерывной и тяжелой борьбѣ съ турецкими ордами въ Европѣ и Азіи, болѣе счастливый западъ свободно развивалъ свою юную мощь и элементы новой гражданственности. Феодалыныя замки, которыми была покрыта западная Европа, были переполнены иногда грубыми и жесткими, но бодрыми людьми; гордая независимость личности соединялась у нихъ съ безпредѣльною энергіей и безпокойною предприимчивостью. Толпы смѣльчаковъ стремились въ южную Италію, гдѣ семь почти сказочныхъ героев завоевали цѣлое королевство; шли далѣе на востокъ, гдѣ поступали на службу византійскаго императора, сражались подъ его знаменами въ глубинѣ Азіи и пытались иногда, не поладивъ съ порядками византійскаго чиновначалія, дѣйствовать на свой страхъ, какъ знаменитый Норманнъ Урсель, едва не положившій основанія независимому франкскому государству на азіатскомъ берегу Понта¹⁾. Самыя формы мистиче-

1) Finlay, History of Greece, Oxford 1877, III, 43.

скаго и аскетическаго благочестія западныхъ людей носили господствующій оттѣнокъ неусидчивой предприимчивости. Массы пилигримовъ, стремившихся въ Палестину, становились все многочисленнѣе и гуще. Для западной Европы исчезла послѣдняя гроза варварскихъ нашествій; воинственная орда номадовъ, пришедшая на Дунай съ Арпадомъ и долго служившая для Германіи, Италіи и самой Франціи такимъ же страшнымъ бичемъ небеснаго гнѣва, какимъ для восточной Европы продолжали быть Печеньги и Половцы, — сама превратилась въ христіанское государство съ романо-германскими религіозными и политическими учрежденіями, съ сохраненіемъ цивилизующихъ отношеній къ

244 Византіи, откуда были получены и первые начатки христіанскаго образованія. Съ тѣхъ поръ все чаще и чаще толпы благочестивыхъ странниковъ являлись на сѣверныхъ границахъ Византійской имперіи, въ Дунайской Болгаріи. Венгерскіе короли, преемники Арпада, благосклонно принимали западныхъ богомольцевъ, покровительствуемыхъ католическою церковію, предводимыхъ ревностными епископами и уважаемыми аббатами, и открывали имъ свободный проходъ въ византійскія владѣнія. Подивившись многочисленности и богатству храмовъ греческой столицы, благочестиво позавидовавъ ея неоцѣнимымъ святынямъ и невсечетному количеству мощей, пилигримы садились на греческіе корабли и переѣзжали въ Азію. Вотъ на этомъ пути пришлось познакомиться и западной Европѣ съ паводящими ужасъ именами Печеньговъ и Узовъ. Въ 1053 году, въ тотъ самый годъ, какъ воеводы Константина Мономаха потерпѣли страшное пораженіе за Балканами отъ Печеньговъ, пришла въ Венгрію толпа пилигримовъ, желавшихъ пробраться въ Палестину, но съ глубокимъ огорченіемъ она должна была вернуться назадъ, искать себѣ другого, хотя и менѣе близкаго пути — чрезъ Италію: путь чрезъ византійскія владѣнія былъ прегражденъ нашествіемъ Печеньговъ¹⁾. Въ 1065 году, въ годъ, послѣдовавшій за ужаснымъ

1) Vita Theoderici abbatis Andaginensis, MG. SS. XII, 44. Sed interea cum videret plurimos Hierosolimam -- tendere, ipse -- coepit eodem proficisci velle -- Cum aliis -- in Hungariam venit. -- Turbata illic incursione barbarorum re publica, tam ipse quam comites eius transire prohibiti, Pannoniam conversi, multa difficultate venerunt ad urbem Romam. Они хотѣли побывать на горѣ Гаргамо, по-

нашествіемъ Узовъ, караванъ, состоявшій изъ 12 тысячъ пилигримовъ, предводимый четырьмя епископами (Майнца, Утрехта, Регенсбурга и Бабенберга), вступивъ въ Византійскую имперію и перейдя рѣку Мораву, скоро наткнулся на хищниковъ и разбойниковъ, имя которымъ было Узы. Успѣвъ добраться до святой земли, испытавъ въ Азіи величайшія бѣдствія, пилигримы не забыли этихъ страшныхъ людей и въ своихъ письмахъ на родину говорили о нихъ съ отвращеніемъ¹⁾. Двѣнадцатитысячная толпа, сопровождавшая епископовъ Утрехта и Майнца, предвѣщала 246 близость народнаго движенія, во главѣ котораго станутъ Вальтеры и Эмиконы съ Петромъ Аміенскимъ. Рыцарскую часть перваго Крестоваго похода началъ фландрскій графъ Робертъ, по прозванію Фризь²⁾, и его пятьсотъ всадниковъ, которые явились на помощь Алексію Комнину противъ Печенѣговъ и Турокъ.

Робертъ I Фризь, графъ Фландріи, Зеландіи и Голландіи, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ вонновъ и властите-

томъ направить свой путь все-таки чрезъ Константинополь, но и Адриатическое море не было безопасно: *diffusis toto, ut fama erat, Adria pyratibus*. [Chronicon S. Andreae, MG. SS. VII, 595: De protectione domni episcopi Lietberti in Ierusalem. Barbaram quam colunt Hani transmeat patriam. Transito itaque Danubio, ad regem Pannoniarum pervenit; et pretergressus eius patriam, vastas ingreditur solitudines, quas deserta Bulgariae vocant, quasque latrunculi Scythicae gentis inhabitant. Hi degentes more ferarum, nullis coercentur legibus, nullis continentur urbibus; sub dio manent, quas nox coegerit sedes habent, praetereuntes obsident, obvios interficiunt, ceteros depredantur. Cf. Vita Lietberti c. 33, ibid. adn. 21: Gregatim vadunt, omnia sua, secum portantes cum tota supellicite, parvulis et uxoribus. Nullius heresis nominata secta, nullius religionis divino cultu tenentur; tamen sicut ex eorum interfectis vidimus, more Saracenorum, circumciduntur; barbari crudeles, homicidae, sine affectu, sine pietate.] — См. объ этихъ пилигримахъ [также Herigeri Gesta, MG. SS.] VII, 171. [Chron. S. Huberti Andag. ibid.] VIII, 572.

1) Annales Altaheuses maiores, MG. SS. XX, 815: Igitur mox, ut fluvium, qui Marowa dicitur, transierunt, statim pericula latronum et raptorum crebro incidere, quae tamen ipsi prudenter declinantes et caute, tandem urbem Constantinopolitanam adiere. Далѣе сообщается отрывокъ изъ письма Гултера Бабенбергскаго (писано въ Лаодикѣ): *Experti - sumus Ungros sine fide famulantes, Vulgarios occulte rapientes, fugimus Uzoz aperte debachantes, Constantinopolitanos vidimus graece et imperialiter arrogantes* и т. д. — Ср. MG. SS. XII, 230. [См. также Michaud, Hist. des crois. 4. édit. I, 65.—Baronius, Ann. eccles. (Theiner) XVII, 251, относить это событіе къ 1084 году.]

2) [О Робертѣ Фризь см. Giesebrecht, Gesch. d. d. Kaiserz. (3 изд.), 167 сл. 1113 сл.]

лей своего времени. Человѣкъ съ характеромъ сильнымъ и несдержаннымъ, онъ вращался въ непрерывной борьбѣ и не боялся никакихъ средствъ, чтобы восторжествовать надъ болѣе могущественнымъ противникомъ: изгнанный изъ отечества оружіемъ герцога Готфрида Горбатаго, онъ погубилъ своего врага посредствомъ наемнаго убійцы. Онъ былъ въ ссорѣ съ своей невѣсткою Рихильдой Геннегау (Hainaut), вдовствующею графиней Фландріи, и отнялъ у ея дѣтей, своихъ племянниковъ, наследство ихъ отца. Дѣло поступило на судъ короля Франціи [Филиппа I¹], какъ верховнаго сюзерена незаконно захваченныхъ владѣній; Евстаѳій Булонскій, отецъ Готфрида, героя перваго Крестоваго похода, склонилъ приговоръ противъ Роберта. Но военное счастье рѣшило иначе: въ первой схваткѣ палъ Арнульфъ, законный наследникъ графства Фландрскаго²), во второй — Евстаѳій попался въ плѣнь, въ третьей — Робертъ поразилъ соединенныя силы Готфрида Лотарингскаго, Альберта Намюрскаго и другихъ³). Бадуинъ, младшій племянникъ, долженъ былъ считать себя счастливымъ, что ему удалось удержать за собой хотя наследіе своей матери (Геннегау)⁴).

Въ 1087 году графъ Робертъ, желая загладить свои грѣхи, хотя и не думалъ возвращать племяннику того, что у него было преступнымъ образомъ отнято, отправился въ Святую Землю. Рядъ чудесъ сопровождалъ это путешествіе; если мы повѣримъ благочестивымъ лѣтописцамъ Фландріи, Іерусалимскія ворота заперлись сами собою, когда хотѣлъ войти въ нихъ графъ Робертъ. Пустышникъ, извѣстный своею святостію, къ которому графъ обратился, потребовалъ, чтобъ онъ принесъ покаяніе въ убійствѣ своего племянника Арнульфа и далъ обѣщаніе возвратить Бадуину Фландрію. Ворота открылись сами собою, когда
 246 раскаявшійся графъ снова передъ ними явился. Во время пребывания въ Іерусалимѣ, въ домѣ одного знатнаго Сарацина, Ро-

1) [Gisliberti Chron. Hanon., MG. SS. XXI, 491, невѣрно называетъ короля Генриха.]

2) [Gislib. ibid. p. 492. Ann. Egmond., MG. SS. XVI, 447. Sigebert., MG. SS. VI, 862. Cp. S. Hubert. Andagin, MG. SS. VIII, 582. Herimann. Tornac., Lucae d'Acchéry Spicileg. (ed. 2), II, 892 sq.]

3) [Cp. Chron. S. Andreae, MG. SS. VII, 587 sq.]

4) Sybel, Geschichte des ersten Kreuzzugs, Leipzig 1881, S. 222.

бертъ Фризъ слышалъ отъ сараицкихъ астрологовъ предсказаніе, что Іерусалимъ будетъ скоро взятъ христіанами¹⁾. Далѣе слѣдуютъ факты несомнѣнные и очень важныя по своимъ послѣдствіямъ. На возвратномъ пути изъ своего покаяннаго странствія Фландрскій графъ зимою 1089 года прибылъ въ Константинополь²⁾.

1) *Genealogiae comitum Flandriae*, MG. SS. IX, 393 (варианты Брюссельскаго кодекса). Также *Recueil des chroniques de Flandre* (Collection de chroniques Belges inédites), t. I, p. 67. [Ср. Guibert. de Novig., Migne Patrol. lat. 156, col. 816: Ante duodecennium ferme enim quam proceres nostri Hierosolymitanum aggredierentur iter, Robertus Flandrensium senior comes - Hierusalem, orationis gratia, est profectus. Онъ услышалъ тамъ предсказаніе астролога.]

2) Хронологія палестинскаго пилигримства графа Роберта довольно запутана, но между тѣмъ имѣетъ для насъ важное значеніе. Одинъ изъ специальныхъ историковъ Фландріи (Kervyn de Lettenhove, *Histoire de Flandre*, I, 305) считаетъ годомъ отправленія графа Роберта во Святую Землю 1085 годъ и утверждаетъ, что путешествіе продолжалось четыре года (р. 306). Зибель, на основаніи нѣкоторыхъ не вполне точныхъ источниковъ, указываетъ, съ одной стороны, также 1085 годъ (*Geschichte des ersten Kreuzz. S. 182*), а съ другой (S. 468), на основаніи стараго сочиненія Мейера, на которое ссылался еще Дюканжъ, утверждаетъ, что въ 1089 году Робертъ Фризъ еще не воротился въ свое отечество. Вотъ болѣе положительныя и вполне достовѣрныя данныя: 1) Въ одномъ документѣ (напечатанномъ въ *Recueil des chroniques de Flandre*, t. I. Appendices № 2, p. 704) маркизъ Робертъ младшій, сынъ Роберта Фриза, называетъ июль 1087 года началомъ своего правленія: *in exordio principatus nostri -- Actum -- pridie nonas julii, anno Dominicae incarnationis MLXXXVII, aetate XIV, indictione X*; а Робертъ младшій и по тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя полагаютъ отправленіе его отца въ Палестину въ 1085 году, сдѣланъ былъ правителемъ Фландріи именно по случаю отправленія Фриза въ Палестину. Итакъ, Робертъ Фризъ оставилъ графство своему сыну и ушелъ въ Палестину не ранѣе первыхъ мѣсяцевъ 1087 года. Нѣкоторые источники (см. MG. SS. V, 66), назначающіе для этого 1088 годъ, ошибаются все-таки менѣе, чѣмъ, напримѣръ, Бертинская хроника. 2) Въ болѣе краткой и болѣе достовѣрной генеалогіи графовъ фландрскихъ сказано, что путешествіе графа продолжалось только два года. MG. SS. IX, 307: *Post aliquot annos ivit in Ierusalem; inde post duos annos reversus* и т. д. Итакъ, графъ Робертъ Фризъ возвращался и былъ въ Константинополѣ не позже зимы 1088—1089 года, что вполне согласно съ ходомъ разсказа у Анны Компиной. Легко объяснить ошибку, назначающую четыре года для палестинскаго пилигримства Роберта I. По возвращеніи изъ Константинополя, онъ вскорѣ отправился со своею сестрой Аделью чрезъ Францію въ Итацію. Такимъ образомъ стали говорить, что онъ отсутствовалъ или былъ въ путешествіи четыре года, а потомъ отвесилъ время его отправленія къ 1085 году. 3) Мы не имѣли въ рукахъ сочиненія Мейера и не знаемъ, къ какому мѣсяцу 1089 г. относится документъ, имъ приводимый. Но если это тотъ самый документъ, который касается канцлерскаго достоинства Фландріи, то онъ былъ приведенъ Мейеромъ безъ обозначенія мѣсяца, потому что въ такомъ именно видѣ приводится онъ снова въ другихъ сочиненіяхъ (См. *Monuments pour servir à l'histoire des provinces de Namur, de Hainaut et de Luxembourg. recueillis -- par le Baron de Reiffenberg. T. I, p. 564. Warnkönig, Flandrische Staats- und Rechtsge-*

247 Императоръ Алексѣй Комнинъ, еще не оправившійся послѣ пораженія около Дерстра, принялъ его съ большимъ радушіемъ и успѣлъ расположить въ свою пользу гордаго Франка. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ извѣстіи, сообщаемомъ дочерью Алексѣя, что графъ Робертъ далъ византійскому императору ленную присягу; превосходя силами и значеніемъ короля французскаго, своего законнаго сюзерена, еще менѣе уважая отлученнаго отъ церкви германскаго императора Генриха, фландрскій графъ тѣмъ съ большимъ уваженіемъ расположенъ былъ смотрѣть на восточнаго римскаго императора. Обѣщаніе, данное Робертомъ Фризомъ Алексѣю, — прислать по возвращеніи домой значительную помощь для борьбы съ Печенѣгами¹⁾, было первымъ проявленіемъ тѣхъ прочныхъ связей, которыя образовались съ этого времени между восточнымъ императоромъ и феодальнымъ властителемъ крайняго запада.

Между тѣмъ Печенѣги, оставленные на свободѣ Половцами, опять требовали вниманія. Они снова прошли чрезъ балканскіе проходы (железнымъ запоромъ) и расположились лагеремъ между Голоей и Ямболи (Дямполемъ), гдѣ недавно стоялъ императоръ Алексѣй. Разставшись съ графомъ фландрскимъ, неутомимый вѣнцесецъ византійскій отправился къ своей арміи, которая собралась въ Адрианополѣ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о планахъ, созрѣвшихъ между тѣмъ въ половецкихъ вежахъ. Половцы намѣрены были, какъ уже сказано, преслѣдовать Печенѣговъ гдѣ бы то ни было, готовились къ походу за Дунай и Балканы. Мало хорошаго обѣщали Византіи эти извѣстія. Половцы были теперь естественными союзниками имперіи противъ Печенѣговъ, но неприятно было бы имѣть такихъ союзниковъ слишкомъ близко. Благоразуміе требовало не пускать ихъ по крайвей мѣрѣ на югъ Балканскихъ горъ—въ коренныя греческія провинціи, не давать имъ случая познакомиться съ путями къ Адрианополю и столицѣ.

schichte, I, 262. III, 119). Итакъ, Робертъ Фризь дѣйствительно не возвращался въ свое отечество въ первыхъ мѣсяцахъ 1089 года, но лѣтомъ этого года былъ во Фландріи. [Ср. также Michaud, Hist. des crois. I, 69.]

1) Anna p. 201 sq. Pag.: τότε καὶ ὁ Φλάνδρως κόμης ἐξ Ἱεροσολύμων ἐπανρχόμενος ἐκέλευε καταλαμβάνει τὸν αὐτοκράτορα καὶ τὸν συνήθη τοῖς Λατίνοις ἀποδίδωσιν ὄρκον ὑποσχόμενος -- ἀποστεῖλαι αἱ ἰππεῖς πεντακασίους.

Императоръ Алексѣй отправилъ своего посла къ печенѣжскимъ князьямъ съ золотыми грамотами и щедрыми обѣщаніями, предлагая миръ и союзъ. Печенѣги, сами неспокойные на счетъ своихъ прежнихъ задунайскихъ друзей, пошли на миръ, брали подарки и не отказывались, на словахъ, дать заложниковъ. Между тѣмъ Половцы не заставили долго ожидать себя. Приблизившись 248 къ Балканамъ, еще не будучи знакомы съ горными «запорами», но увидѣвъ здѣсь византійскіе отряды — вслѣдствіе соглашенія съ Печенѣгами, — они потребовали себѣ пропуска и проводниковъ.

Половецкіе ханы объясняли, что имъ необходимо сразиться съ Печенѣгами, ихъ смертельными врагами, которые къ тому же были всегда врагами греческаго императора. Византійцы благодарили Половцевъ за дружеское расположеніе, но учтиво просили ихъ воротиться назадъ. «Въ настоящее время мы не нуждаемся въ вашей помощи; получите дары и возвращайтесь домой» ¹⁾. Степные хищники были на этотъ разъ сговорчивы, нашли подарки удовлетворительными и ушли съ миромъ. Такая смиренная покорность заставляеть думать, что не безъ тайнаго наущенія изъ Константинополя они поспѣшили изъ своихъ степей припугнуть Печенѣговъ, что именно лежало въ видахъ византійской политики.

Половцы ушли, а Печенѣги начали грабить города и села, лежащіе по близости къ Балканамъ. Освобожденные византійскимъ золотомъ отъ страшнаго столкновенія съ половецкими единоплеменниками, варвары вовсе не думали соблюдать мирнаго договора съ имперіей. Расточивши множество казны на выкупъ плѣнныхъ и на умиротвореніе Половцевъ и не имѣя достаточно военныхъ силъ, императоръ очутился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Онъ могъ противопоставить Печенѣгамъ частную, такъ-сказать, партизанскую войну — нападать на печенѣжскіе отряды въ городахъ, ими занятыхъ, когда они отдыхали послѣ грабежа и попойки. Это не помѣшало вѣроломнымъ наѣзникамъ завять Филиппополь, куда ихъ уже давно звали Богомилы, и разсыпаться мелкими загонами по всей долигѣ рѣки

1) Anna p. 202.

Гебра (Марицы). Они захватили Кипселлу¹⁾, и безпокоили самую столицу. Не видя никакихъ средствъ остановить этотъ бѣдственный разливъ дикихъ ордъ, Алексѣй принужденъ былъ искать мира. Анна Комнина съ необычною у ней скромностію выражается, что ея отецъ просилъ мира у Печенѣговъ. Изъ другого источника мы узнаемъ, что, несмотря на всю безысходную опасность положенія, византійскія приличія были соблюдены, и дѣло было поведено такъ, какъ будто сами Печенѣги, грозившіе Константинополю, умоляли о мирѣ.

249 Недолгій отдыхъ купленъ былъ у Печенѣговъ предъ наступленіемъ зимы 1088—1090 года²⁾. Въ январѣ съ обычнымъ придворнымъ церемоніаломъ былъ отпразднованъ день Богоявленія. Знаменитый въ то время ораторъ, глава риторической школы, Теофилактъ, вскорѣ вступившій на болгарскую кафедру, держалъ требуемую церемоніаломъ рѣчь къ императору. Сильнымъ и краснорѣчивымъ, хотя нѣсколько риторическимъ языкомъ, описавъ ужасъ печенѣжскаго нашествія³⁾, ораторъ продолжалъ: «Тѣмъ не менѣе, страхъ, наведенный на нихъ тобою (Алексѣемъ), замѣнилъ десяти тысячное войско и принудилъ ихъ дать отдыхъ своимъ конямъ, воткнуть въ землю копыя и сложить щиты. Но я едва не забылъ о хитрой продѣлкѣ Скиѣа. Онъ искалъ мира, но прислалъ пословъ, которые не сами просили мира, а готовы были дать миръ просящему. Императоръ угадалъ обманъ варваровъ, превзошелъ Омировыхъ ораторовъ (*δημηγόρους*), то рѣзко и отрывисто обвиняя Скиѣа, то держа рѣчь подобно зимней вьюгѣ (*Πιάδ.* III, v. 222). Посрамленные, они (послы) признались, что жаждутъ мира, издали почувствовавъ силу твоего огня. И тѣ, которые едва знали другое рѣшеніе кромѣ крови, ввѣрились грамотѣ и договору. О, счастливый день! О, славныя руки императора, одержавшія побѣду, прежде чѣмъ началась война... Если

1) Анна р. 203: τὰ Κύψελλα, теперь Ипсаза, недалеко отъ Марицы на югъ отъ Адрианополя и Димотки, у Вильгардуэна (р. 297, с. 115 § 495 и 496): Quirezale.

2) Анна р. 204: ἀπίσαντες ἀπὸ τῶν Κυψέλλων κηταλαμβάνουσι τὸν Ταυρόχωμον καὶ εἰ παραχειμάσαντες - -

3) Отрывокъ приведенъ въ началѣ статьи. Доказательство, что это сочиненіе относится къ 1090 году, см. въ приложеніи III.

бы война была увѣнчана мпромъ послѣ опасностей труда военнаго, послѣ потоковъ крови, то и это было бы великимъ дѣломъ. Теперь же мы видѣли дѣло гораздо болѣе достойное удивленія: враги не дождались сраженія (τὴν μάχην), но, осудивъ себя, сами произвели справедливое рѣшеніе. Только въ этомъ они не были Скиѣами и варварами, что прежде бѣды приняла благоразумнѣйшее рѣшеніе... Другой не принялъ бы посольства, показалъ бы бѣольшую, чѣмъ слѣдуетъ, суровость, поднялъ бы брови выше надлежащаго и не прежде отказался бы отъ мести, чѣмъ насытилъ бы звѣря въ своемъ сердцѣ скиѣскою кровію. Но ты и въ томъ показалъ небывалый примѣръ, что не захотѣлъ поплрать ногами лежащихъ, не оттолкнулъ просящихъ милости... Не царское, не божественное дѣло—находить удовольствіе въ мести, но злое и дьявольское, свойственное злымъ натурамъ и злымъ силамъ... Итакъ, ты далъ миръ ищущимъ его и возвратилъ Римской имперіи многіе города, какъ матери плѣнныхъ дочерей. Теперь земледѣлецъ спитъ и видитъ безмятежные сны, благодаря твоему о насъ бдѣнію; ему не снится, что вотъ его пре- 250 слѣдуютъ, настигаютъ, ловятъ, вотъ уже связываютъ, вотъ заносятъ мечъ надъ нимъ; но взошло солнце, и онъ исходитъ на дѣланіе свое даже до вечера. Солнце пошло на западъ, и онъ оставляетъ работу; устрояетъ безъ страха полную трапезу и, наполнивъ свободную чашу, поздравляетъ себя съ твоею силою, съ презрѣніемъ и отвращеніемъ вспоминаетъ о Скиѣахъ (τῶν δὲ Σκυθῶν κατέρχεται), шутитъ съ домашними, сладко ихъ обнимаетъ, напоминая, что онъ видитъ все это, и они его видятъ—благодаря Великому Алексѣю»¹⁾).

Странныя рѣчи въ устахъ человѣка глубоко образованнаго и, какъ увидимъ ниже, умѣющаго также говорить языкомъ истины, любви христіанской и гуманности. До того прониклась горделивою ложью оффиціальная Византія, что и ея лучшіе люди спокойно плавали въ ней, какъ въ привычной стихіи. Не пришлось совсѣмъ несчастному земледѣльцу Фракіи и Македоніи увидѣть тѣ счастливые дни, о которыхъ бредила придворная риторика.

1) Theophylacti Oratio in Alexium Comnenum, Migne, Patr. gr. t. 126 col. 293—297.

Оставивъ Кипселлу, Печеньги расположились недалеко отъ Адрианополя — въ Таврокомѣ¹⁾ и провели здѣсь зиму. Жители Адрианопольской области своимъ слезамъ могли бы свидѣтельствовать о томъ, что законы цивилизованныхъ странъ не писаны для дикихъ кочевниковъ. Самъ императоръ Алексѣй, серьезно выслушавъ обязательную лесть, не обманывалъ себя насчетъ продолжительности мира съ Печеньгами. Всю зиму онъ занятъ былъ приготовленіемъ возможныхъ средствъ обороны. Въ ожиданіи помощи, обѣщанной графомъ Фландрскимъ, онъ составилъ особый отборный полкъ такъ-называемыхъ архонтопуловъ изъ сыновей убитыхъ воиновъ, наименованный такъ (архонтопулы — сыновья архонтовъ) ради почета и поощренія къ военной доблести. Специально приготовленный къ борьбѣ съ Печеньгами и обученный самимъ, опытнымъ въ военной тактикѣ, императоромъ, этотъ двухтысячный отрядъ напоминалъ классически образованной дочери Алексѣя «священный отрядъ Лаконцевъ»²⁾. Едва наступила весна 1090 года, какъ печеньжскіе шайки появились опять близъ Харіуполя, гдѣ мы ихъ уже разъ видѣли. Здѣсь произошла схватка, кончившаяся несчастно для Византійцевъ: архонтопулы должны были сдѣлать первую пробу своей пригод-
 251 ности, и триста юношей положили свои головы предъ печеньжскими телѣгами, на которыхъ стояли мѣткіе стрѣлки зоркихъ кочевниковъ. Императоръ Алексѣй оплакалъ лично дорогихъ ему юношей, проливая горькія слезы и произнося горячія причитанія³⁾. Удачяѣе была схватка подъ Апромъ (Апри⁴⁾), который Алексѣй успѣлъ занять ранѣе Печеньговъ. Печеньжскій отрядъ, вышедшій на добычу, былъ разбитъ Татикіемъ съ Франками: триста буйныхъ головъ печеньжскихъ попались въ плѣнъ. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ и ободреніемъ послужило также прибытіе рыцарскаго отряда изъ далекаго запада; графъ Робертъ блестятельно исполнилъ свои обѣщанія: пятьсотъ отборныхъ всадни-

1) Anna I. I. Cr. Nicet. Chroniat. p. 316.

2) Anna p. 204 C.

3) Anna p. 204 D: ὁμοῦ καὶ ἑκάστου κηδετέρῳ ἀπόδεμον ἀνυπὸχλούμενος (призывая каждого поименно, какъ ушедшаго въ чужую землю). Что это, какъ не причитаніе?

4) Ἄπρος, Aпри, подлѣ Памфонла и Гарезлы. Nicet. p. 820. 831. Partitio p. 481. [Cedren. I, 568: Θεοδοσιουπόλιν - - τὸν πρὶν λεγόμενον Ἄπρον]

ковъ явились для борьбы съ Печенѣгами на помощь Алексѣю¹⁾; закованные въ желѣзо, смѣлые и гордые рыцари Фландріи были самою страшною грозою для легкихъ стрѣлковъ печенѣжскихъ. Византійскій императоръ такъ нуждался въ конницѣ и коняхъ, что принялъ съ великою благодарностью полтораста лошадей, присланныхъ въ подарокъ ему лично Робертомъ Фризомъ; сверхъ того, купилъ у новоприбывшихъ за деньги ихъ излишнихъ запасныхъ лошадей. Къ несчастію, Алексѣй не могъ дать рыцарямъ того назначенія, которое предполагалось для нихъ первоначально. Положеніе имперіи было тѣмъ болѣе критическое, что турецкія орды (Печенѣги и Сельджуки) наступали одновременно въ Европѣ и Азіи, и что Турки Сельджуки стремились подать чрезъ проливъ руку своимъ единоплеменникамъ въ Европѣ. Предпримчивый турецкій пиратъ Чаха (Τζαχάζ), когда-то приведенный малолѣтнимъ плѣнникомъ въ византійскую столицу, воспитанный при дворѣ Никифора Вотаниата, облеченный титуломъ протонобиллессима, потомъ перемѣнившій своему второму отечеству для перваго родного²⁾, италъ широкіе замыслы, которые не доступны были до сихъ поръ турецкой ограниченности Сельджуковъ. Онъ повялъ, что самый жестокій ударъ Константинополю можно нанести съ моря; онъ завелъ при помощи Смирнскихъ Грековъ собственный флотъ, завладѣлъ приморскими городами Фокеей и Клазоменами, островами Лесбосомъ и Хиосомъ³⁾ и завязалъ сношенія съ Печенѣгами, которые были ему хорошо извѣстны со времени пребыванія въ Константинополѣ. Какіе-то Печенѣги, неизвестно откуда появляющіеся, сообщали ему свѣдѣнія о движеніяхъ и намѣреніяхъ византійскихъ воеводъ⁴⁾. Необходимы были рѣшительныя мѣры и надежныя силы, чтобъ остановить дерзкаго пирата. Алексѣй отправилъ въ Малую Азію фландрскихъ рыцарей, откуда, впрочемъ, нѣсколько позже они снова были вызваны въ Европу.

1) Аппа р. 205 В. κατὰ χερσὶν αὐτῶν οἱ παρὰ τοῦ Φλάνδρα ἀποσταλέντες ἰππεῖς ἔχρηται ὡσεὶ πεντακόσιοι.

2) Аппа р. 208 С

3) [Въ житіи св. Христофуса, составленномъ Іоанномъ митрополитомъ Родосскимъ (Ἀρχιεπίσκοπος ἱερὰ τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Χριστοφοῦ τοῦ Θωμάστουρου, Ἀθήνησι 1884, стр. 129), говорится о завоеваніи острововъ Сарацинами].

4) Аппа р. 208 В. [Султанъ зналъ о плавашъ Печенѣговъ. Аппа р. 177.]

Себѣ императоръ предоставилъ справиться съ печенѣжскимъ погромомъ. Тяжело прошло для него лѣто 1090 года. Вслѣдствіе лагерной жизни, душевныхъ и физическихъ тревогъ, его мучила жестокая лихорадка. Ему приходилось быть свидѣтелемъ сценъ потрясающихъ, унижительныхъ для его достоинства, и молча глотать оскорбленія, подавлять и скрывать гнѣвъ въ глубинѣ души. Одинъ значительный печенѣжскій перебѣжчикъ — такіе теперь были — на глазахъ императора закололъ человека, который, благодаря своему знанію печенѣжскаго нарѣчія, обличилъ варвара въ обманѣ или даже явной лжѣ. На царскомъ конѣ, подарокъ котораго долженъ былъ свидѣтельствовать объ отсутствіи гнѣва въ душѣ Алексѣя, смѣлливый варваръ ускакалъ потомъ къ Печенѣгамъ, думая, что дерзкій поступокъ не пройдетъ ему даромъ, и что только затрудненія минуты спасли его отъ неизбежной казни. Другой его товарищъ нѣсколько разъ переходилъ съ одной стороны на другую, и несмотря на то не былъ подвергаемъ никакому наказанію¹⁾. Такъ мало надежны были тѣ элементы, которыми приходилось пользоваться Византійскому императору. Военныя дѣйствія, если можно называть такъ печенѣжскіе грабежи и разбой, происходили за это лѣто (1090 г.) около города Русія (Ruskiöi)²⁾, потомъ императоръ перенесъ свою главную квартиру далѣе на востокъ въ Чурулъ (Tchorlou), гдѣ его сейчасъ же окружили Печенѣги. Этотъ городъ, находящійся въ разстояніи двадцати льё отъ Константинополя, лежалъ на горѣ, которая быстрымъ скатомъ спускалась къ долинѣ. На вершинѣ горы, подъ стѣнами крѣпости, Алексѣй велѣлъ поставить въ рядъ тяжелыя телѣги, отобранныя у мѣстныхъ жителей; снявъ настилку, оставивъ только оси и колеса, Византійцы привязали эти нововозобрѣтенныя военныя машины кругомъ къ стѣнамъ крѣпости, и какъ скоро печенѣжскіе всадники бросились на приступъ и уже были на половинѣ подъема, — они обрубали веревки, которыми телѣги были удерживаемы; ка-

1) Anna p. 212 (Νεάντζης), 213 C (Τατράνης)

2) Anna p. 212 : 'Ρουσιον = Ruskiöi, на востокъ отъ Ипсалы, въ 13 миляхъ къ югу отъ Адрианополя и 5½ м. къ сѣверу отъ Эноса. Fischer, Kreuzg. Friedg. I, S. 107. У Вильгардуэна: (la) Rouzse, въ разстояніи одного дня пути отъ Родосто (p. 240—245 § 402—410). По Дюмону, цитуемому у de Wailly [p. 604], можетъ-быть, на мѣстѣ нынѣшняго Кешана (Keshan).

тясь внизъ съ неудержимою быстротою, массивныя колесницы производили разстройство и беспорядокъ въ рядахъ вражескихъ ¹⁾. Подъ прикрытіемъ такой странной артиллеріи Греки сдѣлали вылазку и нанесли довольно чувствительное поражение варварамъ. Этотъ частный успѣхъ, какъ онъ ни обрадовалъ императора, не имѣлъ, конечно, никакого вліянія на общее положеніе дѣлъ. Печеньги все-таки оставались въ близкомъ сосѣдствѣ къ Константинополю. При началѣ зимы они раскинули свои палатки не далеко на сѣверъ отъ Чурула, за рѣкою Еркенѣ (около Вязы и Люле-Бургаса) ²⁾. Алексѣй съ своей стороны воротился въ столицу и думалъ готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ слѣдующею весной. Печеньги не дали ему отдыха. Не пробывъ и недѣли въ своей столицѣ, Алексѣй узналъ, что вслѣдъ за нимъ былъ отправленъ Печеньгами значительный отрядъ къ Хировакхамъ (между Кучукъ-Чекмедже и Буюкъ-Чекмедже, ближе къ послѣднему). Вооруживъ городской гарнизонъ и новобранцевъ—всего до 500 человекъ,—утромъ 14-го февраля (пятница мясопустной недѣли) императоръ Алексѣй отправился въ мѣстечко Хировакхия и сейчасъ же приказалъ запереть ворота, оставивъ ключи у себя, ибо было основаніе опасаться, что Печеньги найдутъ себѣ друзей въ самой крѣпости. Съ восходомъ солнца на другой день дѣйствительно показались толпы дикихъ наѣздниковъ и расположились на одномъ холмѣ въблизи городскихъ стѣнъ; потомъ отъ ихъ становища, на глазахъ Грековъ, отдѣлилась масса въ 6,000 человекъ и разсыпалась по окрестностямъ для грабежа и разбоя. Алексѣй опасался за самыя стѣны своей столицы, не вполне полагаясь на бдительность властей въ своемъ отсутствіи. Съ другой 254 стороны, онъ понималъ, что самое лучшее было воспользоваться раздробленіемъ неприятельской силы. Онъ взошелъ на верхъ городской стѣны, окинулъ зоркимъ взглядомъ сосѣдніе холмы и

1) Anna p. 215 B—217 B.

2) Anna p. 217 D: μεταξὺ τοῦ Βουλγαροφυγίου καὶ τῆς μικρᾶς Νικηίας τῆς σκηνᾶς ἐπέδυνοντο. Bulgarophugium по сосѣдству съ Визой (Viza) и рѣкою Регнией (Erkené): Tafel, Partitio, S 268; у Вильгардуэна [р. 204 § 344]: Bulgargoße между Nequise (Малою Никеей) и Арнадіополемъ, то-есть, Люле-Бургасомъ (Дюмонъ у de Wailly); ἡ Μικρὰ Νίκηια или Νικήτζα вовсе не есть Нишъ (Нисса), какъ думалъ Дюканжъ (Notae ad Alexiad. p. 328), а то же, что Nequise у Вильгардуэна, то-есть, теперешній Chasskói, почти дель пути на ю.-в. отъ Адрианополя по дорогѣ къ Бургасу: Fischer, Kreuzz. S. 93.

доляны, чтобъ убѣдиться, не скрываются ли гдѣ еще другія толпы Печенѣговъ, не поставлено ли гдѣ засады. Все кругомъ было пусто: только вблизи — прибывшій утромъ и ослабленный отдѣленіемъ шести тысячъ — отрядъ Печенѣговъ отдыхалъ отъ походнаго утомленія: одни спали, другіе еще ѣли. Императоръ рѣшилъ захватить врага въ расплохъ. Большого труда стоило ему склонить на такое смѣлое предпріятіе свою малочисленную дружину: новобранцамъ и гарнизонной стражѣ, привыкшей сидѣть за крѣпкими и высокими стѣнами столицы, его замыселъ казался безумнымъ и дерзкимъ, въ виду явнаго превосходства силъ на сторонѣ Печенѣговъ, о которыхъ они слышали всего страшнаго. «Мы погибли», убѣждалъ ихъ Алексѣй, «если тотъ шеститысячный отрядъ, который теперь ушелъ на добычу, соединится съ этимъ, который мы видимъ предъ собою; мы все одно погибли, если, расположившись подъ стѣнами столицы, шесть тысячъ ушедшихъ Печенѣговъ лишатъ насъ всякой возможности воротиться въ столицу. Лучше идти на встрѣчу опасности, чѣмъ умереть въ постыдномъ бездѣйствіи. Я первый иду впереди всѣхъ; кто хочетъ, пусть слѣдуетъ за мною и не отстаетъ отъ меня, когда я брошусь въ середину печенѣжскаго стана; кто не хочетъ со мною идти, пусть остается здѣсь и даже пусть не выглядываетъ изъ-за стѣны». Потихоньку отворились городскія ворота, и тайкомъ Греки зашли сзади того холма, на которомъ отдыхали безпечные варвары; императоръ первый бросился въ ихъ средину и первый убитъ попавшагося ему подъ руку Печенѣга. Его примѣръ подѣйствовалъ и пробудилъ нѣкоторый пылъ и военный задоръ въ сподвижникахъ. Печенѣги, не успѣвшіе, быть можетъ, сѣсть на коней, были отчасти перебиты, отчасти взяты въ плѣнъ. Побѣдоносные Византійцы, по приказанію императора, нарядились въ печенѣжское платье, святое съ плѣнныхъ и убитыхъ, сѣли на печенѣжскихъ лошадей, взяли ихъ знамена и сдѣлались до того похожи на Печенѣговъ, что могли бы испугаться самихъ себя. Въ этомъ видѣ они направились къ рѣкѣ Меласу (Карасу), протекающей вблизи Хировакхъ, гдѣ долженъ былъ проходить на возвратномъ пути печенѣжскій отрядъ, ушедшій къ столицѣ. Разсчетъ Алексѣя вполне оправдался. Шеститысячная шайка Печенѣговъ, возвращаясь съ награбленнымъ

добромъ, издали приняла переряженныхъ Византійцевъ за своихъ земляковъ и, неосторожно приблизившись къ нимъ, понесла 255 чувствительное пораженіе. Число плѣнниковъ увеличилось, точно такъ же, какъ и число головъ, снятыхъ съ печенѣжскихъ труповъ. Это было въ субботу вечеромъ 15-го февраля¹⁾.

Въ понедѣльникъ масляной недѣли (17-го февраля) утромъ императоръ Алексѣй Комнинъ отправился обратно изъ Хировакхъ въ Константинополь въ торжественномъ и странномъ шествіи: впереди ѣхали на печенѣжскихъ коняхъ и въ варварскомъ убранствѣ переодѣтые Византійцы, за ними шли со связанными на спинѣ руками настоящіе Печенѣги, которыхъ вели крестьяне, собранные изъ ближайшихъ селъ; затѣмъ еще слѣдовали греческіе всадники, поднявъ къ верху окровавленные копья съ воткнутыми на нихъ отрубленными головами убитыхъ Печенѣговъ. Классически-образованная дочь Алексѣя съ видимымъ удовольствіемъ описываетъ этотъ отвратительный маскарадъ, которымъ ея отецъ праздновалъ наступленіе масляницы; она съ наслажденіемъ напоминаетъ рассказы участниковъ маскарада о разныхъ забавныхъ случаяхъ, которые сопровождали его шествіе. Что въ самомъ дѣлѣ могло быть комичнѣе той сцены, когда попадавшіеся навстрѣчу вооруженные Греки трусили предъ мнимыми Печенѣгами, пока не узнавали въ нихъ подлинныхъ Византійцевъ? Въ такомъ же шествіи вступилъ императоръ въ свою столицу. Населеніе встрѣтило его съ восторгомъ, радуясь минутному избавленію отъ опасности и сочувственно удивляясь забавной выдумкѣ. Но среди толпы, помѣшавшейся отъ масляничнаго веселья, нашелся одинъ благоразумный человекъ, который напомнилъ о томъ, что для особеннаго торжества нѣтъ соответствующаго повода. «Много радости, да мало пользы, много печали, да мало вреда», сказалъ кесарь Никифоръ Мелиссинъ, опредѣляя значеніе побѣды, одержанной Алексѣемъ при Хировакхахъ, для побѣдителей и побѣжденных²⁾. Его замѣчаніе не замедлило оправдаться самымъ горькимъ образомъ. Потеря нѣсколькихъ тысячъ человекъ не много ослабила грозную массу Печенѣжской орды, но зато сильно возбудила въ ней желаніе скорѣйшей мести и

1) Anna p. 233 C.

2) Anna p. 225 C: ἡ νίκη αὐτῆ χάρ᾽ αὐτῆ ἀκέρδης, λύπη δὲ ἀζήμιος.

побудила сняться съ зимнихъ кочевьевъ ранѣе обыкновенной поры. Не прошло двухъ недѣль, какъ Печеньги снова разоряли города и села въ окрестностяхъ Константинополя. Въ первое воскресенье поста (2-го марта въ 1091 году) греко-восточная церковь празднуетъ память мученика Θεодора Тирона, который во время отступника Юліана чудеснымъ образомъ спасъ христіанъ отъ оскверненія пищи, тайно окропленной кровію языческихъ жертвъ. Въ этотъ день благочестивые жители греческой столицы въ особенномъ множествѣ посѣщали храмъ мученика Θεодора въ предмѣстьяхъ за городскою стѣною. Теперь они должны были отказаться отъ своего обычая: подлѣ самаго храма стояли Печеньги, городскія ворота были заперты, изъ города никого не выпускали.

Съ моря грозила не меньшая опасность. Предпримчивый Чаха, увеличивъ свой флотъ купеческими кораблями завоеванныхъ приморскихъ городовъ, замышлялъ нѣчто ужасное, хотѣлъ напомнить гордой Византіи времена давно забытыя, когда Сарацины съ моря, Авары и Болгары на сушѣ держали ее въ крѣпкой осадѣ недалеко отъ конечной гбелы. Въ Константинополѣ сдѣлалось извѣстно, что эмиссары смѣлаго пирата, породнившася съ султаномъ Никейскимъ, появлялись среди палатокъ печенѣжскихъ. Турецкая орда Сельджуковъ и турецкая орда Печенѣговъ, давно разлученныя въ своихъ странствованіяхъ, затѣмъ снова встрѣтившіяся на поляхъ Малой Азіи въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ и уже тогда пришедшія къ сознанию своего родства, готовились теперь соединить свои усилія, чтобъ основать на развалинахъ Восточной имперіи турецкое Сельджуко-Печенѣжское царство. Чаха требовалъ, чтобы къ слѣдующей веснѣ Печеньги заняли Херсонисъ Θρακίης (полуостровъ Галлиполи), то-есть, хотѣлъ открыть съ ними прямыя и постоянныя сообщенія чрезъ Дарданеллы, заставить ихъ дѣйствовать по общему плану, отрѣзать совершенно Константинополь отъ всякихъ связей съ провинціями въ Европѣ и въ то же время запереть его съ моря¹⁾. Сдѣлалось извѣстно также, что Чаха былъ въ тай-

1) Anna p. 226 B: ὁ Τζαχῆς -- κατὰ τῶν ἑσπερίων χωρῶν διανοσῆσαι ἐπιχειρήσῃ καὶ πρὸς τοὺς Σχῶθας διαπερπόμενος συνεβούλευε τὴν Χερρόνησον καταλαβεῖν.

ныхъ сношеніяхъ съ тѣмъ изъ своихъ азіатскихъ соплеменниковъ-Турокъ, которые въ извѣстномъ количествѣ находились на службѣ въ видѣ наемниковъ у греческаго императора, и склонялъ ихъ щедрыми обѣщаніями на свою сторону, назначалъ удобный моментъ для измѣны, когда онъ самъ займетъ южную оконечность полуострова Галлиполи¹⁾. Чаха такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, 257 что уже заранѣе называлъ себя Византійскимъ императоромъ²⁾.

Давно Византійская имперія не бывала въ такомъ критическомъ положеніи. Въ самой природѣ совершались явленія, которыя поселяли на веселыхъ берегахъ Босфора печаль и уныніе, которыя на нѣсколько времени нарушили обычный строй городской жизни и сдѣлали затруднительными ободряющія общественныя отношенія. На улицахъ Константинополя выпалъ снѣгъ въ такомъ количествѣ, какого никто не помнилъ, какъ-будто уже заранѣе начиналось превращеніе Византіи въ жилище людей, пришедшихъ съ сѣвера. Нѣсколько времени, говоритъ Анна, положительно невозможно было отворить дверей въ домѣ отъ глубокаго снѣга³⁾.

Что же предпринялъ императоръ Алексѣй Комнинъ, чтобъ отворотить грозящую бѣду, чтобы спасти себя, столицу, наконецъ, имперію?

Византійская гордость, очевидно, не любила вспоминать объ этой тяжелой эпигѣ 1091 года. Царственная дочь императора Алексѣя, которая взяла на себя задачу описать подвиги своего

1) Анна р. 226 С: ὁπρὶν αὐτὴς κριθῆς χητὰλόβου; по-латыни переведено: simulatque coriam rabuli contraxisset Но переводъ этотъ не точенъ, а въ точномъ видѣ («когда онъ захватитъ, получить ячмень») былъ бы безсмысленъ. Очевидно, что подъ κριθῆς должно скрываться собственное имя, тѣмъ болѣе, что Анна постоянно употребляетъ глаголъ χητὰλῶνω въ значеніи: прибыть куда, занять какое мѣсто. Такъ какъ на томъ полуостровѣ и теперь еще есть городъ Кривія, то требуется только самая легкая поправка, чтобы возстановить настоящій смыслъ. [На поляхъ двухъ печатныхъ экземпляровъ этой статьи находятся у этого мѣста рукописныя замѣтки Василія Григорьевича. Въ одномъ экземплярѣ:] Strabo VII fr. 55 (fr. 56 Mein) Σιστός - Καλλιπόλις -- εἰτὴ πολέμου χητσοχαρμίνου Κριθωτή (на Херсонисѣ Тракійскомъ). Въ нѣкоторыхъ спискахъ Птолемаея (см. Claudii Ptolemaei Geogr. ed. Car. Muller I p. 491, 10 not.): Καλλιπόλις, Κριθῆς, Μάδης. (Въ другомъ экземплярѣ) Theodori Prodromi carmina въ Recueil des hist. des croisades. Hist. grecs II. Appendix p. 755, v. 158: οὐαὶ τῇ πόλει: πέφθακιν εἰς τὰς Κριθῆς ὁ πτόλος]

2) Анна р. 245 С.

3) Анна р. 226 С.

отца, выражается о его дѣйствіяхъ за это время какъ-будто съ разсчитанною краткостію и намѣренною темнотою: «императоръ съ возможною поспѣшностію отправилъ во всѣ стороны посланія, призывающія наемное войско»¹⁾).

Можно подумать, что рѣчь идетъ о совершенно обычныхъ хлопотахъ византійской дипломатіи и казначейства нанять побольше охочихъ людей въ свою армію, такъ какъ Византія, считавшая во многихъ пѣз своихъ безчисленныхъ монастырей по пяти и семи сотъ монаховъ, постоянно чувствовала недостатокъ въ земномъ войскѣ.

Но совершенно напротивъ, рѣчь идетъ о такихъ рѣшеніяхъ, которыя, съ одной стороны, могли быть внушены только отчаяніемъ, съ другой — давали совершенно новое направленіе всей византійской политикѣ, и которыя опредѣляли на долгіе годы судьбу династіи Комниновъ и самой ихъ имперіи.

Испытано было, правда, и старое средство византійской политики, которое часто удавалось прежде, но въ настоящемъ случаѣ, именно, и могло привести къ совершенной гибели, не говоря о томъ, что оно во всякомъ случаѣ соединено было съ 258 боковымъ униженіемъ. Византійскій умъ, искусившійся въ политическихъ комбинаціяхъ, до сихъ поръ вѣрилъ въ себя крѣпко и, съ высоты своего превосходства относясь къ грубой недалекости варваровъ, окружающихъ имперію, не затруднялся пользоваться ихъ услугами. Ученый императоръ Константинъ съ нѣкоторымъ педантическимъ добродушіемъ раскрылъ въ наставленіе сыну тайны византійскаго макиавелизма, подробно объясняя, какъ одинъ варварскій народъ можетъ быть обуздываемъ при помощи другого. Появленіе на сцену новыхъ племенъ и народовъ нисколько не смущало хладнокровную разсчетливость Босфорскихъ политиковъ. Они скоро соображали мѣсто, которое будетъ принадлежать новому народу въ кровавой игрѣ самоистребленія всѣхъ этихъ дикарей, окружающихъ имперію. Во Влахернскомъ дворцѣ не особенно дорожили и тѣми варварами, которые жили вдали отъ столицы въ разныхъ провинціяхъ и несли на себѣ всю

1) Анна р. 226 D: ὡς ἐνὸν διὰ γράμμάτων ἀπανταχούθεν ἔστρεψε μεσοφορικών μετακαλίσεσθαι.

тягость содержанія десяти тысячъ членовъ придворнаго сплкнута и цѣлой арміи мѣстныхъ чиновниковъ. Запасъ варварскаго міра былъ неистощимъ: на мѣсто однихъ явятся другіе. Такъ, Печенѣги были приняты въ предѣлы имперіи взамѣнъ истребленнаго славянскаго населенія. Византия думала найти въ нихъ совершенно пригодную ставку противъ новаго хода, сдѣланнаго азіатскимъ мусульманствомъ въ лицѣ Сельджуковъ, на которыхъ Печенѣги кстати такъ были похожи. Къ несчастію, Печенѣжскіе дикари, несмотря на поспѣшное крещеніе въ дунайской водѣ, оказались мало способными служить высшимъ цѣлямъ византийскаго полководца. Къ несчастію оказалось, что они слишкомъ схожи съ тѣми Турками, съ которыми имъ слѣдовало на глазахъ Византийцевъ безпощадно бороться, и встрѣтили въ предѣлахъ самой имперіи элементы, готовые вступить съ ними въ союзъ для ея разрушенія. Сверхъ того, въ настоящую минуту Печенѣги, готовые, съ одной стороны, подать руку Туркамъ-Сельджукамъ, могли въ то же время найти себѣ поддержку среди кочевниковъ, занявшихъ ихъ преснія поселенія, съ которыми теперь имъ дѣлать было нечего. Только грубая варварская жадность къ добычѣ и дикое неумѣнье разобратся миролюбиво предупредили общее нападеніе Печенѣговъ и Половцевъ на имперію въ 1038 году. Византийская политика не замедлила, повидимому, воспользоваться раздоромъ, обнаруживавшимся среди единоплеменниковъ: можетъ-быть, не безъ ея тайнаго участія появились Половцы на византийской сторонѣ Балканъ, въ тылу побѣдоносныхъ Печенѣговъ. Но, достигнувъ своей цѣли, пригрозивъ Печенѣгамъ союзомъ съ ихъ раздраженными единоплеменниками и принудивъ ихъ такимъ образомъ къ миру, даже къ обѣщанію 259 покорности, императоръ Алексѣй счелъ за лучшее не брать на свои плеча еще новой опасной тяжести въ видѣ такихъ ненадежныхъ друзей, какъ Половцы. Опираясь на соглашеніе съ Печенѣгами и на очень, впрочемъ, сократившееся богатство Константинопольской казны, онъ заставилъ Половецкихъ хановъ совершить обратный путь къ низовьямъ рѣки Днѣпра, гдѣ они могли продолжать свои набѣги на небогатые города русскіе. Но если императоръ Алексѣй надѣялся справиться съ Печенѣжскою ордою только собственными средствами, то событія не оправдали его

разчетовъ. Всего хуже было то, что въ лицѣ Чахи явился врагъ, который съ предприимчивою смѣлостію варвара соединялъ точность византійскаго образованія и отличное знаніе всѣхъ политическихъ отношеній тогдашней восточной Европы, который задумалъ сдѣлаться душой общаго турецкаго движенія, который хотѣлъ и могъ дать бессмысленнымъ печенѣжскимъ блужданіямъ и разбоямъ разумную опредѣленную цѣль и общій планъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ опасностями, императоръ Алексѣй вынужденъ былъ обратиться опять къ тѣмъ же Половцамъ, которые недавно были обижены предпочтеніемъ, оказаннымъ ихъ врагамъ, и невниманіемъ къ ихъ готовности оказать услугу имперіи истребленіемъ сихъ послѣднихъ. Нѣкоторыя изъ грамотъ, о которыхъ говоритъ дочь Алексѣя, безъ сомнѣнія, пошли въ половецкія веси на берегахъ Днѣпра и Дона, вѣроятно, также и къ князьямъ русскимъ ¹⁾).

Нѣтъ сомнѣнія, что для такого умнаго и опытнаго человѣка, какъ императоръ Алексѣй, и теперь были очевидны всѣ опасныя послѣдствія того шага, который онъ дѣлалъ, приглашая въ предѣлы имперіи новыя толпы свирѣлыхъ варваровъ. Единоувѣрныя съ Византіей князья русскіе не могли прійти на помощь къ Грекамъ безъ согласія или мира съ Бонякомъ и Тугорканомъ. А отправившись, какъ это часто дѣлалось, вмѣстѣ съ полками половецкими, русскіе князья не могли привести съ собою столько собственныхъ силъ, чтобъ имѣть рѣшительное вліяніе на дякую волю половецкихъ кочевниковъ. Что же будетъ, если Половцы найдутъ болѣе выгоднымъ соединиться съ своими единоплеменниками и обратиться вмѣстѣ съ ними противъ византійской столицы? Кто могъ поручиться за постоянство вражды или дружбы, управляемыхъ только необузданными порывами хищническихъ инстинктовъ? Если даже Печенѣги будутъ разбиты при помощи Половцевъ, то не будутъ ли всѣ благіе плоды побѣды состоять

1) Что императоръ Алексѣй самъ призывалъ Кумановъ, объ этомъ говорить Анна — также мимоходомъ и вскользь, какъ объ ожидаемой помощи изъ Рима; см. р. 228 В: καὶ ἔτι προέβου τούτους μετακλήσειεναι. Что касается до обращенія къ князьямъ русскимъ, то помимо того, что оно было вполне естественно, мы встрѣтимся въ дальнѣйшемъ разсказѣ съ нѣкоторыми фактами, заставляющими прямо предполагать, что кто-нибудь изъ русскихъ князей приходилъ на помощь Алексѣю вмѣстѣ съ Половцами.

въ томъ, что имперія попадетъ, какъ говорилось и у Грековъ, изъ огня въ полымя? Не зачѣмъ было и задавать себѣ вопроса о томъ, что будетъ дѣлать побѣдопосная орда Половцевъ, когда она утвердится въ нѣдрахъ имперіи. Она будетъ дѣлать то же, что дѣлали Печеньги. Самъ императоръ Алексѣй, посылавшій посольство къ Боняку и Тугоркану, чрезъ нѣсколько времени не могъ сказать, противъ кого направятся тѣ силы, которыя сбѣгались въ низовьяхъ Днѣпра и Дона.

Византійская имперія тонула въ турецкомъ нападеніи: утопающій не разбираетъ средствъ для своего спасенія. Нечестивый, безбожный, шелудивый Бонякъ и его не менѣе достойный товарищъ Тугортакъ или Тугорканъ были союзниками отчаянія; они должны были въ самомъ благопріятномъ случаѣ только помочь императору Алексѣю пережить критическую минуту, пока не придутъ болѣе надежные, болѣе цивилизованные и человѣчные союзники. Этими союзниками были люди латинскаго запада; у нихъ просилъ себѣ помощи императоръ Алексѣй, туда были отправлены грамоты, призывавшія со всѣхъ сторонъ наемное войско: фактъ, до сихъ поръ отвергаемый патріотизмомъ греческимъ, но тѣмъ не менѣе не подверженный ни малѣйшему сомнѣнію.

VI.

Первые годы послѣдняго десятилѣтія въ XI вѣкѣ—это былъ моментъ, когда государственная Византія, гордая своими римскими преданіями, своимъ незапятнаннымъ православіемъ, своимъ безконечнымъ превосходствомъ надъ всѣмъ варварскимъ міромъ, грубыми инстинктами котораго она умѣла управлять съ такимъ искусствомъ и къ средѣ котораго она причисляла какъ западныхъ христіанъ, такъ и своихъ славянскихъ едновѣрцевъ, потеряла вѣру въ себя и въ высокія заслуги своего православія. Эти заслуги предъ судомъ исторіи, дѣйствительно, высоки, но онѣ, конечно, не оправдывали того іудейскаго, во всякомъ случаѣ не христіанскаго возрѣвія, что догматы и обрядъ составляютъ всю сущность христіанства—помимо духа любви христіан-

261 ской; что общество, которое умѣетъ понимать и толковать всё глубины догмата и лучше другихъ сохранило правильность обряда, есть уже новый сосудъ избранія, во всѣхъ случаяхъ какъ-бы обязательно охраняемый самимъ Богомъ; что временныя несчастія и бѣдствія происходятъ только отъ случайныхъ и частныхъ нарушеній въ какомъ-то подразумѣваемомъ договорѣ съ Божествомъ, а не отъ постоянного забвенія основной заповѣди о христіанскомъ братствѣ и любви.

Есть въ высшей степени характеристичныя и замѣчательныя документы, открывающіе намъ просвѣтъ въ строй византійскаго міросозерцанія, какъ оно выражалось подъ вліяніемъ тяжелыхъ событій. Вынужденный тяжелымъ кризисомъ норманнскаго нашествія, императоръ Алексѣй прибѣгнулъ къ крайнему средству для поправленія своего истощеннаго казначейства. Онъ «коснулся» священныхъ сокровищъ въ богатыхъ церквахъ византійскихъ и употреблялъ ихъ на «государственныя» нужды. «Я полагаю въ моемъ сердцѣ, что Богъ не разгнѣвается на это, такъ какъ у меня не было злого намѣренія, которое предосуждаетъ виновнаго», объясняетъ намъ императорская грамота ¹⁾. Но византійское благочестіе, не сознавая за собою никакого догматическаго прегрѣшенія и, слѣдовательно, никакой вины предъ Богомъ, здѣсь-то именно и успѣшило открыть причину всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на имперію. Еще въ 1084 году, когда Алексѣй воротился въ свою столицу изъ похода, до его ушей дошелъ всеобщій и громкій ропотъ населенія столицы, такъ рабски безгласнаго во всемъ, что не касалось церкви. Онъ долженъ былъ защищать себя и оправдываться въ торжественномъ собраніи синклита и священнаго синода Константинопольской церкви. Смѣшная классическія преданія съ библейскими, онъ ссылаясь и на Перикла, который безотчетно истратилъ деньги на «нужное» (εις δέου), и на царя Давида, который въ крайности вкусилъ священныхъ хлѣбовъ, и все-таки кончилъ обѣщаніемъ вознаградить ущербъ, причиненный церковнымъ ризницамъ, и обиду, слѣланную самому Богу ²⁾. Продолжавшіяся затрудненія со стороны

1) Ср. Anna p. 128 sq.

2) Anna p. 155 sq.

Печеньговъ помѣшали исполнить обѣщаніе. Между тѣмъ въ глазахъ всѣхъ настоящахъ Византійцевъ эти затрудненія были именно слѣдствіемъ продолжавшагося гнѣва небеснаго: императоръ, святотатственно прикоснувшійся къ церковному достоянію, былъ не лучше, чѣмъ прямой еретикъ и, слѣдственно, онъ несетъ отвѣтственность за всѣ несчастія. Въ безчисленномъ сонмѣ 262 Константинопольскаго монашества нашлись лица, которыя не стѣснялись громко и почти въ лицо говорить это «тирану». Епископъ Левъ Халкидонскій, поплатившійся за свою смѣлость изверженіемъ и ссылкой, въ глазахъ толпы окруженъ былъ ореоломъ мученичества, и даже лица, приближенныя къ императору, рассказывали о его чудесныхъ явленіяхъ¹⁾. Императоръ Алексій, истый и кровный Византіецъ, не устоялъ противъ такого напора общественнаго мнѣнія; сильныя сомнѣнія закрались въ его душу. «Такъ какъ сокровища, взятыя у святыхъ церквей, были истрачены не на приличныя этому достоянію нужды (*εἰς χρῆσιν ἁγίων*), и всякое прежнее намѣреніе наше (исправить злоупотребленіе) при затрудненіяхъ, окружающихъ Романію, обратилось въ противное, такъ какъ со многихъ сторонъ возвысился рогъ возстающихъ на ны, и ладья имперіи подвергается опасности утонуть въ волнахъ, ее обуревающихъ, если всемогущая Божественная сила не поможетъ ей какими знаетъ путями и не превратитъ кораблекрушенія въ ясную тишину,—то изволилось нашему императорству прилежиѣе изслѣдовать и разыскать, что же такое именно подвигло на столько гнѣвъ Божій и направило на насъ стремленіе ярости его. Мы разсмотрѣли съ духовными и божественными мужами этотъ вопросъ и узнали отъ нихъ, что не послѣдняя причина Божественнаго гнѣва заключается въ томъ, что мы коснулись святыхъ сокровищъ Господнихъ; хотя это сдѣлалось и совершилось не отъ лукаваго сердца, но совершенно не позволительно приношенія, врученныя въ руки Бога, снова вынимать изъ этихъ рукъ и обращать на другія нужды»²⁾. импе-

1) [См. Zachariae v. Lingenthal, *Commentatio de biblioth. Bodlejana* (приложеніе къ изданію Prochiron, Heidelberg. 1837) p. 313. Cod. Bodl. 205 fol. 562b: *Σημίωμα . . . Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ ἐπὶ τῇ καθαρῆσει τοῦ Χηλκηδόνος ἑκαίνου χυροῦ Ἀγίουτος, de anno 6743' (=1086).]*

2) Zachariae, *Novellae constitutiones* (Ius graeco-romanum, t. III), collect. IV № 23 p. 355 — 358. Новелла обозначена въ концѣ 6590 (1082) годовъ, пл-

263 раторъ далъ обѣтъ предъ лицомъ Божиимъ возвратитъ церквамъ ихъ достояніе, какъ скоро утихнетъ мірская буря вражескаго нашествія, и произнесъ страшныя заклятія на будущее время противъ себя и своихъ преемниковъ.

Не куплена была этимъ милость Божія. Напротивъ того, послѣ 1088 года, къ которому относится приведенная нами новелла, буря, воздвигнутая гнѣвомъ небеснымъ, достигла еще бѣльшаго напряженія. Послѣ десятилѣтней неуставной борьбы за цѣлость имперіи на востокѣ, сѣверѣ и западѣ, у императора Алексѣя опустились руки, упалъ духъ, смирилась его гордость, гордость православнаго царя въ отношеніи къ неправовѣрному Западу.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ событіяхъ, которыя привели къ окончательному разрыву восточной и западной церкви, бѣльшая часть вины падаетъ на властолюбіе и заносчивость представителей Римскаго престола. Но едва-ли также можно утверждать, что всѣ слова и дѣйствія Керуларія были проникнуты духомъ хри-

тымъ индиктомъ. Вѣрность этой даты заподозрилъ уже Цахаріэ: см. примѣч. стр. 356. Послѣ такихъ заклятій, которыя находятся въ концѣ новеллы, Алексѣй Комнинъ едва ли рѣшился бы во второй разъ простереть руку къ церковнымъ сокровищамъ,—а это было сдѣлано во время печенѣжскихъ затрудненій, какъ мы знаемъ отъ Анны (р. 129 CD: ἐπεὶ καὶ αὐθις ἄλλο νέφος ἐχθρῶν, τοὺς Σχιδας φέρει, κατ' αὐτῶ ἐξοριῶν ἡδὲ μετὰ τὴν - ἢ συλλογὴ τῶν χρημάτων - ἐσπουδαίετο. Ср. р. 155 C),—едва-ли рѣшился бы преслѣдовать Халкидонскаго епископа за смѣлыя или, можетъ быть, дерзкія рѣчи въ защиту церковнаго имущества; а Левъ Халкидонскій былъ низложенъ въ 1086 г. (Zachar. р. 356 примѣч., ср. Анна р. 130). Въ новеллѣ есть указаніе на то, что императоръ намѣренъ былъ возвратитъ церквамъ ихъ имущество, но не могъ этого сдѣлать; указаніе это соотвѣтствуетъ словамъ Анны (р. 130): ὑπισχνουμένου ἄμα καὶ τῆ ἰερᾷ ταῖς ἀγίαις ἐκκλησίαις λιμπρότερα ἀποδοῦναι καὶ πᾶν ὅ τι δεῖται ποιεῖν πρὸς διόρθωσιν и ея разсказу о мѣрахъ, принятыхъ для удовлетворенія церквей въ 1084 г. (см. р. 157 B). Слѣдовательно, новелла должна относиться къ позднѣйшимъ годамъ, чѣмъ 1084 и даже 1086, и вѣроятно, какъ замѣтилъ Цахаріэ, находится въ связи съ возвращеніемъ изъ ссылки Льва Халкидонскаго. Въ июлѣ 1088 года епископъ Левъ былъ еще въ ссылкѣ (Анна р. 139), но чудесное явленіе Палеологу, конечно, уже предвѣщало его скорое возвращеніе. Положеніе имперіи, какъ оно описано въ новеллѣ, совершенно соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ 1088 года. Въ августѣ этого года—мѣсяцъ обозначенъ въ самой датѣ—послѣ страшнаго пораженія около Дерстра, Алексѣй Комнинъ долженъ былъ именно говорить такимъ тономъ, какой господствуетъ въ его документѣ; что касается до ошибки въ датѣ, то ее нужно приписать первому издателю новеллы Леуноклавию: Цахаріэ не имѣлъ ея списка. Вмѣсто прочитаннаго τῆς ε' ἰνδικτιῶνος ἐν ἔτει τῷ ςϥ' (6590) могло стоять: τῆς ἐνδ(εκαήτης) ἰνδικτιῶνος, ἐν ἔτει τῷ ςϥ' (6596) Ср. Zachariae l. c. р. 375.

стіанской кротости и братолюбія, хотя, конечно, весьма можно сомнѣваться въ томъ, что лицо противоположнаго характера на Константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ могло бы предупредить разрывъ, коренившійся весьма глубоко. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что честь православнаго Востока гораздо болѣе поддержана была возвышенною, миролюбивою и въ то же время твердою рѣчью патріарха Антиохійскаго, чѣмъ страстными обличеніями Керуларія. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ пожалѣть, что полемика, которая потомъ завязалась между богословами обѣихъ церквей, вовсе не шла тѣмъ путемъ соглашенія, мира и уступчивости, который былъ указанъ истинно-христіанскимъ, истинно гуманнымъ голосомъ Петра Антиохійскаго¹⁾. «Намъ прилично», 264 писалъ онъ, «принимать въ расчетъ доброе намѣреніе (заблуждающихся) и тамъ, гдѣ дѣло не касается ни Бога, ни вѣры, всегда склоняться къ миру и братолюбію. Они — наши братья, хотя по грубости и невѣдѣнію часто уклоняются отъ того, что прилично, слѣдуя своей волѣ». Послѣ прибавленія къ символу, которымъ римская церковь дѣйствительно нарушила самымъ глубокимъ образомъ союзъ единенія, болѣе важнымъ пунктомъ разногласія было совершеніе таинства евхаристіи на опрѣснокахъ вмѣсто квасного хлѣба. Извѣстно посланіе Петра Антиохійскаго къ архіепископу Аквилейскому (или Градскому, Градо), отличающееся такою высокою ученостію. Восточный іерархъ доказывалъ въ немъ, что вечеря, на которой Христосъ установилъ таинство, была совершена прежде наступленія ветхозавѣтной еврейской Пасхи, когда законъ еще не допускалъ опрѣсноковъ, слѣдовательно, употребленіе ихъ въ западной церкви ни на чемъ не основано. Несмотря на это, Петръ Антиохійскій писалъ Михаилу Керуларію: «Я выскажу свою мысль прямо: если они (латиняне) исправятся относительно прибавленія къ символу, то я не искалъ бы отъ нихъ ничего болѣе, оставляя безразличнымъ въ числѣ другихъ и вопросъ объ опрѣснокахъ, хотя въ посланіи къ епископу Венеціанскому я показалъ ясно, что вечеря, на которой Спаситель и Господь нашъ предалъ своимъ ученикамъ обрядъ божественнаго

1) [Мы находимъ любопытныя данныя и свидѣтельства терпимости о Петрѣ Антиохійскомъ у Никона Черногорца. См. статью А., Изъ записокъ Спайскаго богомольца, въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1878, III, стр. 881.]

тайства, была совершена, когда еще не наступило законное время ѣсть Пасху. Увѣщаваю и твое боголѣпноє блаженство принять мою мысль, чтобы, всего требуя, не потерять всего». Пошлтво, что съ тѣмъ бѣльшимъ снисхожденіемъ расположенъ былъ смотрѣть патріархъ Антиохійскій на другія обвиненія противъ латинскихъ братьевъ, сообщенныя ему Керуларіемъ: одив изъ нихъ исцѣлмы, другія могутъ быть оставлены безъ вниманія¹⁾. Если латинскіе епископы носятъ на рукахъ перстни въ знакъ обрученія съ церковію, то и въ восточной церкви существуютъ аналогическіе обычаи; если латинице брѣютъ бороды, то и мы оставляемъ на верхушкѣ головы вѣничкъ (*τὴν παπαλήθραν*) и т. д.²⁾. «Прошу, умоляю, припадая мысленно къ твоимъ святымъ ногамъ, пусть твое священное блаженство ослабитъ излишнюю строгость и снизойдетъ къ дѣйствительному положенію вещей». Мы уже сказали, что не въ такомъ духѣ велась дальнѣйшая полемика. Всѣ жестокія обличенія и нетерпимые упреки, 265 всѣ презрительныя выходки, весь пылъ и задоръ вражды продолжаютъ, къ несчастію, обнаруживать себя на обѣихъ сторонахъ. Близкій намъ примѣръ представляетъ посланіе ученаго митрополита Кіевскаго Іоанна II Продрома³⁾ къ папѣ Клименту, писанное около 1089 года. Заблужденіе относительно опрѣсноквь есть, по его мнѣнію, одна изъ многихъ ересей, въ которыхъ повинна западная церковь, начало и корень ихъ. Это пятое заблужденіе, которому предшествуетъ неправильность въ соблюденіи постовъ и безбрачіе духовенства, есть именно скрытая ересь древнихъ еретиковъ—Валента, Аполлинарія, Евтихія, Діоскора и т. д.⁴⁾.

Императоръ Алексѣй и какъ ревностный богословъ, — по богословское образованіе составляло необходимую часть высшаго образованія въ Византіи, — и какъ политикъ, кото-

1) Will, Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo XI composita extant, Lipsiae 1861: τὰ δὲ ἰσχυρὰ τὰ δὲ παρορῶσως ἄξια.

2) [Germani Patriarchae rerum eccles. contempl, Migne 98, 892: Τὸ δὲ ξύρισμα τῆς κεφαλῆς τοῦ ἱερέως καὶ τὸ γυροειδὲς αὐτοῦ τρίμα τὸ μέσον τῶν τριῶν ἀντὶ τοῦ ἀκανθίνου στεφάνου, ὅπερ ὁ Χριστὸς ἐφόρεσεν.]

3) См. Приложение V, въ концѣ.

4) Посланіе митрополита Іоанна II въ Ученыхъ Запискахъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, книга I-я, III, 9.

рому необхідно було примирити духовенство съ мѣрами, ознаменованими начало его правленія, волибѣ пропикнуть быль возрѣніями строгой противолатинской партіи. Практическое примѣненіе этихъ возрѣній можно видѣть въ запрещеніи хрестіанамъ латинскаго обряда, живущимъ въ предѣлахъ имперіи, отправлять богослуженіе на оирѣснокахъ и въ предписаніи, имъ данномъ, слѣдовать греческому обычаю. Эта мѣра повела къ перепискѣ съ папою. Урбанъ II, восшедшій на престолъ римскихъ первосвященниковъ въ 1088 году, нашель необходимымъ вступиться за своихъ единовѣрцевъ. Около 1089 года онъ отправль въ Константинополь посольство, во главѣ котораго стояль аббатъ греческаго монастыря близъ Рима (Grotta Ferrata¹). Посольство пришлось именно на то время, когда Византійскій императоръ тяжелыми обстоятельствами, въ которыхъ находилась имперія, былъ расположенъ къ смиренію и уступчивости, когда послѣ переговоровъ съ графомъ Фландрскимъ онъ уже думалъ о помощи Запада. Чтобъ устранить препятствія къ союзу съ латинскимъ міромъ, чтобы склонить въ свою пользу папу, отъ котораго такъ много зависѣло это дѣло, Алексѣй Комнинъ, отказавшись отъ прежнихъ своихъ связей съ Генрихомъ IV Германскимъ, подалъ Урбану II руку примиренія и соглашенія. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи, отправленномъ съ аббатомъ Гротта-Ферратскимъ, онъ предлагалъ папѣ соборъ въ Константинополь; на этомъ соборѣ вопросъ объ оирѣснокахъ, а съ ними, конечно, и другіе вопросы должны были подвергнуться дружелюбному разсмотрѣнію представителей той и другой церкви. Съ своей стороны, императоръ заранѣе обязался принять безпрекословно рѣшенія собора и, сверхъ того, назначилъ срокъ для его собранія не позже какъ чрезъ полтора года.

Папа Урбанъ, посоветовавшись съ графомъ Рожеромъ Сцилійскимъ, во владѣніяхъ котораго находилось много Грековъ, державшихся восточнаго обряда, приняль предложеніе Византійскаго императора²). Серіозность его миролюбиваго настроенія

1) [О монастырѣ Гроттаферратскомъ см. Σ Ζημπαλίου, Ἱστορικὰ Ἐν Ἀθήναις 1865, стр. 25.]

2) Gaufredi Malaterrae historia Sicula, lib. IV cap. 13, Muratori Rerum Italicarum Scriptores V, 594: Agunt ad invicem de negotio, quod Aposto-
6*

доказывается тѣмъ, что въ томъ же 1089 году послѣдовало разрѣшеніе Алексѣя Комнина отъ церковнаго отлученія, которое лежало на немъ, какъ схизматикъ¹⁾.

Въ самомъ Константинополѣ желаніе примиренія съ Западомъ могло только возрастать сильнѣе и сильнѣе. При отсутствіи прямыхъ историческихъ на это указаній, которыхъ мы не находимъ въ главномъ византійскомъ источникѣ для времени Алексѣя по причинѣ уже указанной, мы обращаемся къ произведеніямъ знаменитаго іерарха и богослова греческой церкви, извѣстнаго намъ Теофиakta Болгарскаго, который именно около этого времени былъ поставленъ въ санъ архіепископа и всегда былъ очень близокъ ко двору и къ сферамъ, рѣшавшимъ вопросы церкви и государства²⁾. Мы не ошибемся, если его въ высшей степени замѣчательное сочиненіе о заблужденіяхъ латинянъ отнесемъ приблизительно къ 1091 — 1092 годамъ и увидимъ въ немъ знаменіе времени. Сочиненіе писано по вызову одного духовнаго лица, занимавшаго довольно видное мѣсто въ рядахъ клира великой церкви въ Константинополѣ³⁾, но авторъ имѣетъ въ виду болѣе

licum accessisse compulerat. Nam idem Apostolicus ante paucos dies Alexium Imperatorem Constantinopolitanum per Nicolaum Abbatem Cryptae ferratae, et Rogerium diaconum conveniens paterna increpatione ammonuerat, quod Christianis Latinis, qui in sua provincia morabantur, azymo immolari interdixerat, praecipiens in sacrificiis more Graecorum fermentato uti. Imperator vero - - invitat eum per eosdem legatos, - - ut - - Constantinopolitano Concilio congregato, disputatio fieret inter Graecos et Latinos - - Terminum etiam, quo Papa accedere deberet, statuit, anni videlicet et dimidii, et cet.

1) Bernoldi Chronic. sub a. 1089, MG. SS. V, 450. Dominus papa Constantinopolitanum imperatorem ab excommunicatione per legatos suos absolvit.

2) См. приложение III.

3) Къ кому было адресовано посланіе Теофиakta, мы узнаемъ отъ одного изъ его преемниковъ по болгарской кафедрѣ, митрополита Димитрія Хоматина (въ началѣ XIII стол.). Вызванный также подать свое мнѣніе о латинскихъ заблужденіяхъ, онъ приводитъ мнѣнія прежнихъ писателей и говоритъ, что нѣкоторые смотрѣли на вопросъ снисходительнѣе (φιλανθρωπότερον) и, допуская уступки въ прочемъ, возставали только противъ прибавленія къ символу; къ числу этихъ нѣкоторыхъ принадлежалъ и блаженный Теофиактъ, который въ сочиненіи, посланномъ къ діакоу канстризію (πρὸς κανστρίσιον) Николаю, впоследствии епископу Мелесову, выражается такимъ образомъ (слѣдуетъ мѣсто изъ Теофиakta у Rhally et Potly, Syntagma V, 431). О значеніи слова κανστρίσιος см. Ducange Glossarium: это былъ діакоу, завѣдывающій архіерейскимъ облаченіемъ, и т. д. Извѣстно, что вообще санъ діакона великой церкви имѣлъ очень высокое значеніе, что подтверждается и позднѣйшимъ назначеніемъ Николая на епископскую кафедру. [Κανστρίσιος встрѣчается также въ соборномъ дѣяніи на Сотириха, A. Mai, Spicil. rom. X, 21: ἐκ δὲ τῆς

обширный круг читателей и постоянно обращается вообще «къ 267 братьямъ», къ «рабамъ Христовымъ, друзьямъ и братьямъ», то-есть, ко всему клиру Софійской церкви, глубоко заинтересованному въ начатыхъ переговорахъ съ папою. Вопросъ о заблужденіяхъ латинянъ, обращенный къ Теофилакту, именно былъ вынужденъ тяжелыми и суровыми обстоятельствами, какъ это прямо сказано въ самомъ началѣ отвѣтнаго посланія. Но авторъ радуется, что Божественныя знаменія, служащія однимъ въ наказаніе, на другихъ производятъ спасительное дѣйствіе.

Что касается основной темы сочиненія, то она въ высшей степени поразительна. Авторъ посланія прямо объявляетъ, что онъ не раздѣляетъ общепринятаго мнѣнія о раздѣленіи церквей. Онъ не находитъ, чтобъ ошибки (*σφάλματα*) латинянъ были многочисленны, и чтобъ эти ошибки дѣлали церковное раздѣленіе неизбежнымъ. Онъ возстаетъ противъ того духа богословской нетерпимости и теологическаго высокомерія, которое господствуетъ среди его ученыхъ единомыслителей и современниковъ. «Мы думаемъ», говоритъ онъ, «что для приобрѣтенія въ глазахъ толпы славы первостепенныхъ мудрецовъ въ дѣлахъ божественныхъ необходимо какъ можно большее число людей записать въ еретики; что только тогда мы докажемъ, что имѣемъ глаза, когда ясный свѣтъ представимъ глубокою тьмою»¹⁾. Съ нѣкоторою провѣей перечисляетъ ученый архипастырь ходячія обвиненія противъ латинянъ: кромѣ опрѣсоковъ, поста субботняго и безбрачія духовенства, имъ ставятъ въ великую вину то, что у нихъ священники брѣютъ бороды, носятъ на рукахъ золотые 268 перстни и одѣваются въ шелковыя ткани и т. д., что монахи позволяютъ себѣ ѣсть мясо и пр. «Быть можетъ, кто-нибудь», замѣчаетъ Теофилактъ, «изъ вѣрныхъ и болѣе горячихъ ревни-

ἐντιμωτέρα τῶν τε Θεοφιλεστάτων ἀρχόντων πλῆθος καὶ τῆς ἄλλης ἱερᾶς γερουσίας οὗτοι ὁ μέγας ἀρχιεπίσκοπος-- ὁ κληστρίσιος--.]—Отрывки изъ посланія Теофилакта приводятся также съ его именемъ у Іоанна Векка, *Migne, Patrol. gr. t. 141 col. 160*. Самое посланіе было напечатано много разъ, въ послѣднее время у *Migne, Patrol. gr. t. 126 col. 221*, и *Will, Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae seculo XI composita extant p. 229 sq*

1) *Will, Acta et scripta p. 230 (§ 1) καὶ κερδέσεισθαι παρὰ τοῖς πολλοῖς τὰ πρῶτα τῶν τῶν θεῶν σοφῶν οἰόμεθα, εἰ τοῖς πλησίον ἀίρεσιν τινὲν ἐπιτίψαιμεν, καὶ κερδέσεισθαι δοκοῦμεν ὄμματα ἔχοντες, εἰ τὸν ἐωσφόρον μελανυχῆ παρεισέξομεν.*

телей православія возстанеть и обличить меня въ невѣжествѣ, въ непониманіи вещей божественныхъ, пожалуй въ холодности, или даже въ предательской измѣнѣ своей церкви. Конечно, самъ онъ насчиталъ бы (латинскихъ заблужденій) много больше того, что я привелъ. Но я, — заявляетъ Теофилактъ въ выраженіяхъ, напоминающихъ Петра Антиохійскаго, — даже изъ числа перечисленныхъ заблужденій одна считаю не заслуживающими вниманія, другія — заслуживающими умереннаго исправленія, то-есть, такого, что если кто его совершитъ, то окажетъ нѣкоторую услугу церкви, а если нѣтъ, то тоже не будетъ большого вреда»¹⁾).

Есть только одинъ пунктъ, который дѣйствительно раздѣляетъ двѣ церкви — это нововведеніе въ символѣ вѣры, сдѣланное латинянами. Здѣсь невозможна никакая уступка, здѣсь Теофилактъ прямо обращается къ Римлянамъ съ обличеніемъ ихъ заблужденія. Здѣсь онъ не можетъ принять никакихъ пзвинительныхъ соображеній. «Латиняне могутъ сказать, что они вѣруютъ и мыслятъ точно такъ же, какъ мы, что подъ исхожденіемъ отъ Сына они понимаютъ другого рода исхожденіе, чѣмъ отъ Отца: отъ Отца Духъ исходитъ, потому что Отецъ виновникъ его бытія, отъ Сына Духъ исходитъ въ томъ смыслѣ, что какъ-бы изливается и раздается Сыномъ, а не въ томъ, чтобы Сынъ былъ виновникомъ Его бытія, что принадлежитъ только Отцу. Латиняне могутъ сослаться на бѣдность и скудость латинскаго языка, который заставляетъ ихъ два разныхъ понятія выражать однимъ и тѣмъ же словомъ, не отступая нисколько отъ согласія въ вѣрѣ съ Греками». Учитель греческой церкви готовъ на братское снисхожденіе. Но оно можетъ состоятъ только въ томъ, что латинянамъ будетъ предоставлено право пользоваться своимъ способомъ выраженія въ церковныхъ бесѣдахъ и поученіяхъ, съ объясненіемъ однако смысла употребляемыхъ выраженій. Что же касается символа, то здѣсь не можетъ быть и допущена никакая неясность и двусмысленность, никакое прибавленіе; ибо въ символѣ именно выражается согласіе, единодушіе вѣры, исповѣданіе, всѣмъ одинаково понимаемое, безъ чего-либо подразумеваемаго.

1) Will, Acta et scripta p. 230 sq. (§ 2).

Употребленіе греческою церковію квасного хлѣба въ таинствѣ евхаристіи Теофилактъ оправдываетъ и утверждаетъ примѣромъ апостоловъ, которые преломляли такой хлѣбъ, и общимъ согласіемъ церковнаго преданія, отказываясь при этомъ отъ главнаго довода, который былъ развиваемъ Петромъ Антиохійскимъ, но въ глазахъ Теофилакта оказывался несостоятельнымъ. На такихъ же основаніяхъ отвергается субботній постъ латинякъ. Но относительно этихъ вопросовъ архіепископъ Болгаріи направляетъ остроту своихъ разсужденій въ обѣ стороны. Онъ доказываетъ, что Римляне неправы въ томъ отношеніи, что они ошибаются и погрѣшаютъ противъ церковнаго преданія, но Греки также неправы въ томъ, что не хотятъ быть снисходительными къ ошибкамъ бляжняго. «Великая и огия жарчайшая ревность» противъ приношенія опрѣсноковъ въ тѣхъ людяхъ, которые заявляютъ, что они скорѣе положатъ свою душу, чѣмъ поступятъ своимъ мнѣніемъ объ этомъ предметѣ,—не находятъ одобренія въ глазахъ Теофилакта: эти люди болѣе угождаютъ собственной страсти и попадаютъ въ сѣти діавола. «Нѣтъ, братія», обращается Теофилактъ къ своимъ чтателямъ, «не должно отъ всѣхъ требовать всего. Если что, не будучи исполнено, приносить вредъ смертельный, противу этого нужно бороться, какъ говорится, и руками и ногами. Но есть такія вещи, отъ лишенія которыхъ нѣтъ большого вреда, но будетъ величайшій вредъ, если мы силою достигнемъ того, что и онѣ будутъ приобрѣтены для насъ. Оставьте это быть такъ, какъ есть—вотъ что требуется отъ разсудительнаго человѣка, знающаго законы домостроительства, которыми предписывается ради великаго жертвовать малымъ, а не ради малѣйшихъ (выгодъ) величайшими интересами»¹⁾.

«Если поэтому западные, благоустроивъ вопросъ о догматѣ и отказавшись отъ нововведенія въ пользу древности, обнаружатъ сердечную привязанность къ опрѣснокамъ и постанамъ своимъ и отступятъ назадъ предъ нашими просьбами, сдѣланными въ духѣ кротости, объ единомысліи и въ этихъ предметахъ, то будь на этотъ разъ Павломъ, который для тѣхъ, кои были подъ закономъ, самъ являлся сущимъ подъ закономъ и принималъ участіе

1) Will, Acta et scripta p. 244 sq. (§ 13).

въ жертвахъ очищенія». «Искусство кормчаго должно состоять въ томъ, чтобы не напрягать всѣ паруса, особливо когда вѣетъ сильный духъ гордости и народнаго самомнѣнія; пужно и ослаблять съ умѣньемъ, пбо лучше совершать плаваніе съ безопасною
270 медленностію, чѣмъ съ смертельною быстротою, лучше сохранить корабль ослабленіемъ бѣга, чѣмъ потерпѣть кораблекрушеніе отъ упрямой неуступчивости¹⁾).

«Итакъ, мы не противопоставимъ суровой непреклонности не привыкшему гнутья духу этого (западнаго) народа — ни въ вопросѣ объ опрѣснокахъ, ни въ вопросѣ о постахъ²⁾).

«Иной могъ бы потребовать, чтобы я подвергъ также обсужденію и вопросъ о бракахъ, въ которомъ они, повидимому³⁾, также погрѣшаютъ. Но у меня нѣтъ желанія трогать этой Камарины по разнымъ првчинамъ, и между прочимъ потому, что они, съ своей стороны, ставятъ противъ насъ бракъ священниковъ въ числѣ своихъ обвиненій, и не только эту брачность, но и другія безчисленныя обвиненія. Итакъ, когда представится имъ случай оправдывать свои обвиненія противъ насъ, тогда будетъ время говорить и о бракѣ, мы ли погрѣшаемъ, или они, или же дѣло находится въ хорошемъ положеніи у тѣхъ и другихъ, относительно цѣли, предположенной каждымъ»⁴⁾).

Сочиненіе оканчивается сильнымъ обращеніемъ къ греческой сторонѣ, которая считаетъ себя во всемъ правою. «Что сдѣлало фарисеевъ несчастными? Развѣ: не любочестіе, не страсть къ первенству и желаніе быть называемымъ у людей «равви»?.. Развѣ ты не видишь Павла, который избираетъ Петра судьей своего благовѣстія? Развѣ ты не видишь Петра, обличаемаго Павломъ и переносящаго обличеніе съ кротостію? Но ты, если ты замѣчаешь, что предъ громомъ твоего голоса не трепещутъ всѣ и не падаютъ предъ твоими молвіями навзничь, тогда именно ты от-

1) Will, Acta et scripta p. 247 sq (§ 14)

2) Will. *ibid.* p. 249 (§ 14). *сὺ τοίνυν οὐτε περὶ τῶν ἀζύμων, οὐτε περὶ τῶν νηστειῶν ἀντισκληρονθήσμεθα τῷ ἀκκαπέτῳ τοῦ ἔθνους φρονήματι.*

3) [Cp. Georgii Cyprii Proverb collectio, Migne t. 142 col. 461: Μὴ κρίνει Καμάριναν. Λίμνη ἦν ἀπηγέρμευεν ὁ χρησμός μετοχετεύσαι· οἱ δὲ χρησάμενοι παρκοῦσαντες ἐβλάβησαν.]

4) Will, Acta et scripta p. 244 (§ 12): *ὅτι τοίνυν ἀπολογεῖσθαι τούτοις καιρός πρὸς τὰ καθ' ἑμῶν ἐγκλήματα, τότε καὶ περὶ τοῦ γάμου λέγειν καιρός--*

капываешъ и выводишь на сцену Симоновъ и Маркіоновъ (которыхъ благодѣтельное время закопало и навсегда скрыло въ землѣ), тогда ты приводишь въ движеніе прахъ гностиковъ, вырываешъ волхвованіе Сабеллія и безуміе Арія.. И все это ты навязываешъ своему брату (о, сапота!), одному и тому же, несмотря на все ихъ взаимное противорѣчіе, навязываешъ, какъ какія длинныя веревочки, которыми ты хочешь поймать убѣгающаго. И не одинъ ты дѣлаешъ это, но находишь себѣ участниковъ, которыхъ привлекаешъ подъ видомъ благочестія, тогда какъ они часто не знаютъ, что такое благочестіе, но только любить заслужить этотъ титулъ осужденіемъ своего брата»¹⁾.

«Нѣтъ, рабы Христовы, други и братія, отталкивая отъ себя почти всѣхъ своимъ высокомеріемъ, не будемъ отчуждать себя отъ Бога, всѣхъ привлекающаго къ себѣ любовію»²⁾.

Соборъ, который долженъ былъ примирить Востокъ съ Западомъ, сдѣлать возможнымъ политическій союзъ Византійской имперіи съ христіанствомъ римскимъ, въ виду котораго, очевидно, было написано сочиненіе Теофилакта, назначенъ былъ на 1091 годъ. Но онъ не могъ состояться въ этомъ году: затруднительное положеніе, въ которое Урбанъ II былъ поставленъ Римлянами, призвавшими анти-папу Климента, еще болѣе затруднительное, критическое положеніе Византійскаго императора заставило отложить всякую мысль о немъ. Императоръ Алексій нуждался не въ соборѣ, а въ быстрой, немедленной помощи. Печеньги и Чахъ грозили Константинополю; намеренія половецкихъ хановъ, которые готовились двинуться въ предѣлы имперіи съ шестидесятитысячною ордою, были покрыты загадочною тьмою. Ясно было только то, что отъ нихъ зависѣло нанести послѣдній смертельный ударъ Византійскому государству. Нужно имѣть предъ глазами это отчаянное положеніе Византіи въ началѣ 1091 года, чтобы понять ту послѣднюю степень униженія, до которой спустилась гордость восточнаго императора. Не совсѣмъ обычнымъ дѣломъ было для греческаго автократора, который считалъ себя высшимъ представителемъ церкви, покорно выслу-

1) Will, Acta et scripta p 252 sq. (§ 15).

2) Will, ibid. p. 253. αὐτοὶ διὰ τὴν ὑπηρεσίαν πάντας σχεδὸν ἀποθεύμενοι.

шлвать обличенія своего духовства и оправдываться въ своихъ ошибкахъ. Уступчивость въ отношеніи латинской церкви, готовность на примиреніе съ папствомъ какъ послѣ, такъ и теперь, знаменовали глубокой упадокъ духа въ Влахернскомъ дворцѣ и почти прямое отреченіе отъ тѣхъ идей, которыми жила и дышала средневѣковая Византія. Но и этого было мало. Въ 1091 году съ береговъ Босфора донесся до западной Европы прямой вопль отчаянія, пастоящій крикъ утопающаго, который уже не можетъ разлнчать, дружеская или непріязненная рука протянется для его спасенія. Византійскій императоръ не усумнился теперь раскрыть предъ глазами постороннихъ всю ту бездну стыда, позора и униженія, въ которую низвергнута была имперія греческихъ христіанъ.

«Святѣйшая имперія христіанъ греческихъ сильно утѣсняется Печенѣгами и Турками: они грабятъ ее ежедневно и отнимаютъ ея области. Убіиства и поруганія христіанъ, ужасы, которые при этомъ совершаются, несчастлимы и такъ страшны для
272 слуха, что способны возмутить самый воздухъ. Они (то-есть, Турки) подвергаютъ обрѣзанію дѣтей и юношей христіанскихъ, изливая кровь обрѣзанія въ купели христіанскаго крещенія. Они насилуютъ женъ и дѣвъ христіанскихъ предъ глазами ихъ матерей, которыхъ при этомъ заставляютъ пѣть гнусныя и развратныя пѣсни. Надъ отроками и юношами, надъ рабами и благородными, надъ клириками и монахами, надъ самими епископами они совершаютъ мерзкія гнусности содомскаго грѣха. Почти вся земля отъ Іерусалима до Греціи и вся Греція съ верхними (азіатскими) областями, главные острова, какъ Хіосъ и Митилина, и многіе другіе острова и страны, не исключая Фракіи, подверглись ихъ нашествію. Остается одинъ Констанцинополь, но они угрожаютъ въ самомъ скоромъ времени и его отнять у насъ, если не подоспѣетъ быстрая помощь вѣрныхъ христіанъ латинскихъ. Пропоптида уже покрыта двумястами кораблей, которые принуждены были выстроитъ для своихъ угнетателей (мало-азійскіе) Греки: такимъ образомъ Констанцинополь подвергается опасности не только съ суши, но и съ моря. Я самъ, облеченный саномъ императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасенія: я принужденъ бѣгать предъ ли-

домъ Турокъ и Печенѣговъ, оставаясь въ одномъ городѣ, пока якъ приближеніе не заставитъ меня искать убѣжища въ другомъ.

«Итакъ, именемъ Бога и всѣхъ христіанскихъ провозвѣстниковъ, умоляемъ васъ, войны Христа, кто бы вы ни были, спѣшите на помощь мнѣ и греческимъ христіанамъ. Мы отдаемъся въ ваши руки; мы предпочитаемъ быть подъ властью вашихъ латинянъ, чѣмъ подъ игомъ язычниковъ. Пусть Константинополь достанется лучше вамъ, чѣмъ Туркамъ и Печенѣгамъ. Для васъ должна быть такъ же дорога та святыня, которая украшаетъ городъ Константина, какъ она дорога для насъ. Орудія нашего спасенія — орудія мученій и смерти Искупителя, терновый вѣнецъ, который былъ возложенъ на его главу, трость, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ, часть креста, на которомъ онъ былъ распятъ, и проч., многочисленныя мощи святыхъ апостоловъ и мучениковъ, какъ глава Іоанна Крестителя, нетлѣнное тѣло первомученика Стефана — все это не должно достаться во власть язычниковъ, ибо это будетъ великая потеря для христіанъ и ихъ осужденіе.

«Если, сверхъ ожиданія, васъ не одушевляетъ мысль объ этихъ христіанскихъ сокровищахъ, то я напоминаю вамъ о безчисленныхъ богатствахъ и драгоценностяхъ, которыя накоплены въ столицѣ нашей. Сокровища однѣхъ церквей Константинопольскихъ, въ серебрѣ, золотѣ, жемчугѣ и драгоценныхъ камняхъ, 273 въ шелковыхъ тканяхъ, могутъ быть достаточны для украшенія всѣхъ церквей міра. Но богатства Софійскаго храма могутъ превзойти всѣ эти сокровища вмѣстѣ взятые и равняются развѣ только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о той неисчислимой казнѣ, которая скрывается въ кладовыхъ прежнихъ императоровъ и знатныхъ вельможъ греческихъ.

«Итакъ, спѣшите со всѣмъ вашимъ народомъ (*gente*), напрягите всѣ усилія, чтобы такія сокровища не достались въ руки Турокъ и Печенѣговъ. Ибо кромѣ того безконечнаго числа, которое находится въ предѣлахъ имперіи, ожидается сжедневно прибытіе новой шестидесяти-тысячной толпы. Мы не можемъ положиться и на тѣ войска, которыя у насъ остаются, такъ какъ и они могутъ быть соблазнены надеждой общаго рас-

хищенія. Итакъ, дѣйствуйте, пока имѣете время, дабы христіанское царство и, что еще важнѣе, гробъ Господень—не были для васъ потеряны, дабы вы могли получить не осужденіе, но вѣчную награду на небесахъ¹⁾.

Вотъ какого содержанія письма были отправлены императоромъ Алексѣемъ «во всѣ стороны». Понятно, что его дочь, которая писала Алексіаду при совершенно иномъ положеніи своего отечества, не сочла нужнымъ ознакомить насъ съ такими горькими воспоминаніями. До насъ дошелъ одинъ экземпляръ посланія, именно отпривленный къ старому знакомцу и другу Алексѣя, графу Роберту Фландрскому. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ мѣстахъ—во Франціи и Италіи—былъ услышанъ прязывный крикъ о помощи съ береговъ Босфора. Когда папа Урбанъ II въ 1091 году находился въ Кампаніи, при немъ были послы Византійскаго императора²⁾. Сама Анна, говоря о событіяхъ лѣта 1091 года, мимоходомъ обронила замѣчаніе, что ея отецъ ожидать помощи изъ Рима. У одного изъ позднѣйшихъ историковъ Фландріи, которому были доступны старые документы графскаго семейнаго архива, прямо сказано, что посланія такого же содержанія, какъ полученное графомъ Робертомъ Фризомъ, пришли и во Францію³⁾. Наконецъ, едва-ли не находится въ связи съ дружескими отношеніями стараго и новаго Рима, съ предполагаемымъ общимъ церковнымъ и политическо-военнымъ союзомъ Востока и Запада—замѣчательное извѣстіе русской лѣтописи⁴⁾.

1) Вопросы, касающіеся этого документа, мы разбираемъ въ приложеніи IV.

2) *Bernoldi Chronic*, MG. SS. V, 450: *Domnus papa eo tempore in partibus Campaniae morabatur, et ab omnibus catholicis debita reverentia colebatur, videlicet a Constantinopolitano imperatore, et a Philippo Francorum rege.*

3) *Gisleberti Chronic. Hanoniense*, MG. SS. XXI, 508: *Constantinopolitanus imperator, Alexis nomine, assiduis gentilium incursionibus minuto magna in parte regno suo, tremefactus misit nuncios in Franciam cum epistolis ad animandos principes, ut desolate Iberusalem et periclitanti Graeciae subvenirent. Unde confidentius scripsit Roberto seniori Flandrensi comiti*

4) *Николовская лѣтопись* подъ 6599 г. (П. С. Р. Л. IX, 116): «Принде Феодоръ Грекъ митрополитъ отъ папы изъ Рима и принесе многа мощей святыхъ». Если мы предположимъ, что въ числѣ этихъ мощей находилась частица отъ мощей чудотворца Николая (которые въ 1087 году были похищены южно-италіянскими моряками у Грековъ въ Ликии и перенесены въ городъ Барн), то совершенно понятно будетъ установленіе праздника 9-го мая, не существую-

Въ 1091 году прибылъ въ Кіевъ одинъ изъ единоземцевъ и близкихъ келейныхъ людей русскаго митрополита; онъ воротился изъ Рима отъ папы и привезъ съ собою много мощей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что впечатлительный и предприимчивый Западъ, уже давно наслушавшійся рассказовъ о Туркахъ, которые оскверняли христіанскую святыню, и объ Узо-Печенѣгахъ, которые останавливали благочестивыхъ пилигримовъ на путяхъ странствія, былъ сильно и глубоко потрясенъ страшною картиною, развернутою предъ его глазами съ такою яркостію. Завѣса, скрывавшая за собою таинственное величіе имперіи Константина, Θεодосія и Юстиніана, была разорвана: за нею представился христіанскій государь, носящій уважаемый по преданіямъ титулъ Римскаго или Греческаго императора, преслѣдуемый толпами страшныхъ дикарей-язычниковъ. За нею представился городъ Константина, этотъ новой Римъ, для всякаго христіанина имѣющій почти столько же правъ на почтительное чувство, сколько и старый, — но теперь готовый со всѣми своими святынями и мощами сдѣлаться добычею невѣрнаго Турка или гнуснаго Печенѣга. Въ замкахъ Франціи и богатой уже тогда Фландріи пачиналось движеніе, которое очень мало нуждалось въ какомъ-либо ничтожномъ пустынникѣ, чтобы перейти въ смѣлое предпріятіе. Гробъ Господень въ Іерусалимѣ, упомянутый въ концѣ Алексѣева посланія, былъ, конечно, для толпы, для простой вѣры и не знающаго сердца гораздо понятнѣе, чѣмъ Восточная имперія и Константинополь. Одного этого имени—Іерусалимъ, раздаваемаго на Клермонскомъ соборѣ изъ устъ папы, могло быть достаточно для того, чтобы увлечь толпу. Но въ умахъ графовъ Фландрскихъ, Боэмундовъ и Робертовъ Норманнскихъ идея о крестовомъ походѣ созрѣла независимо отъ папы и первоначально не была, конечно, связана съ однимъ Іерусалимомъ и, можетъ-

щаго, какъ извѣстно, въ греческой церкви, но издавна принятаго въ русской. Во всякомъ случаѣ объясненіе этому надобно искать въ дружелюбныхъ сношеніяхъ между обѣими церквами въ концѣ XI столѣтія. Ассемани (Calendaria, VI, 338) предполагаетъ, что представители русской церкви могли присутствовать на Барійскомъ соборѣ 1098 года, гдѣ греческіе епископы разсуждали съ Ансельмомъ Кентерберійскимъ объ исхожденіи Св. Духа, и по возвращеніи въ отечество могли повѣдать о чудесахъ, совершавшихся въ Бари при мощахъ св. Николая, что и должно было дать поводъ къ установленію праздника.

быть, вовсе не была соединена съ этимъ вменемъ. Призывъ папы Урбана потому нашель такой скорый и сильный отзывъ въ рыцарствѣ Фландріи, Нормандіи и Франціи, что ему предшествовалъ призывъ императора Алексѣя. Не въ одинъ годъ, не въ нѣсколько мѣсяцевъ созрѣвають такія предпріятія и такія движенія, какъ первый крестовый походъ. Не одни мистическіе порывы и аскетическія потребности произвели его; не путешествіе на воздушныхъ шарахъ въ невѣдомую страну предпринимали Франки въ концѣ XI столѣтія. Они сбѣрались спасать своего союзника, который звалъ ихъ къ себѣ на помощь; они шли съ большою надеждою на мірскія выгоды, съ мыслию о богатствахъ Византіи. Въ глазахъ рыцарства графъ Робертъ Фризъ былъ, конечно, болѣе краснорѣчивымъ и болѣе убѣдительнымъ проповѣдникомъ, чѣмъ какая-либо темная личность въ родѣ Петра Аміевскаго. Обладал образованіемъ, рѣдкимъ для своего времени ¹⁾, умомъ и характеромъ въ высшей степени независимымъ, графъ Робертъ возбуждалъ противъ себя сильныя жалобы духовенства, которыя не смолкли и послѣ его покаиннаго путешествія въ Палестину ²⁾, но зато онъ былъ идоломъ всего рыцарства. Когда, по возвращеніи изъ Константинополя, онъ провожалъ (въ 1090 г.) свою дочь Адель чрезъ Францію въ Италію, гдѣ она должна была выйти замужъ за графа Рожера Апулійскаго, то его путешествіе по Франціи было похоже на триумфальное шествіе; его принимали съ живѣйшимъ энтузіазмомъ всѣ люди, принадлежащіе къ племени Франковъ ³⁾. Вообще это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и сильныхъ государей всего христіанскаго міра, какимъ онъ въ мѣстныхъ источникахъ и величается ⁴⁾. Его родственныя связи были обширны и

1) Папа въ увѣщательной буллѣ Фризу писалъ: *quod maximum est inter seculi principes rarum, dote litterarum scientiae atque religionis te (Deus) donavit.* *Recueil des chroniques de Flandre, I, p. 3.*

2) *Recueil des chroniques de Flandre, I, p. 4.* Посланіе фландрскаго духовенства къ архіепископу съ жалобами на графа. Жалобы интересны: графъ Робертъ требовалъ, чтобы всѣ священники были непремѣнно достойные, какъ будто замѣчаютъ клирики, грѣшникъ уже не человѣкъ. Но если грѣшникъ не человѣкъ, то не нужно бы и искупленія.

3) *Kervyn de Lettenhove, Histoire de Flandre, I, 306.*

4) *Brevior genealogia, Recueil des chr. de Fl., I, p. 14: Robertus cognomento Friso strenuissimus principum totius christianitatis tempore suo.*

важны. Кромѣ дочери Адели¹⁾, которая ранѣе своего италіанскаго брака была за Канутомъ Датскимъ, онъ имѣлъ сестру — Матильду; мужемъ послѣдней былъ не кто другой, какъ самъ Вильгельмъ Завоеватель. Что касается Востока, то тамъ слава Фландрскаго графа утвердилась еще гораздо ранѣе его путешествія во Святую Землю. Двадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1071 г.), когда юный Робертъ Фризь былъ не болѣе, какъ смѣлымъ искателемъ приключеній, Норманны, забравшіеся въ Восточную имперію въ видѣ наемниковъ, призывали его къ себѣ въ Константинополь и обѣщали возвести его на тронъ Константина Великаго, недостойно занимаемый Михаиломъ Дукой²⁾. Если бы графу Роберту суждено было дожить до 1096 года, то безъ сомнѣнія никто другой не стоялъ бы во главѣ рыцарскихъ крестоносцевъ, и не было бы послѣ никакого спора о томъ, кто долженъ носить короону Іерусалимскаго королевства: мечта юности, тянувшая Фландрскаго героя на востокъ, исполнилась бы другимъ путемъ. Въ рядахъ крестовой рати находилось не мало близкихъ родственниковъ знаменитаго Роберта Фриза; но ни сынъ его, наследовавшій вмѣстѣ съ графствомъ имя отца, ни оба племянника (Балдуинъ Фландрскій и Робертъ Норманскій), ни другіе не могли замѣнить умершаго. Имя въ виду первоначальный планъ похода, по которому онъ прежде всего долженъ былъ направиться противъ Печенѣговъ, на спасеніе Константинополя, западное рыцарство по извѣстіямъ, заслуживающимъ вниманія, пытало мысль поставить во главѣ предпріятія короля венгерскаго св. Владислава, владѣнія котораго точно такъ же не мало терпѣли отъ печенѣжскихъ набѣговъ³⁾; но и этотъ планъ рушился съ преждевременною кончиною Владислава.

1) [См. De genere comitum Flandrensiuи notae Parisienses. MG. SS. XIII, 258.]

2) Lamberti Annales (современные, оканчиваются 1077 годомъ), MG. SS. V, 181: Assumpto plebeio habitu, inter eos, qui Hierosolimam causa orationis pergebant, Constantinopolim ire parabat, vocatus eo crebris legationibus Northmannorum, qui sub imperatore Constantinopolitano militabant, quique ei, si illuc veniret, totius Graeciae principatum pollicebantur - -

3) Legenda S. Ladislai regis, Endlicher, Monum. Arpadiana p. 240: cum autem fama sancti Ladislai regis nomen longe lateque diffudisset, duces Francorum, Lothoringorum et Allemannorum, idem peregrinationis iter conuocantes, primum regem Ladislai sibi suisque ducem et preceptorem fore concorditer pecierunt. Ср. Thwrocъ [=Chron. pictum Vindob. p. 199].

277 Смерть графа Роберта Фриза, послѣдовавшая въ 1093 году (13-го октября), имѣла, безъ сомнѣнія, важное значеніе для дальнѣйшаго—болѣе скорого или болѣе медленнаго—развитія тѣхъ плановъ, которые разрѣшились великимъ движеніемъ Запада на Востокъ. Но самое глубокое измѣненіе въ этихъ планахъ произведено было рѣзкимъ и неожиданнымъ вмѣшательствомъ въ судьбу христіанской цивилизаціи со стороны двухъ варваровъ, которые не знали ни папы Урбана, ни графа Фландрскаго, и которыхъ въ ихъ очередь не хотѣли знать не только старинные благочестивые повѣствователи о папѣ Урбанѣ на Клермонскомъ соборѣ и о Петрѣ Аміенскомъ, но и новѣйшіе историческіе изслѣдователи, привыкшіе, подобно своимъ средневѣковымъ предшественникамъ, смотрѣть на ходъ исторіи только подъ своимъ угломъ зрѣнія. Въ 1091 году предполагалось, что западное рыцарство явится во имя Христа и христіанства на берегахъ Босфора для защиты Византійской имперіи и Константинополя, что императоръ Алексѣй Комнинъ отдастъ въ руки Франковъ судьбу своей имперіи и столицы, то-есть, отдастъ въ ихъ руки судьбу всего христіанскаго міра, довольный тѣмъ, что спасется отъ печенѣжскаго плѣва, и покорно отступить на задній планъ исторіи.

Два половецкихъ хана—въ соучастіи, быть можетъ, съ однимъ изъ князей русскихъ—рѣшили вопросъ иначе.

VII.

Зима 1091 года, столь тяжелая для византійской столицы, наконецъ миновала. Прошла грозная война стихій, смягчился гнѣвъ бурнаго моря, говоритъ Анна Комнина¹⁾. Но страхъ двойнаго турецкаго нашествія все еще стоялъ предъ воротами Константинополя, хотя Печенѣги на нѣкоторое время и отхлынули отъ стѣнъ столицы. Наступившая весна и утихшее море благоприятствовали грознымъ планамъ турецкаго завоевателя (въ Малой Азіи). Чахъ готовилъ свой флотъ, чтобы сдѣлать высадку на полуостровѣ Галлиполи, чтобы соединиться съ Печенѣгами и потомъ двинуться съ моря и суши на Константинополь. Печенѣжская орда, оставивъ предмѣстья столицы, обратилась на западъ,

1) Анна р. 226 D.

къ долинь рѣки Гебра (Марицы). Было ясно, что она шла на соединеніе съ турецкими силами, прибытіе которыхъ ожидалось; что степные дикари исполняли планъ, не ими составленный. Императоръ Алексѣй, еще зимою получившій свѣдѣніе о замы- 278
слахъ Чахи, былъ способнѣе, чѣмъ кто-либо, понять всю опасность положенія. Мѣры, имъ принятыя для ея отвращенія, были быстры и вполнѣ разумны. Кесарь Никифоръ Мелиссинъ по приказанію императора произвелъ новый военный наборъ; всѣ прежнія наличныя силы были размѣщены въ разныхъ болѣе важныхъ пунктахъ Македонія и Фракіи и не могли быть оттуда вызваны безъ крайней опасности какъ для нихъ самихъ, такъ и для городовъ, ими охраняемыхъ. Болгары, населявшіе западную часть имперіи — долины рѣкъ Вардара и Струмы, скотоводы и пастухи, Влахи, кочевавшіе въ Фессаліи, жители другихъ провинцій, свободныхъ отъ печенѣжскаго нашествія, были подняты для спасенія Византіи ¹⁾. Сборнымъ пунктомъ для новой арміи былъ назначенъ городъ Эносъ, близъ устья рѣки Гебра. Это былъ пунктъ, изъ котораго можно было наблюдать за дѣйствіями враговъ на сушѣ и на морѣ, изъ котораго можно было воспрепятствовать движенію Печенѣжской орды на соединеніе съ морскими силами Сельджуковъ. Самъ императоръ Алексѣй поспѣшилъ занять эту важную позицію. Съ послѣдними силами, которыя оставались въ его распоряженіи, вызвавъ изъ Никомидіи 500 фландрскихъ рыцарей, онъ сѣлъ на корабли и поплылъ на западъ. Небольшой флотъ, можно сказать, заключалъ въ себѣ всю Византійскую имперію и ея судьбы. Высадившись въ Эносѣ, Алексѣй вслѣдъ затѣмъ внимательно осмотрѣлъ теченіе рѣки Гебра и положеніе обонхъ береговъ, чтобъ отыскать удобное мѣсто для военнаго лагеря. Равнина, разстилавшаяся на правой сторонѣ рѣки, прикрытая съ одной стороны ея теченіемъ, съ другой — топкимъ, болотистымъ пространствомъ, представляла большія выгоды для слабой числомъ греческой арміи. Здѣсь, близъ мѣстечка Хирини (Χοιρινούς ²⁾), она и была помѣщена въ

1) Anna p. 227 B. νεολέκτους καταλέγων, ὅπως τε ἐκ Βουλγάρων καὶ ὅπως τὸν νομίμα βίον εἶλοντο (Βλάχους τούτους ἢ κοινῆ καλεῖν οἷδε διάλεκτος).

2) [Procop. De Aedif. p. 306, 17 Bonn.: Χερσῖνον; p. 545 въ указателѣ: Cheroenum vel Cerdinum castrum Thraciae.]

ожиданіи тѣхъ подкрѣпленій, которыя долженъ былъ привести Никифоръ Мелиссіанъ. Прикрытый съ боковъ рѣкой и болотомъ, лагерь былъ огражденъ съ другихъ сторонъ глубокимъ рвомъ.

Императоръ воротился въ Эносъ и скоро получилъ извѣстіе о приближеніи къ укрѣпленному лагерю несмѣтной толпы Печенѣговъ. Онъ немедленно явился на мѣсто опасности. Убѣдившись въ страшномъ неравенствѣ силъ, Алексѣй смутился; боязнь проникла въ его душу, привыкшую давно къ самымъ труднымъ по-
279 ложеніямъ. Судя по человѣчески, говорятъ Анна, не было надежды на спасеніе¹⁾. Въ то время, какъ самыя тяжелыя и тревожныя мысли волновали умъ императора, на четвертый день послѣ прибытія въ лагерь показались новыя массы степныхъ наѣздниковъ. Это были Половцы: они пришли ордою въ 40 тысячъ человѣкъ. Никто не могъ сказать, что несла съ собою эта грозная орда: спасеніе или конечную гибель. Было неизвѣстно, явились ли Половцы какъ союзники на зовъ императора, вслѣдствіе его грамотъ, посланныхъ еще зимою въ предѣлпровскія степи, или же они предпочтутъ вмѣстѣ съ своими единоплеменниками, Печенѣгами, нанести послѣдній и рѣшительный ударъ Византійской имперіи, разнести и расхитить ея провинція и, быть можетъ, ея столицу. Во главѣ половецкихъ полчищъ стояло нѣсколько предводителей, но главными были двое: Тугорканъ и Бонякъ, два хищника, такъ хорошо извѣстные въ русской
280 исторіи²⁾. Въ ихъ рукахъ находилась судьба христіанскаго міра.

1) Анна р. 228. μή ἔχων τὸν ἐπιχρῆστος κατὰ ἀνδρῶπων.

2) Анна р. 228 В: προχοὶ δὲ πάντων ὁ Τογορτῆς, ὁ Μανιάς καὶ ἕτεροι ἄνδρες μαχημάτων. Что Тогортакъ или Тогорта (ср. варианты Тоґортѣн, Тоґортой, Тоґортѣ р. 277В) у византійской писательницы и Тугорканъ, Туртканъ и Тугторканъ русскихъ лѣтописей—одно и то же лицо, это не требуетъ доказательствъ. Но тождество Маніака и Боняка точно такъ-же несомнѣнно: какъ Магометъ назывался у Русскихъ Божмитомъ, мусульмане—бусурманами, точно такъ-же Маніакъ (Маньякъ, Маякъ) долженъ былъ превратиться въ Боняка. Откуда происходитъ это различіе въ выговорѣ турецкихъ словъ, мы не знаемъ; быть можетъ, причина находится въ самомъ турецкомъ языкѣ или въ діалектическихъ отличіяхъ его нарѣчій, хотя и внутри славянскихъ нарѣчій существуетъ подобный переходъ звуковъ м и б: benetki, benàtki, mletak, mlesci (Венеція). Помимо филологическаго тождества словъ Маньякъ и Бонякъ, вотъ еще одно несомнѣнное и очень интересное доказательство, что Бонякъ русскихъ лѣтописей есть Маніакъ Анны Комниной. Мы обязаны этимъ доказательствомъ образцовому изслѣдованію К. Н. Бестужева-Рюмина («О составѣ русскихъ лѣтописей») и потому приводимъ его такъ, какъ оно находится въ этомъ изслѣдованіи. Въ прило-

Императоръ Алексѣй самъ былъ проникнутъ такимъ убѣжденіемъ, и его дочь, помнившая бесѣды отца въ семейномъ кругу, сохранила это убѣжденіе на страницахъ своей исторіи¹⁾. Чтобы выйти изъ тяжелой неизвѣстности, чтобы склонить половецкихъ хановъ на сторону имперіи, Алексѣй поспѣшилъ пригласить ихъ къ себѣ для дружеской бесѣды. Онъ пережилъ еще нѣсколько тяжелыхъ минутъ, прежде чѣмъ они явились. Долѣе другихъ заставилъ ожидать себя самый страшный и самый сильный — шелудивый Бонякъ: на первое приглашеніе онъ отвѣчалъ отказомъ. Богатая и роскошная трапеза была предложена гнуснымъ сыродцамъ. За столомъ Византійскій императоръ старался быть какъ можно болѣе любезнымъ. Послѣ обѣда, за которымъ варвары отлично и сытно угостились, Алексѣй расцѣловался съ ними и поднесъ каждому богатые подарки всякаго рода²⁾. Самъ суровый и мрачный Бонякъ не устоялъ противъ такого приѣма и такой ласки. Умягченные варвары готовы были сдѣлать все угодное Византійскому императору. Алексѣй потребовалъ отъ хановъ, чтобъ они дали клятву быть его друзьями и помогать ему противъ Печенѣговъ, и просилъ заложниковъ. Половецкіе ханы дали клятву, обѣщали прислать заложниковъ. Съ кичливымъ панибратствомъ они успокоивали императора насчетъ Печенѣговъ, обѣщали покончить съ ними въ три дня, пусть только императоръ предоставитъ имъ на эти три дня полную свободу расправляться съ Печенѣгами, какъ они знаютъ. Съ самонадѣянною щедростію они дѣлили добычу и цѣлую половину обѣщали дать

ленин, посвященномъ сличенію текста русскихъ извѣстій Длугоша съ текстомъ самихъ источниковъ Длугоша, то-есть русскихъ лѣтописей, на стр. 152 книги выписаны извѣстія Длугоша, параллельныя П. С. Р. Л. I, 107—109. Между прочимъ «Interim Dux Maniak (Бонякъ) cum Polowcys venit contra Kiow et multis spoliis et dampnis commissis, curiam Ducalem in Berestow comburit, Tu hor ka insuper alter Polowconum Dux» и т. д. Итакъ, Длугошъ, сокращавшій русскую лѣтопись, назвалъ въ одномъ случаѣ Боняка Maniak'омъ. Трудно думать, что это случайность; несмотря на неисправное состояніе текста Длугоша въ существующихъ (устарѣлыхъ) изданіяхъ, нельзя предполагать, чтобъ это была опечатка. Мы думаемъ, что Длугошъ въ томъ спискѣ русской лѣтописи, которою онъ пользовался, могъ читать вмѣсто теперешняго «Бонякъ» его византійское названіе...

1) Аппа р. 228 В: οὐδὲν ἄλλο ἐντεύθεν τὸ ἐλπίζομενον ἢ πανωλεθρία — и далѣе развѣт.

2) Аппа р. 228 С: καλῶς -- εὐωχηθέντας -- φιλοφρονησάμενος αὐτοὺς καὶ παντεῶν δωρεῶν ἀξιώσας.

императору. Обрадованный Алексѣй съ удовольствіемъ давалъ не три, а цѣлыхъ десять дней для единоборства съ Печеньгами, отказываясь отъ добычи и всю уступалъ Половцамъ. Союзники разстались довольные другъ другомъ.....

Тяжелая неизвѣстность положенія еще не скоро миновала. Прошло три дня, и опасенія относительно вѣрности половецкихъ обѣщаній снова стали осаждать умъ Алексѣя. Въ страшной тревогѣ онъ нѣсколько разъ мѣнялъ расположеніе своего лагеря, переходя съ одной стороны Гебра на другую. Какъ настроена была небольшая византійская армія, достаточно показалъ одинъ случай. Никифоръ Мелиссинъ, исполнивъ порученіе императора, 281 выслалъ на помощь къ нему значительное количество новобранцевъ; крестьяне, превращенные въ воиновъ, шли пѣшкомъ, а пожитки и запасы ихъ слѣдовали за ними на телегахъ, запряженныхъ волами. Греки увидѣли вдаль этотъ рядъ повозокъ, и смятеніе распространилось въ лагерь. Всѣмъ казалось, что это приближается печенѣжскій таборъ, что еще новая орда кочевниковъ идетъ съ востока. Самъ императоръ смутился. Скоро однако оказалось, что весь страхъ былъ напрасенъ, что вмѣсто Печенѣговъ идетъ подкрѣплевіе, котораго давно слѣдовало ожидать. Послѣ этого Византійцы стали нѣсколько смѣлѣе. При новомъ перемѣщеніи лагеря они встрѣтились съ отрядомъ настоящихъ Печенѣговъ и вступили съ нимъ въ схватку: императоръ Алексѣй, самъ управлявшій движеніемъ, одержалъ побѣду¹⁾.

Новымъ поводомъ къ безпокойству послужили извѣстія о сношеніяхъ между Половцами и Печеньгами. Печеньги пытались переманить Половцевъ на свою сторону и присылали пословъ къ самому императору съ мирными предложеніями. Алексѣй угадывалъ злыя намѣренія хитрыхъ варваровъ и давалъ уклончивые и неопредѣленные отвѣты. Ему хотѣлось какъ можно долѣе протянуть время; несмотря на соглашеніе съ Бонякомъ и Тугорканомъ, онъ боялся рѣшительной минуты. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ извѣстій съ запада и рассчитывалъ на скорое прибытіе вспомогательнаго войска изъ Италіи²⁾.

1) Anna p. 229 sq.

2) Anna p. 230 D: ἀπαρωρεῖν ἐδέλων τοὺς αὐτῶν λογισμούς, εἰ καὶ καὶ τὸ ἐκ τῆς Ῥώμης προσδοκώμενον μισθοφορικὸν κατὰ λάβοι.

Половцамъ первымъ наскучила праздная бездѣтельность. Обѣщанія Печенѣговъ не прельстили ихъ, но и медленность императора имъ не нравилась. Половецкіе ханы послали сказать Алексѣю: «До конхъ поръ мы должны будемъ откладывать битву? Знай, что мы не будемъ ждать болѣе; завтра съ восходомъ солнца мы будемъ ѣсть либо волчье мясо, либо баранье»¹⁾).

Дикая, кровожадная рѣчь означала, что Половцы на слѣдующій день будутъ биться, если не съ Печенѣгами, то съ Византійцами. Императоръ Алексѣй хорошо понималъ, какъ серіозна была эта рѣчь въ устахъ варваровъ, способныхъ внезапно принять самое неожиданное рѣшеніе. Онъ обѣщалъ имъ битву на слѣдующій день. Но тревожныя опасенія не переставали его мучить. Половцы были такъ-же страшны, какъ и Печенѣги; какая-282нибудь внезапная вспышка могла превратить союзниковъ въ безпощадныхъ враговъ; на самомъ полѣ битвы обѣ единоплеменные орды могли примириться и сообща обратятъ свои стрѣлы на византійскую армію. Неожиданное, счастливое событіе было нѣсколько ободрило смущенный духъ императора. Наканунѣ рокового дня, предъ закатомъ солнечнымъ, пятитысячный отрядъ отдѣлился отъ половецкаго стана и присоединился къ греческому лагерю. Это были смѣлые и мужественные обитатели горныхъ странъ, то-есть, Русскіе, пришедшіе вмѣстѣ съ Половцами изъ Карпатской Руси²⁾).

1) Анна *ibid.*

2) Анна p. 231 B: ταῦτα γούν διασχοπούμενοι τοῦ βασιλέως κατέλαβον πρὸς αὐτὸν τῶν ὀρειωτέρων μερῶν ἄνδρες τομμητῆται καὶ Ἀρμενῖοι αὐτόμολοι πρὸς συνασπισμὸν αὐτοῦ, εἰς χιλιάδας ποσοῦμενοι πέντε. Что это были Русскіе, мы думаемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) слово αὐτόμολοι (перебѣжчики) показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о собственныхъ подданныхъ Алексѣя, жителяхъ той или другой горной страны, входившей въ составъ имперіи, которые неожиданно пришли на помощь. Слово αὐτόμολοι, пожалуй, могло бы означать людей, пришедшихъ добровольно, но не въ такомъ смыслѣ употребляетъ это слово Анна; одной страницей назадъ она пишетъ (p. 230 C). πρόσσισι - αὐτόμολος ὁ Νεχὺτζης καὶ σὺν αὐτῷ ὀλίγοι Σκύθαι, — рѣчь идетъ несомнѣнно о перебѣжчикѣ, о челоуѣкѣ, перешедшемъ изъ одного лагеря въ другой. Слѣдовательно, и здѣсь разумѣются люди, оставившие печенѣжскій или половецкій лагерь и перешедшіе въ греческій. [Ср. употребленіе слова αὐτόμολος p. 57 B. 478 D. 470 B; но p. 82 A?] 2) Сказано, что пять тысячъ не только пришли къ Алексѣю (πρὸς αὐτὸν), но что они перешли въ «его строй»: πρὸς συνασπισμὸν αὐτοῦ. Ср. о значеніи слова у Анны p. 207 C: χελεύσαντος μηδένα τῶν συνασπισμὸν λυγεῖν. Смыслъ этихъ словъ подкрѣпляетъ значеніе слова αὐτόμολοι. Очевидно, что рѣчь идетъ только о перемѣнѣ рядовъ, строя, что люди, пришедшіе къ Але-

288 Ихъ князь, знаменитый своею предприимчивостью Василько Ростиславовичъ, еще въ томъ-же 1091 году участвовалъ въ походѣ Половцевъ на Венгрію, въ 1092 году съ ними же ходилъ на Ляховъ. Нужно думать, что и теперь онъ не усидѣлъ дома и былъ въ числѣ тѣхъ второстепенныхъ вождей, которые обѣдали у Алексѣя, но не названы по имени его дочерью.

ксѣю, и прежде готовы были къ бою, но только находились въ другихъ рядахъ, то-есть, въ рядахъ половецкихъ. 3) Даже названіе людей, пришедшихъ къ Алексѣю, «смѣлыми и марсоподобными» (τολμηταί καὶ Ἀρσιμόμοι) служитъ въ пользу такого объясненія. Сколько мы помнимъ, Анна употребляетъ эти выражения преимущественно объ иностранцахъ; такъ р. 50 D, Гумбертопулъ у нея называется Ἀρσιμόμος; такъ р. 63 C, съ Марсомъ сравнивается нѣмецъ Гильбрехтъ, измѣвившій Никифору въ пользу Алексѣя; такъ р. 184 D, латиняне названы смѣльчаками (τολμηταί), такъ р. 236 B, одинъ Армянинъ и Норманнъ Гумбертопулъ названы марсоподобными (Ἀρσιμόμοι), такъ, р. 213 B, Монастра и Уза, единоплеменные съ Половцами; [р. 58 самъ императоръ Алексѣй Комнинъ называется Ἀρσιμόμος]. Когда Анна хочетъ похвалить мужество Византийца, она выражается. «онъ сражался не какъ Грекъ (Ῥωμαῖος), а какъ Норманинъ» (р. 277)... Итакъ, пятитысячный отрядъ, ободрившій Алексѣя, не какая-либо вольная дружина, состоявшая изъ подданныхъ имперіи. 4) По ходу рассказа видно, что «перебѣжчиками» могли быть изъ Печенѣжскаго стана или изъ Половецкаго, ибо впереди стоятъ слова: «Алексѣй боялся безчисленнаго множества Печенѣговъ и Кумановъ и союза ихъ». Но уже въ выраженіи, указывающемъ только на переходъ военнаго строя или рядовъ, лежитъ намекъ на то, что переходъ совершился изъ стана, болѣе дружественнаго Алексѣю, то-есть Половецкаго. 5) Далѣе сказано, что люди, перешедшіе къ Алексѣю, были «изъ странъ болѣе горвыхъ», то-есть, вѣроятно, по отношенію къ землѣ Половецкой и (срежней) Печенѣжской. Припомнимъ географію Константина Багрянороднаго (De adm. imp. c. 13 p. 81, 9 Bonn.): въ болѣе сѣверной части, въ сосѣдствѣ съ Венграмъ, живутъ Печенѣги, а въ горахъ, подлѣ нихъ, лежатъ Хорваты (πρὸς δὲ τὸ βορείότερον οἱ Πατζινχίται -- οἱ δὲ Χρῶαίται πρὸς τὰ ἄρην τοῖς Τοῦρκοῖς παράκεινται). Это насъ приводитъ въ Русь прикарпатскую, гдѣ въ это время жилъ и дѣйствовалъ предприимчивый князь Василько Ростиславовичъ, питавшій широкіе планы, между прочимъ собиравшійся «перелетѣ» Болгаръ Дунайскихъ и поселить ихъ у себя. Около 1091 года восточный князь былъ въ дружбѣ съ Половцами и водилъ ихъ на сосѣднія страны. Подъ 1092 годомъ въ нашей лѣтописи сказано: «Въ се же лѣто воеваша Половци Ляхы съ Василькомъ Ростиславичемъ». Къ самому 1091 году относится рассказъ венгерскихъ источниковъ о нападеніи Половцевъ на Венгрію, которое было предпринято не безъ участія «Русскихъ». Тѣтгоsz II, 58, p. 132 [=Chronic. pictum Vindob. p. 198]: Post hec (послѣ того, какъ были разбиты Половцы) autem rex gloriosus inuasit Rusciam, eo quod Kuni rex consilium eorum Hungarum intrauerunt. Ср. Buidinger, Ein Buch Ungarisch. Gesch. SS 79 и 80. Нужно думать, что Половцы, напавшіе на Венгрію въ 1091 году, сдѣлали это нашествіе на возвратномъ пути изъ предѣловъ Византіи. Король Венгерскій, разбивъ одну орду, долженъ былъ бороться съ другою, которая появилась на Дунаѣ; это вполне соотвѣтствуетъ рассказу Анны Комниной о возвращеніи Половцевъ двумя толпами и въ два приема...

Половина ночи прошла въ молитвѣ; при свѣтѣ зажженныхъ факеловъ все войско пѣло священные гимны; кто могъ, тотъ украсилъ свое военное копье восковою свѣчей или лампадой. Послѣ полуночи послѣдовалъ кратковременный отдыхъ. Съ восходомъ солнца началась кровавая битва. Греки и Половцы бросились на печенѣжскій станъ, огражденный громадными степными телѣгами; императоръ Алексѣй былъ впереди всѣхъ. Печенѣги не выдержали напора и потеряли духъ. Видя неминуемую бѣду, нѣсколько Печенѣговъ выѣхали навстрѣчу и отдались Половцамъ, прося ихъ посредничества для примиренія съ императоромъ. Этотъ случай опять возбуждалъ подозрѣнія Алексѣя: онъ боялся, что и другіе послѣдуютъ тому же примѣру, что это охладитъ военный пылъ и усердную ревность его союзниковъ, пришедшихъ съ Бонякомъ и Тугорканомъ.

Онъ приказалъ знаменосцу стать съ императорскимъ знаменемъ 284
 посреди половецкаго ополченія и идти впередъ, чтобъ увлечь за собою воинственныхъ кочевниковъ. Стратегема увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Сопротивленіе Печенѣговъ было окончательно сломлено; началась беспощадная, невиданная рѣзня позади телѣгъ, ограждавшихъ станъ печенѣжскій. Полуденное, жаркое весеннее солнце освѣщало ужасную сцену остервенѣнія; утомленные зноемъ и жаждою побѣдители готовы были прекратить свою кровавую работу, усталыя руки отказывались служить болѣе. Но императоръ Алексѣй еще разъ находчиво распорядился. Онъ послалъ гонцовъ въ ближайшія деревни; по ихъ требованію, крестьяне явились къ арміи и привезли на своихъ лошакахъ бочки, кувшины и мѣха, наполненные водою. Немного освѣжившись, воины и союзники Алексѣя снова начали сраженіе, то-есть, беспощадное истребленіе побѣжденнаго врага. «Здѣсь можно было видѣть новое зрѣлище», говоритъ Анна Комнина, «какъ дѣлный народъ, считавшійся не десятками тысячъ, превышавшій всякое число, съ женами и дѣтьми погибъ въ одинъ день»¹⁾. Только на закатѣ солнечномъ прекратилась рѣзня беззащитныхъ и безоружныхъ Печенѣговъ, ихъ женъ и дѣтей, скрывавшихся въ повозкахъ и кибиткахъ и всегда сопровождавшихъ воинственную

1) Анна р. 233 С.

орду въ ея передвиженіяхъ. Все, что уцѣлѣло отъ меча, пошло въ плѣнъ къ побѣдителямъ. Несмотря на кровопролитіе, продолжавшееся цѣлый день, число плѣнныхъ было громадно. Припомнимъ, что, по словамъ византійскаго историка, Печеньжская орда за сорокъ лѣтъ тому назадъ вступила въ предѣлы имперіи въ числѣ 800 тысячъ [а теперь состояла изъ 600 тысячъ].

Такъ кончился день 29-го апрѣля 1091 года (вторникъ), о которомъ въ Константинополѣ сложили пѣсню съ такимъ припѣвомъ: «Изъ-за одного дня Скивы не увидѣли мая»¹⁾. За страшнымъ днемъ послѣдовала не менѣе ужасная ночь. Огромное число плѣнниковъ, при утомленіи войска, при близости Половцевъ, въ которыхъ могло пробудиться состраданіе къ своимъ единоплеменникамъ, казалось весьма опаснымъ воеводамъ и приближеннымъ совѣтникамъ Алексѣя. Одинъ изъ нихъ явился къ императору, когда тотъ садился за ужинъ, и съ дьявольскимъ хладнокровіемъ просилъ позволенія низвести число плѣнниковъ до безопаснаго количества, то-есть, перерѣзать большую часть ихъ. Алексѣй взглянулъ сурово на безчеловѣчнаго Синесія — это очень почтенное имя носилъ Византіецъ — и сказалъ: «Хоть то и Скивы, но все-таки люди, хоть и враги, но все-таки достойны жалости». Отославъ съ гнѣвомъ кровожаднаго искusstеля, императоръ строго приказалъ у всѣхъ Печеньговъ отобрать оружіе, сложить его въ одно мѣсто и приставить стражу къ связаннымъ плѣнникамъ; потомъ спокойно отдался ночному сну, пріятному послѣ утомительнаго и труднаго дня. Тѣмъ не менѣе, ночью большая часть плѣнныхъ Печеньговъ была перебита солдатами. Сообщая ужасный фактъ, дочь императора Алексѣя дѣлаетъ замѣчаніе, которое заставитъ всякаго содрогнуться еще больше, чѣмъ самое происшествіе, если только понимать замѣчаніе въ буквальномъ смыслѣ. Цесаревна Анна не можетъ рѣшить, совершилось ли избіеніе плѣнныхъ «по божественному внушенію или какимъ-другимъ образомъ», во всякомъ случаѣ оно совершилось вдругъ какъ-бы по данному знаку²⁾. Самъ императоръ Алексѣй

1) Анна *ibid.* διὰ μίαν ἡμέραν οἱ Σκύθαι τὸν Μαῖον οὐκ εἶδον.

2) Анна p. 234 D: εἶτε ἐκ θείας ὀμφῆς εἶτε καὶ ὅπως οὐκ εἶδα, ὁμῶς δ' οὖν ὡς ἐξ ἑνὸς συνθῆματός. Для чести Анны можно предполагать, что она бессознательно употребляетъ отмѣченное выраженіе въ древне-классическомъ смыслѣ, то-есть,

узналъ о кровавыхъ событіяхъ ночи только утромъ на другой день и подозрѣвалъ виновника въ своемъ вчерашнемъ совѣтникѣ. Онъ хотѣлъ строго наказать Спнезія, но просьбы всѣхъ родныхъ знатнаго вельможи склонили Алексѣя къ милости.

Половцы, о волчьихъ обычаяхъ которыхъ говорятъ византійскіе писатели, даже Бонякъ, въ самомъ дѣлѣ такъ искусно подражавшій вою этимъ кровожаднымъ звѣрей, что они охотно ему отзывались¹⁾, все-таки были приведены въ ужасъ поступкомъ образованныхъ Византійцевъ. «Они боялись», говоритъ Анна, «чтобы на слѣдующую ночь императоръ не сдѣлалъ съ ними того же, что случилось съ Печенѣгами»²⁾, и при ея наступленіи оставили свой лагерь, зараженный запахомъ труповъ и крови. Они съ такою неожиданною поспѣшностью бѣжали, что забыли о наградѣ, имъ слѣдующей, или, можетъ быть, не хотѣли прикоснуться къ ней въ первую минуту ужаса. Нужно было посылать за ними погоню, чтобы вручить имъ то, что имъ слѣдовало по уговору сверхъ добычи. Вѣроятно, для многихъ были не понятны побужденія императора, предписывавшія такую пре- 286
увеличенную честность; онъ нашелъ не лишнимъ публично сказать длинную «проповѣдь» о лжи и ея грѣховности³⁾. Впрочемъ, не всѣ союзники, участвовавшіе въ битвѣ 29 апрѣля, бѣжали за Балканы. Тѣ, которые остались, сначала получили щедрое угощеніе; вниманіе императора къ нимъ простиралось такъ далеко, что онъ выдалъ имъ награду только тогда, когда они проспались отъ опьяненія и стали хоть немного сознавать, что совершается вокругъ ихъ⁴⁾. Важный греческій чиновникъ проводилъ этихъ «Кумановъ» до Балканскихъ проходовъ, такъ какъ они считали это нужнымъ для своей безопасности. Но за Балканами воин-

въ значеніи слуха, неизвѣстно откуда явившагося, затѣмъ въ значеніи стремленія, овладѣвшаго умами помимо всякой воли. Но ср. р. 284, гдѣ *ἐμφή θεῶν* употребляется для обозначенія божественнаго внушенія въ христіанскомъ смыслѣ. [Ср. р. 826 С].

1) II. С. Р. J. I, 115: и яко бысть полунощи, и вставъ Бонякъ отъѣха отъ вой, и поча выти волчьскы, и волкъ отвыся ему, и начаша волци выти месои.

2) Анна р. 235.

3) Анна р. 235 С: *ὁμιλίαν ἰκανὴν πρὸς ἄπαντας περὶ ψεύδους.*

4) Анна р. 235 С: *καταπέψαι τὸν οἶνον καὶ οὕτω - ἐν ἐπιγνώσει γενέσθαι τοῦ κραττομένου.*—Трудно удержаться отъ догадки, что въ числѣ этихъ послѣднихъ были и люди того племени, которому веселіе пати.

ственной ордѣ была предоставлена полная свобода, и она не замедлила ею воспользоваться для того, чтобы, вслѣдъ за ушедшими ранѣе товарищами, устремиться на Венгрію. Едва король Владиславъ успѣлъ справиться съ Куманами, опустошившими Трансильванскую область и нѣкоторые восточные венгерскіе комитаты¹⁾, какъ на Дунаѣ, на юго-восточной границѣ, явились новыя полчища той же самой Половецкой орды, въ сопровожденіи, можно догадываться, удалцовъ другой народности. Предводитель орды требовалъ у Венгерскаго короля выдачи своихъ полоненныхъ соплеменниковъ²⁾. Владиславъ, отвергнувъ дерзкія требованія, быстро вышелъ навстрѣчу врагамъ и разбилъ ихъ на голову не въ далекомъ разстояніи отъ Дуная³⁾. Считая Русскихъ виновниками явл, вѣроятно, участниками половецкаго нашествія, король Венгерскій вслѣдъ затѣмъ обратился немедленно противъ сосѣднихъ русскихъ областей. Венгерскій лѣтописецъ, быть можетъ нѣсколько хвастливый, рассказываетъ, что Русскіе, сильно стѣсненные королемъ Владиславомъ, просили у него помилованія и обѣщали ему полную вѣрность, и что раскаяніе ихъ было принято побѣдителемъ благосклонно⁴⁾.

1) [Chronicon pictum Vindob. p. 196 sq.: Post hec autem quidam de Cunis nomine Copulch filius Krul cum valida manu intrauit in Hungariam, ut debellaret. Qui ultrasiluanum regnum depredauit, et predam secum ducebat -- Rex autem Ladizlaus cum suis in Sclauonia fuerat --]

2) [Chron. pict. Vindob. p. 197: Hoc audientes Cuni de seruiante illo qui euaserat valde contristati sunt, qui etiam coniurantes promiserunt se iniuriam Kopulch nindicaturos. Miseruntque ad regem nuncios, et captiuos dimittere preceperunt uerbis superbis et contumeliosis.]

3) [Chron. pict. Vindob. p. 197: Et quodam sabbato sumpto (sic) mane prope Danubium impetum super Cunos fecit.]

4) Th wrocъ II, cap. 58 [=Chron. pict. Vindob. p. 198]: Post hec autem rex gloriosus inuasit Rusciam, eo quod Kuni per consilium eorum Hungariam intrauerunt. Cumque uidissent se Ruteni male coartari, rogauerunt regis clemenciam, et promiserunt regi fidelitatem in omnibus. Quos rex piissimus grauiter (вариантъ: gratanter) suscepit. Deinde irruit in Poloniam. Кромѣ приведеннаго источника,] о побѣдѣ Владислава надъ турецкою ордою говорить: 1) легенда св. Владислава (Endlicher, Monumenta Arpadiana, p. 239 — 240), называя вмѣсто Кумановъ (Kuni) Печеньговъ (latrunculi Byzantorum) и рассказывая о разныхъ чудесахъ при этомъ случившихся; 2) Симонъ Кеца I. с. p. 87, у котораго враги тоже названы Печеньгами (Bessi). Смѣшеніе Печеньговъ съ Половцами довольно естественно; если есть какая нужда на немъ останавливаться, то можно предполагать, что вмѣстѣ съ Половцами дѣйствительно ушла нѣкоторая часть Печеньговъ (см. Budinger, Ein Buch Ungarisch. Gesch. S. 79). Но рассказъ Кецы заставляетъ сверхъ того думать, что этотъ писатель зналъ о совершенномъ

Въ началѣ мая императоръ Алексѣй съ торжествомъ воротился въ свою столицу. Ужасные враги, которые недавно стояли подъ ея стѣнами, лежали теперь грудами труповъ въ долинѣ рѣки Гебра. Только небольшая часть Печенѣговъ уцѣлѣла въ греческомъ лагерѣ. Эти остатки несмѣтной прежде орды были поселены императоромъ Алексѣемъ на востокъ отъ рѣки Вардара, въ Могленской области, и являются потомъ въ рядахъ византійской арміи, составляя въ ней особый родъ войска ¹⁾.

Половцы оказали громадную услугу христіанскому міру. Предводители ихъ, Бонякъ и Тугорканъ, должны быть, по справедливости, названы спасителями Византійской имперіи. Помощь запада, которой просилъ и уже ожидалъ императоръ Алексѣй, не могла прибыть такъ скоро, какъ онъ это считалъ возможнымъ; не оконченная борьба съ императоромъ и антипапа Климентъ связывали совершенно дѣятельность Урбана II до 1094 года, когда онъ восторжествовалъ надъ своими врагами и надъ всѣми домашними затрудненіями; ранѣе этого года умеръ рыцарскій другъ Алексѣя, графъ Робертъ Фризъ, союзникъ, быть можетъ, болѣе дѣятельный, но зато и болѣе отдаленный. Между тѣмъ Византія, какъ мы знаемъ изъ прямыхъ признаній цесаревны Анны, рѣшительно не имѣла силъ и средствъ, чтобы продолжать борьбу съ двойнымъ турецкимъ нашествіемъ. Предположимъ самый благопріятный ходъ дѣла. Константинополь могъ выдержать долгую осаду, могъ дождаться крестоноснаго ополченія; оно собралось бы скорѣе въ виду настоятельной и продолжающейся опасности и ради усердной мольбы Византійскаго императора, скорѣе, чѣмъ это послѣдовало на самомъ дѣлѣ. Но пер-

истребленіи печенѣжскаго племени въ 1091 году, но только на томъ или другомъ основаніи причиною этого истребленія считалъ побѣды короля Владислава: [Istius (Ladislai) igitur temporibus in Septem castris, in monte qui Kyrioleis dicitur,] Bessi Hungaris infestissimi, [spoliata Hungaria fugientes coniunguntur, et per eundem Ladislaum regem ac Hungaros] taliter superantur, ut nec unus ex ipsis fertur remansisse. [Ср. Chron. Andr. Dand., Muratori XII, p. 248: Bessi Ungaris infestissimi, spoliata Ungaria, fugiebant; sed ab Ungaris ita oppressi dicuntur, ut ne unus quidem effugerit.]

1) Zonar II, 299 D. ed. Par. [Matthieu d'Édesse (Recueil des hist. des crois. Docum. Arm. I) p. 86: Kogh'-Vasil envoya aux deux chefs franks un détachement de huit cents hommes et un corps des Patzinaces à la solde de l'empereur des Romains, et cantonnés dans la ville de Mécis (Mopsueste).]

вый крестовый походъ имѣлъ бы несомнѣнно совершенно другое направленіе и совершенно другой исходъ, если бы Боэмунды и Готфриды явились какъ спасители греческой столицы, если бы обдуманному и смѣлому честолюбію одного и упрямой благочестивой гордости другого не было противопоставлено ни самостоятельной византійской политики, ни самостоятельной греческой арміи, если бы въ распоряженіи Алексѣя Комнина не было, какъ это было въ 1096 году, тѣхъ печенѣжскихъ наѣздниковъ, которыми онъ такъ искусно пользовался, когда нужно было побудить крестоносныхъ союзниковъ къ скорѣйшему удаленію отъ стѣнъ Константинополя, къ скорѣйшей переправѣ на азіатскій берегъ Босфора, когда нужно было предупредить отклоненіе крестоносной рати отъ прямой, ей указанной дороги и отъ святой и высокой цѣли — освобожденія Гроба Господня, а не Константинополя, какъ это предполагалось прежде и какъ это засѣло въ умахъ крестоносныхъ ратниковъ. Велико было разочарованіе и сильно было неудовольствіе западнаго рыцарства и особенно его предводителей, когда они увидѣли, что Печенѣги и Турки, отъ которыхъ они должны были спасти Восточную имперію, находятся теперь въ рядахъ византійской арміи, и что императоръ Алексѣй самымъ постыднымъ и вѣроломнымъ образомъ пользуется службою невѣрныхъ язычниковъ, высылая ихъ противъ христіанъ, воиновъ креста и гроба Христова. Но если бы грозная сила печенѣжской орды не была уничтожена полководцами и остатки ея не были превращены въ покорное орудіе византійской политики, то Константинополь въ концѣ XI столѣтія былъ бы либо турецкимъ городомъ, либо столицею Латинской имперіи на Востокѣ.

Турецкій [эмиръ] Чахъ, который мечталъ о покореніи Константинополя и уже носилъ титулъ и облаченіе восточныхъ императоровъ¹⁾, не успѣлъ привести своего флота на помощь своимъ союзникамъ, Печенѣгамъ, весною 1091 года, и тѣмъ самымъ осудилъ себя самого на гибель. Въ борьбѣ съ греческими морскими силами онъ потерялъ сначала часть своихъ завоеваній, а потомъ и самую жизнь. Византійская интрига успѣла вооружить

1) Anna p. 245 C.

протівъ него Никейскаго султана, на дочери котораго онъ былъ женатъ, и опасный своею предприимчивостію врагъ погибъ отъ руки своего тестя ¹⁾).

Съ такимъ же успѣхомъ, какъ враги внѣшніе, была подавлена и внутренняя смута; заговорщики и претенденты, которые хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ отечества и своего государя, были открыты и наказаны. По странному стеченію обстоятельствъ, самымъ опаснымъ изъ этихъ враговъ оказался тотъ, котораго Алексѣй считалъ всего менѣе 289 заслуживающимъ серіознаго вниманія. Этотъ врагъ явился въ половецкихъ вежахъ, гдѣ, повидимому, осталось горькое чувство неудовольствія и досады на Византію, сдѣлавшую Половцевъ участниками и виновниками встребленія единоплеменной имъ Печенѣжской орды. Въ 1095 году, предъ самымъ крестовымъ походомъ, Половцы еще разъ появились въ предѣлахъ имперіи; ихъ нашествіе едва не уничтожило всѣхъ плодовъ той побѣды, которая четыре года назадъ была одержана при ихъ помощи. На этомъ послѣднемъ эпизодѣ мы остановимся.

Въ 1090 году какой-то бродяга, человекъ низкаго происхожденія, вышедшій изъ военнаго лагеря, прибывшій въ столицу въ видѣ нищаго, одѣтаго въ лохмотья, сталъ выдавать себя за одного изъ сыновей бывшаго императора Романа Діогена, Константина, хотя сынъ несчастнаго Романа IV, восплшій это имя, еще двадцать лѣтъ тому назадъ былъ убитъ подъ Антиохіей въ сраженіи съ Турками ²⁾. Самозванецъ сталъ распростра-

1) Анна p. 251 C.

2) Анна Комнина (p. 271D) говоритъ, что самозванецъ принялъ имя другого сына Діогенова, Льва. Но это очевидная ошибка или скорѣе обмолвка. Она сама говоритъ, что тотъ сынъ Діогена, имя котораго принялъ самозванецъ, былъ убитъ Турками подъ Антиохіей. Но подъ Антиохіей былъ убитъ Константинъ, какъ объ этомъ рассказано у Вріеннія (p. 99 Bonn.), мужа Анны, исторію котораго она продолжаетъ и къ которому сама отсылаетъ читателя. Левъ же, по собственнымъ словамъ Анны (p. 196D), былъ убитъ въ сраженіи съ Печенѣгами. [Что сынъ Діогена, имя котораго принялъ самозванецъ, былъ Константинъ, видно также изъ того, что Вріенній (p. 99) называетъ Константина зятемъ Алексѣя Комнина по сестрѣ. Объ этомъ бракѣ онъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ (p. 24), гдѣ сообщаетъ о томъ, что Анна Далассина выдала свою младшую дочь Θεодору за сына Діогенова вскорѣ послѣ вступленія послѣдняго на престолъ. По словамъ Анны, этотъ Діогеновичъ, имя котораго принялъ самозванецъ, былъ мужемъ Θεодоры]. Зонара (II, 301 A Par.) не называетъ того сына Діогенова, имя котораго принялъ самозванецъ.

нять сказку о своемъ происхожденіи и о своемъ спасеніи — вѣроятно изъ турецкаго плѣна — сначала тайно въ частныхъ домахъ, а потомъ и публично на улицахъ. Нашлось немало людей, которые ему вѣрили; несмотря на несчастный исходъ смѣлаго похода въ глубину Азіи, имя героическаго Романа было популярно въ народѣ. Самозванецъ 1090 года — первый, но не послѣдній изъ тѣхъ искателей приключеній, которые составили себѣ замѣчательную историческую карьеру, опираясь на это дорогое народу имя¹⁾. Императоръ Алексѣй, очень подозрительно смотрѣвшій за поведеніемъ настоящихъ сыновей Романа, занятый другими заботами, сначала не обращалъ никакого вниманія на бродягу, который принялъ чужое имя, чтобы спасти себя отъ голода. Но его рассказы дошли до монастыря, гдѣ спасалась, постригшись въ монашество, жена настоящаго Константина, сестра самого Алексѣя, по имени Θεодора. Она не только не думала признавать въ самозванцѣ своего мужа, но встрѣтила слухи 290 о немъ съ негодованіемъ и досадою, какъ безумную и оскорбительную сказку. Два или три раза, говоритъ дочь Алексѣя, мнимому сыну Діогена было сдѣлано внушеніе, чтобы онъ отказался отъ своихъ неумѣстныхъ рѣчей.

Упорство самозванца, который уже былъ окруженъ толпою легковѣрныхъ приверженцевъ, раздражило Алексѣя и заставило подозрѣвать существованіе заговора. Очень вѣроятно, что въ разныхъ глухихъ и темныхъ углахъ толковали о правахъ сына Діогенова на Византійскій престолъ. Чтобы прекратить всѣ толки, задуть заговоръ въ зародышѣ, Алексѣй велѣлъ захватить самозванца вмѣстѣ съ его ближайшими друзьями и подвергнуть ихъ унижительному, но не кровавому наказанію: всѣмъ имъ обрили голову и бороду и выставили ихъ въ такомъ видѣ на позорище площадной толпѣ, а самого лже-Діогеновича привязали сверхъ того къ висѣльному столбу, чтобы навести на него больше страха²⁾.

1) Послѣ явился Левъ Діогеновичъ.

2) Новое, до сихъ поръ не замѣченное извѣстіе о лже-Діогеновичѣ мы находимъ въ рѣчи Θεοφιλαкта Болгарскаго къ императору Алексѣю, отрывки изъ которой были уже приведены выше. Но Θεοφιλαктъ, рассказывающій о позорномъ наказаніи самозванца, знаетъ только его первоначальную исторію до отправленія въ Херсонъ: самая рѣчь была сказана въ 1090 году (см. приложение III). Что въ рѣчи Θεοφιλαкта говорится о томъ самомъ самозванцѣ, о

Это, вѣроятно, и было одно изъ тѣхъ внушеній, о которыхъ говоритъ Анна Комнина. Потому ли, что оно не подѣйствовало, или для бѣльшаго спокойствія, самозванецъ былъ потомъ сосланъ въ Херсонъ, гдѣ его велѣно было держать въ городской башнѣ, служившей тюрьмою. Но въ своемъ заключеніи лже-Диогеновичъ нашелъ возможность войти въ сношеніе съ Половцами (Куманами), которые часто пріѣзжали въ городъ для торговли и для покупки необходимыхъ вещей¹⁾. При помощи ихъ онъ успѣлъ выбраться изъ своей башни и около 1092 года ушелъ съ ними въ ихъ степи. Здѣсь мнимый сынъ Диогена сталъ уже прямо величать себя царемъ или императоромъ; въ этомъ санѣ признали его прежде всѣхъ половецкіе кочевники, относившіеся не безъ уваженія къ имперіи, которую они недавно спасли отъ гибели. Слухъ о «Девгеновичѣ» дошелъ и до Русской земли, гдѣ, пови- 291
димому, не сомнѣвались въ истинности его высокаго происхожденія²⁾.

Князя половецкіе, в во главѣ ихъ тесть Кіевскаго князя Святополка II—Тугорканъ, не были настолько дикими варварами, чтобы не понять выгодъ, какія могло имъ доставить присутствіе въ ихъ кочевьяхъ претендента на греческій престолъ. Они рѣшились еще разъ послужить Византіи, взявъ на себя обязанность возстановленія сына Диогенова на престолѣ его отца, и стали готовить поголовный походъ въ предѣлы имперіи. Анна Комнина говоритъ, что варварами руководило только желаніе напиться человѣческой крови и насытиться человѣческимъ мясомъ³⁾. Такъ отзываясь она о спасителяхъ Византійской имперіи, — людоѣдамъ они, во всякомъ случаѣ, не были, но мысль о добычѣ, несомнѣнно, занимала важное мѣсто въ ихъ планахъ. Можно думать, что прежде всего они хотѣли отмстить императору Але-

которомъ подробный рассказъ мы имѣемъ у Анны въ X книгѣ, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы думаемъ даже, что Анна въ своей характеристикѣ самозванца пользуется рѣчью архіепископа, какъ источникомъ. На это указываютъ нѣсколько ея выраженій, буквально сходныхъ съ тѣми, которыя читаются у Теофилакта. См. Migne, t. 126 col. 297.

1) Анна р. 272 С: τοῖς συνήθως φοιτῶσι Κομάνοις ἐμπορίας χάριν καὶ τοῦ τῆ πρὸς χερσίων ἐκείθεν (изъ Херсона) κομιζέσθαι.

2) Въ русской лѣтописи (П. С. Р. Л. I, 97) подъ 6603 (1094—1095 г.): Идоша Половци на Грькы съ Девгеновичемъ.

3) Анна р. 272 С.

ксю за то, что онъ недостаточно оцѣнилъ ихъ услуги въ 1091 году. Такъ или иначе, Половцы довольно благоразумно скрывали до времени свое намѣреніе двинуться за Дунай, желая застать императора Алексѣя врасплохъ. Какъ узналъ Алексѣй о планахъ, созрѣвшихъ снова въ половецкихъ вежахъ, неизвѣстно; но они отъ него не скрылись, и онъ заранѣе принялъ мѣры противъ половецкаго нашествія. Замѣчательно, что, несмотря на истребленіе Печенѣжской орды, Византійскій императоръ вовсе не думалъ или не находилъ возможнымъ принимать какія-либо мѣры на Дунаѣ; границей имперіи все-таки считались Балканы, приготовленія къ встрѣчѣ полчищъ Тугоркана ограничались укрѣпленіемъ узкихъ горныхъ проходовъ (клясуръ), расположеніемъ въ нихъ военныхъ отрядовъ.

Наконецъ пришло ожидаемое извѣстіе, что Куманы перешли Дунай вмѣстѣ съ самозванцемъ. Алексѣй собралъ совѣтъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ и своихъ родственниковъ и предложилъ ему вопросъ: что слѣдуетъ дѣлать, идти ли съ войскомъ навстрѣчу варварамъ, или же защищаться, какъ это было принято во время печенѣжскаго нашествія, въ крѣпостяхъ и за стѣнами? Синклитъ высказался въ пользу болѣе осторожнаго и болѣе безопаснаго образа дѣйствій; императоръ питалъ предпочтеніе къ болѣе мужественнымъ рѣшеніямъ. Но еще не было забыто, чѣмъ кончилось смѣлое движеніе къ Дерстру, предпринятое Алексѣемъ вопреки совѣтамъ людей старыхъ и опытныхъ. 292 Чтобы не подвергнуть себя упрекамъ и снять съ себя отвѣтственность, императоръ, не возражая противъ общаго голоса, обратился къ высшей волѣ и объявилъ, что онъ отдаетъ рѣшеніе вопроса на волю Божию. Кромѣ гаданій по книгамъ Священнаго Писанія, въ Византіи существовалъ особенный торжественный способъ вызывать или узнавать рѣшеніе Верховной силы и мудрости, способъ, извѣстный намъ близко по его приложенію въ Новгородѣ къ избранію владыкъ Новгородскихъ¹⁾. Императоръ, сопровождаемый военными чинами и многочисленнымъ духовенствомъ, отправился вечеромъ во храмъ св. Софіи. Въ присутствіи патріарха онъ написалъ два жребія на двухъ табличкахъ или

1) См. Приложение V.

хартіяхъ, то-есть, на одной было написано — слѣдуетъ идти въ походъ противъ Половцевъ, на другой — не слѣдуетъ. По приказанію императора, патріархъ положилъ оба жребія на престолѣ великой церкви, гдѣ они и оставались во время всеобщаго бдѣнія. По окончаніи богослуженія, уже утромъ, патріархъ снова вошелъ въ алтарь и вынесъ одну изъ хартій, которая была имъ при всѣхъ распечатана и громозвучно прочитана. Вышелъ жребій, рѣшающій походъ навстрѣчу Половцамъ.

Собравъ войско, императоръ расположился лагеремъ въ городѣ Анхіалѣ; Никифоръ Мелиссинъ и Георгій Палеологъ были отправлены въ Верою (Эски-Загра) съ наказомъ бдительно охранять этотъ городъ и сосѣдніе пункты; другіе отряды высланы были къ горнымъ Балканскимъ переходамъ. Самъ императоръ прибылъ изъ Анхіала и осмотрѣлъ весь рядъ укрѣпленій или «запоровъ» вдоль хребта Балканскаго. Едва успѣлъ онъ воротиться въ свой лагерь, расположенный около «Священнаго озера» близъ Анхіала, какъ ночью явился сюда какой-то знатный Влахъ и принесъ извѣстіе о приближеніи Половцевъ къ Балканамъ¹⁾. Утромъ былъ созванъ военный совѣтъ, состоявшій изъ главныхъ военныхъ начальниковъ и родственниковъ императора. Совѣтъ единогласно рѣшилъ, что императоръ со своимъ войскомъ долженъ оставаться въ Анхіалѣ. Алексѣй согласился оставаться на своемъ наблюдательномъ постѣ возлѣ морского берега и, считая нужнымъ занять также городъ Θермы (Бургасъ) на югъ отъ Анхіала, отправилъ туда Таткию и Кантакузина²⁾. Узнавъ потомъ 299 какими-то путями, что варвары имѣютъ въ виду нападеніе на Адрианополь, императоръ вызвалъ къ себѣ знатныхъ жителей этого города, — слѣпой Никифоръ Вріенній, Катакалонъ и Тарханиотъ³⁾

1) *Anna p. 274*: *νυκτός δὲ καταλαβόντες Πουδίλου τινός ἐκκρίσει τῶν Βλάχων καὶ τὴν τῶν Κομίνων διὰ τοῦ Δανούβιως διαπερῆσαι ἀπαγγεῖλχοντες*; но о переходѣ Половцами Дуная было уже ранѣе извѣстно.

2) *Θερμί*, у Визьгардузна à la Ferté (во Θρακίи), теперь Бургасъ по Дюмону.

3) [На печати, изданной Мюрдтманномъ въ изданіи Константинопольскаго Ἑλλην. Φιλ. Σύλλογος VII, стр. 80 читается: *Κύριε βράδει Μαρτινῶ τῷ Μαυροκαταλῶν* Это былъ зять Анны, женатый на одной изъ сестеръ Вріеннія; онъ участвовалъ въ 1108 г. въ походѣ противъ Бозмунда (*Anna p. 395 B. 397*). На другой печати, изданной тамъ-же стр. 79, читается: *Κύριε βράδει τῷ δούλῳ Κατακαλῶν: κουροπαλίτῃ τῷ Τραχανιώτῃ*. См. *Vogel p. 136, 8 Bonn.*]

занимали среди ихъ самое видное мѣсто, — чтобы дать имъ надлежащія внушенія и нужныя наставленія. Онъ убѣждалъ Адрианополитянъ не терять мужества при видѣ враговъ, но и не увлекаться излишнимъ пыломъ, крѣпко запереть городскія ворота, держаться бдительно на стѣнахъ и не щадить стрѣлъ, когда неприятель вздумаетъ къ нимъ приблизиться. Мысль о возможности удержать кочевниковъ въ горныхъ проходахъ была покинута; отряды, расположенные при клисурахъ, получили приказаніе идти по пятамъ варваровъ, какъ скоро сдѣлается извѣстнымъ, что они прошли Балканы, и тревожить ихъ неожиданными нападеніями съ тылу.

При помощи Влаховъ, которые указали имъ горныя тропинки, Куманы легко перебрались чрезъ Балканы и явились подъ Голоей; жители города встрѣтили ихъ какъ друзей, перевязали гарнизонъ крѣпости и выдали его Куманамъ. Примѣру Голоей послѣдовали Діамполь и другіе сосѣдніе города, отворившіе ворота Половцамъ и провозгласившіе императоромъ лже-Константина Діогеновича. Самозванецъ, обольщенный такими успѣхами, хотѣлъ рѣшить дѣло смѣлымъ ударомъ и повелъ своихъ Половцевъ прямо на Анхіаль, гдѣ находился его соперникъ, императоръ Алексѣй. Предпріятіе слишкомъ дерзкое, чтобы увѣнчаться успѣхомъ. Анхіаль представлялъ собою почти неприступную крѣпость, защищенную съ одной стороны моремъ, съ другой — виноградниками, разведенными на неровной холмистой мѣстности, что отнимало у половецкой конницы всякую возможность дѣйствовать. Три дня простояли варвары подъ стѣнами города; увидѣвъ, что они здѣсь ничего не могутъ сдѣлать, они обратились на Адрианополь. Самозванецъ обѣщалъ своимъ спутникамъ легкій успѣхъ и увѣрялъ всѣхъ, кто его слушалъ, что стоитъ ему только явиться подъ стѣнами Адрианополя, и городъ будетъ въ его рукахъ. Онъ ссылался на тѣсную дружбу, которая соединяла его отца, бывшаго императора Діогена, съ Никифоромъ Вріенніемъ, главнымъ лицомъ въ городѣ. Онъ называлъ Вріеннія своимъ дядей на томъ основаніи, что Вріенній и Діогенъ, какъ всѣмъ было извѣстно, заключили нѣкогда формальный союзъ братства предъ церковнымъ алтаремъ, а названные братья считались такими же близкими родственниками, какъ и братья по

крови¹⁾. Но Никифоръ Вріенній не отворилъ воротъ Адрианополя своему племяннику и не принялъ самозванца съ распростертыми объятіями, какъ тотъ увѣрялъ заранѣе Половцевъ. Напротивъ, вызванный мнимымъ сыномъ Діогена для объясненій на городскія стѣны, слѣпой Вріенній объявилъ, что сынъ его названнаго брата, какъ ему хорошо извѣстно, давно убитъ въ Антиохіи, и что только обманщикъ и самозванецъ можетъ говорить другое. Семь недѣль простояли Куманы подъ Адрианополемъ, думая голодомъ принудить жителей къ сдачѣ. Осажденные дѣйствительно начинали терпѣть большую тѣсноту и дали знать объ этомъ императору, прося о помощи. Попытка Катакалона, отправленнаго Алексѣемъ, тайкомъ пробраться въ городъ кончилась неудачно. Половецкая конница, разъѣзжавшая по всѣмъ окрестностямъ, открыла приближавшійся отрядъ и принудила его воротиться назадъ. Большая вылазка, устроенная Вріенніемъ, также не привела къ освобожденію города отъ осады, несмотря на храбрость мѣстной аристократической молодежи. Одинъ изъ ея представителей наскочилъ на самого представителя Половцевъ, хана Тугоркана²⁾, и уже занесъ надъ нимъ смертельный ударъ, но едва самъ не погибъ отъ руки Половцевъ, окружавшихъ хана. Едва избѣгнувъ смерти, онъ встрѣтился потомъ съ самимъ самозванцемъ, который уже нарядился въ царскую одежду и въ красную обувь, но въ пылу битвы былъ покинутъ своею свитой. Молодой аристократъ подвѣлъ надъ головой самозванца свой бичъ и, обругавъ его лжедомъ и обманщикомъ, нанесъ ему позорный ударъ. Вылазка стоила большихъ потерь той и другой сторонѣ, но не улучшила положеніе дѣлъ въ Адрианополѣ. Императоръ Алексѣй, опасаясь за судьбу одного изъ первыхъ по значенію городовъ въ имперіи, готовился двинуться на помощь осажденнымъ изъ Ахіяала. Но прежде, чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, онъ успѣлъ освободить себя отъ опаснаго врага, присутствіе котораго въ лагерѣ половецкомъ превращало

1) Anna p. 265 D sq. Церковная молитва при заключеніи духовнаго братства и весь обрядъ напечатаны у Гоара. Goar, *Euchologion sive Rituale Graecorum, Lutetiae Parisiorum* 1647, p. 898: Ἀκολουθία εἰς ἀδελφοποιίαν πνευματικῆν.

2) Anna p. 277 B: τοῦ Τούγορτᾶ - - (ἡγεμὼν δὲ οὗτος ὑπερέχων τῆς τῶν Κομάνων στρατῆος). О тожествѣ Тогортака съ Тугорканомъ мы говорили выше.

обыкновенный разбойничій набѣгъ въ предпріятіе, направленное противъ династіи. Съ согласія Алексѣя, но по собственному вызову, въ станъ самозванца подъ Адрианополемъ отправился одинъ
 295 ловкій Грекъ-Византіецъ; онъ успѣлъ вкрасѣя въ довѣренность лже-Константина, явившись сюда съ позорно-обритыми бородой и волосами на головѣ, что нѣкогда испыталъ самъ мнимый сынъ Діогена. Новый Золяръ, какъ называютъ проходница царевна Анна, для довершенія сходства съ древнимъ даже изувѣчилъ свое лицо, чтобы придать вѣроятіе сказкѣ о жестокомъ обращеніи съ своими подданными императора Алексѣя. Послѣ этого ему не стоило большого труда заманить лже-Діогеновича въ одну крѣпость, комендантъ которой заранѣе получилъ отъ императора приказъ исполнять всѣ требованія Алакасея — такъ назывался византійскій Золяръ. Принятый комендантомъ съ почестями, подобающими его сану, самозванецъ заснулъ послѣ обильнаго угощенія и проснулся уже въ кандалахъ, а его пьяные спутники безъ церемоній были перерѣзаны. Драгоценная добыча не могла быть отправлена въ Анхіалъ — прямо къ императору: половецкія шайки мѣшали этому; самозванца повезли въ столицу. Въ крѣпости Чурулъ (Чорлу) онъ былъ принятъ высланными навстрѣчу важными чинами имперіи, которые и распорядились его ослабить, вѣроятно, на основаніи полномочія, даннаго императрицей-матерью, оставшеюся въ Константинополѣ¹⁾.

Неудача подъ Адрианополемъ и плѣнъ самозванца имѣли то слѣдствіе, что дѣйствія половецкихъ хановъ лишились всякой определенной цѣли. Оставался только грабежъ. Въ этихъ видахъ отдѣльныя шайки кочевниковъ разсыпались по всѣмъ направле-
 ніямъ, спѣша награть сколько можно болѣе и воротиться назадъ въ свои степи. Задача Алексѣя состояла теперь въ томъ, чтобы не выпускать хищниковъ, обремененныхъ добычею, изъ предѣловъ имперіи и чтобы истреблять порознь ихъ загоны.

Часть задачи была исполнена движеніемъ самого императора къ Малой Никее, въ недалекомъ разстояніи на ю.-в. отъ Адриа-

1) Аппар. 279 CD. Русская хѣтопись (П. С. Р. Д. I, 97): Идоша Половци на Гръкы съ Девгенивичемъ, воеваша по Гречьстѣй земли; и царь я Девгенича, и повелѣ и слѣпичи.

нополя. Опустошивъ беззащитную страну, отряды половецкіе соединились вблизи этого города въ одномъ лагерѣ въ количествѣ 12.000 человекъ. Подъ личнымъ начальствомъ Алексѣя, лагерь былъ взятъ, 7.000 Половцевъ были убиты, 3.000 взяты въ плѣнъ; награбленная ими добыча была отобрана ~~у~~ побѣдоносной византийской арміи и возвращена мѣстнымъ жителямъ; восторгъ ихъ тѣмъ понятнѣе, что они не привыкли къ такимъ мѣрамъ. Императоръ вошелъ съ торжествомъ въ Адрианополь. Здѣсь яви- 296
лось къ нему половецкое посольство, изъявляя готовность жить въ мирѣ съ имперіей и служить императору. Хитрые варвары желали только протянуть время, чтобы дать возможность хищнымъ шайкамъ убраться за Балканы съ награбленнымъ добромъ; на третьи сутки ночью депутаты скрылись изъ греческаго лагеря. Алексѣй понялъ теперь хитрость и сейчасъ же послалъ приказаніе бдительно охранять тропинки и проходы въ горномъ хребтѣ Балканскомъ. Онъ вскорѣ узналъ, что вся масса половецкихъ шаекъ, соединившись вмѣстѣ, направилась также на сѣверъ. Послѣ того оставалось только преслѣдовать враговъ. Византийская армія шла по пятамъ кочевниковъ, но не особенно крѣпко на нихъ налегая. Только при «Желѣзномъ Запорѣ» (главный проходъ въ Балканахъ) произошла довольно горячая схватка; Куманы потеряли много убитыхъ и часть награбленной добычи.

Съ удаленіемъ Половецкой орды за Балканы императоръ Алексѣй считалъ свою задачу поконченною. Не думая преслѣдовать далѣе хищныхъ кочевниковъ, онъ воротился въ Константинополь и скоро услышалъ о приближеніи къ предѣламъ своего государства первыхъ крестоносныхъ отрядовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О Куманскомъ (Половецкомъ) словарѣ.

Куманскій словарь обнародованъ былъ Клапротомъ¹⁾, который слѣдующимъ образомъ объяснялъ его происхождение (см. *Mémoires relatifs à l'Asie*, par M. J. Klaproth, III, 113 и слѣд. Третій томъ вышелъ въ 1822 году):

«Куманы или Половцы занимали въ X вѣкѣ страны на сѣверѣ Чернаго моря и Меотійскаго озера, и простирались отъ Волги до устья Дуная. Едриси и другіе географы арабскіе называютъ ихъ землю Ал-Каманія. Куманы принадлежали къ той же турецкой расѣ, какъ Узы и Печенѣги, потому что, по свидѣтельству Анны Комниной, они говорили однимъ языкомъ съ послѣдними, и этотъ языкъ былъ турецкимъ нарѣчіемъ, какъ мы узнаемъ отъ Рюнсбрека (Рубруквиса), посѣтившаго ихъ страну въ 1253 году. Рюнсбрекъ выражается такимъ образомъ въ восьмой главѣ: «У Уйгуровъ находимъ мы происхождение и источникъ языка турецкаго и куманскаго».

«Куманы и Печенѣги составляли народъ, называемый Кипчакъ или Капчакъ. Рюнсбрекъ говоритъ, что первые давали себѣ имя *Sarchat*; въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ ихъ *Сомал-Сарчат*.... Послѣ пораженія Кипчака Монголами (въ 1237 году),

1) <Статья В. Г. Васильевскаго появилась въ 1872 г. Съ того времени вышло новое изданіе Куманскаго словаря: Kun, *Codex Comanicus*, Budapest 1880, которымъ мы и пользуемся ниже. (Ср. отзывъ Н. П. Дашкевича въ Кіевскихъ Унив. Изв. 1882, № 4, стр. 147 сл.). См. также статью: Blau, *Ueber Volkthum und Sprache der Kumanen* въ *Zeitschrift d. deutschen morgenl. Gesellschaft*, XXIX (1876), 569 сл. и Radloff, *Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus*, въ *Mém. de l'Acad. des sciences de St.-Petersbourg*, 1887, VII série, t. XXXV, № 6.>

часть Кумановъ переселилась въ Венгрію, а другая осталась въ старомъ отечествѣ, между Дономъ и Волгой, и вѣчувстви- 297 тельно смѣшалась съ Ногаями, которые, подобно имъ, были турецкаго происхожденія....

«Въ эпоху монгольскаго владычества миссіонеры, посылаемые въ Татарію для обращенія народовъ этой обширной страны, совершали свой путь обыкновенно чрезъ прежнюю Куманскую землю — на сѣверъ Чернаго моря. Турецкій діалектъ, которымъ говорили Куманы, давалъ имъ возможность быть понятными во всей средней Азіи до горъ Алтайскихъ, гдѣ начинались жилища монгольскихъ колѣнъ. Итакъ, кажется, что эти монахи знакомились съ куманскимъ нарѣчіемъ прежде, чѣмъ пуститься въ длинное и тяжелое путешествіе.

«Генуэзцы, утвердившіеся въ Крыму¹⁾, также находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ Куманами; они имѣли, поэтому, особый интересъ изучать то нарѣчіе, знаніе котораго облегчало торговое знакомство съ самыми отдаленными странами Азіи. Нужно, слѣдовательно, предполагать, что значительное число европейцевъ, и въ особенности Итальянцевъ, занимались въ XIII и XIV вѣкѣ изученіемъ куманскаго языка.

«Пробѣгая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, біографію Петрарки, написанную Томазини и озаглавленную «*Petrarca redivivus*» (напечатана въ Падуѣ, въ 1650 году), я нашелъ въ ней указаніе, что въ числѣ манускриптовъ, завѣщанныхъ этимъ знаменитымъ поэтомъ Венеціанской республикѣ, находился: *Alphabetum persicum somanicum et latinum*, написанный въ 1303 году».

Когда Клапротъ получилъ изъ Венеціанской бібліотеки копію этой рукописи, то оказалось, что она заключаетъ въ себѣ цѣлый словарь въ 2500 словъ. Словарь написанъ тремя колоннами: первая заключаетъ латинское слово, вторая — персидское, и третья — куманское. На первыхъ 58 страницахъ идутъ существительныя и прилагательныя въ порядкѣ латинскаго алфавита, послѣднія отчасти со своимъ склоненіемъ. Дальнѣйшія страницы,

1) [О торговлѣ здѣсь въ концѣ XIII в. см. Tafel und Thomas, *Urkunden zur alteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig* (Font. rerum Austriacarum, XIV), III, 245.]

до конца, содержатъ слова, расположенныя по семействамъ, по порядку матерій. Нужно предполагать, что словарь составленъ не монахомъ, а купцомъ, потому что здѣсь съ особеннымъ вниманіемъ собраны названія различныхъ тканей и товаровъ, которые отправлялись въ Татарію въ эпоху господства Генуэзцевъ на Черномъ морѣ. Сравненіе куманскихъ грамматическихъ формъ и словаря съ османскимъ турецкимъ и отчасти восточнымъ турецкимъ нарѣчіями мы беремъ у Реслера (*Romanische Studien*, S. 353 и слѣд.). Въ концѣ мы присоединяемъ нѣсколько словъ, не приведенныхъ Реслеромъ, но любопытныхъ по отношенію къ русскому языку. Мы не думаемъ предполагать, чтобъ эти слова были взяты Русскими именно отъ Половцевъ; напротивъ, слово изба скорѣе Половцами заимствовано отъ Русскихъ; но мы помѣстили эти слова какъ интересныя.

<i>Спряженія :</i>	<i>Куманское.</i>	<i>Турецко-османское.</i>
Настоящее: я слышу	eziturmen	isidir-im
	esitursen	isidir-sin
	esitur	isidir.
	esitur bis	isidir-iz
	esitur sis	isidir-siniz
	esitur lar	isidir-ler
	Преходящее:	esitur edim
Прошедшее:	esit-um	isid-dim
Будущее:	esit-caumen	isid-egeg-im и т. д.

Мѣстоименія личные:

	<i>Куманск.</i>	<i>Турецк.-Осм.</i>	<i>Тур.-Вост.</i>
Перв. лица: им.	men	ben	men
род.	mening	benim	mening
дат.	manga	bana	manga
вин.	menj	beni	meni
твор.	medan	benden	menden
множ.	bix	biz	biz
	bising	bizim и т. д.	

	<i>Куманск.</i>	<i>Турецк.-Осм.</i>	<i>Тур.-Вост.</i>
Второго лица:	sen	sen	sen
	sening	senin	sening
	sanga	sana	sanga и т. д.
Третьяго лица:	ol	ol	ol, ul
	aning	anun	aning и т. д.
множ.	anlar	anlar	

Мѣстоименія притяжательныя:

мой	mening	benim
твой	sening	senin
его	aning	anun
нашъ	bixing	bizim
вашъ	sixin	sizim

Мѣстоименія указательныя:

этотъ	bu	bu	bu
род.	muningi	bunun	munung и т. д.
множ.	bular	bunlar	bular
мужъ, супругъ	Er	er	
дѣдъ	abaga	abaga	
младшій братъ	ynj	ini	
сынъ	ogul	ogul	
дочь	chex	kyz	
тестъ	chain	kain	
братъ	charandas	karyndaš	
Богъ	tengri	tangri	
море	tengis	deñiz	
гора	tag	dag	
долина	enis	eniš (склонъ)	
камень	tas	taš	
трава	ot	ot	
смола	samala		

	<i>Куманск.</i>
сундукъ	sinduc ¹⁾
рыба	baluc ²⁾
изумрудъ	smurut
алмазъ	yalmas ³⁾
изба	uxba
[печь	peç]

Рёслеръ, думаемъ, совершенно основательно утверждаетъ, что при такомъ сходствѣ грамматическихъ формъ и словаря не
299 можетъ быть никакого сомнѣнія въ ближайшемъ родствѣ куманскаго языка съ другими турецкими, и что все различіе есть различіе только діалектическое.

III.

Русскіе на Дунаѣ въ XI вѣкѣ.

Свидѣтельства начальной русской лѣтописи о древности жительства Русскихъ на Дунаѣ извѣстны. <П. С. Р. Л. I, 4 сл.:> Кіѣ, послѣ основанія Кіева, опять «приде къ Дунаеву, възлюбѣ мѣсто и срубѣ градокъмалъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша

1) [Σεντούκιν Sathas, Bibl. II, 629. σάνδουξ Hesych. σεντούκιον Nicet. p. 129. 439.]

2) [См. Roesler въ рецензїи на книгу J. G. Cuno, Forschungen im Gebiet der alten Völkerkunde. I. Die Skythen. Berlin 1871, въ Zeltschr. für die Oesterr. Gymnas. XXIII (1872), S. 292 f. Онъ приводитъ Tzetzes, Chiliad. VIII, v. 778 sq. (ed. Kiessling p. 312):

Τοῖς Σκύθαις αὕτη Καρμπαλοῦκ ἡ λίμνη κλήσιν φέρεται
τὸ Καρμπαλοῦκ δ' ἑλληνισθὲν πόλις ἰχθύων λέγεται
τὸ Καρμ γὰρ πόλις σκυθικῶς, τὸ δὲ Παλοῦκ ἰχθύες,
καὶ τάχα ἐν σημαίνουσι, τὸ Καρμπαλοῦκ, Μαιῶτις.
περὶ Βορᾶν ἡ λίμνη μὲν ἢ Καρμπαλοῦκ, Μαιῶτις
Μαιῶτις καὶ οἱ Σκύθαι δὲ οἱ πρὸς αὐτῇ καλοῦνται.

Кѣт по-самоѣдски означаетъ городъ, но османскій языкъ не знаетъ этого слова. Baluc, baluc по-османски значить рыба. Кармπαλοῦκ, по мнѣнію Куно, имѣеть значеніе Fisch-Stadt, тогда какъ по Рёслеру оно скорѣе могло бы имѣть значеніе Stadtfisch.]

3) <Словамъ sinduc, baluc, yalmas соответствуютъ османскія слова sanduk, baluk, elmas.>

ему ту близъ живушіи; еже и донынѣ наричють Дунайци городище Кіевецъ.... Улучи, Тиверьци съдяху по Днѣстру, пріѣдяху къ Дунаевнѣ. Съ другой стороны подъ 898-мъ годомъ (П. С. Р. Л. I, 10 сл.): «Идоша Угри мимо Кіевъ горою, ...устремшася черезъ горы великія, и почаша воевати на живушяя ту Волхи и Словѣни. Съдяху бо ту преже Словѣни, и Волхъве пріаша землю Словѣньску; посемъ же Угри прогнаша Волхъи». Списокъ русскихъ городовъ, сохранившійся при Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л. VII, 240), гласитъ слѣдующее: «А се имена градомъ всѣмъ Русскимъ, далнимъ и ближнимъ: На Дунаѣ Видицовъ о седми стѣнь каменныхъ, Мдинъ (Бдынъ, Виддинъ), объ ову страну Дуная Тръновъ, ту лежить Святая Пятница; а по Дунаю: Дрествинъ, Дичинъ, Киліа (Кіевецъ?), на устьѣ Дуная Новое Село, Аколятря, на морѣ Карна, Каварна. А на сей странѣ Дуная: на устьѣ Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ, Чернъ, Аскый Торгъ, на Прутѣ рѣцѣ Романовъ Торгъ, на Молдовѣ Немечъ, въ горахъ Корочюновъ Камень, Сочава, Сереть, Баня, Нечювъ, Коломыя, Городокъ на Черемошѣ, на Днѣстрѣ Хотѣнъ, а то Болгарьскый и Волосскый городокъ».

Приводимъ въ объясненіе этихъ мѣстъ слова одного русскаго ученаго:

«Теперь я убѣдился вполне, неопровержимыми доказательствами, что русская стихія простиралась на юго-западъ ...вплоть до Дуная, задолго до вторженія Мадыровъ въ Паннонію; что Мадыры не привели сюда съ собою Руссовъ, а нашли ихъ здѣсь, осилили, расположились жить и господствовать межъ ихъ, и такимъ образомъ разорвали то непосредственное сосѣдство, въ которомъ Руссы, по свидѣтельству и нашихъ отечественныхъ, и чужихъ преданій, находились нѣкогда съ Сербами, Хорватами и Славяно-Чехами. Доказательства, на коихъ основалось мое переубѣжденіе, суть: историческія, этнографическія, топографическія и даже лингвистическія. На сей разъ упомяну объ одномъ, у насъ едва ли извѣстномъ фактѣ, но котораго важность чрезвычайна: въ Трансильваніи, въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокѣ Ольты, между Румынами, Мадыро-Секлерами и Саксами, находятся деревни, которыя по сіе время называются «русскими», жители которыхъ, на памяти нынѣ живушаго поколѣнія, гово-

рили между собою «по-русски», то-есть, карпато-русскимъ, или, что то же, малороссійскимъ языкомъ! Никто не знаетъ и не помнитъ, какимъ образомъ и когда образовались здѣсь эти оазисы: они очевидно отмыты отъ родного материка приливомъ Мадыровъ и Нѣмцевъ. Что можно сказать противъ этого живого, вопіющаго свидѣтельства? Какой новый свѣтъ открылся мнѣ, когда я, подъ моею путническою ногою, ощутилъ вездѣ слѣды старой, самородной русской жизни, на этомъ забытомъ нами пространствѣ южно-славянскаго міра! Начало нашей исторіи, происхожденіе и смыслъ нашей древней лѣтописи, разлитіе благодатныхъ лучей христіанства въ нашемъ отечествѣ, путешествіе къ намъ церковно-славянскаго языка, имѣвшаго столь существенное вліяніе на наше умственное и литературное образованіе: всѣ эти пункты, болѣе или менѣе загадочные, ...прояснились. Я понимаю теперь, какъ нашъ достопочтенный Несторъ могъ говорить о разселеніи Славяно-Руссовъ на сѣверъ съ Дуная: это взялъ онъ не изъ преданій отдаленной древности, какъ думаютъ обыкновенно, но изъ живого, нагляднаго познанія при-дунайской стороны, которая въ его время, безъ сомнѣнія, еще ощутительно трепетала чистою русскою жизнію. Я понимаю даже сказку о Кіи, основателѣ Кіева, которую многіе изъ восторженнѣйшихъ читателей древняго лѣтописца считаютъ баснею, вымышленною изъ патріотическаго хвастовства. Понимаю извѣстный списокъ «русскихъ городовъ, дальнихъ и ближнихъ», сохранившійся при нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописяхъ: эту загадку сфинкса, которая до сихъ поръ не находила еще счастливаго Эдипа» и т. д. Надежинъ «О путешествіи по южно-славянскимъ землямъ» (Журн. Мивист. Народнаго Просвѣщенія ч. 34, 1842 г., Отд. II, стр. 103—105).

Мысли, съ такимъ блескомъ, хотя и мимоходомъ, высказанныя русскимъ ученымъ, въ настоящее время подтверждаются изслѣдованіями нѣмецкой науки. Рёслеръ въ превосходномъ сочиненіи, вышедшемъ въ прошедшемъ году (Robert Roesler, *Romänische Studien*, Leipzig 1871), доказываетъ, что древнѣйшее населеніе какъ Молдавіи, такъ и Трансильваніи, было русское. Онъ пишетъ (стр. 321) слѣдующее:

«Утверждать древнее жительство Русскихъ (der Rutenen) въ

Молдавіи — это новость, которая не замедлитъ вызвать противорѣчіе у раздражительныхъ румынскихъ литераторовъ этой страны. Но попытаемся свести вмѣстѣ то, что говорить въ пользу нашего взгляда.

«Народъ, который носитъ теперь имя Рутеновъ, иногда Русьновъ и Малороссовъ, назывался, въ началѣ нашего знакомства съ нимъ, Славянами (Sclaveni) и обиталъ въ сосѣдствѣ съ Антами. Я сомнѣваюсь, чтобъ это имя было отлично отъ формы «Венды», какъ уже принималъ и Домбровский. Достаточно того, что это названіе обозначаетъ одну изъ главныхъ вѣтвей славянскаго семейства, выступающаго на сцену въ VI вѣкѣ. Первый писатель, называющій Антовъ, Прокопій, назначаетъ ихъ жилища на сѣверѣ отъ Гунновъ, которые жили въ степяхъ при Черномъ морѣ. Иорданъ (Иорнандъ) называетъ Днѣстръ, какъ ихъ западную границу¹⁾. Отъ нея далѣе на западъ жили Славяне (Sclaveni) до самыхъ болотъ при Дунайскихъ устьяхъ. Позднѣе они подвинулись, по всѣмъ признакамъ, до Трансильванской горной возвышенности, земли Каука Готовъ (Caucaland); мы даже находимъ ихъ, какъ будетъ ниже показано, въ этой странѣ. Драгоценное сочиненіе Маврикія обозначаетъ ихъ землю, какъ страну, въ которой къ Дунаю текутъ четыре параллельныя рѣки²⁾. Это, можетъ быть, только Молдавія и Валахія, гдѣ Прутъ, Сереть, 301 Димбовица, Алюта (Ольта) и другія, съ многочисленными параллельными притоками, катятъ свои волны къ Дунаю. Вслѣдствіе отчасти добровольныхъ, отчасти вынужденныхъ переселеній на Греческій полуостровъ, славянское населеніе въ указанной области становилось рѣже и рѣже; оно жгло по старо-славянскому обычаю безъ крѣпкой политическаго связи, въ слабыхъ волостныхъ союзахъ. Это тѣ славянскія жупанства IX вѣка, о которыхъ дошло до насъ извѣстіе³⁾. Эти жупы, живущія безъ всякой взаим-

1) Jordan. Get., MG. Auctor. antiq. V, 1, p. 68. Sclaveni a civitate Novietunense, et laco qui appellatur Murziano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur: hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur usque ad Danaprum.

2) Mauricius ed. Scheffer, Upsaliae 1664, p. 282. 284: τῶν γὰρ ποταμῶν αὐτῶν (τῶν Ἀντῶν) ἐπιμιγνυμένων τῇ Δανουβίῳ κτλ.

3) Incertus auctor, ed. Bonn. Въ 813 году Болгарскій князь Крумъ снаряжаетъ войско: λαὸν πολὺν συναθροίσας τοὺς Ἀβύρις καὶ πᾶσας τὰς Σχλαβινίας.

ной связи, не имѣли достаточно силы, чтобъ удержаться на почвѣ, по преимуществу, открытой нашествіямъ народовъ. Однако славянскій (sclavenische) элементъ, который мы уже должны назвать русскимъ, удержалъ, хотя и живя подъ чужимъ гнетомъ, свое существованіе до вторженія Румыновъ въ Валахію и Молдавію. Еще Длугошъ называетъ Русскихъ древнѣйшими обитателями послѣдней земли¹⁾, и мы должны въ этомъ случаѣ дать ему вѣру, какъ ни мало удовлетворителенъ онъ въ частностяхъ.

«Въ концѣ VI вѣка, въ правленіе Маврикія (582 — 602) Ромѣи дѣлали частые набѣги противъ Славянъ «твердой земли», то-есть, областей на сѣверномъ берегу Дуная, въ нынѣшней Валахіи. Что театръ борьбы былъ именно тамъ, доказываютъ указанія на мѣста переправы; когда однажды полководецъ Петръ готовилъ зимній походъ противъ Славянъ, то онъ расположился лагеремъ въ Палатиомонѣ (<ἐν Παλατιῶν>: Theophylact. Simoc. p. 323 ed. Bonn.), въ укрѣпленіи, насупротивъ котораго, на валахскомъ берегу, лежала Зикидива (Zikidiva). А объ этой мы знаемъ, что она находилась неподалеку Вида (Utus, Vid) и Ольты (Alutus, Alt), при переправѣ Islas, еще до сихъ поръ важной. Этииъ пунктомъ пользовались также, какъ упоминаетъ Прокпій, варвары сѣвернаго берега — именно тѣ же самые Славяне — для нападений на Римскую имперію. Ромѣи (Византійцы), при заключеніи мира съ Аварамъ, придавали особенную важность тому, чтобы «Склавены» не были включаемы въ договоръ, но чтобы византійскому оружію была предоставлена свобода предпринимать вторженіе въ ихъ область»²⁾.

Далѣе Рёслеръ приводитъ изъ позднѣйшаго времени документъ Ивана Берладника (1134 года), которымъ доказывается существованіе русскаго княжества въ Молдавіи еще въ XII в. Но документъ слишкомъ подозрителенъ, чтобы придавать ему цѣну, хотя самый фактъ существованія русскихъ владѣній и княженіе Ивана Ростиславича не подлежатъ сомнѣнію.

«Громче и внятнѣе, чѣмъ скудныя историческія извѣстія, говорятъ топографическія свидѣтельства — славянскія названія

1) Histor. Polon., p. 1122.

2) Theophylact. Simocatt. p. 299.

мѣстностей. Они не пререкаемы. Они доказываютъ прежнее жителство Русскихъ на почвѣ Молдавіи — въ ея древнемъ объемѣ, когда къ ней принадлежала и Буковина. Здѣсь нельзя думать о Болгарахъ, которые не достигали за Дунай. Видъ молдавской страны, правда, измѣнился со времени господства Римлянъ; страна, до тѣхъ поръ безгородная, покрылась селами и городами, которые отъ своихъ основателей получили румынскія имена; но 302 рѣки и многія поля сохранили славянскіе звуки, идущіе отъ древняго населенія. Подобно надгробнымъ памятникамъ, сохраняютъ они память о націи, которая на этой почвѣ частію отступила назадъ, частію амальгамировалась съ болѣе крѣпкою румынскою народностію. Ибо и теперь вездѣ, гдѣ Румыны живутъ вмѣстѣ со славянскимъ населеніемъ, наблюдается то явленіе, что Славянинъ, легко и охотно усвоивающій румынскій языкъ отъ Румына, пренебрегающаго изученіемъ славянскаго нарѣчія, подвергается денационализаціи. Изъ такихъ названій рѣкъ и ручьевъ, еще существующихъ въ Молдавіи, я привожу ради примѣра: Бахлуецъ, Быстрица, Достана (Достаница, рѣка въ Седмиградіи), Іеланъ, Іеланецъ, Іезеру, Кросна, Молдова, Молдовица, Ракова, Щакавецъ, Сланикъ, Сتيبникъ, Студенецъ, Сущица, Тополица, Тутова.... Имена мѣстъ: Белка, Кукова, Липова, Лунка, Младина, Таборъ, Тройца, Нѣмцы.... Въ Валахіи Русскіе, вѣроятно, были въ меньшемъ числѣ; топографическія имена гораздо рѣже, однако встрѣчаются названія рѣкъ: Димбовица, Яломица, Олтецъ, Милковъ; названія мѣстностей: Крайова, Красна, Яблоница, Рибрицены, Рымникъ, Тирговиште и т. д.

«На почвѣ Седмиградья мы также натыкаемся на многочисленныя названія мѣстностей, въ которыхъ хранится память о прежнемъ славянскомъ населеніи.... (слѣдуетъ многочисленный списокъ ихъ). Но еще сильнѣе доказываютъ присутствіе Русскихъ въ Седмиградьи тѣ имена, въ которыхъ продолжаетъ жить выраженіе «Русскій» (нѣмецкое Reussen, венгерское Orosz), носимое ими: Reussdorf, Reussdórfchen, Reussen, Reussmarkt (старинное Rhuzmark), Russberg, Russholz, Orosz-faja, Orosz-falu, <Orosz-idécs>, Orosz-mező, Orosz-teluk».

Возраженіе, что Русскіе Седмиградья, сообщившіе всѣ эти названія, суть позднѣйшіе переселенцы (XV вѣка), Рёслеръ

предупреждаетъ указаніемъ на то, что мѣстныя имена Седмиградья и восточной Венгрія въ большинствѣ принадлежатъ древнѣйшимъ поселеніямъ, что названія рѣкъ (славянскія) встрѣчаются при началѣ новой венгерско-саксонской культуры, что уже въ XII вѣкѣ на ряду съ собственными географическими именами попадаются и нарицательныя (потокъ, potok, patak, ручей; холмъ, chlŭmŭ).

Выводы Рёслера встрѣтили нѣкоторое противорѣчіе со стороны чешскаго ученаго Томашека (Tomaszek), въ подробной рецензій на его книгу (*Zeitschrift für die Oesterreich. Gymnasien* 1872, стр. 141—157) стр. 147 сл.:

«Правда, что славянскіе элементы проникли въ румынскій языкъ, но они проникли въ него не изъ русскаго языка. Русское племя распространилось и расширилось только въ позднѣйшее время; на югъ до Дуная оно никогда не простиралось. Предположеніе, что Славяне, которые распространились на дакійской почвѣ съ VI вѣка, были Русскіе, и что славянскія мѣстности въ этой области доказываютъ присутствіе въ прежнее время русскаго населенія, — произвольно. Нѣтъ никакого основанія отдѣлять тѣ славянскія поселенія, которыя сидѣли на лѣвомъ берегу Дуная и въ области рѣки Тиссы, отъ той большой славянской массы, которая наполняла Балканскій полуостровъ до прихода восточныхъ народовъ и среди которой, послѣ ассимиляціи Болгаръ, достигъ процвѣтанія «древне-болгарскій языкъ». Уже съ эпохи гунской Болгары находились во внутренней связи со Славянами и могли постепенно ассимилироваться съ ними; разбойническія шайки, тревожившія потомъ римскія провинціи, называются то Болгарами, то Славянами; предводитель одной болгарской орды носитъ славянское имя Пирагаста (*Theophylact. VII, 4, за 596 г.*); мѣстомъ его убѣжища называется пространство земли при рѣкѣ *Ἰλβαχίας*, то-есть, Jalowac, Jalomica; славянскій князь (giga) Мусокъ (Musok) имѣетъ свое мѣстопребываніе на сосѣдней рѣкѣ *Πατρύριος*, то-есть, валашск. *Raze regeu*. Правда, Рёслеръ подробно (стр. 201 — 204) оспариваетъ мнѣніе, что Болгары господствовали въ области на сѣверѣ Дуная, но не опровергая главнаго доказательства. Именно, какъ замѣтилъ Дюмилеръ (*Ueber die südöstlichen Marken, S. 9*), значитель-

ные остатки Аваровъ были, повидному, оттѣснены Франками за Тиссу и остались въ сосѣднихъ областяхъ; а около 805 года болгарскій хаганъ Крумъ покорилъ этихъ Аваровъ, вѣроятно, при помощи живущихъ тамъ Словеновъ (Suidas I p. 1017 «s. Βούλγαροι»: ὅτι τοὺς Ἀβάρις κατακράτος ἄρδην ἠφάνισαν οἱ αὐτοὶ Βούλγαροι: ἠρώτησε δὲ Κρέμ τοὺς τῶν Ἀβάρων αἰχμαλώτους и т. д.); не задолго до своей смерти (814 г.) Крумъ готовясь нанести послѣдній ударъ Византіи, пригласилъ также Аваровъ и соединенныя съ ними славянскія племена (Symeon Mag. p. 617). Итакъ, Болгары господствовали и на сѣверѣ отъ Дуная. Вслѣдствіе того, выраженіе: Βουλγαρία ἐκεῖθεν τοῦ Ἰστρου (см. Рёслера стр. 205) находитъ свое объясненіе, и важность его не можетъ умалить никакая софистика. Позднѣе, при хаганѣ Богорѣ (Богорисѣ), который въ 864 году принялъ христіанство, и эти сѣверные Славяне, называвшіе себя также Болгарами, какъ и южные ихъ собратья, а вмѣстѣ съ ними и Валахи, должны были принять греческое исповѣданіе; впрочемъ, христіанское ученіе еще со времени готскаго князя Атанариха имѣло многочисленныхъ приверженцевъ на дакійской почвѣ».

Легко усмотрѣть, что возраженія чешскаго ученаго слабѣе, чѣмъ доказательства нѣмецкаго. Томашекъ опустилъ изъ виду рядъ словъ чисто русскихъ и мѣстностей, выдающихъ себя и теперь русскими, на которыя указывалъ Рёслеръ, которыя находятся и въ Седмиградьѣ и даже въ Валахїи (Ursi-tscheni близъ Яломицы). Мы, впрочемъ, не имѣемъ столько свѣдѣній въ этой области, чтобы считать себя въ правѣ произнести окончательный приговоръ. Быть можетъ, весь споръ не имѣетъ большой важности, и противорѣчїя легко могутъ быть соглашены, если мы примемъ мнѣніе, высказанное покойнымъ Гильфердингомъ, что Славяне, переселившіеся на Балканскій полуостровъ, выходили изъ нынѣшней Валахїи, Молдавіи и Бессарабіи, и что то были колѣна славянскія, ближайшія по родству съ племенами Ильменскими и Днѣпровскими (Собраніе сочиненій, I, 15). Мы привели отрывокъ изъ сочиненія Надеждина, указанный намъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, между прочимъ потому, что онъ, кажется, совсѣмъ забытъ у насъ, и выписку изъ сочиненія Рёслера потому, что объ этомъ замѣчательномъ изслѣдованіи въ на-

шей литературѣ не сказано еще ни одного слова. Мы хотѣли также объяснить нерѣшительныя выраженія о древнихъ русскихъ поселеніяхъ на Дунаѣ, употребленныя въ нашей статьѣ.

Но какъ бы то ни было, жили или нѣтъ славянскіе русскіе предки на Дунаѣ во времена глубокой древности, по старымъ слѣдамъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ въ XI и XII вѣкѣ на Дунаѣ несомнѣнно являются новыя русскія поселенія, и если тамъ существовала русская жизнь искони, то оживляютъ ее снова, если же существовала только родственная стихія славянская, то накладываютъ на нее специальную русскую окраску. Русскія свидѣтельства о господствѣ русскихъ князей и о жительствѣ Русскихъ на Дунаѣ въ XII вѣкѣ извѣстны. Слово о полку Игоревѣ характеризуетъ такимъ образомъ могущество Ярослава Осмомысла: «Галичскы Ярославе Осмомысле! Высоко сѣдши на своемъ златокованномъ столѣ. Поднеръ горы Угорскія своимъ желѣзнымъ пѣлкомъ, заступивъ королевъ путь, затворивъ Дунаю ворота, мечъ бремены чрезъ облакъ, суды рядя до Дуная». Въ другомъ мѣстѣ: «дѣвци поють на Дунаю, выютъ голоса (ихъ) чрезъ море до Кыева» на радости, что «Игорь, князь въ Русьской землѣ», освободился изъ половецкаго плѣна. Можно допустить, что и преданія, записанныя въ нашей лѣтописи о жилищахъ русскихъ Славянъ, пресѣдающихъ къ Дунаю, составились въ началѣ XII вѣка, потому только, что въ то время тамъ дѣйствительно оказывались русскія поселенія. Но это уже приводитъ насъ, по крайней мѣрѣ, къ XI вѣку. Точно такъ же можно объяснить и списокъ городовъ русскихъ позднѣйшимъ господствомъ галицкихъ князей на Дунаѣ и тѣми удѣлами, которые въ XII вѣкѣ русскіе князья получали здѣсь отъ византійскаго императора.

Обращаемся къ византійскимъ источникамъ. Мы приведемъ въ статьѣ свидѣтельство Аталіоты, писателя современнаго, о разнохарактерности населенія въ дунайскихъ городахъ послѣ прекращенія тамъ греческой власти (въ XI вѣкѣ). Разнохарактерность эта существуетъ помимо Печенѣжской орды, поселившейся между Балканами и Дунаемъ. Главные элементы, по крайней мѣрѣ въ городахъ, были славянскіе, что доказывается и назначеніемъ сюда изъ Византіи Нестора, который велъ свой родъ

отъ славянъ — ἀπὸ Ἰλλυριῶν δὲ τὸ γένος ἔλκοντα, Attaliota p. 205,9.

Отъ Анны Комниной мы узнаемъ, что среди этого славянскаго населенія были несомнѣнно Русскіе: властитель одного изъ придунайскихъ городовъ называется чисто русскимъ племенемъ Всеслава. Анна p. 182 В ed. Par.: τοῦ τε Τατοῦ καὶ Χαλῆ ὀνομαζομένου καὶ τοῦ Σεσθλάβου καὶ τοῦ Σατζᾶ, -- τοῦ μὲν τὴν Δρίστραν κατέχοντος, τῶν δὲ τὴν Βιτζίναν καὶ ἄλλα. — Βιτζίνα есть скорѣе Вичинъ (Дичинъ русскаго списка), а не Видинъ, какъ мы написали по недосмотру въ текстѣ статьи. Анна Комнина на той же самой страницѣ (182 АВ) прибавляетъ, что когда вышепоименованные варвары (Татушь-Печеньгъ, Всеславъ и пр.) господствовали въ придунайскихъ городахъ, то «какой-то родъ скифскій, подвергавшійся постоянному разбою Савроматовъ, спявшись съ родины спустился къ Дунаю; переселенцы вошли потомъ въ соглашеніе съ вышеуказанными властителями придунайскихъ городовъ и стали тогда безъ опасенія переходить на другую сторону Дуная, опустошая прилежащую страну, такъ что они захватили даже и нѣкоторые городки. Послѣ этого, пользуясь нѣкоторымъ спокойствіемъ (перемиріемъ), они пахали землю и сѣяли овесъ и пшеницу» (γένος τι Σκυθικόν παρὰ τῶν Σαυροματῶν καθ' ἑκάστην σκυλευόμενοι, ἀπάραντες τῶν οἴκων κατήλθον πρὸς τὸν Δάνουβιν -- σπεισάμενοι γοῦν μετ' αὐτῶν ἀδεῶς τοῦ λοιποῦ διαπερῶντες τὸν Δάνουβιν ἐλήζοντο τὴν παρακείμενην γῶραν, ὡς καὶ πολέγυιά τινα κατασχεῖν. κἀντεῦθεν ἐχειρίαν τινα στέγοντες ἀροτριῶντες ἔσπειρον κέγγρους τε καὶ πυρούς). Что переселенцы не были Печеньги, хотя Скифами у Анны по преимуществу называются Печеньги, это доказывается самымъ способомъ ея выраженій: 305 «какой-то скифскій родъ». Такъ она не могла говорить о Печеньгахъ, слишкомъ хорошо извѣстныхъ изъ ея исторіи. Такой способъ выраженія употребляется въ XII вѣкѣ о Русскихъ (τὸ δ' ἔθνος τῶν Ῥῶς Σκυθικόν ὄν, Zonar. II, 162 A Par). Извѣстно, что и Русскіе назывались вообще Скифами, и въ частности Тавроскифами: но этого послѣдняго названія Анна не употребляетъ, и, такимъ образомъ, она не имѣетъ никакого specialнаго обозначенія для Русскихъ. Далѣе, переселенцы пришли на Дунай, тѣснимые Савроматами или Сарматами: мы знаемъ, что

Сарматами у Анны Комниной называются Узы, или, что то-же— Куманы - Половцы. Уза, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ ея отца, получившій свое имя отъ племени, къ которому принадлежалъ по происхожденію (р. 142 С: Οὐζᾶς δὲ τὴν κλησὶν φερώνυμον ἐκ τοῦ γένους λαχών), называется Сарматомъ р. 195 D: ὁ τε Οὐζᾶς καὶ ὁ Καρατζᾶς οἱ Σαυρομάται и р. 281 В: τὸν τε Οὐζᾶν (ἐκ Σαυροματῶν δὲ οὗτος). Такъ какъ переселеніе «скифскаго рода» совершилось послѣ утвержденія Печенѣговъ въ предѣлахъ Византійской имперіи, то кто же могъ быть всего скорѣе тѣснимъ Узамъ или Половцамъ, если не Русскіе? Мы указали въ своей статьѣ на то обстоятельство, что въ смутное время, послѣдовавшее за низверженіемъ Михаила VII, придунайская вольница не принимала никакого участія въ борьбѣ претендентовъ, тогда какъ Печенѣги и даже Половцы снѣшлись поживиться. Въ связи съ этимъ мы поставили замѣчательный рассказъ Атталиоты, одного изъ придворныхъ Никифора Вотаниата, о посольствѣ со стороны какихъ-то Скифовъ, жившихъ около Дуная. Послы заявляли о вѣрности и готовности повиновенія со стороны тѣхъ, кто ихъ отправилъ. Для того, чтобы доставить удовлетвореніе вновь воцарившемуся императору, послы привели съ собою нѣсколько соотечественниковъ, вступившихъ въ связь съ Печенѣгами при Михаилѣ VII, и подвергли ихъ наказанію предъ самимъ императоромъ, называя поступокъ ихъ схизмою и отступничествомъ (Attaliota р. 302 sq.: Οἱ δὲ περὶ τὸν Ἰστρὸν Σχύθαι -- πρέσβεις ἀπέστειλαν εἰς αὐτόν -- καὶ τινὰς ἀποστάτας συνδυάσαι τοῖς Πατζινάχοις ἐπὶ τοῦ προβεβασιλευκότος διαγνώσθέντας ἐνώπιον αὐτοῦ δεινῶς κατήχισαντο, τὸ σχίσμα πάντως παραδεικνύοντες καὶ τὴν ἀπ' ἐκείνου προφανεστάτην ἀπόστασιν). Скифы, приславшіе пословъ,—не Печенѣги, ибо они наказываютъ своихъ за участіе въ печенѣжскихъ набѣгахъ на Византію; это не Куманы, ибо Атталиота и назвалъ бы ихъ такъ, если бы это были они, уже будучи знакомъ съ этимъ именемъ (см. р. 301,1). Замѣчательныя выраженія о схизмѣ и отступничествѣ тѣхъ Скифовъ, которые связались съ Печенѣгами, заставляетъ думать о родственномъ по вѣрѣ съ Греками придунайскомъ населеніи—изъ среды его, нужно думать, были виновные—и о дружественномъ отношеніи властителей, отправившихъ посольство.

Мы объясняемъ разсказъ Атталиоты русскими извѣстіями о мирныхъ сношеніяхъ русскихъ князей съ Византіею при концѣ правленія Михаила Дуки и началѣ царствованія Никифора. Мы, во-первыхъ, обращаемъ вниманіе на извѣстіе Татищева (II, 131. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ Русскихъ лѣтописей, Приложенія, стр. 54): «Миханлъ царь Греческій. . . . прислалъ ко Святославу пословъ со многими дары и обѣщаніи; прося его и Всеволода о помощи на Болгаръ и Корсунянь (?). Святославъ же, согласяся со Всеволодомъ, хотѣлъ на Болгары самъ итти съ сыны, а Владимира сыновца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на Корсунянь; но вскорѣ самъ разболѣвся пословъ отпустилъ, съ тѣмъ, что самъ немедленно пойдетъ, или сыновъ своихъ пошлетъ. По смерти же Святослава (25-го декабря 1076 г.) пришла отъ Грекъ вѣдомость, что Михаилъ умеръ, а царство пріялъ Никифоръ (1078 г.). Всеволодъ же войско все распустилъ въ дома, и сыны Владимира изъ Корсуна возвратилъ». Извѣстій Татищева объ отношеніяхъ Русскихъ къ Грекамъ никакъ нельзя отвергать безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Въ нихъ что-то есть. Подобно тому, какъ сейчасъ приведенный отрывокъ совпадаетъ съ византійскими извѣстіями, точно такъ-же и другой разсказъ — о ссорѣ Святополка и Владимира съ Алексѣемъ и о походѣ русскихъ князей на Корсунъ съ Торками (Узами, Половцами?) и Козарами, относящійся къ 1095 году (II, 156. Бестужевъ-Рюминъ, въ вышесказанномъ сочиненіи, стр. 58), совпадаетъ съ освобожденіемъ лже-Диогеновича Половцами изъ заключенія въ Корсунѣ и съ походомъ тестя Святополкова Тугоркана на Византію. Намъ думается, что еще не потеряна надежда открыть источникъ, изъ котораго Татищевъ взялъ эти свѣдѣнія, но въ этомъ источникѣ Татищевымъ, вѣроятно, не все понято и многое искажено. Только въ видѣ рискованной догадки мы можемъ пока предположить, что извѣстный хорошо Корсунъ поставленъ Татищевымъ, пожалуй, не всякій разъ на своемъ мѣстѣ, и что въ источникѣ Татищева былъ названъ какой-нибудь похожій городъ (Корчуновъ, Камень?)¹⁾. Къ тому же почти году

1) [Ср. Prisci fragm. 1 (Hist. gr. min. I 277, 27 Dind.): οἱ δὲ παρὰ Ῥωμαίους καταφυγόντες ἐξεδόθησαν βαρβάραις --, οὓς ἐν Κερσῶν φρουρίῳ Θρακίῳ οἱ παρεληφότες ἐσταύρωσαν. P. Gosop. De Aedif. p. 308: Κερσῶ.]

(1074), подь которымъ Татишевъ помѣщаетъ извѣстіе о заключеніи союза между Михаиломъ VII и Святославомъ Киевскимъ, относится пребываніе въ Константинополѣ русскаго митрополита Георгія (начальная лѣтопись подь 6581=1073 г. П. С. Р. Л. I, 78 сл.). Наконецъ, здѣсь же отмѣчено основаніе церкви Печерской въ Кіевѣ: «Въ се же лѣто основана бысть церкви Печерская, пгуменомъ Θεодосѣемъ и епископомъ Михаиломъ, митрополиту Георгію тогда сущю въ Грьцѣхъ, Святославу Кыевѣ сѣдящю». Преданія, сохраненныя Кіевскимъ Патерникомъ, совершенно достовѣрно указываютъ, что первыми строителями церкви были художники, прибывшіе изъ Царяграда, точно такъ-же, какъ черезъ нѣсколько времени оттуда явились и живописцы (Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Влад. Яковлевымъ, стр. 117 и 121). Все это указываетъ на дружественныя связи русскихъ князей съ Константинополемъ въ концѣ правленія Михаила и въ началѣ правленія Вотаниата, и все это наконецъ подтверждается извѣстіемъ Атталиоты (р. 253 sq.) о русскихъ корабляхъ вблизи Константинополя и о Варяго-Руссахъ, сражавшихся здѣсь около 1078 года за права Михаила Дуки противъ одного изъ узурпаторовъ¹⁾.

III.

Феофилактъ Болгарскій и его сочиненія.

Кромѣ сочиненій богословскаго содержанія, толкованій на книги Священнаго Писанія новаго и ветхаго завѣта, кромѣ двухъ

1) [Въ грамотѣ Михаила Стратіотика 1060 года (Порфирія Успенскаго, Исторія Аеона, III, 1, стр. 186) говорится, что Лавра св. Аеонасіа на Аеонѣ освобождается *λογχηαχης εισπράξεως Βαράγγων Ῥώσ, ἤ Σαρακηνῶν, ἤ Φριγγῶν, ἤ ἐτέρων ἐθνικῶν καὶ Ῥωμαίων.*—Ср. хрисовульзъ Алексѣя Комнина 1088 г. (*Zachariae v. Lingenthal, Jus Graeco-Rom. III, 878*): *Ῥώσων, Ζαράννων, Κουλίπινων, Ἰγγλίνων, Φριγγῶν, νεμίτζων, βουλγάρων, σαρακηνῶν, ἀλανῶν, ἀβασγῶν, ἀθανάτων (ἀπ' ἀθαμάνων?) καὶ λοιπῶν ἀπάντων Ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν.* См. хрисовульзъ Михаила Дуки 1075 г. и Никифора Вотаниаты 1079 г. (*Sathas Bibl. I, p. 55 и 64*). *Ῥῶσ, Βαράγγων, ἤ Κουλίπινων, ἤ Φριγγῶν, ἤ Βουλγάρων, ἤ Σαρακηνῶν, ἤ ἄλλων τινῶν ἀντιμιτάτων ἀπλήκτων.*]

сочиненій, драгоцїннихъ для исторіи древней Болгарской церкви (жизнь Тиверіупольскихъ мучениковъ и жизнь св. Климента, архієпископа Болгарскаго), знаменитый архієпископъ Болгаріи, одинъ изъ образованнѣйшихъ Грековъ своего времени, ученикъ прославленнаго и плодовитаго полигистора и энциклопедиста Михайла Пселла, самъ, до поступленія на Охридскую кафедру носившій званіе «магистра риторовъ» въ Константинополѣ, — 307 оставилъ намъ нѣсколько мелкихъ произведеній своего пера, одну рѣчь, пропзнесенную предъ императоромъ, два посланія и цѣлое собраніе писемъ, отправленныхъ къ лицамъ, занимавшимъ самое высокое положеніе при дворѣ императора Алексѣя Комнина и въ церковной ієрархіи того времени.

Значеніе и важность этого рода сочиненій при изученіи византійской исторіи очень хорошо оцѣнены покойнымъ византистомъ Тафелемъ, оказавшимъ такія большія услуги византійской наукѣ издавіемъ мелкихъ сочиненій Евстаѳіи Солунскаго и отчасти Михайла Акомната, митрополита Аѳинскаго.

«Исторія Византіи», писалъ онъ, «требуетъ не только новыхъ изслѣдовацій, но и новыхъ источниковъ, которыхъ недостатокъ свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ давно ощущаютъ съ неудовольствіемъ. Сочиненія ученаго митрополита Евстаѳія Фессалоніискаго и Михайла Акомната Аѳинскаго много поясняютъ вѣкъ Комниновъ въ историко-литературномъ, политическомъ и церковномъ отношеніяхъ, особенно въ царствованіе трехъ послѣднихъ Комниновъ, Мануила, Алексѣя II и Андроника. При всемъ томъ для точнѣйшаго познанія 1081 — 1204 годовъ мы все еще до крайности бѣдны источниками, если вспомнимъ, какъ ничтожно, между греческими писателями того времени, число настоящихъ историковъ, изъ которыхъ только одинъ, Кипшамъ, былъ современникомъ своего героя, императора Мануила, а Вріенній и Анна писали уже довольно спустя послѣ событій... Славный періодъ Алексѣя I и его доблестнаго сына и наслѣдника Іоанна, безъ сомнѣнія, также имѣлъ современныхъ историковъ; но надежда отыскать сочиненія писателей того времени, можетъ-быть, всегда будетъ оставаться тщетною.

«Этой бѣдности источниковъ, въ собственномъ смыслѣ историческихъ, кажется, поможетъ обиліе другихъ современныхъ

сочиненій, и поможетъ такъ, что нельзя пренебречь этою помощью: я разумью почти безчисленное множество рѣчей на разные случаи, писемъ (посланий) и подобныхъ сочиненій, въ которыхъ муза византійской исторіи пожертвовала собою на службу ораторскому краснорѣчію. Эти источники, взятые въ совокупности, представлять богатую картину жизни, безъ слѣда погибшей, но проведенной въ образованіи и въ порчѣ образованія, въ непоколебимой вѣрѣ и въ отступничествѣ, въ радости и въ горѣ.... Подробный разборъ ихъ содержанія вскорѣ убѣдятъ, что ихъ надобно признать за источники для современной исторіи, какъ это и теперь уже можно съ буквальною очевидностію доказать близкими отношеніями Никиты Акомината (Хонскаго), въ его повѣствованіи о царствованіяхъ Андроника и Исаака Ангела, къ рѣчамъ митрополита Евстаѳіа и многимъ другими примѣрамъ.

Прибавимъ къ этому, что большая часть указанныхъ сочиненій явно имѣеть официальный характеръ, каковы, на примѣръ, публичныя рѣчи къ императорамъ: изъ такихъ памятниковъ мы приобретаемъ множество подробностей — именъ и предметовъ — для біографіи, хронологіи, географіи и топографіи, финансоваго управленія, церковной статистики, равно и для объясненія поземельныхъ отношеній. (См. статью А. А. Куника «О трудахъ византиниста Тафеля», Ученыя записки Имп. Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ, томъ II, стр. 444—454).

Все то, что ученый Тафель говорилъ по поводу изданія сочиненій Евстаѳіа Солунскаго и Михаила Аѳинскаго, вполне можетъ быть приложено къ такого же рода произведеніямъ Теофилакта Болгарскаго. Различіе только въ томъ, что рѣчи, посланія и письма архіепископа Болгарскаго уже давно были изданы, тогда какъ большая часть важныхъ, въ историческомъ отношеніи, сочиненій Евстаѳіа и Михаила оставались въ архивахъ до времени Тафеля. Различіе весьма мало существенное, потому что труды Теофилакта Болгарскаго въ старинныхъ и рѣдкихъ изданіяхъ были, можно сказать, такъ-же глубоко погребены, какъ если бы они раздѣляли судьбу многихъ драгоценныхъ рукописей, до сихъ поръ остающихся въ книгохранилищахъ Эскуриала и Венеціи. Мы не видимъ, чтобы кто-нибудь изъ ученыхъ, излагавшихъ исторію Византіи (Лебо, Финлей, Гопфъ), сколько-ни-

будь пользовался живымъ и непосредственнымъ матеріаломъ, заключающимся въ Венеціанскомъ изданіи трудовъ и сочиненій Теофилакта. Въ послѣднее время перепечатка Миня (*Migne, Patrologiae cursus completus*) сдѣлала этотъ матеріалъ болѣе доступнымъ¹⁾. Его значеніе оцѣнилъ одинъ изъ немногихъ русскихъ ученыхъ, занимающихся исторіей Византіи. Е.Е. Голубинскій въ своемъ «Краткомъ очеркѣ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской» (Москва 1871 г.) сообщилъ нѣкоторыя извлеченія изъ переписки Теофилакта для характеристики внутренняго состоянія Болгарской церкви и слегка сдѣлалъ нѣсколько другихъ указаній.

Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы сочиненія Теофилакта Болгарскаго уже были введены въ кругъ историческаго изслѣдованія. Самый первоначальный, и поэтому самый важный, вопросъ о хронологіи ихъ еще не былъ подвергнутъ сколько-нибудь внимательному изученію. Въ недавно вышедшей второй части «Опыта Византійской хронографіи» Муральта (*Muralt, Essai de chronographie Byzantine 1057—1453, Bale et Genève—St. Pétersbourg, 1871*) не только ничего не сдѣлано въ этомъ отношеніи, но еще гораздо хуже — бѣольшая часть указаній на Теофилакта сдѣланы совершенно безтолково и не на мѣстѣ. Несомнѣнно, что составитель хронографіи совсѣмъ не раскрывалъ того или другаго изданія твореній Болгарскаго архипастыря. Онъ зналъ о его рѣчахъ и письмахъ только изъ указаній, находящихся въ церковныхъ анналахъ Баронія, и бралъ безъ всякаго размышленія оттуда свои отмѣтки, которыя даже на основанія его собственнаго труда могутъ быть обличены въ полной нелѣпости. Напримѣръ, подъ 1079 годомъ у Муральта стоятъ: *Nicéphore (Вріенній) postme Jean Aginos (искаженіе вмѣсто Ἄγιος, трезвый) archevêque de Bulgarie après la mort de Jean*. Итакъ, въ 1079 году назначенъ былъ на Болгарскую кафедру Іоаннъ Трезвый, которому послѣ наследовалъ Теофилактъ (см. у Муральта подъ 1091 г. § 17). Несмотря на это, Муральтъ еще подъ 1073 и 1074 годами ци-

1) [Новыя стихотворенія Теофилакта изъ cod. Monac. graec. 201, fol. 42 — 43 издалъ въ Ἐκκλησιαστικῇ Ἀλήθειᾳ IV (1883), стр. 141, Β. Γεωργιάδης.]

туеть письма Теофилакта о дѣлахъ болгарскихъ, писанныя, какъ легко убѣдиться при самомъ бѣгломъ чтеніи, въ званіи архіепископа Болгарскаго. Такіе приемы въ хронологическомъ сочиненіи, первое достоинство котораго — совершенная точность, объясняютъ, мимоходомъ сказать, почему въ своей статьѣ мы ни разу не счли нужнымъ сослаться на трудъ Муральта.

Здѣсь не мѣсто заниматься хронологіей переписки Теофилакта, на которую намъ пришлось сослаться только мимоходомъ. Этотъ вопросъ потребовалъ бы довольно сложнаго и длиннаго 300 изслѣдованія. Оставляя такую задачу до другого случая, замѣтимъ только, что послѣ внимательнаго изученія можно принять, что почти всѣ письма Теофилакта написаны въ періодъ между 1091 и 1108 годами. Самыя интересныя изъ нихъ для характеристики внутренняго состоянія Болгаріи подъ византійскимъ владычествомъ адресованы къ великому доместыку и родному брату Алексѣя Комнина Адриану и къ кесарю Врѣннию. Но Адрианъ сдѣлался великимъ доместыкомъ съ 1087 года, послѣ смерти Пакуриана (Anna p. 189 C), и умеръ въ апрѣлѣ 1105 года (Montfaucou, Palaeographia graeca p. 47) ¹⁾: этимъ опредѣляется хронологія писемъ къ Адриану и къ Никифору Врѣннию, такъ какъ тѣ и другія — и еще многія — имѣютъ одно и то же содержаніе. Въ нѣсколькихъ письмахъ Теофилакта совершенно ясно говорится о нашествіи Боэмунда на Византію, какъ это указано еще Дюканжемъ: походъ Боэмунда относится къ 1107 и 1108 годамъ, и это есть послѣдняя точная дата, которую можно дать перепискѣ Теофилакта. Этихъ замѣчаній пока достаточно.

Но мы обязаны нѣсколько подробнѣе заняться хронологическимъ опредѣленіемъ трехъ произведеній Теофилакта другого рода, изъ коихъ одно служитъ издавна точкою отправленія для всѣхъ соображеній и догадокъ о времени его вступленія на Болгарскую кафедру, а два слѣдующія приведены въ довольно подробныхъ изложеніяхъ въ нашей статьѣ и приурочены къ важнымъ историческимъ событіямъ.

1) [О происхожденіи Пакуриана см. Anna p. 50 В. Pat. и Cedren. II, 447, 22 Вопп. Въ печати, изданной Мордтманномъ, онъ называется: Γρηγόριος σεβαστός καὶ δοῦξ ὁ Πακουριανός (Елл. Φιλολ. Σύλλ. VII, 79). Ср. Georgius Musaeus, Γρηγόριος Πακουριανός μέγας δομέστικος τῆς δόσεως. Lipsiae 1888.]

Первое сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: «Иже во святыхъ отца нашего Теофилакта, архієпископа Болгарскаго, о царскомъ воспитаніи къ Константину Порфирородному» (*Παιδεία βασιλική*, *Institutio regia*). Здѣсь Теофилактъ называетъ себя нѣсколько разъ учителемъ Константина.

Еще ученый Пагв, въ критическихъ замѣчаніяхъ на церковныя анналы Баронія, утверждалъ, что это сочиненіе несомнѣнно доказываетъ, будто Теофилактъ, воспитатель Константина Дуки, жилъ и дѣйствовалъ при Михаилѣ Дуки, а не при Алексѣѣ Комнинѣ, какъ заключалъ Дюканжъ изъ писемъ Теофилакта.

Константинъ Порфирородный, сынъ Михаила Дуки и Маріи изъ рода царей Грузинскихъ, родился около 1074 года. Анна Комнина, которая считалась нѣкоторое время его невестою, подъ 1081 годомъ замѣчаетъ, что въ этомъ году ему еще не исполнилось семи лѣтъ (р. 71 С). Въ 1076 году, слѣдовательно, еще двухъ-трехъ лѣтъ, онъ былъ обрученъ съ Еленою, дочерью Роберта Гвискара (*Lupus Protospatarius*, *MG. SS. V, 60: Hoc anno (1076) dedit praefatus dux filiam suam iurum imperatori Constantinopolis. Cp. Scylitz. p. 724 ed. Bonn.; Anna p. 23 B. 28 D. 29 C; Zonaras II, 288 D*). Никифоръ Вотаниатъ, овладѣвшій византійскимъ престоломъ въ 1078 году и низвергнувшій Михаила Дуку, разорвалъ этотъ брачный договоръ и отослалъ Елену, которая находилась при Константинопольскомъ дворѣ, къ ея отцу. Самъ Михаилъ Дука былъ заключенъ въ монастырѣ Студійскомъ, равно какъ и жена его съ сыномъ Константиномъ; потомъ бывший императоръ былъ постриженъ въ монахи и сдѣлался митрополитомъ Ефесскимъ, а Марія, его жена, съ нарушеніемъ церковныхъ законовъ, была обвѣнчана съ Никифоромъ Вотаниатомъ, который уже и безъ того былъ женатъ два раза и, притомъ, его вторая жена была жива (*Вруенн. р., 126 sq. ed Bonn; Zonar. II, 291 sq. ed. Par. и проч.*). Вслѣдствіе этого политическаго, но преступнаго брака сынъ Марія отъ перваго мужа Константинъ былъ возвращенъ 310 во дворецъ и вмѣсто простой черной обуви, которую надѣлъ послѣ смерти отца, получилъ право носить разноцвѣтную изъ шелковыхъ матерій (*Anna p. 79 С*). Когда Никифоръ Вотаниатъ въ свою очередь былъ низверженъ Алексѣемъ Комнинымъ, который былъ не задолго передъ тѣмъ усыновленъ Маріей и вмѣ-

стѣ съ своимъ братомъ пользовался ея покровительствомъ (Anna p. 44 C sq.), то по просьбѣ матери и на основаніи прежде заключенныхъ условій (ead. p. 46 D и 79 sq.) Константинъ Дука получилъ титулъ императора и право носить опять красную обувь, багряную одежду и царскій вѣнецъ, а имя его провозглашалось на ряду съ именемъ Алексѣя. Когда у Алексѣя Комнина родилась дочь Анна, въ 1083 году (Anna p. 166 BC), то она предназначена была сдѣлаться женою Константина и вмѣстѣ съ нимъ наследницею престола. Имена Константина и Анны провозглашались въ обычныхъ многолѣтіяхъ византійскихъ (*ἐν ταῖς εὐφημίαις*) непосредственно за именами Алексѣя и супруги его Ирины (ead. p. 167 C). Но по истеченіи нѣкотораго времени вдовствующая императрица Марія и ея сынъ, обрученный съ дочерью Алексѣя, потеряли расположеніе послѣдняго, и ихъ положеніе измѣнилось. Объ этомъ прямо говоритъ Зонара, не щадившій въ своемъ сочиненіи императора Алексѣя Комнина и не желавшій скрывать его неблагодарности. Императрица Марія, которая сначала жила съ приличною ея сану обстановкою въ своемъ дворцѣ при Манганскомъ монастырѣ (Anna p. 80 AB; Zonar. II, 296 CD), должна была, по словамъ Зонары, снять съ себя свѣтскую одежду и надѣть черную монашескую; она сдѣлала это на половину добровольно, на половину по принужденію. У ея сына Константина точно такъ-же были отняты пурпуровыя сандаліи; званіе самодержца и титулъ императорскій остались за однимъ Комнинымъ (Алексѣемъ) (Zonar. l. c.). Когда это произошло, Зонара опредѣлительно не указываетъ. Но мы находимъ нѣкоторые хронологическіе намеки въ VI книгѣ Алексіады, гдѣ Анна рассказываетъ о своемъ рожденіи и о судьбѣ своего дѣтства (p. 167 B sq.). Упомянувъ о своемъ появленіи на свѣтъ, она продолжаетъ: «Такъ какъ Константинъ, сынъ прежняго императора Михаила Дуки, еще содѣйствовалъ (*συμβατεύοντος ἔτι*) самодержцу и моему отцу, подписывался вмѣстѣ съ нимъ красными чернилами на дарственныхъ грамотахъ и слѣдовалъ за нимъ въ торжественныхъ процессіяхъ съ тиарою на головѣ, и такъ какъ онъ провозглашался въ многолѣтіяхъ на второмъ мѣстѣ, то и я (обрученная съ Константиномъ) должна была упоминаться въ этихъ возгласеніяхъ, такъ что въ надлежащее время предначи-

натели возглашенія вмѣстѣ произносили имена Константина и Анны. Это исполнялось довольно долгое время». Далѣе цесаревна рассказываетъ, какъ ея родители, послѣ рожденія второй дочери, страстно желали имѣть сына и какъ молились объ этомъ Богу; въ теченіе одиннадцатаго индикта (1087 — 1088 г.) у нихъ наконецъ рождается младенецъ мужескаго пола; описывается радость отца и матери и всѣхъ подданныхъ; впрочемъ, искренность ликованія послѣднихъ Анна заподозрѣваетъ. «Итакъ, желая возвести этого сына въ достоинство самодержца и оставить ему Ромейскую имперію какъ-бы въ видѣ наслѣдства, она (Алексѣй и его супруга Ирина) удостоили его святого крещенія въ Великой церкви и (царскаго) вѣнца. Вотъ что случилось съ нами, родившимися въ пурпурѣ, при самомъ началѣ нашего бытія».

Разсказъ Анны, проникнутый горечью и сдержаннымъ ропотомъ, заставляетъ думать, что именно рожденіе брата было причиною той переменны въ ея судьбѣ и, слѣдовательно, судьбѣ ея нареченнаго супруга, которую она называетъ предзнаменованіемъ будущихъ несчастій своей жизни. Извѣстно, что отношенія между братомъ и сестрой остались навсегда враждебными, что Анна замышляла, послѣ смерти отца (1118 г.), лишить Калоіоанна престола, и что она должна была потомъ удалиться въ монастырь. Обращаясь къ судьбѣ Константина и его матери, мы предполагаемъ, что охлажденіе между ними и Алексѣемъ точно такъ-же было слѣдствіемъ появленія на свѣтъ мужеской отрасли въ царственномъ семействѣ Комниновъ. Въ 1092 году, какъ будетъ ниже показано, Іоаннъ былъ дѣйствительно провозглашенъ императоромъ и соправителемъ своего отца. Около этого времени, нужно думать, прекратились возглашенія Константина и Анны, о которыхъ послѣдняя такъ сожалѣетъ; около этого времени Константинъ Дука лишился императорскаго титула. Принимая слова Зонары въ точномъ буквальномъ смыслѣ, мы должны предположить, что Константинъ потерялъ свое высокое положеніе нѣсколько ранѣе провозглашенія Іоанна императоромъ, ибо Зонара говоритъ, что нѣкоторое время титулъ царскій оставался у одного Алексѣя Комнина. На существованіе охлажденія между императоромъ Алексѣемъ и его прежнею благодѣтельницей и названною матерью около 1090 года указываетъ и слѣдующее обстоя-

тельство: Анна Комнина воспитывалась первоначально въ домѣ царицы Маріи и только на восьмомъ году возраста была взята оттуда своимъ отцомъ (Анна р. 72). Такъ какъ она родилась въ декабрѣ 1083 года, то этотъ фактъ относится къ 1090—1091 годамъ. Совпаденіе его со временемъ провозглашенія сына Алексѣва императоромъ не лишено значенія. Итакъ: 1) Константинъ Дука носилъ титулъ императора несомнѣнно со времени воцаренія Алексѣя Комнина до 1083 года и еще нѣсколько лѣтъ послѣ этого года; 2) онъ потерялъ этотъ титулъ около 1090—1091 года; 3) что касается до времени, когда его мать оставила царскій образъ жизни и начала вести монашескій, надѣвъ черную одежду, то, быть можетъ, это случилось нѣсколько ранѣе, чѣмъ у ея сына былъ отнятъ императорскій титулъ, пбо Зонара ставитъ впередъ измѣненіе въ ея положеніи; во всякомъ случаѣ это произошло не тотчасъ послѣ воцаренія Алексѣя, а въ такое время, когда можно было подозрѣвать нѣкоторое принужденіе, то-есть, существованіе вышеупомянутаго охлажденія, слѣдовательно около 1088—1090 годовъ. Полнаго разрыва, впрочемъ, не было и въ 1091 году. Марія, несмотря на монашескую жизнь, владѣла обширными помѣстьями въ разныхъ мѣстахъ имперіи (Анна р. 255 С); ея сынъ Константинъ еще въ 1093 году пользовался покровительствомъ и благосклоннымъ вниманіемъ Алексѣя (Анна р. 247 D. 250 С). Но императрица Марія, страстно любившая своего сына и вступившая нѣкогда въ союзъ съ Комнинами противъ своего второго мужа Никифора Вотаниата съ цѣлю обезпечить за сыномъ наследство престола, тайла въ своей душѣ неудовольствіе; если вѣрять Аннѣ Комниной—а пріяны не вѣрять нѣтъ,—она была замѣшана въ одномъ заговорѣ противъ императора Алексѣя, открытомъ именно въ 1093 году, и не соглашалась на убійство его, на что были готовы другіе заговорщики, ея родственники (Анна р. 261 В). Алексѣй Комнинъ не хотѣлъ подвергнуть свою прежнюю благодѣтельницу и союзницу, свою мать по усыновленію, какому-либо открытому преслѣдованію или суду, но, разумѣется, прежнихъ дружескихъ отношеній или даже благосклоннаго вниманія съ его стороны не могла ожидать ни сама Марія, ни ея сынъ. Изъ писемъ Теофилакта мы знаемъ, что она жила послѣ на одномъ изъ острововъ, служив-

шемъ при прежнихъ императорахъ мѣстомъ ссылки. Неизвѣстно, выдалъ ли бы Алексѣй свою дочь Анну за Константина, если бы этотъ дождалъ до ея совершеннолѣтія. Онъ умеръ, по словамъ Зонары (II, 298 D), ея женихомъ (*ἐπι τῆ μνηστεία*), а въ 1097 году Анна была уже замужемъ за Никифоромъ Врениемъ (Anna p. 295 D), будучи тогда 14-ти лѣтъ отъ роду (Дюканжъ, въ примѣчаніи къ сейчасъ указанному мѣсту, дѣлаетъ ошибку, предполагая, что Анна родилась въ 1086 году).

Теперь мы легко можемъ опредѣлить, къ какому времени относится сочиненіе Теофилакта о царскомъ воспитаніи. 1) Оно писано тогда, когда Константинъ Дука, съ одной стороны, еще носилъ императорскій титулъ и знаки императорскаго достоинства (*Institutio regia, pars II, cap. 27, Migne, Patrol. gr. t. 126 col. 285: οἶδα γάρ, ὡ κράτιστε βασιλεῦ, ὅτι τὰ κέκκηνά σοι ὑποδήματα καὶ ἐν δόματα τοῦ παρόξ εἰσι σύμβολα*), а съ другой — его мать вела монашескую жизнь, носила власяницу и черное облачеше (*ibid.*, I, cap. 7, col. 260); слѣдовательно, не при Михаилѣ Дука, женою котораго была Марія и съ которымъ она раздѣляла престолъ и блестящую придворную жизнь, и не при Никифорѣ Врениатѣ, когда Константинъ Дука не носилъ пурпура. Оно писано при Алексѣѣ Комнинѣ, и притомъ не въ первые годы его правленія, но не позже 1091 года, всего вѣроятнѣе — около 1088 или 1089 года. 2) Въ эти годы Константину было около 14—15 лѣтъ, что вполне согласно съ описаніемъ его физическихъ занятій (*ibid.*, I, c. 4, col. 257: онъ отличается въ искусствѣ верховой ѣзды, ловко владѣетъ конемъ и лукомъ, никому не уступаетъ въ смѣлости на охотѣ и пр.); что, далѣе, вполне согласно съ его умственными занятіями, имѣющими своею цѣлю облагороженіе языка, развитіе ума, приобрѣтеніе историческихъ познаній подъ руководствомъ многихъ наставниковъ (*ibid.* I, 13, col. 265).

Среди многихъ наставниковъ занимаетъ мѣсто и Теофилактъ, тогда еще не посвящій архіепископскаго сана. Онъ прямо называетъ себя учителемъ Константина и гордится этимъ званіемъ. Что въ это время, то-есть, въ 1088—1089 годахъ, Теофилактъ не занималъ еще архіепископской болгарской кафедры, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, несмотря на довольно,

впрочемъ, странное заглавіе сочиненія. Теофилактъ не только не упоминаетъ ни однимъ словомъ о высокомъ духовномъ санѣ, не только ни слова не говоритъ о Болгаріи, что составляетъ постоянную тему его писемъ, но прямо называетъ себя жителемъ столицы, «счастливаго» Константинополя (*ibid.* I, 3, col. 256: *ὁὐχ ἔρξας γὰρ τοι καὶ τοὺς τῶν δένδρων καρπούς, οἷς ἐντροφῶμεν οἱ τῆς εὐδαίμονος οἰκήτορες πόλεως*). Этимъ устраняются какъ возраженія ученаго Паги противъ указаній Дюканжа, такъ и всѣ другія предположенія, между прочимъ и то, которое высказано въ предисловіи къ русскому переводу Толкованія Теофилакта на Евангеліе (Благовѣстникъ, Ч. I, стр. 7, въ приложеніяхъ къ Правосл. Собесѣднику 1855 г.).

Второе сочиненіе Теофилакта, имѣющее для насъ первостепенную важность и нѣсколько разъ приводимое въ статьѣ, есть его рѣчь къ императору Алексѣю Комнину. Несмотря на то, что она не имѣетъ даты, мы отвесли ее къ 6-му января, къ празднику Крещенія. Теофилактъ говоритъ въ своей рѣчи о юномъ сынѣ Алексѣя и его супруги Ирины, который уже присутствуетъ при торжествѣ, «смотритъ уже съ острымъ вниманіемъ», но еще представляется «птеномъ, ожидающимъ крыльевъ». Ораторъ обращается къ отцу съ такими вопросами: «Но почему ты, отецъ, оказываешься въ отношеніи къ сыну болѣе медлительнымъ, чѣмъ требуетъ сама природа? Почему не опредѣляешь царемъ царственнаго сына, но отлагаешь желаемое провозглашеніе? (*Τί μὴ τὸν βασιλέα υἱὸν καὶ βασιλέα γνωρίζεις, ἀλλ' ἀναδύη τὴν ποδομένην ἀνάρρησιν*. Cap. 7, Migne, t. 126 col. 301). Почему не даешь имени тому, кто участвуетъ по природѣ въ самой вещи (означаемой именемъ)? Но если бы ты даже не хотѣлъ, непреложный законъ природы таковъ, что львиный дѣтенышъ будетъ львомъ». Итакъ, хронологическія границы, въ которыхъ должна помѣститься рѣчь Теофилакта, очень тѣсны. Мы знаемъ годъ рожденія Іоанна — это одиннадцатый индиктъ, то-есть, 1087—1088 годъ. Мы имѣемъ возможность опредѣлить совершенно точнымъ образомъ время, когда Іоаннъ былъ провозглашенъ императоромъ. Само собою разумѣется, что оно будетъ находиться не въ дальнемъ разстояніи отъ произнесенія рѣчи. Теофилактъ могъ обращаться съ смѣлыми вопросами къ

отцу, только зная его намѣренія, зная, что запросъ будетъ пріятенъ. Точныя указанія на время провозглашенія Іоанна императоромъ представляютъ документы Неаполитанскаго архива (*Regii Neapolitani archivi monumenta, vol. V*), съ обозначеніемъ византійскихъ императоровъ, номинальная власть которыхъ припадалась въ Италію и послѣ ея фактическаго прекращенія. Приводимъ рядъ тѣхъ, которые обозначены первымъ годомъ соправленія Іоанна.

1) № 457 (V, 146). *In nomine domini Dei salvatoris nostri Ihesu Christi imperante domino nostro Alexio magno imperatore anno duodecimo, sed et Iohannes porfilogenito (sic) magno imperatore eius filio anno primo. die quinta decima mensis nobembrii indictione prima. Neapoli.* Двѣнадцатый годъ царствованія Алексѣя начался съ апрѣля 1092-го года, въ ноябрѣ же этого года Іоаннъ извѣстенъ въ Неаполѣ какъ соправитель отца.

2) № 458 (V, 148). *Alexio -- anno duodecimo, sed et Iohannes porfilogenito -- anno primo. die nona mensis Decembrii indictione prima.*

3) № 462 (V, 157). *Iohannes -- anno primo. die quinta decima mensis Februarii indictione prima.* — Февраль 1093 года.

4) № 463 (V, 159). *Iohannes -- anno primo. die sexta mensis Martii.*

5) № 464 (V, 165). *Iohannes -- anno primo. die nona mensis Aprelis.*

6) № 467 (V, 174). *Imperante domino nostro Alexio magno imperatore anno tertio decimo, sed et Iohanne porfilogenito magno imperatore eius filio anno secundo. die prima mensis Septembrii indictione secunda.*

Итакъ, въ ноябрѣ 1092 года былъ первый годъ царствованія Іоанна, а въ сентябрѣ 1093 года уже второй. Нужно думать, что именно при наступленіи новаго (сентябрьскаго) года въ 1092 году Іоаннъ и объявленъ былъ императоромъ¹⁾.

1) [Ср. Chron. Andr. Dand., Muratori XII, 258: Post Gotifredi obitum--Alexius Augustus Joannem Porphyrogenitum sibi aequalem et postea successorem constituit.]

Обращаемся къ рѣчи Теофлакта. Она произнесена между 1088 годомъ и сентябремъ 1092 года; въ ней говорится о борьбѣ съ Печенѣгами и о заключеніи съ ними мира. Такъ какъ событія этихъ годовъ очень подробно описаны у Анны Комниной, то намъ нужно было только отыскать тотъ годъ, въ который былъ заключенъ миръ съ Печенѣгами, что мы и сдѣлали. Анна говоритъ о мирѣ съ Печенѣгами, заключенномъ, по ходу ея разсказа, съ наступленіемъ зны 1089 — 1090 года. Далѣе, она произнесена въ такой день, когда существующій обычай требовалъ этого, на что указываетъ въ самомъ приступѣ оратора. Въ одномъ драгоценномъ рукописномъ сборникѣ Эскуріальской бібліотеки, оглавленіе котораго напечатано Миллеромъ въ описаніи эскуріальскихъ греческихъ манускриптовъ (E. Miller, Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de l'Escorial, Paris 1848), мы находимъ цѣлый рядъ указаній, что византійскій церемоніаль XII вѣка требовалъ произнесенія рѣчи предъ императоромъ въ праздникъ свѣтовъ, то-есть, въ день Богоявленія (см. стр. 208 сл.). Тутъ же указана причина, почему одинъ разъ рѣчь произнесена ранѣе обычнаго дня: императоръ отправлялся въ походъ. (Ср. также стр. 211 сл.). Нужно думать, что обычай, существовавшій до послѣдняго времени въ нашихъ семинаріяхъ, по которому ученики риторики говорили въ Рождественскій праздникъ рѣчи предъ архіереемъ, ведетъ свое начало отъ этого византійскаго обыкновенія.

Опредѣливъ время, когда произнесена рѣчь Теофлакта къ Алексѣю Комнину, мы должны сдѣлать, на основаніи ея, еще два замѣчанія. Рѣчи въ праздникъ свѣтовъ произносятся главнымъ офіціальнымъ риторомъ, который завѣдуетъ Константинопольскою риторическою школою. Въ концѣ своей рѣчи Теофлактъ обращается къ своимъ спутникамъ, сопровождавшимъ его во дворецъ: «Я теперь, дѣти мои, поставилъ основу драгоценной одеждѣ царскаго благохваленія, а вы должны на ней выткать свою ткань. Я для того и передалъ вамъ свое искусство, чтобы драгоценная одежда была какъ можно пестрѣе и совершеннѣе» (Migne, t. 126 col. 305). По оглавленію Эскуріальскаго сборника, крещенскую рѣчь также произноситъ обыкновенно магистръ риторовъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что и въ началѣ

1090 года Теофилактъ не былъ еще Болгарскимъ архіепископомъ? Изъ одного письма, принадлежащаго Теофилакту, мы видимъ, что, получивъ санъ архіепископа, онъ не сохранилъ званія магистра риторовъ. «Кто бы собралъ вокругъ меня хоръ риторовъ, чтобъ я, сдѣлавшись ихъ корифеемъ, чѣмъ я былъ нѣкогда, и подавъ имъ тонъ, сообща исполнилъ словесный танецъ», пишетъ онъ, сбѣравъсь восхвалять одного изъ близкихъ родственниковъ императора и прося его доказать свое расположеніе къ архіепископу покровительствомъ его роднымъ на Евринѣ (Евбеѣ, Негропонтѣ) и въ Греціи (см. письмо № 2 изъ сборника Ватиканскаго, *Migne, t. 126 col. 309 и 312*).

Второе замѣчаніе по поводу рѣчи Теофилакта императору Алексію будетъ опять касаться Константина Дуки. Почему Теофилактъ, прославляющій братскую любовь и совокунное управленіе имперіей сыновей Аицы Далассяны — Алексія и Исаака, не упомянулъ ни даже однимъ словомъ о другомъ императорѣ, своемъ ученикѣ? Не заключается ли причина именно въ его приглашенія, обращенномъ къ Алексію, провозгласить императоромъ сына Іоанна, то-есть, не понималъ ли тонкій ораторъ, что при существованіи у Алексія собственнаго наслѣдника, при 315 охлажденія его къ Маріи и Константину, благоразуміе и приличіе требуетъ пройти молчаніемъ эти отношенія?

Третье и послѣднее сочиненіе Теофилакта, о которомъ мы должны сказать нѣсколько словъ для объясненія мѣста, даннаго ему въ статьѣ, есть его знаменитое посланіе о заблужденіяхъ латинянъ. Въ примѣчаніи, сопровождающемъ сдѣланныя нами извлеченія изъ этого сочиненія, указано лицо или, лучше сказать, лица, къ которому или къ которымъ обращено посланіе. Въ текстѣ отмѣчены тѣ выраженія, которыя указываютъ на какія-то, какъ будто предстоящія, пренія съ латинянами, на имѣющіяся въ виду случаи, когда латиняне могутъ представить свои обвиненія противъ греческой церкви, и т. д. Намъ кажется, такимъ образомъ, что самое содержаніе посланія о заблужденіяхъ латинянъ и его тонъ даютъ право сопоставить его появленіе съ извѣстіемъ Готфрда Малатерры, писателя современнаго, о соборѣ, предположенномъ на 1091 годъ въ Константинополѣ съ цѣлію примиренія обѣихъ церквей. Мы можемъ прибавить къ этому,

что посланіе писано Теофилактомъ уже въ званіи архієпископа, какъ это прямо сказано въ самомъ началѣ, слѣдовательно, послѣ 1089 и не въ началѣ 1090 года. Оно писано не позднѣе 1108 года, потому что около этого времени прекращается переписка Теофилакта съ друзьями и покровителями, что предполагаетъ конецъ его дѣятельности и самой жпзни. Что посланіе написано архієпископомъ Болгарскимъ не изъ одной погребности высказать свой взглядъ на причины церковнаго раздѣленія, взглядъ, не многими раздѣляемый, хотя весьма авторитетно развитый еще патріархомъ Антиохійскимъ Петромъ, это видно изъ вступительныхъ строкъ сочиненія, гдѣ сказано, что «настоящее время, какъ суровый и грубый привратникъ, какъ бы выталкиваетъ этотъ вопросъ на обсужденіе». Есть извѣстіе о дальнѣйшихъ сношеніяхъ между Греками и латинянами въ промежуткѣ между 1090 и 1108 годами въ видахъ обсужденія того же самаго вопроса о соединеніи церквей. Греки присутствовали на «всеобщемъ» соборѣ, созванномъ папою въ городѣ Барі въ 1098 году, и подняли вопросъ объ исхожденіи Святого Духа, но были, будто бы, побѣждены въ диспутѣ Ансельмомъ Кентерберійскимъ (*Florentii Wigorniensis historia*, MG. SS. V, 564. Ср. *Lupus protospat.*, MG. SS. V, 63. Объ этихъ попыткахъ примиренія церквей въ XI и XII в. есть статья игумена Арсенія въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія Ч. 133 (1867 г.), Отд. II, стр. 499 сл.: тамъ, на стр. 503, говорится и о соборѣ Барійскомъ). Но едва-ли Барійскій соборъ 1098 года такъ близко интересовалъ клиръ Софійской церкви въ Константинополѣ; Греки, спорившіе на немъ съ Ансельмомъ, могли быть просто мѣстные Греки. Притомъ, 1098 годъ — это не было уже такое суровое время, какъ предшествовавшіе годы. Мы наконецъ прибавляемъ въ дополненіе и подтвержденіе къ свидѣтельству Малатерры о соборѣ, предполагавшемся въ Константинополѣ, указанія, находящіяся въ догматической исторіи Георгія Метохиты (*Novae patrum bibliothecae ab Angelo Maio editae t. VIII a Iosepho Cozza absolutus*, Romae 1871, pars II, c. 16 p. 21). Латинствующій Грекъ рассказываетъ, что Алексѣй Комнинъ, по вступленіи на престолъ, несмотря на многія заботы и великія предпріятія, былъ сильно занятъ вопросомъ объ уничтоженіи схизмы; ду-

мая, что прежде съ обѣихъ сторонъ дѣло было ведено нехорошо, опъ «составлялъ судъ, собралъ соборъ епископовъ» (*ἀρχιερέων συναθροίξει κατάλογον*), предложилъ имъ примириться съ западною церковію, порпцалъ раздѣленіе, указывалъ на его бесполезность и вредъ и настаивалъ на неканоничности исключенія панскаго имени изъ диптиховъ. Подробное изложеніе всего этого Метохита читалъ въ какомъ-то документѣ, хранящемся въ архивѣ, въ которомъ желающій и можетъ найти болѣе полное и ясное объясненіе. Метохита знаетъ, что старанія Алексѣя не достигли цѣли, но не умѣетъ указать настоящей причины такой неудачи.

IV.

О посланіи императора Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому.

Приводимъ прежде всего замѣчанія Зибеля, сдѣланныя въ его классическомъ сочиненіи о первомъ крестовомъ походѣ, первую часть котораго составляетъ критика источниковъ и литературы для исторіи этого великаго событія:

«Аббатъ Гибертъ въ своей исторіи крестоваго похода даетъ намъ первое извѣстіе объ этомъ посланіи и сообщаетъ его содержаніе довольно подробно. Сверхъ того, мы имѣемъ другую копию посланія въ сборникѣ Мартеня (*Magtène, Thesaur. anecdot., I, col. 267 сл.*), во многихъ отношеніяхъ до того сходную съ изложеніемъ Гиберта, что на этомъ основаніи высказаны были весьма положительныя сомнѣнія противъ подлинности всего документа. Критика принимала въ расчетъ молчаніе греческихъ источниковъ, ссылаясь на замѣтную часто недостовѣрность Гиберта, и объявляла редакцію Мартеневскаго сборника за одно изъ монашескихъ упражненій, обыкновенныхъ въ средніе вѣка, за вольную переработку Гибертова текста. Къ тому же, пѣкоторая странность содержанія не могла быть отрицаема; въ документѣ не встрѣчали высококомѣрнаго канцелярскаго стиля Греческой имперіи и находили, въ видѣ приманки для христіанскихъ крестоносцевъ, неприличную похвалу восточнымъ женщинамъ, совершенно ребяческую въ устахъ византійскаго властителя.

«Я очень далеко отъ того, чтобы защищать подлинность Мартеновскаго посланія; вѣроятность предполагаемой переработки бросается въ глаза сама собою, и до сихъ поръ недостаетъ какого-либо положительнаго удостовѣренія въ его пользу. Но я тѣмъ болѣе считаю нужнымъ взять подъ защиту Гиберта, которому, какъ увидимъ ниже, не такъ легко взвалить на плеча обвиненіе въ вымыслѣ. Куда приведетъ насъ—въ исторія этого времени, и прежде всего относительно греческихъ дѣлъ—тотъ чисто отрицательный пріемъ историческихъ доказательствъ, на основаніи которыхъ отказываютъ въ вѣрѣ свѣдущему западному писателю, потому только, что Византіецъ умолчалъ, что его императоръ умолялъ о помощи какого-то фландрскаго графа? Въ высшей степени вѣроятно, что Гибертъ получилъ упомянутое сообщеніе непосредственно отъ самого графа. Миѣ кажется, что мы можемъ удивляться странности содержанія, но не должны отвергать совершенно того, что, на ряду съ извѣстіями Альберта (Ахенскаго) и Вильгельма (Тирскаго), никогда не подвергавшимся сомнѣнію, представляется все-таки фактомъ, не выходящимъ изъ ряда совершенной обыденности».

Мы, съ своей стороны, пришли къ убѣжденію, почти диаметрально противоположному миѣнію Зибеля. Мы считаемъ документъ, какъ онъ сообщается у Мартеня, совершенно подлиннымъ и, допуская, что Гибертъ имѣлъ его подъ рукою, и слѣдовательно не обвиняя этого писателя въ совершенномъ вымыслѣ, утверждаемъ, что аббатъ монастыря Ножанскаго прибавилъ нѣкоторыя собственныя украшенія, и что именно то, что есть особенно страшнаго въ Гибертскомъ изложеніи посланія, принадлежитъ только самому Гиберту.

Сообщаемъ, во-первыхъ, болѣе подробную исторію документа. Въ первый разъ его напечаталъ не Мартень, а Дюканжъ въ своихъ комментаріяхъ къ Алексіадѣ Анны Компиной (р. 201 D). Но слѣдуетъ думать, что Дюканжъ имѣлъ въ рукахъ списокъ или слишкомъ ветхій, или очень неразборчивый. Документъ напечатанъ въ изданіи Дюканжа со многими пропусками: недостаетъ иногда нѣсколькихъ словъ, а иногда и цѣлыхъ строкъ. Очень замѣчательно, что вездѣ, гдѣ должно бы стоять имя Печеньговъ, стоитъ рядъ точекъ: Дюканжъ или не могъ угадать настоящаго

чтенія, не могъ прійти къ мысли, что крестовый походъ, по мысли восточнаго императора, назначался первоначально не противъ однихъ Сельджуковъ, а прежде всего противъ Печенѣговъ, или же онъ не хотѣлъ дѣлать даже легкую попытку къ восстановленію текста либо стертаго, либо неразборчиваго. Изъ того обстоятельства, что точки стоятъ всегда и неизмѣнно тамъ, гдѣ послѣ явились Печенѣги (въ изданіяхъ Мартеня), можно, конечно, заключить, что списокъ документа, находившійся въ рукахъ Дюканжа, скорѣе былъ неразборчивъ, чѣмъ вѣтъ. Но — что особенно важно — Дюканжъ указываетъ, откуда онъ взялъ свой документъ, и приводитъ его съ надписаніемъ, котораго нѣтъ въ Мартеневскихъ изданіяхъ. Онъ взялъ документъ изъ рукописнаго кодекса, содержащаго въ себѣ Іерусалимскую исторію (*Historia Hierosolymitana*, то-есть, исторію перваго крестоваго похода) Роберта Монаха. Жаль, что онъ при этомъ ни слова не сказалъ о самомъ кодексѣ, откуда онъ и какого вѣка. Робертъ Монахъ, современникъ перваго крестоваго похода, присутствовалъ на Клермонтскомъ соборѣ; списки его сочиненій очевь древни: въ Парижѣ—XIII вѣка, въ Моупеллье—XII вѣка, въ Компьени—XII вѣка. Надписаніе, которое въ кодексѣ Дюканжа стояло наверху посланія, было слѣдующее:

«Посланія такого содержания (*hoc exemplar epistolae*) за четыре года до славнаго пути Іерусалимскаго отпращены были Константинопольскимъ императоромъ ко всѣмъ западнымъ церквамъ, но особенно (*praecipue tamen*) къ графу Роберту Фландрскому; ибо оный графъ уже воротился отъ гроба Господня съ посохомъ и сумой, и во время сего путешествія они увидѣлись и имѣли между собою привѣтливый и дружественный разговоръ. Но означенный императоръ, какъ самъ жалуется въ своемъ письмѣ, былъ крайне утѣшенъ проклятымъ народомъ языческимъ (*a nefanda gente paganorum*), падъ коимъ власть держалъ Солманъ старый, отецъ младшаго Солмана (то-есть, того, котораго наши впоследствии побѣдили въ воинственномъ столкновеніи, какъ упоминаетъ объ этомъ сія книга, и принудили бѣжать). По сему не мало нужно удивляться, отъ чего сказанный императоръ всегда имѣлъ такую ядовитую душу (*venenosum animum*) противъ нашихъ и не побоялся воздать злою за добро».

Послѣ Дюканжа документъ, въ болѣе исправномъ видѣ, но неизвѣстно по какимъ спискамъ, былъ напечатанъ Мартенемъ, и не однажды, а два раза: сначала въ *Thesaurus anecdotorum novus*, Paris. 1717 года, потомъ въ *Veterum scriptorum et monumentorum historicorum, ecclesiasticorum, dogmaticorum, moralium amplissima collectio*, Paris. 1724 — 39 (t. I, col. 572 sq.). Второе изданіе документа у Мартеия не представляетъ никакого существеннаго отличія отъ перваго, за исключеніемъ болѣе правильнаго и яснаго чтенія нѣкоторыхъ словъ. Такъ, въ первомъ изданіи напечатано: *imperium christianorum Graecorum angustiatur -- a Pincinaois et Turcis*, а во второмъ: -- а *Pincinnatis et Turcis*; далѣе — въ первомъ изданіи читается: *semper a facie Turcorum et Pinemasorum fugio*, во второмъ: *a facie Turcorum et Pincinatorum fugio*. Но одно слово, очевидно, лучше прочтано въ первомъ изданіи, чѣмъ во второмъ, именно: въ первомъ: *regiones et insulae -- usque Thracias ab eis jam invasae sunt*, а во второмъ: *usque Tachias*. <См. ниже, стр. 164*>.

Переходимъ къ вопросу о томъ отношеніи, которое существуетъ между изложеніемъ посланія у Гиберта Ножанскаго (*de Novigento*) и между Дюканже-Мартеневскимъ документомъ, выдающимъ себя за самое подлинное посланіе.

Гибертъ, аббатъ монастыря Ножанскаго (*sanctae Mariae de Novigento, Nogeant sous Cousy*), извѣстный своею автобіографіей (*De vita sua*), есть также авторъ исторіи перваго крестоваго похода, носящей заглавіе: *Gesta Dei per Francos sive Historia Hierosolymitana*. Первая часть этого сочиненія, которая насъ прежде всего интересуетъ, написана или въ 1108 году, или не далѣе какъ въ 1109. Гибертъ говоритъ въ ней о походѣ Боэмунда на Византію, какъ о событіи, еще продолжающемся, и ожидаетъ отъ него большихъ результатовъ — низверженія съ престола Алексѣя Комнина¹⁾. Въ пятой главѣ (первой части) ученый аббатъ сообщаетъ содержаніе того посланія, съ которымъ Византійскій императоръ обратился къ графу Фландріи.

1) [Migne, Patr. lat. t. 156 col. 696: *Auditum tamen nobis constat -- matrem hunc (duxium) habuisse sortilegam -- Cujus oraculum ipsis effectibus explere forsitan Boemundus affectat. Col. 715: praedicti Alexis aggressus est obtinere violenter Imperium.*]

Причина, почему Алексѣй, нуждаясь въ помощи Запада, обратился именно къ Роберту старшему, заключается въ прежнемъ знакомствѣ: Фландрскій графъ «отправился нѣкогда въ Іерусалимъ ради молитвы и случайно, имѣя на пути Константинополь, говорилъ съ самимъ императоромъ, вслѣдствіе чего, внушивъ большое къ себѣ довѣріе, сдѣлался первымъ его прѣбѣжищемъ въ испрошеніи помощи». «Самаго письма» говоритъ Гибертъ «я не хочу помѣщать въ своемъ сочиненіи, но сообщу только нѣчто изъ его содержанія, выразивъ при томъ это собственными моими словами» (Col. 693: *Ipsam autem epistolam, quam inserere opusculo isti omnino piguit, quaedam ibidem dictorum, verbis tamen vestita meis, proferre libuit*).

Гибертъ сообщаетъ затѣмъ изъ письма императора жалобы на превращеніе христіанскихъ церквей въ мечети, въ конюшни, въ стойла для муловъ и другихъ животныхъ; на убійства, совершаемыя надъ христіанами, на насилія, которымъ подвергаются греческія дѣвы и жены и даже лица мужескаго пола. Все взложеніе здѣсь очень близко къ тому, что мы читаемъ въ Марте-невскомъ документѣ; но есть стилистическія отличія, которыя не говорятъ въ пользу первоначальности Гибертова текста сравнительно съ текстомъ Мартеня и Дюканжа.

У Гиберта Алексѣй Комнинъ пишетъ: «впрочемъ, я не буду говорить напрасно объ убіеніи католиковъ, потому что умершимъ въ вѣрѣ предстоитъ воздаяніе жизни вѣчной, а оставшіеся въ живыхъ подъ игомъ жалкаго рабства ведутъ жизнь, какъ я думаю, горчайшую самой смерти». Этого страннаго риторическаго перехода отъ убійствъ, совершенныхъ Турками, къ насиліямъ надъ живыми нѣтъ въ документѣ Мартеня и Дюканжа; точно такъ-же нѣтъ тамъ и слова католикъ. Описавъ мерзкія и срамныя насилія невѣрныхъ надъ христіанами, аббатъ Гибертъ заставляеть Восточнаго императора писать: «Не шадя женскаго пола, что еще можетъ быть извиняемо ради требованій природы, они обращаются и на мужескій, перенося на него злое звѣрство, нарушая законы челоуѣчества». Опять въ документѣ Мартеня, который впрочемъ совершенно близокъ къ Гиберту, нѣтъ этого неумѣстнаго извиненія турецкимъ злодѣйствамъ. Относительно ужасной смерти одного епископа, о чемъ въ документѣ

упомянуто мимоходомъ, въ одной строкѣ, у Гиберта снова стереотипныя фразы монаха-проповѣдника о похоти, «которая чѣмъ чаще погашается, тѣмъ болѣе живымъ пламенемъ возжигается» и т. д. Впрочемъ это послѣднее мѣсто, вопреки изданію, которое у насъ находится подъ руками (и въ которомъ оно отмѣчено ковычками), мы готовы считать за одно изъ размышлений, сопровождающихъ у Гиберта выдержки изъ письма.

Затѣмъ Гибертъ Ножанскій слѣдующимъ образомъ передастъ дальнѣйшее содержаніе письма къ графу Роберту: «Послѣ разсужденія, со многими жалобами, объ осадѣ Константинополя, которой онъ всего болѣе опасался, и которая уже предстояла послѣ перехода (то-есть, Турками) пролива св. Георгія, онъ (императоръ) между прочимъ пишетъ, что, если намъ не представляется другого повода помочь ему, то, какъ онъ утверждаетъ, знаменитѣйшій городъ въ высшей степени достоинъ всякой помощи ради шести Апостоловъ, тѣла которыхъ тамъ погребены, дабы они не были сожжены огнемъ или ввержены въ морскую пучину».

Соотвѣтственно этому въ документѣ Мартеня — исчисленіе провинцій, занятыхъ Турками, до самой Фракіи, указаніе на то, что у Грековъ остается почти одинокъ Константинополь, который, однако, они угрожаютъ скоро отнять, упоминаніе о двухъ стахъ корабляхъ, построенныхъ для нихъ (то-есть, для Турокъ Чахи) Греками, ссылка на помощь, оказанную въ прошедшемъ году Грекамъ латинскими христіанами. И тутъ же замѣчательное сознаніе Алексѣя, что онъ бѣгаетъ предъ лицомъ Турокъ и Печенѣговъ, и, наконецъ, гораздо болѣе подробное вычисленіе мощей и святынь Византійскихъ.

Оставивъ въ сторонѣ другія святыни, перечисленные въ документѣ, аббатъ Гибертъ останавливается на главѣ св. Іоанна Крестителя и пользуется упоминаніемъ объ этой святынѣ въ письмѣ Алексѣя для доказательства, что Анжерскіе монахи совершенно ложно хвалятся такою же точно святынею¹⁾. Вопросъ о святыняхъ мощахъ занималъ ученаго аббата Ножанскаго; онъ написалъ объ этомъ цѣлое сочиненіе (*De pignoribus sanctorum*.

1) [О главѣ св. Іоанна Крестителя см. Ademar. MG. SS. IV, 141.]

Migne, Patrol. lat. t. 156 col. 611 — 680). Но во всякомъ случаѣ замѣчательна его увѣренность въ подлинности и авторитетѣ посланія къ Роберту Фландрскому, если онъ пользуется имъ въ ущербъ интересамъ католичества.

Въ самомъ концѣ у нашего автора приводятся слова, которыя будто бы были написаны Византійскимъ императоромъ и въ которыхъ этотъ послѣдній будто бы соблазнилъ Франковъ прійти къ нему на помощь красотою греческихъ женщинъ, какъ будто, прибавляетъ ученый аббатъ, — греческія женщины въ какомъ-либо отношеніи превосходили французскихъ. Затѣмъ слѣдуютъ довольно пелѣвые рассказы о законодательствѣ Византійскаго императора Алексѣя Комнина, показывающія, что свѣдѣнія Гиберта о Востокѣ не всегда были получаемы изъ чистыхъ источниковъ, и что жоанскій аббатъ былъ весьма душно расположенъ къ Грекамъ и повелителю ихъ. Въ концѣ главы онъ изъявляетъ желаніе, чтобы Боэмунду удалось исполнить то предсказаніе, которое сдѣлала матери Алексѣя одна волшебница, именно, что сынъ, имѣющій отъ нея родиться, будетъ лишенъ царства однимъ Франкомъ.

Внимательный читатель долженъ остановиться на томъ обстоятельстве, что въ концѣ документа, сообщаемого Дюканжемъ и Мартенемъ, нѣтъ той непримечательной похвалы красотѣ греческихъ женщинъ, которую мы находимъ у Гиберта.

Что же слѣдуетъ изъ нашего сличенія Мартеневской редакціи посланія и его изложенія Гибертомъ?

Обѣ редакціи — и полная у Мартеня, и сокращенная у Гиберта — находятся въ такомъ несомнѣнномъ и близкомъ родствѣ одна съ другою, что, дѣйствительно, нельзя ихъ считать самостоятельными, но одна непременно происходитъ отъ другой.

Никакъ нельзя думать, чтобы болѣе полная редакція была переработкою болѣе краткой редакціи Гиберта, монашескою поддѣлкою именно на тему, сообщенную Гибертомъ. 1) Полная редакція, какъ мы ее читаемъ у Мартеня, сообщаетъ гораздо болѣе вѣрныхъ и точныхъ историческихъ фактовъ, чѣмъ ихъ находится въ изложеніи Гиберта Ножанскаго. Гибертъ Ножанскій, подобно всѣмъ западнымъ историкамъ крестовыхъ походовъ, ничего не знаетъ объ одномъ изъ главныхъ враговъ Византій-

ской имперіи, именно о Печеньгахъ; въ самомъ изложеніи посланія Алексѣева у него нѣтъ ни одного мѣста, въ которомъ упоминалось бы объ этихъ кочевникахъ. Между тѣмъ документъ, сообщаемый Мартенемъ и Дюканжемъ, нѣсколько разъ называетъ Печеньговъ и указываетъ на ихъ грозную роль въ печальныхъ судьбахъ имперіи. Изъ Анны Компиной мы знаемъ, что Алексѣй Комнинъ дѣйствительно нѣсколько разъ бѣгалъ отъ этихъ свирѣпыхъ враговъ, что они не задолго до прихода крестоносной рати являлись предъ воротами Константинополя. Гибертъ Ножанскій ничего не знаетъ о флотѣ, построенномъ для Турокъ малоазіатскими Греками, а редакція Мартеня упоминаетъ объ этомъ фактѣ, извѣстномъ намъ по книгѣ цесаревны Анны, и т. д. 2) Приведенное у Дюканжа надписаніе, которое послѣ документъ, приложенный къ сочиненію монаха Роберта, указываетъ на годъ отправленія письма къ графу Роберту, чего опять нѣтъ у Гиберга, и указываетъ совершенно вѣрно, если мы будемъ считать началомъ Іерусалимскаго пути Клермонтскій соборъ или даже движеніе народныхъ массъ съ Петромъ Пустынникомъ и другими. 3) Въ краткой редакціи Гиберта есть нѣкоторыя странныя мѣста, обличающія церковную монашескую риторику, есть въ отдѣльныхъ случаяхъ бросающаяся въ глаза, надутая амплификація, въ сравненіи съ которою полный текстъ является болѣе естественнымъ, простымъ и на сей разъ даже болѣе краткимъ. 4) Въ редакціи Мартеня нѣтъ крайне страннаго мѣста о греческихъ женщинахъ, что, очевидно, прибавилъ отъ себя аббатъ Гибертъ.

Итакъ, остается сказать то, что говорилъ въ сущности и самъ авторъ краткой редакціи посланія. Гибертъ передавалъ своими словами и съ большими сокращеніями (нѣчто, *quaedam*) болѣе полный текстъ посланія, именно тотъ самый текстъ, который мы теперь имѣемъ въ изданіяхъ Дюканжа и Мартеня. 321 Извѣстно, что аббатъ Ножанскій былъ необычайно высокаго мнѣнія о себѣ, своей учености и своихъ литературныхъ талантахъ. Ему не нравился стиль посланія, и вотъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придалъ ему болѣе приличную, по его мнѣнію, форму, прибавилъ своей риторики и, сверхъ того, одну пикантную черту, что совершенно соотвѣтствуетъ его литературному характеру.

Для дальнѣйшихъ соображеній мы должны предварительно указать еще на одно обстоятельство, которое осталось неизвѣстнымъ Зибелю и до сихъ поръ не было никѣмъ замѣчено. Полный текстъ посланія существовалъ въ началѣ XII вѣка и былъ извѣстенъ не одному Гиберту. Мы не хотимъ говорить о заглавной припискѣ въ Иерусалимской исторіи монаха Роберта. Есть другой писатель, который приводитъ, не указывая, впрочемъ, на источникъ, отрывокъ изъ посланія императора Алексѣя къ графу Роберту Фризу, именно ту его часть, которая подверглась самому сильному сокращенію у Гиберта Ножаускаго. Гуго изъ Флеря, авторъ «дѣяній новыхъ королей французскихъ» (отъ Карла Лысаго до Людовика VII), посвящавшій свои сочиненія то Адель, женѣ Стефана Блуа, дочери Вильгельма Завоевателя, слѣдовательно, племянницѣ графа Роберта Фландрскаго, то Матильдѣ, внучкѣ Вильгельма, дочери Генриха I Англійскаго, и вообще литераторъ, имѣвшій самыя высокія связи, предъ которыми могли быть открыты семейные архивы царствующихъ домовъ королевской Англіи и графской Фландріи¹⁾, воспользовался документомъ, доставшимся въ его руки, при описаніи Клермонтскаго собора и отчасти вложилъ въ уста папы Урбана то, что было написано императоромъ Алексѣемъ въ посланіи къ графу Роберту къ самому папѣ и что, вѣроятно, было прочитано на соборѣ. Благодаря документу, находившемуся въ его рукахъ, Гуго Флерійскій, одинъ изъ всѣхъ западныхъ историковъ перваго крестоваго похода, упомянулъ на ряду съ Турками и о Печенѣгахъ (см. MG. SS. IX, 392: *imperium enim orientale a Turcis et Pincenatis graviter infestabatur*) и могъ перечислить провинціи и острова, потерянные Грекамъ, равно какъ и главныя, но все-таки многочисленныя святины, хранившіяся въ Константинополѣ: все это, повторяемъ, съ букввальнымъ тождествомъ въ отношеніи къ редакціи посланія, изданной Дюканжемъ и потомъ Мартенемъ.

1) См. MG. SS. IX, 376, предисловіе къ сочиненію «*Hugonis Floriacensis modernorum regum Francorum actus*»; также Wattenbach, *Deutschlands Geschichtsquellen*, II, 189—190 (5-изд.) Сочиненіе Гуго доведено до смерти короля Филиппа, до 1108 года, но посвященіе, которое могло быть прибавлено послѣ, писано только въ 1114 году, потому что Матильда названа въ немъ императрицей, а она вышла за Гейнриха V Германскаго только въ 1114 году. Ср. MG. SS. IX, 376.

Мы не имѣемъ подлинныхъ актовъ Клермонтскаго собора и не знаемъ дѣйствительной рѣчи Урбана II; позднѣйшіе историки, какъ Вальгельмъ Тирскій, при ея передачѣ болѣе упражнялись сами въ ораторскомъ искусствѣ, чѣмъ заботились ознакомить потомство съ искусствомъ папы Урбана¹⁾. Очевидцы, присутствовавшіе на соборѣ (Балдрихъ Дольскій, Гибертъ и монахъ Робертъ), отказываются отъ буквальной передачи всемірно-исторической Клермонтской рѣчи и сообщаютъ на память общее ея содержаніе²⁾. Но ни одинъ изъ нихъ не заставляетъ папу Урбана упоминать о Константинополѣ и его святыняхъ, то-есть, никто не сообщаетъ ничего подобнаго тому, что мы можемъ читать у Гуго Флерійскаго. Несомнѣнно, поэтому, что послѣдній составилъ Клермонтскую рѣчь самъ и, не желая утруждать свое воображеніе, взялъ готовое содержаніе изъ вышеуказаннаго источника. Но вельзя, наконецъ, пройти молчаніемъ и того, также не замѣченнаго до сихъ поръ обстоятельства, что у монаха Роберта, одного изъ трехъ очевидцевъ Клермонтскаго собора, слышавшихъ рѣчь папы Урбана, въ его передачѣ этой рѣчи есть нѣсколько строкъ, почти буквально сходныхъ съ начальными строками посланія къ графу Роберту: *Altaria suis foeditatibus inquinata subvertunt, Christianos circumcidunt, cruoremque circumcisionis aut super altaria fundunt aut in vasis baptisterii immergunt* (Robert. Monach., Recueil des hist. des crois. Hist. occid., III, 727). Этого очень не много, чтобы дѣлать какія-либо заключенія, но, если-бы кто захотѣлъ ихъ дѣлать, то мы, съ своей стороны, напомнили бы о приложеніи къ кодексу Дюканжа, заключающему рукопись Іерусалимской исторіи Роберта Монаха, то-есть о документѣ — посланіи Алексѣя, которое взято Дюканжемъ изъ этой рукописи. Развѣ не позволительно догадываться, что самъ монахъ Робертъ приложилъ къ своей исторіи письмо Алексѣя къ Роберту и что, слѣдовательно, могъ имъ воспользоваться и въ текстѣ своего сочиненія?

1) Sybel, Gesch. des ersten Kreuzzugs, S 185.

2) Guiberti Gesta Dei, Migne, Patr. lat. t. 156 col. 699. His ergo, etsi non verbis, tamen intentionibus usus est. — Baldric. Dolens, Migne, Patr. lat. t. 168 col. 1069: His vel hujuscemodi alius a Domino apostolico -- intimatis

Гуго Флерійскій писалъ свое сочленіе въ одно время съ Гибертомъ Ножанскимъ и совершенно независимо отъ него; тѣмъ не менѣе Гибертъ уже читалъ въ своемъ источникѣ и передавалъ въ сильномъ сокращеніи то мѣсто посланія, гдѣ заключались многія жалобы — *multa querela tractaret* — Алексѣя на опасности, угрожающія имперіи и Константинополю, жалобы, подробно изложенныя какъ Гуго Флерійскимъ, такъ и въ полной редакціи письма къ графу Роберту Фризю. Это совершенно устраняетъ всякую возможность предположенія, къ которому могли бы прибѣгнуть защитники подложности Мартеновскаго документа, именно, что средневѣковой монахъ, поддѣлавшій документъ, составилъ его изъ двухъ частей, одну взявъ у Гиберта, другую у Гуго. Но дѣло въ томъ, что Гибертъ ранѣе своего предполагаемаго фальсификатора читалъ и сокращалъ то, что приписывается фальсификаціи.

Остается еще одинъ, послѣдній, вопросъ. Документъ, напечатанный у Дюканжа и Мартеня, былъ уже извѣстенъ въ началѣ XII вѣка, былъ извѣстенъ разнымъ писателямъ, независимымъ другъ отъ друга, былъ довольно распространенъ въ образованной средѣ. Не былъ ли онъ, тѣмъ не менѣе, искусною поддѣлкою, которая появилась ранѣе, чѣмъ начали писать два сейчасъ названные автора, то-есть, въ самыхъ первыхъ годахъ XII столѣтія или даже въ концѣ XI? Но пусть намъ тогда укажутъ, кто изъ западныхъ монаховъ или вообще образованныхъ и грамотныхъ людей могъ знать такъ хорошо исторію Византіи за 10 лѣтъ или даже 5 лѣтъ назадъ, какъ ея не зналъ ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ писателей? Мы уже указывали на то обстоятельство, что, не говоря объ Алексіадѣ Анны Компиной, только въ одномъ посланіи мы читаемъ о Печенѣгахъ, заставляющихъ бѣгать императора Византійскаго, о флотѣ малоазіатскихъ Сельджуковъ, о помощи, оказанной Франками Грекамъ въ Азіи около 1090 года. Все это факты, въ послѣдствіи изложенные подробно въ сочиненіи, написанномъ дочерью императора Алексѣя, но до появленія ея исторіи и даже послѣ остававшіеся неизвѣстными историкамъ крестовыхъ походовъ. Всѣ эти писатели «Іерусалимскихъ исторій» и «Дѣяній Бога чрезъ Франковъ» знаютъ Печенѣговъ въ томъ положеніи, въ какомъ они были послѣ 1091 года,

то-есть, какъ особое воинственное племя, живущее въ предѣлахъ Восточной имперіи, подвластное Византійскому императору, составляющее часть его арміи и крайне непріятное для крестоносцевъ. «Не спасла тебя отъ этихъ (турецкихъ) мечей, благородный Константинополь, ни тысячеобразная хитрость твоего царя, ни многолюдство гражданъ, не защитило тебя множество Варяговъ, твоихъ Туркопуловъ или Печенѣговъ» (Eckehardi Chron., MG. SS. VI, 212): вотъ роль Печенѣжской орды, извѣстная лучшимъ западнымъ писателямъ начала XII вѣка. Печенѣги производили очень сильное впечатлѣніе на крестоносцевъ Западной Европы и остались имъ чрезвычайно памятны, но только какъ орудіе позорной и вѣроломной, въ ихъ глазахъ, политики Алексѣя, употребляемое противъ воиновъ Христа, когда они обнаруживали стремленіе сильно загоститься въ Византіи, и т. п.

Послѣднимъ убѣжищемъ скептицизма можетъ быть предположеніе, что документъ былъ поддѣланъ ранѣе монахомъ, жившимъ на Западѣ, либо въ Византійской имперіи, наконецъ— въ самомъ Константинополѣ. Но съ какою цѣлью? Зачѣмъ было составлять подложныя письма отъ имени Алексѣя Комнина съ призывомъ западныхъ христіанъ на помощь, когда одновременно были подлинныя такого же содержанія? А что такія были, мы знаемъ изъ сочиненія Анны Комниной. Она говоритъ, что ея отецъ въ роковую зиму 1091 года обращался съ просьбой о помощи во всѣ стороны, призывалъ Половцевъ, ожидалъ войска изъ Рима, ранѣе того получалъ отъ Роберта Фриза вспомогательный отрядъ изъ 500 рыцарей. Прежде крестоваго похода— около 1091 года (на этотъ годъ указываетъ надписаніе документа въ рукописи Дюканжа)—подлогъ могъ быть сдѣланъ только съ желаніемъ пользы Византійской имперіи, въ интересахъ Алексѣя. Есть нѣкоторые признаки, что документъ былъ даже написанъ первоначально на греческомъ языкѣ и переведенъ на латинскій не совсѣмъ искусно въ самомъ Константинополѣ. Императоръ Алексѣй пишетъ къ своему другу, графу Роберту, чтобъ онъ велъ къ нему на помощь всѣхъ, кто изъявитъ на то согласіе въ его землѣ, «дабы подобно тому, какъ въ предыдущемъ году они (то-есть, воины земли графа Роберта, *bellatores--in terra tua?*) нѣсколько освободили отъ ига язычниковъ Галатію и другія царства запад-

ныхъ (?), такъ и нынѣ попыталъ освободить царство Греческое: sicut Galaciam (другое чтение: Galiciam) et cetera Occidentalium regna, anno preterito, a iugo paganorum aliquantulum liberaverunt. Что касается до Галатіи, то тутъ большіхъ сомнѣній быть не можетъ. Старинная провинція Галатія граничила съ Вioenіей; византійская тема Вукелларіевъ (τῶν Βουκελλαρίων), соотвѣтствующая ей въ официальномъ раздѣленіи имперіи, съ главнымъ городомъ Анкирой¹⁾, заключала въ себѣ Клавдіополь, Гераклею, Прусію (Брусу) и даже городъ Василию (Βασίλειον), который, по словамъ Анны (р. 171 D), находился только въ 12 стадіяхъ отъ Никеи²⁾. Такимъ образомъ фландрскіе рыцари, присланные Робертомъ на помощь Алексѣю (Anna р. 201D sq.) и 324 потомъ отправленные сямъ послѣднимъ противъ эмира Никейскаго, угрожавшаго Никомидіи, должны были дѣйствовать и дѣйствовали именно въ Вукелларійской темѣ, или, что почти то же — въ Галатіи (См. Constant. Porphyrog., De thematibus I р. 28 Вонд.). Но дальнѣйшія слова — cetera Occidentalium regna — могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда мы переведемъ ихъ на греческій языкъ: καὶ τὰς ἄλλας τῶν δυτικῶν ἐπαρχίας. Извѣстно, что провинціи Византійской имперіи раздѣлялись на два разряда: на западныя, то-есть европейскія, и на восточныя, то-есть азіатскія (τὰ δυτικὰ θέματα и τὰ ἀνατολικά); извѣстно, что византійскіе писатели вмѣсто официального термина θέμα (тема) постоянно употребляютъ слово ἐπαρχία, точно такъ, какъ вмѣсто административнаго дѣленія имѣютъ чаще въ виду старое историческое. Греческія слова, которыя мы поставили вмѣсто латинскихъ cetera occidentalium regna, могутъ значить или: «и другія провинціи, принадлежащія западнымъ», то-есть, другія азіатскія провинціи, остающіяся во власти западныхъ европейскихъ Грековъ, или же, со значеніемъ слова ἄλλος у классическихъ писателей: «и другія провинціи — западныя», то-есть, подъ другими провинціями будутъ разумѣться уже провинціи самихъ западныхъ Грековъ или европейскія провинціи. — То и другое толкованіе не

1) [Врусс. р. 65, 14: τὴν τῶν Γαλατῶν μητρόπολιν κατέλαβεν Ἄγκυραν.]

2) [Ср. Врусс. р. 160, 4: καὶ τὰ Βιθυνῶν διελθὼν ὄρια ἐστρατοπέδευσε περὶ τι καστέλλιον ὃ καλοῦσι Βασιλέα, πλείον ἢ τεσσαράκοντα σταδίων Νικαίας ἀπέχον.]

будеть противорѣчить извѣстнымъ намъ историческимъ фактамъ. Фландрскіе рыцари явились къ Алексѣю тогда, когда онъ боролся еще въ Европѣ съ Печеньгами; если не они, то другіе «латиняне» прямо упоминаются какъ помощники Алексѣя, съ которыми онъ одержалъ нѣкоторые успѣхи противъ Печеньговъ въ 1089 — 1090 годахъ (Анна р. 205 АВ. 210 D. 227 В). Что касается другихъ восточныхъ провинцій, помимо Галатіи, то очень можетъ быть, что фландрскій отрядъ участвовалъ въ счастливыхъ дѣйствіяхъ Θεодора Гавры, положившихъ начало Трапезунтскому царству (Анна р. 240). Если кому переводъ слова *ἐπαρχία* латинскимъ словомъ *regnum* представится невозможнымъ, то вмѣсто нашего перевода онъ можетъ сдѣлать другой, съ удержаніемъ слова *βασιλεία*, соответствующаго *regnum*, напримѣръ: *Γαλατίαν καὶ τὰ ἄλλα τῆς τῶν δουτικῶν βασιλείας*, или же, наконецъ, предполагая пропускъ одного слова: *καὶ τὰ ἄλλα τῆς τῶν δουτικῶν Ῥωμαίων βασιλείας*. Во всякомъ случаѣ непонятное на первый взглядъ выраженіе документа можетъ быть легко объяснено, и объяснено такъ, что оно послужитъ новымъ доказательствомъ его подлинности. Противоположность между западными европейскими провинціями Византійской имперіи и азіатскими восточными существовала только для Грека и, слѣдовательно, только Грекъ могъ написать первоначальный текстъ документа, текстъ греческій.

Мы считаемъ излишнимъ говорить о той странности, что въ документѣ нѣтъ слѣдовъ обычнаго высококомѣрнаго тона греческой дипломатіи. Отчаянное положеніе имперіи и глубокій упадокъ духа въ императорѣ Алексѣѣ, достаточно ясны изъ фактовъ и другихъ несомнѣнно подлинныхъ документовъ, приведенныхъ въ статьѣ, вполне объясняютъ отсутствіе высококомѣрнаго тона.

Мимоходомъ мы упомянули о греческомъ патріотизмѣ, возникающемъ противъ истинности историческаго факта, что Византійскій императоръ Алексѣй предъ первымъ крестовымъ походомъ обращался къ Западу съ просьбой о помощи. Мы имѣли въ виду лекцію ученаго профессора Аѳинскаго университета Папарригопуло, напечатанную въ журналѣ Пандора (*Πανδώρα*,

1859 г., ноября, стр. 380 *). Эта лекція заслуживаетъ вниманія. Папарригопуло весьма остроумно доказываетъ, что Алексѣй 326 Комнинъ, побѣдившій Нормановъ, Печенѣговъ, Кумановъ, вовсе не нуждался въ помощи Запада для того, чтобы справиться съ раздѣленными и ослабленными Сельджуками: это былъ врагъ менѣе опасный, чѣмъ прежніе. Но изъ этого слѣдуетъ то, что Византійскій императоръ не обращался къ Западу въ 1095 или 1096 году, о чемъ разсуждать мы теперь не имѣемъ нужды, ибо мы доказываемъ, что онъ просилъ этой помощи въ 1091 году, когда не были побѣждены ни Печенѣги, ни Половцы. Папарригопуло опирается на то, что византійскіе «хронографы» ни слова не говорятъ о приглашеніи Алексѣемъ западныхъ христіанъ къ себѣ на помощь предъ первымъ крестовымъ походомъ. Это вѣрно опять по отношенію къ годамъ, непосредственно предшествующимъ 1096 году; но, описывая событія 1091 года, дочь Алексѣя говоритъ, что ея отецъ ожидалъ помощи изъ Рима. Аѳинскій профессоръ знаетъ посланіе Алексѣя Комнина къ графу Роберту по двумъ сборникамъ Мартеня и Дюрана и пользуется (р. 383) невѣрною датой, поставленною въ «Amplissima collectio» (именно 1100 годъ), для опроверженія его подлинности; но для ученаго профессора осталось неизвѣстнымъ изданіе документа у Дюканжа, который сообщилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рукописное предисловіе къ документу, опредѣляющее время его происхожденія весьма точно, ясно и согласно со всѣми другими историческими данными **).

Такъ какъ документъ, о которомъ намъ пришлось такъ много говорить, находится въ рѣдкихъ изданіяхъ, то большую часть его мы приводимъ здѣсь точнымъ образомъ; это тѣмъ нужнѣе, что въ текстѣ статьи мы не нашли удобнымъ передать его въ буквальномъ переводѣ. Для доставленія читателю возможности про-

*) <Ср. Παπαρρηγόπουλου Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους, IV, 2 изд. (1887), стр. 451 сл. Его же Histoire de la civilisation hellénique, Paris 1878, стр. 337 сл. Его же Lettre d'Alexios Comnène à Robert V comte de Flandre въ Bulletin de corresp. hellén. IV (1880), стр. 24 сл., и по гречески въ Παρνασσός IV (1880), стр. 89 сл.>

***) <Къ вопросу о подлинности посланія Алексѣя Комнина В. Г. Васильевскій вернулся въ статьѣ «Письмо Алексѣя Комнина къ графу Роберту Фландрскому» въ Журн. Мин. Нар. Пр. Ч. 207 (1880 г.), Отд. II, стр. 228 сл. О дальнѣйшей исторіи вопроса F. Chalandon, Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène, Paris 1900, стр. 325 сл.>

вѣрять наши выводы, мы ставимъ параллельно текстъ Гиберта Ножацкаго и указанное нами заимствованіе Гуго Флерійскаго. То, что мы опускаемъ въ текстѣ документа изъ соображеній чисто внѣшняго характера, не имѣетъ существенной важности.

Martène et Durand, Amplissima collectio, t. I, col. 572 sq. *)

O inclitissime comes! et maxime christiane fidei consolator! notificare prudencie vestre volo, quantum sanctissimum imperium christianorum Grecorum angustiatur fortiter a Pincinatis et Turcis, et cotidie depredatur, et acquiritur sine intermissione, et fiunt ibi cedes diverse et inenarrabiles christianorum interfectiones et derisiones. Sed quia sunt multa mala que agunt, et, ut diximus, inenarrabilia, de multis dicamus pauca, que tamensunt auditu horribilia, et que conturbant eciam ipsum aerem. Nam pueros et iuvenes christianorum circumcidunt super baptisteria christianorum, et circumcisionis sanguinem, in despectum Christi, fundunt in eisdem baptisteriis, et de-

828 super eos mingere compellunt, et deinceps in circuitu ecclesie eos violenter deducunt, et nomen et fidem sancte Trinitatis blasfe-

Guiberti abbatis S. Mariae de Novigento Gesta Dei per Francos (Migne, Patr. lat., t. 156 col. 693 sq. *)

De ecclesiis querimonia est quas siquidem gentilitas, eversa christianitate, tenebat, in quibus equorum ac mulorum, ceterorumque animalium catabula construebat. Quod in tantum verum fuit, ut etiam fana sua, que Machomarias vocant, inibi instituerent, et infinite quoque turpitudinis commercia exercerent, ut non iam basilice, sed meritoria et scene fierent. Porro de catholicorum necibus frustra agerem, quum mortuis in fide vite eternalis videretur instare concambium, superstites submiseri iugo famulatus vitam gererent, ipsis, ut arbitror, mortibus acriorem.

*) <Приводимъ тексты «пославія» и Гиберта по изданію графа Ріана (Riant): Alexii I Comneni -- ad Robertum I epistola spuria, Genevæ 1879, гдѣ «пославіе» читается на стр. 10 сл., а извлеченіе изъ Гиберта на стр. 21 сл.>

mare compellunt. Illos vero nolentes ea, diversis penis affligunt, et ad ultimum eos interficiunt. Nobiles vero matronas ac earum filias, depredatas, invicem succedendo ut animalia, adulterando deludunt. Alij vero, corrumpeudo turpiter, virgines statuunt ante facies earum matres, compellentes eas nepharias et luxuriosas decantare cantilenas, donec compleant ipsa sua nefaria. -- veniamus ad deteriora: totius etatis et ordinis viros, id est pueros, adolescentes, iuvenes, senes, nobiles, servos, et, quod peius et impudencius est, clericos et monachos, et heu! proh dolor! et quod ab initio non dictum neque auditum est, episcopos, Sodomitico peccato deludunt, et eciam unum episcopum sub hoc nephario peccato iam crepnerunt. Loca vero sancta innumerabilibus modis contaminant et destruunt, et peiora eis minantur. Et ad hec quis non plangit? quis non compatitur? quis non horret? quis non orat? nam pene tota terra ab Iherusalem usque Greciam, et tota Grecia cum suis regionibus superioribus, que sunt Capadocia minor, alia maior, Frygia, Bithinia, minor Frygia, id est Troia, Pontus, Galacia, Lidia, Pamfalia, Ysauria, Licia, et

Virgines enim fidelium deprehense publicum fieri precipiebantur scortum, quum nusquam pudori deferretur ac honestati coniugum. Matres correpte in conspectu filiarum, multipliciter repetitis diversorum coitibus vexabantur, quum filie assistentes, carmina precipinere saltando nefaria inter huiusmodi cogarentur. Eadem statim passio, quod dici quidem et dolor et pudor est, revolvebatur ad filias, que etiam feditas obscenis infelicitum matrum cancionibus ornabatur. Totius denique nominis reverencia christiani prostibulo tradebatur. Quumque sexui femineo non parcitur, quod tamen excusari poterit pro competenti natura, in masculinum, pecualitate transgressa, solutis humanitatum legibus, itur.

Unde, ut unius execranda et penitus intolerabili auribus maiestate flagicij, illa, que in mediocres et infimos defurebat, petulantia panderetur, dicit (Alexius): quemdam eos abusione Sodomitica interemisse episcopum. (Далѣе слѣдуетъ отрывокъ, который мы не выписываемъ, потому что онъ представляетъ, быть можетъ, соб-

insule principales Chios et Mitylena, et multe alie regiones et insule, quas non valemus modo enumerare, usque Thracias, ab eis iam invase sunt; et fere iam nichil remansit nisi Constantinopolis, quam ipsi minantur citissime nobis auferre, nisi auxilium Dei et fidelium christianorum Latinorum velociter nobis subvenerit. Nam et Propontidem, qui et Avidus dicitur, et ex Ponto iuxta eamdem Constantinopolim in Mare Magnum decurrit, cum ducentis navibus invaserunt, quas Greci, ab eis predati, fabricaverant, et remigiis, velint nolint, deducunt, et minantur, tam per terram quam per eandem Propontidem, Constantinopolim, ut diximus, velociter capere. -- Igitur, pro Dei amore -- rogamus ut quoscumque fideles Christi bellatores, tam maiores quam minores cum mediocribus, in terra tua acquirere poteris, ad auxilium mei et Grecorum christianorum, huc deducas, et sicut Galiciam (Galaciam), et cetera Occidentalium regna, anno preterito, a iugo paganorum aliquantulum liberaverunt, ita et nunc, ob salutem animarum suarum, regnum Grecorum liberare temptent, quum ego, quamvis imperator, nullum

свое собственное размышление Гиберта, хотя въ изданіи и отмѣченъ ка-вычками).

Hugonis Florialensis Modernorum regum Francorum Actus (MG. SS. IX, 392 sq.).

Eodem etiam anno (1095) Urbanus papa venit in Galliam, et magnum apud Clarummontem concilium -- celebravit. Imperium enim orientale a Turcis et Pincenatis graviter infestabatur, et iam Capadocia minor et maior et Frigia maior et minor et Bithinia simul et Asia, Galacia quoque et Libia et Pamphilia et Isauria et Licia et insulae principales illarum regionum, Chio videlicet et Mithylena, ab eis captae tenebantur, et fiebant cotidie diversae cedes christianorum et derisiones in Christum dominum et in religionem nostram. Unde papa in memorato concilio exortatus est Gallorum gentem, quam noverat bellicosissimam, ut viriliter oppressis fratribus succurrerent, ne eorum temporibus christianismus in Orientis partibus penitus deperiret. Asserebatque, gloriosam et ineffabilem mercedem in celo assecuturos esse eos omnes, qui cruce Domini insigniti propter hoc negotium exequendum peterent sanctum sepulchrum.

tamen michi remedium, neque idoneum consilium scio invenire; sed semper a facie Turcorum et Pincinatorum fugio, et tamdiu in singula civitate maneo, donec adventum eorum prope sencio, et melius esse subiectus vestris Latinis cupio, quam paganorum ludibriis. Ergo, antequam capiatur ab eis Constantinopolis, certare totis viribus maxime debetis, ut gloriosam et ineffabilem mercedem in celo gaudentes recipiatis. Nam melius est ut vos habeatis Constantinopolim, quam pagani, quia in ea habentur preciosissime reliquie Domini, id est: statua, ad quam fuit ligatus; flagellum, a quo fuit flagellatus; chlamys coccinea, qua fuit indutus; corona spinea, qua fuit coronatus; harundo, quam vice sceptri in manibus tulit; vestimenta, quibus ante crucem exspoliatus fuit; pars maxima ligni crucis¹⁾, in qua crucifixus fuit; clavi, quibus affixus fuit; linteamina, post resurrectionem eius inventa in sepulchro; duodecim cophini fragmentorum ex quinque panibus et duobus piscibus; caput²⁾ cum

Monebat etiam, ut antequam barbari Constantinopolitam urbem sibi subicerent, eo festinarent; in qua est statua, ubi Christus fuit ligatus et flagellatus, et clamis coccinea, qua fuit indutus, et spinea corona, qua fuit coronatus, et flagellum quo fuit flagellatus, et arundo quam pro sceptro tenuit, et vestimenta quibus antequam crucifigeretur exspoliatus fuit, et quedam¹⁾ porcio crucis in qua confixus pependit, et clavi quibus affixus fuit, et aliae simul sanctae reliquiae, quae magnum omnibus christianis generarent detrimentum si amitterentur.

1) [Ср. хрисовулъ Романа Старшаго 924 г. монастырю Ксиропотамскому, Zachariae v. Lingenthal, Jus graeco-romanum, III, prolegom. p. XXVII sq.]

2) [Глава Иоанна Предтечи перенесена въ Константинополь въ 384 или 391 году. См. Chron. Pasch. p. 564, 17. Zonar. II, 227 D. Sozom. VII, 21 (Migne Patr. gr. t. 67 col. 1481 sq). Hertzberg, Gesch. Griech. III, 416]

capillis integrum et barba¹⁾ sancti Iohannis Baptiste; reliquie vel corpora multorum innocencium, quorundam prophetarum et apostolorum, martyrum et maxime sancti Stephani protomartyris, et confessorum ac virginum, que, ob nimium incrementum, singulariter scribere intermisimus. Que tamen omnia predicta christiani magis quam pagani habere debent; et nunimen magnum erit omnibus christianis, si hec omnia habuerint, detrimentum vero et iudicium, si perdidierint. Quod si ob hoc certare noluerint, et aurum magis amaverint, in ea plus invenient quam in toto mundo.--Currite ergo cum tota gente vestra, et ex omnibus viribus vestris certate! ne talis thesaurus in manus Turcorum et Pincinatorum cadat: quia, dum sint infiniti, adhuc LX millia expectantur cotidie, et timeo ne per illum thesaurum paulatim nostros seducant cupidos milites, quemadmodum Iulius Cesar olim fecit, qui regnum Francorum cupiditate invasit, et quomodo Antichristus, capturus totum mundum, in fine mundi est acturus. Agite ergo! dum tempus habetis, ne christianorum regnum et, quod maius est,

Guiberti abbatis Gesta Dei (Migne, Patr. lat. t. 156 col. 694).

Quum ergo de Constantinopolitana, quam potissimum verebatur, et que, transito sancti Georgij Brachio, imminebat, obsidione, multa querela tractaret, inter cetera intulit: «Quod videlicet, si non alia subveniendi sibi videretur nobis occasio, saltem propter senos, quorum corpora ibidem tumultata habentur apostolos, ne ab impiis aut incendio conflagrentur, aut invoragines demergantur, celeberrimam perhibet civitatem omnimodo opitulacione dignissimam»... Sequitur demum post apostolorum illationem, et dicit: «apud se beati Iohannis Baptiste caput haberi, quod», quamvis falso dicat, «hodieque, ac si viventis, capillis et cute videatur insigniri»... Preterea adiicit ut, «Si non tanti cohibicio mali, si non prefatorum sanctorum ad hoc ipsum eos animaret amor; saltem auri argentique, quorum innumerabiles illic habentur copie, cupiditas illiceret». Infert denique et quiddam bonorum virorum frugalitati incompetens, ut videlicet, «preter hec universa, pulcherrimarum femi-

1) [Ср. Leo Diac. p. 166, 3 Bonn. Παπαρρηγόπουλος IV, 208.]

Domini perdati sepulchrum, et inde non iudicium, sed mercedem habeatis in celo. Amen.

narum voluptate trahantur», quasi Grecarum mulierum species tanta esset, ut Gallicis modo quolibet preferrentur, solaque earum causa Francorum exercitus in Thraciam ageretur.

V.

Объ испытаніи воли Божіей двумя жребіями.

Указанный въ статьѣ (стр. 112) обычай находится, безъ сомнѣнія, въ связи съ гаданіемъ посредствомъ книгъ Священнаго Писанія, извѣстнымъ въ самой глубокой древности, съ такъ называемыми *sortes*. Еще Греки и Римляне гадали по Гомеру и Виргилію, раскрывая наудачу то или другое мѣсто и принимая первый попавшійся стихъ какъ изреченіе оракула¹⁾. Гомера и Виргилія замѣнили у христіанъ, сохранившихъ суевѣрное стремленіе проникать въ тайны будущаго, очень естественно — книги Священнаго Писанія; на западѣ явились *sortes sanctorum* (scilic. *bibliorum*), которыя состояли въ томъ, что вѣрующій, закрывъ глаза, развертывалъ Библию или сочиненіе одного изъ отцовъ церкви, и смыслъ попавшагося заранѣе опредѣленнаго стиха или строчки принималъ какъ отвѣтъ на вопросъ, обращенный къ судьбѣ. Церковь не преслѣдовала этого обычая, хотя и не одобряла его исполнѣ. Она различала *sortes divinatoriae* и *sortes consultoriae*: различіе понятно изъ самаго названія²⁾. Обычай гаданія по книгамъ Священнаго Писанія существовалъ и у насъ, какъ извѣстно изъ поученія Владиміра Мономаха, изъ Ипатьевской лѣтописи (подъ 6484 годомъ, о Владимірѣ Васильковичѣ); въ одной рукописи XIV вѣка при псалмахъ находится рядъ подстрочныхъ

1) Лампридій рассказываетъ объ Александрѣ Северѣ (cap. 14): *asperisae dicitur uerbus adhuc paruulus; et primum quidem sortibus: Te manet imperium caeli terraeque.*

2) Любопытныя подробности можно найти между прочимъ въ слѣдующемъ сочиненіи: Fehr, *Staat und Kirche im Fränkischen Reiche*, 1869, стр. 450 сл. [Félix Rocquain, *Des sorts des saints ou des apôtres*, въ *Bibliothèque de l'École des chartes*, 1880, стр. 457 сл.]

замѣчаній для объясненія смысла пророчества примѣнительно къ вопросамъ разнаго рода. (См. статью И. И. Срезневскаго, Гадальныя приписки къ пророческимъ книгамъ Св. Писанія. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, XXXIV). Обычай пришелъ къ намъ изъ Византіи, гдѣ гаданіе по священнымъ книгамъ было также распространено, какъ это видно изъ многихъ примѣровъ, относящихся между прочимъ и къ XII вѣку. (См. Сиппам. р. 209, 22 и примѣчаніе Дюканжа къ этому мѣсту. Интересно, что и къ Магометанамъ перешелъ тотъ же самый приемъ гаданія, см. Fleischer, Ueber die Loosbücher der Muhammedaner въ Berichte über die Verhandl. der Kgl. Sächsischen Gesellsch. der Wissenschaften zu Leipzig, Philolog.-Hist. Classe за 1861 годъ, стр. 24 сл.).

Первый извѣстный намъ примѣръ двухъ писанныхъ жребіевъ-свитковъ есть сказаніе о чудѣ великомученицы Евфиміи. Мы прочтали о немъ въ одномъ изъ послѣднихъ рассказовъ Амедея Тьерри, относящихся къ византійской исторіи (*Revue des deux mondes* за мартъ и апрѣль 1872 г., t. 98, p. 69. 507), и потомъ находимъ это описаніе чуда въ нашихъ прологахъ — подь 11-мъ іюлемъ и подь 16-мъ того-же мѣсяца. Событія относятся къ Халкидонскому собору противъ Евтихія при императорѣ Маркіанѣ. «Приемшу же царство Маркіану, повелѣ собору быти, иже и собравшеся епископовъ числомъ 630, и написа два свѣтка, купно православнїи же и ересеначальницы. И отверзше раку всехвалныя (Евфиміи), и знаменовавше, на персѣхъ ея положиша. И по три дни помолвишеся, отверзше видѣша еретическій свѣтокъ подь ногама святыя, православный же въ руку ея держимъ». (Печатный прологъ 11-го іюля).

Мы привели въ статьѣ одинъ примѣръ того, какъ важный государственный и военный вопросъ рѣшается посредствомъ двухъ свитковъ, возложенныхъ на престолъ церковный. Анна Комнина рассказываетъ (р. 471D) о своемъ отцѣ другой случай, когда онъ прибѣгнулъ къ тому же самому средству. Во время похода противъ Турокъ Сельджуковъ (около 1116 г.) «онъ рѣшается воспросить Бога, слѣдуетъ ли идти на Иконіумъ, или устремиться противъ варваровъ, находящихся около Филомилиа. И такъ воспросивъ объ этомъ въ двухъ хартіяхъ—*ἐν δυσὶ γούν χαρτίαις* περί

τοῦτων ἐπερωτήσας — и возложивъ ихъ на священной трапезѣ, онъ вознесъ къ Богу пѣснопѣніе (τὸν ὕμνον) и усердныя моленія. А съ наступленіемъ утра, священникъ (ὁ ἱερεὺς), войдя во храмъ и взявъ одну изъ возложенныхъ хартій и развязавъ въ виду всѣхъ присутствующихъ, прочиталъ самодержцу жребій, опредѣляющій походъ къ Филомилию».

Наконецъ, избраніе посредствомъ жребія высшихъ духов- 390
ныхъ властей было также съ глубокой древности употребительно въ христіанской церкви. Дюканжъ въ примѣчаніяхъ къ Алексіадѣ и къ исторіи Квиннама приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ практики западной церкви; мы же прибавимъ отъ себя любопытный примѣръ изъ практики восточной церкви XI столѣтія.

Въ жизнеописаніи св. Аніана (жившаго въ V вѣкѣ и извѣстнаго по исторіи нашествія Аттілы на Галлію) говорится слѣдующее объ его избраніи въ епископы города Орлеана: *Atque ut id ipsum divinae electionis claresceret, cum triduanum epinium more ecclesiastico indixisset, brevibus et libris super altare positis, necdum loquentem parvulum afferri praecipit, ut ipse brevia ab altari sublevaret. Tunc Christi operante virtute, cum puer manum subjecisset altari, mox ut breve tetigit, vox incosueti novella verba prodidit, tetesque populo proclamavit: «Anianus, Anianus, Anianus istius civitatis pontifex est institutus».* Знаменитый обличитель Альбигойской ереси, Райнеръ Саккони, укорялъ еретиковъ южной Франціи за то, что они смѣялись надъ мірянами, «избиравшими своихъ святыхъ жребіемъ на алтарѣ» (*quod laicos qui sorte sanctos eligebant in altari deriderent.*

Жена Алексѣя Комнина императрица Ирина въ своемъ уставѣ для женскаго монастыря, ею основаннаго, постановляетъ слѣдующій способъ избранія игуменьи въ томъ случаѣ, если умершая не назначитъ себѣ преемницы. Избираются сначала три сестры-монахини голосами всѣхъ сестеръ, изъ среды же этихъ трехъ кандидатокъ самъ Богъ отдаетъ предпочтеніе одной. Въ извѣстный день духовный отецъ монахинь беретъ три равныя и одинаковыя свитка (хартіи) и на каждомъ пишетъ слѣдующія слова: «Владыко Господи нашъ Исусе Христе сердцеѣдче, молитвами всепорочной Владычицы нашей Богородицы, покажи намъ, грѣшнымъ, считаешь ли ты достойною игуменскаго надъ

нами сана сестру нашу такую-то» (слѣдовало имя). И на другихъ хартіяхъ онъ пишетъ опять тѣ же самыя слова съ измѣненіемъ только имени; потомъ хартіи, запечатанныя печатью и рукою попечительницы монастыря (изъ рода Ирвыны), въ присутствіи ея и сестеръ возлагаются священникомъ на священную трапезу во время субботняго повечерія. На слѣдующій день, послѣ окончанія божественной литургіи, священникъ остается облаченнымъ въ іерейскія ризы, а монахинями совершается Трисвятое и поются слѣдующіе тропари: «Помилуй насъ, Господи; Слава; Господи, возри съ небесе и виждь; И нынѣ; Единородне, Единосущне». Іерей совершаетъ великую ектевию, возглашая послѣ другихъ прошеній и слѣдующее: «Еще молимся о еже открыти намъ Господу Богу нашему достойную предстоанія надъ нами». Монахини возглашаютъ: Господи помилуй, и дѣлаютъ 15 колѣнопреклоненій, взывая съ воздѣвіемъ рукъ своихъ къ Богу про себя: «Боже сердевѣдецъ, покажи намъ грѣшнымъ достойную власти надъ нами». Послѣ сихъ колѣнопреклоненій іерей, также совершивъ три колѣнопреклоненія до земли предъ святою трапезой и говоря то же самое воззваніе, беретъ одну изъ трехъ хартій и передаетъ ее, въ присутствіи всѣхъ сестеръ, той, которая положила на ней свою печать; когда она признаетъ свою печать, то хартія, предъ глазами всѣхъ, открывается; той сестрѣ, имя которой окажется въ ней написаннымъ, вручается монастырскій уставъ и посохъ, то-есть, она признается игуменьей. См. Типикъ императрицы Ирины (Τυπικόν -- κυρᾶς Εἰρήνης τῆς Δου- 881 καίνης, Migne, Patrol. gr., t. 127 col. 1020 ¹). — Сравни объ

1) [Въ уставѣ, данномъ Михаиломъ Атталиотой монастырю при богадѣльѣ, говорится (Sathas, Bibl. I, 27 sq.): Εἰ δὲ δεχόμενα γένηται περὶ ἀρετῆς δύο πρόσωπων, ἵνα γράφονται αἱ ὀνομασίαι αὐτῶν ἐν δύο τεμαχίοις χάρτου καὶ ἀποτίθενται τῇ ἀγίᾳ τραπέζῃ τοῦ θουλαστήριου τοῦ ναοῦ καὶ λειτουργῶνται, καὶ εἰσέρχεται παιδίον ἄγνόν καὶ ἄκκλον, καὶ ἀναλαμβάνηται τὸ ἐν χάρτιον καὶ εἴατη, καὶ οὗτινος ὀνομασία εὐρεθῆ, ἄξιος τῆς οἰκονομίας καὶ τῆς ἡγουμενείας λογίζηται. — См. также М. Сабинина, Полное жизнеописание святыхъ Грузинской церкви, СПб. 1871, II, 172. Георгій Святгорепъ, ктиторъ Иверской обители на Афонѣ, былъ избранъ игуменомъ, но одновременно другая существовавшая въ обители партія избрала на это мѣсто другого. Тогда по существующему обычаю бросали жребій такимъ образомъ: имена избранныхъ написывались на кускахъ бумаги и клались подъ престоломъ соборнаго храма; по принесеніи безкровной жертвы вынимали писанную бумагу, и кому выпадалъ жребій, тому и доставалась должность настоятельской. Жребій 3 раза выпалъ на Георгія.]

избраніи Новгородскихъ владыкъ: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, стр. 353, прим. 3).

Гадавіе двумя жребіями Алексѣя Комнина напоминаетъ другой рассказъ Анны Комниной о своемъ отцѣ. Мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній по поводу этого рассказа. Анна (р. 376 АВ) говоритъ, что когда Алексѣй отправился въ походъ противъ Боэмунда (въ 1107 году), то у Влахернской Богоматери не произошло «обычнаго чуда» (τὸ συνήθες θαῦμα); вслѣдствіе того императоръ чрезъ нѣсколько дней воротился въ Константинополь, вошелъ въ храмъ Богоматери въ сопровожденіи немногихъ лицъ; когда онъ совершилъ пѣспощеніе и усердное моленіе, то «обычное чудо» произошло, и такимъ образомъ Алексѣй пустился въ походъ уже съ хорошими надеждами.

Еще Дюканжъ (*Constantinopolis Christiana*, lib. II, cap. IV, § II, р. 117) указалъ на сочиненіе одного знаменитаго богослова XII вѣка, принадлежавшаго къ Парижскому университету, именно Белета, гдѣ находится объясненіе Влахерскаго чуда. Сочиненіе Белета (*Belethi, Rationale divinatorum officiorum*) напечатано теперь въ Патрологіи Миная (*Series latina*, t. 202); въ 51-й главѣ (col. 57 sq.) мы читаемъ слѣдующее: «Былъ нѣкогда въ Константинополѣ въ одной церкви образъ Святой Дѣвы, предъ которымъ висѣлъ нѣкоторый покровъ, закрывающій его совершенно. Но въ пятницу на вечернѣ этотъ покровъ безъ всякаго содѣйствія ниспадалъ самъ собою и божественнымъ чудомъ какъ бы поднимался къ небу, такъ что всё это могли ясно и вполне видѣть; а въ субботу, по окончаніи вечерни, покровъ нисходилъ на тотъ же образъ и оставался до слѣдующей пятницы».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно такого рода чудо разумѣется у Анны Комниной. Принявъ въ расчетъ четыре дня, которые простоялъ Алексѣй въ лагерь, не въ далекомъ разстояніи отъ Константинополя, и путь сюда и обратно въ столицу, мы получимъ именно недѣлю и новую пятницу, когда должно было совершиться «обычное чудо» (не всегда, однако, совершавшееся въ свой урочный день).

Въ замѣчательномъ рассказѣ о взятіи Константинополя Латинами, находящемся въ нашихъ лѣтописяхъ, сообщается слѣ-

дующая подробность (П. С. Р. Л., IV, 29): «Святую Богородицу, иже въ Влахернѣ, идѣже святыи Духъ съхожаше на вся пятницѣ, и ту одраша». Такъ читается мѣсто въ первой Новгородской лѣтописи; во въ другихъ спискахъ (Воскресенскомъ и Софійскомъ) вмѣсто пятницы стоятъ пятидесятница. Не слѣдуетъ ли признать первое чтеніе болѣе правильнымъ? Не слѣдуетъ ли разумѣть подъ какимъ-то особеннымъ схожденіемъ Святого Духа во Влахернской церкви именно то обычное чудо, о которомъ говоритъ Анна Комнина?

Наконецъ, присоединяемъ здѣсь замѣтку, которую мы упустили сдѣлать на своемъ надлежащемъ мѣстѣ (стр. 82). Мы назвали извѣстнаго Кіевскаго митрополита Іоанна II Продромомъ, хотя онъ не извѣстенъ у насъ подъ такимъ прозваніемъ. Византійскій поэтъ XII в., сочиненіе котораго чрезвычайно важно для изученія эпохи Комниновъ, говоритъ о себѣ въ одномъ стихотвореніи, что онъ родился въ семействѣ благочестивомъ, и что самыя прозванія членовъ этого рода указываютъ на ихъ благочестіе:

- 332 «Мой дѣдъ посягъ имя Продрома (Предтечи),
 «А мой дядя назывался Христомъ
 «И былъ предстоятелемъ (іерархомъ, митрополитомъ) Рус-
 ской земли, сильнымъ въ словѣ.
 «Ими я воспитанъ въ благочестіи».

Πάππου γὰρ εὐμοίρηκα Προδρομωνύμου,
 Καὶ θεῖον ἔσυχον Χριστὸν ὠνομασμένον
 Γῆς Ῥωσικῆς πρόεδρος ἀβρὲν ἐν λόγοις.

Migne, Patrol. gr. t. 133 col. 1412.

Дядя Θεодора Птохо-Продрома долженъ былъ имѣть два прозванія: родовое Продромъ и личное Христось. Онъ жилъ въ самомъ началѣ XII вѣка или въ концѣ XI, ибо его племянникъ, имъ воспитанный, уже при Калоіоаннѣ (съ 1118 года) былъ придворнымъ поэтомъ. Подъ 1089 годомъ въ нашей лѣтописи

говорится о смерти митрополита Іоанна, родомъ Грека, который былъ «мужъ зытръ квивамъ и ученью, рѣчистъ» и т. д. Этотъ Іоаннъ оставилъ сочиненіе, которое на русскомъ языкѣ носить слѣдующее странное заглавіе: «Церковное правло митрополита Іоанна, пророка Христова». Мы подозрѣваемъ въ послѣднихъ словахъ неправильный переводъ греческаго надписанія: τοῦ Προδρόμου τοῦ Χριστοῦ.

105 ВАРЯГО-РУССКАЯ И ВАРЯГО-АНГЛІЙ-
СКАЯ ДРУЖИНА ВЪ КОНСТАНТИНО-
ПОЛѢ XI И XII ВѢКОВЪ *).

I.

Положеніе вопроса о Византійскихъ Варягахъ и источники для
его рѣшенія.

Одинъ изъ главныхъ борцевъ-противниковъ норманской те-
оріи, С. А. Геденовъ **) первый обратилъ вниманіе на то чрез-
вычайно важное обстоятельство, что имя Варяговъ появляется
въ византійскихъ источникахъ очень поздно, не ранѣе 1034 года.
Съ большимъ остроуміемъ онъ сопоставилъ появленіе въ Визан-
тіи новой по имени дружины Варяговъ съ извѣстіемъ русской
лѣтописи, относящимся къ 980 году: въ этомъ «году Владиміръ,
недовольный требованіями своихъ норманскихъ Варяговъ-союз-
никовъ, отправляетъ ихъ въ Грецію; его посольство къ импера-
тору доказываетъ, что дѣло идетъ о новомъ, до того времени не-
бываломъ случаѣ, то-есть, о появленіи въ Константинополѣ дѣ-
лой массы Норманновъ, вмѣсто отдѣльныхъ, въ русской дружинѣ
изчезавшихъ лицъ». Прежде, то-есть, до 971 года, до эпохи раз-
рыва Святослава съ Греками, наемное войско греческихъ импе-
раторовъ состояло главнымъ образомъ изъ Руссовъ (по теоріи
г. Геденова; исконныхъ славянскихъ жителей южной Россіи);

*) «Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 176 (1874 г.), Отд. II, 105—144. Часть 177
(1875 г.), Отд. II, стр. 394—451. Часть 178 (1875 г.), Отд. II, стр. 76—152.»

**) «Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ. Прилож. ко II-му
тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ. № 3 стр. 138. 164 сл.»

только нѣкоторые, немногіе Норманны вступали въ это русское отдѣленіе греческаго войска и служили подъ тѣмъ же именемъ Ῥῶς. Со времени прибытія Варяговъ, отправленныхъ Владиміромъ, становятся извѣстными въ Греціи два отдѣльные корпуса: во первыхъ — Руссовъ, уже чисто-славянскій корпусъ безъ всякой норманнской примѣси, и во вторыхъ — Варяговъ-Норманновъ. О постоянномъ отличіи обонхъ свидѣлствуютъ всѣ писатели того времени.

Д. И. Иловайскій *) пишетъ: «Норманисты много и убѣдительно доказывали, что Варанги Византійскіе были Норманны и означали то же, что у насъ Варяги. Съ чѣмъ мы совершенно 106 согласны; только и въ этомъ случаѣ скандинавоманы слишкомъ упираются на Скандинавію. Относительно отечества Варанговъ византійскія извѣстія указываютъ иногда на Германію, иногда на далекій островъ, находящійся на океанѣ, который они называютъ Туле, а чаще всего причисляютъ ихъ къ Англичанамъ. Подъ островомъ Туле у Византійцевъ разумѣется вообще крайній сѣверный островъ, такъ что, смотря по обстоятельствамъ, подъ нимъ можно разумѣть острова Британскіе, Исландію, острова и полуострова Скандинавскіе. Но что-жь изъ этого? Мы все-таки не видимъ главнаго: тожества съ Русью, и не только нѣтъ никакого тожества, напротивъ, Византійцы ясно различаютъ Русь и Варяговъ; — для насъ, повторяю, важно то обстоятельство, что Византійцы, близко, въ очію видѣвшіе предъ собою въ одно и то же время и Варанговъ и Русь, нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ и нигдѣ не говорятъ о ихъ племенномъ родствѣ».

И въ другомъ мѣстѣ: «Византійцы нигдѣ не смѣшиваютъ Русь съ Варягами. О Варягахъ они упоминаютъ только съ XI вѣка; а о народѣ Росъ, подъ этимъ ея именемъ, говорятъ преимущественно со времени нападенія ея на Константинополь въ 865 году. Но и послѣ того они продолжаютъ именовать Руссовъ Скиѳами, Тавроскиѳами, Сарматами и т. д.» **).

*) «О множествѣ названій Варяговъ, Русск. Вѣстн. 1871 г., ноябрь, стр. 21 сл.»

**) «Д. Иловайскій, Еще о Норманизмѣ, Русск. Вѣстн. 1872 г., декабрь, стр. 504.»

На страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія мы еще недавно читали: Византійское Βάραγγοι произошло не прямо отъ Vering (тогда было бы Βάριγγοι), а чрезъ посредство славянскаго «Варязи», которое впервые пришло къ Грекамъ изъ Кіева, вѣроятно, въ письменномъ сообщеніи. По свидѣтельству нашей лѣтописи, это было именно въ 980 году, когда наемники «Варязи», озаботившіе было Владимира своими притязаніями, отпущены были имъ на службу къ императору, и притомъ съ рекомендаціей, не слишкомъ для нихъ лестною. Эти-то «Варязи» и были, стало быть, первыми Варангами въ Греціи, гдѣ до ихъ появленія имя Βάραγγοι было совершенно невзвѣстно, что вполне доказано уже г. Гедеонымъ».

Тотъ же авторъ, объясняя вставныя, по его мнѣнію, слова лѣтописи «сице бо тѣмъ звахуся Варязи Русь» и проч., — пишетъ: «Толкованіе это вставлено послѣ, и никакъ не ранѣе XI вѣка, когда Варяговъ, называвшихся Русью, нигдѣ уже не было, когда пришедшіе къ намъ Варяги-Русь уже ославянились и, утративъ свое отдѣльное существованіе, слились съ массою туземнаго славянскаго населенія, которому сообщили свое имя, и когда вслѣдствіе этого сліянія самое имя Русь получило уже совершенно другое значеніе, — стало означать уже нашу славянскую, православную Русь, народъ Русскій»¹⁾.

Итакъ въ настоящее время и норманистами, и противниками ихъ признаются несомнѣнными два слѣдующія положенія:

1) Имя Варанговъ появляется въ Византіи въ XI вѣкѣ, и появленіе этого имени объясняется прибытіемъ туда варяжской дружины, о которой говорится въ русской лѣтописи.

2) Съ XI вѣка Византійцы различали Русь и Варяговъ и никогда не смѣшивали этихъ двухъ названій.

Мы намѣрены провѣрить оба положенія полнымъ разборомъ всѣхъ византійскихъ извѣстій XI вѣка, гдѣ говорится о Варягахъ. Намъ уже давно казалось, что второе положеніе высказано и принято безъ достаточнаго изученія именно того визан-

1) «Н. Ламбинъ, Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 173 (1874 г.), Отд. II, стр. 259; ч. 174 (1874), Отд. II, стр. 71.»

тійскаго писателя, который въ этомъ случаѣ былъ важнѣе другихъ. Мы разумѣемъ Атталіата или Атталіоту, который жилъ и писалъ дѣйствительно въ XI вѣкѣ и не былъ компиляторомъ, какъ Зонара и Кедринъ, писатели болѣе поздніе. Лѣтомъ нынѣшняго года изданъ наконецъ и другой самостоятельный и оригинальный источникъ для византійской исторіи XI вѣка. Въ *Bibliotheca graeca medii aevi* (t. IV) напечатана исторія Михаила Пселла. Всѣ ученые, занимающіеся византійскою или русскою исторіей, должны будутъ принести глубокую благодарность ученому греку Саоѣ (Sathas), неожиданно подарившему ихъ такимъ дорогимъ и цѣннымъ сюрпризомъ. Пселлъ, какъ пзвѣстно, былъ не только первымъ ученымъ своего времени, но и игралъ первостепенную политическую роль при Византійскомъ дворѣ Константина Мономаха и его преемниковъ. Онъ описываетъ то, чему самъ былъ свидѣтелемъ, въ чемъ самъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Изъ его исторіи мы узнаемъ, что вмѣстѣ съ императоромъ Константиномъ Мономахомъ онъ слѣдилъ своими глазами за ходомъ морскаго сраженія Византійцевъ съ Русскими въ 1043 году. Разсказъ его о походѣ Владимира Ярославича, представляющій нѣкоторыя особенности противъ другихъ ранѣе извѣстныхъ источниковъ, мы приводимъ въ концѣ статьи въ видѣ приложенія, и оставляемъ за собою право поговорить впоследствии подробнѣе о всемъ IV томѣ «Греческой средневѣковой Библиотеки», гдѣ, кромѣ исторіи, находятся и нѣкоторыя другія мелкія сочиненія того же Пселла. Въ настоящее время мы воспользуемся тѣми данными, какія можно извлечь изъ исторіи Пселла относительно значенія слова Βάραγγοι у Византійцевъ, и 108 относительно состава варяжской дружины въ XI вѣкѣ. Любопытно то обстоятельство, что Пселлъ, окончившій свою исторію около 1088 года, ни однажды не употребляетъ выраженія «Варанги», хотя несомнѣнно говоритъ о самомъ предметѣ и даже описываетъ одну сцену, въ которой самъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а Варяги представляли грозную обстановку. Кромѣ Пселла и Атталіоты, мы должны будемъ приводить мѣста, относящіеся къ XI столѣтію, еще изъ четырехъ писателей: Іоанна Скилицы или Іоанна Фракісійскаго, Никифора Вріеннія, Кедрина и Зонары. Но изъ всѣхъ этихъ писателей

только первый можетъ быть почитаемъ сколько-нибудь самостоятельнымъ писателемъ. Иоаннъ Оракисійскій, сановникъ императора Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.), написалъ *Ἐπιτομὴ ἱστορίων* отъ 811—1057 гг., и это сочиненіе было такъ основательно обокрадено Кедринимъ, что по справедливости во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ называться Кедринъ, слѣдовало бы писать и читать Иоаннъ Скилица. Иоаннъ Скилица и самъ поступалъ въ отношеніи другихъ не лучше, чѣмъ Кедринъ въ отношеніи къ нему. Онъ написалъ, нѣсколько позже, продолженіе своего первоначальнаго труда, обнимающее время отъ 1057 года по 1081, и здѣсь довольно безцеремонно воспользовался сочиненіемъ Атталіоты. Эта именно часть труда и напечатана въ Боннскомъ изданіи подъ собственнымъ именемъ Скилицы, тогда какъ первая пропала въ компиляціи Кедрина. Никифоръ Врѣнній и Зонара жили въ XII вѣкѣ, точно также, какъ и Кедринъ, и подобно ему не имѣютъ ничего своего самостоятельнаго. Это все нужно знать и имѣть въ виду при рѣшеніи всякаго частнаго вопроса, заставляющаго обращаться къ названнымъ источникамъ. Тѣмъ болѣе это нужно, что въ концѣ XI вѣка, какъ мы будемъ доказывать, составъ варяжской дружины въ Константинополѣ совершенно измѣнился, а между тѣмъ этого какъ будто не хотѣли знать писатели-компиляторы XII вѣка (Врѣнній и Кедринъ). Въ суетномъ и тщетномъ желаніи придать себѣ нѣкоторый видъ самостоятельности, они прибѣгали нерѣдко къ легкимъ стилистическимъ измѣненіямъ подлинника и вносили при этомъ въ источникъ XI вѣка возрѣнія своего времени. Это съ полною очевидностію можетъ быть доказано относительно Врѣннія и того объяснительнаго замѣчанія, которое онъ счелъ за нужное сдѣлать относительно Варяговъ. Но, съ другой стороны, такія стилистическія измѣненія и легкія добавленія помогаютъ намъ узнавать Варяговъ въ такихъ мѣстахъ у писателей XI вѣка, въ которыхъ безъ этого мы должны были бы ограничиваться однѣми догадками, не для всѣхъ убѣдительными. Невизантійскими источниками мы пользуемся на столько, на сколько это необходимо для объясненія византійскихъ.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Мы не считаемъ себя компетентными въ вопросахъ русской исторіи настолько, чтобы

вмѣшиваться въ споръ, снова поднятый уважаемымъ Д. И. Иловайскимъ. Небольшое изслѣдованіе, которое мы посвящаемъ Византійскимъ Варягамъ, нисколько не касается существа норманской теоріи, и выводы, которые изъ него позволительно будетъ сдѣлать, могутъ быть обращены въ свою пользу какъ норманистами, такъ и съ такимъ же правомъ противниками ихъ. Мы совсѣмъ не касаемся вопроса о томъ, что такое была Русь, о которой говорится въ бесѣдахъ патріарха Фотія и въ договорахъ Русскихъ князей съ Греками,—равно какъ и вопроса о томъ, кто была та служебная Русь въ Византіи, о которой упоминается въ сочиненіяхъ Константина Багрянороднаго,—и отправляемся отъ того положенія, въ настоящее время признаваемого, кажется, обѣими сторонами, что въ XI вѣкѣ Русь есть не иная какая Русь, какъ славянская, православная.

II.

Варяги, отправленные въ Константинополь Владиміромъ, и первые свидѣтельства исландскихъ сагъ о Норманнахъ, вступившихъ въ варяжскую дружину.

Первый изъ двухъ вышеозначенныхъ пунктовъ, подлежащихъ здѣсь изслѣдованію, состоитъ въ томъ, что появленіе на страницахъ византійской исторіи имени Варанговъ объясняется прибытіемъ въ Царьградъ дружины, находившейся до тѣхъ поръ на службѣ Кіевскихъ князей, въ частности—Кіевского князя Владиміра; или, другими словами: первые Варанги въ Константинополѣ суть тѣ Варяги, которые были приведены Владиміромъ изъ-за моря, а потомъ, недовольные имъ, ушли въ Царьградъ. Положеніе это основывается на сопоставленіи двухъ явленій, связь между которыми открыта только комбинирующею силой ума извѣстнаго и замѣчательнаго русскаго изслѣдователя. Въ 980 году отправились изъ Кіева въ Византію Варяги; въ 1034 году у византійскихъ историковъ въ первый разъ упоминаются Варанги, до сихъ поръ имъ неизвѣстные; слѣдовательно, Византійцы узнали Варанговъ не задолго до 1034 года и всего скорѣе познакомились съ ними въ лицѣ тѣхъ Варяговъ, о при-

110 бытія которыхъ въ Константинополь мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія. Законность такого вывода и вообще такого приѣма въ историческомъ изслѣдованіи не можетъ быть отрицаема. Но къ нему нужно прибѣгать только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ никакихъ другихъ прямыхъ указаній, объясняющихъ вопросъ болѣе положительнымъ образомъ, и особенно—когда ничего не противорѣчитъ выводу. Мы оставляемъ въ сторонѣ довольно насильственное пониманіе г. Гедеоновымъ первоначальной лѣтописи. Услышавъ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ за море, то-есть, по объясненію г. Гедеонова, не къ Шведамъ, а, безъ сомнѣнія, къ своимъ западнымъ однокровникамъ (на Балтійскомъ поморьи), быть можетъ, въ Юмну. Черезъ два года онъ пришелъ съ Варягами къ Новгороду, при помощи ихъ взялъ Кіевъ; въ его войскѣ преобладалъ вендо-варяжскій элементъ (Отрывки, стр. 162). А между тѣмъ Варяги, отправившіеся въ Константинополь, были Скандинавы. Такое довольно натянутое толкованіе находится въ связи съ теоріей г. Гедеонова о призваніи князей съ Балтійскаго поморья, которая не подлежитъ здѣсь обсужденію. Нашъ вопросъ состоитъ въ томъ, существуетъ ли дѣйствительно связь между рассказомъ первоначальной русской лѣтописи, помѣщеннымъ подъ 980 годомъ, и первымъ упоминаніемъ Варанговъ у византійскаго писателя. Въ лѣтописи мы читаемъ:

«Варязи (при помощи которыхъ Владиміръ одержалъ верхъ надъ Ярополкомъ и овладѣлъ Кіевомъ) рѣша Володимеру: «се градъ нашъ; мы пріяхомъ ѿ, да хочемъ вмати окупъ на нихъ по двѣ гривнѣ отъ чсловѣка». И рече имъ Володимеръ: «пождѣте, да же вы куны сберутъ, за мѣсяць». И ждаша мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: «солъстия еси нами, да покажи ны путь въ Греки»; онъ же рече имъ: «идѣте». И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя свце царю: «се идутъ къ тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створять ти зло, якоже и сдѣ, но расточи я разно, а сѣмо не пушай яя единого».

Сопоставляя это свидѣтельство съ толкованіемъ г. Гедеонова, замѣтимъ:

Во-первыхъ, на какомъ основаніи мы будемъ думать, что Византійскій императоръ не послушалъ даннаго ему совѣта? Само собою понятно, что лѣтописецъ, кто бы онъ ни былъ, никакъ не имѣлъ въ виду рассказывать о какихъ-либо бесплодныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Кіева съ Константинополемъ. Совѣтъ Владиміра предполагаетъ исполненіе или даже есть только живая лѣтописная (эпическая) форма для передачи факта, совершившагося въ дѣйствительности. Варяги, отправившіеся изъ Кіева въ Византію, не остались въ городѣ, не остались при дворѣ императора, слѣдовательно, не сдѣлались его тѣлохранителями или лейбъ-гвардіей, то-есть, тѣмъ, чѣмъ, по общепринятому мнѣнію, были Варанги въ Византіи. Они были разсыяны, расточены разнo; слѣдовательно, не могли образовать какого-либо отдѣльнаго военнаго корпуса ¹⁾. Мы знаемъ, что дѣйствительно въ Византіи не всегда благосклонно принимали вооруженную толпу, приходившую изъ Кіева. Примѣръ Хрисохира извѣстенъ и будетъ приведенъ ниже.

Во-вторыхъ, мы можемъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что между 980 и 1034 годами приходится все-таки слишкомъ значительный промежутокъ. Съ той поры, какъ Варанги въ первый разъ были упомянуты въ византійской исторіи, они являются въ ней непрерывно, постоянно и довольно часто. Отчего нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ существованія въ первые пятьдесятъ четыре, или, принимая въ расчетъ и невизантійскіе источники, въ первые тридцать лѣтъ ихъ предполагаемаго пребыванія въ Константинополѣ? Правда, византійскіе источники очень скудны именно за послѣдніе годы X столѣтія. Но они восполняются лѣтописями армянскими, грузинскими, а потомъ южно-италіанскими, наконецъ, — исландскими сагами, обильнымъ источникомъ именно для исторіи Варяговъ и Варанговъ ²⁾.

1) [Вовсе не важно, образовали ли они лейбъ-гвардію или особенный корпусъ; вопросъ въ томъ, были ли они въ ней? Кажется, нужно будетъ признать первоначально отдѣльное существованіе Варанговъ съ 980 года.]

2) [Удивительно, что въ Византійской хроникѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, несмотря на очень подробную повѣсть о военныхъ дѣйствіяхъ 980-го и слѣдующихъ годовъ. Еще удивительнѣе, что и сѣверные источники, Скандинавскія саги, не даютъ опредѣленныхъ указаній, а оставляютъ большой промежутокъ. Однако промежутокъ не такъ великъ, какъ мнѣ прежде представля-

Въ-третьихъ, эти же самыя исландскія саги и опровергаютъ окончательно мысль, пущенную въ оборотъ г. Геденовымъ. Спѣшимъ, однако, замѣтить, что свидѣтельства исландскихъ сагъ опровергаютъ не только теорію г. Геденова о происхожденіи Византійскихъ Варанговъ, но точно такъ же и всѣ возраженія, сдѣланныя на нее изъ противнаго лагеря, именно на основаніи исландскихъ сагъ.

А. А. Куникъ, съ нѣкоторою резигнаціей принявшій многіе изъ ударовъ (часто дѣйствительныхъ, иногда мнимыхъ), нанесенныхъ норманнской теоріи авторомъ «Отрывковъ о Варяжскомъ вопросѣ», дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія относительно византійскихъ «гвардейскихъ сѣкироносцевъ»: «Относительно поѣздокъ въ Византію надобно различать Шведовъ и Норвежцевъ строже, чѣмъ это дѣлаетъ г. Геденовъ. Первое извѣстіе о Шведахъ, явившихся въ Византію, относится къ 838 году, и даже г. Геденовъ допускаетъ это, хотя и старается этотъ неудобный для него фактъ всячески перевернуть и перетолковать. А когда въ первый разъ прибыли въ Византію Норвежцы? Едва ли раньше 934 года, когда Норвежецъ Эгиль титуловалъ себя предикатомъ *foldvæingi*, а вѣрнѣе 40 или 50 лѣтъ спустя. Сѣверныя саги, которыя, по ихъ содержанію, конечно, должно раздѣлить на ми-
 112 еческія, романическія и болѣе или менѣе историческія, толкуютъ объ этомъ довольно опредѣленно. Какъ извѣстно, онѣ почти никогда не показываютъ годовъ, а представляютъ только не прямыя хронологическія данныя. Зато въ нихъ — мы имѣемъ здѣсь въ виду саги историческія — называется по имени множество Норвежцевъ и Исландцевъ съ ихъ родословными, которыхъ древніе Исландцы собрали огромную массу. Иной разъ установить хронологію извѣстій помогаютъ также введенныя въ саги событія нескандинавскихъ странъ. Такимъ путемъ можно дойти до того, что первые Норвежцы и Исландцы отправились въ Византію для поступленія въ военную службу, по всей исторической вѣроятности (курсивъ подлинника), лишь по смерти Святослава († 972). Первый императоръ, упоминаемый въ сагахъ,

лось. Болѣе бытъ, положимъ, первый норманнъ на византійской службѣ, но Варанги и ихъ дружины были тамъ ранѣе.]

есть Јѳн (то-есть, Іоаниъ Цимесхій, † 10-го января 976 года), побѣдитель Святослава. Чаше же стали такія поѣздки лишь съ начала XI столѣтія, какъ прямо даетъ понять одна сага. Этимъ подрывается положеніе г. Гедеонова о вступленія (норвежскихъ) Vāgingjar въ лейбъ-гвардію императоровъ». (Отрывки, стр. 223).

Но для того, чтобы сдѣлаться Варангомъ, мало было прѣхать въ Грецію, а пужно было вступить въ военную службу, или даже, по общепринятому воззрѣнію, въ число тѣлохранителей императора, въ составъ его лейбъ-гвардіи. Извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей о людяхъ, посланныхъ императоромъ Теофиломъ къ Людовику Благочестивому, которые называли себя Росъ, а по разслѣдованію оказались Шведами, совершенно не относится къ вопросу о Византійскихъ Варангахъ, ибо нигдѣ не сказано, что это были Варанги. Далѣе, то, что Норвежецъ Эгиль титуловалъ себя въ 934 году *foldvāringi*, также нисколько не служитъ къ опроверженію г. Гедеонова. Это слово объяснено самимъ А. А. Куникомъ на одной изъ предыдущихъ страницъ его замѣчаній (стр. 219) и значить защитникъ наследственной земли (противъ несправедливаго приговора суда), *turis defensor, vindex*. Если скандинавское названіе Варяговъ и происходитъ отъ корня, означающаго на сѣверномъ языкѣ защищать, оберегать, то это не значить, что для полученія названія защитникъ (чего бы то ни было) необходимо было съѣздить въ Византію. А главное, зачѣмъ дѣлать гадательныя предположенія, когда въ сагахъ есть совершенно опредѣленныя указанія о томъ, кто именно и когда именно былъ первымъ Норманномъ, вступившимъ въ варяжскую дружину. Мы удивляемся, какимъ образомъ никто до сихъ поръ не обратилъ вниманія на слѣдующее въ высшей степени важное мѣсто въ одной изъ древнѣйшихъ и наиболѣе достовѣрныхъ историческихъ сагъ: 113

«Когда Болле провелъ одну зиму въ Даніи, онъ рѣшилъ отправиться въ болѣе отдаленныя страны, и не прежде остановился въ своемъ путешествіи, чѣмъ прибылъ въ Миклагардъ (Византію); онъ провелъ тамъ короткое время, какъ вступилъ въ общество Вэринговъ (=Варанговъ). У насъ нѣтъ преданія (намъ не передано), чтобы кто-нибудь изъ Норманновъ служилъ у Константинопольскаго императора прежде,

чѣмъ Болле, сынъ Болле. Онъ провелъ тамъ много зимъ и во всѣхъ опасностяхъ являлся храбрѣйшимъ и всегда между первыми; подлинно, Варяги много цѣнили Болле, когда онъ жилъ въ Константинополѣ». (*Quumque Bollius in Dania transgisset, ad remotiores regiones adire paravit, haud itinere desistebat prius quam Miklagardum pervenisset; brevi ibi fuerat moratus, quum Vaeringiorum inivit societatem. Nec nobis quidem relatum est, Normannorum aliquem sub Constantinopolitano rege meruisse prius, quam Bollium Bollii filium. Multas ibi degit hyemes ac in omnibus periculis fortissimus est habitus, ac semper inter principes, ac magni sane Vaeringi Bollium existimavere, dum Constantinopoli moraretur*).

Это читается въ Лаксдальской сагѣ (*Laxdaela-Saga. Historia de rebus gestis Laxdolemsium. Ex mss. leg. Arn. Magn. cum interpretatione latina et cet. Hafniae, 1827*), стр. 315. Лаксдальская сага записана, какъ полагаютъ, въ началѣ XIII столѣтія; слѣдовательно, по времени записанія она не принадлежитъ къ самымъ древнимъ, но событія, въ ней описываемыя, оканчиваются около половины XI вѣка ¹⁾. Такимъ образомъ она, подобно всѣмъ другимъ сагамъ, довольно долго сохранялась въ устномъ преданіи. Вопросъ о томъ, въ какой степени первая письменная редакція сохраняла подлинный устный текстъ саги, для насъ пока не имѣетъ никакой важности. Если замѣчаніе о томъ, что Болле Боллесонъ былъ первымъ Норманномъ, вступившимъ въ военную службу къ Византійскому императору, сдѣлано только при письменной редакціи, то это будетъ значить, что въ началѣ XIII вѣка, то-есть, во времена Снорри Стурлесона—когда послѣдній кульминаціонный пунктъ своеобразнаго историческаго творчества въ Исландіи уже завершился—не было извѣстно ни

1) См. Peter Erasmus Muller, *Sagenbibliothek* (Aus der dänischen Handschrift übersetzt von K. Lachmann. Berlin, 1816) I, стр. 162 и слѣд., а также Rosselet, *Islandische Litteratur* въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, II-е отдѣленіе, томъ 31, стр. 302. «Критическое изданіе саги дахъ Kálund (Копенгаг. 1889—91), со всѣми вариантами и т. п. Текстъ этого изданія повторенъ имъ и снабженъ предисловіемъ и примѣчаніями въ *Altnordische Saga-Bibliothek* IV, Halle 1896. Критическій разборъ саги см. у F. Jónsson, *Den oldnorske og oldislandske Litteratur Historie* II, 1 (1898) p. 440—453, и у Mogk, *Gesch. d. norw.-isl. Litteratur* p. 198 ss (*Grundriss d. germ. Phil.* ed. Paul, 2 изд.) Ө. Б).

одной саги, которая говорила бы о болѣе ранней службѣ Норманновъ-Скандинавовъ въ Византія.

Къ какому же времени относится вступленіе Болле Боллесова въ общество Варанговъ? Рѣшить этотъ вопросъ не трудно, потому что лица, дѣйствующія въ Лаксдальской сагѣ, не только встрѣчаются въ другихъ историческихъ сагахъ, но упоминаются также у Аре Фродя, перваго исландскаго лѣтописца, то-есть, суть лица вполне историческія. Отецъ перваго Византійскаго Варанга изъ Норманновъ, по имени Болле, есть одно изъ такихъ лицъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи; другой герой саги, Кіартанъ, не только появляется во всѣхъ разсказахъ о стремленіяхъ короля Олафа Тригвасона обратить Исландію въ христіанство, но даже его гробница съ руническою надписью сохранилась до нашего времени. Болле отецъ, по лѣтописи, былъ убитъ въ 1007 году, а только послѣ его смерти родился его сынъ, Болле младшій или Боллесонъ. Двѣнадцати лѣтъ, по сагѣ, онъ предпринимаетъ исполнить долгъ мести за своего отца (1018 г.), но потерпѣлъ неудачу. Потомъ онъ женился и только послѣ этого отправился въ далекія страны, сначала въ Данію, а потомъ въ Константинополь. Итакъ, первый Норманнъ явился въ числѣ Варанговъ никакъ не ранѣе 1020 года, а, повидимому, послѣ 1023 или даже 1026 года. О путешествіи Болле Боллесона говорится послѣ разсказа о гибели Торкеля Эйольфсона, что относится къ одному изъ сейчасъ означенныхъ годовъ ¹⁾.

1) Muller-Lachmann, Sagenbibliothek, I, 163 «Пребываніе Болле младшаго въ Константинополь опредѣляется сагой хронологически точнѣе, чѣмъ думалъ В. Г. Родившись послѣ смерти отца въ 1007 г., Болле женится 18-и лѣтъ отъ роду, т. е. лѣтомъ 1025 г. (гл. 70 § 11 сл.). Проживъ годъ съ женой, онъ въ обществѣ своего брата Торлейка отправляется въ путешествіе лѣтомъ 1026 г. (73,1); осенью они приѣзжаютъ въ Норвегію, гдѣ Торлейкъ остается, тогда какъ Болле той же осенью направляется въ Данію (73, 16), гдѣ проводитъ зиму 1026—27 г., и лишь весной 1027 г. предпринимаетъ поѣздку въ Миклагардъ, о которой говорится въ вышенаведенномъ отрывкѣ (гл. 73, 17—19). Въ Византію онъ могъ прибыть, слѣдовательно, не раньше лѣта 1027 г. Во время его отсутствія (а не до его отъѣзда) погибаетъ его вотчимъ Торкель Эйольфсонъ, — фактъ, опредѣляемый вполне точно 1026 годомъ. Черезъ 4 года (гл. 77, 1), т. е. въ 1030 г., Болле возвращается въ Исландію. Съ этимъ вполне согласуется указаніе саги (78, 1), что черезъ годъ умеръ Снорри Годи: смерть этого знаменитаго исландскаго дѣятеля дѣйствительно относится въ 1031 г. Слѣдовательно, служба Болле у византійскаго императора продол-

Такому заключенію, повидимому, противорѣчитъ упомина-
ніе Вэринговъ въ двухъ другихъ историческихъ сагахъ, счита-
емыхъ самыми древними—какъ на основаніи ихъ содержанія,
такъ и по времени письменной редакціи, относящейся къ первой
половинѣ XII-го вѣка ¹⁾. Это суть: 1) сага о Вига-Стирѣ и 2)
сага о битвѣ на полѣ (auf der Heide) или Heidharvíga-Saga. Въ
первой является на сцену Гестъ, сынъ Торгалла (Thórhall);
убивъ Стира (1007 г.), одного изъ старшинъ или князьковъ
Исландскихъ, онъ удаляется изъ опасенія мести сначала въ Нор-
вегію, а потомъ въ Миклагардъ, гдѣ поступаетъ въ число Вэ-
ринговъ. Здѣсь находитъ его сынъ Стира, Торстейнъ (Thorstein),
застаетъ его во время игры среди Вэринговъ и бросается на
115 него съ мечемъ въ рукахъ, и т. д. ²⁾. Событіе должно относиться

жалась съ 1027 до 1030 г., т. е. всего три года, что не вполне согласно съ
утвержденіемъ саги (73, 19), будто онъ былъ въ Миклагардѣ «очень много
зимъ» (þuk margá vetr). Но и помимо этого, весь эпизодъ путешествія Болле
въ Норвегію и Византію, и вообще вся послѣдняя треть саги (послѣ 1007 г.)
обставлена хронологически очень сбивчиво и находится въ полномъ противо-
рѣчьи съ указаніями другихъ сагъ (F. Jónsson l. c. p. 445. Ср. предисловіе къ
изд. Kálund-а 1896 г. стр. V sq.), вслѣдствіе чего достовѣрность всего раз-
сказа о службѣ Болле въ Константинополѣ подлежитъ серіозному сомнѣнію.
Весьма возможно, что рассказъ этотъ вовсе не принадлежалъ къ составу
устнаго преданія и присочиненъ авторомъ саги въ первой половинѣ XIII-го в.
лишь съ цѣлью прославленія Болле, выдвинутаго въ концѣ саги на первый
планъ. Генеалогія потомковъ Болле въ гл. 78 и нѣкоторые другіе признаки
заставляютъ признать за этой частью саги явную тенденцію возвеличенія
этого героя. Можетъ быть, авторъ саги принадлежалъ къ числу его потомковъ
или находился въ какихъ либо отношеніяхъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ,
указанными фактами сильно подрывается довѣріе къ этому эпизоду. *Ф. Б.*

1) Muller-Lachmann, p. 29. Rosset, p. 300. Сравни, впрочемъ, Konrad
Mauger, Island (München, 1874) p. 463. «Сага о Вига-Стирѣ, оригиналъ которой
до насъ не дошелъ, составляла, вѣроятно, одно цѣлое съ Heidharvígasaga, служа
какъ-бы введеніемъ къ послѣдней. Хронологическое опредѣленіе, даваемое въ
текстѣ, нѣсколько преувеличиваетъ древность саги: она относится не къ пер-
вой половинѣ, а къ концу XII-го вѣка. См. о ней теперь F. Jónsson l. c. II
485 sq. и Mogk, Gesch. l. c. p. 204. Последнее изданіе: Valdimar Avsmun-
dason, Vigastýrssaga ok Heidharvíga, Reykjavík 1899. *Ф. Б.*»

2) Islendinga Sögur (Kjöbenh. 1847) II, 304 сл.: «Гестъ видѣлъ, что онъ не въ
состояніи держаться противъ происковъ Торстейна въ Норвегіи, и отпра-
вился на югъ въ Миклагардъ и нанялся тамъ служить съ Вэрингами;
онъ рассчитывалъ тамъ быть лучше скрытымъ. До Торстейна дошли о томъ
вѣсти, и онъ въ то же лѣто отправился въ Миклагардъ. Но таковъ обычай у
Вэринговъ и Норманновъ, что день они проводятъ въ играхъ и борьбѣ». Торстейнъ,
вступившій въ среду Вэринговъ, засталъ Геста во время борьбы,
выхватилъ мечъ и ранилъ его. Вэринги подбѣжали и хотѣли тотчасъ убитъ Тор-

къ 1011 году, и, слѣдовательно, сказаніе о Стирѣ противорѣчитъ прямому свидѣтельству Лаксдальской саги о первомъ Норманнѣ въ Византійской гвардіи. Но весьма легко рѣшить, на которой сторонѣ находится большая достовѣрность. Подлинная первоначальная рукопись Вигастировой саги и единственный списокъ съ нея, сдѣланный для Арна Магнусона (Arni Magnússon), сгорѣли при Копенгагенскомъ пожарѣ 1728 года. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ сага возстановлена по памяти переписчикомъ Арна Магнусона ¹⁾. Понятно, что при этомъ не могли вполне удержаться всѣ подлинныя выраженія саги, и легко могли явиться прибавки, особенно подъ вліяніемъ знакомства съ другими сагами. Путешествіе въ Царьградъ и вступленіе въ варяжскую дружину Византійскаго царя самая обычная черта въ позднѣйшихъ сагахъ; она легко могла попасть изъ нихъ чрезъ посредство такого поздняго редактора и въ Вигастирову сагу. Между тѣмъ не всегда нужно было ѣздить въ Византію, чтобы сдѣлаться Варангомъ: въ началѣ XI вѣка для этого можно было ограничиться Кіевомъ или вообще Русскою землею.

Не совсѣмъ вѣрно утверждаютъ, что Норманны, служившіе у Русскихъ князей, никогда въ сѣверныхъ сагахъ не называются Вэрингами. Въ Гейдарвига-сагѣ, которая составляетъ продолженіе Вигастировой, но по времени записанія даже древнѣе ея и сохранилась въ очень хорошей рукописи до нашего времени ²⁾, рассказывается о Вига-Барди, что онъ, изгнанный судомъ изъ своей родины, т. е. Исландіи, послѣ нѣсколькихъ скитаній, прибылъ съ женою въ Галогаландъ (Halogaland), то-есть, въ сѣверо-западную приморскую окраину Норвегіи. Здѣсь онъ поссорился съ женою и опять пустился путешествовать. «Онъ не оста- 116

стейна, потому что былъ такой законъ, что если кто покусится на жизнь другаго во время игръ, то долженъ потерять свою. Но самъ Гестъ освободилъ Торстейна, заплативъ за него выкупъ и потомъ помирившись съ нимъ. Ср. Muller-Lachmann, Sagenbibl. I, 28.

1) Muller-Lachmann. Sagenbibl. I, p. 30. Ср. Rosset, p. 300, примѣч. 49-е.

2) «Сага возникла одновременно съ Вигастировой, съ которою составляла, вѣроятно, одно цѣлое. См. выше, стр. 188. Въ «хорошей рукописи», которую разубѣгаетъ В. Г., т. е. въ cod. holm. perg. 18,4°, сохранилась лишь часть саги. Ф. Б.»

вилъ своего пути, пока не прибылъ въ Гардарики; и сдѣлался тамъ наемникомъ, и былъ тамъ съ Вэрпнгами, и всѣ Норманны высоко чтили его и вошли съ нимъ въ дружбу» (Islendinga Sögur II, 394: Kom í Gardaríki, ok gekk þar á mála ok var þar meðh Vaeringjum, ok thótti öllum Nordhmönnum mikils um hann vert, ok höfðhu hann í kaerleikum meðh sér) ¹⁾).

Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о Русскихъ Варягахъ, о Варягахъ, находящихся въ Гардарикѣ; напрасно, стало быть, помѣщаютъ (Гопфъ и самъ Конрадъ Мауреръ) Вига-Стира въ число Византійскихъ Варанговъ. Но еслибъ это и было основательно, то и тогда прямое свидѣтельство Лаксдальской саги не потеряетъ своего значенія. Событiя, рассказываемыя Гейдарвига-сагою, относятся къ началу XI-го столѣтiя; эпоха битвы, отъ которой произошло самое названiе саги, опредѣляется лѣтописными показанiями 1013 годомъ, а по другимъ сагамъ битва произошла въ 1014 или даже въ 1015 году ²⁾). Между сраженiемъ и судебнымъ приговоромъ, произнесеннымъ противъ Вига-Барди, находится значительный промежутокъ времени, такъ что варяжская служба нашего героя падаетъ къ 1020 годамъ, а съ точностiю не можетъ быть опредѣлена хронологически. По свидѣтельству ученыхъ издателей подлинной саги, она кончается 1025 годомъ, а послѣднее событiе, въ ней рассказанное, есть именно смерть Барди, павшаго въ битвѣ послѣ трехлѣтней службы въ Вэрпнгахъ.

Третья сага, упоминающая о Вэрпнгахъ, есть Ньялова сага (Niála или Niáls-Saga). По Мюллеру и Росселету, она записана въ первой половинѣ XII вѣка, и событiя, составляющiя ея содержанiе, относятся къ началу XI вѣка и оканчиваются приблизительно 1017 годомъ. Нужно однако думать, что мы имѣемъ сагу не въ томъ видѣ, какъ она была первоначально записана, а въ переработкѣ гораздо болѣе поздняго времени ³⁾). Здѣсь идетъ

1) Для перевода нужныхъ намъ мѣстъ въ сагахъ, не переведенныхъ на латинскiй языкъ, мы обращались къ профессору А. Н. Веселовскому.

2) Muller-Lachmann, Sagenbibl. I, 32.

3) Muller-Lachmann, I, 48; Rosselet, p. 300. Сравни замѣчанiя Конрада Маурера въ только что вышедшей книгѣ (Island, p. 57—65, 66 и о самой сагѣ p. 59): Manches deutet darauf hin, dass die Sage in der Gestalt, in welcher wir sie allein kennen, eine spätere Uebersetzung eines alteren Originals

рѣчь о Норманиѣ (Исландцѣ) Колскеггѣ: «Онъ отправился въ Данию и поступилъ на службу къ королю Даніа Свену Двойнобородому (*tjúguskegg, fursibarbus*) и здѣсь пользовался большимъ 117 почетомъ. Въ Даніа Колскеггъ принялъ крещеніе, но не поселился тамъ окончательно, а пошелъ на востокъ, въ Московію (*sic*), и провелъ тамъ одну зиму. Вскорѣ онъ отправился отсюда въ Константинополь и началъ тамъ служить наемникомъ. Послѣдній слухъ, принесенный о немъ, былъ тотъ, что онъ тамъ соединился бракомъ и, поставленный во главѣ стражей царства, остался тамъ до послѣдняго дня: и здѣсь упоминаніе о немъ заключается». (*Jam de Kolskeggo memorandum est — Daniam orientem versus profectum se regi Danorum Sveini fursibarbo commendasse... Moscoviam ad orientem versus petiit... mox inde Constantinopolim profectus ibi stipendia coepit facere. Novissima de illo fama tulerat, illic matrimonio junctum et custodibus regni praefectum, ad supremam diem permansisse: atque hic mentio ejus clauditur. — Historia Nialii et filiorum latine reddita. Hafniae, 1809, p. 256 sq.*)

Мы можемъ принять разсказъ о Колскеггѣ за вполне достоверный, предполагая, что въ оригиналѣ вмѣсто Московіи читалось Гардарика¹⁾, и что указаніе на послѣдній слухъ о судьбѣ Колскегга принадлежитъ не иначе какъ современнику. Но на первый взглядъ очевидно, что такимъ образомъ извѣстіе о службѣ Колскегга среди Варанговъ (ибо они, конечно, разумѣются подъ *custodes regni*) нѣсколько выходитъ изъ рамки повѣствованія, ограничиваемаго 1017 годомъ, и будетъ относиться по крайней мѣрѣ къ двадцатымъ годамъ XI столѣтія²⁾.

sei и т. д. (Въ томъ видѣ, въ какомъ она до насъ дошла, сага сочинена, вѣроятно, лишь во второй половинѣ XIII-го в. Авторъ при этомъ слилъ двѣ саги, первоначально самостоятельныя, о Гуннарѣ и о Ньялѣ. Критическое изданіе: *Islendinga Sogur III*; текстъ также у V. Ásmundarson-a, Reykjavík 1894 — Разборъ саги см. у F. Jónsson, l. c. II, 525 sqq., *Mogk* l. c. p. 214 sq. *Θ. Б.*)

1) <Такъ дѣйствительно и читается въ рукописяхъ. См., напр., текстъ въ *Antiquités russes* II p. 246. Московія оказалась здѣсь лишь по неточности переводчика *Θ. Б.*>

2) <Именно тотъ отрывокъ, которымъ здѣсь пользуется В. Г. (18-ая глава саги), безъ всякаго сомнѣнія — поздняя вставка и не принадлежитъ къ составу древняго преданія: Колскеггу снятъ сонъ, который истолковывается такъ, что ему предстоитъ сдѣлаться «божьимъ рыцаремъ» (*gudhs riddari*). Въ

Въ Hallfredhar-Saga мы читаемъ о Грисѣ Сэмивгссонѣ (Griss Saemingsson): «Есть человекъ, называемый Грисъ, сынъ Сэминга, мой пріятель и живетъ въ Гейтаскардѣ въ Длинной долинѣ (Langadal); онъ былъ въ Миклагардѣ и собралъ тамъ большія почести; онъ—богатый человекъ и у него много друзей» (Fogdsögur изд. Vigfusson и Möbius, Leipzig 1860, стр. 88).

Грисъ Сэмивгссонъ жилъ также въ началѣ XI столѣтія, подобно Болле Боллесону и Колскеггу; потому нѣтъ никакой нужды пускаться въ хронологическія соображенія о томъ, не поступилъ ли онъ въ Варанги ранѣе Боллесона¹⁾. Сверхъ того, въ сагѣ даже и не утверждается прямо, что онъ служилъ въ наемной византийской дружинѣ.

Что же касается Греттировой саги (Grettis-saga, Grettla по имени Скальда Греттира) и до Варяговъ, въ ней упоминаемыхъ, то здѣсь пока не время говорить о нихъ. Торбиорнъ Онгуль и его товарищи суть уже современники Гаральда Гардраде, въ одно съ нимъ время служатъ византийскому царю или царицѣ: слѣдовательно, они вступили въ число Варяговъ позднѣе вышеозначенныхъ Исландцевъ²⁾. Въ сагѣ прямо сказано, что Онгуль (Aungul) и Дромундъ пришли въ Миклагардъ тогда, когда уже былъ большой приливъ туда сѣверныхъ людей, и именно при Михайлѣ Каталакѣ (то-есть, Калаварѣ). (См. Grettla-saga ved S. Magnussen, Kjobenh. 1852. «Критическій текстъ далъ Boer 1900 (Altnord. Sagabibl. VII), гл. 96 р. 294 sq.) Ср. Müller-Lachmann I, 189).

Послѣ этого мы имѣемъ полное право утверждать, что исландскія саги не подтверждаютъ предположеніе, высказанное г. Ге-

виду этого хронологическіе выводы, построенные на этомъ отрывкѣ, теряютъ всякую почву. Ф. Б.)

1) «Если вѣрить хронологіи самой саги (а нѣтъ никакого основанія не вѣрить ей), то пребываніе Гриса въ Константинополь должно относиться къ болѣе раннему времени. Разговоръ, отрывокъ котораго приведенъ въ текстѣ, происходилъ никакъ не позже 994-го года, такъ какъ лишь послѣ него и послѣ свадьбы Гриса и Кольфинны, которую любилъ Гальфредъ, послѣдній уѣзжаетъ въ Норвегію, гдѣ застаётъ еще въ живыхъ ярла Гакона, умершаго въ 995 г. А въ этомъ разговорѣ о пребываніи Гриса въ Миклагардѣ говорится, какъ о событіи прошломъ. Оно должно относиться поэтому къ 985—993 годамъ. Ф. Б.)

2) «Прибытіе въ Константинополь какъ Торстейна Дромунда, такъ и Торбиорна Онгула опредѣляется сагой 1032—1033 годами. Ф. Б.)

деювымъ и потомъ принятое другими. Первые Норманны, служащіе въ византійской гвардіи и носящіе имя Варяговъ, не были Варяги-Скандинавы, ушедшіе въ 980 году изъ Кіева, а другіе, отправившіеся туда позднѣе и намъ извѣстные поименно ¹⁾).

Нельзя, однако, оставить безъ вниманія слѣдующаго соображенія, подсказываемаго нѣкоторыми выраженіями въ приведенныхъ выше отрывкахъ. Норманны, приходящіе изъ Норвегіи и Исландіи, какъ будто отличаются отъ другихъ Варяговъ или Варанговъ. Варяжская дружина какъ на Руси, такъ и въ Миклагардѣ существуетъ ранѣе ихъ, ранѣе Болле Боллесона и ранѣе Вига-Стира. I. Олафсонъ, вышеупомянутый переписчикъ и возсоздатель Вига-стировой саги, отмѣтилъ старинныя выраженія и обороты, въ ней встрѣчавшіеся. Въ его экскерптахъ прямо замѣчено, что въ подлинной сагѣ Норманны часто отличались отъ Вэринговъ (*Saerius eru Nordhmenn distinguishedir frá Vaeríngjum. Islendinga Sögur, II, 481*).

Изъ кого же состояла варяжская дружина въ Цареградѣ по вступленіи въ нее Норвежцевъ, и кто составлялъ варяжскую дружину на Руси помимо Норманновъ?

Отвѣтъ на это можетъ быть двоякій. Норманисты должны сказать, что и здѣсь и тамъ это были Шведы, то-есть, что когда исландская сага говоритъ о первомъ Норманнѣ, вступившемъ въ общество Варяговъ, и когда она отличаетъ въ русской варяжской дружинѣ, какъ особую составную часть, Норманновъ, то при этомъ подъ Норманнами она разумѣетъ только Норвежцевъ, живущихъ на самомъ полуостровѣ и въ Исландіи, вы-

1) «Аргументація Василья Григорьевича, поскольку она основана на матеріалѣ исландскихъ сагъ, содержитъ въ себѣ нѣсколько недоразумѣній и въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ значительно устарѣла. Безусловно невѣренъ исходный ея пунктъ, основанный на слишкомъ большомъ довѣрїи къ разсказу Лаксдальской саги: Болле Боллесонъ никоимъ образомъ не можетъ считаться «первымъ норманномъ, вступившимъ въ военную службу къ византійскому императору», даже если мы припишемъ эпизодъ о немъ устному преданію (см. выше, стр. 187₁). Утвержденіе саги объ этомъ—либо сознательно тенденціозно, либо основано на недоразумѣніи. Вслѣдствіе этого и общій выводъ Василья Григорьевича, направленный противъ Гедесона, теряетъ свою силу. Саги, знающія норманновъ въ Византіи съ 80-хъ годовъ X вѣка, косвенно скорѣе подтверждаютъ догадку Гедесона. Прямыхъ доказательствъ, однако, саги ни въ томъ ни въ другомъ направленіи не даютъ. О. Б.»

ключая отсюда Шведовъ. Шведы, слѣдовательно, могли и ранѣе быть Варангами въ Константинополѣ, точно такъ, какъ на Руси они были долго первыми и единственными Варягами. Мы думаемъ, что такое положеніе будетъ очень трудно доказать. Выраженіе «Нордманны, Nordmenn» въ сагахъ употребляется въ двойномъ значеніи. Въ первомъ, обширномъ значеніи оно обнимаетъ не только всѣхъ жителей Скандинавскаго полуострова, но также Датчанъ и, само собою разумѣется, Исландцевъ. Когда 119 нужно несомнѣнно и ясно отличить между Норманнами Норвежда, тогда въ сагахъ употребляются выраженія: Austmenn или Noregsmenn. Второе, болѣе тѣсное значеніе слова Норманнъ, или, собственно, nordmadrug, norraenn, дѣйствительно, исключаетъ Датчанъ, Шведовъ и Готовъ, но оно исключаетъ также и всѣхъ людей Норвежскаго племени, поселившихся внѣ Норвегіи, то есть, между прочимъ, Исландцевъ [; а означаетъ однихъ жителей Норвегіи] ¹⁾. Ясно, что въ этомъ второмъ значеніи слово Норманнъ не могло быть приложено къ Болле Боллесону, родившемуся въ Исландіи и отправившемуся въ Византию изъ Даніи. Слѣдовательно, выраженіе Норманны въ Лаксдальской сагѣ мы должны принимать въ широкомъ значеніи. Болле былъ первый скандинавскій Норманнъ, вступившій въ варяжскую дружину. Притомъ съ предполагаемымъ нами нормано-шведскимъ толкованіемъ мы все-таки не далеко уйдемъ въ византийской исторіи варяжскаго военнаго корпуса. Все-таки останется несомнѣннымъ, что этотъ корпусъ является въ Константинополѣ очень поздно, на глазахъ вполне ясной исторіи, которая и отмѣчаетъ Шведовъ въ составѣ Варанговъ, какъ скоро они въ немъ оказались (Шведы упоминаются въ числѣ Варанговъ, но только нѣсколько позднѣе и на ряду съ другими— въ сагѣ объ Олафѣ Святомъ и о Гаральдѣ). *)

1) См. объ этомъ въ превосходной статьѣ К. Маурера: «Ueber die Ausdrücke altnordische, altnorwegische und isländische Sprache», примѣчаніе 71 на стр. 705, въ Abhandlungen der Bayer. Akademie der Wissensch. Philol. Classe, Bd. XI (1867 г.). Тамъ приведено много примѣровъ того и другого словоупотребленія.

*) <Здѣсь мы опустили нѣсколько строкъ, которыя въ экземплярѣ Василья Григорьевича зачеркнуты.>

Послѣ этого намъ понятно будетъ, почему даже въ исландскихъ сагахъ Норманны XI столѣтія, приходящіе на службу Русскаго князя, «отличаются» отъ прочихъ Варяговъ.

Обращаясь къ Византійскимъ Варангамъ, мы заранѣе можемъ высказать ожиданіе, что и тамъ насъ встрѣтитъ такое же явленіе, то-есть, что и византійскій военный корпусъ Варанговъ вовсе не состоялъ изъ однихъ только Норманновъ-Скандинавовъ, даже, быть можетъ, Норманны составляли небольшую его долю. Теперь для насъ всего важнѣе то, что Норманны, то-есть, Исландцы, Норвежцы, а потомъ Шведы, вступаютъ въ Константинополь уже въ готовое «Варяжское общество». Вопросъ, поставленный въ началѣ главы, остается пока нерѣшеннымъ. Мы не принявъ сопоставленія, сдѣланнаго г. Геденовымъ, между Варягами, отправившимися изъ Кіева въ 980 году, и Византійскими Варангами 1034 года,—на томъ преимущественно основаніи, что этихъ Варяговъ г. Геденовъ считаетъ Норманнами, а Норманны появились въ составѣ византійской варяжской дружины гораздо позднѣе 980 года: мы опредѣленно знаемъ, когда именно. Но если Варяги существуютъ въ Константинополѣ ранѣе 1020 года, ранѣе перваго появленія среди нихъ Норманновъ, то, во-первыхъ, кто жъ они были?—а во-вторыхъ, и это для насъ теперь главное, когда же былъ сформированъ знаменитый варяжскій корпусъ въ Византій? Можно, конечно, оставить объясненіе г. Геденова, подвергнувъ оное небольшому видоизмѣненію. Варяги, отправившіеся въ 980 году изъ Кіева въ Царьградъ, не были Норманны, а или тѣ самые Венды-Славяне, которые, по теоріи г. Геденова, въ сущности и были настоящими и основными Варягами, или просто Русскіе-Славяне, безъ сомнѣнія, также вступавшіе въ Кіевскую варяжскую дружину. Но мы уже указали трудности, какія встрѣтитъ такое толкованіе. Нужно будетъ предполагать, что Васплій II не послушался совѣта, поданнаго Кіевскимъ княземъ. Нужно будетъ доказывать, что вмѣсто Варяги-пришельцы, которые все-таки были въ Кіевской варяжской дружинѣ и повидимому, только что приведены были Владиміромъ изъ-за моря, остались на Руси, а ушли свои Русскіе, которымъ приходилось разстаться съ родиною. Можно здѣсь прибавить и еще одно соображеніе, помимо другихъ, которыя пусть

лучше подразумѣваются. Въ 988 году Русскій князь Владиміръ находился въ открытой враждѣ съ Византійскою имперіей; взятіе въ этомъ году Херсона извѣстно какъ изъ русской лѣтописи, такъ равно изъ византійскихъ источниковъ (Левъ діаконъ)¹⁾. Что же въ этомъ году сдѣлалось съ отрядомъ Варанговъ, находившимся въ Византіи и состоявшимъ исключительно изъ Русскихъ? Послѣ, при подобныхъ случаяхъ, отправляли Варанговъ подальше изъ Константинополя: но мы не видимъ, чтобы въ 988 году была принята такая мѣра. Правда, можно замѣтить, что въ 988 году Русскіе не угрожали самому Константинополю, какъ это было въ томъ нашествіи, которое мы подразумѣваемъ. Но во всякомъ случаѣ есть очень ясныя указанія, что зимой 987—988 годовъ не было въ Цареградѣ Русскихъ, а если они здѣсь явились въ продолженіе года, то это были не прежніе и старые пришельцы, а новые. Именно послѣ взятія Херсона и послѣ женитьбы Владиміра на греческой царевнѣ Аннѣ Русскіе въ Византіи являются вновь, послѣ перерыва, бывшаго слѣдствіемъ Болгарской войны Святослава. Наши русскіе историки и ученые разыскатели, гонясь иногда за призраками, пропустили и пропускаютъ безъ вниманія фактъ громаднѣйшей важности въ исторіи не только русской, но и всего сѣвера. Этотъ фактъ мы выражаемъ надписаніемъ слѣдующей главы нашего изслѣдованія.

III.

Шеститысячный русскій корпусъ въ Константинополѣ съ 988 года.

На первыхъ страницахъ исторіи Михаила Пселла, начинающейся со смерти Цимисхія и, такимъ образомъ, служащей прямымъ продолженіемъ Льва діакона, рассказывается о возмущеніи Варды Фоки противъ Василія II: непріатели дошли до самой Пропонтиды и расположились лагеремъ на другой сторонѣ моря, въ виду Константинополя. Тогда: «Императоръ Василій убѣдился въ

1) Одна и та же комета предѣшала для Льва діакона и возмущеніе Варды Фоки (987—989 гг.), и взятіе Херсона Русскими.

нерасположеніи къ нему Грековъ, и такъ какъ не задолго предъ тѣмъ къ нему пришелъ отъ Тавроскивовъ значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ вмѣстѣ и устроивъ другую наемную силу, выслалъ (ихъ) противъ расположенной на другой сторонѣ фаланги (Ο δὲ βασιλεὺς Βασίλειος τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀγνωμοσύνης κατεγνώχως, ἐπειδήπερ οὐ πρό πολλοῦ ἀπὸ τῶν ἐν τῷ Ταύρω Σχυθῶν λογάς πρὸς αὐτὸν ἐφοίτησεν ἀξιόμαχος, τούτους δὴ συγκροτήσας καὶ ξενικὴν ἑτέραν ξυλλοχισάμενος δύναμιν, κατὰ τῆς ἀντιχειμένης ἐκπέμπει φάλαγγος ¹⁾).

Что подъ Тавроскивами здѣсь разумѣется Русь, это не требуетъ никакихъ доказательствъ. Въ такомъ смыслѣ это слово употребляется у Льва діакона, къ послѣднимъ страницамъ котораго примыкаетъ, какъ продолженіе, трудъ Михаила Пселла. У другихъ позднѣйшихъ историковъ мы сейчасъ увидимъ именно Русь при рассказѣ о томъ же самомъ фактѣ. Приведенное нами мѣсто представляетъ неопредѣленность и неясность не относительно національности «значительнаго военнаго отряда», а совершенно въ другихъ отношеніяхъ. Возмущеніе Варды Фоки падаетъ на 987—989 годы; военныя дѣйствія, въ которыхъ участвуютъ Русскіе, не многимъ предшествуютъ апрѣлю 989 года, когда Фока умеръ, а его армія разсѣялась ²⁾. Итакъ, куда должно быть отодвинуто «не задолго предъ тѣмъ», опредѣляющее время прибытія русскаго отряда? На основаніи неопредѣленныхъ выраженій Пселла можно было предположить, что здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ Варягахъ, которые отправились изъ Кіева въ 980 году. По прямому смыслу вышеприведеннаго отрывка, къ 989 году относятся не прибытіе Русскихъ военныхъ людей въ Константинополь, а ихъ организація въ особый отрядъ, ввѣщающій болѣе довѣрія, чѣмъ мѣстные силы. Слово συγκροτήσας (со-

1) (Mich. Psell. ed. Sathas, Bibl. gr. med. aevi, IV, p. 10).

2) День смерти Варды Фоки отмѣченъ у Кедрина (vol. II p. 446 Bonn.) въ апрѣлѣ 647 (989-го) года. Дельфина разбитъ нѣсколько ранѣе того—въ февралѣ или самомъ началѣ марта того же года. Это видно изъ отчетливаго рассказа армянскаго историка Асохика (переводъ Эмина, стр. 479). Сраженіе около Скутари полагается въ 988 году, но это годъ мартовскій. Непосредственно затѣмъ читаемъ: «съ наступленіемъ (989) слѣдующаго года— время стояло весеннее—царь Василій отправился» противъ самого Фоки. На Мурахта полагаться нельзя.

единивъ, собравъ въ одно мѣсто) могло бы быть принято, какъ
 128 намекъ на то, что значительное количество русскихъ людей хотя
 и находилось (съ 980 года) въ Византіи, но было разсѣяно въ
 разныхъ мѣстахъ (какъ совѣтовалъ поступить Владиміръ). Все
 это оказалось бы, однако, напрасными и неосновательными до-
 гадками. Не совсѣмъ удовлетворительны для нашей пытливости,
 которой, конечно, Пселлъ не могъ имѣть въ виду, и послѣднія
 фразы выписаннаго нами отрывка. Слова *ξενικήν ἐτέραν δύναμιν*
 могутъ быть понимаемы или въ смыслѣ противоположенія нена-
 дежнымъ Грекамъ, служившимъ не по найму, или же въ смыслѣ
 сопоставленія съ русскимъ отрядомъ; такъ что въ первомъ случаѣ
 именно Русскіе и будутъ составлять наемную другую силу, а
 во второмъ нужно будетъ допустить существованіе или учре-
 жденіе еще какой-то иной, помимо Русскихъ, военной наемной си-
 лы. Гораздо естественнѣе первое объясненіе, потому, во-пер-
 выхъ, что образованіе новой силы выше мотивируется только
 прибытіемъ однихъ русскихъ людей; во-вторыхъ, потому, что два
 глагола *συχροτήσας* и *ξυλλοχισάμενος* въ сущности представля-
 ютъ естественную градацію двухъ дѣйствій, относящихся къ
 одному объекту: первое значитъ стянуть, собрать въ одно мѣсто
 массу военныхъ людей, а второе—раздѣлить ихъ на отряды, дать
 надлежащую организацію; въ-третьихъ, потому, что другіе источ-
 ники всѣ говорятъ объ однихъ Русскихъ.

То, что неясно въ разсказѣ Пселла, объясняется параллель-
 ными мѣстами двухъ византійскихъ писателей XII вѣка, почер-
 павшихъ свои извѣстія изъ одного источника, то-есть, рабски
 копировавшихъ хроніку Іоанна Θρακισійскаго. Іоаннъ Θρακισій-
 скій, какъ уже было замѣчено, жилъ въ концѣ XII столѣтія.
 Мы имѣемъ одну докладную записку (*ὑπόμνησις*), представленную
 имъ Алексію Комнину въ 1092 году (*Zachariae, Ius graeco-go-*
tharum, III p. 376). Но есть очень много признаковъ, что извѣ-
 стія, относящіяся къ первой половинѣ XI вѣка и вошедшія пер-
 воначально въ его хроніку, были записаны современно самымъ
 событіямъ, именно въ Малой Азіи. Во всякомъ случаѣ, съ перваго
 взгляда очевидно, что въ данномъ, насъ интересующемъ, мѣстѣ
 Кедринъ и Зонара независимы отъ Пселла.

Разсказывая исторію возмущенія Варды Фоки, Кедринъ (II,

444) пишетъ, что когда одинъ отрядъ Варды явился въ виду Хрисополя (теперь Скутари), то Василий II «приготовилъ ночью корабли и посадилъ на нихъ Русь, такъ какъ кстати онъ призвалъ къ себѣ изъ нихъ союзную (военную) силу и сдѣлалъ зятемъ князя ихъ Владиміра по своей сестрѣ Аннѣ; переправившись съ ними, онъ неожиданно нападаетъ на враговъ и легко захватываетъ въ свои руки»: *πλοῖα παρασκευάσας νυκτὸς καὶ τού- 124 τοις ἐμβιβάσας Ῥώς (ἔτυχε γὰρ συμμαχίαν προσκαλεσάμενος ἐξ αὐτῶν, καὶ κηδεστήν ποιησάμενος τὸν ἄρχοντα τούτων Βλαδιμηρόν ἐπὶ τῇ ἑαυτοῦ ἀδελφῇ Ἄννῃ), περαιωθεὶς μετ' αὐτῶν ἀνοήτως ἐπιτίθεται τοῖς ἐχθροῖς καὶ ῥᾶον χειροῦται.*

Въ подобныхъ же выраженіяхъ описывается событіе у Зоары (vol. II p. 221 В Paris.): «Когда Дельфина (сторонникъ Фоки) расположился лагеремъ противъ Хрисополя, императоръ напалъ на нихъ съ Русскимъ народомъ, потому что онъ, устроивъ родственныи союзъ съ княземъ ихъ Владиміромъ чрезъ сестру свою Анну, получилъ оттуда вспомогательный военный отрядъ: онъ одержалъ верхъ надъ противниками»: *αἰφνίδιον ἐπῆλθεν ὁ βασιλεὺς μετὰ λαοῦ Ῥωσικοῦ (κῆδος γὰρ πρὸς Βλαδιμηρόν τὸν ἄρχοντα τούτων ἐπὶ Ἄννῃ τῇ ἀδελφῇ αὐτοῦ θέμενος συμμαχικὸν ἐχειθεὶν ἐδέξατο), καὶ ῥᾶον τῶν ἐναντίων ἐχράτησε.*

Не останавливаясь на томъ, что здѣсь вмѣсто Тавроскиѳовъ является Русь, Русскій народъ, состоящій подъ властію князя Владиміра, мы получаемъ совершенно новое, болѣе яркое освѣщеніе факта и объясненіе причины, вслѣдствіе которой явился въ Византію «значительный военный отрядъ» Пселла. Эта причина есть бракъ Кіевскаго князя на сестрѣ императора Василя, а по русской лѣтописи—соединенное съ нимъ крещеніе Владиміра, относимое къ 988 году. Слѣдовательно, вспомогательный русскій корпусъ отправленъ былъ въ Византію только въ 988 году, предъ самымъ приближеніемъ мало-азіатскихъ инсургентовъ къ Царьграду, на чтò и указываютъ выраженія Кедрива (ἔτυχε). Очевидно, все это вмѣстѣ бросаетъ нѣсколько новыхъ лучей свѣта на одно изъ важнѣйшихъ событій русской исторіи; съ одной стороны, должно быть оцѣнено затруднительное положеніе Василя II въ 988 году, а съ другой—должно быть признано, что не одно желаніе обратить Кіевскаго князя въ христіанство за-

ставило царевну Анну отправиться въ Корсунь; что, наконецъ, условія брачнаго союза не ограничивались однимъ принятіемъ крещенія и возвращеніемъ Херсона. Обращаемся, однако, къ своему предмету.

Помимо Византійцевъ, объ отправленіи Владиміромъ вспомогательнаго союзнаго отряда въ Византію свидѣлствуютъ два армянскіе историка. Одинъ изъ нихъ, Степаносъ Таронскій, по прозванію Асохикъ, есть ближайшій современникъ Владиміра Кіевскаго и Василя II. Онъ предпринялъ свой трудъ по приглашенію владыки Саргиса, о которомъ извѣстно, что онъ вступилъ на патріаршій престолъ армянской церкви въ 992 году (см. введе-
126 ніе Эмяна ко Всеобщей исторіи Асохика, Москва 1864, стр. VII). «Асохикъ», по словамъ его русскаго переводчика, «занимаетъ одно изъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ между писателями своего отечества. Не говоря о правдивости, которою онъ по справедливости можетъ гордиться наравнѣ со всѣми армянскими историками, у которыхъ она составляетъ характеристическую черту и одно изъ главныхъ достоинствъ, онъ имѣетъ передъ ними еще то огромное преимущество, что съ необыкновенною тщательностью относится къ хронологіи» (стр. XII). То и другое качество, дѣйствительно, должно быть признано за Степаносомъ Таронскимъ; на точность его хронологіи мы сами обратили вниманіе ранѣе, чѣмъ прочитали предисловіе почтеннаго переводчика.

Въ концѣ своего сочиненія Асохикъ рассказываетъ о приходѣ греческаго царя въ Восточную землю, то-есть, въ Арменію. Событіе, которое случилось при этомъ, имѣло своимъ ближайшимъ театромъ мѣстность, сосѣдную съ Таронскимъ округомъ (теперь Мушъ, между Діарбекиромъ и Эрзерумомъ), то-есть, именно совершилось на родинѣ Степаноса Таровскаго. Оно относится къ 1000 году. Въ Таикской провинціи, въ городѣ Хавтчитчѣ Византійскій императоръ былъ встрѣченъ Багаратомъ, царемъ Абхазскимъ, и отцомъ его Гургеномъ, царемъ Иверійскимъ. Василій, сдѣлавъ великолѣпный приѣмъ обоямъ царямъ, отпустилъ ихъ въ ихъ земли.

«Въ самый день отъѣзда послѣдняго (то-есть, Грузинскаго царя) въ греческомъ лагерѣ произошла сильная схватка изъ-за

ничтожной причины. Князья и вассалы куропалата Давида (властитель Карталинскій и царь Армяногрузинской провинціи Даяка, на сѣверо-востокѣ верхней Арменіи), прибывшіе туда, стояли недалеко отъ греческаго лагеря. Изъ пѣхотнаго отряда Рузовъ какой-то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ Иверійцевъ и отнялъ у него сѣно. Тогда прибѣжалъ къ Рузу на помощь другой Рузь. Иверіецъ кликнулъ къ своимъ, которые, прибѣжавъ, убили перваго Руза. Тогда весь народъ Рузовъ, бывшій тамъ, поднялся на бой: ихъ было 6.000 человекъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ просилъ царь Василій у царя Рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. — Въ это же самое время Рузы увѣровали во Христа. Всѣ князья и вассалы Тайк'скіе выступили противъ нихъ и были побѣждены. Тутъ погибли: великій князь князей, по имени Петріархъ (Патрикій? имя искажено въ рукописяхъ), два сына Очопѣитре — Габріель и Іоаннесъ, Чортванель внукъ Абу-Харба 126 и многіе другіе; ибо гнѣвъ Божій тяготѣлъ надъ ними за ихъ высокомеріе» (стр. 200—201).

Разсказъ въ высокой степени ясный, простой и естественный; ни одна малѣйшая подробность не возбуждаетъ сомнѣнія. Что русскій человекъ способенъ былъ подражать съ Грузинномъ изъ-за сѣнца, приготовленнаго для лошади, этому всякій повѣритъ, и уже никто, надѣмая, не скажетъ, что это чисто норманское качество. Критика, которая захочетъ быть строгою, можетъ напасть только на лошадь, которую имѣетъ пѣхотинецъ. На этотъ случай можно сдѣлать уступку. Въ другомъ переводѣ лошади именно и нѣтъ. Тамъ читается: «*Les princes et les nobles de Daïk avaient établi leur camp auprès de celui des Grecs. Or, un fantassin russe, étant sorti du camp, y gentra apportant une botte de foin. Un soldat géorgien, s'approchant de lui, la lui enleva*» и т. д. (отрывокъ переведенъ въ примѣчаніи къ тому мѣсту другаго армянскаго писателя, которымъ мы сейчасъ займемся). Но мы вѣримъ и въ лошадь; она могла быть какъ въ спискѣ г. Эмина, такъ и у русскаго пѣхотинца — въ видѣ военной добычи или для переноса добычи. Походъ, изъ котораго возвращались Русскіе, былъ также не близкій: Василій II шелъ изъ Сиріи и Киликіи. Очень

можетъ быть, наконецъ, что имѣющій лошадь Русскій служилъ пѣхотинцемъ, потому что это было выше и почетнѣе, то-есть, это была русская пѣхотная гвардія. Что касается шеститысячнаго числа русскихъ военныхъ людей, то оно, конечно, неожиданно. Но за то оно напоминаетъ шеститысячную гвардію, около этого же времени учрежденную въ Англіи, знаменитый корпусъ Housecarls—на другомъ концѣ Европы. Неожиданныя, но также не подлежащія сомнѣнію цифры мы встрѣтимъ и далѣе. Утверждаютъ, напримѣръ, что варяжская гвардія въ Константинополѣ едва достигала пятисотеннаго числа (г. Геденовъ), а окажется, что ее надобно считать тысячами. Но мы забѣгаемъ впередъ.

О схваткѣ Русскихъ съ Грузинами упоминаетъ и продолжатель Асохика, Аристакесъ Ластивертскій, жившій въ первой половинѣ XI вѣка. Въ самомъ началѣ своей «Исторіи Арменіи» онъ повѣствуетъ о посѣщеніи Василиемъ II армянскихъ областей: «Воины благороднаго отряда провинціи Даякъ вышли ему навстрѣчу. Они были почтены большими дарами, каждый по своему достоинству, своему титулу или своей степени, и это исполнило ихъ великою радостію. Но тотчасъ исполнилось надъ ними пророчество, внушенное Духомъ Святымъ Давиду: «Утромъ они произрастутъ изъ земли, будутъ блистать и цвѣсти какъ трава, а вечеромъ они увянутъ, засохнутъ и упадутъ». Вслѣдствіе не знаю какихъ причинъ, поднялась ссора между западными войнами, называемыми Русскими, и благороднымъ отрядомъ; тридцать человекъ самыхъ знатныхъ изъ этого послѣдняго умерли на этомъ мѣстѣ. Въ этотъ день не ускользнулъ ни одинъ благородный Даяка; всѣ заплатили немеленною смертію за свое преступленіе» (*Une rixe s'étant élevée, je ne sais pour quels motifs, entre les soldats occidentaux appelés Russes et la legion noble, trente hommes des plus honorables de cette dernière moururent en cet endroit* и т. д.—*Histoire d'Arménie par Agisdaguès de Lasdiverd, traduite par M. Evariste Prud'homme. Paris, 1864, p. 9).*

Преступленіе, совершенное благороднымъ легиономъ грузинскимъ, насъ не касается. Но если позволительно искать причины кровавой ссоры между Русскими и Грузинами помимо клочка сѣна, упомянутаго Асохикомъ, то мы должны обратиться назадъ къ

событіямъ 989 года. Варда Фока, какъ мы узнаемъ отъ Пселла (стр. 11) и отъ самого Асохика, кромѣ греческихъ силъ опирался, главнымъ образомъ, на сочувствіе къ нему Грузинъ; въ сраженіи, которое рѣшило его участь, грузинская пѣхота составляла лучшую часть его войска (Пселлъ). Асохикъ (стр. 178) прямо утверждаетъ, что Фока началъ войну противъ царственнаго города Константинополя во главѣ греческихъ и иверійскихъ войскъ. Когда Дельфина укрѣпился насупротивъ царственнаго города, «Василій привелъ на противоположный берегъ всё войска, бывшія въ городѣ, равно и войска западныхъ странъ». Мы сейчасъ видѣли, что Аристакесъ называетъ Русскихъ западными войнами. Такимъ образомъ, сверхъ вышеприведенныхъ источниковъ, и армянскій историкъ, по крайней мѣрѣ, намекаетъ на то, что Грузины Варды Фоки въ 989 году пострадали, главнымъ образомъ, отъ вновь организованнаго русскаго корпуса. Память объ этомъ тяжеломъ посрамленіи народной чести могла оставаться тѣмъ болѣе, что, повидимому, Русскіе заняли мѣсто Грузинъ въ Византійской арміи; послѣ эти самыя предикаты придаются Тавроскпеамъ.

Итакъ, фактъ присутствія въ Византійской имперіи съ 988 года до первыхъ годовъ XI столѣтія большаго русскаго военнаго корпуса—по крайней мѣрѣ, шеститысячнаго,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы только мимоходомъ отмѣчаемъ теперь то, конечно, не лишнее значенія обстоятельство, что Тавроскпемы (=Русскіе), упомянутые Михаиломъ Пселломъ при повѣствованіи о Василіи II Болгаробойцѣ, встрѣчаются потомъ нѣсколько разъ на страницахъ его исторіи и притомъ прямо въ видѣ Варяговъ. Это будетъ видно въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія. Теперь, оставляя пока Пселла въ сторонѣ, мы обращаемся къ другимъ источникамъ, у которыхъ находимъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о важности и многочисленности русскаго элемента въ Византійской арміи. Мы находимъ въ нихъ продолженіе исторіи все того же русскаго корпуса.

Но извѣстное мѣсто Льва Остійскаго (MG. SS. VII, 652), въ которомъ норманисты и даже ихъ противники совершенно напрасно находили Варяговъ на ряду съ Русью, мы, по строгой справедливости, должны признать не имѣющимъ для насъ пока

никакого значенія. Левъ Остійскій, рассказывая о южно-италианскихъ событіяхъ 1110 года, упоминаетъ о возстаніи Мело, прибавляя, что это былъ самый дѣятельный и умный изъ всѣхъ гражданъ города Бари и даже цѣлой Италіи. Когда Апулійцы не могли болѣе переносить высокомерія и наглости Грековъ, не задолго предъ тѣмъ, то-есть, во время Оттона I, при помощи союзныхъ Датчанъ, Русскихъ и Гуалановъ, присвоившихъ себѣ Апулію и Калабрію, то Мело сталъ во главѣ возмущенія (Gregorium, qui non multo ante, a tempore scilicet primi Ottonis Apuliam sibi Calabriamque sociatis in auxilium suum Danis, Russis, et Gualanis vendicaverant).

Во-первыхъ, Левъ Остійскій писалъ свою хронику Монте-Кассинскаго монастыря въ самомъ концѣ XI столѣтія и относительно южно-италианской, греко-норманской исторіи пользовался сочиненіемъ своего старшаго по времени собрата, именно «Норманскою исторіей» Кассинскаго монаха Амата. Аматы служилъ для него главнымъ источникомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что даже въ томъ случаѣ, если бы событіе, совершившееся будто бы при помощи Датчанъ, Русскихъ и, положимъ, Варяговъ (хотя въ Gualani скорѣе скрываются Аланы или Вандалы Барійской лѣтописи), относилось къ началу XI столѣтія, то Левъ Остійскій самъ по себѣ далеко не былъ бы такимъ свидѣтелемъ, на точность котораго, особенно въ подробностяхъ, слѣдовало бы полагаться. Между тѣмъ, именно этой вставочной исторической ремисценціи и нѣтъ у Амата, тогда какъ изложеніе главнаго событія въ хроникѣ Льва несомнѣнно находится въ самой близкой зависимости отъ его *L'ystoire de li Normant*. «*Sequentia Amatus non habet*», замѣчено предъ вышеприведеннымъ отрывкомъ въ лучшемъ изданіи Льва Остійскаго (MG. VII, p. 652, adn. 63).

129 Во-вторыхъ, событіе, въ которомъ участвовали Датчане, Русскіе и (предполагаемые) Варяги, должно относиться даже не къ XI столѣтію, а къ 60 годамъ X вѣка, ко времени Оттона I, которое еще менѣе было извѣстно Монте-Кассинскому монаху, писавшему около 1098 года, чѣмъ первая половина XI вѣка. Не только подробности, но и самая сущность и основа сообщаемого мимоходомъ извѣстія—ошибочны. Апулію и Калабрію Греки превозили себѣ вовсе не при Оттонѣ I. Итакъ, если Русскіе

и Варяги сколько-нибудь различаются у Льва Остійскаго, то это можетъ имѣть значеніе лишь для опредѣленія тѣхъ возрѣній и той дѣйствительности, которыя существовали въ концѣ XI вѣка, а не въ началѣ его.

Черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ появленія русской наемной дружины въ Константинополѣ, мы встрѣчаемъ Русскихъ среди византійской арміи въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ только шли военныя дѣйствія. Положимъ, что тотъ родственникъ князя Владиміра, который содѣйствовалъ покоренію Византійцами Хазаріи, не былъ на службѣ Василя II, а былъ отправленъ на помощь изъ Кіева, либо самъ пришелъ изъ какого-нибудь русскаго княжества. За то Русскіе, дѣйствовавшіе подъ греческими знаменами въ южной Италіи и Болгаріи, несомнѣнно входили въ составъ домашнихъ военныхъ силъ императора Византійскаго. Въ 1016 году, въ походѣ на Болгаръ, Василій II въ равнинахъ Пелаговіи захватилъ множество плѣнниковъ. Онъ раздѣлилъ добычу на три части и одну часть предоставилъ союзной Руси, другую грекамъ, а третью взялъ себѣ: *καὶ τριχῆ τούς ἄλόντας μερισάμενος, καὶ μίαν μὲν μερίδα τοῖς συμμαχοῦσι παρεσχηκώς Ῥώσ ἐτέραν δὲ Ῥωμαίοις, καὶ ἄλλην ἑαυτῷ παρακτασχών, ἔχωρει προσωτέρω* (Sedren. II, 465). Нужно думать, что число Русскихъ, служившихъ въ Греческой ~~арміи~~ арміи, было весьма значительно, если они получаютъ цѣлую ~~половину~~ добычи, доставшейся на долю войска. Въ 1019 году Французскіе Норманны, явившіеся въ южной Италіи на помощь апулійскимъ нисургентамъ и вышеупомянутому Барійцу Мело, были разбиты греческимъ катапаномъ въ сраженіи при Каннахъ. Помимо классическихъ воспоминаій, пробуждаемыхъ названіемъ мѣста битвы, сраженіе замѣчательно тѣмъ, что здѣсь противъ Норманновъ дѣйствовали Русскіе, и что они-то были главными виновниками побѣды: «Когда императоръ услышалъ, что смѣлые рыцари напали на его землю, онъ противъ Норманновъ отправилъ самыхъ храбрыхъ людей, какихъ только онъ могъ найти» (L'histoire de li Normant, I, 21). «Въ первыхъ трехъ сраженіяхъ Норманны остались побѣдителями, но въ чет- 130
вертой битвѣ, гдѣ имъ пришлось бороться съ народомъ Русскимъ, они были побѣждены, обращены въ ничто и въ безчисленномъ количествѣ отведены въ Константинополь, гдѣ до конца жизни

были истязуемы въ темницахъ. Отсюда вышла пословица «Грекъ на телѣгѣ ловить зайца» (*Congressione bis et ter facta, victores Normanni existunt. Quarto congressu cum gente Russorum victi et prostrati sunt et ad nichilum redacti, et innumeri ducti Constantinopolim* и т. д. — *Ademari historiarum libri III, MG. SS. IV, 140. Ср. Leo Ostiens. MG. SS. VII, 652*). Авторъ извѣстiя, писавшiй въ южной Францiи, кончилъ свою исторiю въ 1028 году, когда, вѣроятно, умеръ; онъ вообще обнаруживаетъ знакомство съ дѣлами Иерусалимскими и Константинопольскими (см. предисловіе Вайца). Выраженіе *gens Russorum* напоминаетъ *λαδὸν Ῥωσικδὸν* Зонары. Пословица на счетъ Грековъ: *Graecus cum sagitta Ierogem capit*, напоминаетъ галицкую пословицу: «Волом заяца не догонишь» (Ср. Гедеоновъ, Отрывки изъ изслѣдованiй о Варяжскомъ вопросѣ, стр. 165).

Одно византiйское извѣстiе, которое относится или къ послѣднимъ годамъ правленiя св. Владимiра, или же къ первымъ годамъ правленiя Ярослава (1011—1025 гг.), указываетъ на постоянный приливъ русскихъ военныхъ людей въ Константинополь, такъ что византiйское правительство стало уже смотрѣть на нихъ подозрительно и принимать мѣры осторожности. Время событiя, о которомъ должна идти рѣчь, византiйскимъ историкомъ опредѣлено такъ, что оно случилось послѣ того, какъ умерла въ Руси сестра императора Василiя Анна и еще прежде нея мужъ ея Владимiръ. Между тѣмъ, смерть Анны въ первоначальной русской лѣтописи отмѣчена подъ 1011 г., равнѣ смерти Владимiра. Впрочемъ, такъ какъ указанiе на смерть Владимiра повторено два раза, то отъ него и нужно отправляться въ опредѣленiи хронологiи. Съ другой стороны, греческая компилятивная хроника ставитъ сейчасъ приводимый разсказъ предъ самою смертiю Василiя II, которая случилась въ декабрѣ—послѣ событiй 1023 и 1025 годовъ, что, повидимому, можетъ служить болѣе надежнымъ путемъ для возстановленiя истиннаго года событiя. Итакъ: «Когда умерла на Руси сестра императора, а равнѣ ея мужъ ея Владимiръ, то Хрисохиръ, какой-то сородичъ умершаго, привлеки къ себѣ 800 человекъ и посадивъ ихъ на суда, пришелъ въ Константинополь, какъ будто желая вступить въ наемную службу. Но когда императоръ требовалъ, чтобъ онъ

сложилъ оружіе и только въ такомъ видѣ представился на сви- 191
даніе, то онъ не захотѣлъ этого и ушелъ черезъ Пропонтиду. При-
бывъ въ Абидосъ и столкнувшись со стратигомъ оной (Пропон-
тиды), наблюдающимъ за морскимъ берегомъ, онъ легко его по-
боролъ и спустился къ Лемносу. Здѣсь (онъ и его спутники) бы-
ли обмануты притворными обѣщаніями, данными начальникомъ
флота Кивирріотовъ и Давидомъ изъ Охриды, стратигомъ Самоса,
да Никифоромъ Кавасилой, дукою Солунскимъ, и всѣ были
перебиты» (Cedren. II, 478 — 479: Χρυσόχειρ - - ἄνδρας
ἐκτακτοῦς προσεταιρισάμενος - - ἦλθεν - - ὡς τάχα μισθοφόρῳσων.
τοῦ δὲ βασιλέως καταδεῖναι τὰ ὄπλα κελεύοντος καὶ οὕτω ποιήσασθαι
τὴν ἐντυχίαν, μὴ θελήσας διῆλθε τὴν Προποντίδα - - ἐκεῖσε
δὲ - - παρασπονδῆθέντες ἅπαντες κατεσφάγησαν). — Норманисты
придумываютъ Gullhand'a или Gullmund'a (Kunik, Begufung
II, 170), чтобъ изъ Хрисохира сдѣлать Норманна, переводя
обратно на норманскій греческое, по ихъ мнѣнію, пе-
реводное наименованіе. Противники скандинавской теоріи ссы-
лаются на то, что у Норманновъ прозвища безъ имени не упо-
требляются, тогда какъ въ русскихъ лѣтописяхъ есть и Волчій
хвостъ, и Положи шило (Гедеоновъ, Отрывки, стр. 262), слѣ-
довательно, возможна была и Золотая рука. Но предъ нами на-
ходится прозвище греческое, а не норманское: византійскому
писателю не было нужды слѣдовать строго законамъ скандинав-
ской ономастологін. Трудно сказать что-нибудь безспорно убѣди-
тельное по этому вопросу: очень можетъ быть, что въ основѣ
греческаго «Хрисохиръ» лежатъ не переводъ, а искаженіе со-
звучнаго русскаго имени. Мы можемъ остановиться на слѣдую-
щемъ соображеніи: такъ какъ Хрисохиръ былъ сородичъ Вла-
димира — συγγενής τις τοῦ τελευταῖσαντος, то онъ, безспорно, былъ
такой же Русскій Славянинъ, какъ и князь Владиміръ, и если
онъ былъ Варягъ, то во всякомъ случаѣ не Норманъ. Нор-
манскіе Варяги, дѣйствительно, были въ Кіевѣ въ 1024 году;
но Якунь съ золотою лудою, ихъ предводитель, послѣ сраженія
при Ливневѣ, ушелъ не въ Греки, а назадъ къ себѣ за море,
то-есть, за Варяжское море. Было бы большимъ произволомъ
предполагать, что именно его Варяги пробрались въ Малую
Азію.

За то вѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что Русскіе, снова дѣйствующіе около этого времени въ южной Италиі, суть тѣ же самые наемные союзники, которые отличались на мѣстѣ, прославленномъ побѣдою Аннибала надъ Римлянами. Въ 1024 (или въ 1025) году знаменитый Болгаробойца собрался завершить свои подвиги восстановленіемъ греческой власти на 132 Италійскомъ полуостровѣ; одинъ изъ его вѣрныхъ слугъ, постельничій (китонитъ, *κίτωνίτης*) Орестъ, отправился впередъ для завоеванія Сциліи, находившейся въ рукахъ невѣрныхъ. Въ одной изъ Барійскихъ лѣтописей описывается составъ войска, приведеннаго Орестомъ въ Италію. Тутъ были на первомъ мѣстѣ Русскіе, далѣе загадочные Вандалы, можетъ быть, одно и то же съ Гуаланами Льва Остійскаго, и тогда всего скорѣе Аланы, то-есть, Грузины, давно служившіе въ греческихъ войскахъ ¹⁾, далѣе Турки, Болгары, Волохи, Македоняне и другіе (*Annales Vagenses*, MG. SS. V, 53). Годъ (1027) поставленъ невѣрно: Hoc anno descendit Ispo chitoniti in Italiam cum exercitu magno, id est Russorum, Guandalorum, Turcorum, Burgarorum, Vlachorum, Macedonum aliorumque, ut caperet Siciliam (Ср. относительно года Cedren. II, 479 и *Chronic. Anonym. Vagens.*, Murator. V, 149).

Приведенныя свидѣтельства достаточно убѣждаютъ насъ въ важности, многочисленности и прочномъ, постоянномъ существованіи русскаго элемента въ войскахъ Византійскаго императора. Едва ли кто рѣшится думать, что и въ Болгаріи, и въ южной Италиі все дѣйствуетъ Русь норманская, а не славянская. Ви-

1) Грузины участвовали въ походахъ въ южную Италію. См. Attaliota, p. 9: *σύνμαχοι καὶ τῆς ἰσχυροῦς ἡμῶν συμπετόχοντες, ὡς καὶ αὐτῆς τῆς θρησκείας Ἄλβανοί.* Ср. Zonar. II, 101 A Paris.: Ἄλβανός, οὗς Ἄλβανός ὁ Προκόπιος γράφει. Изъ Алановъ тѣмъ легче могли сдѣлаться Гуаланы, что и въ греческомъ средневѣковомъ языкѣ говорилось вмѣсто *ἀναξ* — *γουάναξ*, вмѣсто *ἐλένη* — *Γουελένη*. Впрочемъ, мы не имѣемъ ничего противъ всякаго другаго объясненія: можно подъ Вандалами разумѣть жителей сѣверной части Ютландскаго полуострова (Wendile); можно разумѣть и славянскихъ Вендовъ, какъ это принимается г. Геденовъ. Къ несчастію, всего этого мѣста вѣтъ у анонима Барійскаго, напечатаннаго у Муратори и представляющаго болѣе древнюю и несравненно лучшую редакцію Барійскихъ лѣтописей. О Русскихъ мы все-таки не можемъ сомнѣваться, потому что ужъ Адемаръ засвидѣтельствовалъ ихъ подвиги въ южной Италиі, а Венды или Вандалы остаются еще вопросомъ.

зантійцы твердятъ о Руси, Русскихъ, а что значить страна и народъ Русь на ихъ языкѣ? Это страна, гдѣ царствуетъ князь Владимиръ, и гдѣ умираетъ греческая царица Анна. Это — яа-родъ, находящійся подъ властію зятя страшнаго и славнаго Болгаробойцы; это народъ, котораго князья именуется Ярославомъ, Ростиславомъ, Звениславомъ (Sedgen. II, 515: οἱ τῶν Ῥῶς ἄρχοντες Νοτιοθλάβος καὶ Ἱεροσθλάβος καὶ — Ζιμισθλάβος). Это, наконецъ, народъ, котораго архипастырь именовался митрополитомъ Руси, нерѣдко бывалъ въ Константинополь и участвовалъ своими вкладами въ византійской церковной литературѣ (напримѣръ, Леонтій). Имя Руси, Русскихъ не было, притомъ, для Византійцевъ однимъ изъ тѣхъ унаслѣдованныхъ отъ классической древности терминовъ, которые были обязательны для порядочнаго писателя, и которые, несмотря на свое первоначальное этнографическое значеніе, продолжали въ теченіе вѣковъ прикладываться къ извѣстной странѣ, несмотря на многократную смѣну населенія. Оно означало больше народъ, чѣмъ страну, а теперь, въ XI вѣкѣ — народъ очень хорошо извѣстный. Не тотъ, кто пришелъ съ сѣвера, изъ страны, называемой Русью, былъ Русскій, а тотъ, кто принадлежалъ къ этому извѣстному народу и говорилъ извѣстнымъ языкомъ. Но положимъ, что Византійцы имѣли какія-нибудь причины называть въ XI вѣкѣ Скандинавовъ Русскими. Остается все-таки вопросъ, почему современный армянскій свидѣтель говорить, что 6.000 Русскихъ — народъ Рузовъ, крестившійся въ 988 году. Остается вопросъ, почему Адемаръ, описывающій современныя ему событія — на основаніи извѣстій, полученныхъ, вѣроятно, отъ самыхъ участниковъ въ южно-италіанскихъ битвахъ, — употребляетъ выраженіе «gens Russorum», племя или народъ Русскій. Развѣ онъ могъ не знать настоящаго имени Датчанъ, Шведовъ и Норвежцевъ во времена Канута и святаго Олафа? } 7

Мы предоставляемъ норманистамъ доказывать, что въ 988 году въ Кіевѣ крестилась Русь скандинавская, а не славянская, и что эта Русь въ XI столѣтіи была большой народъ, хорошо извѣстный и на Западѣ, и на Востокѣ, но послѣ какъ-то затерявшійся. Намъ можно упрекнуть въ томъ, что мы ставимъ вопросы тамъ, гдѣ нѣтъ никакого вопроса. Скажутъ, что въ настоя-

щее время никто не думаетъ утверждать, будто въ XI вѣкѣ подъ Русью и Русскими разумѣлись скандинавскіе Норманны, и что опровергать такое мнѣніе значитъ воевать съ призраками.

Но если Русскіе, Русь, 'Рѡс, Тавроскиѡны въ XI вѣкѣ суть православные славянскіе люди, то и Варанги XI вѣка были такіе же православные славянскіе люди, другими словами: варяжская дружина въ Византіи состояла первоначально изъ Русскихъ; названіе Варанговъ прежде всего принадлежало тому наемному русскому корпусу, который существовалъ съ 988 года; если скандинавскіе Норманны входили въ составъ этого корпуса, то они вступали въ готовую уже организацію и составляли здѣсь незамѣтное меньшинство, такъ что византійскіе источники могли совершенно умолчать о нихъ и называть варяжскую дружину по преобладающему національному составу русскою или тавроскиескою.

IV.

Византійскіе Варанги 1034 года.

Въ 1034 году въ Малой Азіи, во Фракісійскомъ округѣ (тема), обнимавшемъ часть Фригіи, Карію и Лидію, зимовали Варанги. Византійскій писатель, который сообщаетъ этотъ фактъ, не нашелъ необходимымъ объяснить намъ, откуда явились эти военные люди, и какой они были національности, хотя именно здѣсь, при первомъ упоминаніи о Варангахъ, слѣдовало бы это сдѣлать. Само собою разумѣется, что не внезапно явились эти Варанги, что они уже прежде были въ византійской арміи. Мы сами должны поискать, какія именно войска и какой національности могли зимовать въ 1034 году въ Малой Азіи. Если мы будемъ читать византійскаго автора, у котораго встрѣчается первый поминъ о варяжскомъ корпусѣ, въ связи и со вниманіемъ, — чего, кажется, до сихъ поръ никто не догадался сдѣлать, — то обнаружится, что ему и не нужно было объяснять, кого слѣдуетъ разумѣть подъ Варангами, — такъ какъ это было ясно изъ общаго хода разсказа.

Легко догадаться, что мы будемъ искать въ Малой Азіи

Русскихъ, то-есть, слѣдить за переходами того большого русскаго корпуса, о которомъ шла рѣчь въ предшествующей главѣ, и доказывать, что въ 1034 году онъ весь или часть его могли стоять на зимнихъ квартирахъ въ Малой Азіи. Мы не скрываемъ своего намѣренія: весь вопросъ въ томъ, въ какой степени правдоподобны будутъ наши соображенія. Но для нихъ мы должны обратиться нѣсколько назадъ.

Въ 1021 году императоръ Василій II снова былъ въ Арменіи. Причиной его появленія здѣсь были непріязненные дѣйствія Багратида Георгія (Гургена) I, царя Абхазіи и Картліи (Картлиніи), нарушившаго византійскіе интересы захватомъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ областей. Василій II явился на границахъ Арменіи и Грузіи — со всѣми войсками Греціи и значительнымъ числомъ иностранцевъ¹⁾. Большое сраженіе при Уктикѣ (Ough' thik, на сѣверо-западѣ Великой Арменіи) осталось нерѣшительнымъ. Василій II отступилъ къ Трөбизонду и зимовалъ со своими войсками въ Халдіи. Между тѣмъ обнаружился связь Георгія I съ внутренними, домашними врагами Василя, именно съ 135 Никифоромъ, сыномъ того Варды Фоки, который прежде нашелъ себѣ большое сочувствіе въ Грузинахъ. Но эта опасность скоро миновала: Фока былъ измѣнительски убитъ своимъ главнымъ пособникомъ, а этотъ послѣдній былъ выданъ Болгаробойцѣмъ приверженцами Фоки, искавшими мести. Послѣ разныхъ, ни къ чему не приведшихъ, переговоровъ съ Багратидомъ во время зимы, императоръ снова двинулся противъ властителя Абхазіи и Картліи. Грузины вели переговоры о мирѣ, а готовились къ войнѣ, желая усыпить Грековъ и напасть на нихъ врасплохъ. Этотъ расчетъ не удался. Грузинскій передовой отрядъ, вѣроломно напавшій на византійскую армію, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. «Когда русскіе полки императора сдѣлали натискъ, то успѣло спастись только небольшое число изъ приходившихъ первыми, потому что еще ни царь, ни кто бы то ни было изъ главнаго корпуса грузинской арміи не подоспѣли. Въ

1) L'empereur Basile se mit en campagne contre lui avec toutes les troupes de la Grèce et avec un nombre considérable d'étrangers. Brosset, Histoire de Géorgie traduite du Géorgien I, 306.

этотъ день погибли также и тѣ, которые противились заключенію мира. Всѣ были обращены въ бѣгство, большое число пало подъ мечемъ, нѣкоторые попались въ плѣнъ, другіе убѣжали. Греки получили громадную добычу и овладѣли всѣмъ тѣмъ, что было у Грузинъ изъ царскихъ сокровищъ»¹⁾. Такъ рассказываетъ грузинскій источникъ. Аристакесъ Ластивертскій, армянскій историкъ, равнымъ образомъ говоритъ объ этой битвѣ, не упоминая, впрочемъ, о Русскихъ, но только отмѣчая «безчисленное множество» Грузинъ или Абхазовъ, убитыхъ при началѣ сраженія. Самая битва произошла, по армянскому историкъ, 11-го сентября 1022 года при Шегфѣ (Schëgh'pha), то-есть, не подалеку отъ Эрзерума²⁾. Василій преслѣдовалъ Георгія въ самую внутреннюю Грузію и принудилъ его къ миру, покорности и выдачѣ въ заложники собственнаго сына.

Итакъ, вотъ первый несомнѣнный примѣръ того, что Рускіе зимуютъ въ Азіи, даже около Трапезунта, и одинъ изъ нѣсколькихъ случаевъ, когда они рѣшаютъ судьбу битвъ въ пользу византійскаго императора.

Нячтожный и беспечный братъ Василя II, Константинъ VIII, въ продолженіе своего царствованія (1025—1028 гг.) больше былъ озабоченъ ипподромомъ и театромъ, чѣмъ защитою границъ имперіи противъ ея враговъ, между которыми самыми опасными были Сарацины. Но за то первымъ дѣломъ императора Романа III (1028—1034 гг.) былъ большой походъ именно противъ Сарацинъ, владѣвшихъ Сиріей. Пселль (стр. 33), рассказывая о приготовленіяхъ Романа къ безразсудному и ничѣмъ не вызванному, въ его глазахъ, предпріятію, съ нѣкоторою ироніей описываетъ составъ арміи, собранной для похода. Императоръ «собиралъ и устраивалъ всяческое войско, увеличивая число полковъ и выдумывая новые, стягивая наемныя силы и набирая новое множество, какъ будто намѣреваясь съ перваго натиска захватить варвара. Онъ думалъ, что если онъ соберетъ число войска болѣе надлежащаго, и особенно если внесетъ разнообра-

1) Les bataillons russes de l'empereur ayant chargé, il n'échappa qu'un petit nombre des premiers venus и т. д. Brosset, Histoire de Géorgie I, 309.

2) Histoire d'Arménie par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite par E. Prud'homme, p. 34 и сл. Ср. Cedren. II, 478.

зіе въ греческій строй, то уже никто не выдержитъ, когда онъ нагрѣветъ съ такою громадою своихъ и союзниковъ» (ξενικάς τε συχροτῶν δυνάμεις - - τοσοῦτω ἐπιῶν πλήθει ἰδίῳ τε καὶ συμμαχικῶ). Мы видѣли и еще нѣсколько разъ увидимъ, что главные наемники и союзники Византийскаго императора въ исторіи Пселла суть Тавроскиѣи, то-есть, Русскіе ¹⁾).

Походъ Романа Аргира кончился самымъ бѣдственнымъ образомъ. Въ сраженіи около Халепа (Веррив, Βέρρεια),—присутствіе славянскаго элемента въ этомъ сраженіи замѣчено мѣстными лѣтописцами ²⁾,—императоръ былъ разбитъ на голову и едва успѣлъ спастись въ Антиохію, благодаря мужеству иностранной дружины, его окружавшей (августъ 1030 г.): ἐκθύμως ἀγωνισαμένων τῶν βασιλικῶν ἐταίρων καὶ διασωσάντων - - τὸν βασιλέα (Седген. II, 493).

Начальникъ этой иностранной дружины царскихъ тѣлохранителей, или великій этеріархъ (μέγας ἐταρειάρχης), по имени Θεοκτίστης, вскорѣ былъ опять отправленъ въ Сирію съ значительными силами греческими, а также иностранными (Седген. II, 495: μετὰ δυνάμειω ἀδράς Ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν). Последнее выраженіе (ἐθνικός) означаетъ совершенно то же самое, что у Пселла было названо союзнымъ отрядомъ (συμμαχικόν). Оно вполне объясняется однимъ мѣстомъ въ исторіи Пселла (стр. 221 ¹⁸⁷ сл.), которое мы и приводимъ для избѣжанія длинныхъ разсужденій: αἱ συμμαχικαὶ δυνάμεις ὅποσαι παρὰ τῶν ἐθνῶν (= ἐθνικός) αὐτοῖς παρεγένοντο, Ἰταλοὶ τε καὶ Ταυροσκύθαι; то-есть, союзныя силы, какія пришли къ Грекамъ отъ языковъ (народовъ), Итальянцы и Тавроскиѣи.

Все это заставляетъ насъ предполагать, что тотъ военный корпусъ, съ которымъ императоръ Василій II совершилъ два

1) Чтобы не было никакихъ сомнѣній, мы здѣсь же, отступая отъ принятаго порядка, приводимъ слова Пселла (стр. 91), относящіяся ко времени Михаила V (1041—1042 гг.): ὅσον ξενικόν τε καὶ συμμαχικόν εἰσάσσει πραιτρέφειν οἱ βασιλεῖς, λέγω δὲ τοῦς παρὶ τὸν Ταῦρον Σκύθας то-есть: «наемники и союзники, которыхъ привыкли держать при себѣ (кормить) императоры; я разумѣю Тавроскиѣевъ».

2) Abulpharagii sive Bar-Hebraei chronicon Syriacum (ed. Bruns et Kirsch, Leipzig, 1789), II, 230, говорятъ о Славянахъ, начальствовавшихъ въ арміи.

раза свои походы въ Арменію и Грузію, продолжалъ оставаться въ Малой Азіи и въ 1031 году. Очевь вѣроятно, что въ 1025 году въ Италію была отправлена только незначительная часть Русскихъ,—или же, когда планы Василія на Сицилію и Италію были покинуты, и византійское правительство отказалось отъ всякихъ энергическихъ дѣйствій на западѣ, то отправленныя туда силы были вызваны обратно.

Къ концу 1031 года Греки овладѣли Эдессой, городомъ при Евфратѣ, который былъ прославленъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя. Правитель греческой приевфратской области, Георгій Маніакъ (его мѣстопробываніемъ былъ городъ Самосата), призванный однимъ изъ мѣстныхъ эмировъ, вошелъ въ Эдесскую крѣпость съ небольшимъ отрядомъ въ 400 человекъ. Въ этомъ числѣ былъ какой-то слуга, приближенный Маніака, по имени Рузарнъ (Rouzar'n), отправленный посломъ къ эмиру Харранскѣму (Harraan, Sarrae, на югъ отъ Эдессы). Рузарнъ, имя котораго [даже въ такомъ видѣ, въ какомъ оно теперь читается] сильно говоритъ за его принадлежность къ Рузамъ, былъ вооруженъ совершенно такъ, какъ были вооружены Русскіе, сражавшіеся при Святославѣ противъ Грековъ, какъ послѣ всегда является вооруженною варяжская дружина: именно, онъ былъ вооруженъ топоромъ или сѣкирою: *Un serviteur de Maniacès, nommé Rouzar'n, lequel était venu à lui (то-есть, эмиру Харрана) en qualité de messenger.... D'un coup de sa hache d'armes, il l'atteignit à l'épaule (Chronique de Matthieu d'Edesse, trad. par E. Dulaurier, Paris 1858, p. 49) ¹⁾.*

Въ 1033 году Романъ Аргиропулъ еще разъ отправилъ въ Сирию главнаго начальника своихъ иностранныхъ легионовъ, великаго эперіарха Θεоктиста, и опять съ громадною силою (Седген. II, 502). Дѣло шло теперь о завладѣніи Триполисомъ, эмиръ котораго, тѣсвмый Египетскимъ султаномъ, передался на сторону Грековъ. Въ то же самое время Сарадинъ Алимъ, въ рукахъ котораго находилась важная, по своему положенію, крѣпость Пергри

1) [По сообщенію К. П. Патканова, въ текстѣ Матвѣя Эдесскаго, напечатанномъ въ Иерусалимскомъ изданіи, стр. 69—70, ясно написано: ouroz arnep = (отъ слуги Маніака) отъ Русскаго человека.]

(теперь Баргари) на самой армянской границѣ ¹⁾, добровольно 188 сдалъ ее Хрисвилю, Болгарину, занимавшему высокое мѣсто при Константинопольскомъ дворѣ. Алимъ желалъ, чтобы сынъ его, въ награду за расположеніе отца, былъ возведенъ въ санъ патриція. Но въ Константинополѣ приняли юнаго Сарацина довольно холодно; возвратившись съ негодованіемъ на родину, онъ уговорилъ своего отца отнять у Грековъ обратно уступленную имъ крѣпость. Алимъ, при помощи сосѣднихъ сарацинскихъ эмировъ, дѣйствительно привелъ въ исполненіе желаніе и совѣтъ своего сына; при неожиданномъ нападеніи его на крѣпость было убито 600 человекъ. Виновенъ былъ въ потерѣ крѣпости и людей прежде всего безпечный Болгаринъ, въ ней начальствовавшій. Вмѣсто него былъ отправленъ патрицій Никита Пигонитъ, которому пришлось брать Пергря уже трудною и продолжительною осадю.

Какія же силы привелъ съ собою патрицій Никита и кто были осаждающіе?

У Кедрина (II, 503) прямо сказано, что то были Русскіе и прочая греческая сила. Такимъ образомъ, Русскіе стоятъ на первомъ планѣ: ἀλλὰ μετὰ μικρὸν ὁ πατριχίος Νικήτας ὁ Πηγονίτης ἄρχεῖν ἔχεισε πεμφθεῖς καὶ ἐπιμόνῳ χρησάμενος πολιορκία μετὰ Ῥῶς καὶ λοιπῆς ἄλλης Ῥωμαϊκῆς δυνάμεως, τὸ τε φρούριον κατὰ κράτος εἴλε πολιορκία καὶ τὸν Ἀλεῖμ σὺν τῷ υἱῷ ἀπέχτεινε.

Это прямое упоминаніе о Русскихъ подкрѣпляетъ всѣ косвенныя указанія на ихъ присутствіе въ Азіи около 1031—1033 годовъ, приведенныя нами выше. Взятіе крѣпости Пергря Русскими должно относиться къ осени 1033 года. Непосредственно затѣмъ Кедринъ обращается отъ провинціальныхъ азіатскихъ происшествій къ западнымъ — столичнымъ и дворцовымъ; изъ ряда его хронологическихъ отмѣтокъ совершенно ясно, что онъ

1) Cedren. II, 502: τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Περγρίν - - ἔγγιστα Βαβυλωνός διακρίμενον. Подъ Вавилономъ собственно долженъ разумѣться Багдадъ, но невозможно предположить, чтобы Греки зашли такъ далеко: можетъ быть, Кедринъ имѣетъ здѣсь въ виду Мосулъ. Мы думаемъ, что Περγρί та же самая крѣпость, о которой говорится чрезъ вѣсколыко лѣтъ (1036) у Матвія Эдесскаго, и которая у него именуется Пергря, Ρεργρί (стр. 60). По объясненію Дюлорье, это теперешній Баркири (Barkirü) въ пашалыкѣ Ванъ, на сѣверо-востокъ отъ озера Вана (примѣч. къ главѣ 49, стр. 396).

прервалъ свой разсказъ ради важныхъ событій въ Константинополѣ: разумѣются болѣзнь и потомъ смерть Романа III (12-го апрѣля 1034 года). Доведя этотъ главный отдѣлъ до необходимой и естественной грани, до смерти императора, Кедринъ снова обращается къ оставленнымъ на время въ сторонѣ дѣламъ восточнымъ. Такимъ образомъ, первая отмѣтка, относящаяся къ Азін, будетъ непосредственно примыкать къ исторіи взятія Пергря Русскими.

Какая-жь это будетъ отмѣтка?

«Въ это время случилось и другое событіе, достойное памяти. Одинъ изъ Варанговъ, разсѣянныхъ въ темѣ Θρακισίῳσσι для зимовки, встрѣтивъ въ пустынномъ мѣстѣ туземную женщину, сдѣлалъ покушеніе на ея цѣломудріе. Не успѣвъ склонить ее убѣжденіемъ, онъ прибѣгъ къ насилію; но женщина, выхвативъ (изъ ноженъ) мечъ этого человѣка, поразила варвара въ сердце и убила его на мѣстѣ. Когда ея поступокъ сдѣлался известнымъ въ окружности, Варанги, собравшись вмѣстѣ, воздали честь этой женщинѣ (буквально: «увѣнчали ее»), отдавъ ей и все имущество насильника, а его бросили безъ погребенія, согласно съ закономъ о самоубійцахъ» (Cedren. II, 508 sq.: τῶν εἰς παραχειμασίαν ἐν τῷ θέματι τῶν Θρακισίων διασπαρμένων Βαράγγων - - βίαν ἤδη ἐπέηγεν, ἡ δὲ τὸν ἀκινάχην σπασαμένη τάνδρην - - ἀναιρεῖ. τοῦ δὲ ἔργου διαδοθέντος ἐν τῇ περιχώρῳ συναφροισθέντες οἱ Βαράγγοι τήν τε γυναῖκα στεφανοῦσι ἢ т. д.).

Въ этомъ разсказѣ мы должны отмѣтить прежде всего ту черту, что Варанги, зимующіе въ округѣ Θρακισίῳσσι, являются здѣсь, очевидно, обыкновенными военными людьми, а не царскою дружиною, не императорскими тѣлохранителями (лейбъ-гвардіей). Согласно съ этимъ, по крайней мѣрѣ, тотъ Варягъ, который былъ первымъ виновникомъ появленія имени на страницахъ исторіи, не имѣеть, повидимому, характеристическаго вооруженія придворныхъ императорскихъ Варяговъ — топора или сѣкиры, хотя, конечно, мечъ (ἀκινάχης) нѣсколько не мѣшалъ носить и сѣкиру ¹⁾. Если бы то были императорскіе тѣлохран-

1) Но Муральтъ ошибается, переводя ἀκινάχην военнымъ топоромъ; этого не значитъ самое слово, да и подробности разсказа не позволяютъ предполагать, что рѣчь идетъ о топорѣ.

тели, то они были бы въ Цареградѣ, а не въ Малой Азіи, и не были бы разсѣяны на зимовьяхъ. Но если здѣсь Варанги еще не суть дружина тѣлохранителей, то и вообще Варанги не были исключительно такою дружиною. Привычное представленіе Варанговъ исключительно въ видѣ императорской лейбъ-гвардіи совершенно ложно. Это есть одно изъ многихъ недоразумѣній, скопившихся около варяжскаго вопроса. На самомъ дѣлѣ Варанги прежде всего суть наемники или союзники, или другими словами: союзный наемный корпусъ, *συνμαχικόν* или *ξενικόν*, и потомъ уже избранный (изъ среды такого корпуса) отрядъ тѣлохранителей, приближенная дружина императорская. Это съ совершенною ясностью обнаруживается, напримѣръ, въ разсказѣ Іоанна Оракисійскаго о возмущеніи Варанговъ въ царствованіе Никифора Воганиата (Scylitz., p. 737). Здѣсь являются: а) дворцовые Варанги и б) соплеменные имъ «внѣшніе Варанги». У Пселла (стр. 153) перваго рода Варанги обозначаются слѣдующаго рода перифразомъ: «та часть наемническая, которая обыкновенно принимаетъ участіе въ царскихъ выходахъ»; она противопоставляется союзному корпусу, именно какъ часть цѣлому (*οὐτε συνμαχικόν αὐτοῦ που συνελάχεται, εἰ μὴ τις ὀλίγη μερὶς ξενικῆ, ὅπως τις εἴωθεν ἐφέπεσθαι ταῖς βασιλικαῖς πομπαῖς*). Да иначе нельзя и представлять себѣ эти отношенія, когда мы знаемъ, что Варанги считались не сотнями, а тысячами. Итакъ, нужно думать, что подъ Варангами 1034 года разумѣтся просто союзный наемный корпусъ, который не задолго передъ тѣмъ дѣйствовалъ въ Азіи. А мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что этотъ корпусъ состоялъ главнымъ образомъ изъ Русскихъ.

Находить въ вышеприведенномъ разсказѣ какіе-либо внутренніе признаки, характеризующіе ту или другую народность, мы считаемъ не только совершенно излишнимъ, но и весьма рискованнымъ дѣломъ. Лучшій изъ современныхъ византийствовъ (недавнюю смерть котораго нужно считать величайшею потерей для современной византийской науки), Гопфъ, сдѣлалъ весомиѣнную ошибку, вздумавъ отыскивать въ поведеніи Варанговъ указаніе на высокую нравственность германскаго племени: «Что ядро варяжской лейбъ-гвардіи было германское», говоритъ онъ, — «это не подлежитъ сомнѣнію; даже нравы Ва-

ряговъ указываютъ на это». За германскимъ уваженіемъ къ женской чести является на сцену и Deutsche Treue: «Германцы своею вѣрностію (ob ihrer Treue) были тогда столько же знамениты, какъ послѣ Швейцарцы; они были лучшею, даже единственною опорою колеблющейся имперіи Ромейской» (Geschichte Griechenland's im Mittelalter въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, т. 85, стр. 149). Маленькое, но совершенно излишнее патріотическое увлеченіе. Что касается до германской вѣрности, то византійская исторія никакъ не можетъ служить ея доказа-
 141 тельствомъ. Напротивъ того, по мнѣнію Византійцевъ XI вѣка, предателей всего скорѣе можно было найти именно среди Нѣмцевъ, которые также были на службѣ византійской, но отличались отъ Варяговъ, между прочимъ, своею продажностію (См. Anna Comn. p. 62 C. ed. Paris. и главу XII нашего изслѣдованія). Факты подтверждали это воззрѣніе.

Разсказъ о такомъ частномъ и въ сущности маловажномъ событіи, какъ убійство одного Варяга жевщиною, могъ попасть въ общую исторію Кедрина только изъ какихъ-либо мѣстныхъ источниковъ. Дѣйствительно, около этого времени мы находимъ въ сочиненіи этого Византійца XII вѣка цѣлый рядъ замѣтокъ, относящихся къ Θракисійской темѣ, и особенную подробность относительно дѣлъ восточныхъ. Въ 1029 году во Θракисійской темѣ былъ слышенъ въ горахъ около одного источника какой-то жалобный плачущій голосъ (II, 489). Въ томъ же самомъ 1034 году отмѣчено появленіе саранчи во Θракисійскомъ округѣ; подъ 1035 говорится о нападеніи на него Сарацинъ съ моря и о новомъ появленіи саранчи и т. д. Прежде всего, естественно припомнить отношеніе исторіи Кедрина къ произведенію Іоанна Θракисійскаго или Скилицы. Всѣ эти частныя, мѣстныя замѣтки принадлежатъ собственно этому послѣднему; онѣ «касаются» его родины. Но едва ли на этомъ мы можемъ остановиться. Іоаннъ Скилица Θракисійскій жилъ въ самомъ концѣ XI столѣтія; слѣдовательно, замѣтки о двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ столѣтія, носящія вполне характеръ современности съ самыми событіями, не могли принадлежать ему, какъ первому автору. Въ византійской исторіографіи вообще, и въ частности въ исторіографіи XI вѣка, многое остается темнымъ и загадочнымъ.

Издание исторіи Михаила Пселла, правда, разъяснило кое-что и въ этомъ отношеніи. Еще болѣе будетъ пролито свѣта полнымъ изданіемъ подлинной исторіи Іоанна Ораксійскаго, что ужь обѣщано тѣмъ же неутомимымъ работникомъ по исторіи средне-вѣковой Греціи, которому мы обязаны исторіей Михаила Пселла. Но кромѣ этихъ двухъ писателей и третьяго—Атталіоты, въ XI вѣкѣ былъ еще одинъ историкъ, Іоаннъ, митрополитъ Евхейтскій. Его епархія лежала въ предѣлахъ Византійскаго армянскаго округа (прежняго Еленополя), не на столько далеко отъ Фригіи, чтобы не могли доходить до него мѣстныя событія послѣдней; самъ онъ былъ старшимъ современникомъ и учителемъ Пселла, современникомъ Константина Мономаха и нашествія Руси на Царьградъ (1043 г.). Къ несчастію, о его хроникѣ мы знаемъ только одно то, что она существовала; знаемъ это изъ одного небольшого стихотворенія, сочиненнаго митрополитомъ Евхейтскимъ на свое историческое произведеніе. Какъ бы то ни 142 было, почти несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что имя Варанговъ впервые внесено было въ греческую письменность какимъ-либо мѣстнымъ малоазіатскимъ писателемъ-лѣтописцемъ. Важно это въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, здѣсь находится путь къ объясненію самаго происхожденія византійскаго названія Варанговъ. Уже давно, хотя на довольно шаткихъ основаніяхъ, было высказано предположеніе, что происхожденіе этого слова народное, то-есть, простонародное. Нужно, слѣдовательно, знать особенности малоазіатскихъ нарѣчій средне-вѣковой Греціи, чтобы безошибочно рѣшать вопросъ. Мы лично не обладаемъ нужными для того свѣдѣніями; да и самыя, теперь довольно многочисленныя, изданія народныхъ греческихъ пѣсней Трапезундской, Понтійской и прочихъ областей совсѣмъ почти не доходятъ до Петербурга. Только по цитатамъ у Саеы, помѣщеннымъ въ предисловіи къ II-му тому Средне-вѣковой Библиотеки, узнаемъ мы, что въ народныхъ пѣсняхъ припонтійскихъ Грековъ, носящихъ на себѣ слѣды глубокой древности и даже именно XI столѣтія (упоминаніе объ Узахъ), воспѣваются на ряду съ греческими паликарами также и Фаранги, которыхъ Саеа прямо принимаетъ за Варанговъ. Сценою геройскихъ подвиговъ служатъ ущелья и клисуры Тавра (Девы, Δέβα), то-есть, сосѣдній

съ Фракиіей Кивирреотскій округъ—тотъ самый округъ, куда, между прочимъ, стремился Хрисохвръ со своими удалцами, и далѣе пограничныя области Писидіи, Ликаоніи и Киликіи, за которыми начиналась сарацинская граница XI вѣка, спорный рубежъ между двумя мірами, по направленію къ Евфрату, Эдесѣ и Самосатѣ. Мы не споримъ противъ того, что Фаранги могутъ быть прямо считаемы за Варанговъ; точно также не отвергаемъ тожества съ Варягами и тѣхъ Маранговъ, имя которыхъ подслушалъ еще Пуквилль (Pouqueville) въ собственной Греціи; этимъ именемъ, говорятъ, и теперь дѣти преслѣдуютъ и дразнятъ иностранцевъ:

Φράγγοι, Μαράγγοι
Πίσσι κακὰ φράγγοι!

Мы думаемъ, однако, что напрасно было бы находить здѣсь подтвержденіе западнаго происхожденія Варанговъ. Трудно согласиться даже съ тѣмъ, чтобы φράγγοι были народною передѣлкой слова φράγγοι. Тогда нужно будетъ принять, что имя Варанговъ образовалось въ Греціи совершенно независимо отъ рус-
143 скаго «Варяги» и перешло не изъ Руси въ Византію, а наоборотъ, и что наша первоначальная лѣтопись современную ей терминологию XI и XII вѣковъ переписала неправильнымъ образомъ въ предыдущія столѣтія. Легко высказать такое предположеніе, но, чтобы доказать его строго научнымъ образомъ, нужны именно строго научныя доказательства и точныя изслѣдованія. Согласимся, впрочемъ, на время съ тѣмъ, что Франки и Варяги этимологически одно и то же. Такъ думалъ даже Гопфъ, а у насъ независимо отъ него Д. И. Иловайскій. Останется еще вопросъ, кого въ Малой Азій, гдѣ впервые появилось имя Варанговъ или Фаранговъ, называли Фрапками, кого могли называть и кого не могли называть. Народъ могъ такъ называть и Русскихъ, могъ называть такъ всѣхъ иностранцевъ. Пѣсни, о которыхъ мы говорили, называютъ же не только Фаранговъ, но и Узовъ Эллинами—въ какомъ смыслѣ? теперь для насъ все одно. Пока гораздо проще предполагать, что сами Русскіе, служившіе въ Византіи, называли себя Варягами, привнеся съ собою этотъ терминъ изъ Кіева, и что такъ стали называть ихъ тѣ Греки,

которые прежде всего и особенно близко съ ними познакомились. Маранги представляютъ только другой выговоръ слова Варанги; а Фаранги могло быть или точно также діалектическимъ отличіемъ, или народнымъ искаженіемъ подъ вліяніемъ созвучнаго Φράγγι.

Для нашей темы останется, во всякомъ случаѣ, тотъ не лишній значенія выводъ, что названіе Варавговъ появилось тамъ, гдѣ русскій союзный корпусъ прославилъ себя въ походахъ Василія II Болгаробойцы, гдѣ онъ провелъ не одну зиму на постоѣ, гдѣ онъ, повидному, стоялъ обыкновенно и постоянно, гдѣ онъ ясно и прямо указанъ именно около зимы 1034 года. Очень можетъ быть, что въ томъ первоначальномъ источникѣ, изъ котораго рассказъ о женщивѣ, убившей Варяга, попалъ въ компиляцію Кедрина, зимовка Варяговъ въ Фракисійскомъ округѣ и эпизодъ, ознаменовавшій оную, стояли непосредственно за извѣстіемъ о взятіи Русскими крѣпости Баркири или Пергри на армянской границѣ. Могло быть вѣчто въ такомъ родѣ: «Греческими и русскими силами Никита Пигонитъ взялъ крѣпость. Когда же Варяги стали на зимнихъ квартирахъ, случилось слѣдующее достопамятное событіе».

Болѣе рѣшительныя доказательства тождества Варяговъ и русскихъ союзниковъ или наемниковъ въ Византіи слѣдуютъ далѣе. Но прежде мы должны обратиться снова къ южной Италіи, гдѣ встрѣтитъ насъ Гаральдъ и Норманны-Скандинавы, то-есть, 144 по общепринятому мнѣнію, истые, несомнѣнные Варяги. Пока мы можемъ сказать о нихъ только то: пусть они будутъ истинные и настоящіе Варяги, но это нисколько не мѣшало быть подлинными Варягами и другимъ.

V.

394

Варяжскіе баснословные рассказы 1).

Мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Византійской варяжской дружины, представленіе о многочисленности и особомъ

1) Первые четыре главы этой статьи напечатаны въ ноябрьской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1874 годъ. Появленіе слѣдующихъ главъ замедли-

значеніи въ ней сѣверныхъ Норманновъ основывается на свидѣтельствѣ исландскихъ сагъ и, въ частности, Гаральдовой саги. Въ послѣдней знаменитый сѣверный принцъ, а послѣ король Норвежскій и искатель англійской короны, сложившій свою голову при Стамфордбриджѣ (1066 г.), является предводителемъ Вэринговъ, состоящихъ на службѣ Византійскаго императора, совершаетъ со своими земляками чудеса храбрости и военной хитрости, завоевываетъ для Греческихъ царей десятки и едва не сотни городовъ, даже цѣлыя страны,—и потомъ возвращается на сѣверъ, не оставивъ послѣ себя яснаго слѣда ни въ хроникахъ византійскихъ ¹⁾, ни въ лѣтописяхъ южно-итальянскихъ, близкихъ по мѣсту своего происхожденія къ театру его подвиговъ.

Уже одно это можетъ оправдать сомнѣніе въ исторической

лось по двумъ причинамъ. Одна изъ нихъ указана въ текстѣ, а другая состоитъ въ очень пріятномъ для насъ вниманіи къ нашему косвенному вторженію въ область первоначальной русской исторіи со стороны ученаго авторитета въ этой области. А. А. Куникъ, котораго мы слегка упрекнули въ томъ, что онъ выпустилъ изъ своихъ рукъ вопросъ, котораго хозяиномъ онъ уже былъ давно, въ послѣднее именно время напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ двѣ статьи, сюда относящіяся. Въ одной изъ нихъ («О запискѣ Готскаго топарха») онъ упоминаетъ, въ приложеніи, о нашемъ изслѣдованіи и, хотя признаетъ за нимъ нѣкоторую заслугу, но эта заслуга состоитъ въ разъясненіи хотя важнаго, но побочнаго для всей статьи вопроса. По главному вопросу онъ высказываетъ свое почти полное несогласіе, и если дѣлаетъ уступку, то самую маловажную. При этомъ онъ отсылаетъ насъ къ другой своей статьѣ, имѣющей скоро появиться въ «Каспій» акад. Дорна. Благодаря благосклонной любезности автора, мы получили возможность ознакомиться съ этою второю статьёй г. Куника прежде ея выхода въ свѣтъ и ради ея нѣсколько пріостановились своею работою. Прочитавъ большую и поучительную статью А. А. Куника, мы все-таки остаемся также при своемъ мнѣніи. Сильные удары, наносимые въ ней противникамъ норманнской теоріи въ русской исторіи, на насъ не падаютъ, ибо мы разсуждаемъ исключительно о византійскихъ Варангахъ. А что касается этихъ послѣднихъ, то мы еще не успѣли въ первой статьѣ высказать всѣ свои соображенія и доводы объ ихъ славяно-русскомъ происхожденіи. Поэтому мы воспользовались статьёй А. А. Куника такъ, какъ это, по нашему мнѣнію, болѣе всего требовалось интересами науки, то-есть, усиливъ нѣкоторыя мѣста, направленные противъ противоположнаго нашему мнѣнію. Остальное пусть пока остается безъ переменъ.

1) Слѣдъ нашелся впоследствии въ византійскомъ памятникѣ XI вѣка, найденномъ самимъ Васильевскимъ. См. его статью «Совѣты в рассказы византійскаго боярина XI вѣка» въ Ж. М. Н. Пр. 1881. Текстъ издавъ имъ же и В. К. Ершtedтомъ въ Записк. ист.-фил. фак. С.-Пб. университета, ч. 88 (Cescaheni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus, 1896). См. въ тамъ стр. 10 14. 97.—Θ. Б.)

достоверности всего разсказа и возбуждаетъ вопросъ о свойствѣхъ и качествахъ того историческаго матеріала, которымъ мы по необходимости должны пользоваться. Вопреки нашему первоначальному плану, оказалось, что мы не можемъ обойти вопроса объ исландскихъ сагахъ безъ вреда для доказываемаго нами положенія. Мы не нашли въ русской ученой литературѣ сочиненія, на которое могли бы сослаться въ этомъ вопросѣ, а съ другой стороны убѣдились, что самые почтенные и основательные изслѣдователи русской исторіи, при пользованіи сагами, рѣдко даютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, съ какого рода источниками они имѣютъ дѣло, то-есть, забываютъ первую обязанность критики. Мы не можемъ идти впередъ, не расчистивъ предварительно пути предъ собою и не отыскавъ твердой почвы. Мы постараемся прежде всего выдѣлить въ сагахъ тотъ элементъ, который нужно признать совершенно историческимъ, и потомъ посмотримъ, что въ нихъ останется историческаго. Съ этою цѣлію мы сначала приведемъ нѣсколько образчиковъ, наглядно указывающихъ необходимость болѣе критическаго и благоразумнаго отношенія къ сагамъ, даже историческимъ, чѣмъ то, какое вообще принято въ нашей наукѣ. При выборѣ примѣровъ мы руководствуемся тѣмъ соображеніемъ, чтобъ они были прямо полезны для нашей темы и относились именно къ Варягамъ.

Мы уже упоминали о Греттировой сагѣ и о лицахъ, которыя, 396 по ея свидѣтельству, отправились въ Константинополь для поступленія въ варяжскую службу. Разсказъ о нихъ находится въ концѣ саги и не относится къ самому ея герою, знаменитому скальду Греттиру, а составляетъ исторію мести за его убійство, совершившейся въ Византіи. Вотъ этотъ разсказъ:

Торбиорнъ Оягуль, убійца Греттира, избѣгая встрѣчи съ братомъ убитаго, удалился въ Миклагардъ, «куда въ то время отправлялись многіе Норманны и поступили тамъ на службу» (*J thenna tíma fór margt Nordhmanna út í Miklagardh, ok gengu thar á mála. См. Antiqu. Russes II, 298*)¹⁾. Какъ скоро узналъ объ этомъ братъ Греттира, Торстейнъ Дромундъ, онъ сейчасъ

1) «О неточности перевода этой фразы авторомъ см. ниже стр. 281 примѣч. 8. Ф. Б.»

же продалъ свои большія владѣнія въ Норвегiи и отправился вслѣдъ за преступникомъ. Оба прибыли почти въ одно время въ Миклагардъ, гдѣ въ то время былъ царемъ Михаилъ Каталакъ (thá var Mikael katalak konungr yfir Miklagardhi), и оба безъ труда были приняты въ среду Варинговъ, какъ скоро сдѣлалось извѣстно, что они Норманны; но Онгуль и Дромундъ сначала не узнали другъ друга. Въ скоромъ времени случилось, что Варинги должны были отправляться въ походъ, а былъ такой законъ, чтобы при этомъ случаѣ предварительно совершался военный смотръ (várnathing), при чемъ каждый показывалъ свое оружіе. Онгуль показалъ мечъ, принадлежавшій нѣкогда Греттиру, и когда его спросили, отчего такой прекрасный мечъ имѣетъ въ срединѣ зазубрину, онъ разсказалъ о томъ, какого храбраго человѣка побѣдилъ онъ и какъ онъ разсѣкъ своему страшному противнику черепъ этимъ самымъ мечомъ: съ тѣхъ поръ и осталась зазубрина. Дромундъ взялъ вслѣдъ за другими диковинное оружіе, какъ будто желая полюбоваться имъ, но тотчасъ же разсѣкъ имъ голову Онгула. Власти распорядились немедленно схватить Дромунда, такъ какъ онъ оскорбилъ священное собраніе (á heilugu thingi). Дромундъ въ оправданіе разсказалъ свою исторію и указалъ на долгъ мести, лежавшій на немъ; но такъ какъ онъ не могъ представить свидѣтелей, и такъ какъ было постановлено закономъ, что убійство наказывается смертною казнью, то онъ былъ заключенъ въ темницу, и затѣмъ должна была послѣдовать казнь, еслибъ его никто не выкупилъ. Въ тюрьмѣ Дромундъ нашелъ себѣ товарища въ другомъ осужденномъ, который находился въ совершенномъ уныніи. Чтобы нѣсколько ободрить его, Дромундъ запѣлъ пѣсню; онъ имѣлъ отличный громкій голосъ и на сей разъ не щадилъ его, такъ что стѣны дрожали. Проходила по улицѣ, сосѣдней съ тюрьмою, одна знатная византійская дама, 397 по имени Спесъ (Spes), вышедшая замужъ за человѣка ея недостойнаго по своему происхожденію, за простаго Грека¹⁾, по имени Сигурда. Она услышала пѣніе; съ большою свитой, которая ее сопровождала, подошла она къ тюрьмѣ, вступила въ разговоръ

1) <Въ оригиналѣ не сказано, что Сигурдъ — Грекъ. Съ точки зрѣнія саги онъ могъ быть и Скандинавомъ. Ф. Б.>

съ Торстейномъ и, узнавъ его исторію и уже заинтересовавшись имъ, рѣшилась выкупить его, а кстатѣ и его товарища по заключенію, такъ какъ Дромундъ не хотѣлъ свободы себѣ одному. Деньги были заплачены Вэрригамъ, а Торстейнъ Дромундъ отправился въ домъ своей благодѣтельницы, которая приняла его и стала держать у себя тайно отъ мужа. Впрочемъ, когда Вэрриги ходили въ походъ, то и Дромундъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, обнаруживая необычайное геройство. Въ то время въ Миклагардѣ былъ Гаральдъ, сынъ Сигурда; Торстейнъ приобрѣлъ его дружбу и тѣмъ болѣе отличался среди другихъ, что всегда имѣлъ видъ богатаго человѣка, такъ какъ Спесъ въ изобиліи снабжала деньгами своего любовника. Но византиецъ Сигурдъ былъ недоволенъ какъ измѣнившимся обращеніемъ съ нимъ его жены, такъ и замѣтнымъ раззореніемъ семейнаго состоянія, ввѣреннаго попеченію госпожи дома. Угадывая причину, онъ хотѣлъ уличить свою супругу и однажды вечеромъ подстерегъ было ее съ Дромундомъ, но Спесъ запрятала любовника въ сундукъ съ драгоценными вещами. Въ другой разъ попытка мужа была также неудачна, ибо Спесъ успѣла скрыть Варяга подъ грудю платья, на которую сама и сѣла; въ третій разъ она удалила его чрезъ потайную дверь, нарочно для такихъ случаевъ сдѣланную въ комнатѣ, и упорно отриралась въ томъ, чтобы кто-нибудь былъ у нея предъ входомъ мужа, хотя это видѣлъ не одинъ онъ, но и многіе призванные имъ свидѣтели. Тогда Сигурдъ потребовалъ, чтобы Спесъ очистила себя присягою предъ мѣстнымъ епископомъ. Невѣрцая жена отвѣчала, что она этого желаетъ не менѣе его самого, потому что не хочетъ оставаться подъ тяжестію позора и безславія, навлеченнаго на нее ревнивымъ мужемъ. На слѣдующій день мужъ и жена явились къ епископу; Сигурдъ обвинялъ жену въ нарушеніи супружеской вѣрности и въ расточеніи имущества; епископъ пригласилъ обвиняемую принести очистительную присягу, и когда на это послѣдовало согласіе съ ея стороны, назначилъ срокъ и день. Само собою разумѣется, что ранѣе, чѣмъ такой срокъ наступилъ, Спесъ повидалась съ Торстейномъ, и оба условились, какъ имъ дѣйствовать.

Въ тотъ день, когда слѣдовало присягать, была сырая, дожд-

ливая погода. Спесь, въ сопровожденіи многочисленныхъ спутницъ и спутниковъ, пришла къ такому мѣсту, гдѣ была большая грязная лужа. Тутъ стояло много нищихъ; одинъ изъ нихъ, отличавшійся высокимъ ростомъ и бѣлою бородой, учтиво предложилъ болѣе другихъ богато одѣтой госпожѣ перенести ее на рукахъ черезъ лужу. Она согласилась, и случилось вотъ что: когда нищій со своею ношей достигъ середины лужи, онъ зашатался подѣ тяжестью и старости и бремени, но, какъ бы напрягши всѣ силы, успѣлъ довести даму до края грязнаго мѣста, а здѣсь уже не выдержалъ и повалился, но такъ, что уронилъ Спесь на сухой край лужи, а самъ погрузился въ грязь и, лежа здѣсь, запачканною рукой схватился за колѣно и бедро своей дамы. Та поднялась въ негодованіи и грозилъ прибѣгнуть несчастнаго; но когда окружающіе вступились за услужливаго и ни въ чемъ неповиннаго бѣдняка, то она сама сжалилась надъ нимъ и щедро наградила его, высыпавъ изъ своего кошелька много золотыхъ монетъ. Легко догадаться, что подѣ видомъ нищаго скрывался не кто другой, какъ самъ Торстейнъ Дромундъ. Спесь явилась потомъ въ храмъ, гдѣ собралось много народу; мужъ повторилъ предѣ епископомъ свои обвиненія, а она поклялась, что никто не касался ея, исключая мужа и того нищаго, который переносилъ ее черезъ лужу и теперь стоитъ въ толпѣ, и никому она не давала денегъ, кромѣ этого нищаго. Очистительная присяга была признана вполнѣ удовлетворительною, но послѣ этого родные оправданной женщины потребовали для нея развода съ мужемъ, который напрасно подвергъ ее безславію; и она сама настаивала на томъ же. Спесь получила разводъ и значительную часть изъ общаго имущества, а вслѣдъ затѣмъ вышла замужъ за своего любовника. Послѣ этого Дромундъ пробылъ еще два года среди Вэринговъ въ Миклагардѣ и пользовался большимъ расположеніемъ Гаральда Гардрада, который приходился ему родственникомъ и, какъ думали, помогать ему своими совѣтами въ прежнихъ затруднительныхъ положеніяхъ. Возвратившись потомъ на родину, Торстейнъ пользовался общимъ уваженіемъ и былъ даже принятъ въ число придворныхъ (hirdhmadhr) короля Магнуса Добраго. Когда прошло еще девять лѣтъ, воротился изъ Миклагарда и Гаральдъ, сынъ Сигурда, и царствовалъ сначала вмѣстѣ

съ Магнусомъ, а потомъ, по смерти послѣдняго, единодержавно, но не пользовался такою любовію, какъ Магнусъ, особенно со стороны прежнихъ друзей и приверженцевъ послѣдняго, потому что онъ былъ суровъ и строгъ въ наказаніяхъ (*thvfat hann var hardhr ok refsingasamr*). Торстейнъ Дромундъ былъ тогда старъ лѣтами (прошло шестнадцать лѣтъ послѣ убійства Греттира), но 899 еще бодръ и силенъ. Многие совѣтовали ему вступить на службу Гаральда (*ok geraz honum handgenginn*), но Торстейнъ не давалъ отвѣта. Зато онъ охотно послѣдовалъ внушенію и совѣту своей жены Спесъ и вмѣстѣ съ нею отправился въ Римъ замазывать грѣхи юности.

Нечего говорить о томъ, что романтическая исторія Торстейна Дромунда хотя и разыгрывается въ Константинополѣ, но своимъ содержаніемъ весьма мало напоминаетъ византійскіе нравы и обычаи, а скорѣе противорѣчитъ имъ самымъ радикальнымъ образомъ. Если же любовная исторія Вэринга Дромунда и дамы именуемой Спесъ не имѣетъ ничего не только достовѣрнаго, но даже правдоподобнаго, то какую историческую достовѣрность имѣетъ самое пребываніе ея героя въ Константинополѣ, куда онъ отправленъ разскащикомъ саги именно для того, чтобы тамъ быть героемъ романтическаго похождения?

Разсказъ о византійцѣ Сигурдѣ и его женѣ, носящей имя, въ такой же степени чуждое византійскимъ свѣтцамъ, какъ и имя ея супруга, принадлежитъ не къ области историческихъ фактовъ, а къ литературной исторіи бродячихъ сказокъ, быть можетъ—къ исторіи «литературнаго общенія Востока и Запада». Въ книгѣ А. Н. Веселовскаго ¹⁾ приведенъ разсказъ изъ монгольскаго сказочнаго сборника (Арджи-Борджи), совершенно напоминающій послѣднюю часть исторіи Варага Торстейна съ византійскою дамою, то-есть, очистительную присягу и клятву съ *reservatio mentalis*. Тамъ на сценѣ находится царская дочь Наранъ-Герель, также пойманная на мѣстѣ преступленія, но точно такъ же ускользнувшая и не уличенная. Отъ царевны потребовали, чтобъ она принесла очистительную присягу надъ ячменными зер-

1) Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 24.

нами. Назначенъ былъ во всеобщее свѣдѣніе день, когда царевна принесетъ всенародно клятву. Но царскій мивистръ Саранъ, играющій въ монгольской сказкѣ роль нашего Варяга, имѣлъ въ своей законной женѣ умную совѣтницу, которая убѣдила его вымазаться черною краской, полузакрывать одинъ глазъ, притвориться хромымъ и юродивымъ и въ этомъ видѣ вмѣшаться въ толпу, которая соберется на судилище и т. д. Царевна, конечно, замѣтила своего возлюбленнаго, узнала его въ юродствующемъ старикѣ съ клюкой и поклялась, что она никогда не знала ни
 400 одного мужичины, кромѣ развѣ вотъ этого юродиваго; такъ какъ она говорила правду, то зерна и не поднялись вверхъ, что и послужило доказательствомъ правоты ея, а для всѣхъ присутствующихъ и ея невинности.

Бенфей (*Pantschatantra, Vorrede* стр. XXV) указываетъ на почти буквальное сходство съ монгольскимъ рассказомъ одного французскаго *fabliau*, а издатели и комментаторы саги о Греттирѣ давно замѣтили сходство эпизода о Спесѣ съ судомъ Божиимъ въ средневѣковомъ романѣ о Тристанѣ и Изольдѣ. Романъ этотъ переведенъ былъ на норренскій языкъ въ 1226 году по приказанію короля норвежскаго Гакона Гаконсона. Считается, однако, болѣе вѣроятнымъ, что *Spesar thátttr* (сказаніе о Спесѣ), по крайней мѣрѣ въ устной редакціи, появилось ранѣе знакомства съ французскимъ романомъ и не находится въ зависимости отъ него ¹⁾.

Очень можетъ быть, что рассказъ какъ на сѣверѣ, такъ и на западѣ Европы принесенъ съ Востока. Весьма недавно (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за ноябрь 1874 г.) напечатана въ переводѣ И. П. Минаева прелестная по своей плавной формѣ и лукавому содержанію индѣйская сказка, содержащая, вѣроятно, первоначальную основу какъ монгольскаго рассказа, — Арджи-Борджи въ цѣломъ своемъ составѣ несомнѣнно представляетъ только пересказъ индѣйскаго подлинника,

1) (Эпизодъ о Спесѣ въ нашей сагѣ гораздо болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ думалъ В. Г. Васильевскій, см. ниже. Что же касается мотивовъ изъ романа о Тристанѣ и Изольдѣ, то они заимствованы, вѣроятно же всего, изъ пѣмедскаго источника. Ф. Б.)

проникшаго къ Монголамъ вмѣстѣ съ буддизмомъ, — такъ и западныхъ его редакцій. Тамъ тотъ же судъ Божій, на которомъ жена, питомица брахмана, обманывавшая своего мужа вмѣстѣ съ однимъ плутомъ, приноситъ очистительную присягу: «не знала я прикосновенія руки другого человѣка, кромѣ брахмана», и затѣмъ стала входить въ огонь. Въ тотъ же мигъ плутъ обратился къ народу: «полюбуйтесь на дѣло пурогиты: такую женщину онъ посылаетъ въ огонь», — и схватилъ ее за руку и т. д.

Самое имя византийской госпожи, которое такъ же мало отзывается греческими звуками, какъ и скандинавскими, есть, быть можетъ, признакъ и оставшійся слѣдъ восточнаго происхожденія варяжскаго эпизода въ сагѣ о Греттирѣ. Спесь напоминаетъ царскихъ стражей или часовыхъ, называемыхъ въ Зендавестѣ *Sras*, и, слѣдовательно, напоминаетъ смотрителя царскаго сада, поймавшаго Наранъ-Герель на восходѣ солнца вмѣстѣ съ Сараномъ. Такое превращеніе именъ и ролей очень возможно при переходѣ сказки отъ одного народа къ другому.

Впрочемъ, пусть это рѣшаютъ тѣ, кого вопросъ ближе касается. Мы совершенно не имѣемъ въ виду изслѣдовать филацію различныхъ редакцій одной и той же сказки у разныхъ народовъ. 401 Наша цѣль состоитъ только въ томъ, чтобъ отмѣтить неисторическій характеръ того эпизода въ исландской сагѣ, въ которомъ Варягъ Торстейнъ является дѣйствующимъ лицомъ, и только намекнуть на возможность «посредничества Византіи» въ передачѣ — литературной и устной — общаго востоку и западу сказочнаго достоянія ¹⁾.

По первому вопросу мы должны сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Намъ могутъ сказать: положимъ, что эпизодическій рассказъ о Спесѣ есть бродячая сказка, приуроченная къ Варягу

1) «Сближеніе рассказа о Спесѣ съ монгольской и индѣйской сказками здѣсь излишне, потому что рассказъ этотъ не принадлежитъ къ устному преданію и никогда въ устной редакціи, которую допускаетъ нашъ авторъ выше, не существовалъ. Какъ доказалъ Воегъ въ указанномъ выше изданіи Греттировой саги (предисловіе стр. XXVI сл.), весь *Spesag tháttir* не что иное, какъ довольно неудачная литературная передѣлка одного изъ эпизодовъ саги о Гаральдѣ Гардрадѣ въ редакціи *Morkinskinna* или близкой къ послѣдней. Авторъ Греттлы прибавилъ отъ себя лишь мотивы, заимствованные изъ романа о Тристанѣ. Ө. Б.»

Торстейну Дромунду, но рассказ о его мести за скальда Греттира и о совершении этой мести именно в Константинополѣ не имѣетъ внутренней связи съ романтическимъ, сказочнымъ эпизодомъ и засвидѣтельствованъ достаточно въ своемъ чисто историческомъ характерѣ ссылкой на Стурле Тордсона, помѣщенной въ концѣ саги и отдѣльнаго сказанія (thátttr). Но судья (lögmadr) Стурле Тордсонъ жилъ въ концѣ XIII столѣтія († 1284), и его замѣчаніе о Греттирѣ, которому досталась мало завидная, хотя и совершенно исключительная судьба быть отомщеннымъ въ Миклагардѣ, основано, очевидно, на знакомствѣ съ устною или съ первоначальною письменною редакціей Греттировой саги: ибо, не будь саги, какъ Стурле могъ чрезъ 150 лѣтъ знать о такомъ частномъ фактѣ? Отсюда можно заключать только о существованіи двухъ редакцій Греттировой саги и объ очень позднемъ происхожденіи той редакціи, которую мы имѣемъ, то-есть, съ присоединеніемъ не только сказочнаго эпизода, но и учено-литературныхъ соображеній или замѣчаній. Характеръ литературной редакціи или даже сочинительства вообще не чуждъ Греттировой саги, по крайней мѣрѣ той ея части, которая только и важна для насъ. Несомнѣнно знакомство ея составителя не только съ устными преданіями, но и съ другими сагами. Уже рассказ о прибытіи Торстейна Дромунда въ Царьградъ и о встрѣчѣ его съ Онгуломъ сильно напоминаетъ встрѣчу другого Торстейна съ его противникомъ Гестомъ также среди Варяговъ въ Миклагардѣ, и это сходство было бы, вѣроятно, еще сильнѣе, если бы Вига-стирова сага дошла до насъ не въ такой новой, по памяти восстановленной редакціи (см. выше стр. 189). Мы не относимъ вполне этого сходства на счетъ восстановителя Вига-стировой саги по двумъ соображеніямъ: 1) потому что Греттирова сага не была издана во время Арна Магнусона, и 2) потому что не въ этомъ только случаѣ замѣчается зависимость Греттлы отъ другихъ сагъ.

402 Она несомнѣнно позднѣе по своему происхожденію саги о Гаральдѣ, ибо послѣдняя ничего не знаетъ о ея герояхъ и о Дромундѣ, будто бы находившемся въ такихъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ къ норвежскому принцу. Зато никакъ нельзя отрицать знакомства у автора Греттлы съ Гаральдовою сагой. На основаніи этой послѣдней сдѣланы хронологическія, почти ученые за-

мѣчанія, приведенныя нами выше съ намѣреніемъ ¹⁾. Все основано здѣсь на расчетѣ времени, протекшаго отъ битвы при Стикле-стадѣ (1030 г.), послѣ которой Гаральдъ удалился сначала въ Гардарику, а потомъ въ Миклагардъ, до смерти короля Магнуса въ 1047 году. Убійство Греттира по сагѣ относится къ 1031 году, прибытіе Торстейна Дромунда въ Миклагардъ и мечь надъ Тор-биорномъ Онгуломъ, повидимому, къ 1033 или 1034 г. ²⁾ Чрезъ 11 лѣтъ, то-есть въ 1044 или 1045 году, Гаральдъ, по сагѣ, возвращается въ Норвегію. Это, положимъ, вполне соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности, но только спрашивается: какъ народная память, предполагаемая хранительница сагъ до ихъ письменной, очень поздней редакціи, удержала такія искусныя и точныя хронологическія подробности? Несомнѣнно, повторяемъ, ученое соображеніе данныхъ Гаральдовой саги съ какимъ-либо хронологическимъ руководствомъ (книжка Аре Фроди?) или съ собственною ученою памятью саго-составителя. Точно такъ же на основаніи знакомства съ Гаральдовою сагою сдѣлана замѣтка о большомъ числѣ Скандинавовъ, отправившихся въ Миклагардъ и сдѣлавшихся тамъ Вэрингами при Михаилѣ Каталакѣ. Въ первой части своей статьи мы почти повторили ошибку, которую всѣ дѣлаютъ, придавая словамъ Греттлы, сюда относящимся, самостоятельное значеніе, находя здѣсь свидѣтельство о болѣе частыхъ, чѣмъ прежде, поѣздкахъ Скандинавовъ въ Византію (С. А. Гедеоновъ и А. А. Куникъ). Между тѣмъ, здѣсь просто говорится въ однократномъ смыслѣ и въ однократномъ глагольномъ видѣ: *eo tempore complures Nordmanni Miklagardum profecti, ibi militiae nomina dederunt*, и разумѣются спутники Гаральда Норвежскаго ³⁾.

1) <Зависимость Греттлы отъ Гаральдовой саги гораздо болѣе значительна, чѣмъ полагалъ В. Г. См. выше стр. 229 наше примѣчаніе о *Spezar thátttr.* Ф. Б.>

2) <Точнѣе—къ 1032—33 г. См. выше стр. 192. Ф. Б.>

3) <Передъ нами тутъ прямое недоразумѣніе, вызванное неточнымъ латинскимъ переводомъ въ *Antiquités Russes I*, 298, которымъ пользуется въ данномъ случаѣ Васильевскій. Въ оригиналѣ, фраза, приведенная имъ цѣликомъ выше на стр. 223, имѣетъ именно многократный смыслъ: многіе Норманны въ то время «отправлялись» въ Византію и «поступали» тамъ на службу. Рѣчь идетъ здѣсь не объ однихъ только спутникахъ Гаральда, что явствуетъ какъ изъ контекста нашей саги, такъ и изъ самой саги о Гаральдѣ: когда послѣдній

Сказаннаго достаточно о Греттировой сагѣ. Позднее происхожденіе ея такъ же несомнѣнно, какъ и поздняя письменная редакція, всѣми отпосымаемая къ концу XIII или началу XIV вѣка ¹⁾. Послѣ того, что мы прибавили къ этому отъ себя, мы не считаемъ возможнымъ сколько-нибудь опираться на такомъ источникѣ. Болѣе къ нему мы не воротимся.

Обращаемся къ Гаральдовой сагѣ и къ подвигамъ этого предводителя Вэринговъ въ спилійскомъ походѣ. Эти подвиги, по 408 всѣмъ редакціямъ, состояли въ завоеваніи четырехъ городовъ и всякій разъ посредствомъ новой военной хитрости. Первый городъ взятъ посредствомъ птицъ, которыя имѣли свои гнѣзда въ городѣ и были паловлены въ лѣсу, куда онѣ летали для добыванія пищи. Къ спинамъ этихъ птицъ прикрѣплены были сухіе смолистые сучья сосноваго дерева, намазанные воскомъ и сѣрой, и потомъ съ одного конца воспламененныя. Птицы полетѣли въ свои гнѣзда и зажгли городъ; жители испугались, вышли и стали просить мира и прощенія за свои дерзкія рѣчи, произнесенныя ранѣе противъ императора, и потомъ сдались (Heimskringla, гл. 6). Давно замѣчено сходство и тожество этого разсказа съ извѣстнымъ взятіемъ Искоростеня русскою княгиней Ольгой, и даже тутъ находили какую-то опору для норманскаго происхожденія Ольги. Д. И. Иловайскій, опровергая такой выводъ, замѣтилъ, что то же самое разсказывается о Чингизъ-ханѣ. Но указаніе на Чингизъ-хана ничего не объясняетъ, потому что онъ могъ по-

привыкъ въ Миклагардѣ, то тамъ уже было «великое множество (mikill fjöldi) Норманновъ, которыхъ зовутъ Вэрингами»: Fornn. sögur VI, 135. Ср. также Flateyjarbók III, 290. Вообще изъ саги о Гаральдѣ видно, что послѣдній засталъ въ Византіи уже вполне организованный корпусъ Вэринговъ - Норманновъ. Ф. Б.)

1) Это положеніе остается въ силѣ и теперь еще, такъ какъ сдѣланная Воег'омъ (въ предисловіи къ критическому изданію 1900 г.) попытка выдѣлать изъ общаго состава письменной традиціи древнѣйшую, т. е. первоначальную редакцію саги о Греттирѣ, близкую къ устному преданію, единогласно отвергнута критикой. См. Mogk. I. с. 203, F. Jónsson, L. H. II, 751 а. Тѣмъ не менѣе, общій выводъ, дѣлаемый отсюда В. Г. Васильевскимъ, едва-ли можетъ считаться достаточно обоснованнымъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ исторической достовѣрности разсказа о мести Торстейна надъ Торбиорномъ (безъ эпизода о Спесѣ) этимъ не рѣшается. Онъ долженъ быть поставленъ на болѣе широкую базу, и рѣшеніе его находится въ зависимости отъ рѣшенія тѣхъ общихъ вопросовъ, которыхъ нашъ авторъ касается въ шестой главѣ. Ф. Б.)

дражать либо Ольгѣ, либо Гаральду. Мы можемъ указать лицъ, которыя ту же хитрость употребляли вполне самостоятельно. Это, во-первыхъ, Александръ Македонскій и эмиръ Багдадскій Ибнъ-Хосровъ, жившій въ самомъ концѣ X-го столѣтія. Вотъ что о нихъ повѣствуетъ армянскій историкъ Асохикъ (см. о немъ въ III-й главѣ): «Ибнъ-Хосровъ мудростію своею, равной мудрости Александра, удивлялъ весь міръ. Приказаніемъ онъ бралъ города, словомъ изгонялъ жителей изъ крѣпостей. При осадѣ одного города жители не соглашались сдать его; тогда эмиръ, въ доказательство покорности, потребовалъ, чтобъ изъ каждаго дома дали ему по собакѣ въ видѣ дани. Городъ стоялъ недалеко отъ тростниковаго лѣса, и въ немъ всѣ дома были построены изъ тростника. Когда онъ получилъ надлежащее количество собакъ, приказалъ обмазать ихъ нефтью, поджечь и пустить. Всѣ онѣ сквозь водосточныя отверстія городской стѣны пролѣзли въ городъ по домамъ своимъ и такимъ образомъ зажгли весь городъ. Это мудрое дѣйствіе его напоминаетъ Самсона, который тремя стами лисицъ зажегъ нивы иноплеменниковъ, или Александра, который посредствомъ птицъ поджегъ деревянный дворецъ, находившійся на высокой скалѣ».

Не знаемъ мы, какой это дворецъ подоженъ былъ Македонянамъ посредствомъ птицъ; у псевдо-Каллисѣева мы не нашли вполне подходящаго разсказа, а только нѣсколько похожій и напоминающій извѣстную хитрость Ганнибала (см. *Pseudo-Callisthen.* II 13, 5 p. 68 ed Didot.). Но быть можетъ, Асохикъ зналъ о птицахъ изъ армянской редакціи псевдо-Каллисѣева, принадлежащей, вѣроятно, Моисею Хоренскому и до сихъ поръ не 404 переведенной и не вполне изслѣдованной (см. *Zacher, Pseudo-callisthen.*, стр. 87).

Къ этому мы должны прибавить, что и эмиръ Ибнъ-Хосровъ не только собакъ мазалъ нефтью, но то же самое, для какой-то непонятной цѣли, дѣлалъ и съ голубями: «Зажегши у голубей крылья, смазанныя нефтью, онъ пускалъ ихъ по поднебесью» и этими поступками вызвалъ даже негодованіе почтеннаго переводчика Асохика на русскій языкъ (стр. 137). Припомнимъ, что все это совершалось и все это разсказывалось въ Арменіи современно съ пребываніемъ тамъ и вблизи русскаго корпуса, почти

современно съ зимовками Варяговъ въ Халдіи, и тогда мы будемъ, по всей вѣроятности, гораздо ближе къ родословной Гаральдовыхъ птицъ и Ольгиныхъ воробьевъ и голубей. Но такіе рассказы, привесепные Варягамъ и Норманнами съ береговъ Босфора, быть можетъ, подслушанные у военныхъ товарищей, первоначально такъ мало прикрѣплялись къ опредѣленной личности, что Саксонъ грамматикъ, датскій историкъ XIII вѣка, считалъ себя въ правѣ перенести ихъ на датскихъ баснословныхъ королей Гаддинга (Hadding) и Фрилейфа.

Другой (по порядку четвертый) городъ, долго осаждаемый, былъ взятъ посредствомъ такой хитрости: Гаральдъ притворился больнымъ и потомъ мертвымъ и устроилъ себѣ пышныя похороны; горожане не только согласились на просьбу Вэринговъ — допустить погребеніе ихъ знаменитаго предводителя внутри городскихъ стѣнъ, но еще аббаты и монахи различныхъ монастырей спорили между собою о чести имѣть гробницу въ своемъ монастырѣ. Когда Вэринги принесли роскошно украшенный погребальный ящикъ къ городскимъ воротамъ, они опустили его и поставили здѣсь поперекъ, а сами выхватили мечи, которые у нихъ были подъ платьемъ, и т. д.

Но Сенъ-Кентенскій каноникъ Дудо, нѣсколько старшій современникъ Гаральда (писалъ около 1015 года), ту же самую хитрость приписываетъ извѣстному датскому (норманнскому) пирату Алстигу, или Гастигу, имя котораго долго хранилось въ народной памяти Франковъ, много отъ него пострадавшихъ, и который является предводителемъ разбойничьихъ шаекъ отъ 866 до 892 года. Мы разумѣемъ исторію раззоренія города Луны (Luna, Lunis) въ Тосканѣ: Dudo, de actis Normannorum (Histor. Normann. scriptores ed. Duchesn., pag. 64).

Вслѣдъ за Дудо, ту же самую исторію о Гастингѣ повторяютъ Робертъ Васъ (Wace), англо-норманнскій труверъ второй половины XII-го вѣка, Бенуа де-Сент-Моръ, придворный труверъ Генриха II Плантагенета, и Вильгельмъ Жюльежскій (Guillelmus Gemeticensis), авторъ «Дѣяній» герцоговъ норманнскихъ (около 1137 года). Можетъ быть, не лишнее замѣтить, что сочиненіе послѣдняго, для коего Дудо послужилъ источникомъ, было извѣстно и на скандинавскомъ сѣверѣ.

Съ другой стороны, то же самое, что о Гастингѣ, рассказывалось и о норманнскихъ герояхъ южной Италіи, — прежде всего о самомъ Робертѣ Гвискардѣ — Вильгельмомъ Апулійскимъ, писателемъ конца XI и начала XII вѣковъ (*Gesta Roberti Wiscardi*: MG. SS. IX, 260), потомъ о его знаменитомъ сынѣ, героѣ перваго крестоваго похода. Извѣстенъ интересный эпизодъ, въ которомъ остроумная дочь императора Алексѣя, Анна Комнина, съ большимъ юморомъ описываетъ переѣздъ притворно умершаго Боемунда въ гробницѣ съ востока (изъ Антиохіи) въ Италію (XI, 12 p. 341 ed. Paris.): можетъ быть, это — настоящій и дѣйствительный путь распространенія сказки, которая въ XI и XII вѣкахъ разгуливала по Европѣ. Изъ Алексіады мы видимъ, что она была хорошо знакома въ Византіи. Оттонъ Фрейзингенскій дѣлаетъ пзобрѣтателемъ Гаральдовой хитрости короля Рожера Сицилійскаго, но переноситъ сцену обманчивой погребальной процессіи въ предѣлы земли греческой и обманутыми представляетъ греческихъ монаховъ (*Gesta Friderici*, II 34 p. 43 2-го школьн. изд.).

Въ началѣ XIII вѣка или въ самомъ концѣ XII Саксовъ грамматикъ приписываетъ какъ Гаральдовыхъ птицъ, такъ и Гаральдовы похороны баснословному датскому королю Гадингу и, подобно Оттону Фрейзингенскому, то и другое событіе помещаетъ на востокъ; но этимъ востокомъ для него служитъ наша Русь, которая и въ скандскихъ сагахъ часто сливается въ одно съ византійскою Греціей. Посредствомъ птицъ Гадингъ взялъ городъ Дуну (*Dunam*), принадлежавшій Гадвану, царю Геллеспонта, и потомъ, одержавъ еще другія побѣды на востокѣ (*multo Orientalium robore debellato*), воротился въ Швецію¹⁾. Король датскій Фрото устроилъ себѣ притворныя похороны въ войнѣ съ властителемъ «Русскаго народа» (*Rutene gentis tyrannum*) для взятія города Полотска (*ad urbem Paltiscam*). Наконецъ, Матвѣй Парижскій похоронно-военную хитрость приписываетъ Фридриху II Гогенштауфену.

Не останавливаясь на двухъ другихъ хитростяхъ Гаральда,

1) *Saxon. Grammatici liber I*, p. 12 (ed. *Stephani*), *liber II*, p. 21. Ср. впрочемъ *Annales Ruenses*: MG. SS. XVI, 392.

406 изъ которыхъ одна напоминаетъ взятіе Кампеломъ города Вейи, а другая ужъ очень проста и потому не только правдоподобна, но и могла повторяться безчисленное множество разъ, мы въ правѣ все-таки спросить: какую историческую достовѣрность имѣетъ сицилійскій походъ Гаральда, состоящій сплошь и всецѣло изъ подвиговъ такого рода, что они принадлежали всѣмъ и никому, и не падаетъ ли варяжество Гаральда и его Скандинавовъ въ область вымысла и фантазіи вмѣстѣ съ походомъ и его сказочными подробностями? Мы, правда, увидимъ, что такъ обставленъ только одинъ изъ южно-итальянскихъ походовъ норвежскаго принца, а другой засвидѣтельствованъ гораздо лучше; но, тѣмъ не менѣе, вопросъ остается пока въ своемъ ограниченномъ объемѣ. Считаютъ мѣста, въ которыхъ упоминаются скандинавскіе Варяги, насчитываютъ ихъ до сотни: но цѣлый десятокъ мѣстъ вышеозначеннаго характера, цѣлый десятокъ случаевъ, въ которыхъ Варяги являются съ птицами и въ похоронной процессіи, мы охотно промѣняли бы на одно простое упоминаніе какого-нибудь одного «скандинаво-византійскаго Варяга» писателемъ, современнымъ Олафу и Гаральду.

Мы увидимъ далѣе, что Гаральдъ въ сагѣ представляется героемъ одной романтической исторіи, основа которой состоитъ въ томъ, что влюбленный и ищущій руки племянницы (или внучки) принцъ возбуждаетъ ревность тетки (или бабки), а такъ какъ этою ревнивицею была сама императрица Зоя, то Гаральдъ былъ отправленъ въ темницу и освобожденъ былъ изъ нея только чудомъ; затѣмъ, поднявъ народное возстаніе противъ императора, мужа Зои, и похитивъ византійскую принцессу, онъ увезъ ее на своемъ кораблѣ, но, удовольствовавшись тѣмъ, что показалъ свое молодечество, отослалъ принцессу назадъ въ полной неприкосновенности. Другая редакція добавляетъ при этомъ, что Гаральдъ явился при византійскомъ дворѣ подъ чужимъ именемъ и скрывая свое званіе (подъ именемъ Норд-брикта). Очень многое напоминаетъ здѣсь сюжетъ нѣмецкой поэмы о королѣ Ротерѣ, дѣйствіе которой также совершается въ Константинополѣ, и даже византійскій императоръ носитъ имя мужа Зои. Ротеръ, король и владѣтель города Бари, точно такъ же является въ Византію подъ чужимъ именемъ; въ него влюбляется молодая царская дочь; при

ея помощи онъ устраиваетъ подземельный ходъ къ заключеннымъ въ тюрьмѣ своимъ рыцарямъ, которые были сюда посажены за то, что явились ранѣе со сватовствомъ Ротера той же молодой царевны; подобно Гаральду, который, по редакціямъ болѣе полнымъ, сражался и побѣдилъ страшное языческое войско, 407 угрожавшее императору, — Ротеръ разбиваетъ вавилонскаго короля Имелота; присланный вѣстникомъ побѣды, онъ объявляетъ совершенное пораженіе Константина в близость страшныхъ язычниковъ; испуганная царица и царевна просятъ его взять къ себѣ на корабль и увезти за море, но онъ беретъ съ собою только дочь, а мать оставляетъ, впрочемъ объяснивъ ей обманъ. Этимъ исторія еще не кончается. Царевна была похищена изъ Бари обратнo хитростію людей, посланныхъ Константиномъ; Ротеръ, переодѣвшись пилигримомъ, снова является въ Константинополь отыскивать свою невѣсту-жену, попадаетъ въ руки враговъ и былъ уже приговоренъ къ казни, но возстаніе народа, греческихъ графовъ и рыцарей, которымъ Ротеръ-Дитрихъ оказалъ прежде разныя услуги, освобождаетъ его; во главѣ возстанія стоялъ графъ Арнольдъ, предводительствуя 15-ю тысячами своихъ вассаловъ. Возставшіе Греки, одержавъ верхъ, однако рѣшили пощадить царя, и Ротеръ получилъ свою жену ужъ изъ рукъ отца.

Поэма о королѣ Ротерѣ имѣетъ себѣ двойника въ древне-сѣверной сагѣ о Дитрихѣ, королѣ Бернскомъ, письменная редакція которой принадлежитъ второй половинѣ XIII вѣка. Роль Гаральда и Ротера, хотя въ видѣ значительно отличномъ, 1. играетъ здѣсь Осантриксъ, сынъ Гертнида, короля Русскаго, получившій отъ отца Вилькинскую землю (Wilkinaland), тогда какъ его братъ Владиміръ (Waldemar) получилъ Россію и Польшу, а другой и самый младшій Илья (Ilias) — Грецію. Осантриксъ ищетъ руки Оды, дочери Милія (Milias), короля Гуваланда, и подъ ложнымъ именемъ Дитриха добываетъ ее не столько хитростію, сколько прямою силою. Сага о Дитрихѣ часто ссылается на рассказы Вэринговъ — совершенно такъ же, какъ и относительно романтической исторіи Гаральда съ Зоей и ея племянницей — Вэринги, бывавшіе въ Миклагардѣ и возвращавшіеся потомъ въ сѣверныхъ (скандинавскихъ) странахъ,

являются у Снорре Стурлесона ея поручителями и первыми сообщителями ¹⁾).

Не наше дѣло разбирать, которое сказаніе имѣло вліяніе на образованіе, складъ и развитіе другого. Но, повидимому, повѣсть о Гаральдѣ въ XII вѣкѣ въ своей любовно-романтической части рассказывалась нѣсколько иначе. Вильгельмъ Мальмёсберійскій († 1141), смѣшивая Гаральда относительно прозвища, но вѣрно называя его братомъ св. Олафа, пишетъ, что онъ въ юности, находясь на службѣ византійскаго императора, обезчестилъ одну 408 знатную женщину и за то, по приказанію императора, былъ брошенъ на съѣденіе льву, но однѣми голыми руками задушилъ страшнаго звѣря (Haroldus Norvagus, frater Olavi, qui etiam imperatori Constantinopolitano dum juvenis militaverat, cujus jussu pro stupro illustris fœminæ leoni objectus belluam immanem nudo lacertorum nisu suffocavit. Это повторяется и у другихъ позднѣйшихъ писателей). Теперь этого льва нѣтъ въ Гаральдовой сагѣ, но очень вѣроятно, что онъ въ ней былъ, точно такъ же, какъ есть сцена съ убиваемымъ львомъ въ поэмѣ о королѣ Ротерѣ.

Съ другой стороны, дѣйствительная и не подлежащая сомнѣнію исторія Гаральда въ Константинополѣ представляетъ нѣкоторыя черты, близкія къ приключеніямъ сказочнаго короля Ротера. Трудно, конечно, предполагать, чтобы подъ баснословнымъ Ротеромъ скрывался дѣйствительный Гаральдъ, или чтобы сага о Дитрихѣ превратилась въ позднѣйшую поэму о Ротерѣ подъ вліяніемъ знакомства съ приключеніями норвежскаго принца и слуховъ, распространенныхъ объ этомъ по всей Европѣ, благодаря разноплеменному и пестрому составу тогдашней византійской арміи. Въ ней были и Русскіе, и сѣверные Норманны, и Франки, и Сарацины; вскорѣ послѣ Гаральда явились въ ней и Нѣмцы. Мы могли бы думать, что и въ Дитриховой сагѣ смѣшеніе именъ русскаго эпоса со всякими другими въ самомъ дѣлѣ идетъ отъ византійскихъ Варяговъ, подъ которыми тутъ разу-

1) Именемъ вэринговъ въ сагѣ о Дитрихѣ называются не византійскіе Варанги, а вообще Скандинавы. Вопросъ объ источникахъ рѣшается самой сагой, по которой главными источниками ея были «рассказы нѣмецкихъ мужей и отчасти ихъ пѣсни». См. изданіе Unger'a, 1858 стр. 2. 394. Ө. Б.)

мѣлись бы византійскіе наемники изъ всѣхъ этихъ національностей ¹⁾).

Въ той многолюдной и пестрой смѣси восточныхъ и западныхъ элементовъ, какая сосредоточивалась около береговъ Босфора въ XI вѣкѣ, гораздо ранѣе крестовыхъ походовъ, былъ возможенъ самый широкій взаимный обмѣнъ всѣхъ продуктовъ народнаго творчества и всякаго рода ямень и сказочныхъ сюжетовъ, а также и повѣстей о дѣйствительныхъ событіяхъ, прошедшихъ чрезъ народную фантазію. Въ самой Гаральдовой сагѣ обращаютъ на себя вниманіе яныя греческія слова, какъ будто подслушанныя спутниками Гардрада у ихъ русскихъ товарищей. Такъ, хорошо извѣстный въ византійской исторіи предводитель сицилійскаго похода Георгій Манякъ въ сагѣ постоянно называется Gurgir, то-есть, Гюрги (г — окончаніе именительнаго падежа); императорскій дворецъ византійскаго владыки именуется *palotus* (множеств.), то-есть, палатами (отъ *palatium*, Pfalz).

Все это еще требуетъ разъясненія. Но что касается сходства исторіи Гаральда въ историческихъ ея чертахъ, которыя 409 будутъ нами указаны ниже, съ приключеніями короля Ротера, то, конечно, не одинъ Гаральдъ былъ въ Константинополѣ, не одинъ онъ тамъ сражался съ язычниками и мусульманами: дѣлая то и другіе принцы, графы и рыцари; не одинъ Гаральдъ саживалъ въ Цареградской тюрьмѣ, если онъ сидѣлъ въ ней, и не одинъ онъ освобождался изъ нея вслѣдствіе вербѣдкихъ въ Византіи престолонаслѣдныхъ переворотовъ и народныхъ возстаній; не одинъ онъ изъ западныхъ людей игралъ важную роль въ такихъ движеніяхъ и участвовалъ въ низверженіи или даже ослѣпленіи императора. Мы можемъ, поэтому, сказать, что исторія Гаральда имѣла вліяніе на сюжетъ и подробности нѣмецкой поэмы настолько, насколько она была общею исторіей западнаго рыцарства, приходившаго на службу къ византійскому царю, точно такъ же, какъ наоборотъ сага о Гаральдѣ сложилась въ ту форму, какая до насъ дошла, подъ вліяніемъ разнаго рода сказаній, относившихся первоначально къ совершенно другимъ лицамъ, историческимъ или фантастическимъ.

1) <См. предыдущее примѣчаніе. О. Б.>

Приведемъ еще одинъ и послѣдній примѣръ. Сага о королѣ Сягурдѣ, палестинскомъ пилигримѣ, рассказываетъ въ числѣ другихъ баснословныхъ подробностей его путешествія о торжественномъ въѣздѣ его въ Царьградъ, не замѣченномъ, конечно, византійскими хрониками. «Люди рассказываютъ», повѣствуетъ Снорре Стурлесонъ, — «что король приказалъ подковать свою лошадь золотомъ, прежде чѣмъ онъ въѣхалъ въ городъ; это было устроено такъ, что одна изъ подковъ должна была свалиться на улицѣ, и никто изъ его людей не долженъ былъ обращать на то свое вниманіе» (*Antiquités Russes I, 385*). Но старая французская хроника то же самое приписываетъ герцогу Роберту Норманнскому: «A l'entrée de la ville, ou l'empereur estoit, il fist ferrer une mulle, que on lui menoit après lui, de quatre ferres de fin or, et deffendit a tout ses gens que si la mulle se deferroit que nul ne redreçast le fer». Весьма вѣроятно, что Исландцы заимствовали чужой рассказъ и перевесли его на своего короля Сягурда. Подслушали они его въ самомъ Константинополѣ, что возможно, или списали его съ какой-либо французской хроники, что не менѣе вѣроятно: во всякомъ случаѣ такія подробности мало рекомендуютъ историческую достовѣрность саги и не свидѣтельствуютъ въ пользу неизмѣнности и точности исландскаго преданія. Припомнимъ, что время короля Сягурда гораздо ближе къ Снорре-Стурлесону, чѣмъ время Гаральда Гардрада.

410 Послѣ приведенныхъ примѣровъ намъ легче будетъ отвѣчать на вопросы: что такое исландская сага, въ какой степени она можетъ служить историческимъ матеріаломъ, то-есть, насколько въ ней обрѣтается дѣйствительной фактической исторіи, и какъ отдѣлать въ ней историческій элементъ отъ поэзіи и баснословія?

VI

Пѣсни скальдовъ, какъ единственный историческій матеріалъ въ сагахъ для вопроса о Варягахъ.

Во-первыхъ, чисто историческій элементъ находится не во всѣхъ исландскихъ сагахъ, а только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Всякій прозаическій рассказъ, относится ли его содержаніе

къ области вымысла или имѣетъ историческую подкладку, называется у Исландцевъ сагою (saga, sögur). Большое различіе въ самомъ содержаніи сагъ прежде всего было замѣчено наукой, и критика давно распредѣляетъ саги на нѣсколько видовъ, отдѣляя «вымышленныя» отъ «историческихъ». Было время, когда, по слѣдамъ Саксона Грамматика, всѣхъ мифическихъ героевъ саги, начиная съ Одина, выдавали за скандинавскихъ князей, но это время давно прошло. Всѣхъ болѣе и прежде другихъ содѣйствовалъ этому датскій ученый епископъ Мюллеръ. Онъ съ достаточною для своего времени точностію изучилъ исторію развитія исландскаго дѣписанія и сдѣлалъ опытъ подробнаго разбора отдѣльныхъ до насъ дошедшихъ прозаическихъ памятниковъ сѣверной письменности. Онъ пытался опредѣлить, какія саги имѣютъ дѣйствительную историческую основу, и какія вымышлены, и потомъ—къ какому времени относится происхожденіе той или другой саги (не письменная редакція). Отъ его проницательности и—по времени—весьма здравой критики не ускользнуло то обстоятельство, что и саги съ историческою основой имѣютъ добавленія совершенно другого характера. На основаніяхъ, указанныхъ Мюллеромъ, раздѣляютъ саги на мифическія, романтическія, полу-историческія и волюнѣ историческія ¹⁾.

Твердой грани и точныхъ виѣшнихъ признаковъ нѣтъ и не могло быть. Мюллеръ очень часто считаетъ сагу историческою только потому, что слово, о которомъ въ ней говорится, есть историческое, то-есть, упоминается въ исландскихъ родословныхъ, огромная масса которыхъ заключается въ Landnámabók, или ⁴¹¹ упоминается въ другихъ сагахъ, уже признанныхъ историческими. — Ни тотъ ни другой признакъ въ настоящее время и предъ судомъ болѣе строгой критики не можетъ быть признанъ рѣшительнымъ. Если Илья Муромецъ упоминается въ русскихъ письменныхъ сказаніяхъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что былины объ Ильѣ Муромцѣ заключаютъ въ себѣ чисто историческое фактическое содержаніе. Слагатели сагъ могли брать и дѣйствительно брали своихъ исландскихъ земляковъ въ герои такихъ

1) См. Rosselet, Isländische Litteratur, стр. 290 (въ Энциклопедіи Эрша и Грубера).

разказовъ, матеріалъ которыхъ былъ заимствованъ изъ домашняго сказочнаго запаса и пародныхъ пѣсенъ или же принесенъ съ далекой чужбины—и съ особенною охотою именно въ послѣднемъ случаѣ. Новѣйшая критика причисляетъ Греттирову сагу уже не къ историческимъ, какъ Мюллеръ, а къ такъ называемымъ «лживымъ сагамъ», *lygisögur*¹⁾. Сюда же критика относитъ и Финнбогову сагу (*Finnbogasaga*), и мы не знаемъ, исключить ли она изъ этого рода и сагу о Рафнкелѣ (*Hrafnkels saga*), хотя герои обѣихъ будто бы извѣстны были въ самомъ Миклагардѣ. Помѣщать сказочныя событія въ сказочную страну, въ тридесятое государство, такъ же естественно для народной и ненародной фантазіи, какъ и украшать домашнихъ героевъ чужими перьями. Впрочемъ, рассказъ о походе Финнбога въ чужихъ странахъ даже издателями *Antiquités Russes* счтается почти баснословнымъ, хронологія его путешествія въ Царьградъ несоотвѣтственною съ дѣйствительною исторіей (*Antiquités Russes* II, 320 и сл.). Только русскіе изслѣдователи хотятъ быть *plus royalistes que le roi*. Для нихъ Норманъ, сражавшійся на роднѣ съ какимъ-то «синимъ человѣкомъ» (*blámadhr* негръ, а по другому объясненію—великанъ) и потомъ отправленный Гакономъ, норвежскимъ ярломъ, въ Миклагардъ за полученіемъ денежнаго долга, есть драгоценная находка, — не столько потому, что онъ показываетъ въ Константинополѣ снова свою необычайную силу, поднявъ императора съ его престоломъ на воздухъ и пронеся его такъ значительное пространство, сколько потому, что должникъ, за которымъ снаряжена была маленькая норвежская экспедиція, сдѣлался изъ раззорившагося купца *hirdmadhr* ома греческаго короля Іоанна (*satelles* — гридень — *regis Johannis*). Такимъ образомъ получается Норманъ, служившій въ греческой службѣ во время Іоанна Цимисхія (969—976 гг.). Положимъ,

1) Приговоръ слишкомъ строгій. Новѣйшая критика по прежнему причисляетъ Греттирову сагу къ историческимъ сагамъ объ исландцахъ (*Íslendingasögur*), чѣмъ, конечно, еще не признается историческая достоверность всѣхъ ея эпизодовъ и подробностей. Съ большимъ правомъ названіе «вымышленной саги» (*lygisaga*) можетъ быть примѣнено къ Финнбоговой сагѣ (о которой см. между проч. изслѣдованіе Ф. Д. Батюшкова въ *Ж. М. Н. Пр.* февраль—іюль 1885), тогда какъ сага о Рафнкелѣ снова возвращаетъ насъ къ чистому типу *Íslendingasaga*. Ф. Б.

что онъ не называется Вэрингомъ, но это еще лучше: онъ называется «гриднемъ». Слово *hirdhmadhr* объявляется такимъ же техническимъ словомъ, какъ и слово Вэрингъ, и означаетъ точно такъ же, какъ и послѣднее, Норманновъ, служившихъ въ Византіи, 412 хотя на самомъ дѣлѣ оно рѣшительно не заключаетъ въ себѣ ничего византійско-техническаго и постоянно, даже въ той же самой сагѣ, употребляется для выраженія домашнихъ, то-есть, скандинавскихъ отношеній короля или князя къ его приближеннымъ. Слово Вэрингъ, по своему происхожденію относящееся или относимое къ самой глубокой обще-тевтонской древности, по употребленію превращается въ младшее, болѣе новое, чѣмъ «гирдмадръ»: сначала оно, это послѣднее, употреблялось для обозначенія Норманновъ, служившихъ въ Византіи, и на ряду съ нимъ стоятъ терминъ совершенно такого же характера (*handgegnir*), а потомъ вошло въ употребленіе и болѣе древнее выраженіе. Все это намъ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, и думается, что мы поступили благоразумно, не упоминая совершенно Финнбога и Берси въ числѣ вѣроятныхъ скандинавскихъ Вэринговъ. Вовсе не можетъ служить признакомъ историчности тѣхъ или другихъ событій, того или другого лица и то, что о немъ упоминается въ другихъ сагахъ. Такая взаимная порука совершенно естественна, потому что слагатели и составители сагъ часто любили пользоваться готовымъ матеріаломъ, но только такая порука не имѣетъ никакого значенія въ вопросѣ о достовѣрности преданія.

Во-вторыхъ, допуская первоначальную историческую основу въ собственно исландскихъ сагахъ (*Íslendinga Sögur*) и предполагая, что это основа народная, мы не можемъ въ нихъ видѣть, какъ это видѣлъ Э. Мюллеръ, вѣрное воспроизведеніе хронологически опредѣленной исторіи. Въ каждой героической сагѣ историческій элементъ будетъ находиться только въ томъ видѣ, какъ онъ отразился въ поэтическомъ созерцаніи народа и какъ онъ постоянно съ теченіемъ времени измѣнялся въ постоянно живой народной фантазіи, прежде чѣмъ былъ закрѣпленъ письменною редакціей.

А эта письменная редакція во всякомъ случаѣ будетъ довольно поздною относительно времени предполагаемаго происхо-

ждения саги. Въ началѣ своей статьи, говоря о сагахъ, интересныхъ для насъ по упоминаемымъ въ нихъ Вэрингамъ, мы принимали самое благоприятное для ихъ древности мнѣніе датскихъ и норвежскихъ ученыхъ. Но и при этомъ самыя древнія саги относятся по времени письменной редакціи къ первой половинѣ XII столѣтія, а событія и лица, въ нихъ дѣйствующія, къ самому началу XI вѣка ¹⁾. Съ нѣкоторымъ колебаніемъ и большимъ рискомъ можно еще допустить, что въ течение такого промежуточнаго времени устная сага могла не утратить своего первоначальнаго колорита или не измѣниться въ своихъ подробностяхъ; что, напримѣръ, Вэринги не явились въ ней такъ, какъ явились Татары въ русскихъ былинахъ о богатыряхъ Владиміра. Но какъ мы поручимся за сагу о Рафякелѣ, событія которой должны относиться къ первой половинѣ X вѣка, а письменная редакція—по меньшей мѣрѣ къ концу XII столѣтія? Чтѣ мы должны будемъ сказать съ этой точки зрѣнія о сагѣ, въ которой дѣйствуетъ уже вѣстный намъ современникъ двухъ не современныхъ государей (Цимисхія и яра Гакона; см. *Antiquités Russes*, l. c.)—богатырь Финнбоги? Строгая критика не только имѣетъ право, но и обязана заявить самыя рѣшительныя сомнѣнія относительно

1) Конрадъ Мауреръ относительно собственно исландскихъ сагъ замѣчаетъ, что Мюллеръ и его послѣдователи все-таки слишкомъ рано полагаютъ письменную редакцію оныхъ. Но его мнѣнію, предположеніе, что уже въ теченіе XII вѣка было записано значительное количество исландскихъ сагъ, основано на ложномъ объясненіи и, быть можетъ, на ложномъ чтеніи одного и единственнаго мѣста въ *Sturlunga saga*, между тѣмъ какъ самыя полновѣсныя свидѣтельства отодвигаютъ начало сагописанія къ 1170—1180 годамъ. Стиль и языкъ сохранившихся до насъ сагъ вполне сходится съ такими указаніями, такъ что изъ всѣхъ дошедшихъ до нашего времени исландскихъ сагъ—*Íslendinga Sögur*—только самая древняя, именно *Heidharvígasaga*, можетъ принадлежать концу XII вѣка (*Ueber die Ausdrücke*, стр. 497 и сл.). «Извѣстная фраза *Sturlunga saga* (ed. Vigfússon I, 86), на которую здѣсь намекаетъ В. Г. Васильевскій, была предметомъ долгихъ споровъ между учеными, но въ настоящее время вопросъ о ея смыслѣ можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ тѣми соображеніями, которыя привелъ F. Jónsson (въ предисловіи къ изданію *Egils saga Skallagrímssonar* 1894, стр. IV примѣч.; ср. также его *L.N. II*, 269 зв. и *Mogk I. c.* p 182). Въ результатѣ получается выводъ, что большинство такъ наз. *Íslendingasögur* дѣйствительно записано еще въ XII вѣкѣ, а не одна только *Heidharvígasaga*, какъ полагалъ В. Г. Впрочемъ, вопросъ этотъ не имѣетъ существеннаго значенія для его выводовъ. Въ общемъ, онъ былъ правъ, довѣряя главнымъ образомъ работамъ Маурера, взгляды котораго легли въ основу почти всѣхъ дальнѣйшихъ работъ въ этой области. Ф. Б.»

того, чтобы всѣ частности и подробности, вся терминологія, находящіяся въ письменной сагѣ, дѣйствительно относились къ той эпохѣ, которой должно принадлежать ея содержаніе, ея сюжетъ; она не повѣритъ, чтобы все это было точно, вѣрно и сохраннымъ донесено устнымъ преданіемъ чрезъ пространство, считаемое двумя и тремя сотнями лѣтъ. Правда, есть особая теорія о происхожденіи сагъ, по которой все нами считаемое невозможнымъ оказалось бы совершенно естественнымъ. Но даже въ приложеніи къ сагамъ о норвежскихъ короляхъ (*Sögur Noregs konunga*), для которыхъ она преимущественно и создана, эта теорія не выдерживаетъ критики и въ настоящее время, кажется, можетъ быть почитаема оставленною и опровергнутою ¹⁾.

Королевское общество сѣверныхъ антикваріевъ, издавшее 414 великолѣпные томы, которые носятъ заглавіе: «Древности Русскія по историческимъ памятникамъ Исландцевъ и древнихъ Скандинавовъ» (*Antiquités Russes, d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves*), оказало, конечно, великую услугу русской исторіи, но оно же упрочило у насъ ложный взглядъ на историческую цѣнность матеріала, предложеннаго имъ къ услугамъ русской исторіи. Идя по слѣдамъ Мюллера, издатели «Русскихъ Древностей» принимали, что записываніе сагъ, относящихся къ Исландіи и Норвегіи, было въ сущности дѣломъ совершенно механическимъ: нужно было записать рассказъ вполне законченный, давно окрѣпшій и окаменѣлый въ своей формѣ и содержанія и въ такомъ видѣ переходившій изъ устъ въ уста. Вотъ какъ отвѣчаютъ они на вопросъ, что такое историческая исландская сага:

«Слово сага происходитъ отъ *segja* — говорить, и значитъ просто рассказъ, преданіе (*tradition*). Но это этимологическое

1) Говоря это, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, изслѣдованія и статьи Конрада Маурера въ Запискахъ Мюнхенской Академіи (*Abhandlungen der Bayer. Academie der Wissenschaften. Philos.-Philol. Classe, XI Bd., S. 457—706, 1867 г.*; много разъ цитуемое нами сочиненіе носитъ такое заглавіе: *Ueber die Ausdrücke altnordische, altnorwegische und isländische Sprache*) и въ Журналѣ для нѣмецкой филологіи (*Zeitschrift für deutsche Philologie. Erster Bd., 1869: Ueber die norwegische Auffassung der nordischen Literaturgeschichte, S. 25—88*). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не только опираемся на общепризнанный авторитетъ Маурера, но заимствуемъ у него иное буквально.

опредѣленіе не исчерпываетъ вполне идеи, которая должна соединяться съ представленіемъ объ исландской сагѣ. Подъ сагою разумѣютъ не только устное преданіе, что, конечно, составляетъ существенную часть идеи слова, но рассказъ чистый (rig), ясный и достаточно подробный о фактахъ, изложенный такъ, что онъ представляетъ намъ опредѣленное и законченное цѣлое. Если мы будемъ держаться этой идеи, то намъ легко будетъ опредѣлять отношеніе между сагами записанными и тѣми, которыя передавались устно. Эти послѣднія совпадали, такъ сказать, съ фактами, о которыхъ онѣ сообщали. Для того чтобъ онѣ могли переходить изъ усть въ уста, не теряя на пути обстоятельствъ второстепенныхъ, но важныхъ, было необходимо тотчасъ же привести ихъ въ извѣстную форму, которая потомъ удерживалась постоянно, допуская только незначительныя измѣненія. Именно эта точно опредѣленная форма составляетъ существенный признакъ исландскихъ сагъ. Именно этой древней формѣ, столько же, сколько ихъ законченной округленности, обязаны мы ихъ сохраненіемъ, иначе не объяснимымъ, отъ времени, когда еще не было извѣстно искусство письма. Отсюда далѣе слѣдуетъ, что при такихъ обстоятельствахъ отдѣльному лицу не было
415 никакого случая проявить свою личность (*de se faire valoir*). Саги, подъ которыми мы разумѣемъ первоначальную массу старинныхъ преданій, обязаны были своимъ происхожденіемъ себѣ самимъ. Онѣ получили свою редакцію и опредѣленную форму въ устахъ народа, такъ что нельзя было указать автора въ томъ или другомъ лицѣ, и послѣдующему рассказчику или записчику оставалось только принять за основу готовый рассказъ (*du récit une fois fait*), убавляя или прибавляя въ разныхъ мѣстахъ, но не внося никакого замѣтнаго измѣненія въ первоначальной основѣ (*noyau*) исторіи. Вотъ причина, по которой мы видимъ, что большая часть фактовъ, сообщаемыхъ намъ сагами, рассказаны совершенно одинаковымъ образомъ, иногда даже тѣми же самыми выраженіями... Послѣдующіе списатели (*copistes*) сагъ не называли себя по имени изъ такого же естественнаго побужденія, какъ древніе историографы классическіе (?); они очень хорошо чувствовали, что исполняютъ только роль кописта и не имѣютъ никакой авторской заслуги» (*Antiquités Russes I, 235 и сл.*).

Такой взглядъ пользуется тѣмъ бѣльшимъ сочувствіемъ многихъ сѣверныхъ ученыхъ, что онъ служитъ особаго рода мѣстному патриотизму, основанному на взаимномъ соперничествѣ сѣверныхъ племенъ. Норвежцы и Датчане не хотятъ оставить за Исландцамъ всей литературной славы, которая имъ принадлежитъ, какъ авторамъ не только исландскихъ, но также норвежскихъ историческихъ сагъ и вообще сѣвернаго дѣянія. Такъ какъ устное преданіе по самой природѣ своей должно исходить отъ той географической мѣстности, съ которою связываются относящіяся сюда событія, то ясно, что Исландцамъ относительно норвежской исторіи по вышеназложенной теоріи будетъ принадлежать только одна заслуга: они записали, придали письменную форму устному преданію, которое сложилось въ самой Норвегіи; объ авторской, сочинительской дѣятельности въ собственномъ смыслѣ слова не должно быть и рѣчи.

Но болѣе безпристрастная и не замѣшанная въ такого рода вопросахъ, въ то же время болѣе трезвая и строгая, повѣйшая критика совершенно отвергаетъ всѣ основныя положенія теоріи Мюллера, Муха, Кейзера. Она допускаетъ, что, дѣйствительно, цѣлая масса устныхъ преданій могла обращаться у Исландцевъ и Норвежцевъ, прежде чѣмъ кто-нибудь вздумалъ записывать эти преданія; но эти преданія — совершенно такъ же, какъ и въ настоящее время — переходили изъ устъ въ уста чрезъ посредство отдѣльныхъ лицъ, и обусловленные этимъ, въ формѣ постоянно измѣняющейся, подвергались и въ своемъ содержаніи 416 въ разныя времена, въ устахъ различныхъ лицъ, разнообразнымъ измѣненіямъ. Конечно, въ тѣ времена, когда искусство письма было еще мало употребляемо, память была гораздо вѣрнѣе и надежнѣе, чѣмъ въ наши письмолюбивыя времена; конечно, все то, что было производимо людьми особенно даровитыми и что переступало границу общедоступности, большею частію сейчасъ же исчезало изъ памяти, такъ какъ толпа не въ состояніи была подхватить и вести далѣе то, что было ей не по плечу; а такъ какъ письмо еще не могло придти на помощь, то пріобрѣтенное указаннымъ путемъ не сохранялось и для немногихъ, болѣе даровитыхъ; конечно, различіе, всегда существующее между образованными и необразованными членами націи, въ

древности было меньше—именно вслѣдствіе того, что оно образуется накопленіемъ произведеній умовъ выдающихся и постояннымъ пользованіемъ ими со стороны одиваково одаренныхъ натуръ. Но при всемъ этомъ рѣчь можетъ быть только о различіи въ степени, а не въ родѣ. И самая счастливая память обладаетъ только ограниченою степенью воспримчивости. Такимъ образомъ, живущее въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ преданіе различнымъ образомъ ограничивалось, смотря по дарованію, склонности, жизненному положенію отдѣльнаго лица, а съ другой стороны—вновь образующіяся преданія постоянно становились на мѣсто болѣе древнихъ, в эти послѣднія не могли жить рядомъ съ первыми. Вѣчный приливъ и отливъ стараго и новаго давалъ себя чувствовать; преданіе постоянно оставалось въ состояніи текучести, и воспоминаніе хватало назадъ только до опредѣленнаго ряда поколѣній, а далѣе позади ихъ исчезало всякое твердое очертаніе и надежная опора; каждому индивидууму принадлежало личное участіе какъ въ передачѣ, такъ и въ самой духовной производительности, подобно тому какъ и теперь, наоборотъ, каждый индивидуальный сочинитель есть все-таки сынъ своего времени и народа.

Въ поэтической формѣ преданія его вѣрность, правда, охраняется крѣпостію формы и гармоническимъ размѣромъ стиха; но сага именно не имѣла этой опоры, такъ какъ ея принадлежность—прозаическая форма. На ряду съ этимъ простымъ (прозаическимъ) преданіемъ появляется, конечно, и поэтическое (пѣсни скальдовъ), которое можетъ простираться въ старину гораздо далѣе, но нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы поэтическое преданіе началось ранѣе, чѣмъ первое, или съ самаго начала служило для него опорой.

Никто не отвергаетъ, что исландско-норвежское дѣписаніе, 417 во главѣ котораго по времени стоитъ Аре Фроди (1067—1148 гг.), какъ и всякое другое, первоначально зависѣло отъ устнаго древняго преданія. Оно зависѣло отъ него потолику, потолику не пыталось иногда дополнять данный преданіемъ матеріалъ собственными выдумками или заимствованіями изъ иностранныхъ сочиненій, каковы Вильгельмъ Жюмьежскій, Адамъ Бременскій и другіе (см. Маугет). Но только отсюда никакъ не

слѣдуетъ, что то устное преданіе привязано было къ какой-нибудь опредѣленной формѣ. Напротивъ, каждому отдѣльному сагописателю предоставлялась полная возможность и свобода собирать свой матеріалъ отъ отдѣльныхъ знающихъ лицъ и потомъ придавать ему такую форму, какая ему нравилась.

Такъ поступилъ Аре Фроди, авторъ перваго по времени историческаго сочиненія (*Íslendingabók*), написаннаго на древне-сѣверномъ языкѣ. Его небольшая, но тѣмъ болѣе драгоценная книжка содержитъ въ себѣ хорошо расположенный, но очень краткій и сухой хронологическій обзоръ важнѣйшихъ эпохъ Исландской исторіи. Она составлена на основаніи собственныхъ воспоминаній Аре Фроди и на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ отъ самыхъ различныхъ по своему положенію и званію лицъ, которыхъ онъ считалъ правдивыми и спеціально знающими факты въ той или другой области. Аре постоянно приводитъ имена своихъ поручителей и даже имена тѣхъ, отъ кого его поручители слышали о томъ или другомъ событіи или лицѣ, и это дѣлаетъ онъ всегда по поводу какого-либо отдѣльнаго пункта или факта. Сочиненіе современника Аре, Сэмунда Фроди, написанное на латинскомъ языкѣ и содержавшее уже не Исландскую собственно исторію, а хроникку Норвежскихъ королей, было такимъ же сухимъ и скуднымъ хронологическимъ перечнемъ, какъ и книжка Аре¹⁾. Одинаковаго съ послѣднимъ метода держались тѣ сочинители, которые во второй половинѣ XII вѣка писали исторію своего собственнаго или близкаго имъ времени: Ейрикъ Оддсонъ, авторъ потеряннаго сочиненія (*Hryggjarstykki*, Хребтовая часть), монахи Оддъ и Гуннлаугъ, сочинившіе оба по латинской легендѣ о королѣ Олафѣ Триггвасонѣ. Здѣсь тѣ же самыя ссылки на отдѣльныхъ свидѣтелей для отдѣльныхъ фактовъ, какъ это видно изъ сохранившейся²⁾ легенды монаха Одда, какъ это засвидѣтель-

1) <Такъ какъ сочиненіе Сэмунда до насъ не дошло, то мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о характерѣ и методѣ изложенія его. Даже языкъ не извѣстенъ. Вѣроятно впрочемъ, что онъ писалъ по-латыни, — если вообще писалъ, что нѣкоторыми учеными, напр. Штормомъ, совершенно отрицается. Ф. Б.>

2) <Сохранились лишь отрывки исландскаго перевода въ трехъ редакціяхъ, тогда какъ латинскій оригиналъ до насъ не дошелъ. Ф. Б.>

ствовано относительно его и относительно Гунилауга однимъ позднѣйшимъ сборникомъ (Flateyjarbók), перечисляющимъ имена приведенныхъ ими поручителей. Притомъ сочиненіе Гунилауга, судя по слѣдамъ, которые отъ него остались въ позднѣйшихъ 418 сборникахъ, подобно сочиненію Олда, имѣло болѣе легендарный церковный характеръ, чѣмъ чисто историческій, имѣло въ виду болѣе духовное назиданіе читателя, чѣмъ сообщеніе точныхъ историческихъ свѣдѣній. Саги объ Олафѣ Святомъ, явившіяся также въ XII вѣкѣ, имѣли характеръ совершенно сходный съ произведеніями двухъ монаховъ, сейчасъ названныхъ.

Первыя историческія сочиненія, которыя можетъ выставить сѣверная литература, суть, очевидно, продукты чисто личнаго, совершенно индивидуальнаго авторства. Историческая литература сѣвера не имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ записываніе сагъ, обращающихся въ устномъ преданіи, и нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобъ исторія Норвежскихъ королей получила полную закругленную форму первоначально въ устномъ пересказываніи и въ этой формѣ была записана. Что касается огромной массы тѣхъ сочиненій, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ XIII и XIV вѣкамъ, то и о нихъ нужно сказать то же самое. Тѣ изъ нихъ, которыя излагаютъ современную исторію, ссылаются на непосредственное знаніе ихъ сочинителей или на документы, находившіеся въ ихъ рукахъ, а также на свидѣтельства различныхъ названныхъ и не названныхъ поручителей, и ничто не даетъ права предполагать, что сагосоставитель обязанъ былъ этимъ послѣднимъ чѣмъ-нибудь большимъ, кромѣ отдѣльныхъ сообщеній объ отдѣльныхъ фактахъ, которыя онъ потомъ соединилъ въ одно цѣлое съ тѣмъ, что заимствовалъ изъ другихъ источниковъ, придавъ всему угодную ему форму.

Предположеніе, что ранѣе Исландцевъ Аре Фроди, Самунда и Олда существовали собственно норвежскіе писатели, ближе сочувствующіе мѣстной народной литературѣ и положившіе начало записыванію готовыхъ сложившихся и цѣльныхъ сагъ, — ни на чемъ не основано. Первый несомнѣннаго норвежскаго происхожденія историческій писатель есть монахъ Теодорикъ, который между 1176 и 1188¹⁾ годами написалъ на латинскомъ языкѣ свое

¹⁾ Точнѣе: между 1177 и 1180 гг. См. ниже, стр. 260₂. Ф. Б.)

сочиненіе «*de antiquitate regum Norwagiensium*». Но онъ прямо говоритъ, что до него никто не приимался еще за норвежскую исторію, то-есть, очевидно, никто изъ норвежскихъ уроженцевъ, ибо на Исландцевъ самъ же Теодорикъ нѣсколько разъ ссылается (См. Mauger, Ueber die Ausdrücke, стр. 690, примѣч. 52). Никакъ не видно также, чтобы въ его время въ Норвегіи существовали такіе хранители народнаго преданія, въ устахъ которыхъ вся прошедшая исторія имѣла бы видъ полныхъ, законченныхъ и опредѣленныхъ разсказовъ; ибо что заставило бы въ такомъ случаѣ Теодорика обращаться къ Исландцамъ, что помѣ- 419 шало бы ему призвать къ себѣ въ келлію такихъ сказателей— вмѣсто того, чтобы воздавать честь чужестранцамъ, пренебрегая земляками?

Существовалъ, конечно, у Норвежцевъ, и преимущественно Исландцевъ, обычай разсказывать «саги» о древнихъ и новыхъ, даже о живыхъ герояхъ — особенно при торжественныхъ случаяхъ и при народныхъ собраніяхъ. Но пѣтъ причины думать, чтобы это были сейчасъ же окаменѣлые по формѣ и содержанію или художественные разсказы. Одинъ изъ спутниковъ Гаральда Норвежскаго, Исландецъ Гальдоръ Спорресонъ, разсказывалъ сагу объ его путешествіяхъ и походахъ въ домъ своего знакомаго; другой Исландецъ Торстейнъ Фроди потомъ повѣствовалъ о томъ же предъ самимъ королемъ Гаральдомъ (*Scripta histor. Island. VI p. 331*). Когда король спросилъ Торстейна, откуда онъ такъ хорошо все это знаетъ, то разсказчикъ отвѣчалъ, что онъ нѣсколько разъ годъ за годомъ въ народныхъ собраніяхъ слушалъ разсказы объ этомъ именно вышеупомянутаго Гальдора Спорресона. Нужно ли представлять, что повѣствованіе Торстейна сколько-нибудь похоже было на сагу, которую мы теперь имѣемъ? Объ этомъ и думать нельзя, помимо другихъ основаній, уже потому, что Торстейнъ объ однихъ странствованіяхъ Гаральда разсказывалъ цѣлые тринадцать вечеровъ, а то, что мы теперь объ этомъ имѣемъ, удобно можетъ быть разсказано въ одинъ вечеръ.

Наконецъ, ни взаимное сходство между сагами и различными ихъ редакціями, ни безымянность многихъ сагъ ничего не доказываютъ относительно зависимости ихъ отъ устнаго преданія.

Сходство просто объясняется литературнымъ заимствованіемъ, которое такъ было развито во всѣхъ средневѣковыхъ литературахъ и которое, какъ это теперь уже во многихъ случаяхъ хорошо обнаружено новѣйшими изслѣдованіями, было въ обычаяхъ и сѣверныхъ сагослагателей. Безымянность же многихъ сагъ также не представляетъ чего-нибудь необычайнаго или неудобобъяснимаго. Притомъ она далеко не есть общее явленіе; одніе саги не имѣютъ названныхъ по имени авторовъ, а другія, напротивъ, принадлежатъ извѣстнымъ лицамъ.

Совершенно несомнѣнные признаки убѣждаютъ насъ въ томъ, что, когда исландско-норвежское дѣяніе обратилось отъ современности или прошлаго, настолько близкаго, что оно еще не изгладилось изъ памяти отдѣльныхъ лицъ, къ болѣе отдаленнымъ временамъ, и особенно къ временамъ глубокой древности, то здѣсь именно и обнаружилась слабость, скудость и безформенность народнаго преданія. Въ первой половинѣ XIII вѣка знатный Исландецъ Снорре Стурлесонъ († 1241 г.), близкій ко двору королей Норвегіи и хорошо знакомый со страной, взялъ на себя трудъ представить связную исторію норвежскихъ королей въ цѣломъ рядѣ сагъ, начавъ отъ самой глубокой древности. Онъ скоро убѣдился въ недостаточности средствъ, которыя находились у него подъ рукою. Онъ очень часто ссылается на устное преданіе, уже не называя опредѣленныхъ лицъ. Но видно сейчасъ же, какого труда ему стоило собрать разные элементы этого преданія. Большею частію это мѣстные преданія, привязанныя къ различнымъ мѣстнымъ памятникамъ: могиламъ, погребальнымъ холмамъ и насыпямъ, грудамъ камней, къ названіямъ разныхъ мѣстностей, а также фамильныя преданія знатныхъ родовъ, начиная съ его собственнаго. Ссылки на «знающихъ людей», на преданіе вообще—довольно часты въ *Heimskringla*. Но часть ихъ можетъ относиться къ письменному преданію, а другая остающаяся часть, несомнѣнно принадлежащая народной традиціи, носила общій характеръ преданія, отличалась смутностію, противорѣчіями, неопредѣленностію и недостоверностію. Это понималъ самъ Снорре. Въ исторіи Гаральда (с. 36; ср. с. 14) онъ увѣряетъ насъ, что многое изъ того, что онъ узналъ объ этомъ королѣ, онъ оставляетъ безъ всякаго упоминанія, потому

что онъ не хочетъ писать неосновательныхъ «не засвидѣтельствованныхъ» исторій. Онъ нерѣдко ставитъ рядомъ различныя мнѣнія и преданія, оставляя своему читателю избирать болѣе достовѣрныя. Это не показываетъ, чтобы Снорре былъ простымъ редакторомъ полныхъ и цѣльныхъ, вполне готовыхъ устныхъ сагъ.

Литература давала ему также не особенно богатый запасъ готоваго и обработаннаго матеріала. Съ одной стороны, это были хотя совѣстливыя и точныя, но зато крайне сухія и скудныя хронологическія работы, подобныя «книжкѣ» Аре Фроди, а съ другой—легенды, полныя помазанія и назиданія, полныя чудесъ и видѣній, но мало обращающія вниманія на хронологическую правильность и на чисто историческую дѣйствительность. Изъ такихъ ингредиентов предстояло Снорре Стурлесову строить исторію прошедшаго. Сильный поэтический талантъ и глубокое знакомство съ родною поэзіей повредили при этомъ дѣлу, а также и помогли ему. Снорре Стурлесонъ первый оцѣнилъ надлежащимъ образомъ тотъ совершенно подлинный, достовѣрный и современный событіямъ источникъ, который давно существовалъ въ пѣсняхъ скальдовъ. Это было уже не народное преданіе, измѣняющееся, искажающееся, а именно преданіе, облеченное въ 421 строгую художественную стихотворную и потому неизмѣнную форму. Это были пѣсни придворныхъ поэтовъ, составленныя по извѣстнымъ точнымъ правиламъ и на извѣстные опредѣленные случаи, по извѣстнымъ поводамъ и на извѣстныхъ лицъ. Уже монахъ Теодорикъ указывалъ на пѣсни исландскихъ скальдовъ, какъ на главный источникъ знанія Исландцами норвежской исторіи. Въ древнѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ сѣверной литературы стихи вовсе не встрѣчаются, и ужъ это одно достаточно опровергаетъ предположеніе, что сагослаганіе было соединено съ самаго начала съ поэзіей въ лицѣ скальдовъ. Но есть признаки, что нѣсколько ранѣе Снорре Стурлесона стали обращаться къ этимъ пѣснямъ придворныхъ поэтовъ, вставляя отрывки ихъ въ рассказъ въ видѣ украшенія, а иногда даже въ видѣ подтвержденія истины повѣствуемаго. Но Снорре Стурлесонъ первый возвелъ пользованіе пѣснями скальдовъ въ систему, сознательно принимая ихъ за лучшій историческій документъ, за

лучшую опору исторической правды. Въ прологѣ къ Heimskringla мы читаемъ у него: «Когда Гаральдъ Прекрасноволосый былъ королемъ въ Норвегiи, тогда Исландiя получила обитателей. При Гаральдѣ были скальды, и люди еще теперь знаютъ ихъ пѣсни (о немъ), а равно пѣсни о всѣхъ тѣхъ короляхъ, которые съ тѣхъ поръ были въ Норвегiи; и мы заимствуемъ наибольшую часть доказательствъ изъ того, что говорится въ пѣсняхъ, которыя были пѣты предъ самыми князьями и сыновьями ихъ: мы принимали за правду все то, что въ этихъ пѣсняхъ находится о походахъ или сраженiяхъ ихъ (князей). Приемъ скальдовъ состоитъ въ томъ, чтобы болѣе всего хвалить лицо, предъ которымъ они находятся; однако ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы сказать предъ самымъ этимъ лицомъ о такихъ его дѣлахъ, о которыхъ всѣ слушающiе могли бы знать, что это пустой вздоръ и вымыселъ, такъ же какъ (могъ бы знать) и онъ самъ. Это была бы насмѣшка, а не похвала». Разумный взглядъ на поэзію скальдовъ, выраженный здѣсь, обнаруживается равнымъ образомъ и въ осторожной трезвости сужденiя относительно народныхъ пѣсенъ и относительно порчи, которой подвергается устное преданiе въ противоположность пѣснямъ скальдовъ: «Одна часть исторiи написана по старымъ пѣснямъ, которыя люди сложили для препровожденiя времени (для забавы). Хотя мы и не знаемъ, что въ нихъ есть правды, но знаемъ однако примѣры, что прежнiе знающiе люди принимали ихъ за истину». — «Пѣсни, мнѣ думается, всего менѣе подвержены измѣненiю тогда, когда онѣ правильно пропѣты и разумно восприняты»¹⁾.

Но пѣсни скальдовъ, которыя разумѣются подъ правильно пропѣтыми, не представляли связнаго, подробнаго и длиннаго разсказа о короляхъ или событiяхъ; онѣ касались отдѣльныхъ случаевъ, не всегда ясно указываемыхъ, а только подразумеваемыхъ или намекаемыхъ; всего менѣе онѣ могли удовлетворить запросу на точную хронологію для цѣлыхъ періодовъ. Многое приходилось Сворре Стурлесону дополнять своимъ соображенiемъ; многое въ сагахъ, которыя для насъ особенно важны,

1) См. объясненiе къ этому мѣсту у Маурера, Ueber die Ausdrücke, стр. 608 сл.

есть только личная комбинація автора, въ XIII вѣкѣ писавшаго о событіяхъ первой половины XI столѣтія. Эти комбинаціи, при помощи которыхъ Снорре Стурлесонъ составлялъ изъ своихъ разнообразныхъ и вообще—то въ томъ, то въ другомъ отношеніи—недостаточныхъ источниковъ одно стройное цѣлое, не могли быть всегда удачными. Снорре Стурлесонъ не хотѣлъ идти по слѣдамъ Аре Фроди и не имѣлъ въ виду ограничиться изложеніемъ отдѣльныхъ скудныхъ фактовъ, прибрѣтенныхъ путемъ многотруднаго и скрупулезнаго изслѣдованія и постоянно возводимыхъ къ ихъ первоначальнымъ сообщителямъ и свидѣтелямъ. Его поэтическая натура требовала художественной и полной формы, цѣльной и связной исторіи. При помощи пѣсень, съ одной стороны, а съ другой — при помощи болѣе обширныхъ сочиненій Олда и Гуннлауга, посившихъ церковно-легендарный характеръ, онъ успѣлъ дѣйствительно создать полную исторію, стройно и непрерывно изложенную. Пѣсни и народныя преданія дали ему не только новый и богатый матеріалъ, но также и возможность специфически-церковную окраску замѣнить болѣе свѣтскою и народною. Изъ сочиненій своихъ сейчасъ названныхъ предшественниковъ онъ не гнушался черпать подробности для своей исторіи, заимствовалъ у нихъ многія легенды и рассказы, но стремился возстановить въ нихъ послѣдовательность и порядокъ событій, на что тѣ не обращали вниманія, а иногда и отбрасывали излишекъ чудесъ и видѣній, когда они казались ему ненужными или совсѣмъ недостоверными. Нѣтъ недостатка и въ собственныхъ прибавкахъ автора; онъ допускалъ ихъ, когда являлась потребность въ болѣе картиной и подробной разрисовкѣ событій, переданныхъ только въ сухой и голой основѣ; онъ прибѣгалъ къ остроумнымъ конъектурамъ и догадкамъ, 423 чтобы связать отрывочныя извѣстія, дополнить ихъ или даже исправить. Въ одномъ отношеніи Снорре Стурлесонъ достигъ своей цѣли. Его саги о норвежскихъ короляхъ представляютъ живое и теплое, вполне художественное произведеніе, которымъ онъ совершенно затмилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Но при пользованіи его трудомъ отъ новой исторической критики требуется двойная осторожность. Не весь матеріалъ, который вошелъ въ сочиненіе Снорре, имѣлъ характеръ историческій: ле-

гендами и преданіями, которыми онъ пользовался, мы не могли бы теперь пользоваться такъ, какъ онъ пользовался. Дополненія, догадки и комбинаціи самого автора также не имѣютъ для насъ обязательной силы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ переноситъ сцену дѣйствія въ чужія и далекія страны. Средства его для возстановленія прагматизма и послѣдовательности въ событіяхъ были у него на сей случай крайне недостаточны. Признано, что Снорре не былъ знакомъ съ иностранными языками, даже съ латинскимъ, на которомъ писались почти всѣ западныя лѣтописи и хроники. Только чрезъ какое-либо посредство могли дойти до него, на примѣръ, тѣ каталоги императоровъ римскихъ и византійскихъ, слѣды которыхъ съ вѣроятностію указываются въ сагѣ о Гаральдѣ, насъ интересующей; но даже въ предполагаемомъ подлинникѣ эти каталоги не вполне исправны и точны. На основаніи ихъ нельзя было отличить Михаила IV Пафлагонянина отъ Михаила V Калафата. Вопреки Византійцамъ, Калафатомъ здѣсь назывался Михайлъ IV, а не Михайлъ V (см. каталогъ, напечатанный у Муратори t. V, p. 156)¹⁾. Несомнѣнно, что въ этихъ случаяхъ мы въ настоящее время обладаемъ гораздо лучшими средствами. Мы гораздо скорѣе и вѣрнѣе дойдемъ къ исторической истинѣ, если оставимъ въ сторонѣ комбинаціи автора — Снорре Стурлесова, касающіяся событій, отдаленныхъ отъ него и по времени и по пространству, и если совершенно отбросимъ весь неисторическій или сомнительный легендарный составъ его саги объ Олафѣ или Гаральдѣ. У насъ останутся тогда пѣсни скальдовъ, которыя онъ самъ выдавалъ за основаніе своей исторіи. Мы, конечно, не имѣемъ ихъ теперь отдѣльно и вполне, но тѣ многочисленные отрывки, которые приводятся въ разныхъ редакціяхъ сагъ, составленныхъ первоначально Стурлесономъ, могутъ служить для насъ замѣною. При ближайшемъ разсмотрѣніи сейчасъ же оказывается, что современныя свидѣтельства скальдовъ лучше согласуются съ современными же или происходящими отъ современныхъ источниками

1) Здѣсь передъ нами недоразумѣніе. Въ сагахъ упоминается не Михайлъ Калафатъ, а Mikael kátalaktús (= καταλλακτής), т. е. совершенно правильно — Михайлъ IV Пафлагонянинъ. Ф. Б.)

иностранными, чѣмъ съ прозаическою частію саги, дополняющею 424 и объясняющею ихъ на основаніи другихъ позднѣйшихъ матеріаловъ.

Мы не считаемъ пужнымъ говорить объ отношеніи различныхъ редакцій, въ которыхъ являются намъ саги о норвежскихъ короляхъ. Прежніе изслѣдователи, которые старались отказывать Снорре Стурлесону во всякой самостоятельности, ссылались на сборники, существующіе въ позднѣйшихъ рукописяхъ и содержащіе тѣ же самыя саги, которыя мы читаемъ въ *Heimskringla* Снорре, но съ нѣкоторыми отмѣнами и прибавленіями; они находили здѣсь настоящую древнюю редакцію сагъ, записанныхъ такъ, какъ онѣ рассказывались устно, и передѣланныхъ слегка Стурлесономъ. Новѣйшіе изслѣдователи (Мауреръ, Петерсенъ и др.) достаточно доказали, что на самомъ дѣлѣ существуетъ обратное отношеніе. Такъ называемый *Flateyjarbók*, *Morkinskinna* и пр. представляютъ только позднѣйшую редакцію сагъ, составленныхъ Снорре Стурлесономъ, съ добавленіями и вставками, взятыми изъ тѣхъ же источниковъ, которыми пользовался Снорре, и только поэтому онѣ имѣютъ иногда видъ большей древности ¹⁾.

1) «Разбираемый въ шестой главѣ вопросъ объ отношеніи саги, какъ литературнаго памятника, къ устному преданію и о степени зависимости первой отъ послѣдняго является кардинальнымъ для всей работы В. Г. Васильевскаго. Аргументація автора, блестящая по своей стройной логичности и очень остроумная въ частностяхъ, даетъ кое-какія новыя соображенія, оригинально освѣщающія этотъ труднѣйшій въ исторіи исландской литературы вопросъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы этими соображеніями онъ рѣшался удовлетворительно; къ тому-же онъ поставленъ авторомъ нѣсколько односторонне и къ рѣшенію привлеченъ далеко не весь имѣющійся въ настоящее время матеріалъ. Едва-ли полное отрицаніе, къ которому въ данномъ случаѣ склоняется В. Г., можетъ считаться вполне обоснованнымъ, хотя его здравый скептицизмъ и не могъ не подмѣтить слабыхъ сторонъ въ легковѣрїи датскихъ и норвежскихъ ученыхъ. Отдавая полную дань справедливости остроумію автора, сумѣвшаго, не будучи начитаннымъ специалистомъ въ этой области, своеобразно освѣтить этотъ сложный вопросъ и высказать рядъ новыхъ и весьма цѣнныхъ замѣчаній, я все-же думаю, что зависимость саги отъ преданія гораздо больше, чѣмъ полагалъ В. Г. Въ одномъ пунктѣ, во всякомъ случаѣ, нашъ изслѣдователь ошибается: Снорре не былъ первымъ исландцемъ, который «связалъ на себя трудъ представить связную исторію норвежскихъ королей въ цѣломъ рядѣ сагъ, начавъ отъ самой глубокой древности» (см. выше стр. 252), и далеко не всѣ сборники въ родѣ *Morkinskinna* и проч. «представляютъ только позднѣйшую редакцію сагъ,

VII

Дѣйствительная исторія Гаральда и его Вэринговъ въ Константинополѣ.

Сага о Гаральдѣ начинается разсказомъ о битвѣ при Стигквестадѣ, въ которой былъ убитъ братъ его Олафъ (1030 г.). По свидѣтельству скальда Бѣльверка, на «слѣдующій годъ» Гаральдъ нашелъ себѣ убѣжище въ Гардарикѣ, то-есть, на Руси, и здѣсь, какъ свидѣтельствуется другой скальдъ — Тіодольфъ, принималъ участіе въ битвахъ и походахъ Русскаго князя, между прочимъ сражался съ Ляхами (Laesir). Изъ русской лѣтописи извѣстно, что дѣйствительно въ 1031 году Ярославъ ходилъ на Ляховъ и взялъ Червенскіе города. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, Гаральдъ съ своими норвежскими спутниками ушелъ въ Миклагардъ.

Въ большей части редакцій (Hrokkinskinna, Flateyjarbók, Morkinskinna) скандинавскіе искатели приключеній отправляются въ Константинополь далекимъ окольнымъ путемъ чрезъ земли Вендовъ (прибалтійскихъ Славянъ), черезъ Саксонію, Францію, землю Лонгобардовъ, Римъ и Апулію, и потомъ вступаютъ въ службу въ Миклагардъ.

Но какая нужда была, отправляясь изъ Кіева, дѣлать такой длинный кругъ? Въ XI вѣкѣ Черное море носило имя Русскаго, вѣроятно — не потому, что Русскіе по нему не плавали. Извѣстіе 425 уже само по себѣ не внушаетъ довѣрія, и спрашивается только, на чемъ оно основано?

Въ подтвержденіе такого длиннаго путешествія сага приводитъ нѣсколько стиховъ скальда Илзуге Бриндальскаго, гдѣ сказано только, что его господинъ (Гаральдъ) часто сражался до свѣту съ Фравками при городѣ дѣвы (at bý snótar), и два стиха

составленныхъ Снорре Стурлесономъ (стр. 257). У Снорре были предшественники въ этой области; 'Agrir, Morkinskinna, а можетъ быть и Fagrskinna независимы отъ Heimskringla и древнѣе послѣдней, какъ оказалось теперь. Если бъ В. Г. это зналъ, то онъ, конечно, измѣнилъ бы свой взглядъ на Снорре и его приемы собиранія и провѣрки матеріала. Э. Б.)

скальда Тіодольфа, которые гласятъ, что «Гаральдъ съ (мужественнымъ) духомъ прошелъ землю Лонгобардовъ»:

Sá er vidh lund á landi
Langbardha rédh ganga.

Ясное дѣло, что скальды въ этихъ стихахъ, приведенныхъ какъ единственное доказательство страннаго факта, вовсе не говорятъ того, что утверждаетъ сага. Если мы примемъ комбинацію, ею предлагаемую, то будемъ даже поставлены въ необходимость допустить самыя невѣроятныя вещи: именно, что изгнанникъ — норвежскій принцъ оружіемъ проложилъ себѣ дорогу черезъ Францію и Ломбардію, дабы достигнуть южной Италіи. Скальдъ говоритъ, что Гаральдъ сражался съ Франками: онъ дѣйствительно могъ съ ними сражаться, послѣ того, какъ уже поступилъ въ службу византійскаго императора. Подъ Франками скальдъ, конечно, разумѣлъ французскихъ Норманновъ, которые во время Гаральда овладѣли византійскою частью Италіи; въ борьбѣ съ ними Гаральдъ дѣйствительно участвовалъ. Лонгобардія Тіодольфа есть равнымъ образомъ Лонгобардія византійская, то-есть, старая Лонгобардская земля, вначе Апулія и Калабрія (ср. Sedgen. II, 514, 525). Гаральдъ сражался съ Франками и былъ въ землѣ Лонгобардской не на пути въ Миклагардъ, а прибылъ сюда изъ Миклагарда вмѣстѣ съ византійскою арміею, отправленною противъ Франковъ.

Не только нѣтъ никакой нужды предполагать, что Гаральдъ прибылъ въ Грецію не прямо изъ Россіи, но напротивъ, именно это говоритъ болѣе древняя редакція саги (*Heimskringla*) — на основаніи, повидимому, стиховъ скальда Бѣльверка, описавшаго морское путешествіе Гаральда и прибытіе его въ Константинопольскую гавань.

Всего вѣроятнѣе, что Гаральдъ, прибывшій изъ Россіи, при вступленіи въ византійскую службу присоединился вмѣстѣ съ своими спутниками къ тому большому русскому корпусу, существованіе котораго намъ извѣстно, и который около 1033 года дѣйствовалъ въ Малой Азіи. Это намъ кажется вѣроятнымъ аргюмѣнтъ, но это же слѣдуетъ изъ современной поэзіи скальдовъ, 426 хотя сага косвенно утверждаетъ совершенно противное.

Heimskringla и всѣ другія подробныя редакціи приводятъ восемь стиховъ скальда Тюдольфа:

«Юпоша, ненавистникъ змѣиной руды (золота, то-есть, щедрый, расточительный), на подобіе краснаго пламени, подвергалъ себя опасностямъ; могутъ быть названы восемь десятковъ городовъ, взятыхъ въ землѣ Сарацинской, прежде чѣмъ страшный Сарацинамъ собиратель войска, покрытый щитомъ, отправился совершать игру Гильды (то-есть, воевать) въ равнинѣ Сицилійской».

(Segja má tekna ótta togu borga á Serklandi, ádhr herskordhúðhr gekk — Sikileyju: слова поставлены по порядку естественной конструкціи. Союзъ ádhr въ одномъ латинскомъ переводѣ переданъ ante quam — íbat; въ другомъ — quo facto).

Итакъ, прежде чѣмъ Гаральдъ появился въ Сицилію, онъ воевалъ съ Сарацинами гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, и тамъ, при его участіи, взяты были 80 городовъ. Сага во всѣхъ своихъ редакціяхъ представляетъ дѣло совершенно наоборотъ¹⁾. Изъ Сициліи, куда онъ прибылъ съ Гирги (то-есть, съ Георгіемъ Маниакомъ) прямо изъ Константинополя и непосредственно послѣ вступленія въ Вэринги, Гаральдъ переправился въ Сарацинскую землю, подъ которою слагатель саги разумѣлъ Африку, и взялъ въ ней 80 городовъ. Только монахъ Теодорикъ (1176—1188гг.)²⁾ ставитъ подвиги Гаральда въ другомъ порядкѣ, болѣе согласно съ точнымъ смысломъ стиховъ скальда Тюдольфа:

«Iste Haraldus in adolescentia sua multa strenue gesserat, subvertendo plurimas civitates paganorum (80 городовъ?) magnasque pecunias auferendo in Ruscia, in Aethiopia, quam nos materna lingua Blaland vocamus; inde Hierosolyman profectus est, ubique famosus et victoriosus. Postea peragrata Sicilia, magna pecunia ab id locorum extorta venit Constantinopolim ibique apud imperatorem accusatus, inflictâ eidem imperatori satis probrosa ignominia, inopinabili fuga elapsus est».

1) Это не точно: въ Heimskringla и другихъ редакціяхъ борьба съ Сарацинами и взятіе 80 городовъ предшествуютъ походу на Сицилію. О. Б.)

2) [Monumenta historica Norvegiae latine conscripta. Ed. G. Storm. Kristiania 1880, p. 57. По Шторму, введ. VIII, Теодорикъ писалъ между 1177 и 1180 гг.]

Здѣсь пропущена Серкляндія — страна Сарацинская, но во всякомъ случаѣ Сицилія выдается вовсе не первоначальнымъ мѣстомъ подвиговъ Гаральда, какъ это дѣлается въ сагѣ.

Откуда происходитъ такое противорѣчіе между источниками первоначальными и сагой, ихъ истолковательницею?

Подъ Сарацинскою землею сага разумѣетъ Африку, какъ это прямо объяснено въ *Heimskringla* и *Morkinskinna*: «*Affríká, 427* *er Vaeringjar kalla Serkland*», Африка, которую Вэриги называли Серкляндіей. Не знаемъ, какіе Вэриги называли Серкляндіей Африку, но смѣло утверждаемъ, что скальды не только могли разумѣть, но и дѣйствительно разумѣли подъ этимъ названіемъ нѣчто другое, куда можно было достигнуть, идя на Сицилію.

Въ географическомъ трактатѣ исландскаго аббата Николая, относимомъ къ половинѣ XII вѣка, слѣдовательно, гораздо болѣе близкомъ по времени къ скальдамъ Гаральда, при описаніи Азии говорится, что третья рѣка, вытекающая изъ Рая, называется Тигромъ и течетъ по Серкляндіи: *Tigris—fellr of Serkland* (*Antiquités Russes II, 400*). Въ одной редакціи позднѣйшихъ исландскихъ лѣтописей говорится, что Ираклій, императоръ византійскій, принесъ въ Миклагардъ крестъ Господа изъ Серкляндіи (*ibid. II, 373*). Въ словарѣ Клизби-Вигфуссона указано, что слово *Serkir*, или Сарацины, при переводѣ древнихъ латинскихъ писателей ставится тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоятъ Ассиріане или Вавилоняне. Въ сагѣ объ Александрѣ, перешедшей и на сѣверъ, Серками (*Serkir*) называются Персы. Серкирь равняется византійскому *Σαρακηνοί*, Сарацины, и обозначаетъ, какъ у средневѣковыхъ писателей иныхъ литературъ, Сарацины вообще, то-есть, магометанъ или Арабовъ, другими словами, обитателей Халифата и областей, ему подвластныхъ. Слѣдовательно, подъ Серкляндіей не было никакой необходимости разумѣть именно Африку, а можно было понимать Сарацинскія земли въ Азии или Сиро-Месопотамскія земли, принадлежавшія халифу Багдадскому.

Несомнѣнно, что Гаральдъ Гардрадъ никогда не былъ въ той Африкѣ, которую разумѣетъ сага, и не участвовалъ во взятіи городовъ африканскихъ, хотя и сражался противъ «короля африканскаго». Ходъ сицилійской экспедиціи, во главѣ которой

стоялъ Георгій Маниакъ, хорошо извѣстенъ; до перенесенія военныхъ дѣйствій въ Африку далеко не дошло. Но зато мы знаемъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что на островѣ Сицилія Византійцамъ дѣйствительно пришлось сражаться съ африканскими войсками (см. Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia, II, 377, 387). Не Византійцы переплывали въ Африку, а Африканцы приходили въ Сицилію. Скальды, воспѣвающіе подвиги Гаральда въ Сициліи, хорошо знали это и заставляютъ его бороться съ Африкою не въ Африкѣ — Серкландіи, а именно въ Сициліи.

«Глупые трусы были далеко, когда метатель военной молніи покорилъ вѣкогда опасную (страшную) землю. Вепрю Африки 428 (Africa jöfri, jöfurr a wild boar, metaph. a king, warrior) было не легко удержать богатую пастбищами (hagfaldinni) дочь Анара (то-есть, землю) или ея жителей, когда онъ (Гаральдъ) напалъ на нее».

Эти стихи скальда Тюдольфа, приводимые въ доказательство, что Гаральдъ былъ въ Африкѣ—Серкландіи—и даже нѣсколько лѣтъ, вовсе не доказываютъ того, что ими доказывается. Богатая пастбищами дочь Анара есть просто Сицилія, а вепрь Африки есть просто Абдаллахъ, сынъ Моизза, эмира Африканскаго, сражавшійся съ Греками при Трайпѣ (Amari II, 397). Бельверкъ также говоритъ о покореніи одной земли Гаральдомъ, но сейчасъ же объясняетъ, что это есть Сицилія: «на восточномъ берегу ея лежали на пескѣ тѣла убитыхъ» (въ морскомъ сраженіи).

Новѣйшіе комментаторы саги (Амарі, Фримэнъ), не угадывая, въ чемъ дѣло, и не желая обвинять скальдовъ во лжи, полагаютъ, что и 80 городовъ, взятыхъ Гаральдомъ въ Серкландіи—Африкѣ, произошли отъ простого столкновенія его съ африканскимъ вепремъ на островѣ Сициліи. Но такое изъясненіе, очевидно, было бы самымъ тяжкимъ обвиненіемъ. Это значило бы, что скальды смѣшали Сицилію съ Африкой. А главное, такое изъясненіе совершенно противорѣчитъ прямому указанію скальдовъ, что Серкландія есть нѣчто другое, чѣмъ Сицилія, и что въ Серкландіи Гаральдъ сражался, прежде чѣмъ явился въ Сицилію.

Остается принять то, что ясно сказано было Тюдольфомъ и

не понято было слагателемъ саги. Гаральдъ, дѣйствительно, сражался въ Серкландіи, то-есть, въ азійско-сарацинскихъ странахъ около Евфрата, въ Месопотаміи и Сиріи; тамъ была первоначальная сцѣпа его подвиговъ. Послѣ похода на Ляховъ и занятія Червенскихъ городовъ въ 1031 году, на Руси настало мирное время:

Въ 1032 году «Ярославъ поча ставити городаы по Ръсп».

Въ 1033 году «Мстиславичъ Еустафій умре».

1034. Пустой годъ.

1035. Пустой годъ.

Значить, «мирно бысть». Что было дѣлать юному изгнанному принцу въ Кіевѣ? Онъ отправился, конечно, съ Русскими и сопровождаемый своими норвежскими спутниками-приверженцами, туда, гдѣ воевали Русскіе. Мы знаемъ, что у греческаго правителя приевфратской страны, который овладѣлъ Эдессою, были подъ начальствомъ Русскіе люди (см. выше гл. IV). Этимъ правителемъ былъ именно Георгій Маниакъ, имя котораго такъ тѣсно связано съ исторіей Гаральда. Мы знаемъ, что въ 1033 429 году греческій эперіархъ Теоктистъ былъ отправленъ съ большимъ войскомъ въ Сирію. Мы знаемъ, что въ томъ же году Никита Пигонитъ, начальствуя русскимъ отрядомъ, овладѣлъ крѣпостью Перкри на границахъ Арменіи, вблизи Вавилона, — какъ говоритъ Кедринъ. Вообще Византійцы въ это время одержали нѣсколько весьма важныхъ успѣховъ въ борьбѣ съ Сарацинами. Мы знаемъ, наконецъ, что въ 1034 г. въ Тракисійской темѣ стоялъ корпусъ Варанговъ.

Здѣсь и нужно искать Гаральда; въ это время онъ участвовалъ во взятіи 80 городовъ въ Серкландіи (скальдъ не говоритъ прямо, что города взяты Гаральдомъ, и конечно не всѣ эти города были похожи на Эдессу или даже Перкри). Однимъ словомъ, онъ находился среди греческаго иностраннаго корпуса, среди Русскихъ и среди Варанговъ 1034 года.

Четверостишіе скальда Бѣльверка, приведенное въ одной редакціи саги (*Antiquités Russes* II, 23), заставляеть думать, что первый подвигъ Гаральда былъ совершенъ на морѣ. «Бодрый правитель обагрилъ носы корабельные въ сраженіи и вступилъ въ число наемниковъ (*ok gekk á mála* — выраженіе, упо-

требляемое о Варягахъ); съ тѣхъ поръ (síðhan, ex quo) имѣлъ битвы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и онѣ кончались желаннымъ образомъ» ¹⁾. Это очень возможно. Въ 1032 и 1033 годахъ сицилійскіе и африканскіе Сарацины дѣлали морскіе набѣги на острова и береговыя страны собственной Греціи (Сedgen. II, 499 sq.); потомъ въ 1034 году ими разорены были Мирры Ликійскіе (ibid., p. 511) и далѣе въ 1035 г. острова Кикладскіе и побережье темы Тракисійской (ibid., 513) и т. д. Въ одномъ изъ морскихъ сраженій, данныхъ имъ Никифоромъ Карантиномъ, могъ участвовать Гаральдъ ²⁾.

Затѣмъ онъ вступилъ въ число наемниковъ (Варанговъ) и оставался въ средѣ ихъ нѣсколько лѣтъ, то-есть, вѣроятно, до того времени, какъ Георгій Маниакъ и русскій корпусъ отправлены были въ южную Италію (1038 г.). Пребывалъ ли все это время Гаральдъ въ Серкландіи, на это отвѣтъ находимъ у монаха Теодорика. Не называя Серкландіи, этотъ послѣдній именуеътъ Блаландію какъ мѣсто подвиговъ Гаральда. О Блаландіи говорится и въ поэзіи скальда Бельверка (Antiquités Russes II, 28 и въ другихъ мѣстахъ). «Краснорѣчивый
430 воинъ, славный храбростію! Плывъ въ Блаландію, ты подвергался опасности, когда сила вѣтра быстро гнала широкую корму. Буря потрясала край корабля, орошенный тяжелыми волнами», и т. д. На первый взглядъ Блаландія, стоящая у Теодорика на мѣстѣ Серкландіи, есть та же самая сарацинская Азія. Но Теодорикъ переводитъ ее по-латыни Эѳіопіей, и притомъ въ сагахъ, какъ утверждаютъ знатоки, Blámadhr (сивій человекъ, Негръ), житель такой страны, обыкновенно отличается отъ Серкира-Сарацина (Словарь Клизби-Вигфуссона). Блаландію нужно искать въ той Африкѣ, которая не будетъ Серкландіей. Въ 1034 году византійскій береговой флотъ, подъ начальствомъ прото-

1) Síðhan háðhist hildr hvert ár, sem sjálfir vildadh (прозаическая конструкция).

2) <В. Г., повидимому, не замѣтилъ, что его догадка подтверждается самой сагой о Гаральдѣ (Heimskr. cap. 9), въ которой говорится объ участіи норвежскаго принца въ плаваніи греческаго флота по «греческому», т. е. Эгейскому морю «вокругъ «греческихъ острововъ» и въ борьбѣ его съ морскими разбойниками. Начальникомъ флота, впрочемъ, является и тутъ Георгій Маниакъ, очевидно замѣнившій въ сагѣ Никифора Карантина. О. Б >

спаарія Текней (Τεκνέας), отправился изъ Абидоса къ устьямъ Нила; онъ достигъ Александріи, захватилъ здѣсь множество кораблей и безъ вреда воротился назадъ (Sedgen. II, 502). Это и есть походъ Гаральда въ Блаландію. Наконецъ, прежде спцилійскаго похода у Теодорика помѣщается путешествіе Гаральда въ Іерусалимъ; въ сагѣ оно стоитъ совершенно на другомъ мѣстѣ, въ концѣ византійской службы Гаральда, и притомъ вмѣсто простого путешествія тамъ явилось завоеваніе Іерусалима и Палестины. Все это сага сообразила изъ слѣдующихъ стиховъ скальда Стуфа (Heimskr. с. 12, Morginskinna, Flateyjarbók, Fagrskinna): «Войнственный король, смѣлый въ битвахъ, отправился покорять Іерусалимъ (fór leggja und sik Jórsali). Верхняя страна благопріятствовала (была расположена къ) виновнику битвъ (Гаральду) и Грекамъ; эта земля, не подвергшись какому-либо опустошенію пожаромъ, но причинѣ огромной силы поступила въ справедливое владѣніе воителя». Не совсѣмъ ясны эти слова, но, конечно, исправлять текстъ мы не рѣшимся, хотя это было бы и довольно легко при помощи хорошаго лексикона (вмѣсто leggja und sik, положить подъ себя, — leggja stund sik, положить близко къ себѣ, или въ переносномъ смыслѣ— позаботиться¹). Во всякомъ случаѣ не сказано, чтобы Гаральдъ успѣлъ покорить Іерусалимъ; это скорѣе можетъ быть предполагаемо о «болѣе высокой» или «лучшей» странѣ, а что подъ нею разумѣется — сказать трудно²). Изъ дальнѣйшей цитаты, приведенной сагою, мы убѣждаемся, что скальдъ Стуфъ говорилъ просто о пилигримствѣ Гаральда. «Мудрость и гвѣвъ Агдейскаго повелителя (Гаральда) многихъ невѣрныхъ (вѣроломныхъ) людей укротили (gerpressit) на берегу Іордана; такъ говорила молва. За свои несомнѣнные преступленія они получили худой пріемъ отъ правителя и подверглись неизбѣжной гибели». Невѣрные или вѣроломные люди, съ которыми Гаральдъ имѣлъ дѣло на берегу Іордана, были или собственные его люди, или проводники, или 491

1) «Совершенно невозможная конъектура. Предлога stund въ др.-исл. языкѣ не существуетъ, а есть только нарѣчіе (виж. пад. ед. ч. отъ сущ. stund), которое въ предполагаемомъ оборотѣ немисливо. О. Б.»

2) «Переводъ «болѣе высокая», «верхняя» страна, авторъ введенъ въ заблужденіе произвольнымъ переводомъ въ Antiquités Russes II, 48: regio superior. Въ оригиналѣ стоитъ fold, т. е. просто «страна, земля». О. Б.»

же накопецъ, Бедуины, обычные враги пилигримовъ¹⁾. Такъ или иначе, путешествіе Гаральда въ Іерусалимъ должно находиться въ связи съ тѣмъ, что читается у Кедрвна (II, 501) все подъ тѣмъ же 1034 годомъ. Послѣ египетскаго халифа Хакима (Азія, Azios), врага христіанъ, разрушившаго храмъ Іерусалимскій, взошелъ на престолъ сынъ его, рожденный отъ плѣнной Гречанки; онъ позволилъ желающимъ снова выстроить храмъ, и византійскіе императоры Романъ Аргиръ и Михаилъ IV приняли на себя эту заботу и послали туда своихъ людей. Мирныя сношенія съ Египтомъ послѣ экспедиціи Теквеи (она предшествовала, повидимому, вступленію на престолъ новаго халифа) въ 1036 году увѣнчались даже заключеніемъ мира на 30 лѣтъ (Sedgen. II, 515); а послѣ этого совсѣмъ не могло быть рѣчи о завоеваніяхъ византійскихъ въ Палестинѣ. Прибавимъ, что именно къ 1034 году относится пилигримство въ Іерусалимъ другихъ западныхъ людей — въ то время болѣе знаменитыхъ, чѣмъ Гаральдъ. Робертъ Діаволь, герцогъ Нормандскій, приходилъ сюда со своими баронами замазывать тяжелые грѣхи свои; онъ умеръ на возвратномъ пути изъ Іерусалима въ Никеѣ, 2-го іюля 1035 года²⁾.

Всѣ эти совпаденія дѣлаютъ несомнѣннымъ пребываніе Гаральда въ Азію въ 1033 и 1034 годахъ, и слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе считать несомнѣннымъ историческимъ фактомъ участіе Гаральда вмѣстѣ съ Русскими въ борьбѣ православнаго Востока съ мусульмано-сарацинскимъ міромъ на окраинахъ того и другого въ Сиріи и Малой Азіи. Представляется при этомъ только одинъ вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ теперь же, прежде чѣмъ мы пойдемъ далѣе по слѣдамъ нашихъ Варяговъ. Нужно полагать, что Гаральдъ, сынъ Сигурда, былъ не единственный Норманнъ (скандинавскій), вступившій въ византійскую службу; есть указанія весьма достовѣрныя, что ранѣе его прибытія въ Миклагардъ уже находилось извѣстное число Норвежцевъ и Исландцевъ, и самъ онъ, конечно, пришелъ не одинъ, но, какъ подобало принцу изгнаннику, окруженный

1) [Ср. Martinov, Annus eccles. Graeco-slavicus, p. 298.]

2) См. Freeman, The Norman Conquest I, 478; II, 187.

толпою приверженцевъ. И такъ, естественно думать, что Гаральдъ съ своими скандинавскими товарищами не просто служили на ряду съ Русскими въ походахъ къ Эдессѣ и Баркири, а составляли особый отрядъ въ иностранномъ греческомъ корпусѣ. Вотъ этотъ отрядъ, согласно съ давно укоренившимся взглядомъ и съ самыми сагами, и могъ бы всего скорѣе быть принятымъ за настоящій и единственный варяжскій отрядъ. Какъ, повидимому, 482 просто и мирно разрѣшались бы тогда всѣ противорѣчія; какъ легко и удобно было бы сопоставить первое упоминаніе о Варангахъ византійскими историками въ 1034 г. съ современными подвигами Норвежскаго принца и его спутниковъ въ Серкляндіи!

Но мы не должны увлекаться соблазномъ легкихъ соглашеній и обязаны строго держаться своего принципа. Мы пріобрѣли важный для исторіи фактъ присутствія Гаральда въ Малой Азіи только тогда, когда рѣшились, слѣдуя законамъ исторической критики, держаться первоначальныхъ и современныхъ источниковъ (пѣсень скальдовъ) и отвергать позднѣйшія произвольныя объясненія, когда сіи послѣднія прямо противорѣчатъ точному смыслу первыхъ. Не будемъ же сбиваться съ своего пути и соблазняться тѣмъ, что сага постоянно твердитъ о Вэрингахъ и видитъ этихъ своихъ Вэринговъ въ однихъ скандинавскихъ Норманнахъ. Для насъ авторитетъ — не сага, но ея источники, современные событіямъ пѣсни скальдовъ. А никто не укажетъ намъ, чтобы въ драгоцѣнныхъ обрывкахъ сѣверной поэзіи XI вѣка именно Скандинавы назывались Вэрингами, чтобы Норманны въ своей особности и отдѣльности отличались этимъ наименованіемъ отъ другихъ народностей, вмѣстѣ съ ними входившихъ въ составъ иностранной наемной греческой дружины. Слово «Вэринги» въ этомъ смыслѣ не найдется ни въ одномъ изъ многочисленныхъ двустишіи, четверостишіи и восьмистишіи, приведенныхъ въ сагахъ Олафа, короля Магнуса и Гаральда. Совершенно напротивъ. Есть только одинъ поэтический отрывокъ, упоминающій о Вэрингахъ уже въ XI вѣкѣ: и этотъ единственный, но тѣмъ болѣе драгоцѣнный отрывокъ заставляетъ принца Гаральда избивать Вэринговъ, то-есть, представляетъ Вэринговъ людьми чужими для Гаральда, не Норманнами. Это важное свидѣтельство въ пользу нашего взгляда мы приведемъ

ниже. Теперь же мы постараемся разъяснить поставленный выше вопрос другимъ путемъ.

Скальдъ Тюдольфъ называлъ Гаральда «опустошителемъ» или «разорителемъ Булгаріи» (*Volgara breppir*). Восемистишие, въ которомъ мы встрѣчаемъ это указаніе, находится въ самомъ началѣ Гаральдовой саги въ *Heimskringla*, а равно и въ другихъ редакціяхъ. Важно при семъ то, что «опустошитель Булгаріи» есть въ глазахъ скальда такой признакъ, по которому всякій долженъ узнать Гаральда: онъ именуется своего героя такимъ образомъ пролептически (*per anticipationem*) уже при описаніи первой битвы, въ которой онъ участвовалъ (Стиккестадская битва 1030 года). Адамъ Бременскій (*Lib. III, cap. 12 и 16*) говоритъ, какъ извѣстно, о службѣ Гаральда въ Константинополѣ, гдѣ онъ, сдѣлавшись воиномъ императора, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ противъ Сарацинъ на морѣ и противъ Скивовъ на сушѣ. Подъ Скивами здѣсь также слѣдуетъ разумѣть Булгаръ, потому что съ кѣмъ же иначе, помимо Сарацинъ, могли Греки вести борьбу на сушѣ? Печенѣги, правда, уже были грозою задунайскихъ странъ, но около этого времени намъ извѣстенъ только одинъ набѣгъ ихъ на имперію въ 1034 году, при чемъ, однако, не дошло до сраженія (*Cedren. II, 512*). За то сами Византійцы, говоря о возстаніи Булгарскомъ 1040 года, называютъ Булгаръ Скивами (*Pselli hist., p. 71*). Въ двухъ наиболѣе подробныхъ редакціяхъ Гаральдовой саги (*Morkinskinna* и *Flateyjarbók*, см. *Scripta Historica Islandor. VI, 135* и сл. и *Antiquités Russes II, 31* и далѣе) находится рассказъ о нашествіи какихъ-то язычниковъ въ предѣлы Византійской имперіи. Одна изъ этихъ двухъ редакцій прямо говоритъ, что это было при «королѣ Михаилѣ». Варяги составляли лучшую часть войска, выведеннаго византійскимъ императоромъ противъ варваровъ. Они же, по его приказанію, должны были первыми выйти противъ страшныхъ враговъ, у которыхъ было «много желѣзныхъ колесницъ, снабженныхъ колесами» и очень гибельныхъ въ сраженіи для противниковъ. Гаральдъ пригласилъ своихъ спутниковъ дать обѣтъ святому Олафу, его брату, что они построятъ храмъ въ честь его, если только онъ даруетъ побѣду надъ врагами, столь многочисленными и грозными. Все на это согласи-

лись. Во главѣ языческаго войска стояло нѣсколько царей (*marga konúnga*), изъ числа которыхъ одинъ былъ слѣпъ (*blindr*), но тѣмъ не менѣе, превосходилъ другихъ своимъ умомъ и потому стоялъ во главѣ всѣхъ и всего войска. Когда Вѣринги начали сраженіе, и язычники пустили свои колесницы, то эти колесницы не трогались съ мѣста, а слѣпой царь вдругъ прозрѣлъ и видѣлъ впереди непріятельскаго строя человѣка, сидящаго на бѣломъ конѣ, который распространялъ кругомъ себя страхъ и ужасъ. Когда услышали объ этомъ отъ слѣпого другіе цари, то всѣ обратились въ бѣгство.

Разсказъ этотъ удивительнымъ образомъ напоминаетъ исторію осады города Солуни во время Болгарскаго возстанія 1040 года, какъ она читается у Кедрива (II, 532). Нѣсколько царей языческаго войска суть: Делеанъ, Алусіанъ, Тихоміръ и Ивака, стоявшіе одновременно и порознь во главѣ возстанія. Делеанъ, впоследствии, именно вскорѣ послѣ осады Солунской, ослѣплен- 434
ный (Psell. p. 73; Cedren. II, 533), отправилъ къ Солуну Алусіана, давъ ему 40 тысячъ войска. Булгары при осадѣ употребляли стѣнобитныя машины разнаго рода (Cedren. II, 532, 4: *ἐλεπόλεισσι καὶ μηχαναῖς*); нѣсколько послѣ у нихъ упоминается деревянная засѣка (*ibid.* p. 533, 12: *δέμα ξύλινον*, *septum ligneum*). Послѣ шестидневной осады, утрашенные жители Солуни обратились съ молитвой къ мощамъ св. Димитрія и потомъ, внезапно растворивъ городскія ворота, неожиданнымъ нападеніемъ обратили въ бѣгство враговъ. Но побѣдой они одолжены были св. мученику Димитрію, который сражался впереди греческаго строя. Плѣнные Булгары клятвенно утверждали, что они видѣли впереди греческаго строя юпошу, сидящаго на конѣ и пускающаго огонь на противниковъ. Въ другихъ подобныхъ случаяхъ св. Димитрій является на бѣломъ конѣ и въ бѣлой одеждѣ ¹⁾.

Очень легко понять, какимъ образомъ св. Димитрій преобразился въ св. Олафа, а Булгары, подъ перомъ позднѣйшаго саго-

1) Напримѣръ, въ исторіи осады 597 года той же Солуни Аварами: *Ἄνδρα πυρράκην καὶ λαμπρὸν, ἵππῳ λευκῷ ἐφεζόμενον καὶ ἰμάτιον φοροῦντα λευκόν*. Toungard, *De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes*, Paris 1874, p. 116.

писателя, — въ язычниковъ. Еще легче объяснить, какъ извѣстiе о чудѣ Солунскомъ перешло въ скандинавскую сагу. Намъ стоитъ только предположить, что Гаральдъ съ своими Норманнами дѣйствительно находился въ 1040 году въ Солуни; а это не представляетъ ничего невозможнаго, ибо онъ оставался въ Византiи до 1043 года. Изъ Атталиоты, сверхъ того, мы знаемъ, что незадолго предъ тѣмъ въ городѣ былъ императоръ Михаилъ со своими тѣлохранителями (Attaliot. p. 9, 20: τοὺς ἐν τῇ αὐλῇ σωματοφύλακας ἔχοντα). Но этого мало. Несомнѣнно, что при отраженiи болгарскаго нападенiя на Солунь участвовали не царскiе тѣлохранители (не Варяги въ смыслѣ лейбъ-гвардiи?), а именно какой-то особый родъ войска, одинъ только разъ и упомянутый на страницахъ византiйской исторiи, никогда не появлявшiйся ни до Гаральда, ни послѣ него. Будемъ читать Кедрина (532, 7) внимательнѣе, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось: οἱ ἐπιχώριοι — ἀναπετάσαντες τὰς πύλας ἐξέρχονται κατὰ τῶν Βουλγάρων. συνῆν δὲ τοῖς Θεσσαλονικεῦσι τὸ τάγμα τῶν μεγάλων. ἐξελθόντες δὲ — τρέπουσι τοὺς Βουλγάρους. Итакъ: «вмѣстѣ съ Солунянами находился отрядъ великосердыхъ».

485 Вотъ этотъ отрядъ великосердыхъ и есть скандинаво-норманскiй отрядъ Гаральда. Вотъ именно это чудесное отраженiе враговъ Византiи отъ стѣнъ Солуни и дало Гаральду титулъ «опустошителя Булгарiи» у его современниковъ.

Всмотримся еще пристальнѣе въ эти два слова: «τάγμα τῶν μεγάλων».

Тάγμα на византiйскомъ военномъ языкѣ означаетъ собственно баталiонъ или роту, а точнѣе — военный строй въ 300 или 400 человекъ. Такъ было во время императора Маврикiя, и благодаря византiйскому консерватизму въ понятiяхъ и всякихъ порядкахъ, не могло много измѣниться послѣ него: Χρῆ τάγματα διάφορα γίνεσθαι ἀπὸ τριακοσίων ἢ τετρακοσίων τὸ πλεῖστον ἀνδρῶν (Mauricii, Strategicum ed. Schefferus, Upsaliæ 1664, p. 30). Впрочемъ, для нѣкоторыхъ родовъ войска, какъ напримѣръ, для оптиматовъ, допускалось нѣсколько большее число, какъ это видно изъ того же Маврикiя (p. 31). На этомъ основанiи мы должны думать, что отрядъ Гаральда, отрядъ собственно скандинавскiй, состоялъ изъ 400 человекъ или немного болѣе. Это

соображеніе разительнымъ образомъ подтверждается единственнымъ прямымъ указаніемъ скандинавской саги относительно количества Вэринговъ, состоявшихъ на византійской службѣ. Въ томъ же самомъ сказаніи о чудѣ св. Олафа, только въ другихъ редакціяхъ, приурочивающихъ его къ позднѣйшему времени, именно къ царствованію Алексѣя Комнина, и уже прямо, вмѣсто язычниковъ, именующихъ Печенѣжскую орду, число Вэринговъ опредѣляется въ полныя сотни = 450 человекъ¹⁾.

Что касается выраженія *μεγάθυμος*, то, во-первыхъ, оно напоминаетъ другія византійскія названія подобнаго же рода для разныхъ особаго рода военныхъ отрядовъ; для примѣра могутъ служить очень часто упоминаемые «безсмертные», *ἀθάνατοι*. А во-вторыхъ, *μεγάθυμος* не можетъ быть переводимо словомъ «великодушный», какъ это сдѣлано въ латинскомъ переводѣ Кедрина, ибо оно вовсе не равносильно съ *μεγαλόψυχος* (*magnanimus*), а означаетъ человека или народъ «съ великимъ сердцемъ» и выражаетъ полноту и энергію духа, а также силу и страстность темперамента. Въ такомъ смыслѣ оно употребляется у Гомера не только о людяхъ, но и о животныхъ (о быкѣ), и такой же смыслъ сохраняетъ у позднѣйшихъ писателей. Въ этомъ своемъ настоящемъ значеніи слово *μεγάθυμος* очень удобно могло служить для перевода скандинавскаго *hardhráðhr* (или же наоборотъ?), особенно если мы допустимъ необходимость нѣкотораго евфемизма при наименованіи иностраннаго принца и его товарищей. Въ словарѣ Клизби-Вигфуссона «*hardhráðhr*» объяснено: *hard* in counsel, *tyrannical*, въ латинскихъ переводахъ сагъ обыкновенно передается словомъ *severus*, строгій. Другіе скандинависты (Рафнъ) переводятъ то же самое выраженіе словами «смѣлый» или «храбрый», что уже вполне совпадаетъ съ зна-

1) Въ сагѣ св. Олафа, дополненной чудесами: *hálftr fimta hundradh*. Другое чтеніе «*fimm hundradh manna*» (500 человекъ), очевидно, произошло изъ перво-го. См. *Antiquités Russes* I, 469. *Scripta Islandor.* V, 148. Ср. *Rádinn* (Heiðli) стихотвореніе, написанное въ честь Олафа около половины XII-го вѣка, *Scripta* V, 342. Въ немъ читается также *hálftr fimta*, но въ латинскомъ переводѣ ошибочно поставлено «*quingenti quadraginta*». Ср. Лексиконъ Клизби-Вигфуссона, стр. 242. О сочиненіи Эйнара Скуласона (Heiðli) см. *Mauger*, «*Ueber die Ausdrücke*» стр. 553. У Кедрина (II, 523) начальникъ отряда (*τοῦ τάγματος*) Армянъ имѣетъ подъ командою 500 пѣхотинцевъ.

ченіемъ греческаго μεγάθυρος. (См. статью Г. С. Дестуниса, о которой рѣчь будетъ ниже).

Во всякомъ случаѣ, если есть какой несомнѣнный фактъ въ исторіи византійской службы норвежскаго героя, то такой фактъ есть его борьба съ Булгарами и его присутствіе въ Солуни въ сентябрѣ 1040 года. Допустивъ это, мы, по необходимости, должны узвать его и его спутниковъ въ «отрядѣ великосердыхъ», который только разъ, именно въ исторіи Солунской осады Булгарами, и упоминается у Византійцевъ. А изъ этого слѣдуетъ, что отрядъ Гаральда, сына Сигурдова, состоявшій изъ его соотечественниковъ-Скандинавовъ, въ своей отдѣльности и особности отъ цѣлаго союзнаго (русскаго) корпуса не назывался у Византійцевъ Варангами, и что Варанги означало что-то другое, а что именно — это мы уже высказали пока въ видѣ положенія, которое будемъ доказывать. Тѣ ученые, которые видятъ въ Варангахъ только императорскихъ тѣлохранителей, тѣмъ безпрепятственнѣе могутъ принять отмѣченный разрядкою выводъ, что, по прямому свидѣтельству Атталиоты, царскіе тѣлохранители во время осады Солуни были въ другомъ мѣстѣ.

Мы должны сказать еще два слова объ участіи норманнской дружины Гаральда въ борьбѣ противъ Булгарскаго возстанія. Къ этому вызываетъ васъ любопытный памятникъ, извѣстный подъ именемъ рунической надписи на Пирейскомъ (Венеціанскомъ) львѣ. Надпись или, лучше сказать, надписи эти прочитаны датскимъ ученымъ Рафномъ и гласятъ слѣдующее: «Гаконъ, вмѣстѣ съ Ульфомъ, Асмундомъ и Ерномъ завоевали эту гавань. Сія люди и Гаральдъ Высокій наложили (на жителей той страны) значительныя подати за возмущеніе народа греческаго. Далькъ остался въ плѣну (былъ задержанъ) въ отдаленныхъ странахъ. Егиль отправился въ походъ съ Рагнаромъ въ Руманію и Арменію».

Другая надпись, на другомъ боку льва, начертанная такъ же, какъ и первая, рунами, прочитана слѣдующимъ образомъ: «Асмундъ начерталъ эти руны вмѣстѣ съ Асгейромъ, Торлейфомъ, Тордомъ и Иваромъ, по повелѣнію Гаральда Высокаго, не взирая на запрещеніе Грековъ» ¹⁾.

1) «Пирейская надпись такъ плохо сохранилась, и чтеніе и толкованіе ея

Въ Гаральдѣ Высокомъ Рафнѣ узнаетъ нашего героя Солунской исторіи, предполагая, что только позднѣе такое прозваніе замѣнено было въ сагахъ другимъ, означающимъ строгій, смѣлый или храбрый. Мы очень готовы признать такую догадку основательною — съ тѣмъ только видоизмѣненіемъ, что первоначально, въ Византіи, «смѣлыми, храбрыми», *hardhradr*, назывался скандинавскій отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ Гаральда, а послѣ слагатели сагъ перенесли это названіе исключительно на одного предводителя «храбрыхъ»¹⁾. Точно такъ же въ Ульфѣ Рафнѣ узнаетъ хорошо извѣстнаго по сагѣ спутника и вѣрнаго друга Гаральдова Ульфа Успаксона. Рагнаръ и Тордъ также могутъ найти своихъ двойниковъ въ сагахъ (въ самой Гаральдовой и въ Еймундовой сагахъ). Но и тѣ спутники, которые по сагамъ не извѣстны, конечно, отъ этого не становятся болѣе проблематическими, чѣмъ Торбюрнъ и Торстейнъ Греттировой саги.

Чтобы объяснить, какъ Норманны очутились въ Пирей, Рафнѣ обратилъ вниманіе на исторію Булгарскаго возстанія 1040 года. Оно, какъ извѣстно, распространилось на тему Никопольскую, которая тогда обнимала Акарнавію, части Эпира и Фессаліи, и, повидимому, на самую Элладу. По крайней мѣрѣ мы читаемъ у Кедрива (II, 529): «Делеанъ — пославъ значительный отрядъ (войска) подъ начальствомъ «такъ называемаго кавкана»²⁾, взялъ Диррахій (Драчь въ Эпирѣ). Онъ послалъ также и другое войско въ Элладу, подъ начальствомъ Анѳима. На встрѣчу этому послѣднему вышелъ Алакассей и, вступивъ въ сраженіе при Фивахъ, обращенъ былъ въ бѣгство, при чемъ убито было большое количество Фиванцевъ». На этомъ 433 Кедринъ останавливается и говоритъ далѣе о добровольномъ переходѣ на сторону Булгаръ жителей темы Никопольской. Но что же послѣдовало за побѣдой Булгаръ подъ Фивами? Кедринъ объ

настоятельно гадательны, что трудно строить на ней какіе-либо выводы. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, выводы Василья Григорьевича достаточно хорошо обоснованы и безъ привлеченія къ дѣлу надписи. Ф. Б.)

1) Нельзя-ли думать, что: *Harā* : *ur* есть рунически написанное (μτ-)γαδύ-μου? Послѣ слова *Harad*, совершенно яснаго, въ обѣихъ надписяхъ слѣдуютъ знаки неполные и неясные.

2) τὸν λευόμενον Καρχάρον, а по другому чтенію — χαρχάρον: итакъ кавканъ не имя, а титулъ, чтѣ заслуживаетъ вниманія.

этомъ молчатъ, равно какъ молчатъ и о томъ, когда воротился Аноимъ изъ Элады, и вообще воротился ли онъ оттуда добровольно. Но само собою разумѣется, что византійское правительство должно было принять какія-нибудь мѣры противъ успѣховъ мятежа, и Норманны легко могли очутиться въ Эладѣ. Аргументъ а silentio не можетъ быть призванъ вполне несомнѣннымъ, когда имѣешь дѣло съ компиляторами въ родѣ Кедрива. Мы не считаемъ возможнымъ отвергать цѣлый рядъ замѣчательныхъ совпаденій только на томъ основаніи, что у плохого византійскаго компилятора не упомянуто о какомъ-либо возстаніи или волненіи въ Аѳинахъ, городѣ, въ то время весьма незначительномъ и вообще рѣдко упоминаемомъ на страницахъ византійской исторіи. Тема Никопольская несомнѣнно заключала въ себѣ часть Тессалии и чисто греческое населеніе, а ова добровольно пошла (προσέρθη) подъ власть Делсана. Въ Эладѣ и Морей, что бы ни говорили, безъ сомнѣнія, были еще въ XI вѣкѣ слѣды славянскаго населенія, не совсѣмъ уничтоженные побѣдою при Патрахъ, о которой говорится въ извѣстной грамотѣ патріарха Николая (около 1081 г.) и которая относится къ половинѣ IX вѣка, и не наобумъ шло сюда болгарское войско. Сверхъ того: кто допускаетъ, что надпись на Пирейскомъ лѣвѣ дѣйствительно написана рунами, и кто принимаетъ хотя приблизительную вѣрность чтенія Рафна, но отвергаетъ его объясненіе, тотъ долженъ былъ бы принять на себя обязанность дать другое объясненіе и указать, въ какое иное время скандинавская надпись могла быть сдѣлана на Пирейскомъ лѣвѣ. Періодъ времени, въ которомъ пришлось бы осмотрѣться, не былъ бы очень длиненъ, особенно — если допустить вѣрность чтенія хотя въ названіяхъ Гаральда и Арменів, въ чемъ, повидимому, нѣтъ причины сомнѣваться. Къ XII вѣку, ко времени Гаральда Юрсалафара (іерусалимскаго паломника), надпись не можетъ относиться потому, что Арменія тогда не принадлежала Грекамъ и была далеко отъ пограничныхъ мѣстъ, гдѣ стояли византійскія войска. А къ X вѣку тѣмъ менѣе согласатся относить надпись тѣ, которые не желаютъ отнести ее къ лѣту 1040 года ¹⁾.

1) Возстаніе темы Никопольской и походъ Аноима въ Эладу у Кедрива (II, 529—531) почти непосредственно предшествуютъ Солунской осадѣ, кото-

Однимъ словомъ Пирейская надпись подтверждаетъ участіе 489 скандинавскаго отряда въ борьбѣ съ Булгарскимъ возстаніемъ и присутствіе Гаральда въ Солуни, а въ свою очередь подтверждается въ своемъ значеніи, указанномъ Рафиномъ, этими несомнѣнными фактами. Нападеніе Булгаръ на Солунь послѣдовало послѣ похода Анейма въ Элладу, и Гаральдъ, давшій приказаніе сдѣлать надпись въ Пирей, то-есть, укротившій возстаніе въ Аоніяхъ, могъ безъ труда очутиться въ Солуни въ сентябрѣ 1040 года — моремъ или сушею. Но и Пирейская надпись ничего не говоритъ о варяжествѣ Гаральда и его Нордманновъ, хотя, конечно, этого нельзя было отъ нея требовать, даже въ случаѣ, если бь они были Варягами.

Съ чудомъ св. Олафа, явившагося на помощь къ своему брату, сага соединяетъ извѣстіе о построеніи въ Константинополѣ храма въ честь норвежскаго короля. Варинги тотчасъ послѣ возвращенія въ Миклагардъ выстроили, согласно съ даннымъ обѣтомъ, большую церковь, но императоръ препятствовалъ ея освященію, и Гаральду стоило нѣкотораго труда побѣдить его упорство и т. д. Само собою разумѣется, что ни въ византійскихъ, ни въ какихъ другихъ источникахъ мы не найдемъ и слѣдовъ, чтобы въ Цареградѣ когда-либо существовалъ храмъ въ честь норвежскаго Олафа, какъ утверждаетъ сага. Другіе

рая у него относится къ сентябрю 1040 года. Наши замѣчанія по поводу пирейской надписи направлены противъ статьи Г. С. Дестуниса, помѣщенной на французскомъ языкѣ въ Бюллетенѣ Академии Наукъ (t. I, p. 393—399 = *Mémoires* IV 88—96), а на русскомъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества 1857 года (т. I стр. 70—74), и отвѣчающей на вопросъ: «подтверждаетъ ли византійская исторія содержаніе Пирейской греческой надписи?» Почтенный авторъ статьи отвѣчаетъ отрицательно, упирая главнымъ образомъ на Никопольскую тему и доказывая, что Эллада не входила въ ея составъ, и что, слѣдовательно, возстаніе въ темѣ Никопольской не предполагаетъ возстанія въ Аоніяхъ. По нашему мнѣнію, больше вниманія при этомъ заслуживалъ бы походъ Анейма въ Элладу и побѣда его надъ правительственными войсками при Фивахъ. Сагою о Гаральдѣ и, въ частности, Пирейскою надписью занимается и англійскій ученый Фримэнъ (Friesman) въ своемъ превосходномъ сочиненіи «The history of the Norman Conquest of England»; см. особенно томъ II, стр. 75—78 и 578 второго изданія, 1870 года; но его замѣчанія по этому частному и въ сущности постороннему для него вопросу не представляютъ ничего новаго и важнаго. См. нерѣшительныя замѣчанія въ III томѣ при сопоставленіи чисто историческихъ извѣстій съ сагами (стр. 328 сл., прил. 710 сл.).

скандинавскіе источники, сага объ Олафѣ въ самой краткой редакціи и гомилія на день святого короля и мученика, принадлежащія та и другая второй половинѣ XII вѣка (Mauger, Ueber die Ausdrücke, примѣч. 18, стр. 351 сл.), не говорятъ, чтобы храмъ, построенный въ честь Олафа, былъ названъ его именемъ. Они представляютъ и самое событіе нѣсколько въ иномъ видѣ. Самъ императоръ византійскій, угрожаемый врагами язычниками, обратился молитвенно къ заступленію св. Олафа и далъ обѣтъ построить въ Константинополѣ храмъ «подъ именемъ святого и въ честь святой дѣвы». Но при исполненіи обѣта оказалось, что греческій императоръ не считалъ для себя и своей церкви обязательнымъ то опредѣленіе норвежскаго народнаго собранія, которымъ еще въ 1031 г. убитый въ сраженіи король Олафъ былъ признанъ и объявленъ святымъ. Храмъ былъ выстроенъ въ честь и во имя святой дѣвы: *læt gera kirkjuna—oc læt vígia hinn haelgu Marfu* (Antiquités Russes I, 476); Варяги только помогали его постройкѣ и украшенію. Въ такомъ видѣ дѣло гораздо правдоподобнѣе, если не относительно повода, то по крайней мѣрѣ относительно слѣдствія, то-есть, построенія варяжской церкви св. Маріи. Мы узнаемъ здѣсь ту «варяжскую богородицу» — *Παναγία Βαραγγιώτισσα*, существованіе которой въ Константинополѣ сдѣлалось извѣстнымъ только въ самое последнее время по надписямъ, открываемымъ мѣстными учеными. Очень жаль, что труды Паспати, которому такъ много обязана эпиграфика и древняя топографія Константинополя, остаются такъ мало доступными для русскихъ ученыхъ по отсутствію у насъ почти всякихъ сношеній съ Константинополемъ¹⁾. Но вотъ

1) Мы знали, что труды Паспати по средневѣковой эпиграфикѣ Константинополя помѣщаются въ константинопольскомъ періодическомъ (двухмѣсячномъ) изданіи греческаго филологическаго общества, носящемъ заглавіе: 'Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, и употребили немало стараній, чтобы получить возможность воспользоваться изслѣдованіями ученыхъ этого общества. Благодарю любезному участию и посредству Л. Н. Майкова, мы получили нѣсколько нумеровъ изданія изъ Константинополя; Г. С. Дестунисъ отыскалъ другія тетради у здѣшнихъ ученыхъ Грековъ; въ библиотекѣ И. В. Помяловскаго нашелся также одинъ годъ греческаго Σύλλογος: но все-таки мы имѣли въ рукахъ не цѣльное изданіе и, что особенно жаль, не видали послѣднихъ новѣйшихъ выпусковъ. — Обращаемъ вниманіе русскихъ ученыхъ изслѣдователей и ученыхъ обществъ на этотъ интересный журналъ.

что пишетъ французскій генеральный консулъ въ Константино- 441
полѣ, Белая, въ сочиненіи, озаглавленномъ «Исторія латинской
церкви въ Константинополѣ»: «Les Varanges, dit M. Paspati,
avaient une église particulière Panaia Varanghioïca «N. D. des
Varangues» sise à la façade ouest de Sainte-Sophie, et presque
contigue à cette basilique» (Beélin, Histoire de l'église latine à
Constantinople, Paris 1872, p. 166). «Варяги имѣли особую
церковь, которая называлась Варяжскою Богородицею и была
расположена при западномъ фасадѣ св. Софій, почти соприкасаясь
съ этою базиликою». Какъ самое названіе, такъ и мѣстоположе-
ніе храма заставляютъ думать, что это была церковь не латин-
ская, а греческая, православная, и Варяги, которые въ ней мо-
лились, которые дѣлали въ ней свои приношенія, были не лати-
нами, а просто православными людьми, то-есть, по нашему мнѣ-
нію, — Русскими. Темные слухи о ея существованіи и значеніи
могли быть принесены на сѣверъ либо спутниками Гаральда,
служившими въ русскомъ иностранномъ корпусѣ, либо какими-либо
другими Нордманнами, ходившими чрезъ Кіевъ въ Византію. Въ
какомъ отношеніи церковный пересказъ о чудѣ Олафа, не упо-
минающій о Гаральдѣ, находится къ выше нами приведенному—
рѣшить весьма трудно; но для насъ вѣтъ необходимости зани-
маться этимъ вопросомъ. Наше убѣжденіе объ участіи Гаральда
въ болгарской войнѣ Михаила IV основано на его прозваніи
«булгароразорителемъ» въ пѣсняхъ скальдовъ; на «отрядѣ ве-
ликосердыхъ», находившихся въ Солуни, на Пирейской над-
писи, — такъ что оно не будетъ поколеблено и въ томъ случаѣ,
если бы рассказъ нашей саги о чудѣ оказался только передѣлкою
церковной легенды.

Дальнѣйшій пунктъ въ исторіи Гаральда, который мы счи-
таемъ нужнымъ разъяснить въ настоящей главѣ, касается такого

Въ одномъ изъ выпусковъ, которые были у насъ въ рукахъ, помѣщена боль-
шая статья о Διπλοκρίσιον—о памятникѣ, воздвигнутомъ, какъ предполагаютъ,
въ память побѣды Грековъ надъ Игоремъ; по нѣкоторымъ указаніямъ намъ
извѣстно, что на стѣнахъ Константинополя недавно открыта надпись, имѣю-
щая отношеніе къ походу Олега. Быть можетъ, знакомство съ этою надписью
было бы полезно какъ для тѣхъ, которые считаютъ походъ Олега сказкою,
такъ и для тѣхъ, которые негодуютъ на такое посягательство противъ рус-
ской хѣтописи.

замѣчательнаго и громкаго событія, какъ ослѣпленіе византійскаго императора, и служитъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ вѣрности нашего критическаго отношенія къ сагамъ вообще и въ особенности къ сагѣ Снорре Стурлесона о Гаральдѣ. Во всѣхъ редакціяхъ саги событіе разказывается почти одинаково. Гаральдъ, возвратившись изъ Іерусалима въ Миклагардъ, свелъ знакомство съ племянницею (по брату, а въ другихъ редакціяхъ — по сестрѣ или даже съ дочерью сына) императрицы Зоя, по имени Маріей; забывъ о дочери Ярослава Кіевскаго Елизаветѣ, въ честь которой онъ слагалъ свои стихи, Гаральдъ просилъ руки принцессы, но получилъ отказъ отъ царицы, потому что Зоя сама хотѣла имѣть своимъ мужемъ юнаго и храбраго норвежскаго героя: такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали

442 «Варинги, бывавшіе здѣсь въ сѣверныхъ странахъ и служившіе въ Миклагардѣ» (сага). Ревнивая Зоя обвинила Гаральда въ разныхъ преступленіяхъ, и греческій царь Констанція Мономахъ, раздѣлявшій тогда престолъ съ своею супругою Зоей, заключилъ Гаральда въ тюрьму, а вмѣстѣ съ нимъ и двухъ его спутниковъ Гальдора и Ульфа. Сверхъестественнымъ заступничествомъ св. Олафъ спасъ своего брата. Одна византійская дама, которой Олафъ явился во снѣ, вывела Гаральда изъ темницы: побужденія ея, конечно, были чище, чѣмъ побужденія Спесь, освободившей Греттира, но нѣкоторое сходство въ обонхъ разсказахъ все-таки существуетъ. Получивъ свободу, Гаральдъ тотчасъ бросился къ Варингамъ, которые при его входѣ встали и встрѣтили его привѣтствіями, потомъ, по приглашенію вождя, схватили оружіе и устремились туда, гдѣ почивалъ императоръ Констанція, схватили его и вырвали ему оба глаза. Слагатель саги приводитъ двухъ скальдовъ въ свидѣтели своего разсказа и все-таки самъ удивляется своему повѣствованію: «Въ двухъ похвалахъ Гаральду и во многихъ другихъ стихахъ, къ нему относящихся, упоминается о томъ, что самъ Гаральдъ ослѣпилъ царя греческаго, и нѣтъ основанія отрицать, что ослѣпленъ былъ именно императоръ, потому что поэты могли бы совершенно спокойно сказать, что это случилось съ графомъ или герцогомъ, если бъ они знали это за болѣе истинное; самъ Гаральдъ и тѣ, которые съ нимъ были, такъ передали событіе»

(Morkinskinna, Flateyjarbók и одинъ списокъ Heimskringla: см. Antiquités Russes I, 374; II, 55. Scripta Island. VI, 156).

Посмотримъ, въ чемъ дѣло. Что Гаральдъ такъ или иначе участвовалъ въ ослѣпленіи византійскаго императора, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Два современные скальда объ этомъ свидѣлствуютъ. Одинъ изъ нихъ Тораринъ, сынъ Скегги (Thóraginn Skeggiason, упоминаемый у Аре Фроди), есть авторъ стиховъ, въ которыхъ говорится, что «превосходный воитель (Гаральдъ) наполнилъ свои руки до-красна раскаленнымъ угольемъ (то-есть, золотомъ) земли Греческой, а престолодержатель (=императоръ), пораженный сильною ранюю, превращенъ былъ въ совершеннаго слѣпца». Еще яснѣе поэзія Тюдольфа: «Укротитель волчьяго голода приказалъ вырвать тотъ и другой глазъ престолодержателя; тогда поднялось сильное смятеніе (бунтъ, возмущеніе). Князь агденскій (Гаральдъ) наложилъ позорный знакъ сильному царю на Востокѣ, и царь греческій подвергся большому бѣдствію». Итакъ, греческій императоръ дѣйствительно былъ ослѣпленъ, но только этимъ императоромъ никакъ не могъ быть Константинъ Мономахъ. Очень хорошо извѣстно всѣмъ и каждому, знакомому съ 443 исторіей, что Константинъ Мономахъ сохранилъ зрѣніе до конца своей жизни и умеръ спокойно на престолѣ. Опять является предъ нами одна и та же дилемма: или мы должны отбросить прозаическій пересказъ саги, или признать современныхъ событіямъ исландскихъ скальдовъ повинными въ самой наглой лжи. Но послѣднее не возможно, а первое совершенно оправдывается уже самымъ позднимъ происхожденіемъ саги.

Скальды не говорятъ, какой именно императоръ былъ ослѣпленъ. Но такимъ императоромъ могъ быть только Михаилъ V Калафатъ, дѣйствительно низверженный съ престола народнымъ возмущеніемъ и потомъ лишенный зрѣнія самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Низверженіе случилось 20-го апрѣля 1042 года, а ослѣпленіе—21-го апрѣля. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ перенесеніемъ основнаго факта отъ Константина Мономаха на Михаила V, падаютъ и всѣ побочныя подробности, передаваемая сагой, разрушается вся экономія ея постройки, окончательно подрывается вся хронологія, порядокъ и связь ея эпизо-

довъ. Все это, впрочемъ, и само по себѣ крайне шатко. Не говоря о чудесахъ, совершаемыхъ Олафомъ, мы были бы поставлены въ большое затрудненіе племянницею Зои Маріей, если бы считали сколько-нибудь обязательнымъ для себя вѣрить прозаической поэзіи сагъ. Отецъ Зои Константинъ VIII не имѣлъ дѣтей мужескаго пола, а двѣ сестры Зои были тоже бездѣтны, какъ и она сама; старшая даже постриглась еще при отцѣ въ монахини ¹⁾. Марія, конечно, упоминается въ современной Гаральду византийской исторіи, но это была мать императора Михаила V, низверженнаго и ослѣпленнаго. Если ее похитилъ норвежскій герой во время Константина IX (сага рассказываетъ о похищеніи вслѣдъ за ослѣпленіемъ Мономаха), то нужно подивиться его выбору, потому что это была уже слишкомъ пожилая женщина.

Гораздо поучительнѣе и любопытнѣе будетъ сличеніе данныхъ, сообщаемыхъ современною поэзіей сѣвера, съ достоверными фактами византийской исторіи. Быть можетъ, мы найдемъ при этомъ объясненіе той роли, какую Гаральдъ игралъ въ Константинопольскомъ мятежѣ. Возстаніе было вызвано привязанностію народа къ фамиліи Василія II и негодованіемъ противъ Калафата, который отплатилъ черною неблагодарностію племянницѣ Василія Зоѣ, усыновившей его и возведшей его на престолъ. Пселлъ, современникъ и очевидецъ, одинъ изъ секретарей Михаила, стоявшій, во время смятенія, предъ дворцомъ въ толпѣ народной (histor. p. 92), сообщаетъ драгоценныя подробности о томъ, что происходило на глазахъ у него. Онъ говоритъ, что не только туземное Цареградское населеніе, мелкіе купцы и лавочники, поднялись противъ Калафата, но и чужестранные наемники. Вотъ въ высшей степени важныя для насъ слова историка: «Даже наемники и союзники, которыхъ привыкли держать при себѣ (кормить) императоры, — я разумѣю Тавроскиѳовъ, — или другіе какіе (люди) не могли удержать гнѣва, но всѣ готовы были положить душу за царяцу». Pselli hist. p. 91: 'Ἄλλ' οὐδ' ὄσον ξενικόν τε καὶ συμμαχικόν εἰώδασι παρατρέφειν οἱ βασιλεῖς, λέγω δὲ τοὺς περὶ τὸν Ταῦρον Σχύδας, ἢ ἕτεροὶ τινες, κατέχειν ἠδύ-

1) Pselli. hist. p. 26.

καὶ τοὺς ὀρμάς и т. д. Мы видимъ: а) что и наемники, и союзники у Пселла здѣсь одни и тѣ же Русскіе, точно такъ какъ въ разсказѣ о русскомъ корпусѣ, присланномъ изъ Кіева въ 988 году ¹⁾, и б) далѣе узнаемъ, что Русскіе принимаютъ важное участіе въ апрѣльской престолонаслѣдной революціи 1042 года. Передъ дворцомъ императорскимъ Пселлъ (р. 92) своими глазами видѣлъ людей, держащихъ топоры въ рукахъ и потрясающихъ тяжеложелѣзными сѣкирами: ὁ μὲν πέλεκυν διηγαλισμένος, ὁ δὲ ῥομφαίαν τινὰ κραδαίνων τῇ χειρὶ βαρυσίδηρον. Въ этихъ людяхъ многіе узнаютъ Варанговъ, но тогда эти Варанги будутъ русскіе Варанги... Въ самомъ началѣ возстанія, толпа разломала двери государственной темницы и, убивъ стражей, освободила узниковъ (Attalios. р. 15). Усленная ими, она осадилъ дворецъ, и когда опасность сдѣлалась грозно-очевидною, императоръ боялся выйти впередъ, но опасался также и оставаться на одномъ мѣстѣ; у него не было союзной силы во дворцѣ, да и призвать ее не было возможно; ибо самые наемники, содержимые (кормимые) во дворцахъ,—одни были какъ-то двусмысленны въ своемъ настроеніи и не совсѣмъ слушались приказаній, а другіе явнымъ образомъ стояли на противной сторонѣ и, выломившись (изъ подъ послушанія), пристали къ толпѣ. Psell. р. 93 sq.: Συμμαχία τε αὐτῶ οὔτε ἐν τοῖς βασιλείοις ἦν, οὔτε ἐξῆν μεταπέμψασθαι· καὶ αὐτὸ γὰρ τὸ παρατρεφόμενον ἐν ταῖς αὐλαῖς ξενικόν, οἱ μὲν ἀμφίβολοὶ πῶς ἦσαν ταῖς γνώμας -- οἱ δὲ -- ἀπερρωγότες τοῖς πλήθεσι συνερρώγεσαν. — Если за двѣ страницы подъ наемнымъ войскомъ, содержимымъ императорами, Пселлъ разумѣлъ Тавроскиѳовъ, то и здѣсь несомнѣнно рѣчь идетъ о нихъ же. Русскіе составляли при Михаилѣ V иноземный отрядъ, охранявшій дворецъ и его священную особу. Часть ихъ отложила отъ него, такъ что императоръ долженъ былъ вооружить придворную прислугу (Psell. р. 94) на помощь немногимъ, оставшимся вѣрными. По словамъ Кедрина (II, 538=Скилица) дворецъ былъ

1) Въ самомъ дѣлѣ, построение вышеприведеннаго періода совершенно ясно. При глаголѣ ἤδυναντο стоятъ два субъекта; первый: союзники и наемники, подъ которыми разумѣются Русскіе; второй: всякіе другіе люди, то-есть, не наемники и не союзники, и не Русскіе. Впрочемъ, нѣкоторая неловкость словъ: ἑτεροὶ τινες не можетъ быть отрицаема: не слѣдуетъ ли читать вмѣсто ἑτερόν τινες (=ἕτερον τινεσ), какъ стоитъ въ рукописи, ἑταίριος или ἑταίριον?

взять все-таки послѣ упорнаго сопротивленія. «Окружающіе императора, раздѣлившись на три части, сильно защищались, и было большое убійство. Говорятъ, что погибло до 3.000 чело-вѣкъ» (изъ толпы большею частію безоружной). Императоръ Михаилъ успѣлъ бѣжать изъ дворца на морскомъ суднѣ, но та же самая толпа, въ которой были опять люди военной службы (Psell. p. 100), явилась предъ Студійскимъ монастыремъ, гдѣ искалъ убѣжища уже постригшійся императоръ. Утромъ 21-го онъ былъ ослѣпленъ; варварская казнь была совершена какими-то людьми, которыхъ Пселль называетъ *ἰταμοὺς καὶ θρασυεῖς* (p. 101), жестокими и смѣлыми.

Касательно участія Русскихъ въ цареградскихъ событіяхъ 1042 года мы можемъ сообщить еще одно весьма цѣнное извѣ-стіе, которымъ мы обязаны ученой любезности товарища, про-фессора арабскаго языка въ здѣшнемъ университетѣ, барона В. Р. Розена. Свидѣтельство принадлежитъ Ибнъ-эль-Атиру, автору Всеобщей исторіи, писанной хотя и поздно (въ XIII вѣкѣ), но сообщающей чрезвычайно замѣчательныя и точныя извѣстія о нѣкоторыхъ византійскихъ событіяхъ X и XI вѣковъ; еще не объяснено, изъ какихъ источниковъ заимствованы свѣдѣнія Ибнъ-Атира. Вотъ что онъ сообщаетъ о переворотѣ 1042 года: «Михаилъ V требовалъ настоятельно отъ Зои, чтобъ она шла въ мо-настырь... Сославъ ее, онъ хотѣлъ схватить патріарха, дабы быть спокойнымъ отъ его приговоровъ; такъ какъ (иначе) царь не могъ остановить (въ этомъ) патріарха. Царь потребовалъ отъ патріарха, чтобъ онъ устроилъ для него пиръ въ одномъ мона-стырѣ внѣ Константинополя и хотѣлъ присутствовать у него (на пирѣ). Патріархъ согласился на это и вышелъ въ указанный мо-настырь, чтобы сдѣлать то, что сказалъ императоръ. Затѣмъ им-ператоръ отправилъ въ монастырь сборище изъ Русовъ и Бул-гаръ и приказалъ имъ убить тайно патріарха. Они отправились
445 ночью въ монастырь и здѣсь осаждали его. Тогда онъ (патріархъ) раздавалъ имъ большія деньги и вышелъ тайкомъ. Затѣмъ, отправившись въ городъ, патріархъ велѣлъ звонить въ колокола и поднять народъ». Дальнѣйшій рассказъ вполне согласенъ съ византійскими источниками, да и самое участіе патріарха въ воз-станіи, низвергнувшемъ Михаила V, есть несомнѣнный истори-

ческий фактъ. Кедринъ (II, 537) сообщаетъ, что Калафатъ смотрѣлъ на патріарха Алексѣя какъ на приверженца дочерей Константина VIII и сдѣлалъ попытку «извергнуть его изъ церкви», и что при разгарѣ смятенія народъ устремился въ Софійскую церковь, «гдѣ нашелъ себѣ убѣжище патріархъ, который поносилъ императора и былъ за возвращеніе императрицы». Изъ «великой церкви», дѣйствительно, вышла толпа, которая, не удовольствовавшись возвращеніемъ Зои, отыскала сестру ея Теодору и провозгласила ее также императрицею (Седген. *ibid.*; ср. Psell. p. 96). Нужно замѣтить сверхъ того, что роль, приписываемая въ разсказѣ Ибнъ-эль-Атира Русскимъ, вполне согласна съ поведеніемъ Тавроскиновъ у Пселла: тѣ и другіе не тверды въ своей вѣрности императору или даже прямо ему измѣняютъ.

Какъ же согласить всѣ эти данныя съ сагой о Гаральдѣ, а если не съ нею, то съ отрывками современныхъ событію пѣсень, сложенныхъ скальдами? Кто захочетъ ловить мелькающіе признаки исторической правды въ подробностяхъ саги, не опасаясь увлечься призраками, тотъ можетъ, конечно, думать, что Гаральдъ находился въ числѣ тѣхъ освобожденныхъ мятежниками узниковъ, о которыхъ говорится у Атталіоты. Можно будетъ тогда удержать и другую черту извѣстія, сообщаемого Вильгельмомъ Мальмесберійскимъ, именно—что Гаральдъ попалъ въ тюрьму за безчестіе, нанесенное знатной византійской дамѣ. Чудесное явленіе Олафа, равно какъ и левъ, задушенный Гаральдомъ, конечно, будутъ оставлены въ области мифа и легенды. Для насъ важно другое. Въ защитникахъ византійскаго дворца, содержимыхъ императорами, мы узнали Варанговъ, а по яснымъ и прямымъ указаніямъ Пселла эти Варанги суть Тавроскины, то-есть, Русскіе. Гаральдъ является тогда ихъ явнымъ противникомъ; мы должны предполагать его среди возмущившейся толпы, штурмовавшей дворецъ; мы должны предполагать, что именно тогда онъ учинилъ то, что сага (вѣроятно, вслѣдъ за скальдами) называетъ *rolotaswarf*—грабежемъ (царскихъ) палатъ, и наполнялъ руки византійскимъ золотомъ. Такимъ образомъ, имѣя въ рукахъ сагу, мы пришли къ рѣшительному отрицанію того, на чемъ она всего болѣе настаиваетъ, или, по край-

ней мѣрѣ, о чемъ твердить на каждой страницѣ, именно—что
 447 Гаральдъ былъ главою Вэринговъ; онъ не глава Вэринговъ, а
 ихъ врагъ. Не слишкомъ ли смѣлы приемы, приводящіе къ та-
 кимъ результатамъ? Они были бы слишкомъ смѣлы, если бы въ
 самой сагѣ, то-есть, въ приводимыхъ ею пѣсняхъ скальдовъ, мы
 не находили себѣ опоры. Мы не противорѣчимъ своему главному
 источнику, а сага противорѣчитъ тому, что она признала своимъ
 первымъ авторитетомъ. Вотъ повѣрка нашего вывода:

Въ небольшомъ пергаменномъ отрывкѣ, содержащемъ въ
 себѣ исторіи Норвежскихъ королей (Noregs konúngatal), и въ
 тожественной по содержанию, но болѣе обширной пергаменной
 рукописи, названной по красотѣ своего переплета Фагрскипиною
 (Fagr-skipna, прекрасная кожа) и содержащей біографіи Нор-
 вежскихъ королей (Aettartal—фамилыныя сказанія), то-есть, тѣ
 же самыя саги Снорре Стурлесона и между ними сагу о Гаральдѣ
 только въ отличной и, какъ думаютъ, наиболѣе древней редакціи,
 при разсказѣ о нападеніи на дворецъ и объ ослѣбленіи импера-
 тора приведены стихи скальда Вальгарда, опущенныя какъ въ
 Heimskringla, такъ и въ другихъ редакціяхъ. Въ изложеніи про-
 заическомъ нѣтъ почти никакого отличія какъ во всей предыду-
 щей части, такъ и въ той, которая насъ теперь занимаетъ. Га-
 ральдъ освобожденъ изъ тюрьмы женщиною, которой явился во-
 снѣ братъ его св. Олафъ; освобожденный узникъ тотчасъ отпра-
 вился на варяжское подворье (Vaeringjaskipt), то-есть, въ
 дома Вэринговъ; когда онъ туда пришелъ, то приказалъ всѣмъ
 встать и идти въ палаты царя, гдѣ онъ почивалъ; здѣсь они убили
 нѣсколькихъ Вэринговъ, которые держали стражу надъ
 царемъ, захватили самого царя живого и выкололи ему оба
 глаза. За тѣмъ слѣдуютъ стихи Торарина Skeggiasона и Тіо-
 дольфа, уже извѣстные намъ, а далѣе отрывокъ сейчасъ упомяну-
 таго скальда Вальгарда, оправдывающій ту особенную черту въ
 разсказѣ, которой не находится въ иныхъ редакціяхъ, и кото-
 рая отмѣчена курсивомъ.

«Вальгардъ изъ Велли упоминаетъ сверхъ того о стражахъ
 (объ убійствѣ стражей въ Noregs konúngatal)»:

Тотчасъ ты, потомокъ шлемоносцевъ (то-есть, государей, князей),
 Приказалъ повѣснть тѣхъ, что держали стражу (skipt).

Ты такъ повернулъ дѣло,
 Что менѣе стало Вэринговъ (то-есть, что многіе были убиты).

Valgardhr af Velli hefir ok kvedhit um vardhmennina (segir 448 frá drápi vardhmanna: Nor. konungatal):

Helmingi banttu hánga
 hilmis kundr af stundu,
 skipt hafi thér svá at eptir
 eru Vaeringiar faeri.

Латинскій переводъ:

Mox tu, create regibus,
 Pendere custodes iussisti,
 Rem ita administravisti,
 Ut pauciores Vaeringi supersint.

(Antiquités Russes II, 107).

Не останавливаемся на томъ, что Гаральдъ приходитъ сначала на варяжское подворье (Vaeringjaskipt) — по объясненію саги, «такъ назывались у Вэринговъ дворы, въ которыхъ они жили» (svá kalla their thá gardha er Vaeringjar eru í), — а потомъ, если сопоставить сагу съ четверостишіемъ Вальгарда, находятъ то же самое подворье въ императорскомъ дворцѣ. Слово «Vaeringjaskipt» (варяжское подворье), извѣстное только изъ этого мѣста Фагрскинны, взято составителемъ саги изъ приведенныхъ имъ стиховъ скальда Вальгарда. Но «skipt», переведенное нами словомъ «подворье» только на основаніи толкованія, прибавленнаго въ сагѣ, объясняется въ Исландско-Англійскомъ словарѣ Клизби и Вигфуссона византийскимъ ἑξκούβιτον (лат. excubitum, Эккубитон, Эккубиторес, по византийскому народному произношенію), и сообразно съ этимъ будетъ значить или придворную стражу или мѣсто во дворцѣ, гдѣ стояла стража, а не какіе-либо особые отъ того «дворы» Вэринговъ ¹⁾. Тамъ, гдѣ были убиты

1) ἑξκούβιτον, ἐκκούβιτον, ἑσκούβιτον (varie enim haec vox scribitur) significat interdum cohortes praetorias, seu excubitores qui ad palatium excubabant, interdum locum ipsum circa palatium, ubi stationes agebant и т. д. Ducange sub v.

Вэринги, и была стража варяжская, или skipt. Ясное дѣло, что и здѣсь составитель саги не справился съ своимъ основнымъ источникомъ, не говоря о томъ, что рассказъ его никакъ не соответствуетъ дѣйствительной исторіи. Остановимся лучше на словахъ 440 скальда Вальгарда, для которыхъ мы собственно и обратились къ Фагрскиппиѣ.

Гаральдъ Гардрадъ является здѣсь вождемъ въ какомъ-то смятеніи или возстаніи; онъ ворвался въ ту часть императорскаго дворца, гдѣ стояла стража его (skipt), или тѣлохранители; онъ велѣлъ повѣсить стражей, в число этихъ повѣшенныхъ было такъ значительно, что количество Вэринговъ сократилось. Вотъ подлинный и современный рассказъ скандинавскаго свидѣтеля. Спрашиваемъ: является ли здѣсь Гаральдъ Вэрингомъ, ихъ главою? Нѣтъ, онъ ихъ убиваетъ. Кто же послѣ этого Вэринги? Что они не были Гаральдовы единоплеменники, это даетъ чувствовать самый торжествующій тонъ придворнаго поэта, Вальгарда: безъ всякаго сожалѣнія я, напротивъ того, съ яркимъ сочувствіемъ воспѣваетъ онъ истребленіе Вэринговъ.

Повторяемъ, этотъ отрывокъ скальда Вальгарда есть единственный скандинавскій памятникъ XI вѣка, въ которомъ встрѣчается имя Вэринговъ. Немало драгоценныхъ для историка перловъ сѣверной поэзіи разсыпано на страницахъ Стурлесоновой прозы; но это, очевидно, самый драгоценный изъ нихъ. Ни въ одномъ изъ многочисленныхъ отрывковъ, принадлежащихъ прочимъ скальдамъ XI столѣтія, мы не встрѣчаемъ имени Вэринговъ; мы встрѣчаемъ его только одинъ разъ, и здѣсь оно не означаетъ Гаральда и его спутниковъ. Этимъ осуждена сага и оправдана исторія, оправданы современные византійскіе источники, Пселлъ и Атталіота, оправданъ Іоаннъ Скилица. Какъ объяснить, что сага, составленная въ XIII вѣкѣ, видитъ свѣтъ только въ своемъ окнѣ, не хочетъ знать другихъ Вэринговъ-Ва-

Σκουβίτορες, in Glossis Basil. οἰωνεὶ φύλακες ἄρρηκτοι, οὗς πρῶτον κατὰ Ρωμίλου Τεβέριος κατὰρ ἐξέδρε. Ibid.

Замѣчательно, что въ самомъ рассказѣ византійцевъ о нападеніи бунтующей толпы на дворецъ говорится, что одна изъ трехъ частей, на которыя толпа раздѣлилась, бросилась именно на караульную часть дворца — κατὰ τὰ ἐξκούβιτα: Cedren. II, 538.

ряговъ, кромѣ своихъ любезныхъ Исландцевъ и Норвежцевъ,— это другой вопросъ, къ которому мы сейчасъ обратимся.

Теперь мы можемъ сказать, что Вэрингами, защищавшими Михаила V-го, были Русскіе, а норвежскій принцъ былъ въ толпѣ, которая ломилась во дворецъ. Послѣдуемъ за нимъ далѣе: двумя скальдами засвидѣтельствовано участіе Гаральда въ ослѣпленіи императора, которымъ можетъ быть только Михаилъ V. Слѣдовательно, мы должны представлять себѣ, что Гаральдъ и его товарищи не удовлетворились разграбленіемъ дворца, мы должны думать, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ «стратіотовъ», о которыхъ говоритъ Пселлъ, которые отправились ночью съ 20-го на 21-е апрѣля въ Студійскій монастырь, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище низверженный императоръ. Пселлъ, очень подробно и наглядно описывающій сцену ослѣпленія, при которой онъ имѣлъ мужество присутствовать (р. 100), не отмѣчаетъ на сей разъ 450 внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы опредѣлить національность людей, исполнившихъ при ослѣпленіи мало почетную должность палачей. Это просто были «люди жестокіе и смѣлые». Но если бы захотѣли точнѣе опредѣлить степень участія Гаральда въ кровавой расправѣ съ императоромъ, то намъ слѣдуетъ прежде всего устранить предположеніе, что норвежскій принцъ былъ здѣсь распорядителемъ и раздавалъ приказанія. У Пселла (р. 101) указано, что распоряженіе объ ослѣпленіи вышло отъ лицъ, приближенныхъ къ царяцѣ Теодорѣ. А у Кедрина — Скилицы (II, р. 540) и также въ краткомъ каталогѣ византійскихъ императоровъ, приписываемомъ Кодиву (*Excerpta de antiquitatibus Constantinopolitan.*, р. 156), сохранилось и названіе того греческаго сановника, который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при сценѣ ослѣпленія; это былъ городской энархъ Никифоръ Капанеръ или Капаней (*παρά τοῦ λαοῦ καταγχεῖς ἐπιφλώδη παρὰ Νικηφόρου ἐπαρχοῦ τοῦ Καπάνεως*. Codin.). Но ничто не мѣшаетъ намъ думать, что Гаральдъ находился въ толпѣ, которая вытаскала Михаила Калафата изъ храма и всячески издѣвалась надъ низверженнымъ императоромъ, а потомъ присутствовала при ослѣпленіи.

Такъ соглашаются византійскія извѣстія, подкрѣпляемые арабскими и русскими, съ современными пѣснями скальдовъ.

Обращаемся теперь къ объясненію того, какимъ путемъ сага разошлась со своимъ главнымъ авторитетомъ. Мы думаемъ, что это объясненіе очень легко. Припомнимъ выраженія, которыми древнѣйшія скандскія саги обозначаютъ службу Норманновъ въ Миклагардѣ и въ Гардарикѣ. «Онъ прибылъ въ Гардарику, сдѣлался тамъ наемникомъ и былъ съ Вэрингами» (Heidhargvíga-saga). Припомнимъ, что въ Вьго-Стировой сагѣ Норманны хотя также служили въ тѣхъ или другихъ Вэрингахъ, но часто отличались отъ нихъ (см. выше, стр. 193). И Гаральдъ былъ Вэрингомъ, пока онъ состоялъ въ русскомъ военномъ корпусѣ. Въ 1034 году, во Фракисійской темѣ, онъ былъ Вэрингомъ. Если ужъ особенно нужно будетъ спасти честь саги, то можно думать, что и въ 1042 году онъ продолжалъ быть Вэрингомъ, то-есть, онъ былъ въ числѣ тѣхъ «Тавроскиевовъ-наемниковъ», которые прямо отложились отъ императора и потомъ вмѣстѣ съ толпою штурмовали дворецъ, хотя, по нашему мнѣнію, въ такомъ предположеніи нѣтъ необходимости. Однимъ словомъ, мы хотимъ сказать, что не только у Вальгарда, но и у другихъ 451 скальдовъ слово Вэринги, вѣроятно, встрѣчалось, но только въ такомъ смыслѣ, что оно не было прямо и исключительно относимо къ Гаральду и его спутникамъ. Для составителя саги было не только легко, но даже извинительно не понять довольно темныхъ выраженій и намековъ родной поэзіи и вѣсколько увлечься патриотизмомъ. Сага приняла малую часть за все цѣлое, или, лучше сказать, наоборотъ: цѣлое Вэринги = Варяги—въ глазахъ ея уравнилось съ малою долею варяжскаго отряда.

VIII.

Норманы, Русскіе и Варяги въ Сициліи и Апуліи (1038—1042).

Византійское правительство при Михаилѣ IV Пафлагонявинѣ рѣшилось предпринять серьезную экспедицію, чтобы вырвать изъ рукъ невѣрныхъ мусульманъ островъ Сицилію. Внутреннія междуусобія на островѣ представляли, съ одной стороны, прямой вызовъ къ вмѣшательству Грековъ, а съ другой — подавали надежду легкаго завоеванія. Эмиръ сицилійскій изъ фамиліи

Келбитовъ, Ахмедъ-Ахаль (Akhal), угрожаемый возстаніемъ подданныхъ, во главѣ которыхъ стоялъ его собственный братъ (Abu-Nafs), обратился къ византійскому двору съ просьбой о союзѣ. Его противники просили помощи султана Тунисскаго (Зейрида) Моезза-ибнъ-Бади (Moezz-ibn-Bâdi), который отправилъ туда значительное войско подъ предводительствомъ своего сына Абдаллы. Уже въ 1034 году византійскія войска боролись съ африканскими на островѣ Сициліи, но скоро воротились въ Апулію. Послѣ удаченія ихъ, инсургенты и приверженцы Тунисскаго султана восторжествовали, Ахмедъ-Ахаль былъ зарѣзанъ, и голова его представлена Абдаллѣ-ибнъ-Моэззу: послѣдній теперь владѣлъ столицею (Палермо) и всѣмъ островомъ. Въ этотъ моментъ, но уже въ 1038 году, византійская армія снова переправилась черезъ Мессинскій проливъ ¹⁾.

Приготовленія были сдѣланы большія. Изъ описанія послѣ- 77
дующихъ военныхъ дѣйствій въ источникахъ византійскихъ и норманно-итальянскихъ оказывается, что всѣ роды войскъ, находившіеся до сихъ поръ въ Азіи—какъ старинные мѣстные, такъ и наемные иностранцы—были переправлены въ Апулію и потомъ въ Сицилію. Во главѣ экспедиціи былъ поставленъ бывший правитель пріевфратскихъ городовъ, знаменитый Георгій Маниакъ, прославившій себя взятіемъ Эдессы и борьбою съ азіатскими Сарацинами, тотъ самый Гиргиръ, неразлучнымъ спутникомъ котораго исландская сага представляетъ своего героя, норвежскаго принца Гаральда. Маниакъ, получившій также званіе стратига (византійской) Лонгобардин (Zonag. II, p. 237 ed. Paris.), старался увеличить свою армію всѣми средствами. Онъ вступилъ въ дружественныя сношенія съ княземъ Салернскимъ Ваймаромъ,

1) Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia, II 375 слѣд. Это превосходное сочиненіе итальянскаго ученаго, а также сочиненіе de Blasio (La insurrezione Pugliese) служили для насъ важнымъ пособіемъ въ этой главѣ. Нужно упомянуть, кромѣ того, о критическомъ изслѣдованіи Гирша, посвященномъ хроникѣ Амата Монтекассинскаго (Forschungen zur Deutschen Geschichte, VIII Band). Мы старались, по возможности, обходить посторонніе для насъ вопросы и пункты и не всегда приводимъ основанія, почему въ такого рода подробностяхъ принимаемъ извѣстіе того или другого источника. Для повѣрки и для дополненія того, что нами опущено, просимъ обращаться къ указаннымъ сочиненіямъ, [а также къ Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich II, von S. Hirsch und H. Breslau. Bd. III (1875)].

у котораго нашли себѣ пріютъ французскіе Норманны, уже вѣдрившіеся въ Италиі. Они, повидимому, были въ тягость своему патрону; онъ убѣдилъ ихъ принять участіе въ борьбѣ съ невѣрными, предложивъ богатую награду отъ имени Грековъ. Къ Маниаку явились братья Готвили, недавно переселившіеся въ Италию изъ своего замка на полуостровѣ Cotentin (въ Нормандіи). Младшихъ и впоследствии болѣе знаменитыхъ Роберта и Рожера еще не было здѣсь, и во главѣ трехсотеннаго норманнскаго отряда стояли три старшіе брата Готвили: Вильгельмъ Желѣзная Рука, въ которомъ совершенно напрасно узнаютъ скандинавскаго Норманна Гаральда, Дрогоу и Гумфриду. Пришло также нѣсколько Ломбардцевъ съ береговъ рѣки По, и во главѣ ихъ Ардуинъ, служебный человѣкъ архіепископа Миланскаго, опять не имѣющій ничего общаго съ Гаральдомъ Гардрадомъ ¹⁾. Вообще въ византійскихъ, а равно и въ южно-итальянскихъ источникахъ нельзя указать лица, подъ которымъ могъ бы скрываться норвежскій герой. Но никакъ нельзя отвергать его присутствія въ Италиі и участія въ борьбѣ съ Сарацинами Сициліи и Африки. Сицилія 78 не только представляется главнымъ театромъ подвиговъ Гаральда въ прозаическомъ разсказѣ саги, но и упоминается нѣсколько разъ въ отрывкахъ поэзіи скальдовъ. Нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ уже приведены нами. На основаніи ихъ мы можемъ прямо заключать, что Гаральдъ, уже въ Сарацинской Азіи вступившій въ тѣ или другія отношенія къ Маниаку, вмѣстѣ съ нимъ, въ 1038 году, прибылъ въ Италию. Если мы прослѣдимъ, хотя въ краткихъ чертахъ, дѣйствія византійской арміи въ Сициліи, то еще болѣе убѣдимся въ близкомъ соотвѣтствіи тѣхъ указаній и намековъ, которые заключаются въ стихахъ скальдовъ, съ дѣйствительною, фактической исторіей, какъ она представляется по историческимъ источникамъ. Греки безпрепятственно переправлялись черезъ проливъ, не подалеку отъ Мессины, и медленно двигались по направленію къ городу. Мусульмане сдѣлали попытку остановить ихъ; въ жаркой схваткѣ Греки уже поколебались, но

1) Съ Вильгельмомъ Готвилемъ отождествляетъ Гаральда Муральтъ, а съ Ардуиномъ—Гоцфъ. Какъ это неосновательно, доказывается цѣлымъ рядомъ мѣстъ, гдѣ онъ именуется то министериаломъ, то служебникомъ (serviciale) св. Амвросія Медіоланскаго. Мѣста собраны у Гирша и другихъ.

норманвскій отрядъ возстановилъ сраженіе; подъ предводительствомъ Вильгельма Желѣзной Руки онъ сломилъ враговъ, которыхъ потомъ Греки гнали до самаго берега. Такъ рассказываютъ южно-норманвскіе источянки, съ самаго начала обнаруживая свою задачу—прославленіе подвиговъ своихъ соотечественниковъ. Они умалчиваютъ за то о слѣдующемъ сраженіи, для общаго хода дѣлъ болѣе важномъ и описанномъ Византіяцами. По всему видно, что мусульмане хотѣли остановить Грековъ не при Мессинѣ, городѣ, населенномъ христіанами и потому не укрѣпленномъ, а при Раметтѣ, *κατὰ τὰ λεγόμενα Ῥήματα* (Седген. II, 520). Громадное войско, въ составѣ котораго Кедринъ-Склипца отмѣчаетъ 50.000 «Каррагенянъ», пришедшихъ на помощь изъ Африки, преградило Византіяцамъ путь внутрь острова. Сраженіе было такъ упорно, что близъ лежащая рѣчка текла кровью (*ibid.*). Затѣмъ послѣдовало завоеваніе тринадцати укрѣпленныхъ замковъ, въ которыхъ Арабы упорно защищались, и осада Сиракузъ, ознаменованная новымъ богатырскимъ подвигомъ Желѣзной Руки Вильгельма, сообщаемымъ, конечно, соотвѣтствующимъ источникомъ. Между тѣмъ Абдалла-ибнъ-Моеззъ, получивъ подкрѣпленія изъ Африки, снова грозилъ Византіяцамъ. Съ шестидесятитысячною арміею,—по самымъ умѣреннымъ показаніямъ (*Malaterra*), а по Кедрину, по крайней мѣрѣ, съ вдвое большею—«Каррагенянинъ» расположился лагеремъ на равнинѣ близъ города Траины (*Δραχίνας ἢ πεδιάς*; Седген. II, 522), на сѣверо-западъ отъ горы Этны, откуда онъ могъ тревожить Грековъ въ Катанѣ и подъ Сиракузами. Маниакъ, господствовавшій только надъ восточнымъ берегомъ Сициліи, имѣя предъ собою укрѣпленный городъ, осада котораго затянулась, а позади—непріятельскую армію, 79 устремился противъ послѣдней. Онъ остановился лагеремъ на востокъ отъ Траины, тамъ, гдѣ съ XII вѣка находились аббатство и земля, сохранившія его имя (*Maniace*) до нашего времени (*Amagì II, 387*). Готовясь вступить въ сраженіе и нанести рѣшительный ударъ врагу, Маниакъ приказалъ начальнику византійскаго флота, то-есть, патрицію Стефану, зятю императора Михаила IV, внимательно оберегать и стеречь морскіе берега Сициліи, чтобы разбитый непріятель не имѣлъ болѣе никакой возможности ускользнуть и снова тревожить византійскія завоеванія и армію. Карра-

генянинъ, сынъ Тунисскаго султана, былъ разбитъ; 50.000 Африкцевъ, по словамъ Кедрина, покрывали поле сраженія (II, 522). Но вслѣдствіе небрежности патриція Стефана, Абдалла успѣлъ спастись, посадиться на суда (въ Кароніи или Чефалу, то-есть, на сѣверо-восточномъ берегу Сициліи, по мнѣнію Амари), и потомъ явился въ Палермо, откуда онъ могъ возобновить борьбу. Кедринъ, утверждающій, что Абдалла-ибнъ-Моэзъ уже теперь бѣжалъ въ Африку, противорѣчатъ арабскимъ историкамъ, и очевидно — либо ошибается, либо упускаетъ посредствующіе факты (Amari II, 391). Слѣдствіемъ побѣды при Травиѣ была сдача Сиракузъ, гдѣ Георгій Маниакъ возстановилъ христіанское богослуженіе, а равно и военныя укрѣпленія; замокъ на крайней оконечности древней Ортигіи до сихъ поръ носитъ его имя (Amari II, 391). Въ Сиракузахъ отысканы были мощи св. Лучія, указанныя какимъ то старцемъ, украшеннымъ почтенною сѣдиною (Aimé, Ystoire de li Normant, II, 9, p. 60 éd. Delagré), и въ серебряной ракъ отправлены въ Константинополь. Подобно Сиракузамъ, заняты были греческими гарнизонами и другіе вновь завоеванные укрѣпленные арабскіе пункты. Въ первой половинѣ 1040 года почти вся Сицилія была въ рукахъ Грековъ.

Въ это самое время Маниакъ былъ отозванъ изъ Сициліи, въ оковахъ ввезенъ въ Константинополь и брошенъ въ темницу. Раздраженный несправностью адмирала Стефана послѣ сраженія при Травиѣ, Маниакъ, извѣстный своимъ неукротимымъ характеромъ, назвалъ царскаго зятя трусомъ и предателемъ, мало того, поднялъ на него свой бичъ (Cedren. II, 523). Эта вспышка была причиною паденія Маниака. При византійскомъ дворѣ очень скоро сдались на мстительныя и коварныя внушенія Стефана, что тотъ, кто подвѣлъ руку на царскаго зятя, не остановится поднять ее и противъ самаго царя и уже готовится протянуть ее къ царскому вѣнцу. Съ удаленіемъ знаменитаго вождя, кончились успѣхи Византійцевъ: они принуждены были оставить почти всѣ свои завоеванія; побѣда, одержанная при Мессинѣ, не поправила положенія дѣлъ, — она только и спасла одну Мессину (Cedren. II, 524 sq.).

Изъ этого краткаго очерка событій двухлѣтняго сицилійскаго похода (1038—1040 гг.) видно, во-первыхъ, что историческій

Маниакъ, оставившій послѣ себя такую прочную память въ Сициліи, вовсе не похожъ былъ на того Гиргира или Гюргія, который въ прозаической сагѣ играетъ такую незавидную и унижительную роль подлѣ норвежскаго героя, — роль арлекина въ комедіи. Характеристика, сообщаемая Пселломъ, который лично зналъ Маниака, очевидно, болѣе сообразна съ историческими фактами. Это былъ человекъ ростомъ выше сажени, такъ что окружающимъ приходилось смотрѣть на него снизу, какъ на какую-нибудь колонну или вершину горы. Въ его взглядѣ не было ничего изпѣженнаго и мягкаго, но нѣчто, подобное молніи; громовая рѣчь, руки, способныя погрязать стѣны и сокрушать мѣдныя ворота, стремительность и порывистость льва, внѣшность, внушающая почтительный страхъ. Всѣ остальные черты его характера были въ полной гармоніи съ этими признаками. Слухъ о его дѣлахъ еще преувеличивалъ дѣйствительность, такъ что всякій варваръ боялся Георгія Маниака — или вслѣдствіе личнаго знакомства, или наслушавшись рассказовъ, которые о немъ ходили (Pselli hist. p. 138). По обыкновенію, только сага находится въ противорѣчій съ исторіей, а не поэзія скальдовъ. Для насъ теперь совершенно ясно, кого скальды разумѣли подъ африканскимъ вепремъ или царемъ, съ которымъ Гаральдъ сражался въ Сициліи. Но и другой болѣе значительный отрывокъ, въ которомъ говорится о Сициліи, не представитъ намъ теперь никакихъ трудностей.

«Шовъ корабля наполнялся по самыя скважины (букв. уши) кровію тамъ, гдѣ ты, князь, начиналъ кровопролитіе (blézt blóðhi); ты привелъ корабли и мужественно покорилъ землю, — трупы убитыхъ, выброшенные съ борту, лежали, имѣя песокъ подъ собою, при южной Сицилійской землѣ, тамъ гдѣ струился (крававый) потъ многихъ людей» (Antiquités Russes II, 28).

Мы видѣли, что флотъ византійскій долженъ былъ помогать дѣйствіямъ сухопутнаго войска, что тотчасъ послѣ высадки Византійцевъ и послѣ сраженія при Мессинѣ Сарацины были отгѣснены къ берегу, и что послѣ сраженія при Трапнѣ греческіе корабли должны были преградить морской путь мусульманамъ: къ тому или другому изъ этихъ моментовъ и должны 81 относиться приведенные стихи скальда Бельверка.

Еще важнѣе для насъ то обстоятельство, что, по всѣмъ признакамъ, подвиги Гаральда ограничились именно одною Сициліей. Въ предыдущей главѣ мы собрали доказательства объ участіи Гаральда въ Болгарской войнѣ 1040 года. Такъ какъ осада Солуни относится къ сентябрю этого года, а Гаральдъ нѣсколько ранѣе того предполагается присутствующимъ въ Лоннахъ, то удаленіе его изъ Сициліи должно падать на лѣто или весну 1040 года, то-есть, оно будетъ совпадать съ отозваніемъ Георгія Маниака, или по крайней мѣрѣ примыкать близко къ этому роковому для византійской имперіи событію. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Гаральдъ еще разъ когда-либо появился въ Сициліи или южной Италіи. Уже указанное нами выше четверостишіе скальда Иллуге Бриндальскаго (*Antiquités Russes II, 21*), въ которомъ говорится о сраженіяхъ Гаральда съ Франками, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается столько же возможнымъ отнести къ Сициліи, сколько и другіе поэтическіе отрывки.

«Мой господинъ часто приступалъ къ союзу Франковъ (сражался вмѣстѣ съ Франками) раннимъ утромъ предъ городомъ женщины. Мужественный потомокъ королей не могъ быть удержанъ въ своемъ стремленіи». (*Minn drottinn gekk opt á fridh Frakka fyrir óttu at bý snótar; duglum döglingi vara fjóttrent. Прозаическая конструкція*).

Мы не умѣемъ точно объяснить, что значить городъ женщины, хотя и можемъ думать о Палермо, городѣ св. Розаліи, или о Сиракузахъ, городѣ св. Лучіи, и т. п.¹⁾ По одному варіанту даже выходитъ, что Гаральдъ не торопился вступать въ городъ женщины, а это можетъ быть понято иносказательно — объ отсутствіи въ немъ всякой трусости. Но если Гаральдъ сражался

1) [Въ житіи св. Иліи Новаро (AA. SS. 17 Aug., III, 490), конца IX вѣка, говорится о *castrum Sanctae Mariae*, внутри острова. Въ грамотѣ 1248 г. (*Trinchera, Syllabus Graecarum membranarum, № 298, p. 403*) упоминается *ἐπίσκοπος τοῦ καταντζαρίου καὶ τοῦ γυναιχοκίστρου*. По этому поводу *Trinchera, p. 574*, въ указателѣ, объясняетъ: *Catacium, Καταντζάριον, ital. Catanzaro, Calabriae civitas*. Въ греческомъ житіи св. Варволомея (AA. SS. Septembr., VIII, 818), произведеніи конца XII в., упоминается *ὁ μακάριος Πολυχρόνιος ὁ τότε τῆς Γυναιχοκίστρου ἐπίσκοπος*, а также въ буллѣ папы Калликста II, 28 декабря 1121 г. — *Polychronius évêque de Genicosastro (Batiffol, La chronique de Taverna et les fausses décrétales de Catanzaro, à propos du registre de Callixte II, въ Revue des questions historiques, 1892, Janvier, p. 238)*].

не противъ Франковъ, а вмѣстѣ съ Франками (въ латинскомъ переводѣ: cum Francis), то всего скорѣе можно думать о Сицилійскомъ походѣ, во время котораго Франки, то-есть, французскіе Норманны дѣйствительно были союзниками Грековъ, и совсѣмъ не были ихъ противниками, какъ послѣ. Если сага въ болѣе подробной редакціи рассказываетъ о двухъ походахъ Георгія Маниака и Гаральда Гардрада, полагая между ними значительный промежутокъ времени, и цѣлю обоехъ походовъ ставить Сицилію, то она просто на просто запуталась въ своихъ соображеніяхъ и не поняла своихъ источниковъ. Мы увидимъ, что Маниакъ дѣйствительно еще разъ явится въ южной Италиі, но тогда дѣло будетъ идти уже не о Сициліи; а то, что Гаральдъ его сопровождалъ снова (послѣ низверженія Михаила V Калафата),— это, повторяемъ, весьма сомнительно.

Во всякомъ случаѣ съ сентября 1040 года до мая 1042 года (до низверженія и ослѣпленія Калафата: см. выше въ предыдущей главѣ) Гаральда и его отряда «великосердыхъ» не было въ византійской Ломбардіи, куда, послѣ удаленія Маниака, перенесены были военныя дѣйствія. Слѣдовательно, если мы встрѣтимъ здѣсь въ этотъ періодъ времени Варанговъ или Вэринговъ, то это не будутъ скандинавскіе Норманны Гаральда. А эти Вэринги или Варяги несомнѣнно участвовали въ сицилійскомъ походѣ Маниака и также несомнѣнно оставались въ южной Италиі въ 1041 году.

Византійцы должны были уже въ 1040 году бороться съ возстаніями недовольныхъ подданныхъ въ своихъ южно-итальянскихъ владѣніяхъ, то-есть, въ Апуліи и Калабріи. Вмѣстѣ съ неудачами, постигшими греческую армию въ Сициліи послѣ отозванія Маниака, эти волненія южно-итальянскаго населенія вынудили преемниковъ Маниака ограничить сицилійскій экспедиціонный корпусъ самыми малыми размѣрами и даже отпустить Норманновъ, которые съ тремя братьями Готвильями воротились въ свою Аверсу. Катапанъ Михаилъ Докіанъ явился въ Апулію, сопровождаемый Ардуиномъ, ломбардскимъ рыцаремъ или министріаломъ. Этотъ Ардуинъ, очевидно—не имѣющій ничего общаго съ Гаральдомъ, зная греческій языкъ и служа переводчикомъ въ сношеніяхъ Византійцевъ съ Франками, оказалъ Грекамъ

много услугъ и получилъ отъ византійскаго катапана городъ Мелфи въ управленіе. Но уже со времени своего пребыванія на островѣ онъ питалъ въ душѣ глубокую ненависть противъ Грековъ, хотя и скрывалъ ее. Причина тому заключалась въ позорномъ наказаніи, которому онъ былъ подвергнутъ по однимъ—Георгіемъ Маніакомъ, по другимъ—ближайшимъ его преемникомъ. Онъ «возжегъ въ жителяхъ Мелфи пламя, таившееся подъ пеломъ», раздулъ снова неудовольствіе апулійскаго населенія, возбудилъ его къ открытому возстанію, отправился въ Аверсу и заключилъ договоръ съ Норманнами, на основаніи котораго половина всѣхъ завоеваній въ южной Италиі должна была достаться самому Ардувву, а другая прежнимъ союзникамъ Грековъ — французскимъ Норманнамъ. Весною, именно въ мартѣ 1041 года, Норманны, подъ предводительствомъ 12 избранныхъ рыцарскихъ вождей, вторглись въ Апулію, чтобы положить прочное начало норманнскому владычеству въ Италиі.

Напрасны были усилія катапана Млхаила Докіана затушить 83 разгорѣвшійся пожаръ. Онъ далъ двѣ битвы Норманнамъ и апулійскимъ инсургентамъ и два раза былъ разбитъ. Для насъ важны тѣ указанія на составъ византійской арміи, которыя при описаніи сихъ сраженій сдѣланы въ различныхъ источникахъ.

Первое сраженіе произошло не подалеку отъ Мелфи, при рѣкѣ Оливенто, впадающей въ Офанто, 17-го марта 1041 года. Мѣсто и время сраженія съ наибольшею точностью обозначены въ южно-итальянскихъ источникахъ, ближайшихъ къ мѣсту дѣйствія; у Кедрина (II, 546) есть неточность: вмѣсто Оливенто онъ называетъ самый Авфидъ (Офанто). Протоспагарій и катапанъ Млхаилъ пришелъ въ Ломбардію (то-есть, Апулію) изъ Сициліи, и слѣдовательно, съ тѣми войсками, которыя тамъ стояли; а одною изъ важнѣйшихъ частей его арміи были Русскіе. *Annales Barenenses*, MG. SS. V, 54: *Factum est proelium - - iuxta fluvium Dulibentis. Et ceciderunt ibi multi Russi et Obsequiani* (ополченіе азіатской темы Обсеквіанцевъ)¹⁾.

Въ маѣ мѣсяцѣ катапанъ далъ второе сраженіе. По свидѣтельству Кедрина — вмѣсто того, чтобы позаботиться о надлежа-

1) [Обсеквіанцы = Славяне, въ числѣ 30.000 поселенцы τῆς τοῦ Ὀφικίου χώρας. См. *Nicéph. ed. de Boor. p. 36, 20—23. 37, 6*].

шихъ подкрѣвленіяхъ и собрать всѣ силы, какія могли найтись подъ рукою, Михайлъ Докіанъ вслѣдствіе безразсудной само-надѣянности вышелъ противъ враговъ съ тѣмъ же войскомъ, которое было разбито въ мартѣ мѣсяцѣ. Оно было усилено только Писсидами и Ликаонами, составляющими отрядъ федератовъ (Cedren. II, 546): τοὺς ἠττηθέντας πάλιν ἀναλαβὼν καὶ Πισσιδᾶς καὶ Λυκάονας, οἵπερ ἀναπληροῦσι τὸ τάγμα τῶν φοιδεράτων. Отиѣчаемъ множимомъ фактическую неточность, допущенную ученымъ авторомъ «Отрывковъ о Варяжскомъ вопросѣ» и потомъ повторенную его противниками (за исключеніемъ, конечно, А. А. Кувика, который уже указалъ ошибку, см. «Каспій» ак. Дорна, стр. 420). Имя федератовъ и «послѣдній вѣрный поминъ о нихъ» относится не къ 821, а къ 1041 году. Но вѣрно то, что федераты этого послѣдняго года мало имѣютъ общаго съ готскимъ 40.000 корпусомъ IV вѣка и ничего общаго не имѣютъ съ Варягами XI вѣка¹⁾. Число ихъ, безъ сомнѣнія, не превосходило 500 человекъ (τάγμα); по свидѣтельству мѣстной Барійской лѣтописи, вся византійская армія состояла изъ 18.600 человекъ, и въ составѣ 84 ея находилось много другихъ элементовъ. Приводимъ весьма точныя и важныя для насъ показанія лѣтописи. Deinde collectis mense Maii in unum omnibus Graecis apud Montem Maiorem (Cedren. I. c.: περί τὰς λεγομένας Ὠρας) iuxta fluenta Aufidi (Офанто), initiatum est proelium quarto die intrante (4-го марта), ubi perierunt plurimi Natulichi (Anatolici) et Obsequiani, Russi, Trachici (Θρακήσιοι, жители темы Θρακисійской), Calabrici, Longobardi, Capitinales. Et Angelus presbyter episcopus Troianus atque Stephanus Acherontinus episcopus ibi interfecti sunt. Nam nempe, ut dictum est ab omnibus qui haec noverunt, aut plures quam duo milia Normandi fuerunt, Graeci vero decem et octo milia, exceptis servitoribus. (MG. SS. V, 54 sq.).

1) С. А. Гегеюнова, «Отрывки» (Прилож. ко II-му тому Записокъ Имп. Ак. Наукъ. № 3) XIII, стр. 132 сл. Сверхъ мѣстъ, собранныхъ здѣсь, и кромѣ вышеприведеннаго дополненія, мы можемъ указать на три юридическія памятника, въ которыхъ упоминается о федератахъ. Это суть Прѣхейровъ, шестикнижникъ Арменопула (Manuale legum sive Hexabiblos ed. Heimbach, p. 586) и схолия къ Василикамъ (Basilica ed. Heimbach, t. II, p. 463). [Ср. еще новеллу императора Юстина, I, 38: Zachariae, Jus Graeco-rom. III, 4. Const. Porphyrog. De cerim. I, 734].

Итакъ, кромѣ туземныхъ подданныхъ византійской имперіи, не участвовавшихъ въ возстаніи и предводимыхъ отчасти епископами Ачеренцы и Тройи, восемнадцатитысячное греческое войско состояло изъ ополченій трехъ византійскихъ округовъ и, сверхъ того, изъ Русскихъ, уже упомянутыхъ при первомъ сраженіи. Писидія и Ляконія, которыя также, по свидѣтельству Кедрина, имѣли своихъ представителей въ битвѣ съ Норманнами, Барійцемъ разумѣются подъ Анатолийцами (*Natulichi*), такъ какъ первая область вся, а послѣдняя отчасти входили въ составъ τοῦ θέματος τῶν Ἀνατολικῶν (Анатолийскаго округа). Намѣреніе современнаго лѣтописца дать не только отчетливое, но и полное перечисленіе разныхъ частей византійской арміи бросается въ глаза само собою, и безъ сомнѣнія, то, что для этого сдѣлано имъ, вполне соотвѣтствуетъ цѣли. Если нѣтъ никакого намека на присутствіе скандинавскихъ Вэринговъ, это для насъ вполне понятно: слутники Гаральда были уже далеко. А съ другой стороны — по нашему мнѣнію — о Варягахъ или Вэрингахъ Барійскому лѣтописцу и не было нужды говорить, какъ скоро онъ упомянулъ о Русскихъ.

Въ началѣ сентября (3-го числа) того же 1041 года послѣдовало третье сраженіе Грековъ съ апудійскими висургентами и Норманнами, ихъ союзниками. Уже Михайль Докіанъ готовился къ нему и писалъ въ Сицилію, чтобы прислали ему подкрѣпленіе изъ тѣхъ силъ, которыя еще тамъ оставались; пришли Филиппопольскіе Павликіане, Македоняне, то-есть, Греки, и Калабрійцы. *Scriptis ad Siciliam, et venerunt ipsi miseri Macedones et Paulikani et Calabrenses* (MG. SS. V, 55).

Но между тѣмъ два раза разбитый полководецъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто присланъ изъ Константинополя Воіоанъ (Βοιωάννης, Bugiano, Budiano), по прозванію Эксавгустъ. Кедринъ (II, 546, 23 sq.) прямо и рѣшительно утверждаетъ, что и на сей разъ византійскій вождь не получилъ никакихъ новыхъ войскъ или подкрѣпленій, а долженъ былъ дѣйствовать съ тѣми силами, недостаточность которыхъ уже была доказана предыдущими событіями: ἀλλὰ καὶ οὗτος ἀπελθὼν κατὰ χώραν καὶ νεαλῆ καὶ ἀκμαίαν δύναμιν μὴ λαβὼν, ἀλλὰ ἀναγκασθεὶς μετὰ τῶν προηγημένων συμβαλεῖν τοῖς ἐχθροῖς. Правда, Амать (*Ystoire de li*

Normant) противорѣчить этому самымъ явнымъ и притомъ особенно знаменательнымъ для насъ образомъ. Мы должны привести его слова:

Après ceste confusion et destruction de li Grex, et la grant victoire de li fortissime Normant, l'ire de lo impeor vint sur Dycclicien, le leva de son office que non fust duc, et le fist son vicaire et lui manda Guarain et altre gent; quar veoit que par lui non combatoient bien Grex. Et lor dona a cesti exauguste ou vicaire de auguste molt de argent; et lui commanda que quant de chevaliers il trouveroit expert de bataille part tout son tenement, les deust prendre a solde pour aler contre li Normant (II, 23 p. 76 sq. éd. Delarc). То-есть, послѣ втораго пораженія, Мпханль IV Пафлагонянинъ «положилъ гвѣвъ на Докіана, лишилъ его должности, такъ что онъ пересталъ быть дукомъ, и сдѣлалъ дукомъ своего памѣстника (переводъ слова Ексавгустъ) и послалъ ему Гуарановъ (Варавовъ, то-есть, Варанговъ) и другихъ иноплемениковъ», и т. д.

Левъ Остіійскій, пользовавшійся хроникой Амата въ латинскомъ (потерянномъ) подлинникѣ, почти буквально повторяетъ его слова: Dehinc imperator -- succensus, pulso Ducliano Exaugustum nomine quendam vice illius cum Normannis dirigit congressurum, Guaraganum illi et aliorum barbarorum copiam maximam socians (MG. SS. VII, 676). Вопросъ о томъ, кто правъ—Кедринъ, утверждающій, что Воіованъ не получилъ новыхъ подкрѣпленій, или Аматы, указывающій на отправленіе Варяговъ, имѣетъ для насъ существенную важность. Левъ Остіійскій прибавилъ даже, что этихъ Варяговъ было весьма много; но очевидно, это ссть только стилистическое украшеніе; за вѣрность самой сущности факта долженъ отвѣчать одинъ Аматы, который не одинъ разъ находится въ противорѣчій подобнаго рода съ византійскими источниками. Мы видѣли, что, по Кедрину, во второмъ сраженіи были тѣ же самыя войска, что и въ первомъ, и это показаніе совершенно подтверждалось Барійскою лѣтописью. Между тѣмъ Аматы повѣствуетъ, что послѣ пораженія при Офанто (въ маѣ) византійскій императоръ въ 86 крайнемъ смятеніи разорвалъ на себѣ одежду, билъ себя въ грудь и восклицалъ, что эти Норманны отнимутъ у него все цар-

ство; онъ созвалъ на совѣтъ своихъ вельможъ и мудрѣйшихъ жителей Константинополя, говорилъ имъ, что онъ впредь отрекается отъ всякой скупости, откроетъ дверь своего казнохранилища и будетъ щедро платить всѣмъ, кто захочетъ сражаться съ Норманнами. Всѣ приняли рѣчь эту съ сочувствіемъ; большой и малый, богатый и бѣдный обѣщали помогать императору деньгами — каждый по своей силѣ. Изъ этихъ пожертвованій императоръ назначилъ двойное жалованье «рыцарямъ», которые пойдутъ противъ храбрыхъ Норманновъ, и такимъ образомъ собралъ новое войско (*Ystoire de li Normant II, 22 p. 72 sqq*). Мы съ намѣреніемъ привели здѣсь эти черты, обличающія въ Алатѣ какую-то особенную склонность къ эпической наглядности разсказа. Думаемъ, что такія краски никому не обманутъ и никого не приведутъ въ соблазнъ. Никто не поручится за историческую вѣрность вышеприведенныхъ подробностей, но также никто не долженъ строго осуждать Амата и заподозрить его правдолюбіе ради особенностей его стilia. Итакъ, нѣкоторыя противорѣчія «Исторіи Норманновъ» съ другими, болѣе сухими и точными, источниками объясняются особенностями пріемовъ ея автора и, не касаясь сущности, относятся къ внѣшнимъ подробностямъ. То же самое объясненіе мы прилагаемъ и къ обстоятельствамъ битвы при Монте-Пелозо (у Кедрина при Монополи) въ сентябрѣ 1041 года. Варяги въ немъ, дѣйствительно, участвовали, но посылка ихъ изъ Константинополя прибавлена для наглядности разсказа. Самъ Алатъ нѣсколько противорѣчитъ себѣ, говоря, что императоръ только въ смѣненномъ начальникѣ (а не въ малочисленности войскъ) видѣлъ причину, почему Греки сражались несчастливо. Что касается до большихъ денежныхъ суммъ, которыми императоръ снабдилъ Эксаугуста для набора войска, то эта черта вполне соотвѣтствуетъ всегдашнимъ византійскимъ привычкамъ и пріемамъ веденія войны, обличаетъ знакомство съ ними автора и чрезвычайно вѣроятна въ приложеніи къ данному случаю, но не болѣе. Окончательное и полное рѣшеніе между Кедринимъ-Скилицею и Алатомъ въ занимающемъ насъ вопросѣ можетъ быть отдало Барійскимъ анналамъ. Описывая третье (сентябрьское) сраженіе, они снова съ большою опредѣленностію, со словъ участниковъ битвы, отмѣчаютъ числительный составъ

обѣхъ сторонъ: Nam, ut ajunt veraciter qui in ipso bello inventi sunt, Normanni septingenti, et Graeci decem milia fuerunt (MG. SS. V, 55). Семьсотъ норманскихъ рыцарей (на мѣстныхъ 87 апулійскихъ инсургентовъ не обращено вниманія) противъ 10.000 Грековъ: а въ сраженіи при Офанто Грековъ было 18.000. Гдѣ же многочисленныя или даже какія бы то ни было подкрѣпленія, присланныя изъ Константинополя? Ихъ не было, какъ это прямо утверждаетъ Кедринъ-Скилица. Но Варяги все-таки были. Въ описаніи самаго хода сраженія между Монте-Пелозо и горою Сприколо Амагъ вполне сходится съ другими источниками, хотя нѣсколько подробнѣе ихъ. Битва была упорная; чтобы лучше защищать свою жизнь, Греки отступили въ лѣсъ, но мужественные и смѣлые Норманны не побоялись послѣдовать за ними; тутъ послѣдовала самая жаркая схватка: Варяги убиты, Апулійцы и Калабрійцы пали.

Més li Grex -- entrerent en lo fort de la silve, et li bon Normand vaillant et hardi n'orent pas paor d'aler apres, més o grant cuer et hardement les secuterent, et li Guarani sont occis, et Puilloiz sont mort et Calabrois. (II, 25 p. 78). — Iterum in pugnam circa montem cui Piloso nomen est utrimque concurratur. Tandem ruentibus Guaranis, cadentibus Calabris, fugientibus — Grecis и т. д. (Leo Ostiensis, MG. SS. VII, 676).

Греки были окончательно разбиты, и самъ Воіоаннъ былъ взятъ въ плѣнъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла былъ тѣмъ болѣе неудаченъ для Византіи, что вскорѣ послѣдовала смерть императора Михаила IV (10-го декабря 1041 г.) и затѣмъ — колебанія въ высшихъ сферахъ государственной жизни, при чемъ нельзя было совсѣмъ ожидать какихъ-либо энергическихъ военныхъ дѣйствій. Въ рукахъ Византійцевъ оставались только Тарентъ, Бриндизи и Отранто (Cedren. II, 547). Наконецъ, новый императоръ Михаилъ V Калафатъ, утвердившись на престолѣ, рѣшился на ту мѣру, которая всего скорѣе могла поправить дѣло. Онъ освободилъ изъ тюрьмы Георгія Маніака и снова отправилъ его въ Италію. По Барійской лѣтописи (MG. SS. V, 55), Маніакъ присталъ къ Таренту въ мѣсяцъ апрѣль 1042 года. Этими исправляются менѣе точныя показанія византійскихъ источниковъ, самого Пселла, по которымъ Маніакъ отправляется въ Италію

по волю императрицы Зои и Θεодоры. Важно это въ томъ отношеіи, что здѣсь заключается подтвержденіе нашихъ прежнихъ соображеній о Гаральдѣ Гардрадѣ. Онъ не сопровождалъ Гюргія или Гирги во второй его экспедиціи; ибо 20-го и 21-го апрѣля мы знаемъ объ участіи его въ извѣстныхъ намъ сценахъ мятежа и низверженія Михаила V. Слѣдовательно, если теперь и послѣ 88 встрѣтятся намъ тѣ или другія указанія на присутствіе Варяговъ въ Италіи, то это опять не будутъ спутники Гаральда Норвежскаго.

Георгій Маниакъ имѣлъ нѣсколько важныхъ успѣховъ. Онъ взялъ въ іюнѣ 1042 г. городъ Монополи и, вошедши въ городъ Матеру, сурово наказалъ туземцевъ, измѣнившихъ византійскому государю. Но недолго пришлось Маниаку оставаться въ Италіи. Низверженіе Михаила V и восшествіе на престолъ (2-го іюня) избравшика Зои, Константина Мономаха, который, по разнымъ личнымъ счетамъ и отношеніямъ, былъ ему прямымъ недругомъ, смутило Маниака и напугало его. Противъ него уже ковалась интрига при дворѣ. Взрывъ былъ произведенъ дерзкимъ обращеніемъ одного изъ довѣренныхъ лицъ новаго императора, отправленнаго въ Италію, чтобъ отозвать заслуженнаго и популярнаго героя Эдессы и Сициліи. Бѣшенный нравъ Георгія Маниака не выдержалъ; онъ поднялъ руку съ угрожающимъ жестомъ на презрѣннаго раба. Вскорѣ затѣмъ онъ самъ провозгласилъ себя императоромъ и переправился съ войскомъ въ Булгарію (въ февралѣ 1043 года).

Для насъ важны нѣкоторыя указанія на составъ арміи, которую успѣлъ собрать себѣ Маниакъ. Очевидно, что личность его возбуждала довѣріе и преданность во всѣхъ варварахъ, всегда уважающихъ силу и энергію. За нимъ послѣдовало не мало (французскихъ) Норманновъ, составившихъ потомъ особенный отрядъ въ византійской арміи (Маниакаты). При Островѣ Маниакъ палъ, уже одержавъ побѣду, но застигнутый внезапнымъ болѣзненнымъ ударомъ. Часть его арміи воротилась домой въ соотвѣтствующія родныя страны, другая перешла на сторону Константина Мономаха (Pselli hist. p. 142). Въ описаніи триумфа, въ которомъ отрубленная голова Георгія была внесена въ Константинополь, отмѣчаются меченосцы, жезловосцы и тѣ,

которые потрясаютъ на правомъ плечѣ сѣкирами: ξιφη-
 ῥόροι τινές και ῥαβδούχοι και οἱ τοὺς πελέχεις ἀπὸ τοῦ δεξιῦ σείοντες
 ὤμου (Psell. p. 142 въ концѣ). Послѣдній признакъ указываетъ
 на Варанговъ; но остается не совсѣмъ яснымъ въ изложеніи
 Пселла, суть ли это роды войска, перешедшіе отъ Маниака, или
 же собственные люди Мономаха.

Конецъ исторіи Маниака даетъ намъ поводъ спросить, что
 сдѣлалось съ Нордманномъ Гаральдомъ и его спутниками. Не-
 сомнѣнно извѣстно только одно, что въ 1044 году Гаральдъ
 воротился на сѣверъ и уже является дѣйствующимъ лицомъ въ
 Скандинавіи. Но онъ долженъ былъ воротиться чрезъ Кіевъ,
 гдѣ онъ женился на дочери Ярослава. Есть, слѣдовательно, пря- 89
 мое указаніе на то, что онъ ушелъ изъ Византіи еще въ 1043
 году. Если бы связь его съ Маниакомъ въ самомъ дѣлѣ была
 такъ прочна, какъ представляетъ это сага, то мы могли бы ска-
 зать, что онъ былъ въ числѣ людей, воротившихся на родину
 послѣ смерти Георгія. Во всякомъ случаѣ, Гаральдъ едва ли
 могъ оставаться въ Константинополѣ весь 1043 годъ¹⁾. Въ юнѣ
 мѣсяцѣ Русскіе, предводительствуемые сыномъ Ярослава Влади-
 міромъ, угрожали Цареграду; союзниками Русскихъ были «жи-
 тели сѣверныхъ острововъ океана», то-есть, Скандинавы. Очень
 возможно, что и Гаральдъ былъ въ числѣ ихъ, какъ зять Яро-
 слава или еще только какъ женьхъ Ярославны.

IX.

Нашествіе Русскихъ на Константинополь и Варяги
 1047 года.

Походъ Владиміра Ярославича на Константинополь имѣетъ
 не прямое отношеніе къ нашему вопросу. Мы поэтому и не бу-
 демъ излагать того, что о немъ извѣстно изъ давно изданныхъ
 источниковъ. Но, исполняя данное обѣщаніе, мы приводимъ здѣсь
 рассказъ Пселла (стр. 143—147), только недавно обнародован-
 ный и представляющій нѣкоторыя очень важныя черты.

1) [См. Georgii Abulpharagii sive Bar-Hebraei Chron. Syriacum ed.
 Bruins et Kirsch, p. 244 sq.].

«За низложеніемъ тиранніи (Мапіака) послѣдовала варварская война: русскія лодьи (σχάρη Ῥωσικά), превышающія, такъ сказать, всякое число, прибыли въ Пропонтиду, или тайкомъ пробравшись мимо тѣхъ, которые должны были запирать (путь въ нее), или продолживъ себѣ дорогу силою; густое облако, поднявшееся съ моря, наполнило столицу мракомъ. Дошедши въ своемъ разсказѣ до этого мѣста, я хочу объяснить причины, вслѣдствіе которыхъ они произвели это морское движеніе и наступленіе, тогда какъ императоръ ни въ чемъ не показалъ себя ихъ противникомъ.

«Это варварское племя всегда питало яростную и бѣшеную ненависть противъ греческой гегемоніи (ἐπί τῆν Ῥωμαίων ἡγεμονίαν); при каждомъ удобномъ случаѣ изобрѣтая то или другое обвиненіе, они создавали изъ него предлогъ для войны съ нами. Когда умеръ наводившій на нихъ страхъ императоръ Василій, когда братъ его Константинъ совершилъ назначенную ему часть вѣка, и зять его принялъ власть ¹⁾, они тотчасъ возобновили противъ насъ старую вражду и вскорѣ начали готовиться къ будущимъ войнамъ. Но и царствованіе Романа показалось имъ блистательнымъ и славнымъ, а сами они не были въ порядкѣ со своими приготовлениями (не успѣли довершить приготовленій) Когда же и Романъ, проживъ короткое время, оставилъ царство, и власть досталась какому-то неизвѣстному Михаилу, то они стали вооружать противъ него собственные силы и, рѣшивъ напасть на насъ съ моря, нарубивъ вверху лѣсу, выстроили изъ него малыя и большія лодьи, тайкомъ въ короткое время сдѣлали достаточныя приготовленія и уже готовы были плыть на Михаила большимъ флотомъ. Когда все было у нихъ устроено, и война уже должна была пачаться, самъ императоръ предупредилъ ихъ нашествіе, разставшись съ земною жизнью. Умеръ и преемникъ его, едва оставивъ слѣдъ во дворцѣ, а власть перешла къ Константину. Хотя варвары и ве имѣли противъ него никакихъ обвиненій, могущихъ служить предлогомъ для войны, но чтобъ ихъ приготовленія не оказались бесполезными, они подняли противъ него войну безпричинную:

1) Въ подлинникѣ читается: ὁ τὸ εὐγενὲς χρίτος ἀπεληλυθὼς — слова совершенно непонятныя для насъ. Мы восстанавливаемъ смыслъ на основаніи подобныхъ мѣстъ у Пселла (р. 29. 96. 112) и предполагаемъ: ὁ τοῦ ἐλαίνου γαμβρὸς τὸ χρίτος ἀπελέληξε, — чего требуетъ смыслъ.

такова безвинная вина ихъ устремленія противъ самодержца. Когда-жь они, тайно пробравшись, очутились внутри Пропонтыды, то сначала полагали на нашу волю — заключить миръ, еслибы мы захотѣли заплатить имъ большую цѣну за этотъ миръ; они опредѣляли и число — именно тысячу статировъ на каждую лодью, такъ чтобъ условлено было, что не иначе отсчитаны будутъ эти статирьы, какъ на одну извѣстную лодью ихъ. Они предъ-являли такія желанія или потому, что предполагали у насъ какіе-то золотые источники, или потому, что, рѣшившись во всякомъ случаѣ сражаться, (нарочно) выставляли неисполнимыя условія, дабы война съ ихъ стороны имѣла благовидный предлогъ. Когда ихъ послы не были даже удостоены отвѣта, то (варвары) такъ были дружно настроены и такъ надѣялись на свою многочисленность, какъ будто они рассчитывали сейчасъ же взять городъ со всѣми его жителями.

«А у насъ въ это время морская военная сила была совсѣмъ недостаточна; огненосные корабли были разсѣяны въ береговыхъ областяхъ, охраняя ту или другую часть имперіи. Императоръ собралъ какіе-то остатки отъ стараго флота и скрѣпилъ ихъ; согналъ потомъ въ одно мѣсто тяжелыя перевозныя дворцовыя суда (*ὀχιάδας τε τῶν βασιλικῶν σπηαγησυχῶς*), приготовилъ нѣсколько тріррь (триремь), посадилъ на нихъ боевыхъ людей, снабдилъ корабли большимъ количествомъ влажнаго огня (*δίουρον πυρ*), выстроилъ ихъ супротивъ варварскихъ лодокъ, (стоявшихъ) при гавани на другой сторонѣ (*καὶ ταύτας δὴ κατέναντι τῶν βαρβαρικῶν σκαφῶν ἐπὶ τοῦ κατ' ἀντιπέρας λιμένος συντάξας*), и самъ, имѣя съ собою нѣкоторую избранную часть синклита, ночью остано- 91
вился якоремъ въ той же самой гавани нѣсколько выше и, та-
кимъ образомъ ясно предвозвѣстивъ варварамъ морскую войну,
вмѣстѣ съ наступленіемъ утра построилъ корабли въ боевой по-
рядокъ (*κατὰ φάλαγγα*). Варвары, съ своей стороны, снявшись,
какъ будто изъ лагеря и окопа, отъ противоположныхъ намъ
пристаней (*λιμένων*) и выйдя на довольно значительное простран-
ство въ открытое море, поставивъ потомъ всѣ свои корабли по
одному въ рядъ и эту цѣпью перехвативъ (*ἑυδῆσαντες*) все
море отъ однихъ до другихъ пристаней, построились такъ, чтобъ
или самимъ напасть на насъ, или принять наше нападеніе. Не

было человека, который, смотря на происходящее тогда, не смутился бы сильно душою; я самъ стоялъ тогда подлѣ императора, — а онъ сидѣлъ на одномъ холмѣ, слегка покатою къ морю, — и былъ зрителемъ совершающагося, не будучи самъ видимъ (ἐξ ἀποκτου).

«Итакъ, расположеніе съ той и другой стороны имѣло вышеуказанный видъ; однако никто не двигался впередъ съ дѣлю битвы, но съ той и другой стороны оба (морскіе) лагеря, сплотившись, стояли неподвижно. Когда прошло уже много дня, тогда императоръ, подавъ знакъ двумъ изъ большихъ кораблей, приказалъ понемногу двигаться впередъ противъ варварскихъ лодій. Когда они ровно и стройно вышли впередъ, то сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крикъ, а метатели огня построились въ порядкѣ, удобномъ для бросанія его: тогда большая часть изъ неприятельскихъ лодокъ, высланныхъ (на встрѣчу), быстро гребя устремилась на наши корабли, а потомъ раздѣлившись, окруживъ и (какъ-бы) опоясавъ каждую изъ отдѣльныхъ тріиръ, старались пробить ихъ снизу балками (χοῦτοῖς), а другіе (то-есть, Греки), бросали сверху камнями и веслами. Когда же противъ нихъ (то-есть, Русскихъ) огонь началъ быть метаемъ, и въ глазахъ ихъ потемнѣло, то одни изъ нихъ стали кидаться въ море, какъ бы желая проплыть къ своимъ, а другіе совсѣмъ не зная, что дѣлать, и въ отчаяніи отказались отъ всякаго средства (къ спасенію). Затѣмъ поданъ былъ второй сигналъ, и уже большее число тріиръ двинулось вверхъ, за ними другіе корабли, или слѣдуя сзади, или плывя рядомъ; наша сторона ужъ ободрилась, а противная (неподвижно) стояла, пораженная страхомъ. Когда же, разрѣзая воду, тріиры очутились подлѣ самыхъ неприятельскихъ лодокъ, то связь ихъ (последнихъ) была разорвана, и строй 92 рушился, и однѣ изъ нихъ осмѣлились остаться на мѣстѣ, а большая часть повернули назадъ. Между тѣмъ солнце, уже высоко поднявшись надъ горизонтомъ, внезапно стянуло къ себѣ облако снизу и измѣнило погоду; сильный вѣтеръ двинулся съ востока на западъ; взмутьивъ море вихремъ, онъ устремилъ волны на варвара и потопилъ однѣ изъ его лодокъ тутъ же, такъ какъ море поднялось въ средину имъ (?), а другія, загнавъ далеко въ море, разбросалъ по скаламъ и утесистымъ берегамъ; однѣ изъ нихъ

были настигнуты трирамы, которыя и предали ихъ пучивъ со всѣмъ экипажемъ, а другія, будучи разсѣчены пополамъ военными людьми на нихъ, были вытянуты на ближайшіе берега. Произошло большое избіеніе варваровъ, и море было окрашено по истинѣ убійственнымъ потокомъ, какъ бы идущимъ сверху изъ рѣкъ».

Къ этому разсказу Пселла мы должны прибавить слѣдующія замѣчанія. То, что Василій II держалъ Русскихъ въ страхѣ, это можетъ имѣть нѣкоторое фактическое основаніе въ событіяхъ 988 года. И другой Византиецъ употребляетъ подобное выраженіе: «Варда склонился подъ жезломъ властителя; его трепетали Грузины и страшились Тавроскивы» (Ἐφριξάν τοῦτον Ἰβήρας, ἔπτηξαν Ταυροσκάδα, Manasses, Compendium chron. p. 253, v. 5967). Но едва ли Пселлъ хорошо зналъ то, что дѣлалось, и особенно что замышлялось на берегахъ Днѣпра; его извѣстія о постоянномъ враждебномъ настроеніи Русскихъ, о неоднократныхъ ихъ сборахъ къ походу на Константинополь возбуждаютъ недоумѣніе и сомнѣніе. Другое говоритъ Кедринъ или, что то же, Иоаннъ Ораксійскій. По его словамъ, Русскіе находились до іюня 1043 года въ совершенно мирныхъ отношеніяхъ къ Византийцамъ; обѣ стороны безбоязненно вели между собой торговлю, вступали въ торговыя сдѣлки ¹⁾. Самый поводъ къ войнѣ возникъ «среди скиѣскихъ купцовъ», находившихся въ Константинополѣ и поссорившихся съ мѣстными Греками; при столкновеніи, обратившемся въ рукопашную схватку, былъ убитъ одинъ важный Скиѣ, то-есть, Русскій. Владиміръ Ярославичъ, котораго Кедринъ считаетъ повелителемъ Русскихъ, отличаясь раздражительнымъ характеромъ, тотчасъ же сталъ собираться въ походъ. Во всякомъ случаѣ — каковы бы ни были отношенія между русскими

1) [О томъ, что русскіе во время Константина Мономаха жили въ Царградѣ, свидѣтельствуетъ сказаніе о двухъ чудесахъ Николая Чудотворца (о коврѣ и объ оправданіи невинно обвиняемаго), сочиненное очевидно въ Константинополѣ Русскимъ, бывшимъ тогда тамъ. Въ первомъ сказаніи говорится «мнѣ же худому хотящу начати писати чудо сѣаго Николы створившееся при моеи худости тѣгда въ Цриградѣ». Во второмъ сказаніи говорится о царѣ Константѣ: «отъ цря Константина тогда соушаго». См. Андр. Попова «Описаніе рукопис. библіот. А. И. Хлудова», стр. 451. 453. Ср. «Москвитининъ» 1845 г, ч VI, № 12, стр. 140—142. Въ Минсѣ за декабрь, рукопись Троицкой Лавры № 90, листъ 223 verso, прямо говорится о купцахъ русскихъ въ Константинополѣ: «идѣже Русскіи купци приходяще челядь продаютъ»].

князьями, родственниками Василия II и Константина VIII, и византийскими императорами, мужьями Зои, не всегда къ ней почтительными, — эти отношенія не мѣшали Византийскимъ государямъ держать при себѣ большой союзный русскій корпусъ. Какъ бы ни мало развито было національное сознаніе и представленіе о народномъ или государственномъ единствѣ въ тѣ времена среди Русскихъ, все-таки, повидимому, нельзя было вѣрять ни безопасности императора, ни охраненія имперіи одноплеменникамъ враждебнаго народа. Когда Русскіе дѣйствительно стали грозить нашествіемъ, то, по свидѣтельству Кедрина (р. 552), византийское правительство нашло необходимымъ удалить изъ столицы какъ русскихъ купцовъ, такъ и русскихъ военныхъ людей: «Сквиры, находяшіеся въ столицѣ въ видѣ союзниковъ, были разсѣяны въ провинціяхъ» — *καὶ τοὺς μὲν ἐνδημοῦντας τῇ βασιλείῃ ἐμπόρους τῶν Σκυθῶν, ἔτι δὲ καὶ τοὺς κατὰ συμμαχίαν παρόντας διασχορτίσας ἐν τοῖς θέμασι*. Это было сдѣлано для того, чтобъ уничтожить возможность какого-либо покушенія или движенія изнутри (*ἵνα μὴ καὶ ἀπὸ τῶν ἐνδον ἐπιβουλὴ τις ἀνεγερθῆ*: Cedren. II, 552). Кромѣ указанія на присутствіе русскихъ союзниковъ, русскаго союзнаго корпуса въ Византіи, для насъ важна еще одна черта, отмѣченная Кедринимъ-Скилицею (р. 551). Въ Константинополѣ знали, что Русскіе шли не одни, что и они имѣли много союзниковъ, и что этими союзниками были народы, обитающіе на сѣверныхъ островахъ океана: *προσεταιρισάμενος δὲ καὶ συμμαχικὸν οὐκ ὀλίγον ἀπὸ τῶν κατοικοῦντων ἐν ταῖς προταρχτίαις τοῦ Ὠκεανοῦ νήσοις ἔθνῶν*. Нѣтъ никакой причины сомнѣваться, что здѣсь разумѣются жители Скандинавіи и Исландіи, которыхъ Греки, а по слѣдамъ ихъ — и Византийцы, одинаково считали за островитянъ. Слѣдовательно, Византийцы умѣли отличать Русскихъ отъ Норманновъ и въ случаѣ нужды не затруднялись найти соотвѣствующія слова и выраженія для обозначенія послѣднихъ. Сумѣли бы они указать и на скандинавскій характеръ варяжскаго корпуса, если бъ этого требовало самое существо дѣла.

Отсылая для дальнѣйшихъ подробностей и для сличенія новыхъ данныхъ Пселла съ прежде извѣстными къ статьѣ А. А. Куника объ этомъ походѣ, напечатанной въ одномъ изъ академическихъ изданій, мы теперь можемъ идти далѣе.

Непосредственно за рассказомъ о нашествіи Русскихъ на Константинополь слѣдуетъ у Пселла повѣствованіе о новомъ возстаніи противъ Константина Мономаха, виновникомъ котораго былъ родовитый магнатъ, Левъ Торникій, по своему происхожденію армянинъ, но по мѣсту своего жительства—богатый Адрианопольскій землевладѣлецъ: здѣсь, средѣ Македонянъ, то-есть, Грековъ, онъ имѣлъ наибольшее число приверженцевъ и свою главную опору. По другимъ источникамъ мы имѣемъ возможность точно опредѣлить хронологическія границы событія, что для нашихъ дальнѣйшихъ соображеній окажется очень полезнымъ. Начало 94 возстанія относится къ концу сентября 1047 года, а его печальная, трагическая для соучастниковъ развязка—къ послѣднимъ числамъ декабря того же года (Attalios. pp. 22. 29 въ концѣ).

Торникій подошелъ къ Константинополю, и положеніе Мономаха было тѣмъ опаснѣе, что онъ могъ рассчитывать только на крѣпость городскихъ стѣнъ да на сомнительную преданность непостояннаго Цареградскаго населенія. Военныхъ силъ почти совсѣмъ не было у него подъ рукою. Фактъ этотъ, указанный прямо всѣми источниками, очень естественно можетъ быть поставленъ въ связь съ извѣстнымъ намъ удаленіемъ изъ столицы и разсѣяніемъ русскаго или, что то же, варяжскаго корпуса. Само собою разумѣется, что связь эта можетъ быть признаваема на столько, на сколько беззащитность Константинополя зависѣла отъ отсутствія чужеземныхъ силъ, помимо мѣстныхъ, имперскихъ. Но послушаемъ, что говоритъ Пселлъ (р. 153):

«Не было собрано ни собственнаго войска, ни союзнаго, исключая небольшой части наемниковъ, которая обыкновенно слѣдуетъ (позади) при императорскихъ (церемоніальныхъ) выходахъ. А что касается войска, находившагося на востокѣ, то отдѣльныя части его даже не были собраны въ какомъ-нибудь одномъ лагерѣ, такъ чтобы могли по данному сигналу скоро собраться и подать помощь императору, находящемуся въ опасности, но онѣ отправились въ походъ въ самую глубину Иверіи, отражая нашествіе одного варвара».

οὔτε γὰρ οἰκεῖον στρατεύμα, οὔτε συμμαχικὸν αὐτοῦ που συνέϊλητο, εἰ μὴ τις ὀλίγη μερὶς ξενικῆ, ὅπουτις εἶωθεν ἐφέπεσθαι ταῖς

βασιλείαις πομπαῖς. ὁ γέ τοι τῆς ἐφ᾽ αὐτῶν στρατὸς - - ἐς τὰ βαθύτερα τῆς Ἰβηρίας ἐστρατοπεδεύκεισάν...

Пселль рассказываетъ о томъ же самомъ возмущеніи Торникія и въ похвальномъ словѣ патриарху Михаилу Кируларію (Sathas, Bibliotheca graeca, t. IV, 346). Бунтовщикъ поощрялся въ своей дерзости двумя соображеніями: онъ рассчитывалъ на многочисленность собственнаго войска и зналъ, что у императора нѣтъ никакой арміи, которую онъ могъ бы ему противопоставить. Только стѣны спасли насъ въ своей оградѣ отъ всесовершеннаго плѣненія. У императора, содержамаго въ осадѣ, осталась только небольшая часть цѣлаго строя: Καταλέλειπτο γὰρ βραχεῖα μερίς τοῦ ὅλου συντάγματος. Мы привели этотъ отрывокъ для оправданія своего перевода, для доказательства его точности. Слова μερίς ξενικῆ не обозначаютъ здѣсь самостоятельнаго рода войска, 95 но именно часть союзнаго корпуса. Мы, впрочемъ, уже ранѣе видѣли, что Пселль слова «союзники, союзный корпусъ» (συνμαχικόν) и «наемники, наемная сила» употребляетъ совершенно синонимически. Такъ, русскій союзный отрядъ названъ у него «наемною силою» при первомъ извѣстіи объ его прибытіи въ Византію (988 г., см. гл. III). Такъ, императоръ Романъ, собравъ наемныя силы, нагрянулъ на враговъ съ громадою своихъ и союзниковъ (см. гл. IV). Такъ, въ исторіи низверженія Калафата у императора не было союзной силы, потому что наемники были ему невѣрны (гл. VII). Отсюда слѣдуетъ, что та часть наемниковъ, которая сопровождала императора при церемоніяхъ, то-есть, Варяги въ тѣсномъ смыслѣ, составляла только часть союзниковъ, союзнаго корпуса, Варяговъ въ обширномъ смыслѣ. А до сихъ поръ союзный корпусъ составляла исключительно Русскіе, какъ это было прямо сказано у Пселла: «союзники и наемники, я разумѣю Тавроскиевовъ» (гл. VII).

Впрочемъ, допустимъ на время другое объясненіе для того, чтобъ его тѣмъ рѣшительнѣе опровергнуть. Въ Константинополѣ при нашествіи Торникія не было союзныхъ силъ, но былъ другой родъ войска, хотя и немногочисленный, была лейбъ-гвардія, были Варяги. Это царскіе тѣлохранители, не имѣющіе ничего общаго съ «союзниками». Всѣ они въ полномъ составѣ своего корпуса находятся теперь, въ 1047 году, подлѣ императора. Выраженія

Пселла для всякаго, знакомаго съ греческимъ языкомъ, ясно показываютъ, что именно весь отрядъ наемнической, то-есть, варяжскій, находится въ Цареградѣ (*μερίς ξενικῆ ὀπόσει τις*). Другими словами: Варанги—только лейбъ-гвардія; вся лейбъ-гвардія теперь въ столицѣ имперіи.

А съ нашей точки зрѣнія помимо тѣхъ Варанговъ, которые оставались при императорѣ, въ греческихъ провинціяхъ должны находиться другіе Варанги, соотвѣтствующіе союзнымъ силамъ Пселла, отсутствующимъ изъ Константинополя—притомъ они должны находиться и на востокѣ, и на западѣ.

Приводимъ теперь мѣста южно-итальянскихъ лѣтописей за 1046, 1047 и 1048 сентябрьскіе годы:

1046. Ind. XIV. Perrexit imp. Palatino in Taranto et fecit proelium cum Normani et ciderunt Graeci et multi Antopii per gladio et in mare. Et reversu Ip. Catap in Bari. Et fecit Bari cum Umfreida comite. Et descendit Rafayl Catap. cum Guaranci et compraehenderet.... stum.

1047. Ind. XV. Venit Johannes catapanus qui et Rafayl cum ipsis Guarangi in Bari. Intravit in curte Domnica et mansit ibi unum diem; et deinde ibit et sedit in ipsa Pinna dies 11 cum ip. 96 Guarangi. (Chronic. Anonymi Barensis, Muratori V, 151).

1047. Comprahensum est oppidum Stira a Guaragnis in mense Octobris, et in mense Decembris depopulaverunt Liccem. (Lupi Protospath, MG. SS. V, 59).

1048. Ind. I. Rebella vit Tornibey (= Торникій) cum Makedonis et Botazzi consocruneo suo perrexit Constantinopolim, ut faceret se imperatorem. Argiro magistro exivit sub nocte cum aliquanti Franci et Graeci et fecit ei damnum maximum. — — — Et compraehensa est Licce ab ipsi Guarangi (Chronic. Anonym. Barens., Muratori V, 151).

Итакъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что современно съ возстаніемъ Льва Торникія Варяги дѣйствовали въ южной Италиі; они были тамъ именно въ октябрѣ и декабрѣ 1047 года, или же по сентябрьскому счету—1048 года. Они оставались въ Италиі въ то время, какъ магистръ Аргиръ, хорошо извѣстный въ исторіи греко-норманьской и упоминаемый также Византіяцами по поводу своего пребыванія въ Константинополѣ (Cedren. II,

563), принималъ участіе въ оборонѣ отъ Торникія и Ватацци, двухъ бунтовщиковъ. Нѣсколько Фравковъ, то-есть, Норманновъ, прибывшихъ, вѣроятно, съ Аргиромъ, не могутъ идти въ расчетъ при нашихъ соображеніяхъ. Изъ Атталіоты (р. 24 sq.) мы видимъ, что кромѣ «царскихъ копьеносцевъ» (βασιλική δоруφορία=Варанги?) были все-таки при началѣ осады, хотя въ самомъ маломъ количествѣ, и другіе роды войска, между прочимъ Агаряне (Ἀγαρηῶν τικξυμορία τῶν ἐπὶ τῆς φρουρᾶς). Ни Франковъ, ни этихъ послѣднихъ не имѣлъ въ виду Пселлъ.

Обратимся теперь на востокъ. Изъ византійскихъ, армянскихъ и грузинскихъ источниковъ мы знаемъ о политическихъ и военныхъ дѣйствіяхъ Константина Мономаха въ Арменіи за періодъ времени отъ 1045 до 1047 года. Кедринъ (II, 560) пишетъ, что византійская армія, подъ командою Константина (родомъ изъ Сарацинъ), начальника великой этеріи (τῆς μεγάλης ἐταιρίας ἄρχων), осаждала одну армянскую крѣпость, и осажденные уже находились въ большой крайности, когда пришли съ запада извѣстія о возстаніи Льва Торникія.

Дѣла армянскія находились въ тѣсной связи съ грузинскими. Эмиръ Тевина, крѣпость котораго осаждалъ этеріархъ Константинъ, былъ женатъ на сестрѣ Какига II Анійскаго, у котораго Греки отняли царство, заманивъ его самого въ Константинополь, и потому былъ претендентомъ на велико-армянскій престолъ; но Аристакесъ Ластивертскій (перев. Prud'homme въ Revue de l'Orient et de l'Algérie. Nouv. série, vol. XVI p. 69) объясняетъ намъ, что была другая партія, которая хотѣла передать столицу государства (то-есть, городъ Ани) Баграту IV, царю Картліи и Абхазіи. Этому другому сопернику политика Константина Мономаха противопоставила нѣкоего князя Липарита, имѣвшаго большія владѣнія на югѣ рѣки Кура (изъ фамиліи Орбеліани). Кедринъ въ числѣ событій перваго индикта (гг. 1047—1048), рассказываетъ, что Липаритъ разбилъ Баграта, загналъ его въ Кавказскія горы и во внутреннюю Абхазію (р. 572 въ концѣ) и овладѣлъ всею Иверіей; а потомъ онъ послалъ письмо къ Константину Мономаху, предлагая свой союзъ и дружбу (р. 573). Византійскій монархъ принялъ это предложеніе. Изъ Кедрина видно, что заключеніе союза предшествовало первому турецкому

нашествію (1048 года), въ которомъ Липаритъ, сражавшійся на сторонѣ Грековъ, попалъ въ плѣнъ. По свидѣтельству грузинской хроникѣ, Липаритъ велъ войну съ правителемъ города Тевина, Абуль-Севаромъ, въ интересахъ византійскаго императора, еще за годъ до появленія Турокъ въ предѣлахъ Арменіи (*Après une année révolue, les Turcs s'étant montrés au pays de Basian.... — Brosset, Histoire de Géorgie, p. 332*). А такъ какъ Турки тамъ явились около сентября 1048 года, то дѣйствія Липарита, на которыя здѣсь указывается, будутъ почти одновременны съ дѣйствіями византійскихъ воеводъ противъ Абуль-Севара.

Теперь мы можемъ выписать изъ грузинской хроникѣ то, что немного предшествуетъ походу Липарита на Тевинъ — то-есть, октябрю (или ноябрю) 1047 года. Мы сейчасъ встрѣтимъ союзный корпусъ Псела, находящійся въ Грузіи.

«Зимой (1046—1047 гг.) Липаритъ поднялъ возстаніе. Онъ вызвалъ изъ Греціи Дмитрія, брата царя Баграта, который пришелъ (въ Грузію), сопровождаемый греческимъ войскомъ и снабженный греческими деньгами. Липаритъ, опираясь на Дмитрія и его средства, посѣялъ раздоръ и раздѣленіе въ царствѣ своего монарха. Одни склонялись въ пользу Дмитрія, другіе оставались вѣрными царю Баграту. Кахетинцы были на сторонѣ Липарита, и обѣ партіи употребляли всѣ усилія, чтобъ одержать верхъ». Затѣмъ грузинская хроника, изъ которой почти буквально заимствованъ сейчасъ сообщенный отрывокъ, продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Когда три тысячи Варяговъ пришли на помощь Баграту¹⁾, то онъ расположилъ ихъ при Бахѣ и взялъ изъ нихъ только семьсотъ человекъ; потомъ двинулся впередъ съ силами Хвда-Картліи, присоединенными къ Варягамъ, не ожидая Месховъ. Битва произошла при входѣ въ рошу Сасвретъ; армія Хвда-Картліи дала тылъ; Абусеръ опять попалъ въ плѣнъ, и съ нимъ другіе дидебулы. Такъ какъ Варяги не могли принимать участія въ сраженіи, то Липаритъ велѣлъ дать рѣшета, которыми приготовили хлѣбъ, чтобы представить имъ, такъ что они провели

1) [Очевидно, Броссе не понималъ подлинника и здѣсь ошибается]. (См. Прибавленіе въ концѣ этой главы).

весело время». (Trois mille Varangues étant venus au secours de Bagrat, il les posta à Bach, en prit seulement sept cents, et s'avança avec les forces du Chida-Karthli, réunies à ces Varangues, sans attendre les Meskhes. L'on se battit à l'entrée de la forêt de Sasireth; l'armée du Chida-Karthli tourna le dos; Abousser fut de nouveau fait captif, et avec lui d'autres didébouls. Les Varangues n'ayant pu prendre part au combat, Liparit fit donner des cribles, avec lesquels on prépara du pain, pour leur être présenté, de sorte qu'ils passèrent gaîment le temps) ¹⁾.

Воѣско, приведенное Димитріемъ изъ Греціи, и 3.000 Варяговъ, пришедшихъ на помощь Баграту, конечно, одно и то же. Странное поведеніе этихъ Варяговъ, которые пришли къ Баграту, но не считаютъ возможнымъ для себя принимать участіе въ сраженіи и заставляють Липарита кормить себя, объясняется, по нашему мнѣнію, очень просто, если обратить вниманіе на нѣкоторую безтолковость изложенія, присущую грузинской лѣтописи. Только послѣ извѣстія о побѣдѣ, одержанной надъ Багратомъ партией Димитрія, она сообщаетъ о смерти этого послѣдняго, насколько не скрывая своей несообразительности: «Прежде этого Димитрій, братъ царя Баграта, умеръ»... (I, p. 322 въ началѣ). Но если онъ умеръ прежде сраженія, то положеніе греческихъ Варяговъ, приведенныхъ Димитріемъ, было весьма неопредѣленно и двусмысленно. Того, за кого они должны были сражаться, не было болѣе въ живыхъ, и царь, которому можно было служить, теперь на лицо былъ только одинъ, то-есть, Багратъ IV. Но съ другой стороны, бунтовщикъ Липаритъ былъ союзникъ умершаго и другъ византійскихъ властей. Здѣсь и заключается разгадка поведенія Варяговъ ²⁾.

Такимъ образомъ слова Пселла нашли себѣ полное, можно сказать — блистательное подтвержденіе. Кромѣ той части союзнаго корпуса, который служилъ для императора лейбъ-гвардіей,

1) Histoire de la Géorgie, traduite du géorgien par M. Brosset, I, p. 321. Почтенный переводчикъ относительно послѣдней части отрывка замѣчаетъ: Il faut que cette phrase ait paru bien extraordinaire, à d'autres qu'à moi, puisque dans mon manuscrit on lit ici en note: «Ceci est écrit dans trois exemplaires». Признаемся, что мы все-таки не понимаемъ, зачѣмъ тутъ явились рѣшета. (См. Прибавленіе на слѣдующей страницѣ).

2) (Ср. Прибавленіе).

Варяги въ 1047 году, осенью, сражались въ Италіи и были въ походѣ на востокѣ. Помимо заключеній, которыя вытекають отсюда сами собою, обратимъ вниманіе на численный составъ варяжскаго, или, что то же, союзнаго (русскаго) корпуса. Въ одной Грузіи мы находимъ три тысячи Варяговъ. Положимъ, что ихъ было почти столько же въ южной Италіи, такъ какъ слишкомъ мало предполагать ихъ здѣсь нельзя уже потому, что на нихъ лежитъ вся тяжесть войны, дѣющейся въ Апуліи, и они все-таки берутъ города. Тогда мы получимъ шеститысячную цифру, первоначальный составъ русскаго отряда, отправленнаго изъ Кіева или Крыма въ 988 году.

Способъ доказательства, котораго мы держались въ этой главѣ, слѣдующій:

Συμμαχικόν (союзный корпусъ) = Тавроскиѣны, то-есть, Русскіе.

Συμμαχικόν = Варяги (въ Грузіи и южной Италіи).

Слѣдовательно, Русскіе = Варяги.

«ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ГЛ. IX.

Неудовлетворительность перевода, давнаго Броссе для той части грузинской хроники, о которой идетъ рѣчь на стр. 313 сл., В. Г. Васильевскій ясно чувствовалъ уже во время своей работы и еще сильнѣе отмѣтилъ въ послѣдствіи на поляхъ одного экземпляра своего изслѣдованія. Сообщаемъ здѣсь переводъ, исполненный по нашей просьбѣ Н. Я. Марромъ и имъ же снабженный примѣчаніями.

Грузинскія лѣтописи, изд. Brosset, I, стр. 225, 9—20, ср. франц. переводъ Brosset, Hist. de la Géorgie, I, стр. 321, 6 сл.

«Липаритъ вновь вывелъ изъ Греціи Дмитрія, брата царя Баграта. Греческій царь помогалъ ему деньгами и войскомъ. Липаритъ вызвалъ расколъ въ жителяхъ этого царства¹⁾: нѣкоторыхъ онъ представилъ Дмитрію, а нѣкоторые пребыли въ вѣрности Баграту. Иоаннъ, сынъ Липарита, оставался заложникомъ въ рукахъ Баграта: Липаритъ выпросилъ его у Баграта,

1) «Абхазо-грузинскаго царства».

а въ замѣнъ отпустилъ съ мнромъ Абусера, возвративъ ему крѣпость. Липарита поддерживали кахи (кахетинцы) съ ихъ силами и армянскій царь Давидъ¹⁾ съ его силами. Благодаря этимъ силамъ они начали усиливаться на этой сторонѣ Грузин, и дѣло (Липарита) велось искусно въ обѣихъ частяхъ²⁾.

Пришли Варанги, три тысячи человекъ, и онъ (Липаритъ) поставилъ ихъ въ Башѣ³⁾; съ собою взялъ (Липаритъ) семь сотъ человекъ. Багратъ явился съ войскомъ внутреннимъ (съ востока, изъ внутренней Карталиніи). Варанги⁴⁾ (бывшіе съ Липаритомъ) не смогли дожидаться Месховъ⁵⁾, пришли и завязали бой (съ Баграторомъ) на рубежѣ Сасиретской долины: внутреннее (приведенное Баграторомъ изъ внутренней Карталиніи) войско бѣжало. Въ этой битвѣ (войска Липарита) опять захватили Абусера и съ нимъ также другихъ знатныхъ, которые не оказались въ силахъ бороться съ Варангами. Имъ (захваченнымъ въ плѣнъ князьямъ) Липаритъ далъ сита, и тѣ просѣвали муку⁶⁾ въ присутствіи ихъ (Липарита съ Варангами): такъ потѣшился (побѣдителя)»⁷⁾.

X.

Варяги и Франки во второй половинѣ XI вѣка.

Въ продолженіе полу столѣтія мы постоянно находили несомнѣнные слѣды присутствія Русскихъ военныхъ людей въ Византіи и слѣдили за судьбами и переходами Русскаго союзнаго корпуса. Нѣтъ сомнѣнія, что основаніемъ и первымъ ядромъ его

1) «Давидъ, царь армянскаго царства въ Таширѣ въ южной Карталиніи».

2) «Т.-е, и на востокъ, и на западъ, гдѣ дѣйствовалъ самъ Липаритъ».

3) «Вм. «Баша» въ версіи царицы Маріи: «Шуа», что на грузинскомъ имѣеть и нарицательное значеніе «середина».

4) «Въ подлинникѣ ошибочное чтеніе, описка «амитъ варангита» вм. «аматъ варангта».

5) «Въ этотъ моментъ Месхи были союзниками Липарита. Аѣкурскій владѣтель прибылъ съ Месхами на помощь сначала къ Баграту, но вскорѣ бѣжалъ отъ него и вошелъ въ соглашеніе съ Липаритомъ, какъ рассказано раньше въ тѣхъ же Груз. Лѣт. (225, 4—7, Grosset, 321, 1—3)».

6) «Буквально: «готовили хлѣбъ»».

7) «Буквально по идиотизму грузинской рѣчи: «такъ перешли потѣху». Потѣха по-грузински «ахин-и». Въ версіи ц. Маріи по опискѣ вм. «ахин-и» стоитъ «аих-и». Случайно такъ называется одна горная цѣпь, и потому чтеніе версіи ц. Маріи можно понять такъ: «такъ перешли черезъ (гору) Лихъ»».

были тѣ шесть тысячъ человѣкъ, которые отправились изъ Кіева или Херсона въ 988 году. Время отъ времени эготъ первоначальный составъ корпуса восполнялся разными русскими удальцами въ родѣ Христохира и вольными пришельцами, искавшими добычи и богатства у щедрого византійскаго повелителя. Какими путями они пробирались въ Константинополь, вельзя сказать опредѣленно. Путь по Днѣпру и Черному морю, повидному, не былъ совершенно прегражденъ для русскихъ людей. Печенѣги, кочевавшіе между Днѣпромъ и Дунаемъ, тяготѣли болѣе къ послѣднему. Но вотъ около половины XI вѣка начинается страшное движеніе турецкихъ ордъ въ Европѣ и Азій. Печенѣжская орда переходитъ за Дунай почти одновременно съ первыми успѣхами Сельджукидовъ въ Малой Азій, одновременно съ нашествіемъ Тогриль-бея на византійскую Арменію. Ея мѣсто въ степяхъ южной Россіи заняли еще болѣе дикіе и свирѣпые кочевники—Турки, именуемые Половцами или Куманамъ. Сношенія Руси съ Константинополемъ и прямыя пути сообщенія сдѣ- 100
 лались еще болѣе затруднительными. Но мы все-таки встрѣчаемъ въ византійской арміи русскіе полки или, по крайней мѣрѣ, баталіоны (*τάγματι*). Нѣтъ никакой возможности думать, что эти русскіе союзные полки, равно какъ и русскій союзный корпусъ, не суть постоянное учрежденіе въ византійской арміи, а являлись всякій разъ снова по вызову потребности, ощущаемой въ Константинополѣ и признаваемой въ Кіевѣ, то-есть, никакъ нельзя предполагать, что всякій разъ, какъ встрѣчается въ византійскихъ хроникахъ упоминаніе о русскихъ союзныхъ силахъ, мы должны подразумѣвать новые переговоры византійскаго монарха съ русскими князьями и новую посылку послѣдними военной помощи. Это было почти невозможно по самой природѣ вещей. Объ этомъ нигдѣ не говорится ни въ русскихъ, ни въ византійскихъ лѣтописяхъ, а пройти молчаніемъ такіе факты они не могли, или если могли, то одинъ-два раза, а не всякій разъ какъ бы систематически. Наконецъ, это противорѣчило бы прямымъ словамъ извѣстнаго намъ армянскаго историка, который утверждаетъ, что очень хорошо извѣстный ему русскій корпусъ 1000 года прибылъ къ Василію II за 12 лѣтъ передъ тѣмъ; противорѣчило бы буквальному и прямому смыслу тѣхъ мѣстъ

въ византійскихъ хроникахъ, въ которыхъ русскіе полки появляются на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Азіи или Европѣ не изъ Руси, а изъ Халдіи или изъ другихъ малоазіатскихъ округовъ. Однимъ словомъ мы должны признать непрерывное существованіе русскаго союзнаго корпуса въ Византіи въ видѣ постояннаго учрежденія.

Но замѣтно, что съ половины XI вѣка значеніе этого корпуса какъ будто падаетъ. До 1050 года нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы на ряду съ Русскими какая-либо другая національность участвовала въ войнахъ имперіи въ такой же степени, какъ Русскіе, если исключить народы подвластные или вассальные въ отношеніи къ византійскому императору, то-есть, Армявъ и Грузіявъ. Сарацинскій отрядъ, упоминаемый въ 1047 году, былъ очень невеликъ, какъ показываетъ самый терминъ, употребленный для его обозначенія *Атталіотой*, и маловажность его значенія для обороны Цариградскихъ стѣнъ противъ Торникія. Но съ половины XI вѣка на ряду съ Русскими постоянно встрѣчаются Фравки и съ такимъ же совершенно значеніемъ союзниковъ, союзнаго корпуса. Мы очень хорошо знаемъ, откуда явились эти Франки. Въ первый разъ они появляются въ арміи Георгія Маниака при его спцлійскомъ походѣ. Всѣ византійскіе источники отмѣчаютъ здѣсь тотъ фактъ, что Маниакъ набралъ въ 101 Италіи большую дружину изъ Франковъ (*προσηταίρισατο Φράγγους πολλούς*). Это были французскіе Норманны, привлекаемые въ южную Италію славой о подвигахъ и удачахъ Райнульфа Quagge, сдѣлавшагося княземъ Аверсы, и братьевъ Готвилей. Точно такъ же прямо засвидѣтельствовано и первое появленіе значительнаго числа Франковъ въ собственной Греціи и въ Константинополѣ. Скилица рассказываетъ (р. 720), что, когда Маниакъ возсталъ противъ Мономаха и былъ побѣжденъ, то Фравки, переправившіеся съ нимъ черезъ море, вступивъ въ службу императора, были названы маниакатами и надолго остались въ имперіи; другіе же не покинули Италіи: *οἱ μὲν σὺν αὐτῷ περαιωθέντες τῷ βασιλεῖ δουλωθέντες Μανιακάτοι τε ἐπωνομάσθησαν καὶ τῆ Ῥωμαίων πολλῇ ἐναπέμειναν, οἱ δὲ λοιποὶ ἐν Ἰταλίᾳ ὑπελείφθησαν*. Уже въ 1048 году отрядъ наемныхъ Франковъ вмѣстѣ съ Варягами стоялъ въ глубинѣ Азіи, на востокѣ. Его

начальникомъ былъ Фравкъ Ервѣ (Cedren. II, 597: Ἐρβέβιον τὸν Φραγγόπουλον, ἄρχοντα τῶ τότε τῶν ἐμοεθνῶν), о которомъ извѣстно, что онъ сражался съ Маниакомъ въ Сициліи, переселился потомъ въ Византію и даже имѣлъ свой домъ въ Арменіи (Cedren. II, 617. Ср. Attaliot. p. 198). Послѣ онъ надѣлалъ много хлопотъ Византійцамъ за то, что они не дали ему званія магистра (Cedren. 617 sq.). Русская и варяжская дружина, что, по нашему мнѣнію, для XI вѣка одно и тоже, прославила себя и оставила прочную память на всея сѣверѣ. Но совершенно согласно съ характеромъ племени, къ которому она принадлежала, изъ среды ея не выдвинулось ни одной знаменитой личности, ни одного предводителя, котораго исторія обязана была бы записать на свои страницы. Не такъ было съ франко-норманскою дружиной. Ервѣ былъ первоначальникомъ цѣлаго ряда героевъ, стоявшихъ во главѣ франкской дружины, отличавшихся безпредѣльною энергіей и безпокойною предприимчивостью. Таковы были по порядку времени: Робертъ Крепень (Crespin, Robertus Crispinus, Κρισπίνος у Византійцевъ), Урсель де-Баллейль, Риегге d'Aulps и другіе. Всѣ они играютъ видную роль въ исторіи византійской XI вѣка.

Итакъ, мы знаемъ время, когда образовалась постоянная франкская дружина въ Константинополѣ. Она по своему происхожденію не имѣетъ ничего общаго съ Варягами и постоянно отличается отъ нихъ у византійскихъ писателей. На это слѣдовало бы обратить вниманіе тѣмъ, которые утверждали, что Варяги постоянно отличаются отъ Русскихъ, чего до сихъ поръ мы не видѣли въ нашемъ изслѣдованіи, и чему увидимъ прямое и рѣшительное опроверженіе. Можно ли послѣ этого говорить 102 хотя бы только объ этимологическомъ тождествѣ Франковъ и Варанговъ?... Обращаемся къ разбору отдѣльныхъ мѣстъ, въ которыхъ прямо говорится о Варягахъ.

Въ 1050 году противъ печенѣжской орды, опустошавшей Македонію и Θракію, угрожавшей самому Константинополю, были вызваны греческія силы, находившіяся въ Азіи. Между прочимъ собраны были въ одно мѣсто союзные корпуса Франковъ и Варанговъ: καὶ τὰ συμμαχικὰ πάντα συναθροίσας ὑφ' ἐν, Φράγγους φησὶ καὶ Βαράγγους (Cedren. II, 602).

Приведенная греческая фраза буквально значить: «собравъ въ одно мѣсто всѣ союзныя силы, я разумѣю Франковъ и Варанговъ».

До сихъ поръ мы доказывали посредствомъ сопоставленія различныхъ мѣстъ у разныхъ писателей и путемъ иногда нѣсколько сложныхъ соображеній, что варяжскій корпусъ былъ не что иное какъ союзный корпусъ, и что онъ разумѣется въ извѣстныхъ мѣстахъ подъ *συμμαχικόν*, *συμμαχία*. Теперь мы встрѣчаемъ полное и непереложно фактическое подтвержденіе нашему взгляду. Въ приведенномъ сейчасъ мѣстѣ, во-первыхъ, Варанги на ряду съ Франками названы просто союзниками, союзнымъ корпусомъ, и во-вторыхъ, сказано, что союзныя силы византійской арміи только и состояли что изъ Франковъ и Варанговъ. Франки и Варанги = *πάντα τὰ συμμαχικά*. Но такъ было съ недавняго времени. Изъ кого же состояла византійская иностранная гвардія (если можно употреблять этотъ терминъ) до появленія въ Константинополѣ Франковъ? Кажется, отвѣтъ довольно ясенъ: изъ однихъ Варяговъ. Но мы знаемъ, что у Пселла нѣсколько разъ союзниками называются Тавроскибы, и точно также именуется Тавроскпы-Русскіе у Скилицы и другихъ Византійцевъ. Косвенно отсюда слѣдуетъ тождество Варанговъ и Русскихъ *Συμμαχικόν* = *Βάραγγοι* + *Φράγγοι*. *Συμμαχικόν* — *Φράγγοι* = *Ταυροσκύβαι*. Слѣдовательно, *Βάραγγοι* = *Ταυροσκύβαι* ¹⁾.

103 Въ 1053 году Сельджукскій султанъ опустошалъ Грузію, Константинъ Мономахъ отправилъ туда Михаила аколуба, который былъ упомянутъ византійскимъ историкомъ въ рассказѣ о

1) Не бесполезно будетъ сопоставить слова Кедрина: «собравъ въ одно мѣсто всѣ союзныя силы, я разумѣю Франковъ и Варанговъ», съ приведенною уже разъ фразою Пселла: «союзныя силы, которыя къ нимъ пришли отъ (иноплеменныхъ) народовъ: Италійцы и Тавроскибы». Италійцы (*Ἰταλοί*) соотвѣтствуютъ Франкамъ, потому что подъ Франками обыкновенно разумѣются южно-италійскіе Норманны. Кому же соотвѣтствуютъ Тавроскибы? Несомнѣнно — Варягамъ. Слова Кедрина и слова Пселла относятся къ одному и тому же времени. Можно даже предполагать, что Кедринъ написалъ свое: «я разумѣю Франковъ и Варанговъ» подъ вліяніемъ знакомства съ сочиненіемъ Пселла, нѣсколько переиначивая его фразу. Именно Кедрину принадлежатъ, повидимому, эти четыре слова. Ихъ нѣтъ въ томъ латинскомъ Скилицѣ, о которомъ сейчасъ намъ придется говорить. Тамъ (f. 121 г.) читается просто: *sociis omnibus (et asseritis equitibus a Teluch)*. Впрочемъ, нельзя поручиться за точность латинскаго перевода Скилицы и нельзя сказать, чтобы принадлежность этихъ словъ Кедрину много измѣнила положеніе дѣла.

Печенѣжскихъ дѣлахъ 1050 года (Седрен. II, 603). Слово аколуюѣ, то-есть, спутникъ, сопровождающій, слѣдующій за кѣмъ позади, — встрѣчается уже у Константина Багрянороднаго, а у послѣдующихъ писателей часто соединяется особенно тѣснымъ образомъ съ варяжскою дружиною. Аколуюѣ даже прямо является начальникомъ варяжской дружины, но, повидимому, прежде всего начальникомъ той небольшой части варяжскаго корпуса, которая состояла при особѣ императора, была его лейбъ-гвардіей и слѣдовала за нимъ въ церемоніальныхъ выходахъ. Самое слово аколуюѣ находится въ очевидной связи съ этимъ значеніемъ подчиненнаго ему отряда. Но ничто не мѣшало начальнику императорскихъ тѣлохранителей получать время отъ времени команду и надъ всѣми иностранными силами, а иногда и надъ всею византійскою арміею. Въ 1053 году аколуюѣ Михаилъ былъ вызванъ съ запада и отправленъ въ Иверію прогнать Сельджуковъ. Прибывъ въ Азію, онъ прежде всего собралъ Франковъ и Варанговъ, разбѣланныхъ въ Халдію и Иверію: *ος ἐχεῖ γενόμενος καὶ τοὺς διασπαρμένους ἐν τε Χαλδίᾳ καὶ Ἰβηρίᾳ Φράγγους καὶ Βαράγγους ἀγχοῦως* (Седрен. II, 606). Это мѣсто едва ли требуетъ какихъ-либо новыхъ замѣчаній. Ясно, что Варяги, собираемые Михаиломъ, — или тѣ же самые, которые вызываемы были изъ Азіи въ 1050 году, или жъ это другіе, оставшіеся на мѣстѣ, когда большая часть ихъ товарищей ушла въ Европу сражаться съ Печенѣгами. Въ томъ и другомъ случаѣ Халдія и Грузія являются постояннымъ мѣстопробываніемъ Варанговъ, а они сами являются простыми защитниками византійскихъ пограничныхъ областей, а вовсе не императорскою лейбъ-гвардіей.

Въ 1056 году, въ царствованіе Михаила Стратіотика, произошло возстаніе со стороны одного вельможи, гордаго своимъ родствомъ съ покойнымъ Константиномъ. Θεодосίη, какъ звали претендента, разломавъ двери государственной тюрьмы, освободилъ заключенныхъ и бросился съ ними на императорскій дворецъ. Но возстаніе скоро сдѣлалось извѣстнымъ евнухамъ. 104 «Вояны, содержавшіе стражу во дворцѣ, Греки и Варанги, -- вооружались. - Θεодосίη, узнавъ объ этомъ, оставилъ дворецъ въ сторонѣ и вмѣсто того направился въ великую (Софійскую) церковь; онъ надѣялся, что патріархъ и клиръ примутъ его съ

удовольствиемъ, соберется много народа, и провозгласятъ его императоромъ. Но случилось совершенно наоборотъ». У византийскаго писателя, который рассказываетъ все это, прибавлено совершенно неожиданное объясненіе къ слову Варангя. «Варангя, по происхожденію Кельты, служащіе по найму у Грековъ»: οἱ φυλάσσοντες ἐν τῷ παλατίῳ στρατιῶται Ῥωμαίοι τε καὶ Βάραγγαι (γένος δὲ Κελτικόν οἱ Βάραγγαι μισθοφοροῦντες Ῥωμαίοις) καθοπλίζονται (Cedren. II, 613).

Нельзя отрицать, что это мѣсто съ перваго взгляда совершенно противорѣчитъ тѣмъ заключеніямъ о національномъ составѣ варяжской дружины, какія нами были сдѣланы выше. Но нельзя также отрицать, что объяснительная замѣтка къ имени Варанговъ на томъ мѣстѣ, на которомъ она стоитъ, представляется въ высшей степени странною. Развѣ въ первый разъ приходится Кедрину говорить о Варангахъ? Три раза это имя встрѣчалось ранѣе въ его компилятивной хроникѣ, и ни одинъ разъ не оказывалось потребности объяснить его. Положимъ, первое упоминаніе о Варангахъ 1034 года могло быть уже забыто, такъ какъ оно находится далеко позади. Но о Варангахъ 1053 года рѣчь шла только что на одномъ изъ предыдущихъ листовъ.

Мы знаемъ, что Кедринъ, компиляторъ XII вѣка, въ этой части своей хроники рабски копируетъ сочиненіе Іоанна Фракисійскаго (Скилицы). Самое естественное предположеніе было бы то, что глосса, противорѣчащая всѣмъ историческимъ даннымъ XI столѣтія, принадлежитъ Кедрину, и прибавлена имъ съ точки зрѣнія своего времени. Почти механически списывая страницу за страницей, Кедринъ могъ забыть, что, если слово Варангя требовало объясненія, то мѣсто этому объясненію было гораздо раньше, а не здѣсь, подъ 1056 годомъ. Но, повидямому, глосса принадлежитъ самому Скилицѣ. По крайней мѣрѣ, она читается въ старинномъ венеціанскомъ переводѣ Скилицы на латинскій языкъ, который былъ сдѣланъ Баптистою Габиемъ (*Historiarum Compendium a Ioanne Cuiuspalate Scillizae (sic) conscriptum et nunc recens à Ioanne Baptista Gabio e Graeco in Latinum conversum. Venetiis, 1570*). Соответствующее вышеприведенному греческому отрывку мѣсто здѣсь читается такъ: cito milites in 105 palatii custodia dispositi Romani et Varangi (sunt autem Va-

gangi Celtica natio) mercede Romanis inservientes, instruuntur (листъ 123 на оборотѣ). Кроме нѣкоторой неисправности перевода, что встрѣчается въ видѣ еще болѣе осязательномъ и въ иныхъ мѣстахъ, мы не находимъ здѣсь никакого отличія отъ греческаго текста Кедрина. Но вопросъ этимъ еще окончательно не рѣшается. Иоаннъ Баптиста Габій, какъ онъ самъ объясняетъ въ предисловіи, переводилъ Скилицу по рукописи, подаренной кардиналу Антонию Амуліо, его покровителю, вице-королемъ Сицилійскимъ Мединою (Сидоніемъ), но дѣлалъ при этомъ сличенія съ другимъ экземпляромъ сочиненія, находившимся въ Ватиканской библіотекѣ. Очень можетъ быть, что этотъ второй экземпляръ представлялъ Скилицу, передѣланнаго или, лучше сказать, переписаннаго Кедринимъ, такъ что и у Габіа глосса происходила бы отъ Кедрина. Вотъ одинъ изъ случаевъ, въ которомъ будетъ полезно изданіе подлиннаго греческаго текста Скилицы, обѣщанное Савою. Очень возможное дѣло, что тамъ или не будетъ этихъ кельтическихъ Варяговъ, или вмѣсто Кельтовъ явятся сѣкироносцы. Есть признаки, заставляющіе думать, что Кедринъ, редактируя Скилицу для своего изданія, дѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ, навѣяныя и подсказанныя чтеніемъ Пселла. А у Пселла Варяги называются то сѣкироноснымъ родомъ, то щитоноснымъ: τὸ γένος ἄσπιδοφόροι σύμπαντες -- κραδαίνουσι (р. 105), τοῦτο δὲ γένος ἀσπίδοφόροι σύμπαντες (р. 281). Не слѣдуетъ ли читать въ данномъ мѣстѣ Кедрина: γένος δὲ πελεχυφόρον οἱ Βάραγγοι: вмѣсто γένος δὲ κελτικὸν οἱ Βάραγγοι? По способу написанія оба реченія очень близки, особенно если мы будемъ имѣть въ виду греческую палеографию и то, что окончаніе *ου* въ рукописяхъ обозначалось только надстрочнымъ знакомъ. Можно, конечно, допустить и другое объясненіе, имено, что Скилица, писавшій при Алексѣ Комнинѣ (р. 739), сдѣлалъ прибавку съ точки зрѣнія своего времени, когда дѣйствительно въ составѣ варяжскаго корпуса и особенно въ тѣснѣйшей варяжской дружинѣ (лейбъ-гвардіи) произошли измѣненія, могущія оправдать его выраженіе. Но тогда поразительна будетъ неослѣдовательность или невнимательность Иоанна Эракисійскаго. Мы даѣе увидимъ, что въ другихъ мѣстахъ онъ ставитъ выраженіе Варанги взамѣнъ «Русскихъ», стоящихъ въ его

источникѣ, а потомъ самъ объясняетъ, что виѣшніе и дворцовые Варяги — одноплеменнаго происхожденія. На основаніи послѣд-
 106 няго выраженія, вполне соответствующаго уже приведенной фразѣ Пселла о «части наемниковъ-союзниковъ», мы затруд-
 няемся прибѣгнуть здѣсь къ тому толкованію, которое, повиди-
 мому, было бы всего естественнѣе: то-есть, что Кедринъ или Скиппа разумѣютъ здѣсь только лейбъ-гвардію, которая могла состоять изъ Кельтовъ, и отличаютъ ее отъ Варяговъ въ обширномъ смыслѣ, которыми были Тавросквыи. Можетъ быть, всего проще въ словахъ: «γένος κελτικόν οἱ Βάρκυροι» видѣть позднѣйшую глоссу, внесенную какимъ-либо перелисчикомъ. Во всякомъ случаѣ, эти слова не могутъ быть употреблены въ пользу скандинавскаго состава варяжской дружины; одинаково трудно допустить какъ то, чтобы Византійцы называли Кельтами Скандинавовъ, такъ и то, что они причисляли къ Кельтамъ Русскихъ. У Анны Комниной слово Кельты встрѣчается постоянно, но оно обозначаетъ Французовъ, французскихъ южно-итальянскихъ Норманновъ; у другихъ, но рѣдко, оно означаетъ и Нѣмцевъ Германской имперіи: *Намартол.* р. 900 ed. *Мир.* Ср. *Схолиат.* р. 342.

Михаилъ Стратіотикъ царствовалъ недолго. Въ іюні 1057 года подвиглось противъ него возстаніе, болѣе опасное, чѣмъ безумная попытка Θεодосія. Исторія заговора византійскихъ генераловъ и военный переворотъ, возведшій на престолъ Исаака Комнина, рассказаны весьма подробно Кедринымъ (=Скиппацею) и особенно Пселломъ, который былъ очевидцемъ и участникомъ въ самыхъ важныхъ моментахъ византійской революціи. Возстаніе было чисто военное, и всѣ роды войскъ такъ или иначе играли въ немъ свою роль, такъ что именно здѣсь можно изучать составъ византійской арміи и отношенія ея частей. Во-первыхъ, мы находимъ на знакомомъ намъ мѣстѣ, именно въ Халдіи, на границѣ армянской, два полка франкскіе и одинъ русскій, расположенные здѣсь на зимовку: *δύο τάγματα Φραγγικὰ καὶ Ῥωσικόν ἐν ἐπιχωρίῳ* (Седген. II, 624). Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ смотрѣлъ на этихъ чужеземцевъ съ большимъ опасеніемъ, считая ихъ вѣрными императору. Не прежде какъ заручившись преданною ему силою въ 1000 человекъ, Кекавменъ (такъ звали византійскаго гене-

рала-заговорщика) рѣшился открыть свои замыслы иностранцамъ. Онъ явился къ нимъ съ поддѣльнымъ императорскимъ указомъ и на основаніи полномочія, въ немъ выраженаго, собралъ въ долину около Никополя (теперь Кара-Хисаръ) упомянутые три полка союзниковъ — τὰ τῶν συμμάχων τρία τάγματα (Sedgen. II, 625). Тутъ же были два полка мѣстнаго греческаго ополченія изъ Халдіи и Колоніи. Опять Кекавменъ склонилъ въ свою пользу сначала «греческіе полки» (τὰ δύο Ῥωμαϊκὰ τάγματα) и потомъ уже сталъ дѣйствовать на племенниковъ (ἔπειτα καὶ τοῖς ἐξ ἑθνῶν προσήγαγε τὰς προσβολάς). Они 107 оказались совершенно доступными обѣщаніямъ и соблазнамъ мятежника. Далѣе съ такою же отчетливостью излагается Кедринымъ исторія отпаденія другихъ родовъ войска и перехода ихъ на сторону Исаака Комнина. Только одинъ родъ войска не упомянуть въ этомъ разсказѣ, именно тотъ, который несомнѣнно тамъ долженъ былъ находиться, потому что находился тамъ и въ 1047 году, и въ 1050, и въ 1053: не упомянуты Вараиги. Для насъ это совершенно понятно: Вараиги не упомянуты потому, что упомянуты Русскіе.

Въ концѣ августа (1057 года) Исаакъ Комнинъ со всѣми восточными силами приближался къ столицѣ съ другой стороны пролива. Чтò въ это время дѣлалось и предпринималось во дворцѣ, мы съ полною подробностью узнаемъ отъ Пселла. Занимая высокое положеніе при дворѣ и пользуясь полнымъ довѣріемъ стараго императора, Пселлъ совѣтовалъ своему государю рѣшиться на одну изъ трехъ мѣръ: искренно сойтись съ Исаакомъ и раздѣлить съ нимъ власть, завязать дипломатическіе, то-есть, живые переговоры, дабы выиграть время, или же, наконецъ, собрать полки, стоящіе на западѣ, обратиться къ сосѣднимъ варварамъ съ просьбой о союзной помощи, (такимъ образомъ) подкрѣпить оставшіяся на сторонѣ его наемныя (иностранцыя) силы, и поставить во главѣ храбраго вождя. Вообще интересный, совѣтъ Пселла важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что изъ него обнаруживается вполнѣ синонимическое употребленіе словъ *συμμαχία* (въ конкретномъ значеніи, то-есть, = *συμμαχικόν*) и *ξενική* (союзники и наемники): *συμμαχίας τε παρὰ τῶν γειτονοῦντων βαρβάρων ἐπιχαλέσασθαι καὶ τὰς παρ' ἡμῶν ξενικὰς δυνάμεις κρατῦναι* (p. 214). А такъ

какъ мы подъ тѣмъ и другимъ терминомъ находили прежде Русскихъ, то и теперь должны думать, что помимо того русскаго полка, который стоялъ въ Азіи, были другіе русскіе отряды, оставшіеся на западѣ и сохранившіе вѣрность Михаилу VI (но пуждавшіеся въ подкрѣпленіи).

Они и въ самомъ дѣлѣ являются въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи. Стратіотикъ избралъ послѣднее изъ предложеній Пселла, и вскорѣ произошло сраженіе — неподалеку отъ Никей. Въ схваткѣ, рѣшившей вопросъ о престолѣ въ пользу претевдента и узурпатора, самъ онъ едва не потерялъ жизни. Нѣсколько человѣкъ изъ западнаго лагеря замѣтили въ срединѣ враговъ самого Исаака, не болѣе какъ въ числѣ четырехъ человѣкъ бросились на него съ своими копьями и, хотя не успѣли нанести ему вреда, но своими
108 копьями, устремленными съ разныхъ сторонъ, сжали его такъ, что онъ съ трудомъ могъ освободиться: τούτον γούν ἔνισι τοῦ καθ' ἡμᾶς στρατοπέδου ἑωρακότες, ἦσαν δὲ τῶν περὶ τὸν Ταῦρον Σχυθῶν τῶν τεττάρων οὐ πλείους, τὰ δόρατα κατευθύναντες ἐπ' αὐτὸν ἐξ ἑκατέρας πλευρᾶς ὤσαντο... (р. 216).

Побѣда осталась на сторонѣ Исаака. Стратіотикъ, совершенно упавъ духомъ, теперь, когда уже было поздно, рѣшился исполнить второй совѣтъ Пселла и просилъ его принять на себя посольство къ Комнину. Философъ Пселлъ, очень хорошо понимая неудобство и опасность предлагаемой ему роли, старался отклонить
- отъ себя высокую честь и уступилъ только настоятельнымъ требованіямъ своего государя, который называлъ его своимъ другомъ. Исторія этого посольства въ настоящее время можетъ быть читаема въ весьма подробномъ и занимательномъ разсказѣ самого Пселла (р. 217—227). Прибывъ въ лагерь, расположенный въ окрестностяхъ Никомидіи, онъ былъ отвсденъ къ царской палаткѣ узурпатора. «Палатка была окружена большою массою вооруженнаго народа: одни изъ нихъ были опоясаны мечами, другіе потрясали на плечахъ тяжелыми желѣзными сѣкирами, третьи держали въ рукахъ копья» (р. 220: αἱ μὲν ξίφη περιζώννυντο, αἱ δ' ἀπὸ τῶν ὤμων ῥομφαίας βαρυσιδήρους ἐπέσειον, καὶ ἄλλοι δὲ δόρατα ἠγχαλίζοντο). Когда поднялся занавѣсъ громадной палатки, способной вмѣстить въ себѣ цѣлый лагерь и всѣ наемныя силы, предъ изумленными глазами Пселла открылось величавое зрѣлище.

Исаакъ Комнинъ сѣдѣлъ на императорскомъ тронѣ, который былъ приподнятъ на воздухѣ и блисталъ золотомъ. Вблизи трона стояли приближенные и составляли нѣсколько круговъ, постепенно удаляющихся, опоясывающихъ другъ друга. «Тѣсный и болѣе короткий кругъ состоялъ изъ ближнихъ людей; это были первѣйшія лица изъ самыхъ лучшихъ фамилій, изображавшія собою полный образъ героическаго величія и представлявшія образецъ наилучшаго порядка для другихъ слѣдующихъ за ними. Ихъ опоясывалъ второй кругъ, щитоносцы первыхъ и ближайшіе ихъ помощники. -- За ними слѣдовали безпоясые и свободные (*οἱ ἄζωνοι καὶ ἐλεύθεροι*), и наконецъ, послѣ этихъ — союзническія силы, которыя пришли къ нимъ отъ иноплеменниковъ, то-есть, Итальянцы и Тавроскиѣны. Они были страшны и видомъ своимъ и наружностью; тѣ и другіе имѣютъ свѣтло-голубые глаза, но одни поддѣлываютъ цвѣтъ (краску) и обнажаютъ поверхность своихъ щекъ (то-есть брилльс), другіе сохраняютъ это въ природномъ видѣ; одни ужасны въ натискѣ, легкоподвижны и стремительны, другіе яростны, но медлительны; одни неудержимы въ первомъ порывѣ ихъ нападенія, но скоро насыщаютъ свою страстность, другіе же не такъ стремительны, но зато не щадятъ своей крови и презираютъ свои раны (буквально: не обращаютъ вниманія на куски мяса, то-есть, теряемые въ сраженіи). Они (то-есть, Итальянцы и Русскіе) заключали собою цѣль круговъ, нося продолговатыя копья и съ одной стороны заостренные топоры; но послѣдніе они опирали на своихъ плечахъ, а древки копій протягивали съ той и другой стороны впередъ и (такимъ образомъ) какъ бы осѣняли кровомъ промежуточное пространство».

Большой интересъ и важность этого описанія требуютъ, чтобы мы привели его въ подлинникѣ, несмотря на нѣкоторую длину, тѣмъ болѣе, что сочиненіе Пселла еще не успѣло достаточно распространиться.

Κύκλοι δὲ περὶ αὐτὸν πλείστοι περιεστῆκεσαν, ἀλλ' ὁ μὲν ἀγχοῦ καὶ βραχύτερος τοῖς πρώτοις περιελίττετο· ἄνδρες οὗτοι τῶν τε καλλίστων γενῶν τὰ πρῶτα καὶ τῆς ἡρωικῆς οὐδὲν ἀπεικότες μεγαλειότητος, εἰστήκεσαν δὲ ὑποδείγματα τοῖς μετ' ἐκείνους, τῆς κρείττονος γενομένου τάξεως· τούτους δὲ χορὸς περιεκύχλου ἕτερος, ὑπασπισταὶ τούτων καὶ πρωταγωνισταὶ, ἔνιοι δὲ καὶ τοὺς ἐφεξῆς ἀνεπλήρου λό-

χους, οί δὲ καὶ ἡμιλοχίται τινες ἦσαν τῶν πρώτων, καὶ πρὸς τῶ εὐωνύμῳ κέρατι ἕστασαν· τούτους δὲ περιστεφάνουν οἱ ἄζωνοι καὶ ἐλεύθεροι, μεθ' οὓς αἱ συμμαχικαὶ δυνάμεις ὅπως παρὰ τῶν ἐθνῶν αὐτοῖς παρεγένοντο, Ἴταλοὶ τε καὶ Ταυροσκύθαι, φοβεροὶ καὶ τοῖς εἶδεσι καὶ τοῖς σχήμασιν, ἄμφω μὲν γλαυκιῶντες, ἀλλ' οἱ μὲν τὸ χρῶμα ὑπονοθεύοντες, καὶ κατακενοῦντες τοὺς τῶν βλεφάρων ταρσοὺς, οἱ δὲ φυλάττοντες γνήσιον, οἱ μὲν ἐμπληκτοὶ ταῖς ὀρμαῖς, εὐκίνητοί τε καὶ ὀρμητῖαι, οἱ δὲ μανικοὶ καὶ ἐπίσχυλοι, κάκεινοι μὲν ἀνυπόστατοι τὴν πρώτην πρὸς ἔφοδον ὀρμὴν, ταχύ δὲ τοῦ ὄξους πιμπλάμενοι, οἱ δὲ ἥττον μὲν ἐφορμῶντες, ἀφαιδεῖς δὲ τῶν αἱμάτων, καὶ τῶν κρευλλίων καταφρονοῦντες. Οὗτοι γὰρ εὖν τὸν κύκλον τῆς ἀσπίδος ἐπλήρουν, ἐπιμήκη τε δόρατα φέροντες καὶ ἀξίνας ἑτεροστόμους· ἀλλ' ἐκείνας μὲν τοῖς ὤμοις ὑπῆρειδον, τοὺς δὲ τῶν δοράτων ἐκατέρωθεν ἐπεκτείνοντες στύρακας, τὸ μεταίχμιον, ἐν' οὕτως εἶπω, περιωρόφουν (p. 221 sq.).

Итакъ, союзныя силы состоятъ теперь изъ Итальянцевъ (то-есть, южно-итальянскихъ Норманновъ) и Русскихъ. Но—что еще важнѣе—Итальянцы и Русскіе здѣсь прямо являются въ томъ видѣ, въ какомъ мы привыкли представлять себѣ Варанговъ по описаніямъ византийскихъ авторовъ XII и слѣдующихъ вѣковъ (Никита Хониать, Копниъ): они окружаютъ тронъ императора, составляютъ нѣкотораго рода гвардію и вооружены топорами.

110 Такъ какъ Франки не встрѣчаются въ настоящее время¹⁾ (въ XI и XII вѣкахъ) въ видѣ специальныхъ сѣкировосцевъ, то можно даже думать, что имъ принадлежатъ копья, а сѣкиры—Русскимъ, то-есть, что собственно Варангамъ были только Русскіе. Въ высшей степени любопытна характеристика двухъ національностей, сообщаемая такимъ наблюдательнымъ философомъ и государственнымъ человѣкомъ, каковымъ былъ Пселлъ. Въ нравственномъ отношеніи Французы представляются намъ съ обычными признаками галльскаго характера, подвижными, стремительными только

1) Въ болѣе древнее время сѣкира, какъ извѣстно, была также національнымъ оружіемъ и у Франковъ: множество мѣстъ, въ которыхъ она упоминается, нѣтъ нужды приводить. Но все заставляетъ думать, что въ то время, которымъ мы занимаемся, Франки оставили уже топоры. Иначе зачѣмъ же было англо-норманнскимъ писателямъ, близко знакомымъ съ французскимъ военнымъ бытомъ, такъ настойчиво твердить о securis Danica, какъ объ особенностяхъ Англо-Саксовъ? См. объ этомъ ниже.

при первомъ патискѣ, но при неудачѣ скоро ослабѣвающими. Русскіе отличаются болѣе холоднымъ, флегматическимъ темпераментомъ, болѣе сдержанною и менѣе остывающею храбростью. Съ внѣшней стороны различіе заключается въ томъ, что одни обнажаютъ поверхность (площадь) щекъ (τοὺς παρτοὺς τῶν βλεφάρων: употребленіе βλεφάρων въ этомъ значеніи указано въ Thesaurus Этьеня) и, повидному, подкрашиваютъ ихъ, а другіе этого не дѣлаютъ. Опять исконный галльскій обычай; Цезарь говоритъ о Бриттахъ: omni parte corporis abrasa, praeter caput et labrum superius. Извѣстно также изображеніе Кельта на Римнѣйской бронзѣ (aes Ariminium): гладко выбритое лицо съ большими усами на верхней губѣ. Въ такомъ же образѣ явился предъ Византійскимъ дворомъ въ началѣ XII вѣка Норманскій князь, герой перваго крестоваго похода — Боэмундъ Тарентскій. Цесаревна Анна, тщательно описывая его наружность и цвѣтъ его волосъ, сожалѣетъ о томъ, что не можетъ опредѣлить, какой краски была его борода, потому что (по его щекамъ и подбородку) тщательно прошла бритва: τὸ δὲ γένειον εἴτε πύρρον εἴτε ἄλλο τι χρῶμα εἶχεν, οὐκ ἔχω λέγειν· ὁ ξυρὸς γὰρ ἐπεξήλαθεν αὐτὸ καὶ τίτάνου παντὸς ἀκριβέστερον (Alexiad. XIII, 10 p. 404 B ed. Paris). Мы не сомнѣемъ понямаемъ, что значить у Анны упоминаніе объ извести или гипсѣ (τίτάνου). Быть можетъ, здѣсь заключается намекъ на тотъ блестящій голубой (caeruleus) составъ (vitrum), которымъ, по описанію Цезаря, намазывали себя кельтскіе Бритты для внушенія страха непріятелямъ во время сраженія¹⁾: тогда и слова 111 Пселла о поддѣльной краскѣ будутъ для насъ ясны. Если мы сравнимъ описаніе норманнскаго героя, Боэмунда, съ изображеніемъ паружности русскаго героя, то-есть, Святослава, у Льва Діакона, то характеристика Пселла станетъ для насъ еще болѣе ясною: Святославъ имѣлъ густыя брови, голубые глаза, рѣдкую бороду и т. д. (IX, 11, p. 156 sq.). Πεζομαχία, πυρρὴ κόμη, γλαυκιδῶντες ὀφθαλμοί—общіе признаки Тавроскяновъ (ibid. p. 150, 16).

Не слѣдуетъ думать, что церемоніаль, которымъ окружилъ себя

1) Сравни объ этомъ XI главу Girardi Cambrensis, Descriptio Cambriae (ed. Dimock, London, 1868), VI t. (сочиненій Гирарда), p. 185.

Исаакъ Комнинъ, имѣлъ какой-либо необычайный характеръ, соответствующій революціонному положенію узурпатора, и что Тавро-скиены и Норманны занимали здѣсь чужое мѣсто только потому, что они были сообщниками Исаака съ самаго начала его похода. У Пселла (р. 105) есть другое описаніе придворнаго византійскаго чина, относящееся ко времени императрицъ Зои и Θεодоры (1042 г.) и опущенное нами для настоящаго болѣе удобнаго случая. Изъ этого описанія видно, что и тогда, при двухъ совершенно законныхъ, то-есть, признанныхъ и вѣнчанныхъ императрицахъ—было то-же самое, что послѣ при Исаакѣ Комнинѣ. «Образъ царской власти для двухъ сестеръ былъ тотъ же самый, какой былъ въ обычаѣ при предшествовавшихъ императорахъ. Онѣ сидѣли обѣ на царскомъ сѣдалищѣ на одной какъ бы линіи, немного уклоняющейся къ Θεодорѣ, а вблизи находились жезлоносцы и копьеносцы и люди племени тѣхъ, которые потрясаютъ сѣкирою на правомъ плечѣ. Далѣе влутрь за ними то, что имѣло наибольшее благорасположеніе, и тѣ, которые отправляли подлежащія имъ дѣла. Окружала ихъ (то-есть, императрица) и другая копьеносная стража, имѣющая второе мѣсто, какъ болѣе вѣрная; всѣ при этомъ стояли со страхомъ, опустивъ глаза въ землю. Послѣ нихъ первосовѣтники (*ἡ πρώτη βουλή*) и чинъ избранный, а затѣмъ—получившіе второй и третій классы» (то-есть, патриціи и члены спиклята, *συγκλητικοί* у Константина Багрянороднаго): *καὶ ἀγχοῦ μὲν οἱ ῥαβδοῦχοι καὶ ξιφηφόροι καὶ τὸ γένος ὄσοι τὸν πέλεκυν ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ ὤμου κραδαίνουσι· τούτων δὲ ἐνδοτέρω μὲν τὸ ἄγαν εὐνοῦστατον καὶ οἱ διαχειριζόμενοι τὰ καθήκοντα· περιεστεφάνου δὲ αὐτὰς ἔξωθεν ἑτέρα τις δορυφορία δευτέραν ἔχουσα τάξιν τῆς πιστοτέρας* и т. д.

Здѣсь мы находимъ совершенно тотъ же самый придворный чинъ, которымъ былъ послѣ обставленъ Исаакъ Комнинъ. Различіе 112 въ описаніи состоитъ только въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ Пселлъ начинаеть исчисленіе отдѣльныхъ группъ или цикловъ отъ императора, а въ другомъ идетъ отъ болѣе отдаленнаго пункта къ императрицамъ. «Племя (*τὸ γένος*), потрясающее сѣкирами на плечѣ», очевидно—иностранны и, безъ сомнѣнія, тѣ самые «наемники и союзники», которыхъ «кормили во дворцахъ» византійскіе императоры Михайль V Калафать и его предшественники, и ко-

торые не задолго предъ тѣмъ Пселломъ были упомянуты, то-есть, Тавроскиены, прямо названные во второмъ описаніи. Слишкомъ далеко повело бы насъ сравненіе обоихъ мѣстъ Пселла съ описаніемъ церемоніальнаго приема арабскихъ пословъ къ императорамъ Константину и Роману (около 945 года). Но мы имѣемъ право сказать, что сличеніе въ высшей степени подробнаго и даже мелочнаго описанія церемоніи, сохраненнаго намъ самимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ (de cerim. I. Пс. 15), съ отрывками Пселла можетъ служить хорошимъ комментариемъ къ послѣднимъ и полнымъ доказательствомъ совершеннаго консерватизма придворныхъ византійскихъ обычаевъ какъ при Зоѣ и Θεодорѣ, такъ и при Исаакѣ Комнинѣ.

Варанги далѣе упоминаются, но у одного только Скилицы (р. 644), въ исторіи низложенія съ патріаршества знаменитаго Михаила Кирюларія. «Когда наступилъ праздникъ архангеловъ, патріархъ удалился въ одно изъ городскихъ предмѣстій; а императоръ, опасавшійся, чтобы не произошло какого шума и смятенія, ухватился за этотъ удобный случай и послалъ отрядъ военныхъ людей, которые на общеупотребительномъ языкѣ называются Варангами; они съ позоромъ стащили его съ престола и, посадивъ на лошака, отвезли къ Влахерпскому берегу»: *στῆφος στρατιωτικὸν ἀποστείλας (Βαράγγους αὐτοῦς ἢ κοινῇ ὀνομάζει διάλεκτος).*

Способъ выраженія Скилицы не даетъ никакого права заключать, чтобы здѣсь подъ Варангами разумѣлись царскіе тѣлохранители или лейбъ-гвардія: это, по его словамъ, просто военный отрядъ, *στρατιῶται*. Къ сожалѣнію, ни Атталиота ни Пселлъ не передаютъ намъ никакихъ подробностей о низложеніи Кирюларія. Только въ похвальной рѣчи послѣдняго умершему патріарху есть немногіе намеки, которые, впрочемъ, мало уясняютъ дѣло и могутъ быть отнесены какъ къ отряду тѣлохранителей, такъ и къ простому военному отряду, посланному распоряженіемъ, вышедшимъ изъ дворца. Пселлъ въ вышеозначенномъ сочиненіи, напечатанномъ теперь Саею (*Bibliotheca graeca*, IV, 368), го- 118
ворить, обращаясь къ слушателямъ: «Вы знаете эту осаду, заключеніе, оскорбительное плѣненіе и позоръ; какъ мой Іисусъ, онъ (патріархъ) не противопоставилъ толпѣ другую толпу, мень-

шей—большую, то-есть, толпѣ отъ дворца—толпу изъ города» (ὁ πλήθει πλήθος ἀντιτάξας ἐλάττονι μείζον, τῷ ἐκ τῶν βασιλείων τὸ ἀπὸ τῆς πόλεως). И здѣсь противопоставляется только военная сила, солдаты, городскому населенію, гражданамъ, и дворець, опирающійся на войско, — столичному населенію, стоявшему за патріарха.

Что касается того, что войны, отправленные противъ Кяруларія, назывались Варангамъ на общеупотребительномъ языкѣ, то это выраженіе (ἡ κοινὴ διάλεκτος) само по себѣ вовсе не указываетъ на простонародный говоръ, на какое-либо искаженное простонародною рѣчью слово. Здѣсь разумѣется именно общераспространенный средне-греческій или византійскій языкъ, которымъ говорили одинаково и во дворцѣ и на улицѣ, но котораго ученый педантизмъ и чисто внѣшнее поклоненіе классической формѣ не допускали въ литературномъ сочиненіи, имѣющемъ притязанія на красоту и изящество. Скилица хочетъ сказать только, что слово Варанги не классическое, не освященное древностію, а не то, чтобъ это было слово искаженное или простонародное. Слово Русь, Ῥῶς, безъ сомнѣнія, часто произносилось не только на улицѣ, но и во дворцѣ, а со времени патріарха Фотія и въ храмѣ, но тѣмъ не менѣе и это слово принадлежало только къ общеупотребительному говору, ἡ κοινὴ διάλεκτος, классическое же, изящное выраженіе будетъ «Тавроскяны». Ταυροσκύθας -, οὗς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ῥῶς εἰώθειν ὀνομάζειν, пишетъ Левъ Діаконъ (IV 6 р. 63, 9 ed. Bonn.).

Въ 1066 году, когда судьба Англо-Саксовъ, также имѣющихъ близкое отношеніе къ послѣдующей исторіи варяжскаго корпуса, рѣшалась на поляхъ Сенлака (Senlac), мы встрѣчаемъ еще разъ Варяговъ въ южной Италіи, какъ бы въ доказательство того, что они и теперь не были только царскими тѣлохранителями. Въ хроникѣ Анонима Барійскаго отмѣчено подъ означеннымъ годомъ прибытіе въ Баръ-градъ, все еще остававшійся во власти Грековъ, какого-то Маврикія на судахъ съ Варангами: Mabrica cum chelandiis venit Bari cum Guarangi (Muratori V, 153)¹).

1) Ср. Lup. Protospath. sub anno 1066. MG. SS. V, 59. Здѣсь названъ quidam ductor Graecorum nomine Mabrita. Ductor, вѣроятно, переводъ слова ἀχλιδας. Mabrica Анонима несомнѣнно Маврикіѣ, какъ navalis exercitus (подъ 1071 г.) есть navalis exercitus.

Нужно думать, что Баря, центръ византійской власти и вліянія 114 въ южпой Италіи, главный военный пунктъ въ борьбѣ съ Норманнами, былъ такимъ же почти постояннымъ мѣстомъ прохожденія и постоя варяжскихъ союзныхъ силъ, какъ и азіатская крайна въ Халдіи и Арменіи. Нѣкоторые Варяги оставались здѣсь. повидному, навсегда, обзаводились домомъ и семействомъ и были основателями извѣстныхъ фамилій, разумѣется, подвергавшихся въ той или другой степени италіянизация. Таковъ былъ Гримоальдъ Варяжскій (Grimoaldus de Guaragna, filius Guaragne), играющій важную роль въ городскихъ смятеніяхъ города Баря въ началѣ XII столѣтія (Muratori V, 155 sq.) Быть можетъ, это близкое знакомство Варяговъ съ Барь-градомъ не осталось безъ вліянія и на русскій Кіевъ, на скорое установленіе праздника въ память перенесенія въ Барь мощей Николая Чудотворца, похищенныхъ у Грековъ Малой Азіи (1088 г.). Тогда Баря былъ уже подъ властію Норманновъ.

1-го января 1068 года вдовствующая послѣ смерти Константина X Дуки императрица Евдокія провозгласила своимъ мужемъ и вмѣстѣ императоромъ Романа Діогена. Это нарушало права ея собственнаго малолѣтняго сына, Михайла Дуки, а также общаіе, давнее умиравшему первому мужу. Прямой протестъ противъ поступка Евдокія послѣдовалъ со стороны Варанговъ. Скилица (р. 666) представляетъ фактъ въ такомъ видѣ: «Діогенъ ночью былъ введенъ во дворецъ, обвинчанъ съ императрицей и тотчасъ провозглашенъ императоромъ тайно отъ всѣхъ сыновей императрицы. Тогда же, однако, было поднято большое смятеніе Варягами, которые не допускали у себя провозглашенія Діогена вопреки общему рѣшенію (*γίνεται δὲ παρατυχῆα τάρραχος παρὰ τῶν Βαράγγων πολὺς, μὴ ἀνεχομένων αὐτὸν φημίται παρὰ τὰ κοινῆ δόξαντα*). Но сынъ ея (Евдокія) Михайлъ, появившись вмѣстѣ съ братьями, объявили, что случившееся совершилось съ ихъ согласія, и тогда они сами (Варяги), сейчасъ же одумавшись (*μετατραπέντες*), громкими и прозвительными голосами провозгласили Діогена императоромъ».

Не лишнее замѣтить, что объ этой минутной оппозиціи Варяговъ говорятъ только одинъ Скилица. Внимательный читатель легко убѣдится, что въ исторіи Романа Діогена вообще и въ

частности въ исторіи его водаренія Іоаннъ Скилица Θρακισійскій находится въ сильной завѣсности отъ Атталіоты. Въ сущности онъ копируетъ Атталіоту, сокращая его и слегка перефразируя. Но пять строкъ, относящихся къ Варягамъ, составляютъ вставку, неизвѣстно откуда заимствованную и очень неловко вклеенную. Атталіота, сказавъ, что всѣ приближенные императрицы безъ всякаго сопротивленія признали Діогена, потомъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «и, какъ оказалось на дѣлѣ, не напрасно надѣялись на него многіе» (р. 101, 18 sq.). И Скилица, сообщивъ намъ о сопротивленіи Варяговъ, то-есть, о томъ, что многіе не хотѣли Діогена, необдуманно и рабски повторяетъ за своимъ господиномъ (р. 666, 22 sq.): «какъ оказалось изъ этого, не напрасно надѣялись на него многіе».

А мы изъ такого образчика можемъ почерпнуть надежду, что почтенный сановникъ императора Алексѣя Комнина не будетъ слишкомъ много мудрствовать со своими источниками; благонадежно будетъ держаться своего основного текста, но зато—гдѣ вознамѣрится комбинировать его съ другими попавшимися подъ руку свѣдѣніями, сдѣлаетъ это не всегда разумно и внимательно. Далѣе: Пселль въ своей исторіи очень подробно описываетъ событія той ночи, которая привела Романа Діогена на византійскій престолъ; а что онъ хорошо зналъ всѣ подробности дворцовыхъ происшествій, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, ибо онъ именно и былъ главнымъ совѣтникомъ императрицы Евдокіи и воспитателемъ ея сына. Между тѣмъ Пселль, сопровождавшій Евдокію въ спальню ея сына, присутствовавшій при объясненіи матери съ сыномъ и при той сценѣ, въ которой юный Михаилъ призналъ мужа своей матери своимъ отцомъ и соимператоромъ, ничего не говоритъ о какой-либо оппозиціи съ той или другой стороны.

Изъ этого не слѣдуетъ, что фактъ, сообщаемый Скилицею, долженъ быть отвергнутъ. Мы не можемъ только поручиться за то, что онъ дѣйствительно долженъ стоять на томъ мѣстѣ и въ той связи, въ какой онъ стоялъ въ представленіи Скилицы, или, по крайней мѣрѣ, въ какой онъ очутился подъ его перомъ. Другими словами: нельзя сказать навѣрное, относится ли фактъ сопротивленія Варяговъ къ подробностямъ драмы, разыграншейся внутри Влахернскаго дворца въ ночь на 1-е января 1068 года,

или же онъ случился послѣ того какъ во дворцѣ уже все было рѣшено, то-есть, при объявленіи новаго императора арміи. Слѣдовательно, изъ вышеприведеннаго отрывка Скилицы не возможно сдѣлать никакого вывода о положеніи Варяговъ въ Византію и о томъ, о какого рода Варягахъ сейчасъ шла рѣчь. Иначе мы признали бы, что въ разсказѣ Скилицы о восшествіи на престолъ Романа Діогена разумѣются такіе же дворцовые Варяги, какъ и въ исторіи возмущенія Θεодосія противъ Стратіотика (см. выше).

Романъ IV Діогенъ оправдалъ общія надежды въ томъ отношеніи, что немедленно по восшествіи на престолъ сталъ энергично готовиться къ борьбѣ съ Турками-Сельджуками, что именно и требовало и мужественнаго вождя, и напряженія всѣхъ силъ имперіи. Исторія азіатскихъ походовъ героическаго, но несчастнаго императора прекрасно изложена спутникомъ, секретаремъ и совѣтникомъ его, Михаиломъ Атталіотю. Другіе только сокращаютъ то, что мы можемъ читать у Атталіоты, и прежде всего такимъ образомъ поступаетъ много разъ упомянутый Скилица. Только въ самомъ началѣ своего повѣствованія объ этихъ походахъ Скилица обнаруживаетъ легкое поползновеніе къ самостоятельности. Вотъ его слова: «императоръ велъ съ собою войско не такое, какое подобало императору Ромэевъ, но такое, какое доставляло (дѣлало возможнымъ) его время, то-есть, Македонянь, Булгаръ, Каппадокійцевъ, Узовъ и другихъ случайно попавшихся иноплемениковъ, а сверхъ того—Франковъ и Варанговъ» (р. 668): *ἐκ τε Μακεδόνων καὶ Βουλγάρων καὶ Καππαδοκῶν καὶ Οὐζῶν καὶ τῶν ἄλλως παρατυχόντων ἐθνικῶν, πρὸς δὲ καὶ Φράγγων καὶ Βαράγγων.*

Далѣе Скилица буквально списываетъ, но этихъ сейчасъ приведенныхъ словъ нѣтъ въ такомъ видѣ у Атталіоты. Мало того, Варанги вовсе не упоминаются Атталіотю во всей исторіи походовъ Романа, точно такъ, какъ не упоминаются и Узы. Откуда же взялъ свои точныя свѣдѣнія о составѣ арміи Діогена нашъ Іоаннъ Θρακесійскій?

У Атталіоты нѣтъ общаго перечисленія составныхъ частей хорошо знакомой ему арміи; но за то въ разсказѣ о военныхъ дѣйствіяхъ эти части весьма отчетливо выступаютъ на видъ со всѣми своими особенными, характеристичными чертами. Когда имѣешь

передъ глазами подлинникъ Атталіоты и сокращенную пѣсколько въ размѣрѣ копію Скилицы, то видишь совершенно ясно, изъ какихъ именно строкъ Атталіоты позднѣйшій компіляторъ составилъ свою общую характеристику византійской арміи. На страницѣ 102 у Атталіоты сказано, что Романъ Діогенъ собралъ свое войско въ западныхъ провинціяхъ имперіи и въ Каппадокіи и, сверхъ того, призвалъ Скиѳовъ. вмѣсто «запада» Іоаннъ Ораксійскій только поставилъ двѣ главныя европейскія (западныя) провинціи, изъ которыхъ больше всего набиралось византійскаго войска: Македонію и Булгарію, и удержалъ Каппадокійцевъ. Подъ Скиѳами Атталіота разумѣетъ тюркскія племена, принятія въ предѣлы имперіи, то-есть, прежде всего Печенѣговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соплеменныхъ имъ Узовъ: Скилица уже за-
117 былъ о Печенѣгахъ и не только здѣсь, но и во всей исторіи похода систематически вмѣсто Скиѳовъ ставитъ Узовъ, вмѣсто общаго—частнаго наименованіе, такъ какъ рассказъ о принятіи на византійскую службу Узовъ стоитъ въ оригиналѣ гораздо ближе къ 1068 году, чѣмъ исторія поселенія Печенѣговъ въ предѣлахъ имперіи. Далѣе слѣдуютъ Франки: ихъ Скилица могъ для себя отмѣтить, прежде всего, изъ того мѣста Атталіоты, гдѣ уже говорится о военныхъ дѣйствіяхъ около Мелитины (Malatia), и гдѣ секретарь императора Діогена въ первый разъ упомянулъ объ этихъ «кроволюбивыхъ и воинственныхъ людяхъ» (Attaliot. p. 107, 13). Остаются теперь одни Варанги, имена которыхъ вовсе нѣтъ на страницахъ первоначальнаго историка. Но можно а priori догадываться, что Скилица нашелъ и Варяговъ у своего руководителя подъ какимя-либо другимъ наименованіемъ. До сихъ поръ самый порядокъ, въ какомъ Скилица размѣстилъ различные роды византійскаго войска, вполне соответствуетъ тому порядку, въ какомъ они постепенно выходятъ на сцену въ повѣствованіи Атталіоты. Варанги или соответствующее имъ наименованіе должны поэтому стоять у Атталіоты, въ ходѣ его рассказа, на послѣднемъ мѣстѣ. Такъ это и будетъ. Черезъ нѣсколько страницъ послѣ того мѣста, гдѣ Атталіота упомянулъ Франковъ, онъ рассказываетъ о взятіи Византійцами города Іерополя (армянск. Менбѣджъ, Mambeg', на сѣверо-востокъ отъ Халепа или Веррии) и объ упорномъ сопротивленіи гарнизона мусульманскаго, державшагося въ городской

крѣпости (акрополь). Эта крѣпость была взята при помощи одного мѣстнаго жителя, родомъ изъ Антиохіи, который умѣлъ безъ труда пробраться къ акрополю и овладѣлъ его воротами при помощи русскаго оружія: *προσιόντος εὐμηχανῶς τῇ ἀκροπόλει καὶ τὰς πόλεις Ῥωσικοῖς ὄπλοις ἐν τῷ εἰσιέναι κατεσχηκότος τῆς ἀκροπόλεως* (Attaliot. p. 110, 23 sq.). Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что своихъ Варяговъ Скилица нашелъ именно здѣсь, что вмѣсто русскихъ, упомянутыхъ у Атталиоты, онъ считалъ естественнымъ и позволительнымъ поставить Варяговъ, точно такъ, какъ вмѣсто Скивовъ онъ постоянно называетъ Узовъ; значить—въ его глазахъ Русскіе и Варяги были одно и то же. Можно, конечно, догадываться, что подъ «русскимъ вооруженіемъ», которое помогло при занятіи воротъ крѣпостныхъ, Скилица разумѣлъ, какъ это и естественно, топоры, сѣкиры, и что представленіе его о тожествѣ Русскихъ съ Варягами основано именно на этомъ признакѣ. Но чтó жъ изъ этого? Этотъ признакъ, дѣйствительно, можетъ служить доказательствомъ тожества Варяговъ и Русскихъ. Варангамъ называется у Византійцевъ особый родъ 118 войска, вооруженный сѣкирами, а по своей національности это главнымъ образомъ Русскіе, о которыхъ мы дѣйствительно знаемъ, что они были вооружены топорами-сѣкирами (см. выше у Пселла и у Льва Діакона).

Что Русскіе въ самомъ дѣлѣ играли не послѣднюю роль въ походахъ Романа Діогена противъ мусульманскихъ завоевателей—Турокъ, мы удостоверяемся въ этомъ свидѣтельствомъ того арабскаго историка, извѣстія котораго вообще отличаются поразительною точностію и правдивостію. Ибнъ-эль-Атиръ пишетъ, что армія Романа Діогена численностію доходила до 200 тысячъ и состояла изъ Византійцевъ, Франковъ, Русовъ, Баждаковъ (Печенѣговъ), Арабовъ и Грузинъ (въ подлинникѣ Курчъ) ¹⁾. Русскіе

1) Это мѣсто сообщено намъ, такъ же, какъ и другое, которымъ мы воспользовались прежде, барономъ В. Р. Розеномъ, профессоромъ арабскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Онъ взялъ на себя даже трудъ повѣрить печатный текстъ Ибнъ-эль-Атира, изданный Торнбергомъ, съ лучшею рукописью этого писателя, которая принадлежитъ библіотекѣ университета, такъ какъ у Торнберга въкоторыя имена передачи совсѣмъ не исправно и непонятно (Грб—на мѣстѣ Арабовъ). Слово Курчъ объяснилъ намъ П. И. Дерхъ. Приносимъ глубокую благодарность обоимъ ученымъ. <См. теперь Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. О., т. I, стр. 19 и сл., 189 и сл., 243 и сл.>

опять занимаютъ то мѣсто, которое у Скилицы принадлежить Варягамъ. Далѣе, Ибнъ-эль-Атиръ заставляетъ Русскихъ сражаться съ Турками Альпъ-Арслана при Хелатѣ (Χηλατ, Khelat по-армянски), куда, какъ извѣстно, Романъ Диогенъ отправлялъ значительный отрядъ отъ Манцикерта. «У Хелата (авангардъ Альпъ-Арслана) встрѣтилъ предводителя Русовъ, сопровождаемаго приблизительно десятию тысячами Византійцевъ. Они сразились, и были разбиты Русы, и былъ взятъ въ плѣнъ ихъ предводитель и былъ приведенъ къ султану, и тотъ ему отрѣзалъ носъ». Эль-Макинъ въ соответствующемъ мѣстѣ пишетъ: «Султанъ Альпъ-Арсланъ устремляется къ Хелату на встрѣчу Византійцамъ съ 40.000 всадниковъ; противъ нихъ вышелъ съ большими силами одинъ патрицій, но султанъ побѣдилъ ихъ, взявъ въ плѣнъ самого предводителя, у котораго онъ отрѣзалъ носъ». Извѣстiе Атира, отчасти подтверждаемое Макиномъ, для насъ драгоцѣнно; но, несмотря на высокія качества Багдадскаго астронома-историка, мы должны спросить себя, не противорѣчитъ ли онъ византійскому историкъ, современнику и очевидцу. У Атталиоты не говорится прямо о Русскихъ, какъ участникахъ въ роковыхъ битвахъ при Хелатѣ и Манцикертѣ. Но за то мы отъ него имѣемъ подробныя свѣдѣнія о томъ, кто именно былъ подъ

119 Хелатомъ, и кто подъ Манцикертомъ: оба пункта находятся въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Сначала отправлены были императоромъ Романомъ къ Хелату Узо-Печенѣги (Скпѣы), а вслѣдъ за ними — Фравки съ ихъ предводителемъ, знаменитымъ Норманномъ Урселемъ, впоследствии заступившимъ мѣсто Роберта Кренена ¹⁾. Можно было на минуточку подумать, что Урсель, называемый у Византійцевъ часто Руселемъ (Attalios. p. 148, 22: 'Ρουσέλιος), и есть тотъ предводитель Русовъ, о которомъ идетъ рѣчь у арабскихъ писателей, то-есть, другими словами, можно было предполагать довольно грубое недоразумѣніе, основанное на смѣшеніи имени Урселя съ именемъ Русскихъ. Такое объясненіе можно бы подкрѣпить свидѣтельствомъ Амата Монте-

1) Nicerh Brugem. p. 58, 22 sq: ὁ Φράγγος Οὐρσέλιος, τῆς ἐταιρίης ὧν τοῦ Κρισίνου καὶ τῆς ἐκείνου κατάρχων φάλαγγος, ἅτε ἐκείνου τὸ χρεῶν ἀποτίσαντος.

Кассинскаго¹⁾ о томъ, что Урсель дѣйствительно попался въ плѣнъ къ Туркамъ. Но все это было бы, однако, крайне шатко. Извѣстіе Амата о плѣнѣ Урселя есть не болѣе какъ ошибка, ибо оно противорѣчитъ свидѣтельству Атталиоты и притомъ вдвойнѣ. Аматы говорятъ, что Урсель взятъ въ плѣнъ Турками вмѣстѣ съ императоромъ Романомъ въ рѣшительномъ сраженіи при Манцикертѣ. Но, во-первыхъ, изъ Атталиоты мы видимъ, что Урсель не былъ подъ Манцикертомъ, а оставался подъ Хелатомъ, а во-вторыхъ, византійскіе писатели прямо говорятъ, что Урсель ушелъ отъ плѣна (Attaliot. p. 148 sq., 185, а также 167; ср. Scylitz. p. 695). Пойдемъ далѣе. Атталиота говоритъ, что Романъ Діогенъ, считая нетруднымъ дѣломъ осаду Манцикерта и не ожидая близкой опасности со стороны Турокъ, отправилъ, сверхъ Печенѣговъ и Франковъ, къ Хелату новыя, еще болѣе значительныя силы, поручивъ ихъ магистру Іосифу Траханиоту (у Скилицы Тарханиоту): «Въ этомъ числѣ былъ значительный отрядъ пѣхотинцевъ; и вообще корпусъ, порученный Траханиоту, состоялъ изъ отборныхъ и храбрѣйшихъ воиновъ, занимавшихъ обыкновенно передовыя и самыя опасныя позиціи во всѣхъ боевыхъ стычкахъ и сраженіяхъ». По своему количеству этотъ корпусъ превосходилъ число войска, оставшагося подъ командой императора предъ Манцикертомъ. Атталиота тутъ же объявляетъ, какимъ образомъ Романъ Діогенъ, послѣ столькихъ походовъ, былъ все-таки въ состояніи отдѣлить такія значительныя силы къ Хелату. «Въ предшествовавшихъ битвахъ Греки еще не доходили до такой крайности со своимъ императоромъ, чтобы нужно было подвергать опасности и выводить въ битву и его собственную часть, называемую обыкновенно смѣною (*τὴν αὐτοῦ μοῖραν, τὸ λεγόμενον συνήδωσ ἀλλάγιον*); но въ то время какъ остальные впередъ захватывали себѣ побѣду, отряды, зависѣвшіе непосредственно отъ императора и окружавшіе его (*οἱ τῷ βασιλεῖ περιεστῶμενοι λόχοι*), оставались внѣ боевыхъ схватокъ» (Attaliot. p. 149, 14—150, 1). Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о какой-то

1) Aimé, Ystoire de li Normant I, 9 p. 14 éd. Delarc: Mès pour lo juste jugement de Dieu, li Turc orent la victoire et fu grant mortalité de Chrestiens. Et Auguste et Urselle furent prison, et ensi ces II o tout lor chevaliers furent menez en prison.

пѣшей императорской гвардіи (но не о лейбъ-гвардіи) или объ отборныхъ пѣшихъ полкахъ, находившихся подъ непосредственною командою императора. Значеніе слова «ἀλλάγιον» довольно темно ¹⁾; по нѣзъ позднѣйшихъ примѣровъ мы видимъ, что царская «смѣна» состоитъ изъ иностранцевъ. Мы думаемъ, что именно въ этой отборной пѣхотѣ, отправленной къ Хелату, и пужно искать тѣхъ Русскихъ, о которыхъ говорится у Ибнъ-эль-Атира. Только при этомъ не слѣдуетъ въ начальникѣ Русовъ, взятыхъ въ плѣнъ, видѣть самого Траханиота, потому что и онъ вмѣстѣ съ Урселемъ избѣжалъ такой бѣды (Attalios. p. 158. Scylitz. p. 695).

Варяги еще разъ являются на сцену въ трагической исторіи Романа Діогена и косвеннымъ образомъ способствуютъ ея ужасной развязкѣ. Романъ Діогенъ, какъ извѣстно, былъ освобожденъ изъ плѣна султаномъ Альпъ-Арсланомъ, но только для того, чтобы найти болѣе жестокихъ и безжалостныхъ враговъ въ своемъ отечествѣ. Въ его отсутствіе власть захватили родственники: дядя (кесарь Іоаннъ) и двоюродные братья Михаиля VII Дуки; да и самъ Михаиль VII, по совѣту своего наставника и руководителя Пселла, не хотѣлъ болѣе дѣлиться престоломъ съ мужемъ своей матери. Слухъ объ освобожденіи Романа и о возвращеніи его на царство произвелъ смятеніе и ужасъ во дворцѣ. Юный императоръ Михаиль принялъ рѣшеніе, которое Пселлъ называетъ самымъ разумнымъ. Посовѣтовавшись со своею фамиліей, онъ убѣждалъ отъ матери, которая, конечно, подозрѣвалась въ расположеніи къ мужу, и склонялъ на свою сторону придворную стражу. При этомъ случаѣ Пселлъ объясняетъ намъ, 121 кого пужно разумѣть подъ стражею. «Это племя — всѣ щитосцы и они потрясаютъ на своемъ плечѣ нѣкотораго рода сѣкиру, съ одной стороны острую и тяжеложелѣзную. Они дружно загремѣли своими щитами, подняли крикъ такой, какой только могли вмѣстятъ ихъ головы (закричали во всю голову), скрестили свои сѣкиры и зазвенѣли ими, собрались кругомъ царя, находя-

1) Дюканжъ объясняетъ ἀλλάγιον какъ *stationes, diversoria militum, quae subinde mutantur*, и прибавляетъ, что это vox *tacticorum recentiorum*. Онъ приводитъ только одинъ примѣръ употребленія этого термина — изъ Пахимера (IV, с. 27). Едва ли ἀλλάγιον имѣетъ что-либо общее съ ἀλλοτῶν — μαχηλάβιον, хотя сближеніе представляетъ большую заманчивость.

шагося въ опасности, и, обвинивъ его своимъ кругомъ, неприкосновенно отвели его въ верхнія комнаты дворца» (Pselli hist. p. 281 sq.).

Пселль, по обычаю, не употребляетъ здѣсь термина Варяги, но очевидно—разумѣетъ ихъ. Нужно только замѣтить, что здѣсь онъ уже не называетъ своихъ сѣкироносцевъ союзниками (*συνμαχικόν, συνμαχικαὶ δυνάμεις*), какъ это дѣлалъ прежде, но прямо указываетъ на ихъ дворцовое значеніе, характеризуетъ ихъ какъ тѣлохранителей императорскихъ; то-есть, здѣсь у Пселла несомнѣнно идетъ рѣчь о варяжской дружинѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Является слѣдующій вопросъ: какъ представлялъ себѣ Пселль отношеніе этой малой (варяжской) дружины къ большому (варяжскому) союзному корпусу — по ихъ племенному составу? Мы видѣли выше, что Пселль смотритъ на лейбъ-гвардію, сопровождающую императора при выходахъ, какъ на малую часть иностраннаго наемнаго корпуса. И здѣсь мы должны предполагать такое же точно представленіе у Пселла, потому что нѣтъ никакого основанія для противнаго. Въ настоящее время (1071 годъ) союзный византійскій корпусъ состоитъ изъ Русскихъ и Франковъ (то-есть, французскихъ Норманновъ): нужно думать, что они же входятъ въ составъ и лейбъ-гвардіи, то-есть, и здѣсь разумѣются тѣ Тавроскиены и Итальянцы, которые окружали Исаака Комнина съ тѣми же самыми сѣкирами и щитами (см. выше). Правда, около этого же времени появляются упоминанія и о Нѣмцахъ, но почти нѣтъ никакихъ указаній, чтобъ они когда-либо входили въ составъ собственно варяжскихъ дружинъ. Да и самые Франки постоянно отличаются отъ Варяговъ, такъ что несомнѣнными членами лейбъ-гвардіи остаются одни Тавроскиены.

Повидимому, иначе, чѣмъ Пселль, представлялъ себѣ эти отношенія Никифоръ Вриенпій, мужъ цесаревны Анны Комнины и авторъ плохого неоконченнаго историческаго сочиненія, имѣющаго пѣлю доказать законность престолонаслѣдія въ династіи Комниновъ и прославить подвиги недавно умершаго (въ 1118 г.) основателя ея, Алексѣя I. По его словамъ (p. 45), сѣкироносцы, подъ защиту которыхъ прибѣгъ Михайль Дука, происходили «изъ варварской страны вблизи океана и отличались вздревле 122

вѣрностію византійскимъ императорамъ». Слова Никифора о варварской странѣ, сосѣдней съ океаномъ, сами по себѣ довольно неопредѣленны и могли бы относиться даже къ французскимъ Норманнамъ, которые чрезъ южную Италію наплывали въ Византію. Но они слишкомъ напоминаютъ способъ выраженія, усвоенный писателями XII вѣка для обозначенія тогдашнихъ Варяговъ съ острова Оулы, то-есть, англійскихъ или британскихъ Варяговъ, такъ что всего вѣроятнѣе—и Никифоръ Вріенній имѣлъ въ своемъ умѣ этихъ послѣднихъ сѣкироносцевъ. Но тогда онъ положительно ошибался и дѣлалъ, хотя естественный и обычный, но грубый анахронизмъ. Во всякомъ случаѣ, въ продолженіе 50 или 60 лѣтъ многое моглозмѣниться, и потому Никифору Вріеннію слѣдовало, рассказывая о давнопрошедшихъ временахъ, точнѣе держаться своихъ источниковъ, хотя и не такъ буквально переписывать ихъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Теперь, когда исторія Пселла находится у насъ въ рукахъ, мы видимъ, что мужъ знаменитой и ученой Анны, восхваляемый ею за большое литературное образованіе, выпиываетъ у философа безъ зазрѣнія совѣсти цѣлыя страницы, желая, однако, сохранить видъ и наружность самостоятельнаго писателя. Этого онъ думаетъ достигнуть довольно дешевыми средствами, именно анахроническими вставками въ родѣ вышеприведенной и мелкими стилистическими измѣненіями подлинника. Вотъ примѣръ, который служитъ кстаті подлиннымъ текстомъ къ вышеприведеннымъ отрывкамъ Пселла и Вріеннія:

Пселлъ, р. 281 sq.

ὁ βασιλεὺς Μιχαήλ.
 τοὺς περὶ τὴν αὐλὴν φύλακας οἰκισοῦται
 τοῦτο δὲ γένος ἀσπίδοφόροι σύμπαντες καὶ
 ῥομφαίαν τινὰ ἀπὸ τοῦ ὤμου ἐτερόστομον
 καὶ βαρυσίδηρον ἐπισείοντες κτυπήσαντες
 γούν τὰς ἀσπίδας ἀθρόον καὶ ἀλαλάξαντες
 ὅσον ἐχώρου αἱ κεφαλαὶ τὰς τε ῥομφαίας
 πρὸς ἀλλήλους συντρίψαντες τε καὶ συνη-
 χήσαντες, ἐπὶ τὸν βασιλεύοντα ὡς κιν-
 δυνεύοντα συνανίσσει καὶ χορόν περὶ αὐτὸν
 ἐλίξαντες ἀθιγῶς ἐπὶ τὰ ὑψηλότερα τῶν
 ἀνιχτόρων ἀνάγουσιν.

Вріенній, р. 45, 10 sqq.

.
 τοὺς περὶ τὴν αὐλὴν φύλακας εὐθύς
 οἰκισοῦται τοῦτο δὲ τὸ γένος ὠρμητο
 ἐκ τῆς βαρβάρου χώρας τῆς πλησίον
 ὠκεανοῦ, πιστὸν δὲ βασιλεῦσι Ῥω-
 μαίων ἀρχῆθεν, ἀσπίδοφόρον ζύμπαν
 καὶ πέλεκύν τινὰ ἐπὶ ὤμων φέρον. -- οἱ δὲ
 περὶ τὸν κίσαρα κτυπήσαντες τὰς ἀσπί-
 δας ἀθρόοι καὶ βαρβαρικὸν ἀλαλάξαντες
 τὰς τε ῥομφαίας πρὸς ἀλλήλων συντρί-
 ψαντες τε καὶ συγκροτήσαντες περὶ τὴν
 βασιλίδος ἐχώρου σκηνήν.

XI.

Прямые доказательства существованія Варяго-Руси въ XI вѣкѣ.

Мы разобрали значительное количество мѣстъ и отрывковъ 123 у византійскихъ писателей, гдѣ такъ или иначе упоминаются Варяги. Отдавая при этомъ, согласно съ законами критики, преимущество первоначальнымъ и современнымъ источникамъ предъ позднѣйшими и несамостоятельными, мы нашли, что большая часть приведенныхъ нами мѣстъ, при взаимномъ ихъ сопоставленіи, указываетъ на тожество варяжскаго и русскаго корпуса, и что другія мѣста, которыя на это не указываютъ, уже ничего не указываютъ, ничего не говорятъ ни за ни противъ той или другой предполагаемой національности Варяговъ. Не знаемъ, въ какой степени наши соображенія и толкованія покажутся убѣдительными для другихъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что ни въ одномъ изъ византійскихъ, а равно и южно-итальянскихъ упоминаній о Варягахъ не содержится ни малѣйшаго намека на ихъ скандинавское происхожденіе, не исключая даже Никифора Вриеннія, свидѣтельство котораго относится къ XII вѣку и сейчасъ оцѣнено нами по достоинству. Скандинавизмъ Варяговъ, правда, и доказывался всегда не столько византійскими источниками, сколько скандинавскими сагами. Но мы знаемъ цѣнность этого свидѣтельства и думаемъ, что вопросъ объ авторитетѣ саги можно считать рѣшеннымъ. Далѣе, мы до сихъ поръ не нашли ни одного мѣста—и несомнѣнно, что нельзя найти такого мѣста,—въ которомъ Варяги противопоставлялись бы Руси, состоящей на византійской службѣ, гдѣ Русь и Варяги прямо отличались бы между собою; потому что ни въ одномъ изъ приведенныхъ мѣстъ Русскіе не поставлены на ряду съ Варягами, а есть только такіе случаи, что гдѣ у одного писателя стоятъ Русскіе, тамъ у другого стоятъ Варяги. На нашъ взглядъ, это послѣднее обстоятельство имѣетъ очень большой вѣсъ, но нельзя ручаться за то, что оно будетъ имѣть такой же вѣсъ въ глазахъ ученыхъ, сроднившихся съ другимъ воззрѣніемъ. Обыкновенно такого рода

доказательства сильно дѣйствуютъ только тогда, когда ихъ имѣешь предъ глазами во всей наглядности. Мы не могли, напримеръ, выписывать по нѣскольку страницъ изъ Пселла и Врѣппія, изъ Атталіоты и Склици для очевиднѣйшаго доказательства, что одинъ изъ нихъ рабски копируетъ другаго, и что прибавки, дѣлаемыя позднѣйшимъ компиляторомъ, имѣютъ большую частію такую же цѣну, какъ и его убавки и пропуска. А между тѣмъ, многое въ нашемъ изслѣдованіи построено на изученіи взаимнаго отношенія между источниками. Это одна черта, которою наше разсужденіе о Варагахъ отличается отъ многихъ другихъ, касающихся того же вопроса. Другая состоитъ въ томъ, что мы обращали вниманіе не только на одно упоминаніе или употребленіе имени Варагъ и Вэрингъ у писателей, а также и на реальную обстановку явленія, на реально-историческія отношенія, въ сопровожденіи которыхъ выступаютъ на сцену Вараги или Вэринги. Наконецъ, третье, самое важное, хотя и случайное отличіе состоитъ въ томъ, что намъ первымъ пришлось воспользоваться новыми источниками для византійской исторіи XI вѣка, Пселломъ, изданнымъ только въ 1874 году, да отчасти и Атталіотою. Все это объясняетъ возможность новаго рѣшенія вопроса, которое мы предлагаемъ. Родоначальники скандинавской теоріи происхожденія Варяговъ не имѣли въ рукахъ Атталіоты, изданнаго только въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Это, правда, несколько не можетъ быть считаемо вреднымъ въ исторіи науки, такъ какъ Атталіота могъ бы только послужить новымъ отличнымъ подкрѣпленіемъ скандинавизма Руся и Варяговъ до самаго конца XI вѣка. Но слѣдуетъ пожалѣть, что никто изъ новѣйшихъ изслѣдователей, отвергающихъ существованіе Руси скандинавской въ XI вѣкѣ, не изучалъ надлежащимъ образомъ названнаго писателя. Иначе не было бы возможности твердить, что Византійцы постоянно отличаютъ Русь и Варяговъ: именно у Атталіоты, который, на ряду съ Пселломъ, есть главнѣйшій и лучшій источникъ для XI столѣтія, Вараги и Русь—одно и то же, синонимы. Мы приводимъ отрывокъ, служащій прямымъ доказательствомъ этой истины, составляющей основную тему нашего изслѣдованія. Атталіота, какъ современникъ и очевидецъ, подробно рассказываетъ о по-

слѣднихъ дняхъ царствованія Михаила VII Дуки и о двухъ возстаніяхъ, поднявшихся противъ него одновременно въ Азіи и Европѣ. Во главѣ европейскаго возстанія стоялъ Никифоръ Вриенній (отецъ одноименнаго писателя), провозгласившій себя императоромъ въ Диррахиѣ (Драчѣ) и направившійся съ своими приверженцами къ Адрианополю (начало ноября 1077 года). Братъ его Иоаншъ успѣлъ склонить на сторону возмущенія часть военныхъ силъ имперіи, расположенныхъ въ западныхъ (то-есть, европейскихъ) ея провинціяхъ; въ этомъ числѣ было большое количество Франковъ и Варанговъ (Attaliot. p. 242): τινὰς τῶν ἐσπερίων δυνάμεων εἰς τὴν ἰθὺν ἐπιβουλὴν κατάρτισας, μεθ' ὧν ἦσαν Βαράγγων καὶ Φράγγων πλῆθος πολλὰ. Ср. Scylitz. p. 727, 10. Итакъ, еще разъ Варяги являются намъ не тѣлохранителями царскими, а иностраннымъ корпусомъ, расположеннымъ въ провинціяхъ. Сверхъ того, мы сейчасъ увидимъ, что въ то же время Варяги находятся и въ столицѣ, оставаясь вѣрными императору Михаилу. Въ началѣ 1078 года Иоаншъ Вриенній съ своимъ войскомъ сдѣлалъ неудачную попытку противъ Константинополя и отступилъ къ городку Аюпру (Attaliot. p. 252, 19: τὸ τοῦ Ἀθύρα πολίχνιον), при заливѣ, образуемомъ устьемъ рѣки или потока того же имени (теперь Кучукъ-Чекмадѣ), въ четырехъ или пяти часахъ отъ столицы (Ср. Agath. histor. V, 14 p. 158 C ed. Paris.), гдѣ онъ распустилъ на зимовку большую часть своей арміи. Въ Константинополѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что братъ Никифора Вриеннія стоитъ въ Аюпрѣ вполне спокойно и небрежно; рѣшено было воспользо-ваться его безпечностію и захватить его въ плѣнъ. Во главѣ экспедиціи поставлены были президентъ (πρόεδρος) Алексѣй Комнинъ, будущій знаменитый императоръ, и храбрый Франкъ Урсель, который недавно сидѣлъ въ тюрьмѣ за измену, а теперь въ виду опасности былъ освобожденъ и далъ самыя страшныя заклиятія быть вѣрнымъ Михаилу VII. Участвовали въ экспедиціи Варяги, которые должны были напасть съ моря, и военные люди Алексѣя и Урселя. Слѣдуетъ разсказъ Атталіоты (p. 253, 21—255, 1):

«Русскіе корабли, получившіе приказаніе напасть съ моря, подали знакъ войнамъ на сушѣ, чтобъ они ранѣе утромъ въ одно

время съ ними (Русскими) подступили къ Аѳру, заперли тамъ внутри противника со всѣми его сообщниками и, вступивъ съ нимъ въ бой, оборотили его (къ морю) и, такимъ образомъ, загнали бы всѣхъ какъ-бы въ сѣти подъ руку ихъ самихъ (Русскихъ), отъ которой враги найдутъ плѣнъ или убійство. Это былъ планъ ясный, стратегическій и общающій хорошій уловъ добычи (τοῦ θηράματος σύντομος). Но въ своемъ исполненіи, не будучи вполне соблюденъ, онъ погубилъ плоды побѣды. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ собрались сухопутное и морское войска; но войны сухопутнаго отряда, отправившись впередъ къ городку, уклонились съ своего пути, замѣтивъ какихъ-то Македонянъ, расположившихся въ отдаленіи на поляхъ, и желая захватить ихъ: ихъ они не поймали и промахнулись въ своей попыткѣ, да и съ Варягами не успѣли соединиться, когда тѣ подступили къ Аѳру (какъ было условлено). Между тѣмъ Варяги все-таки, разломавъ ворота, проскочили (проникли) внутрь городка и еще раннимъ утромъ бились полнымъ боемъ (πανόπλοις ἐπιφοραῖς) съ приверженцами Врѣннія. Но послѣдніе, будучи конниками, сѣли на лошадей и устремились въ бѣгство.

126 Такъ какъ на сухомъ пути (то-есть, со стороны суши) не было видно военныхъ людей, которые могли бы встрѣтить ихъ (то-есть, преградить отступление), то они избѣгли гибели. Позже явился Урсель вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Алексѣемъ и погнались сзади, но когда они хотѣли продолжать преслѣдованіе и уничтожить большое число противниковъ, потрясенныхъ страхомъ и бѣгущихъ безъ оглядки, то не нашли послушанія у собственныхъ воиновъ, такъ какъ они боялись исхода (этой погони). Нѣсколько Македонянъ все-таки пало въ замкѣ отъ Русскихъ, а другіе были взяты въ плѣнъ (имъ же), а равнымъ образомъ и конниками»: Ῥωσικὰ - πλοῖα, τὴν ἀπὸ θαλάσσης παραγγεληθέντα ἐπίθεσιν, σύνθημα παρέσχον τοῖς κατ' ἡπειρον στρατιώταις - - συνήρχοντο - - ἐν ταυτῷ τότε πεζικὸν καὶ ναυτικὸν στράτευμα - - οἱ τῆς πεζικῆς μοίρας στρατιῶται - - τοῖς δὲ Βαράγγοις οὐ συνεδύασαν, ὅτε τῷ Ἀθύρᾳ προσέβαλον. ὁμως δ' οὖν οἱ μὲν Βάραγγοι - - τοὺς τοῦ Βρηννίου κατηγωνίσαντο - - ἐπεσον δὲ τινες Μακεδόνες ἐν τῷ κάστρῳ (= πολυχνίῳ) παρὰ τῶν Ῥῶς, ἄλλοι δὲ ζῶντες ἠχμαλωτίσθησαν. (Ср. Scylitz. p. 730).

Итакъ, вотъ наконецъ мѣсто, въ которомъ Варяги прямо называются Русскими. Съ двухъ сторонъ рѣшено было нападеніе на Аѳиръ: съ моря и съ суши. Моремъ отправились корабли русскіе, то-есть, не тѣ русскія лоды (*σκάφη*), на которыхъ разъѣзжали по Черному морю Русскіе, а византійскія суда, на которыхъ были посажены Русскіе. Не знаемъ, нужно ли изъ этого отрывка заключать, что въ византійскомъ флотѣ была теперь постоянная специальная русская часть, какъ это было, повидимому, до временъ Константина Багрянороднаго. До сихъ поръ Русскіе въ нашемъ изслѣдованіи всегда являлись на сушѣ; и теперь они называются морскимъ войскомъ (*ναυτικόν*) только потому, что прибыли моремъ, точно такъ, какъ люди Урселя и Алексѣя названы *πεζικόν* (собственно пѣхотою) только въ смыслѣ сухопутнаго войска. Во всякомъ случаѣ люди, прибывшіе на русскихъ корабляхъ, умѣютъ сражаться на сушѣ, разбиваютъ ворота и сражаются полнымъ боемъ съ приверженцами Врѣннія, то-есть, съ Греками Адрианопольской области, изъ которыхъ главнымъ образомъ состояла армія Врѣннія. Самая фамилія Врѣннѣвъ была изъ Адрианополя (Anna Comnena, X, p. 274 ed. Paris.), въ этомъ городѣ онъ былъ принятъ жителями съ особеннымъ восторгомъ (Attaliot. p. 248), наконецъ, и въ составѣ его войска прямо указаны Македоняне (Attaliot. p. 246), а это точно такъ же, какъ и въ исторіи возмущенія Торпикія, означаетъ жителей области, центромъ которой былъ Адрианополь. Въ то время, какъ люди, прибывшіе на русскихъ корабляхъ и названные по- 127 томъ Варягами, бились внутри городка, конный отрядъ Алексѣя и Франка Урселя напрасно терялъ время, гоняясь за другими Македонянами, расположенными не въ самомъ Аѳирѣ, а вдали отъ него на поляхъ. Это дало возможность спастись «Македонянамъ» Аѳира, потому что Варяги не были копчиками. Тѣмъ не менѣе нѣсколько Македонянъ еще въ самомъ городкѣ были убиты (*ἔπεσον*) и взяты въ плѣнъ Русскими (Варангами) и потомъ подо- спѣвшимъ, хотя поздно, коннымъ сухопутнымъ отрядомъ.

. Атталиота употребляетъ выраженія Русь и Варяги вполне синонимически. Это для насъ въ высшей степени важно не только потому, что такъ пишетъ бывший военный судья императора Діогена, участникъ походовъ этого императора, въ которыхъ онъ

превосходно изучая характеръ и составъ византийской арміи, но еще по другой причинѣ. Въ настоящее время изданы двѣ новыя грамоты, въ которыхъ упоминается о Варягахъ, и обѣ эти грамоты даны Атталиотѣ. Очень возможно, что онѣ и писаны подъ диктовку Атталиоты, который при императорахъ, подписавшихъ своими красными чернилами эти грамоты, былъ уже важнымъ придворнымъ сановникомъ. Особенное употребленіе имени Варяговъ и Русь, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ однородныхъ грамотахъ, должно быть объясняемо въ согласіи съ употребленіемъ этихъ терминовъ въ историческомъ сочиненіи Атталиоты.

Мы должны по порядку времени начать съ хрисовула, даннаго въ 1060 году императоромъ Константиномъ X Аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія. Согласно съ просьбою монаховъ этого монастыря, Константинъ Дука подтвердилъ привилегіи прежнихъ государей и освободилъ имѣнія лавры отъ всѣхъ податей и повинностей—государственныхъ, земскихъ, военныхъ и таможенныхъ—и отъ денежныхъ сборовъ для Варяговъ-Руси, или Саракинѣ, или Франковъ: *λογαριακῆς εισπράξεως Βαράγγων Ῥῶς, ἢ Σαρακηνῶν, ἢ Φραγγῶν* (Исторія Аѳона преосв. Порфирія, III, 1 стр. 186 изд. 1877 г.).

Въ 1075 году императоръ Михайлъ VII, сынъ предыдущаго Дуки, согласно съ просьбою проконсула (анѳипата) и верховнаго судьи (*ἐπί τοῦ ἱπποδρόμου καὶ τοῦ βήλου*) Михайла Атталиоты, освободилъ его домъ въ городѣ Радестѣ (Родосто) и всѣ его благопріобрѣтеныя имѣнія въ округѣ Трако-Македонскомъ (*κατὰ τὸ θέμα Θράκης καὶ Μακεδονίας*) отъ всякихъ податей и повинностей, и между прочимъ — отъ постоя военныхъ властей какъ окружныхъ (областныхъ ополченій, поставляемыхъ провинціями или темами), такъ и строевыхъ (регулярныхъ); «еще же Руси Варяговъ, или Колбяговъ, или Франковъ или Булгаровъ, или Сарацинѣ, или какихъ другихъ: *ἐξουσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτου ἀρχόντων ταγματικῶν ἢ θεματικῶν, ἐπι τε Ῥῶς, Βαράγγων, ἢ Κουλίγγων, ἢ Φράγγων, ἢ Βουλγάρων, ἢ Σαρακηνῶν, ἢ ἄλλων τινῶν* (Sathas, Bibliotheca graeca t. I, p. 55).

Въ маѣ 1079 года новый императоръ, Никифоръ Вотавіатъ, при которомъ Атталиота получилъ уже санъ магистра и порученіе написать исторію послѣдняго времени, далъ новую грамоту

своему довѣренному саповнику. Хрисовуль освобождалъ отъ всякихъ податей и повинностей монастырь и богадѣльню, основанныя Атталіотою въ Рэдестѣ, которымъ онъ отдалъ свой домъ и часть имѣній. Въ важной для насъ части хрисовула повторяются почти буквально выраженія грамоты Михаила VII: ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μετὰ τοῦ ἀρχόντων ταγματικῶν ἢ θεματικῶν, ἔτι τε Ῥῶς, Βαράγγων, ἢ Κουλίγγων, ἢ Φράγγων, ἢ Βουλγάρων, ἢ Σαρακηνῶν, καὶ ἄλλων τινῶν. (Sathas, *ibid.* p. 64).

Наконецъ, къ 1088 году относится хрисовуль Алексѣя Комнина, данный Христодулу, монаху и ктитору монастыря на островѣ Патмосѣ. Сказанный монастырь освобождается «отъ постоя начальниковъ регулярныхъ и областныхъ, отрядовъ греческихъ и иностранныхъ, а также русскихъ Варяговъ, Колбяговъ, Англянъ (Англичанъ), Франковъ, Нѣмцевъ, Булгаровъ, Сарацинъ, Аланъ, Обезовъ (Абхазовъ), бессмертныхъ и остальныхъ всѣхъ Грековъ и чужеземниковъ»: ἀπὸ - μετὰ τῶν ἀρχόντων ταγματικῶν καὶ θεματικῶν, ῥωμαϊκῶν τε παραταγῶν καὶ ἐθνικῶν ἔτι τε ῥώσων, βαράννων, κουλίπινων, ἰγγλίνων, φράγγων, νεμίτζων - - ἀθανάτων καὶ λοιπῶν ἀπάντων ῥωμαίων τε καὶ ἐθνικῶν. (Zachariae, *Jus Graeco-latinum* III, 373). Въ другомъ изданіи (Сакелліона) читалось Ῥώσων, Βαράγγων (см. у Гопфа: *Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters* <*Allgem. Encyclopädie herausg. von Ersch und Gruber, 1. Sect., 85 Th.*>, стр. 149а).

При малочисленности и рѣдкости византійскихъ хрисовуловъ, каждое слово и каждая буква приведенныхъ нами документовъ должны быть цѣнными изслѣдователемъ какъ величайшая драгоценность. Что мы въ нихъ замѣчаемъ относительно Варяговъ и Русь? Во-первыхъ, во всѣхъ четырехъ грамотахъ слова Варяги и Русь стоятъ рядомъ, и, во-вторыхъ, ни въ одной изъ грамотъ между Варягами и Русью не стоитъ раздѣлительной частицы или (ἢ), которою въ трехъ грамотахъ отдѣляются члены предложе- 129
нія. Авторъ Исторіи Леона, у котораго мы заимствовали отрывокъ первой грамоты, можетъ, безъ сомнѣнія, быть почитаемъ спеціальнымъ знатокомъ греко-византійскаго языка, и онъ перевелъ слова Βαράγγων Ῥῶς выраженіемъ Варяго-Россы. Мы съ удовольствіемъ подкрѣпляемъ свое мнѣніе его авторитетомъ. Въ самомъ дѣлѣ—почему частица или (ἢ) въ трехъ первыхъ хрисо-

вулахъ не слѣдуетъ тотчасъ за словомъ Варяги, а начинаетъ повторяться только вслѣдъ за словомъ Русь? Если бы слово 'Ρῶς (Rhos) составляло особенный, отдѣльный членъ въ раздѣленіи, или особую статью въ перечисленіи, то юридическая точность жалованной грамоты и логическая правильность рѣчи требовали бы раздѣлительной частицы уже послѣ перваго члена, предъ вторымъ, предъ словомъ Русь. Такъ оно и бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этому быть слѣдуетъ. Излишне было бы приводить примѣры для этого, потому что намъ пришлось бы выписывать страницы изъ «Василикѣ» (Βασιλικά) для доказательства того, что естественно и необходимо само по себѣ. Желающіе имѣть такія доказательства пусть прочтутъ внимательно, положимъ, самую грамоту Христодулу, и они найдутъ примѣры на указываемое нами правило. Удовольствуемся, съ своей стороны, напоминаніемъ о другомъ правилѣ греческой грамматики, по которому имена народовъ часто ставятся совершенно какъ прилагательныя при личныхъ существительныхъ (Krüger, Griechische Sprachlehre I § 57, 1, 4), какъ напримѣръ въ слѣдующей фразѣ: Οἱ Ἕλληνας πελτασταὶ ἔθεον ἐπὶ τοὺς πολεμικοὺς (Ксенофонтъ). Въ нашемъ случаѣ слову πελτασταὶ соотвѣтствуетъ Βάραγγοι, равнымъ образомъ обозначающее родъ войска и вооруженія, а слову Ἕλληνας — 'Ρῶς: 'Ρῶς Βάραγγοι. То, что слово 'Ρῶς иной разъ ставится впереди, а другой разъ позади другого существительнаго, здѣсь ровно ничего не значить; и въ вышешприведенномъ примѣрѣ могло бытъ сказано οἱ πελτασταὶ Ἕλληνας. Такое небольшое измѣненіе въ разстановкѣ безъ окончательнаго разлученія обихъ реченій доказываетъ только то, что соединеніе ихъ не случайно. Однимъ словомъ, 'Ρῶς Βάραγγοι или Βάραγγοι 'Ρῶς значить: Русь Варяги или Варяги Русь. Хрисовулъ 1088 года, отличающійся отъ другихъ бессоюзіемъ, нисколько этому не противорѣчитъ, какъ выраженіе Русскіе Варяги не противорѣчитъ выраженію «Варяго-Русь». Запятая между 'Ρῶς и Βάραγγων поставлена, само собою разумѣется, только издателями, по ихъ собственному соображенію и согласно съ общепринятымъ доселѣ воззрѣніемъ.

Любопытны также три раза упомянутые Колбяги — ибо, конечно, они разумѣются подъ Кулпингами или Кулпиннами. Мы

не имѣемъ побужденія пускаться въ изслѣдованіе о ихъ происхожденіи. На первый взглядъ слово Колбяги, Кульпинги всего скорѣе напоминаетъ нѣмецкое kolbe, которому въ сѣверномъ скандинавскомъ языкѣ соответствуетъ kylfa или kylfi, дубина, χορύνη, ῥέπαλον; слѣдовательно, Колбяги будутъ χορυνοφόροι, а можетъ быть, и часто упоминаемые на ряду съ сѣкироносцами ῥαβδούχοι. Въ скандинавскихъ памятникахъ это — Кильфинги, Kilfingar, слѣдовательно, также Русскіе, но, повидному, отличаемые отъ собственной, южной Руси. Въ географическомъ сочиненіи аббата Николая, относящемся къ XII вѣку, говорится, что въ той части свѣта, которая называется Европою, находятся слѣдующія страны: Великая Швеція и земля Кильфинговъ, которую мы называемъ Гардарикою — Kulfingaland, that köllum vēr Gardharíki (Antiquités Russes II, 401) и т. д. А ниже (р. 403): «въ восточной части Европы находится Гардарика, гдѣ лежатъ Канугардъ и Гольмгардъ (Кіевъ и Новгородъ), Палтескія (Полотскъ) и Смаленскія». Замѣчено уже, что на всемъ финскомъ сѣверѣ много мѣстностей съ названіями Колбъ, Колбино; только сомнительно, чтобъ эти названія происходили отъ финскаго kolva, kolva, рыбная вода (см. Н. П. Барсова, Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи, изд. 1873 г. стр. XV, прим. 44). Для насъ важно только то, что подъ Колбягами опять нельзя разумѣть ни Скандинавовъ, которые сами отрицаются отъ колбяжества устами авторитетнаго свидѣтеля, ни Нѣмцевъ, какъ это можно было бы ожидать по фонетическому характеру наименованія, потому что Нѣмцы упоминаются особо отъ Кульпинговъ. Этимъ мы можемъ ограничить свои замѣчанія о Колбягахъ, чтобъ опять воротиться къ Варяго-Руси, или къ Русскимъ Варангамъ.

Въ концѣ хроникъ Іоанна Скилицы Куропалата мы встречаемъ еще разъ тѣхъ самыхъ Варанговъ Русскихъ, о которыхъ была рѣчь у Атталиоты и у самого Скилицы по поводу Аеврскаго дѣла. Имъ убитъ былъ прежній ихъ предводитель Іоаннъ Вріенній, братъ претендента Никифора Вріенвія, теперь (1079 г.) ослѣпленнаго. Причина убійства излагается слѣдующимъ образомъ: «Когда Вріенній отложился, и вѣшніе Варанги согласились (соединились) съ нимъ, то находящіеся внутри дворца

Варанги выбрали одного изъ среды себя и послали его къ своимъ единоплеменникамъ съ требованіемъ, чтобы тѣ оставили отступника (то-есть, Врѣннія) и пристали къ императору. Посланный былъ узнавъ, схваченъ, подвергнутъ страшной пыткѣ и открылъ всю истину о своемъ порученіи; за то онъ былъ лишенъ
 181 носа, и приказалъ это изуродованіе именно Іоаннъ. Варваръ не остался равнодушнымъ къ обидѣ, которую онъ потерпѣлъ, и убилъ Іоанна, когда онъ выходилъ изъ палаты, поразивъ его иноплеменными сѣкирами. Варанги возстали также и противъ императора (Вотаніата) и покушались убить его. Но когда имъ противостали люди императора, то они обратились къ просьбамъ о помилованіи и, умоливъ царя, получили прощеніе» (Scylitz. p. 737 sq.): τοῦ Βρεννίου ἀποστατήσαντος καὶ τῶν ἐκτὸς Βαράγγων ἐμμετρονησάντων αὐτῷ, οἱ ἐν τῷ παλατίῳ Βάραγγοι— πρὸς τοὺς ἐμμεθνεῖς ἀποστέλλουσιν -- ὁ βάρβαρος ἀναιρεῖται τὸν Ἰωάννην -- μαχαίραις ἐθνικαῖς. (Ср. Вгуенн. р. 105; Hamart. р. 897 ed. Mur.). Здѣсь всего важнѣе для насъ указаніе на двойкаго рода Варяговъ, вѣшнихъ и дворцовыхъ. Въ предыдущихъ частяхъ изслѣдованія намъ приходилось нѣсколько разъ отиѣтитъ то обстоятельство, что Варанги то являются простыми союзниками Византіи, то придворною лейбъ-гвардіей. Мы догадывались, что такъ было въ дѣйствительности, то-есть, что варяжскій корпусъ въ самомъ дѣлѣ выставлялъ изъ среды себя часть для охраненія особы императора, и поэтому мы не считали возможнымъ остановиться на предположеніи, что на ряду съ варяго-русскимъ корпусомъ существовала варяго-скандинавская или какая другая лейбъ-гвардія. Іоаннъ Θρακισійскій теперь прямо говоритъ, что и вѣшніе и дворцовые Варяги были ἐμμεθνεῖς, единоплеменны...

Что касается возстанія Варяговъ противъ Никифора Вотаніата то оно гораздо подробнѣе описано Атталіотою (р. 294 sq.), который, впрочемъ, термина Варанги при этомъ не употребляетъ. Но сомнѣнія о тождествѣ никакого быть не можетъ. Бунтовщики Атталіоты суть люди, имѣющіе стражу во дворцѣ, «мужи душегубные и иноплеменные», τοῖς τὴν φυλακὴν ἔχουσι τοῦ παλατίου θυμοφθόροις ἀνδράσι καὶ ἐθνικοῖς (р. 294, 17); по древнему обычаю они имѣютъ предстоянiе предъ императоромъ съ щитами и про-

чпмъ вооруженіемъ въ рукахъ (*τὴν παράστασιν ἐνώπιον τοῦ κρατοῦντος* — ἀναπληροῦντες). Неизвѣстно, что было причиною раздраженія этихъ иноплемянниковъ, но только однажды вечеромъ они съ яростнымъ, смертоубійственнымъ и распаленнымъ духомъ устремились противъ самого императора, который находился (припикалъ, *προκύπτουτος*) надъ ними въ одномъ изъ верхнихъ открытыхъ царскихъ переходовъ. Одинъ изъ нихъ, воспользовавшись лукамъ, пустилъ противъ него стрѣлы; другіе, опираясь на ведущія вверхъ лѣстницы, съ большимъ усиленіемъ и съ мечами въ рукахъ старались открыть себѣ входъ наверхъ; тогда былъ раненъ стрѣлою въ шею одинъ изъ секретарей царскихъ, стоявшихъ вблизи. Но самъ императоръ, несмотря на совершенную печальность нападенія, не потерялъ присутствія духа и, соединивъ около себя небольшую кучку людей, которые пробѣгали мимо, началъ борьбу съ бѣшеною и пьяною яростію варваровъ; ибо варвары дѣйствительно были пьяны, потому что былъ уже вечеръ, когда они теряли всякій разумъ вслѣдствіе извѣстнаго употребленія вина, притомъ, по ихъ обычаю, въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ («Руси веселіе есть пивъ»). Варяги были удержаны, сбиты съ лѣстницъ, по которымъ они лезли вверхъ; между тѣмъ подоспѣли Греки (*Ῥωμαῖσι*), державшіе царскую стражу, и варвары потерпѣли окончательное пораженіе, но все-таки они еще сопротивлялись нѣсколько времени, запершись, какъ въ какой-нибудь крѣпостцѣ, въ верхней части дворца, отведенной для жительства имъ (р. 296, 2: *ἀπονεμένηται γὰρ αὐτοῖς ἄκρα τις ἐν τῷ παλατίῳ μετέωρος εἰς καταίχυσιν*). Наконецъ, утомленные напрасными усиленіями, они покорились и стали просить прощенія. Никифоръ Вотаниатъ, прославляемый Аггалиотою за кротость и человеколюбіе, по словамъ его, и въ этомъ случаѣ обнаружилъ великодушіе и не настаивалъ на казни всей совокупности варваровъ, служившихъ тѣлохранителями (*παντὶ μὲν πλήθει τῶν σωματοφυλακούντων βαρβάρων τιμωρίαν οὐκ ἐπέστῆριζε*), но далъ имъ прощеніе (*συμπάθειας ἐπέζηωσε*). Только тѣ изъ нихъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать исправленія къ лучшему, и которые облачены были на судъ и розыскъ посредствомъ «надлежащихъ угрозъ» и посредствомъ показаній самыхъ своихъ единоплемянниковъ въ наибольшей виновности, были разсланы въ видѣ ка-

кихъ-то отверженниковъ по гарнизонамъ разныхъ крѣпостей (Attaliot. p. 296; сравни также Zonag. XVIII 19, tom. II, p. 292 ed. Paris.: здѣсь такъ же, какъ у продолжателя Амартола и у Скилицы, прямо употребленъ терминъ Βάραγγοι).

Мы привели разсказъ Атталіоты, большею частію удерживая собственныя его выраженія. Намъ кажется, что изложенная сейчасъ исторія имѣла важное значеніе въ судьбѣ византійскаго варяжскаго корпуса. Одна часть Варяговъ, какъ прямо сказано, отправлена была въ ссылку, а что касается той части, которая получила прощеніе, то и о ней едва ли слѣдуетъ думать, что прощеніе было для нея полное. Мы думаемъ, что, если вскорѣ послѣ варяжскаго бунта 1079—1080 года Русскіе перестаютъ быть Варягами, то виною тому была отчасти дурная репутація, оставшаяся за ними послѣ возмущенія. Они еще остаются нѣкоторое
133 время въ иностранномъ византійскомъ корпусѣ, удерживая свое прежнее наименованіе, хотя уже въ самой грамотѣ Алексѣя Комнина, на основаніи которой мы это утверждаемъ, соединеніе словъ Варяги и Русь не такъ тѣсно, какъ въ предыдущихъ хрисовулахъ (ῥώτων, Βαράγγων, κουλπίνων). Но слухи о немилости, которой подверглись сосланные, могли дойти до Руси, и служба въ Константинополѣ дѣлалась уже менѣе привлекательною. Съ другой стороны, утвержденіе Половецкой орды между Дибромъ и Дунаемъ дѣлало болѣе затруднительнымъ сообщенія между Русью и Византіей. Если съ конца X вѣка по конецъ XI Русскіе встрѣчаются почти непрерывно въ описаніяхъ византійскихъ походовъ и сраженій, то въ XII вѣкѣ они встрѣчаются на страницахъ византійскихъ историковъ весьма рѣдко. Анна Комнина ни разу не упоминаетъ о нихъ, исключая ссылки на старыя времена, на времена Святослава Игоревича и его соперника Цамисхія. Нужно, кромѣ того, замѣтить, что и новая династія, воцарившаяся въ 1081 году, отличалась отъ предыдущихъ императоровъ особенною склонностію и любовію къ западу, къ западнымъ людямъ. Крестовые походы надолго связали Комниновъ тѣсными, хотя не всегда пріятными и мягкими, узами съ рыцарствомъ Франціи, Италіи и Германіи. Цѣлыя толпы этихъ людей нахлынули теперь въ городъ Константина. Все это объясняетъ намъ, почему имя Русскихъ становится столь рѣдкимъ въ сочине-

нїяхъ писателей XII вѣка. Уже съ конца XI вѣка въ варяжскомъ корпусѣ являются Англичане, сначала съ преобладающимъ значенїемъ, а потомъ съ исключительнымъ. Они замѣнили Русскихъ, сдѣлались вмѣсто нихъ царскими тѣлохранителями и царскою вностранною гвардіей.

XII.

Англичане на византійской службѣ въ видѣ Варяговъ.

Причиной появленія Англо-Саксовъ въ Византію было извѣстное отдѣльное и весьма громкое событіе, то-есть, завоеваніе Англїи Вильгельмомъ Норманскимъ (1066 г.). Какъ исторїя русскаго варяжскаго корпуса въ Византію началась прибытіемъ туда большой, именно шеститысячной массы людей, отправленныхъ Владиміромъ въ 988 году, точно такъ не отдѣльные охочіе люди изъ Англо-Саксовъ составили варяжскій англійскій корпусъ, а масса людей, лишенныхъ отечества суровымъ мечомъ завоевателя. Ясно съ перваго взгляда, что эти новые пришельцы были самыми желанными гостями въ Византію и самыми подручнымъ орудіемъ въ ея различныхъ столкновенїяхъ съ людьми запада. Они не имѣли отечества, ради котораго стали бы измѣнять византійскому властителю; они были ожесточенными врагами всѣхъ французскихъ Норманновъ, какъ тѣхъ, которые захватили Англїю, такъ и тѣхъ соплеменниковъ ихъ, которые еще ранѣе завладѣли южною Италіей. Ихъ національная ненависть простиралась на всѣхъ Норманновъ. Связь между успѣхами Роберта Гвискарда и Вильгельма Завоевателя сознавалась уже въ XI вѣкѣ и указана уже Монтекассинскимъ монахомъ Аматою, въ началѣ его сочиненія; тотъ и другой были одинаково Норманны, и одинъ подражалъ другому. Между тѣмъ новая династія Комниновъ не имѣла врага болѣе упорнаго, болѣе предприимчиваго и болѣе опаснаго, чѣмъ Робертъ Гвискардъ, его дѣти и братья, его помощники и рыцаря. Вотъ здѣсь-то Англо-Саксы и были величайшею находкой; въ борьбѣ съ Норманнами они мстили за пораженіе при Секлэнѣ (Гастингсѣ) и заслужили здѣсь свою первую варяжскую славу. Никому другому Алексѣй Ком-

ннвъ не могъ съ такою увѣренностію отдать въ руки свою безопасность и охрану, какъ этимъ новымъ слугамъ своимъ.

Не тотчасъ послѣ роковой битвы 1066 года Англо-Саксы отчаялись и стали бросать свою родину. Извѣстно, что борьба въ формѣ возстаній, болѣе или менѣе упорныхъ, возобновлялась нѣсколько разъ, и только послѣ ихъ неупѣха, послѣ того какъ они потушены были новыми казнями и новыми потоками крови, товарищи англійскаго Гаральда и графа Валтгоса не хотѣли болѣе сносить ярма на поращенной землѣ предковъ. Только въ концѣ царствованія Вильгельма и въ началѣ царствованія Алексѣя (1081 г.) встрѣчаются несомнѣнные признаки и указанія на англо-саксонскую эмиграцію въ Греческую имперію¹⁾. Въ первый разъ Англичане прямо указаны въ исторіи воцаренія Алексѣя I. Возставъ противъ своего государя, Никифора Вотаціата, онъ стоялъ уже подъ самою столицею, и овладѣть ею было для него главною и самою трудною задачею. Приходилось разсчитывать на хитрость или измѣну. Алексѣй совѣтуется съ умнѣйшимъ и опытнѣйшимъ изъ своихъ сообщниковъ. Тотъ его спросилъ, какія силы охраняютъ городскую стѣну. Поименованы были, во-первыхъ, такъ называемые «безсмертные», туземное греческое войско, уже упоминаемое Львомъ Діакономъ и снова организованное однимъ изъ послѣднихъ императоровъ; во-вторыхъ, 135 Варанги съ острова Оулы (Тулѣ) *οἱ ἐκ τῆς Θούλης Βάρανγοι*, подъ которыми, по объясненію Анны Комниной (II 9, p. 62 В ed. Paris.), слѣдуетъ разумѣть «сѣкироносныхъ варваровъ» (*τεῦς πελεκυφόρους βαρβάρους*); затѣмъ, въ-третьихъ, Нѣмцы (*οἱ Νέμτες*), также варварскій народъ, издревле служащій имперіи Греческой (*ἔθνος - - δουλεύον ἀνέχασεν*), но на самомъ дѣлѣ упоминаемый только со второй половины XI столѣтія.

Алексѣю былъ поданъ совѣтъ не пытаться соблазнять «безсмертныхъ», потому что они земляки императору Никифору и такъ привязаны къ нему, что скорѣе положатъ за него свою душу, чѣмъ предадутъ его. Равнымъ образомъ и стѣны, которые потрясаютъ на плечахъ мечами, не будутъ доступны внушеніямъ измѣны. «Вѣрность императору для нихъ есть отеческое преда-

1) Это замѣчено Фризмозъ (*The History of the Norman Conquest of England*, IV, 628).

пие, какъ бы завѣтъ и наслѣдіе; пріимая по преемству одинъ отъ другого охраненіе царской персоны, оны сохраняютъ къ нему непоколебимую вѣрность и не допустятъ даже легкаго намека на измѣну. Но вотъ если сдѣлаешь опытъ надъ Нѣмцами, то, быть можетъ, недалеко попадешь отъ цѣли, и тебѣ удастся войти въ башню, имя охраняемую». Алексѣй Комнинъ вошелъ въ Константинополь (апрѣль 1081 г.) дѣйствительно измѣною Нѣмцевъ и ихъ начальника, какъ это засвидѣтельствовано многими другими источниками и помимо Анны; а Варанги съ острова Оулы (τοὺς ἀπὸ τῆς Θούλης νήσου <βαρβάρους, ялп, какъ читается въ Коаленевомъ спискѣ, > Βαράγγους) оставались ему вѣрными до послѣдней минуты (Ann. Comn. II 11, p. 66 C. ed. Paris.).

Любопытный рассказъ Анны возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія именно въ отношеніи къ Варангамъ съ острова Оулы. Мы видѣли, что въ грамотахъ Михаила Дуки и Никифора, давнихъ Атталіотѣ, Англичане еще не упоминаются, а въ Патмосской грамотѣ (1088 г.) они поименованы (ἰγγλίνων). У Пселла и Атталіоты, то-есть, у писателей современныхъ и доведшихъ каждый свою исторію до Никифора Вотаниата (послѣдній—включительно), нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы въ Константинополѣ были люди съ острова Оулы, то-есть, Англичане. Съ другой стороны, въ самой грамотѣ 1088 года Англичане еще не названы Варягами и поставлены совершенно отдѣльно отъ нихъ. Итакъ, очень трудно думать, чтобъ уже у Никифора Вотаниата его варяжская гвардія всецѣло состояла изъ англійскихъ пришельцевъ, или даже чтобъ Англо-Саксы составляли важную въ ней часть.

Есть другіе признаки, что дочь Алексѣя Комнина, которая описывала дѣлнія своего отца не ранѣе какъ въ сороковыхъ годахъ XII вѣка, хотя бы по рассказамъ и даже письменнымъ сообщеніямъ его сподвижниковъ, не дала себѣ труда вполне перенестись въ обстановку описываемаго момента и въ подробностяхъ литературной, стилистической обработки своихъ матеріаловъ допустила легкія нарушенія хронологіи. Если мы предположимъ, что только въ послѣдній годъ Никифора, послѣ возмущенія Русскихъ (Варяговъ), Англичане сдѣлались Варягами, то какъ могло образоваться у нихъ въ такое короткое время како-

либо преданіе о вѣрности императору, и какъ цезарь Іоаннъ Дука, упомянутый совѣтникъ Алексѣя, могъ говорить о ихъ испытанной преданности? Наоборотъ, если жители острова Оулы и были именно Варягами, возмущившимися противъ Никифора Вотаниата въ 1079 году, то какъ можно было толковать о непреклонно-вѣрной службѣ людей, которые недавно только что не убили своего императора?

Вся ошибка Анны Комнины состоитъ въ томъ, что она не выпала въ исторію варяжской дружины, такъ какъ главный интересъ для нея представляли подвиги ея отца, и не отмѣтила переходнаго періода въ этой исторіи, вообще трудно уловимаго. Мы, однако, не отказываемся отъ надежды болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, какъ и когда именно Англо-Саксы смѣнили Русскихъ въ Варангіи.

По всѣмъ признакамъ, болѣе точныя и вѣрныя извѣстія объ англо-саксонской эмиграціи въ Византию сообщаются однимъ изъ западныхъ писателей, именно Ордерикомъ Виталиемъ († 1142 г.), который вообще имѣетъ наилучшія и наиболѣе отчетливыя свѣдѣнія о дѣлахъ норманскихъ. Ордерикъ, родившійся отъ французскаго отца въ 1075 году и постригшійся въ монахи въ Нормандіи (въ монастырѣ Saint-Evroul), считалъ себя однако Англичаниномъ и умѣлъ соединить удивленіе къ Вильгельму со своими симпатіями къ побѣжденнымъ, къ памяти Гаральда и графа Валтгеофа. Онъ представляетъ дѣло такимъ образомъ, что англійскіе изгнанники предложили свои услуги только императору Алексѣю въ то время, когда ему предстояла борьба съ Робертомъ Гвискардомъ, герцогомъ Апуліи. Предложеніе было принято благосклонно, и Англо-Саксы были противопоставлены норманскимъ легионамъ: *Amisssa itaque libertate, Angli vehementer ingemiscunt, et vicissim qualiter intolerabile jugum sibi que hactenus insolitum excutiant, subtiliter inquirunt. - - Ultro in exsilium aliqui profugiunt, quo extorres vel a potestate Normannorum sint liberi, vel opibus alienis aucti contra eos ad recidivum certamen revertantur. Quidam autem ex eis pulchrae juventutis flore vernantes longinquas regiones adierunt et militiae Alexii imperatoris Constantinopolitani sese audacter obtulerunt. Erat enim multum sapiens et mirae dapsilitatis,*

contra quem Robertus Wiscardus Apuliae dux cum suis omnibus 187
 arma levaverat. -- Exsules igitur Anglorum favorabiliter a Graecis
 suscepti sunt, et Normannicis legionibus, quae nimium Pelasgis
 adversabantur, oppositi sunt (Orderici Vitalis Historia eccle-
 siastica: Migne, Patrologia latina, t. 188 col. 309; ср. col.
 519). Это будетъ относиться къ началу осени 1082 года, когда
 самъ Алексѣй прибылъ съ арміей къ Драчу. Точность указа-
 ній, сообщаемого Ордерикомъ, подтверждается косвеннымъ обра-
 зомъ въ самой Алексіадѣ. Описывая затруднительное положеніе
 своего отца въ началѣ царствованія, цесаревна Анна замѣ-
 чаетъ, что военныя силы имперіи въ 1081 году были крайне
 недостаточны: «Новый императоръ не имѣлъ войска, которое
 было бы достойно Римской (Ромѣйской) имперіи. У него было не
 болѣе трехсотъ (греческихъ собственно) стратіотовъ, да и
 то Хоматяновъ (изъ азіатско-каппадокійской провинціи Хома,
 Χῶμα, Χώματος), лишенныхъ мужества и военной опытности, у
 него было небольшое число варваровъ, имѣющихъ обычай
 носить мечъ на правомъ плечѣ» (Анна Комн. III 9, p. 91
 C ed. Paris.)¹⁾ Анна обвиняетъ безпечность и небрежность
 предшествовавшихъ императоровъ, не заботившихся объ арміи,
 и выставляетъ на видъ хлопоты и усилія своего отца для воспол-
 ненія оной. Это небольшое число наемныхъ варваровъ въ 1081
 году, съ одной стороны, находится въ полномъ согласіи съ нѣ-
 которымъ раскассированіемъ варяжскаго корпуса въ 1079 году,
 а съ другой — противорѣчатъ тому значенію, съ которымъ этотъ
 же корпусъ является въ 1082 году.

Въ октябрѣ 1082 года Алексѣй Комнинъ явился на выручку
 Драча, осаждаемаго Норманнами. Его армія представляла самую
 пеструю смѣсь племенъ, языковъ и вѣроисповѣданій. На ряду съ
 Греками Македоніи и Фессаліи, Анна Комнина (IV 4, p. 109 C)
 называетъ отрядъ экскубиторовъ (τοῦ τῶν ἐξκουβίτων τάγμα-
 τος), тоже, повидимому, греческаго происхожденія. Затѣмъ слѣ-
 дуютъ Охридскіе Турки, поселенные среди Болгарскаго племени
 и до новѣйшихъ временъ сохранявшіе свой языкъ; въ 1082 г.
 начальство надъ ними было поручено извѣстному сподвижнику и

1) καὶ ξενικῶν τινῶν εὐαρδμητῶν βαρβάρων τῶν ἐπὶ τοῦ δεξιῶ ἐισθῆτων
 κραδαίνειν ὄμου τὸ ξίφος.

другу Алексѣя, крещеному мусульманину Татвию. Фляпно-польскіе мавихя, или навлякіае, бросавшіеся въ глаза своимъ особеннымъ способомъ творить крестное знаменіе однимъ пер-
 138 стомъ (Вильгельмъ Апулійскій), явились со своимъ двумя вождами Ксантою и Кулеономъ. Отрядъ вестіаритовъ состоялъ изъ ближнихъ людей императора благороднаго происхожденія. Далѣе слѣдовали Франки, то-есть, главнымъ образомъ, южно-итальянскіе Норманны, состоявшіе подъ начальствомъ одного изъ младшихъ родственниковъ Роберта, ушедшихъ въ Константинополь вслѣдствіе обиды или неудовольствія. Варанги были поставлены подъ начальство Набида, или Нампита (IV 5, p. 112 D: ὁ τῶν Βαράγγων ἡγεμὼν Ναυπίτης), происхожденіе котораго не извѣстно. Въ самомъ сраженіи подъ стѣнами Драча (18 октября) Варанги занимали самыя важныя мѣста; имъ также принадлежала наиболѣе видная роль въ битвѣ. Вотъ рассказъ Анны (IV 6, p. 115 sq. ed. Paris.).

«Раздѣлявъ на части войско, Алексѣй не удерживалъ стремительности тѣхъ варваровъ, которые пошли на палатки Роберта; но тѣхъ, которые посятъ на плечахъ острые мечи (τοὺς -- τὰ ἐτερόχοπα φέροντας ξίφη), удержалъ при себѣ вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ Нампитомъ и приказалъ имъ, сошедши съ лошадей, идти впереди на небольшомъ разстояніи и въ порядкѣ. А всѣ люди этого племени суть ипитоносцы (τοῦτο δὲ γένος ἀσπίδηφόρου ξύμπαντες).

«Но сѣкироносцы (οἱ πελεχιφόροι) и предводитель ихъ Нампитъ вслѣдствіе неопытности и горячности пошли слишкомъ быстро и оставили довольно далеко позади себя греческій строй; они спѣшили къ схваткѣ съ такимъ же одушевленіемъ, какъ и Кельты (то-есть, Норманны), потому что и они не менѣе Кельтовъ выходятъ изъ себя ради боя, и въ этомъ отношеніи нисколько имъ не уступаютъ. Вслѣдствіе того они скоро утомились и запыхались; когда это увидѣлъ Робертъ, обратившій вниманіе на быстрое движеніе, на разстояніе и на тяжесть ихъ вооруженія, то приказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ пѣхотинцевъ наско-чять на нихъ. Ужъ утомленные, они оказались болѣе слабыми, чѣмъ Кельты. Всѣ варвары здѣсь пали, а тѣ изъ нихъ, которые спаслись, бѣжали къ храму архистратига Михаила и

одни вошли внутрь церкви, сколько она могла вмѣстить, а другіе взобрались на верхъ церкви и стали тамъ, отыскавъ, какъ имъ думалось, себѣ спасеніе. Но Латины (Роберта), пустивъ противъ нихъ огонь, сожгли всѣхъ вмѣстѣ съ храмомъ».

Вслѣдъ затѣмъ длился нѣсколько времени упорный бой съ прочими частями арміи. Бѣгство Турокъ и отступление вассала и союзника, Бодина Сербскаго, рѣшили судьбу сраженія въ пользу Норманновъ: «Робертъ занялъ храмъ св. Николая, гдѣ была царская палатка и весь снарядъ греческаго строя, и вслѣдъ затѣмъ послалъ побольше крѣпкихъ людей, какіе у него 139 были, въ погону за Алексѣемъ, мечтая о захватѣ самодержца» (IV 7, р. 118 В).

Что выдержавшіе, хотя и неудачно, первую схватку съ Норманнами были Варяги — это ясно какъ изъ предшествовавшаго наименованія Нампта предводителемъ Варяговъ (р. 112 D), такъ равно изъ прочихъ признаковъ. Указаніе на пылкость и горячность отличаетъ ихъ отъ Тавроскиевовъ Пселла. То, что они первоначально были на коняхъ и сошли съ нихъ только предъ сраженіемъ, есть, повидимому, старый обычай варяжской гвардіи; такъ, пѣхотинецъ изъ шеститысячнаго корпуса Русовъ, поссорившійся изъ-за сѣна съ Грузиномъ, имѣлъ лошадь. Но не такъ очевидны признаки, что эти Варяги были Англичане; у Анны на сей разъ не сказано даже, что происхожденіе ихъ на островѣ Буль. Сѣкира или топоръ не рѣшаютъ дѣла, хотя англосаксонскій топоръ хорошо извѣстенъ; западнымъ писателямъ топоръ этотъ, *securis amazonica*, *securis danica*, казался исключительно принадлежностію Скандинавіи и Англій, но это совершенная ошибка. Начиная съ арміи Ксеркса, продолжая съ нѣкоторыми пропусками — Франками Хлодовиха и Тавроскиевами Льва Діакона, топоръ или сѣкира была болѣе признакомъ извѣстной степени культурнаго состоянія, чѣмъ національности. Указаніе на щиты напоминаетъ только буквально, слово въ слово, сходную фразу Пселла, которая почему-то понравилась Аниѣ, хотя была сказана, повидимому, о другихъ Варягахъ и уже повторена была съ легкимъ измѣненіемъ Вриенніемъ, мужемъ писательницы.

Что Варяги сраженія при Драчѣ были Англо-Саксы, это

видно изъ сличенія византійскаго разсказа съ норманскимъ, принадлежащимъ Годфриду Малатеррѣ, автору Сицилійской исторіи (*Historia Sicula*), написанной по порученію брата Роберта Гвискарда, Рожера, и оконченной 1099 годомъ. Вотъ какъ представлены здѣсь моменты битвы, для насъ имѣющіе интересъ:

«Англяне, которыхъ называютъ Варангами — *Angli, quos Waringos appellant*, — выпросили у императора для себя починъ сраженія и, вступивъ въ бой неравнымъ оружіемъ, съ длиннорукоятчатыми двузубцами, *caudatis bidentibus*, которые этотъ родъ людей преимущественно употребляетъ, наступали весьма непріязненно и сначала сильно беспокоили нашихъ. Но, когда одинъ нашъ отрядъ ударилъ имъ съ противоположной стороны въ правый бокъ (*sub iudo latere*), то они, въ сильной схваткѣ покрытые кровію, оставили свое начинаніе и принуждены были обратиться въ бѣгство. Бѣжали они къ церкви св. Николая, которая была по сосѣдству, и ожидали тамъ найти убѣжище для сохраненія жизни. Но, когда одни входили, сколько позволяла вмѣстимость, другіе въ это время взобрались на крышу въ такомъ множествѣ, что подъ тяжестію ихъ самая кровля, разорвавшись, обрушилась, и они, давя тѣхъ, которые вошли внутрь, вмѣстѣ съ ними задохлись въ запертомъ пространствѣ». Императоръ, видя, что Варяги, въ которыхъ заключалась главная надежда на побѣду — *Waringos, in quibus sibi maxima spes victoriae fuerat* —, окончательно побѣждены, обратился въ бѣгство. (*Gaufred. Malat. l. III c. 27: Murator. t. V, 584*).

Не смотря на нѣкоторое разпогласіе въ подробностяхъ, случай передается одинъ и тотъ же; вполне ясно, что сѣкироносцы Аяны 1082 года суть Англяне и Варяги норманскаго писателя. Не лишнее, однако, замѣтить, что у Малатерры нѣтъ тѣхъ указаній на давность пребыванія Англо-Саксовъ на византійской службѣ, которая читается во французской сокращенной передѣлкѣ его сочиненія, извѣстной подъ именемъ хроникки Роберта Гвискарда и напрасно приписывавшейся Амату. Тамъ прибавлено объ Англичанахъ, что они уже обыкновенно сражались впереди Грековъ и придавали имъ бодрость: *Li Engloiz—soloient*

doner cuer à li Grex (см. Champollion-Figeac, L'Ystoire de li Normant et la Chronique de Robert Viscart, p. 305. Что эта хроника не принадлежитъ Анату, доказано Вильмансомъ и Гиршемъ <Ср. O. Delarc, Ystoire de li Normant par Aimé p. XXXVII сл. >).

Овладевъ Драчемъ, Робертъ Гвискардъ пошелъ вслѣдъ за Алексѣемъ въ Булгарію и достигъ Кбстура (Касторія). «Въ этомъ городѣ находилось триста Варниговъ — trescenti Waringi in eadem urbe habitabant —, отправленные для стражи (custodes) императоромъ; ихъ охраною и трудомъ городъ былъ сильно защищаемъ» (Gaufred. Malat. l. III c. 29: Murator. V, 585; ср. Anna Comn. V 5, p. 137 ed. Paris.). Итакъ, въ сраженія 18-го октября вовсе не были истреблены всѣ Англиче, прибывшіе къ Алексѣю; впрочемъ мы можемъ предполагать, что вслѣдъ за первою эмиграціе Англо-Саксовъ продолжался и некоторое время постоянный приливъ ихъ.

Само собою понятно, что только-что прибывшимъ съ чужбины людямъ, еще не доказавшимъ своей храбрости и своей вѣрности, византійскій императоръ все-таки не могъ ввѣрить своей личной безопасности. Въ борьбѣ съ Робертомъ Англичане являются Варягами только въ смыслѣ наемниковъ или союзниковъ, совершенно такъ же, какъ это было съ Русскими въ первое время послѣ прибытія ихъ корпуса (988 года). Дальнѣйшія, оче- 141
видво—совершенно точныя, совершенно спеціальныя сообщенія Ордерика Виталія указываютъ довольно опредѣленно тотъ моментъ, когда англійскіе Варяги-союзники сдѣлались Варягами-тѣлохранителями, Варягами дворцовыми. Ордерикъ (col. 309 B) пишетъ, что императоръ Алексѣй вздумалъ построить для Англичанъ по ту сторону Византіи городъ, пазываемый Кеветотомъ: Augustus Alexius urbem, quae Chevetot dicitur, Anglis ultra Byzantium coepit condere. Но потомъ, когда Норманны крайне стали беспокоить (снова имперію), перевелъ ихъ въ столицу и передалъ имъ главный дворецъ съ царскими сокровищами: sed nimium infestantibus Normannis, eos ad urbem regiam reduxit et eisdem principale palatium cum regalibus thesauris tradidit. Въ другомъ мѣстѣ (col. 660 C) Ордерикъ упоминаетъ о постройкѣ Кеветота въ исторіи перваго крестоваго

похода, прибавляя, что императоръ Алексѣй началъ строить его недавно и хотѣлъ передать Англичанамъ.

Когда началась постройка города, упоминаемаго Ордерикомъ, — намъ очень хорошо извѣстно. Въ VI книгѣ (с. 10 р. 174 Paris.) Анна пишетъ, что когда Турки-Сельджуки овладѣли изъ Никзи Никоидией, столицей Влониц, то императоръ Алексѣй, желая выгнать ихъ отсюда, рѣшилъ построить другой городокъ (πελιου) при морѣ. Онъ торопился исполнить это во время перемирія съ эмиромъ Абуль-Касемомъ (Ἀπελχασήμ), во время пребыванія послѣдняго въ Константинополѣ, гдѣ его принимали съ величайшими почестями и устраивали для него конныя ристалища въ большомъ театрѣ Константина: все это напоминало классически образованной Аннѣ исторію афинскаго посольства въ Спарту во времяThemistocles. Въ приморскомъ городкѣ, построенномъ Алексѣемъ на другой сторонѣ Пропонтиды въ Никоидійскомъ заливѣ, еще Дюканжъ узналъ Кивотъ (Κιβωτον) Грековъ и Чивитотъ (Civitót), или Кеветотъ, западныхъ писателей. Начало постройки, какъ это обнаруживается изъ всѣхъ подробностей, относится къ 1085 году, ко времени оковчанія войны съ Робертомъ, умершимъ 17-го іюля того же года. По истеченіи извѣстнаго періода, Англо-Саксы были переведены въ столицу, имъ поручено было охраненіе главнаго дворца. Если мы припомнимъ выраженія Пселла о наемникахъ, содержимыхъ во дворцѣ, о Тавроскивахъ, кормимыхъ во дворцѣ, о сѣкироносцахъ, охраняющихъ императора во дворцѣ, то для насъ будетъ совершенно ясно, что только послѣ 1085 года Англо-Саксы сдѣлались Варягами въ смыслѣ лейбъ-гвардіи.

142 Подъ новыми враждебными дѣйствіями Норманновъ, по всѣмъ соображеніямъ, должно понимать угрожающее положеніе Боэмунда въ началѣ его крестоноснаго похода, въ 1096 году. Изъ Эккегардовой всеобщей хроникки (MG. SS. VI, 216), а также изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что въ это время стянуты были въ Константинополь всѣ силы, какими могъ располагать Алексѣй, а сверхъ того Варанги прямо названы (у Эккегарда р. 212) защитниками Константинополя противъ Турокъ:

«Итакъ, вотъ по какой причинѣ Англо-Саксы (Saxones Angli) отправились въ Іонію и стали служить вѣрно, они сами и ихъ

наслѣдники, священноі имперіи (sacro imperio), и съ большою честію до настоящаго времени (1140 года) остаются между Оракійцами (Греками), любимые цезаремъ, сенатомъ и народомъ». Этими словами заключаетъ Ордерикъ (col. 309 B) свое повѣствованіе о судьбахъ англо-саксонскихъ изгнанниковъ. Совершенно согласно съ подробностями, сообщаемыми въ его церковной исторіи, другой англійскій писатель XII-го вѣка, именно Вильгельмъ Мальмезберійскій, пишетъ: «Императоръ Алексѣй придумалъ много злого противъ вѣстоносныхъ пилгримовъ, однако, замѣчая вѣрность Англичанъ, помѣщалъ ихъ въ числѣ преимущественнѣйшихъ домашнихъ слугъ своихъ и завѣщалъ любовь къ нимъ своему сыну»: *Anglorum tamen fidem suspiciens, praecipuis familiaritatibus suis eos applicabat, amorem eorum filio transcribens* (Willelmi Malmesbiriensis monachi de gestis regum Anglorum I. II § 225 p. 276 ed. Stubbs).

То, что здѣсь говорится объ Англо-Саксахъ, повторяется объ Датчанахъ или Данахъ (Dani) у Саксона Грамматика <XII, p. 407, 2 Holder>: *Inter ceteros -, qui Constantinopolitanae urbis stipendia merentur, Danice vocis homines primum milicie gradum obtinent, eorumque custodia rex salutem suam valere consuevit.* А у Альберта Ахелскаго (Alberti Aquensis hist. I. IV cap. 40: *Recueil des historiens des croisades. Hist. occidentaux. T. IV p. 417*) вмѣсто людей датскаго языка прямо стоятъ Датчане (Dani). Нѣтъ нужды объяснять, что подъ Датчанами могутъ разумѣться тѣ же Англо-Саксы, родственные съ ними по языку, но крови, по многочисленнымъ поселеніямъ Датчанъ въ сѣверной Англій; а также нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что среди англо-саксонской варяжской дружины, поддерживаемой новыми пришельцами съ сѣвера, появлялись время отъ времени и собственные Норманны, жители Дании, Исландіи и Норвегіи, даже самой Швеціи, вообще заслоняемой въ средніе вѣка Норвегіей. Нѣкоторыя, впрочемъ, сомнительныя указанія на это находятся въ сказаніи о чудесахъ св. Олафа. Мы уже замѣтили¹⁾, что побѣда, 143 подавшая поводъ къ основанію въ Царьградѣ храма въ честь Олафа, не приписывается здѣсь <Antiquités Russes I 468> Га-

1) См. выше, стр. 271 и 275—277.

ральду и не относится ко времени императора «Михаила» (какъ въ редакціяхъ Гаральдовой саги), но соединяется съ именемъ императора Алексѣя и помѣщается въ землѣ Кумановъ (*in terra Vlasimannorum*). Никому не запрещается думать, что такая замѣна одного имени другимъ произошла не безъ причины, а именно вслѣдствіе смѣшенія двухъ дѣйствительныхъ фактовъ. Судя по упоминанію не только Фряковъ, но и Флэминговъ (Фламандцевъ), въ легендѣ въ самомъ дѣлѣ чувствуется какой-то отголосокъ дѣйствительности. Мы узнаемъ во Флэмингахъ тѣхъ рыцарей Фландріи, которые были присланы императору Алексѣю его другомъ, графомъ Робертомъ Фризомъ (см. Anna Comn. VII 6, p. 201 D ed. Paris.). Эти рыцари, прѣбывшіе въ Константинополь около 1089 года, дѣйствительно участвовали въ сраженіи съ Печенѣгами 1091 года (VIII 3 p. 227 B), но, конечно, не въ землѣ Кумановъ. Съ обычнымъ преувеличеніемъ, скандинавская сага свои поляты сотни Норманновъ выдаетъ не только за единственныхъ Варяговъ, но и за единственныхъ виновниковъ побѣды (*Scripta historica Island. V, 147 и сл.*). Теперь и послѣ — для скандинавской поэзіи не существуетъ именно настоящихъ Варяговъ, не существуетъ Англо-Саксовъ, какъ прежде не существовало Русскихъ (см. *Scripta V, 341: Ragnus Эйнар Скуласона, относящійся къ XII вѣку*).

Съ завѣщаніемъ императора Алексѣя своему сыну — любить вѣрныхъ Англо-Саксовъ мы переходимъ въ XII столѣтіе и встречаемъ Варанговъ при самомъ вступленіи на престолъ Іоанна Комнина (1118 г.). Зонара (XVIII, 29 tom. II p. 308 ed. Paris.) рассказываетъ, что, когда Іоаннъ, назначенный въ преемники умирающимъ Алексѣемъ, вопреки желанію и интригамъ императрицы Ирины, его матери, пришелъ въ главный дворецъ, то Варанги, занявъ проходъ въ караульной его части, гдѣ было ихъ мѣстопробываніе (*ἐν τοῖς ἐξουσίαις διελυφότες ἔδον, ἐνθαπερ τοῦτοις καὶ ἡ κατοικησικς*), не пропускали наследника и никому не позволяли приблизиться къ царскимъ комнатамъ. Іоаннъ послалъ спросить, что это значить, почему они не позволяютъ пройти царю въ царскій дворецъ. Варанги отвѣчали, что пока живъ императоръ, они никого другаго не пропустятъ. Посланный утверждалъ, что императоръ Алексѣй уже

умеръ, но Варанги потребовали, чтобъ онъ далъ въ этомъ клятву, и тогда только уступили. Съ другимъ отгѣнкомъ передается сцена у Никиты Хоніата (р. 11, 22). «Іоаннъ, прибывъ къ большому дворцу, не легко нашелъ въ него доступъ, потому что стража (τῶν φυλάκων) не довольствовалась тѣмъ, что онъ показалъ перстень, но требовала еще и другого свидѣтельства на то, что онъ прибылъ туда по приказанію отца».

Такъ доказали Англо-Варяги свою вѣрность при началѣ поваго царствованія. Вскорѣ затѣмъ (въ 1122 г.) они являются въ борьбѣ Кало-Іоанна съ послѣднимъ нашествіемъ и съ послѣдними остатками Печенѣжской орды. Никита (р. 22, 10) говоритъ о «тѣлохранителяхъ, которые защищаются продолговатыми щитами и заостренными съ одной стороны сѣкирами» (τοὺς ὑπασπιστάς, οἱ περιμήκεσιν ἀσπίσι καὶ πέλυξι ἑτεροστόμοις φράγγυνται). Очевидно, что этотъ писатель, съ которымъ мы здѣсь знакомимся, избѣгаетъ неклассическаго выраженія «Варанги», и эго вполне согласно съ искусственнымъ и нѣсколько высокопарнымъ строемъ его рѣчи, съ его любовью къ Гомеровскимъ словамъ и поэтическимъ выраженіямъ. Къ счастью, другой историкъ періода Комниновъ, Іоаннъ Киннамъ, былъ гораздо умѣреннѣе въ своихъ литературныхъ притязаніяхъ и любилъ выражаться проще. Отъ него мы гораздо отчетливѣе узнаемъ, о комъ идетъ рѣчь. Чужестранцы, рѣшившіе побѣду надъ Печенѣгами, были «сѣкироносцы, а это Британскій народъ, вздревле служащій императорамъ Греческимъ» (р. 8, 15): τῶν -- πελεκυφόροις: ἕθνος δὲ ἐστὶ τοῦτο Βρεταννικὸν βασιλεῦσι Ῥωμαίων δουλεύον ἀνέκαθεν.

Вотъ вполне отчетливое, совершенно ясное и не пуждающееся ни въ какомъ объясненіи показаніе: во время Киннама, который былъ спутникомъ походовъ третьяго Комнина (Мануэля, 1143—1180 гг.), Варягами были преимущественно Британцы, то-есть, Англичане. Самъ Никита Хоніатъ, употребляющій иногда выраженія, способнымъ ввести изслѣдователей въ заблужденіе, подтверждаетъ это самымъ блестящимъ образомъ. Для всего самые жители Англіи, подданные Ричарда I Левинаго Сердца, суть сѣкироносцы, хотя въ новой Норманской Англіи едвали англо-саксонскій топоръ былъ еще въ модѣ: такъ тѣсно въ Константинополѣ соединилось къ началу XIII столѣтія понятіе

объ сѣкироносцѣ съ представленіемъ объ Англичанинѣ. Говорилъ объ участникахъ третьяго крестоваго похода, Никита двоихъ изъ нихъ обозначаетъ слѣдующимъ образомъ (р. 547, 2): *ὁ ῥήξ Φραγγίας καὶ ὁ τῶν πελεκυφόρων δὲ κατάρχων Βρεττανῶν, οὗς νῦν φασὶν Ἰγγλίους* — король Франціи и властитель сѣкироносныхъ
 145 Бриттовъ, которыхъ теперь называютъ Англичанами. Важную роль играютъ сѣкироносцы въ печальную для Византіи эпоху 1203—1204 годовъ; ихъ роль въ событіяхъ, кончившихся разграбленіемъ Константинополя и основаніемъ Латинской имперіи, не осталась незамѣченною какъ у византійскаго историка, такъ и у всѣхъ другихъ.

При первой попыткѣ войти въ Константинополь (17-го мая 1203 г.) черезъ Золотой Рогъ, крестоносцы встрѣтили упорное сопротивленіе отъ греческихъ союзниковъ — Пизанцевъ и отъ сѣкироносныхъ варваровъ, которые ихъ сталкивали съ набережныхъ подъемовъ и многихъ равнин (*Nicet. p. 721, 18*): *πρὸς -- Πισαίων καὶ τῶν πελεκυφόρων βαρβάρων - ἀπεκρούσθησαν*. Сѣкироносцы участвовали въ возведеніи на престолъ Исаака послѣ бѣгства въ Девелтъ Алексѣя III-го (*Nicet. p. 727, 18*). Съ согласія «сѣкироносцевъ» Мурцуфль начинаегъ дѣйствовать противъ Алексѣя, сына Исаакова, и грозитъ ему возстаніемъ «варваровъ вооруженныхъ топорами» (р. 745) Въ роковой и страшный день 12-го апрѣля 1204 года, когда Мурцуфль бѣжалъ, и Франки готовялись овладѣть городомъ, Теодоръ Ласкарисъ хотѣлъ еще противиться; онъ собралъ вокругъ себя «тѣхъ, которые погрязаютъ на плечахъ смертоноснымъ желѣзомъ» — *τοὺς σείοντας ἐξ ὤμων τὰ ἀρεικὰ σιδήρια* — и говорилъ имъ, что они не менѣе, чѣмъ Греки, должны болѣе бояться гибели, если имперіи попадетъ во власть другого народа, такъ какъ имъ уже не придется болѣе получать щедрой платы за свою службу, занимать почетное званіе царскихъ стражей, но вмѣсто того имъ грозитъ унизительное положеніе латинскихъ рабовъ (р. 756). Но сѣкироносцы требовали уплаты обѣщаннаго жалованья и безъ этого не хотѣли сражаться: Франки вошли въ городъ, не встрѣтивъ сопротивленія.

Въ двухъ послѣднихъ изъ сейчасъ приведенныхъ мѣстъ въ самомъ изданіи византійскаго историка, пережившаго горькія

событія 1203 и 1204 годовъ, находятся прямое объясненіе; кого слѣдуетъ разумѣть подъ сѣкироносцами. Въ одной изъ рукописей, сохранившихъ намъ произведеніе Никиты, мѣсто сѣкироносцевъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, занимаютъ Варанги. Но если бы мы усомнились въ правильности такой замѣны одного слова другимъ въ рукописи, очевидно, позднѣйшей и отвергли бы выраженія «греко-варварскаго списка», какъ поставленныя произвольно, то у насъ все-таки осталось бы другое свидѣтельство въ пользу того, что сѣкироносцы въ началѣ XIII вѣка именовались Варангами и были съ ними тождественны. Въ русской Новгородской лѣтописи находится рассказъ о взятіи Константинополя Латинами, очевидно, принадлежащій современнику и очевидцу; и въ этомъ рассказѣ защитниками города на ряду съ Греками являются Варяги, очевидно, соответствующіе сѣкироносцамъ Никиты. Русский самовидецъ даже сообщаетъ намъ, что предсказаніе Ласкариса сѣкироносцамъ объ ихъ судьбѣ подъ латинскою властію частью сбылось надъ Варягами:

«И бяхуть (Франки) съ высокихъ скалъ на градъ Гръкы и Варягы каменемъ и стрѣлами и сулицами, а съ нижнихъ на градъ сълѣзоша».

А по взятіи города: «Черныче же, чернице и попы облупиша и нѣколько ихъ избяша, Гръкы же и Варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остави»¹⁾.

Что касается національности Варяговъ, защищавшихъ Константинополь противъ своихъ западныхъ собратьевъ, то она прямо обозначена двумя французскими историками четвертаго крестоваго похода, Вилльгардуэномъ и Робертомъ де-Клари. Описывая первый приступъ крестоносцевъ, Вилльгардуэнъ говоритъ, что они устроили предъ городскими стѣнами у моря двѣ лѣстницы, а стѣна была покрыта большимъ количествомъ Датчанъ и Англичанъ: *Et drecierent à une barbecane deux eschieles enprès la mer; et li murs fu mult garniz d'Englois et de Danois* (*La Conquête de Constantinople par G. de Ville-Hardouin* p. 97, § 171 изд. de-Wailly). Это тѣ самыя лѣстницы, съ которыхъ у Никиты Пизанцы и сѣкироносцы сталкиваются нападаю-

1) «Новгор. лѣтоп. по Синод. сп., г. 6712, изд. Археогр. Ком. 1888 г., стр. 185 и 187.»

щихъ, и тѣ самыя скалы, о которыхъ говорится въ сказаніи Новгородской лѣтописи. Когда послѣ бѣгства Алексѣя III крестоносцы послали своихъ пословъ въ столицу (18-го іюля 1203 г.), то Жофруа Вилльгардуанъ съ своими товарищами, пропущенные въ ворота, увидѣли, что «Греки расположили Англичанъ и Датчанъ съ ихъ топорами отъ самыхъ воротъ до Влахерискаго дворца» (ibid. p. 107 § 185: d'Englois et de Danois à totes les haches) Робертъ де-Кларп поѣзствуетъ, что когда Θεодоръ Ласкарисъ бѣжалъ, то въ лагерь Французовъ явилась процессія изъ греческаго духовенства, Англичанъ, Датчанъ и людей другихъ націй и просила пощады и милости: *Prestre et clerc revestu, Engles, Danois estoient et gens d'autres nations, si vienent il a l'ost as Franchois a pourchession, si leur crient il merci* (Robert de-Clary, La prise de Constantinople: Chroniques Gréco-romanes, publiées par Charles Hopf, Berlin 1873, p. 63, c. 80). Это тѣ самыя сѣкироносцы, которые отказались сражаться, не получивъ жалованья.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіе всего XII столѣ-
 147 тія варяжскій корпусъ въ Византіи состоялъ главнымъ образомъ, а, можетъ быть, даже исключительно, изъ Англичанъ — англо-саксонскаго и датскаго происхожденія. Основаніе корпусу положено было изгнанниками, оставившими отечество, покоренное Норманнами; онъ поддерживался, конечно, сыновьями и потомками первоначальныхъ пришельцевъ, а, вѣроятно, и новыми переселенцами. Почти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ историки XII столѣтія говорятъ о сѣкироносцахъ, мы должны разумѣть Варяговъ. Мы уже замѣтили, что такъ именно и понималъ дѣло тотъ переписчикъ Никиты Хониата, которому принадлежитъ такъ называемый варварскій списокъ (*Codex Graeco-barbarus*), представляющій весьма много любопытныхъ вариантовъ. Кромѣ двухъ указанныхъ случаевъ, еще въ семи другихъ (224, 239, 323, 342, 344, 447, 532) описательныя, искусственныя выраженія Никиты онъ замѣняетъ терминомъ *Βαραγγι*, или точнѣе: *Βαραγγι καὶ παραδογαί*. Всѣ эти варианты сами по себѣ не даютъ никакого повода къ сомнѣніямъ; они, очевидно, вполне правильны, если можно такъ выразиться, и не касаются сущности дѣла, а только стили, не заставляютъ писателя говорить

другое, а не то, что было въ его намѣреніи и представленіи. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ сдѣлать предостереженіе тѣмъ, кто вздумалъ бы придавать всѣмъ разночтеніямъ «варварскаго кодекса» слишкомъ большое значеніе. Что разночтенія эти не принадлежатъ Никитѣ, это—очевидно; что списокъ, въ которомъ они находятся, принадлежитъ позднѣйшему времени—это доказывается турецкими словами, въ немъ встрѣчающимися (замѣчено Г. С. Дестунисомъ при одномъ случаѣ). Но сверхъ того можно доказать, что не всегда виновникъ происхожденія вариантовъ въ варварскомъ кодексѣ оставался невпипымъ и безрѣшнымъ въ своихъ стремленіяхъ упростить искусственную рѣчь Хоніата; есть случаи, гдѣ онъ впадаетъ при этомъ въ очевидныя ошибки. Такъ, Никита, говоря о пребываніи Андроника у Тавроскиновъ, о его охотѣ на зубровъ въ землѣ Тавроскиновъ, понималъ, конечно подъ Тавроскинами Русскихъ и ту самую Галицкую землю, о которой самъ говорилъ раньше. Между тѣмъ любитель варварскихъ терминовъ, избѣгаемыхъ Никитою, два раза вмѣсто Тавроскиновъ ставитъ Кумановъ, то-есть, Половцевъ (pp. 405. 433); точно такъ же поступаетъ онъ и въ другомъ случаѣ (p. 384, 14). Здѣсь уже нельзя освободить его отъ упрека въ непониманіи и грубомъ промахѣ. Славянскимъ переводчикамъ Зонары и Амартола простительно было писать: «роди нарицаеміи Руся, пже и Кумани, живяху въ Евксинопонтѣ», такъ какъ по словупотребленію ихъ времени Скиаы (Σκιάαι) уже были 148 преимущественно Куманами. Но была бы непростительна такая ошибка для Византійца, если бъ онъ былъ современникомъ событій, каковъ былъ авторъ переписываемаго сочиненія, то-есть, Никита Хоніатъ. Къ вопросу о Варягахъ эти замѣчанія имѣютъ слѣдующее приложеніе. Одинъ изъ русскихъ ученыхъ пишетъ, что «относительно отечества Варанговъ византійскія извѣстія указываютъ иногда на Германію» (см. выше, стр. 177). Мы знаемъ только одно мѣсто византійскаго писателя, на основаніи котораго это могло быть сказано. Именпо, у Никиты Хоніата (p. 323, 20) говорится о стражѣ германской, вооруженной сѣкирами (φρουρά - Γερμανῶν, οἱ κατωμαδόν τοὺς ἐπερσστόμοις πελέχεις ἀνέχουσιν): кодексъ варварскій по обычаю замѣляетъ эти описательныя выраженія терминомъ «Варангя». На основаніи приведенныхъ выше

примѣровъ весьма позволительно усомниться въ правильности замѣны. Есть, правда, еще другое мѣсто у того же писателя (р. 118, 5), гдѣ упоминается стража или гарнизонъ изъ Германцевъ, между тѣмъ какъ въ соответствующемъ мѣстѣ другого автора, именно Кяннама (р. 97, 19) стоятъ сѣкироносцы. Опять, следовательно, можно думать, что, по мнѣнію Никиты, Варягами былъ Германцы.

«Германцы» очень могли быть Варягами въ XII столѣтіи, только во всякомъ случаѣ Германцы не нѣмецкіе. Византійскіе писатели XII вѣка употребляютъ это имя совершенно въ другомъ смыслѣ, чѣмъ мы. Германцы означаютъ у нихъ Французовъ. На это можетъ быть указано нѣсколько совершенно не подлежащихъ сомнѣнію примѣровъ. Такъ, у Кяннама (р. 67, 3 sq.) Кельты и Германцы названы въ числѣ участниковъ втораго крестоваго похода, а далѣе (р. 69, 9 sq.) сказано, что впереди двигался Аллеманъ (Ἀλαμανός)—такъ всегда называються Нѣмцы,—а затѣмъ Германецъ (ὁ Γερμανός), то-есть, Французы Людовика VII. Разказавъ неудачный походъ Конрада и Людовика, Кяннамъ (р. 87) прибавляетъ: «такой конецъ имѣли дѣла Конрада; а король Германцевъ (то-есть, Людовикъ VII) возвращался въ отечество на корабляхъ» и т. д. Точно такъ же и знаменитый Евстаѳій Солупскій противопоставляетъ германскаго (то-есть, французскаго) властителя алеманскому (то-есть, нѣмецкому): *Opuscula, ed. Tafel, p. 281, 39 sq.; ср. p. 239.*

Итакъ, если вмѣстѣ съ Англичанами и Датчанами служили въ Варягїи Германцы, то подъ этими Германцами нужно понимать Французовъ, людей французскаго языка, точно такъ же, какъ 149 подъ «сѣкироноснымъ и кельтическимъ народомъ» — γένους πελεγοφόρου καὶ Κελτικῶν, — о которомъ говорится у Никиты въ другомъ мѣстѣ (р. 342, 22). Далѣе, если мы припомнимъ, какъ тѣсно были соединены въ XII вѣкѣ Франція и Англія, если припомнимъ, что въ самой Англіи нѣкоторое время господствовалъ французскій языкъ, и что, наоборотъ, къ Англіи принадлежали французскія земли на материкѣ, то намъ не будетъ необходимости прибѣгать къ какимъ-либо сложнымъ разысканіямъ о томъ, могли ли быть и были ли когда Французы членами Варягїи: нѣкоторые члены варяго-английской дружины могли называться

съ такимъ же правомъ Французами, какъ и Англичанами, хотя господствующимъ языкомъ среди Варяговъ до самаго турецкаго завоеванія былъ языкъ англійскій. Это послѣднее обстоятельство мы узнаемъ отъ Кодина, сочиненіе котораго о придворныхъ должностяхъ и обрядахъ Византійскаго двора относится уже къ XV столѣтію. «Варанги (во время трапезы) восклицаютъ императору многія лѣта на своемъ отечественномъ языкѣ, то-есть, по-англійски, и при этомъ, ударяя своимъ сѣкирами, производятъ шумъ» (de officiis Cropolitans, p. 57): πολυχρονίζουσιν - - κατὰ τὴν πατριὸν - - γλώσσαν αὐτῶν, ἔχουσι Ἰγκλινιστί. По сочиненію Кодина можно изучать значеніе варяжской дружины въ послѣднія времена византійской имперіи; но мы не считаемъ нужнымъ идти такъ далеко. Видно, что въ это время Варанги были только дворцовой стражей, лейбъ-гвардіей, то-есть, что значеніе ихъ сузилось противъ первоначальнаго смысла, соединявшагося съ этимъ терминомъ въ XI столѣтіи. Приводимъ одно замѣчаніе Кодина, которое возвращаетъ насъ къ исходной точкѣ нашего изслѣдованія: «Въ древности, когда императорскій отрядъ состоялъ изъ шести тысячъ человекъ, каждые пятьсотъ человекъ стояли подъ отдѣльнымъ знаменемъ» (p. 48): ἔν μὲν οὖν πάλαι συνήθεια, ὅτε ἡ τοῦ βασιλέως σύνταξις ἔσαν ἑξακισχίλιοι, ἦσαν καθ' ἓν ἕκαστον φλάμουλον πεντακόσιοι.

Эти шесть тысячъ человекъ императорскаго особаго войска и суть, по нашему мнѣнію, тѣ шесть тысячъ Русскихъ, о которыхъ говорилось у армянскаго историка, — то царское отборное войско, которымъ командовалъ лично императоръ Романъ Діогенъ подъ Хелатомъ, — другими словами: тѣ παραμοναί, которые не имѣютъ коней, или та смѣна (τὸ ἀλλάγιον), о которой говорится у самого Кодина. Древность, къ которой отнесется существованіе шести-тысячнаго корпуса, есть конецъ X и начало XI столѣтій.

Повторимъ вкратцѣ содержаніе нашего изслѣдованія.

Изъ византійскихъ и арабскихъ источниковъ мы знаемъ, что 150 въ 988 году изъ Руси отправленъ былъ въ Византію вспомогательный военный корпусъ. Армянскій современный историкъ опредѣляетъ его численность въ 6.000 человекъ. Вслѣдъ затѣмъ

мы постоянно встречаемъ Русскихъ какъ участниковъ въ войнахъ имперіи, преимущественно на азіатской границѣ и въ южной Италіи. Тамъ же, и прежде всего и чаще всего, исторія и сага локализируетъ Варяговъ, такъ что необходимо предполагать какую-либо связь между тѣми и другими. Подъ Варягами XI столѣтія обыкновенно разумѣютъ скандинавскихъ Норманновъ. Но уже самая численность варяжскаго корпуса, определяемая тѣмъ, что 3.000 Варяговъ на походѣ въ Грузію составляютъ только часть корпуса, даетъ поводъ усомниться въ справедливости этого мнѣнія. Критическій разборъ скандинавской саги убѣждаетъ насъ въ томъ, что роль Норманновъ въ Византіи сильно преувеличена, даже извращена позднѣйшими слагателями саги, что, напротивъ, въ пѣсняхъ скальдовъ XI столѣтія слово «Варягъ, Вэрингъ» имѣло другое значеніе, не прилагалось къ Норманнамъ, или прилагалось не къ однимъ Норманнамъ. Пребываніе Гаральда Гардрода въ Византіи совпадаетъ, правда, съ появленіемъ слова «Варауги» въ византійскихъ источникахъ; но Гаральдъ прибылъ въ Греческую землю изъ Русіи, въ одно время и вмѣстѣ съ Русскими сражался съ Сарацинами Сициліи и Азіи, а тамъ гдѣ является отдѣльно отъ Русскихъ со своимъ скандинавскимъ отрядомъ, онъ и его отрядъ по византійскимъ источникамъ называются не Вараугами, а другимъ спеціальнымъ терминомъ. У самыхъ скальдовъ Вэрингами названы тѣ люди, которые охраняли особу императора, ослѣпленнаго Гаральдомъ, а по прямому указанію историка Пселла, это были Тавроскѣны, то-есть, Русскіе. Итакъ, Варягами были Русскіе. Если мы рассмотримъ съ этой точки зрѣнія все византійскія и южно-италіанскія упоминанія о Варягахъ (до конца XI вѣка), то не только не найдемъ прямыхъ противорѣчій такому предположенію, но напротивъ, при этомъ предположеніи многое въ исторіи становится проще и въ источникахъ яснѣе. Прежде всего намъ становится понятво, почему нигдѣ и никогда (въ XI столѣтіи) имя Русскихъ не встречается на ряду съ Варягами, а либо одно, либо другое, или у одного писателя Русскіе, а у другого—на томъ же мѣстѣ Варяги. Намъ становится понятнымъ, почему, напримѣръ, Скилица слово «Русскіе», которое читается у Атталіоты, замѣнилъ словомъ Варяги. Но самое главное:

современныя свидѣтели и первоначальныя источники для византійской исторіи XI вѣка суть Пселль и Атталіота. У перваго слово 161 Варяги не встрѣчается ни разу, но совершенно ясно и отчетливо въ соотвѣтствующей роли выводятся на сцену Русскіе. Атталіота же прямо употребляетъ слово «Варяги» и «Русь» какъ синонимическія. Послѣ этого намъ оставалось только обратить вниманіе на способъ выраженія документальныхъ источниковъ, современныхъ Пселлу и Атталіотѣ. Мы увидѣли, что въ четырехъ хрисовулахъ два слова, Варяги и Русь, соединяются особенно тѣснымъ образомъ; они всегда стоятъ пераздѣльно — съ тѣмъ только различіемъ, что впереди ставится то одно, то другое; что эти два слова въ грамотахъ выражаютъ одно цѣлое, противоположное Сарацинамъ, Франкамъ, Нѣмцамъ и Англичанамъ. Однимъ словомъ, византійскій оффиціальнй языкъ употребляетъ выраженія: «Русь-Варяги, Варяго-Русь».

Все это, взятое вмѣстѣ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что Варягами назывался въ XI столѣтіи русскій корпусъ, отпращивенный Владиміромъ въ концѣ X вѣка и, очевидно, существовавшій непрерывно; изъ среды этого корпуса были и тѣ императорскіе тѣлохранители (лейбъ-гвардія), которые именуется также «Варягами» — въ тѣсномъ смыслѣ. Одна замѣтка, читаемая у Кедрина и Скилицы, могла бы подать поводъ къ предположенію, что было нѣкоторое различіе между Варягами въ обширномъ смыслѣ и Варягами, составившими охранную стражу императора. Но выраженіе, что Варяги, находившіеся во дворцѣ императора, были кельтическій народъ, очень неопредѣленно, противорѣчитъ другимъ показаніямъ Скилицы и Кедрина и, по всей вѣроятности, составляетъ позднѣйшую глоссу. Тѣмъ не менѣе, мы все-таки не считаемъ возможнымъ устранить вполне скандинавскихъ Норманновъ изъ предполагаемаго состава варяжскаго корпуса и варяжской дружины. Скандинавы приходили въ Константинополь чрезъ Россію, гдѣ они составляли наемную дружину Русскихъ князей; какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Византіи, они служили вмѣстѣ съ Русскими, но въ Цареградѣ были еще менѣе многочисленны, чѣмъ въ Кіевѣ или Новгородѣ, составляли только небольшую часть варяго-русскаго корпуса и дружины. Мы думаемъ, что и тѣ Скандинавы, которые ушли въ Византію въ

980 году отъ князя Кіевскаго Владиміра, сначала разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, послѣ могла поступить въ составъ корпуса, организованнаго чрезъ восемь лѣтъ. Мы думаемъ наконецъ, что самое имя Варяговъ по своему происхожденію принадлежитъ скандинавскому сѣверу, но пришло въ Византію изъ Кіева. Въ Кіевѣ наемниками былъ Скандинавы, и они называли себя Вэ-
152 рингами; имя сдѣлалось обычнымъ и для Русскихъ, такъ что и русскіе союзники и наемники въ Константинополь стали называть себя Варягами, а по-гречески — Варангами.

Съ конца XI вѣка начинается приливъ въ Византію Англо-Саксовъ. Совершенно отчетливыя свидѣтельства Ордерика Виталія даютъ возможность опредѣлить какъ время появленія Англо-Саксовъ въ византійской арміи, такъ и эпоху, когда они изъ простыхъ союзниковъ и наемниковъ сдѣлались Варягами въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, императорскими тѣлохранителями. Это случилось незадолго до перваго крестоваго похода. Поворотъ къ западу, начавшійся съ утвержденіемъ въ Византіи новой династіи Комниновъ, выразился въ замѣвѣ русскихъ православныхъ людей людьми запада.

Вопросъ о византійскихъ Варангахъ, по нашему мнѣнію, требовалъ новаго и подробнаго изслѣдованія. Но его важность заключается, какъ мы убѣждены, въ немъ самомъ, то-есть, въ существованіи постоянной, живой и осязательной связи между Русью и Византіей, а чрезъ нее — съ азіатскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ въ продолженіе всего XI столѣтія. Мы только въ видѣ догадки указали на возможность объяснять болѣе положительнымъ и нагляднымъ образомъ нѣкоторыя литературныя явленія именно существованіемъ такого рода связей. Это — тема, которая принадлежитъ не намъ, но для насъ вполне достаточно, что отъ тѣхъ, кому принадлежитъ вопросъ о литературномъ общеніи Востока и Запада, мысль наша не встрѣтила осужденія и порицанія. Быть можетъ, и русская археологія и нумизматика должны будутъ принимать въ расчетъ пребываніе русскаго шеститысячнаго корпуса на сарацивской границѣ въ Азіи. Что касается отношенія, въ какомъ вопросъ о византійскихъ Варангахъ находится къ вопросу о русскихъ Варягахъ и о началѣ Русскаго государства, то мы уже отчасти высказали

свой взглядъ, несмотря на обѣтъ воздержанія, принятый въ началѣ. Мы думаемъ, что скандинавская теорія происхожденія Русскаго государства до сихъ поръ остается не поколебленною, и что тѣ, которые пытались поколебать ее, потерпѣли завѣдомую неудачу. Она покоится, главнымъ образомъ, на двухъ столпахъ: на именахъ Русскихъ князей и на названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ, которыя все таки остаются не славянскими, несмотря на разныя попытки ненаучной филологіи объяснить ихъ по славянски. Съ наукою мы не хотимъ быть въ противорѣчіи и, думаемъ, не находимся.

О ВАРЯГО-РУССАХ *).

(Отвѣтъ Д. И. Иловайскому).

Въ майской книжкѣ «Древней и Новой Россіи» Д. И. Иловайскій напечаталъ рецензію, въ которой самымъ рѣшительнымъ и безошаднымъ образомъ нападаетъ на нашу статью о Варягахъ въ Византіи, порицая самый методъ изслѣдованія и отвергая его главные выводы. Несмотря на это, мы долго сомнѣвались, слѣдуетъ намъ отвѣчать на возраженіе Д. И. Иловайскаго или нѣтъ. Наше личное самолюбіе нисколько не было задѣто, потому что г. Иловайскій прінялъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы иззолотить пизюлю, — разумѣемъ нѣсколько лестныхъ комплиментовъ нашимъ другимъ ученымъ трудамъ; да и вообще манера и языкъ нашего почтеннаго рецензента настолько благородны, что негѣно было бы оскорбляться хотя бы и рѣзкимъ по существу ученымъ разногласіемъ. Напротивъ мы боялись и боимся, сумѣемъ ли мы сами сказать все, что считаемъ необходимымъ сказать, съ такимъ же усердіемъ относительно небезызвѣстной читающему міру ученой щекотливости почтеннаго Д. И. Иловайскаго. . . Для самаго дѣла мы также не предполагали большой пользы отъ возбужденія полемики на страницахъ журнала, назначеннаго не столько для ученаго, сколько для образованнаго круга читателей. Съ нашей стороны было бы слишкомъ смѣло предполагать, что въ кругу этихъ читателей наше изслѣдованіе могло обратить на себя особенное вниманіе. Мы его даже и не искали,

*) «Древняя и Новая Россія. Т. III (1875 г.), декабрь, стр. 396—405.»

напечатать свой трудъ въ изданіи, имѣющемъ до извѣстной степени спеціальный характеръ... Не по своей винѣ и не безъ нѣкоторыхъ сомнѣній мы обращаемся и теперь къ читателямъ, на судъ которыхъ перенесъ нашъ споръ Д. И. Иловайскій и которые, быть можетъ, вовсе не считали нужнымъ для произнесенія приговора познакомиться съ самыми актами и документами, на которыхъ этотъ споръ основанъ.

Мы могли бы удовольствоваться сознаниемъ, что такъ яли иначе, а трудъ нашъ все-таки не былъ бесполезенъ. Пусть бы 397 мы и не успѣли доказать своего главнаго положенія, что Варяги и Русь у византійцевъ — одно и то же, что Варягами въ Византіи были Русскіе: все-таки въ нашемъ изслѣдованіи оставалось многое такое, что, вѣроятно будетъ признано прочнымъ приобритеніемъ науки. Намъ первымъ пришлось указать на нѣсколько новыхъ фактовъ и данныхъ, относящихся къ варяжскому вопросу, которыя отчасти совсѣмъ не были извѣстны русскимъ ученымъ, отчасти были пренебрегаемы: таковы отрывки Песелла, относящіеся къ русской исторіи, таковы грамоты, упоминающія о Варягахъ и Колѣбгахъ, таковы указанія на 6000-ный военный корпусъ, отправленный Владиміромъ въ Византію послѣ крещенія, таковъ отрывокъ изъ Атталіоты, о которомъ рѣчь будетъ ниже,—и еще кое-что, приводимое и самимъ Д. И. Иловайскимъ въ его рецензіи.

Если мы теперь рѣшаемся нарушить свое благоразумное молчаніе, то это мы дѣлаемъ отчасти вслѣдствіе прямого желанія и вызова, высказаннаго намъ Д. И. Иловайскимъ въ устной бесѣдѣ; онъ все-таки считаетъ печатный споръ единственнымъ и необходимымъ средствомъ для уясненія ученыхъ вопросовъ. Сверхъ того мы надѣемся ксати сообщить два-три новыхъ указанія, хотя и не особенно крупныхъ, но не лишенныхъ значенія для варяго-русскаго вопроса.

Мы стоимъ на своемъ, что византійскіе писатели XI вѣка не отличаютъ Варяговъ и Русь и, что, слѣдовательно, почти до конца этого вѣка, до появленія въ Византіи Англо-Саксовъ и Датчанъ, византійскій варяжскій корпусъ состоялъ главнымъ образомъ изъ русскіихъ.

Самая твердая наша опора — рассказъ Атталіоты, визан-

тійскаго историка XI вѣка, который пишетъ о томъ, что онъ самъ видѣлъ, и который самъ занималъ довольно важное мѣсто въ византійской арміи, — рассказъ, въ которомъ упоминаются и Русскіе и Варяги — но совсѣмъ не какъ что-либо отличное одно отъ другого.

Отрывокъ, нами приведенный изъ Атталіоты, оставался, можно сказать, совсѣмъ неизвѣстнымъ русскимъ исследователямъ, занимавшимся Варягами; между тѣмъ изъ него — мы въ этомъ и теперь убѣждены — несомнѣнно слѣдуетъ тождество Варяговъ и Руся, хотя Д. И. Изювайнскій и относится нѣсколько иронически къ такому нашему убѣжденію. Пусть судятъ читатели, кто правъ и кто неправъ.

Атталіота повѣствуетъ о послѣднихъ дняхъ царствованія Михаила VII Дуки и о двухъ возстаніяхъ, поднявшихся противъ него одновременно въ Европѣ и Азіи. Отрядъ европейскихъ инсургентовъ стоялъ вблизи Константинополя въ городѣ Аеирѣ (при заливѣ, теперь называемомъ Кучукъ-Чекмадіе). Противъ этого отряда отправлена была императоромъ изъ столицы экспедиція, состоявшая изъ Варяговъ и еще другихъ военныхъ людей, находившихся подъ командою Алексѣя Комнина (въ послѣдствіи императора) и Франка Урселя. — Слѣдуетъ самый рассказъ Атталіоты, который мы сначала передаемъ перифразомъ для избѣжанія всякихъ длинныхъ комментаріевъ, а потомъ въ буквальномъ переводѣ. Само собою разумѣется, что въ перифразѣ мы будемъ ставить слова «Русь» и «Варяги» только тамъ, гдѣ они употребляются въ подлинникѣ; а отрядъ Комнина и Урселя мы будемъ называть греческимъ отрядомъ для краткости и ясности. Инсургенты же въ подлинникѣ называются то приверженцами Вріеннія, то Македонами.

Изъ Константинополя были отправлены два отряда: одинъ русскій пѣшей — на корабляхъ, другой греческій — конный — сухимъ путемъ. Оба должны были подойти къ Аеиру въ одно время, но съ разныхъ сторонъ: греческій отрядъ долженъ былъ напасть на городокъ для крѣпостцу Аеирѣ съ востока и выгнать оттуда инсургентовъ навстрѣчу другому отряду, который придетъ съ запада, со стороны моря. Если бы этотъ планъ былъ точно исполненъ, то полный успѣхъ экспедиція не подлежалъ бы

сомнѣнію; добыча не могла бы ускользнуть. Но планъ этотъ не былъ точно исполненъ. Правда, что оба отряда, и сухопутный и морской, т.-е., конный и пѣшій, пришла къ Аюру въ одно и то же время. Но греческій отрядъ замѣтилъ вдали какихъ-то Македонянъ и вмѣсто того, чтобы идти на приступъ къ Аюру, бросился за ними и сталъ ихъ преслѣдовать. Греки въ этомъ случаѣ поступили очень нерасчетливо: догнать Македонянъ имъ не удалось, да и съ Варягами они не соединились для одновременнаго нападенія на крѣпость, которое было ранѣе условлено, т.-е., эгимъ увлеченіемъ былъ разстроены весь планъ. Когда съ своей стороны Варяги бросились на приступъ и проникли въ городъ съ запада, то 1) они принуждены были сражаться одни, а 2) для бунтовщиковъ оставался открытымъ путь отступленія съ восточной стороны, со стороны суши. Этимъ, дѣйствительно, и воспользовались разбитые инсургенты: они сѣли на лошадей и устремились въ бѣгство, не встрѣтивъ никакой преграды себѣ и оставивъ позади себя пѣхотный отрядъ Варяговъ. Алексѣй Комнинъ и Урсель, увлекшіеся преслѣдованіемъ другихъ Македонянъ, воротились на условленное мѣсто подъ Аюромъ уже поздно; но все-таки, командуя коннымъ отрядомъ, они бросились въ погоню за разбитыми и напуганными бѣглецами, бывшими защитниками Аюра. Однако, это преслѣдованіе было непродолжительно: все дѣло ограничилось захватомъ въ плѣнъ нѣсколькихъ инсургентовъ. Гораздо болѣе потерь понесли они въ самомъ Аюрѣ, во время штурма, отъ русскаго отряда: нѣсколько человекъ лежали здѣсь убитыми, другіе тоже попались въ плѣнъ¹⁾.

Вотъ буквальный переводъ отрывка, доказывающій, что ни- 398
какихъ измѣненій по смыслу мы не сдѣлали въ своемъ перифразѣ:

1) Уже не для ясности, а для наглядности резюмируемъ этотъ рассказъ такимъ образомъ:

Греки должны были соединиться съ Русскими и напасть вмѣстѣ съ ними на крѣпость.

Но Греки не соединились съ Варягами, и эти послѣдніе одни проникли въ крѣпость.

Здѣсь, при взятіи крѣпости, Русскими было убито нѣсколько инсургентовъ.

«Русскіе корабли, получившіе приказаніе напасть съ моря, подали знакъ войнамъ на сушѣ, чтобы они ранѣе утромъ въ одно время съ ними подступили къ Аѳѳру, заперли тамъ внутри противника со всѣми его сообщниками и, вступивъ съ нимъ въ бой, оборотили его (къ морю), и такимъ образомъ загнали бы всѣхъ какъ бы въ сѣти подъ руку ихъ (т.-е., не кораблей, конечно, а Русскихъ, имѣющихъ прибыть на корабляхъ), отъ которой враги найдутъ плѣнъ или убійство. Это былъ планъ ясный, стратегическій и обѣщавшій полную добычу. Но въ своемъ исполненіи, не будучи вполне соблюденъ, онъ погубилъ плоды побѣды. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ собрались сухопутное и морское войска; но войны сухопутнаго отряда, отправившагося впередъ къ городку, убоявшись съ своего пути, замѣтивъ какихъ-то Македонянъ, расположившихся въ отдаленія на поляхъ, и желая захватить ихъ: ихъ они не поймали и промахнулись въ своей попыткѣ, да и съ Варягами не успѣли соединиться, когда тѣ подступили къ Аѳѳру. Между тѣмъ Варяги все-таки, разломавъ ворота, проникли внутрь городка, и еще раннимъ утромъ бились полнымъ боемъ съ приверженцами Вриеннія. Но послѣдше, будучи конниками, сѣли на лошадей и устремились въ бѣгство; такъ какъ на сухомъ пути (т.-е., со стороны суши) не было видно военныхъ людей, которые бы могли встрѣтить ихъ, то они избѣгли гибели. Позже явился Урсель вмѣстѣ съ Алексѣемъ и погнались сзади, но, когда они хотѣли продолжать преслѣдованіе и уничтожить большое число противниковъ, потрясенныхъ страхомъ и бѣгущихъ безъ оглядки, то не нашли послушанія у собственныхъ воиновъ, такъ какъ они боялись исхода (этой погони). Нѣсколько Македонянъ все-таки пало въ замкѣ отъ Русскихъ, а другіе были взяты въ плѣнъ ими же, а равнымъ образомъ и конниками».

Признаемся, что мы по крайней мѣрѣ двадцать разъ читали и перечитывали этотъ отрывокъ, стараясь понимать его такъ, чтобы не выходило тождества Руси, которая должна была напасть на Аѳѳръ съ морской стороны, Варяговъ, которые дѣйствительно напали и проникли въ городъ, и снова Руси, которая захватила въ плѣнъ и убила нѣсколько человекъ въ городѣ,—и всякій разъ находили это невозможнымъ. Мало того—мы пред-

ложили этотъ отрывокъ на обсужденіе въ одномъ частномъ ученомъ собраніи, гдѣ достаточно было лицъ, хорошо знающихъ греческій языкъ и, конечно, не лишенныхъ здраваго смысла. Они тоже не нашли возможнымъ никакого другого объясненія, кромѣ того, на которомъ мы должны были остановиться. А Д. И. Иловайскій авторитетно и сухо замѣчаетъ: «тождество Руся и Варяговъ изъ даннаго примѣра такъ же не слѣдуетъ, какъ и въ всѣхъ предыдущихъ: Варяги и Русь участвовали въ этомъ походѣ и сражались рядомъ, нѣсколько не мѣшая каждой части оставаться при своей національности». — Для насъ, конечно, было бы интересно выслушать не столь односложный приговоръ, а нѣсколько болѣе мотивированный; если Д. И. Иловайскій думаетъ убѣдить насъ простымъ отрицаніемъ того, что мы считаемъ очевидностью, то онъ ошибается.

Затѣмъ слѣдуютъ грамоты, недавно изданныя и впервые нами указанныя. Въ одной изъ этихъ грамотъ говорится объ освобожденіи извѣстнаго монастыря отъ сборовъ въ пользу «Варяговъ Руси или Саракинъ или Франковъ»; во второй и третьей — объ освобожденіи богоугоднаго заведенія, основаннаго вышеупомянутымъ Атталиотой, отъ постоя военныхъ людей: «еще же Руся Варяговъ или Кулпинговъ или Франковъ или Болгаровъ или Сарацынъ». Въ четвертой грамотѣ союзы печатаютъ, но Русь все-таки стоитъ рядомъ съ Варягами: «Руся Варяговъ Кулпинговъ Инглиновъ Франковъ». — На томъ основаніи, что Русь въ грамотахъ вездѣ стоитъ рядомъ съ Варягами и въ трехъ грамотахъ нѣтъ между ними частицы или, я заключаю, что оба эти названія слитно и вмѣстѣ означаютъ одно, что ихъ надобно переводить словами: «Руся-Варяговъ или Варяговъ-Руся». На это Д. И. Иловайскій мнѣ возражаетъ: «Но откуда слѣдуетъ, что частица или непременно должна начинаться со второго слова, а не съ третьяго. Голословная ссылка на Василия слишкомъ недостаточна».

Что сказать на это? У меня было объяснено, откуда это слѣдуетъ, и въ доказательство была приведена не одна голословная ссылка. У меня было написано, между прочимъ: «если бы слово Русь составляло особенный, отдѣльный членъ въ раздѣленіи, или особую статью въ перечисленіи, то юридическая точность жало-

ванной грамоты и логическая правильность рѣчи требовали бы раздѣлительной частицы уже послѣ перваго члена предъ вторымъ, предъ словомъ Русь. Такъ оно и бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этому быть слѣдуетъ. Излишне было бы приводить примѣры для этого, потому что намъ пришлось бы выписывать страницы изъ «Васяликъ» для доказательства того, что естественно и необходимо само по себѣ. Желаящіе имѣть такія доказательства пусть прочитаютъ внимательно, положимъ, самую грамоту Христодулу (изъ которой взять одинъ отрывокъ съ Русью-Варягами), «и они найдутъ примѣры на указываемое нами правило». Почему же Д. И. Иловайскій не потрудился заглянуть хоть въ грамоту Христодулу, послѣ того какъ мною было 399 указано очень доступное изданіе, въ которомъ она напечатана. Тамъ онъ нашелъ бы вотъ что: «этотъ островъ не будетъ подъянень лицамъ царскимъ или митрополчьимъ, или епископскимъ или церковнымъ» (Zachariae, Jus Graeco-romanum III, 373). Или же: «монастырь освобождается отъ всякихъ поборовъ въ пользу судей или сборщиковъ податей, или другихъ начальниковъ» (ibid. p. 374). Вышеокъ изъ византійскаго пятитомнаго свода законовъ (Basilica) я и теперь не считаю нужнымъ приводить въ большомъ количествѣ, хотя бы я не въ греческомъ подлинникѣ. Развертываю нѣсколько страницъ на удачу. Т. I, стр. 128. «Богадѣльни или страннопріимницы, или больницы, или другіе богоугодные дома, имѣющіе собственное управленіе» и т. д. А далѣе снова: «страннопріимница, или богадѣльня, или больница». Т. I, стр. 138: «Если православный продаетъ свое имѣніе, на которомъ выстроена церковь, Іудею, или Самаритянину, или Еллину, или Монтанисту, или Аріанину». Томъ IV, стр. 160: «Сыну, или дочери, или внуку, или внуку, или слѣдующимъ по нисходящей линіи» и т. д. и т. д. Кажется, я имѣлъ нѣкоторое право сказать, что тамъ, гдѣ этому быть слѣдуетъ, частица или начинается въ грамотахъ и юридическихъ книгахъ уже со втораго члена. Голословно же только отрицаніе Д. И. Иловайскаго.

Сверхъ того, я обратилъ вниманіе на то, что двѣ изъ этихъ грамотъ даны тому самому Атталіотѣ, о которомъ была рѣчь выше, и, нужно думать, даже написаны имъ самимъ, такъ какъ

онѣ содержать подробное перечисленіе селъ и земель, принадлежавшихъ Атталіотѣ, тогда приближенному сановнику императоровъ.— Какъ это служить въ пользу нашего чтенія «Варяговъ-Русь», понятно само собою.

Я обратилъ также вниманіе и на перемѣну порядка отдѣльныхъ реченій (Русь-Варяги, Варяги-Русь) и по этому поводу замѣтилъ, что здѣсь это ровно ничего не значитъ, а что «напротивъ, такое небольшое измѣненіе въ разстановкѣ безъ окончательнаго разлученія обѣихъ реченій доказываетъ только то, что соединеніе ихъ не случайно». Д. И. Иловайскій упрекаетъ меня за слова «ровно ничего не значитъ», опустивъ наше дальнѣйшее поясненіе, и потомъ прибавляетъ нѣсколько торжественно: «Напротивъ, это (измѣненіе порядка) прямо означаетъ, что у Грековъ не было опредѣленнаго термина «Варяго-Руссы»; иначе онъ вездѣ употреблялся бы одинаково». Мы очень благодарны за такое замѣчаніе, потому что и сама такъ думали и нигдѣ не утверждали, чтобы «Варяги-Русь» былъ терминъ. Замѣчаніе Д. И. Иловайскаго не обличаетъ дальновидности; вмѣсто опроверженія онъ говоритъ въ нашу пользу. Терминъ способенъ дѣлаться чѣмъ-то окаменѣлымъ; разъ войдя въ употребленіе, онъ сохраняется неизмѣнно, несмотря на перемѣну отношеній, имъ выражаемыхъ. Такимъ образомъ, если бы кто захотѣлъ возражать противъ нашей теоріи о тождествѣ Варяговъ и Русскихъ въ XI столѣтіи, то онъ могъ бы сказать: «положимъ, въ грамотахъ XI вѣка Варягами называются Русскіе; но это старый терминъ, оставшійся отъ стариннаго времени—отъ IX или X вѣка, когда подъ Русью еще разумѣлись Скандинавы, а не славянская Русь». . .

Въ дальнѣйшемъ своемъ разсужденіи по поводу грамотъ и нашего ихъ толкованія Д. И. Иловайскій кое-что перепуталъ; но такъ какъ это сдѣлано, конечно, безъ всякаго злого умысла и не особенно важно, то мы проходимъ это молчаніемъ.

Надъ нашими второстепенными доказательствами Д. И. Иловайскій останавливается несоразмѣрно долго и опровергаетъ ихъ уже не голословно, а противопоставляя свои собственныя соображенія. Но мы никакъ не можемъ сказать, чтобы эти опроверженія и собственныя толкованія нашего оппонента имѣли хотя тѣнь основательности.

Мы отмѣчаемъ упоминаніе о Русскихъ у Скилицы (писатель самаго конца XI вѣка), въ исторіи похода Романа Діогена противъ Турокъ-Сельджукидовъ, останавливаемся на этомъ извѣстіи и спрашиваемъ: откуда взялъ это свѣдѣніе о Русскихъ и вообще о походѣ Романа Діогена этотъ писатель? Всякій, кто дастъ себѣ малевкій трудъ сличить рассказъ Скилицы съ сочиненіемъ его старѣйшаго современника Атталіоты, спутника Романа IV въ его турецкихъ походахъ, тотъ убѣдится, что Скилица не имѣетъ ни одного своего факта, и увидитъ, что онъ буквально всю исторію походовъ Романа Діогена выпisałъ изъ книги Атталіоты. Значитъ, и свѣдѣніе объ участіи русскихъ въ походѣ онъ, Скилица, долженъ былъ заимствовать у Атталіоты. Но у Атталіоты совсѣмъ не упоминается о Русскихъ. Помянуты Франки, которые есть потомъ и у Скилицы, помянуты Печенѣги, которые есть потомъ у Скилицы — хотя подъ другимъ именемъ Узовъ; а Русскихъ нѣтъ. Русскихъ нѣтъ, но за то есть Варяги, которыхъ, обратно, не находится у Скилицы. Мы заключаемъ отсюда, что Скилица взялъ своихъ Русскихъ также у Атталіоты, какъ и все другое, но нашелъ или увидѣлъ ихъ въ лицѣ Варяговъ, т.-е., замѣнилъ словомъ «Русскіе» слово «Варяги». Такое заключеніе мы подтверждаемъ нѣкоторыми наблюденіями надъ порядкомъ размѣщенія, въ какомъ разныхъ составныхъ частяхъ арміи византійской являются у того и другого писателя; а дѣйствительное присутствіе Русскихъ въ походахъ Романа подкрѣпляемъ свидѣтельствомъ арабскаго писателя Ибнъ-Атира.

Что же возражаетъ на это Д. И. Иловайскій? Намъ кажется, что онъ совершенно не понялъ силы и смысла нашего доказательства, хотя оно совершенно ясно и просто. Если бы понялъ, то не сталъ бы указывать на слова Скилицы: «и другихъ попавшихъ случайно иноплеменниковъ», которыми Скилица кончаетъ свое исчисленіе народовъ въ арміи Діогена; въ числѣ этихъ другихъ иноплеменниковъ ничто-де не мѣшаетъ разумѣть именно русскихъ. Но рѣчь наша шла совсѣмъ не о томъ: мы спрашивали, повторяемъ, — откуда Скилица взялъ свое опредѣленное извѣстіе о присутствіи воиновъ, которыхъ онъ называетъ собственнымъ именемъ «Варяги»... Когда сравниваютъ критически одного писателя съ другимъ, то обращаютъ вниманіе не на случайныя

неопредѣленныя фразы, маскирующія иногда заимствованіе или плагиатъ, а сравниваютъ фактическія данныя, ихъ порядокъ и тождество или различіе, сравниваютъ собственныя имена, имена дѣйствующихъ лицъ, географическія названія и т. д., вообще, всѣ такія слова и названія, которыхъ нельзя придумать по произволу, а надобно либо самому знать, либо узнать отъ другихъ. Съ этой точки зрѣнія слова «и другихъ попавшихъ иноплемянниковъ» вовсе не идутъ въ сравненіе ни съ Русскими Атталіоты, ни съ Варягами Скилицы. Сравняйте собственныя имена первоначальнаго, оригинальнаго писателя съ собственными же именами его компилятора, а не съ какими-либо ничего не значащими фразами. Сравняйте далѣе языкъ вообще, сходство или тождество словъ и выраженій.

Держась этихъ правилъ, мы никакъ не могли сдѣлать съ отрывкомъ изъ Ибнъ-Атира то, что совѣтуетъ намъ Д. И. Иловайскій. Ибнъ-Атиръ, писатель совершенно независимый отъ двухъ названныхъ Византійцевъ, пишетъ, что армія Романа IV состояла изъ Византійцевъ, Франковъ, Руссовъ, Печенѣговъ, Арабовъ и Грузинъ. Д. И. Иловайскій по этому поводу замѣчаетъ: «Если принять систему автора, то, сравнивая Атира со Скилицею, придется Арабовъ отождествить съ Македонянами (стоящими у Скилицы на соответственномъ мѣстѣ), а Грузинъ съ Болгарами».

Нѣтъ, это не наша система, мы отвергаемъ ее съ негодованіемъ; мы предоставляемъ ее кому-нибудь другому. Съ какой стати мы стали бы ожидать и требовать, чтобы Атиръ, въ отношеніи къ Скилицѣ совершенно самостоятельный писатель, размѣшалъ слова и названія въ такомъ же порядкѣ, какъ Скилица?... А если бы уже рѣшились сравнивать оба отрывка—византійскій и арабскій,—то, конечно, сдѣлали бы это совершенно иначе. Мы бы сказали, что Византійцы Атира = Македонянамъ, Болгарамъ и Каппадокійцамъ Скилицы, Печенѣги Атира = Печенѣгамъ Атталіоты и Узамъ Скилицы, Арабы и Грузины Атира = другимъ иноплемянникамъ Скилицы. Оставались бы у Атира Руссы, а у Скилицы Варяги...

Свое разсужденіе по поводу нашего сравненія Атталіоты и Скилицы Д. И. Иловайскій заключаетъ слѣдующими въ высшей

степени странными словами: «А будто Скилица свои извѣстія почерпалъ только изъ Атталіоты, то это не совсѣмъ вѣрно: первый много заимствовалъ у второго, но имѣлъ, конечно, и другіе источяники». — Вотъ единственное замѣчаніе, которое мы считаемъ прямо оскорбительнымъ и обиднымъ. Какъ! Мы заявляемъ притязаніе на критику источниковъ, постоянно ссылаемся на взаимное отношеніе между ними и даже въ одномъ мѣстѣ похвалились этимъ, какъ особенностью нашего изслѣдованія противъ другихъ подобныхъ трудовъ, и вдругъ—мы <ничего> не знаемъ, говоримъ неправду въ самомъ элементарномъ, самомъ первоначальномъ вопросѣ критики, вопросѣ объ источяникахъ Скилицы! Мы будто бы сказали такую пелѣпость, что Скилица заимствовалъ свои извѣстія только у Атталіоты, тогда какъ хроника Скилицы относится болѣею половиною своего содержанія къ такому времени, о которомъ Атталіота совсѣмъ ничего не писалъ. Съ какой, однако, стати и на какомъ основанія Д. И. Иловайскій обвиняетъ насъ, хотя и косвенно, въ непростительномъ легкомысліи или даже шарлатанствѣ? Совершенно не кстати и безъ всякаго разумнаго основанія. Мы никогда и не помышляли написать, что Скилица всѣ свои извѣстія почерпалъ у Атталіоты, а утверждали, утверждаемъ и будемъ утверждать, что въ исторіи походовъ Романа IV Діогена Атталіота служилъ единственнымъ источяникомъ для Скилицы. Это не новость и не наше открытіе, а истина, бросающаяся въ глаза и замѣченная другими, кто имѣлъ въ рукахъ того и другого писателя. Пусть попытается опровергнуть ее Д. И. Иловайскій: онъ сдѣлаетъ тогда открытіе въ наукѣ и въ византійской исторіографіи... Мы не имѣемъ обыкновенія писать что-нибудь паобумъ.

Кромѣ Атталіоты другой самостоятельный и оригинальный писатель XI вѣка есть недавно изданный Михаэль Пселлъ, съ русскими отрывками котораго мы познакомили въ своей статьѣ изслѣдователей варяжскаго вопроса. Мы утверждаемъ, что всякій разъ, какъ онъ говоритъ о «сѣквроносцахъ» — обычное обозначеніе Варяговъ, — то подъ ними онъ разумѣетъ Тавроскиѳовъ, т.-е., Русскихъ. Въ доказательство мы привели одно мѣсто изъ Пселла, гдѣ описывается церемоніаль, которымъ окруженъ былъ Исаакъ Комнинъ, провозгласившій себя императоромъ въ

1057 году. Здѣсь Русскіе (Тавроскиевы) являются въ такомъ видѣ, въ какомъ мы привыкли представлять себѣ Варяговъ по описаніямъ позднѣйшихъ византійцевъ: они окружаютъ тронъ императора, составляютъ нѣкотораго рода лейбъ-гвардію и вооружены топорами; однимъ словомъ, это — Варяги, и самые основательные византинисты, которымъ сочиненіе Пселла было вѣстно по рукописямъ, относили указываемое нами описаніе къ Варягамъ (Дю-Канжъ), только упуская изъ виду и не упомянувъ, что эти Варяги Пселла, по его собственнымъ словамъ, суть Русскіе. — Нашъ уважаемый противникъ также не отвергаетъ, по видимому, того факта, что у Исаака Комнина должность Варяговъ исполняли Русскіе. Но чтобы ослабить силу нашего доказательства, онъ прибѣгаетъ къ слѣдующему возраженію, подсказанному и опровергнутому въ самой нашей статьѣ: церемоніаль, которымъ окружалъ себя Исаакъ Комнинъ, быть можетъ, имѣлъ не обычный, правльный характеръ, а соответствовалъ революціонному положенію узурпатора; Тавроскиевы (Русскіе) 401 занимали мѣсто Варяговъ потому только, что были сообщниками Исаака съ самаго начала его возстанія. Въ опроверженіе такого толкованія мы указали на другой примѣръ придворнаго церемоніала уже въ 1042 году и въ самомъ Константинополѣ, въ столицѣ, описанный тѣмъ же самымъ Пселломъ. Напрасно Д. И. Иловайскій не послѣдовалъ нашему приглашенію поближе сравнить сцену 1057 года съ придворнымъ чинномъ императрицы Θεодоры (1042 г.). Θεодору также окружали «люди племени тѣхъ, которые потрясаютъ сѣкирою на правомъ плечѣ», т.-е., несомнѣнно Варяги. А какой національности были эти сѣкироносцы, окружавшіе Θεодору? — Чтобы узнать это, нужно обратиться къ предыдущимъ страницамъ Пселла и къ седьмой главѣ нашего изслѣдованія. Θεодора была обязана возведеніемъ на престолъ «союзникамъ и наемникамъ, содержимымъ императорами во дворцахъ». Пселлъ, которому принадлежатъ подчеркнутыя выраженія, прямо объясняетъ, что подъ этими союзниками и наемниками опъ разумѣетъ Тавроскиевовъ, т.-е., Русскихъ; а вооружены эти союзники топорами или сѣкирами (р. 92). Итакъ, эти союзные сѣкироносцы низвергли Михаила V Калафата, возвели на престолъ Θεодору. — Зачѣмъ же далеко ходить, чтобы

узнать, кто разумѣется подъ сѣкироноснымъ родомъ, окружающимъ тронъ Θεодоры вскорѣ послѣ ея восшествія на престолъ?... Очевидно, что какъ въ «военное время», такъ и въ «мирное время» сѣкироносцами, или Варягами, были Русскіе. То, что люди сѣкироноснаго рода, упоминаемые подъ 1042-мъ годомъ, были Русскіе — это мы узнаемъ и полагаемъ не по аналогіи съ церемоніаломъ Исаака Комнина, а совершенно независимо отъ того, хотя, конечно, трудно предполагать, чтобы Русскіе, являющіеся съ сѣкирами въ 1057 году, только въ этомъ году приучились владѣть такимъ оружіемъ, а не ранѣе.

Далѣе Д. И. Иловайскій пишетъ: «Да проститъ насъ авторъ, если мы замѣтимъ, что настоящее изслѣдованіе его наполнено подобнаго рода сближеніями и выводами... Между прочимъ можно ли серьезно предлагать такую дилемму? «Способъ доказательства, котораго мы держались въ этой главѣ, слѣдующій:

Симмахиконъ (союзный корпусъ) = Тавроскиѳы, т.-е., Руссы.
Симмахиконъ = Варяги (въ Грузіи и Италіи).
Слѣдовательно Руссы = Варяги».

Снѣмъ увѣрить Д. И. Иловайскаго, что ни серьезно, ни въ шутку мы своего доказательства въ такомъ странномъ видѣ не предлагали, равно какъ и не называли его дилеммою. — Мы резюмировали такимъ образомъ содержаніе одной извѣстной главы <XI>, и безъ указаній на содержаніе этой главы выписка, сдѣланная Д. И. Иловайскимъ, есть неумѣлость, за которую мы не принимаемъ отвѣтственности. А содержаніе подразумеваемой главы было слѣдующее: Когда Пселмъ говоритъ о союзникахъ, о союзномъ корпусѣ, онъ разумѣетъ Русскихъ. «Союзники и наемники, я разумѣю Тавроскиѳовъ» — вотъ его слова (Симмахиконъ = Тавроскиѳы). Рассказывая о событіяхъ 1047 года, онъ говоритъ, что союзнической корпусъ былъ тогда въ глубинѣ Грузіи. А изъ грузинскихъ источниковъ мы видимъ, что дѣйствительно въ тотъ самый годъ, который имѣетъ въ виду Пселмъ, въ Грузіи дѣйствовалъ корпусъ, состоявшій изъ 3000 Варяговъ (Varangues) (Симмахиконъ = Варяги). Мы думаемъ, что отсюда совершенно серьезно можно предполагать, а при существованіи другихъ основаній — даже и доказывать, что союзный корпусъ,

состоявшій изъ Тавроскиевовъ, и Варяги грузинской лѣтописи одно и то же.

Къ этому грузинскому извѣстію Д. И. Иловайскій чувствуетъ какую-то особую неприязнь, какъ вообще къ новымъ и незнакомымъ доселѣ фактамъ и свидѣтельствамъ. Онъ упрекаетъ насъ, зачѣмъ мы обходимся съ такими источниками слишкомъ довѣрчиво, какъ будто съ математическими данными, зачѣмъ цифру 3000 принимаемъ за несомнѣнную. Что сказать на это? Если Д. И. Иловайскій на какомъ-либо основаніи думаетъ, что Варяговъ въ Грузіи было не 3000, какъ сказано въ лѣтописи, а 2.998 или 2.987, то мы готовы согласиться съ нимъ. Относительно достовѣрности грузинской лѣтописи вообще Д. И. Иловайскій пусть обратится къ изслѣдованіямъ ея издателя и переводчика акад. Броссе (Введение). А въ частности—относительно событій 1047-го года за достовѣрность грузинскаго источника ручается его согласіе съ византійскимъ.

Изъ свидѣтельства грузинской хроникѣ о 3.000 Варяговъ мы дѣлаемъ догадку о полномъ составѣ варяжскаго корпуса, принимая въ расчетъ, что другіе Варяги въ этотъ же 1047-й годъ дѣйствуютъ въ южной Италіи. Что Варяги въ 1047-мъ году дѣйствительно были тамъ въ большомъ числѣ, это мы не «полагаемъ», а знаемъ навѣрное и приводимъ въ доказательство цѣлый рядъ выписокъ изъ южно-итальянскихъ анналистовъ; «полагаемъ» же только то, что и тамъ Варяговъ могло быть не менѣе 3.000 человекъ.

Затѣмъ Д. И. Иловайскій говоритъ еще объ «интересныхъ пріемахъ», которыми изслѣдователь (т. е., ижеподписавшійся авторъ статьи о Варягахъ) старается будто бы устранить прямыя свидѣтельства источниковъ о (скандинавской?) національности Варяговъ XI столѣтія; слѣдуетъ очень искусно и сильно сгруппированное перечисленіе нашихъ грѣховъ противъ Врѣвнѣя, Кедрина-Скилицы и Анны Комниной... Всё-то они прямо говорятъ о скандинавизмѣ Варяговъ, и всёхъ то мы ихъ неизвѣстно почему отвергаемъ. «Насколько критично такое отношеніе къ источникамъ, предоставляю судить читателямъ компетентнымъ»—прибавляетъ къ своему обличенію Д. И. Иловайскій. Нѣтъ спору, что съ полемической точки зрѣнія онъ напи-

сая эффектную страницу, но съ точки зрѣнія истины и критики исторической—не сказалъ ничего такого, что носило бы характеръ убѣдительности.

Не говоря о состоятельности отдѣльныхъ возраженій, мы позволимъ себѣ утверждать, что всѣ упреки, обращенные къ намъ Д. И. Иловайскимъ относительно натяжекъ, произвольныхъ толкованій, только тогда имѣли бы полную силу, если бы онъ опровергъ наши прямыя доказательства, на которыя опирается нашъ взглядъ, доказательства, взятые изъ документовъ и современныхъ писателей XI вѣка (Атталіота и Пселль). Твердить, что Византіяны нигдѣ, ни единымъ словомъ не проговорились о русскомъ или тавроскиоскомъ происхожденіи Варяговъ — легко, еще легче, чѣмъ «не понимать» Атталіоты и не читать Пселла. Съ объясненія приведенныхъ нами изъ этихъ писателей мѣстъ Д. И. Иловайскому собственно и слѣдовало начать свое предпріятіе, такъ какъ изъ всѣхъ результатовъ нашего изслѣдованія онъ выбралъ для обсужденія одно положеніе о тождествѣ Варяговъ и Руси. Подождемъ теперь — просимъ читателя хоть на время раздѣлить наше убѣжденіе, — что опровергнуть прямыхъ нашихъ доказательствъ не удалось почтенному Д. И. Иловайскому, что грамоты, Атталіота и Пселль считаютъ Варяговъ и Русь за одно и то же. — Въ какомъ же положеніи очутимся мы относительно нашей задачи въ виду противорѣчія другихъ источниковъ: Кедряна, Вриеннія и т. д.? Лучшіе и по качеству и по древности источники — Атталіота и Пселль, а также грамоты — говорятъ, что современные имъ Варяги были русскіе люди. Писатели позднѣйшіе (XII и XIII вв.), излагавшіе исторію своего времени (Книпамъ, Хониатъ), говорятъ, что Варяги были Англо-Саксы. Противорѣчія между тѣми и другими шѣтъ: они говорятъ каждый о своемъ времени, а составъ варяжской дружины, какъ это принимаетъ теперь и Д. И. Иловайскій, могъ измѣниться; мы даже имѣемъ положительныя доказательства, когда это случилось (послѣ 1081 года). Но вотъ есть еще третій разрядъ писателей, жившихъ также въ XII вѣкѣ, но описывавшихъ событія XI вѣка: это составители компіляцій, совершенно неоригинальныхъ, а вполнѣ извлеченныхъ изъ другихъ готовыхъ авторовъ: относительно XI вѣка изъ того же самаго Атталіоты и

Целла. И вотъ эти послѣдніе писатели противорѣчатъ своимъ древнѣйшимъ источникамъ: говорятъ, что въ XI вѣкѣ Варягами были—кто? Не Русскіе, а кто-то другой, по одному Кельты, а по другому жители страны близкой къ океану.—Какъ слѣдуетъ понимать это и въ комъ нужно предположить ошибку?—Развѣ такое необычайное дѣло, что не только средневѣковые писатели, но и новые ученые переносятъ воззрѣніе и обстановку своего времени на прошедшія времена; Кельты и жители страны, близкой къ океану, во всякомъ случаѣ, суть тѣ же самые Англо-Саксы, которые извѣстны подъ такими же обозначеніями другимъ писателямъ XII вѣка. Итакъ, всего проще предположить, что Кедринъ и Вріенній просто-напросто, хотя совершенно ошибочно, думали, что то, что было при нихъ, было и прежде. Почему «Кельты» или «жители страны близкой къ океану» должно обозначать именно Скандинавовъ, этого мы никогда не въ состояніи будемъ понять.

Наша «интересные приемы», посредствомъ которыхъ мы устраняемъ «свидѣтельства источниковъ о національности Варяговъ», основаны на самомъ простомъ и элементарномъ правилѣ критики: свидѣтельства современныя имѣютъ преимущество предъ позднѣйшими, источники первичные предъ производными. Но этого мало. Не слѣдуетъ думать, что въ самомъ дѣлѣ Кедринъ, Вріенній и Анна Комнина (о ней еще рѣчь ниже) уже очень настойчиво твердятъ о кельтицизмѣ или океанизмѣ Варяговъ XI вѣка. У каждаго изъ этихъ авторовъ находится только по одной замѣткѣ, съ давняго времени эксплуатируемой въ извѣстномъ смыслѣ русскими и нерусскими учеными, никогда не дававшими себѣ труда всмотрѣться въ дѣло пристальнѣе. Мы первые рѣшились коснуться этой традиціонной святыни и—къ какимъ мы пришли результатамъ? Мы пришли къ заключенію, что замѣтка Скилицы-Кедрина о кельтической національности Варяговъ XI вѣка даже не принадлежитъ ни Скилицѣ, ни Кедрину, а есть позднѣйшее толкованіе, вставка, глосса. Мы высказали ожиданіе, что, когда будетъ издавъ подлинный греческій текстъ Скилицы, то въ немъ, по всей вѣроятности, не окажется этой замѣтки. На такую догадку Д. И. Иловайскій замѣчаетъ: «Но вѣдь это простое предположеніе; какъ же строить на немъ

выводы?» Но 1) совсѣмъ не на этомъ построены наши выводы, а 2) въ добрый часъ молвить, наше предсказаніе уже давно исполнилось, и мы предсказывали только по незнанію, которое мы раздѣляли со всѣми другими изслѣдователями варяжскаго вопроса. Едва ли кто теперь читаетъ комментаріи къ византійцамъ первыхъ ихъ издателей (XVI вѣка), хотя бы это было и не лишнее въ виду малаго прогресса, замѣчаемаго въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Изъ замѣчаній Ксиландра (Holzmann), издавшаго въ первый разъ (въ 1565 году) до сихъ поръ перепечатываемый текстъ Кедріна, мы видимъ теперь, что въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ Кедріна при словѣ «Варяги» въ томъ именно мѣстѣ, которое насъ интересуетъ, стояла замѣтка переписчика, указывающая на его незнаніе, откуда и кто были Варяги, и на его намѣреніе объяснить это потомъ. Итакъ — словъ «Варяги же кельтическая нація, служащая по найму Грекамъ», по крайней мѣрѣ въ главномъ спискѣ Кедріна первоначально не было, и они явились только въ отвѣтъ на высказанное или представившееся недоумѣніе. Какъ бы ни почтенна и стара была интерполяція по отношенію къ тексту Кедріна, она относится только къ началу XIII вѣка, какъ это видно изъ другихъ замѣтокъ того же переписчика, слѣдовательно, къ такому времени, когда русскіе Варяги давно были забыты, а существовали только англо-саксонскіе и датскіе. Что касается до латинскаго Скилицы, то интерполяція попала сюда, очевидно, изъ буквально-тождественнаго текста Кедріна. Вставка сдѣлана до такой степени неловко, что она разрываетъ даже грамматическій строй предложенія; сдѣлана она, конечно, самимъ Габіемъ (переводчикомъ XVI столѣтія).

Д. И. Иловайскій беретъ подъ свою защиту и Никифора Врѣннія, который говоритъ, что придворная стража, участвовавшая въ возведеніи на престолъ Михайла VII (1071 г.), состояла изъ людей «родомъ изъ варварской страны близкой къ океану, издревле отлпчавшихся вѣрностію греческимъ императорамъ». — Пока не была издава исторія Пселла, то эта замѣтка Врѣннія, пожалуй, могла имѣть нѣкоторое значеніе. Но теперь мы знаемъ, что Врѣнній именно въ повѣствованіи о событіяхъ, предшествовавшихъ возведенію на престолъ Михайла VII, дѣлалъ

страняцы выписываетъ изъ философа Пселла. Въ самомъ отрывкѣ, гдѣ упомянуты эти царскіе стражи (Варяги), онъ только слегка передѣлываетъ стиль своего подлинника, какъ это показываетъ текстъ того и другого, напечатанный en regard въ концѣ 10-й главы нашего изслѣдованія. Но слова о происхожденіи царской стражи изъ далекой страны и о старинной ея вѣрности суть уже не простое стилистическое измѣненіе, а прямая вставка, интерполяція въ первоначальномъ текстѣ. — Послѣ того какъ мы получили первоначальный текстъ въ руки, мы и знать не хотимъ его позднѣйшихъ передѣлокъ. Пусть Д. И. Иловайскій толкуетъ о томъ, что Вриенній очень хорошо зналъ предвѣрныхъ Варяговъ и могъ указывать на ихъ родину безъ всякаго отношенія къ Пселлу. Конечно, зналъ, но только Варяговъ своего времени (XII вѣка); конечно, могъ указывать безъ отношенія къ Пселлу, но здѣсь онъ именно находится въ отношенія къ Пселлу, вставляетъ указаніе въ текстъ, заимствованный у этого философа и историка. О событіяхъ 1071 года въ императорскомъ дворцѣ и о роли, какая принадлежала Варягамъ, Вриенній знаетъ только то, что вычиталъ и списалъ у Пселла: откуда же онъ узналъ, что эти Варяги были не тѣ, которые обыкновенно разумѣются у Пселла, а какіе-то пришельцы отъ неизвѣстнаго океана?

Что касается Анны Комниной, то изъ нея уже ничего нельзя выжать относительно скандинавизма византійскихъ Варяговъ. Она называетъ Варягами сѣкпировосцевъ съ острова Оулы (Туле), а этотъ островъ, какъ хорошо извѣстно, означаетъ у нея именно Англію. Въ ея время Варягами несомнѣнно были Англо-Саксы. Но въ началѣ своего сочиненія Анна мимоходомъ и случайно обронила замѣчаніе о Варягахъ XI столѣтія, т.-е., не своего времени; изъ этой случайной замѣтки выходитъ, что, по представленію Анны, и въ XI вѣкѣ Варягами были Англо-Саксы, чего не можемъ допустить ни мы, ни Д. И. Иловайскій. Въ объясненіе легкаго анахронизма, допущеннаго умною писательницею, мы можемъ привести теперь еще одно замѣчаніе, помимо тѣхъ, которыя высказаны въ статьѣ. Есть двѣ редакціи сочиненія Анны Комниной: одна краткая первоначальная, а другая пространная, употребительная, но по своему происхожденію позднѣйшая. Въ

первоначальной краткой редакціи (изданной въ 1610 году въ Аугсбургѣ) нѣтъ именно тѣхъ словъ, которыя всего слышнѣе отзываются анахронизмомъ и заставляли бы думать, что не только въ 1081-мъ, но и ранѣе Варягами были Англо-Саксы; нѣтъ словъ: «вѣрность императору для нихъ, т.-е., Варяговъ съ Оузы, есть отеческое преданіе, какъ бы завѣтъ и наслѣдіе». Это обстоятельство не лишено, конечно, значенія и служитъ подтвержденіемъ нами высказаннаго предположенія, что литературная стилистическая обработка ея матеріаловъ могла завлечь Анну въ область хотя бы и не важныхъ нарушеній хронологіи.

Свою характеристику нашихъ критическихъ приемовъ Д. И. Иловайскій заключаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Не забудемъ, что переходъ отъ преобладанія скандинавскаго элемента въ дружинѣ Варанговъ къ преобладанію англо-саксонскаго совершался на глазахъ упомянутыхъ выше историковъ, и они почти не замѣчали его, благодаря родству этихъ элементовъ. Совсѣмъ другое дѣло, если бы англо-саксонская народность смѣнила славянскую; такой переходъ не могъ остаться незамѣченнымъ». — Замѣчаніе весьма благовидное на первый взглядъ, но только на первый взглядъ. Мы намѣренно, именно въ предчувствіи такого возраженія, постоянно указывали, въ какое время жили и писали каждый изъ вышеупомянутыхъ историковъ, т.-е., Кедринъ, Вриенній, Анна Комнина и пр. Если Д. И. Иловайскій захотѣлъ бы на эти указанія обратить вниманіе, то онъ легко бы убѣдился, что не было такихъ историковъ, на глазахъ которыхъ совершался бы такой переходъ. Одни жили или писали ранѣе его, другіе гораздо позже. Пселъ и Атталиота писали свои сочиненія ранѣе 1081 года. Послѣ нихъ наступаетъ смутное время норманнскихъ нашествій, крестоваго похода, когда литературная дѣятельность ослабѣла и смолкла. Анна родилась только въ 1083 году, а писала свою Алексіаду уже при третьемъ Комнинѣ, при Мануилѣ, т.-е., послѣ 1143 года. Вриенній, ея мужъ и ровесникъ, писалъ свое сочиненіе точно такъ же при Мануилѣ, незадолго до своей смерти (см. введеніе его сочиненія). Кедринъ равнымъ образомъ относится ко второй половинѣ XII вѣка. Скилица кончалъ свою исторію 1080 годомъ, хотя и былъ живъ еще въ 1092 году. За то мы

и находимъ у него, если не прямое указаніе на смѣну одной варяжской народности другою, то по крайней мѣрѣ указаніе на нѣкоторое раскассированіе варяжскаго (русскаго) корпуса. Упомянуть прямо о появленіи Англо-Саксовъ онъ еще не имѣлъ повода въ своей исторіи.

Наша система доказательствъ была, слѣдовательно, гораздо 404 обдуманнѣе и ближе къ требованіямъ критики, чѣмъ полагаетъ нашъ уважаемый антагонистъ. Не можемъ мы принять и того упрека въ смѣлости и послѣдственности выводовъ, который онъ намъ дѣлаетъ по поводу варяжской Богородицы въ Константинополѣ. На основаніи имени и мѣстоположенія (около храма св. Софій, въ видѣ, кажется, придѣла) мы заключили, что это была православная церковь. — Д. И. Иловайскій говоритъ намъ: Варяги, конечно, были католики, слѣдовательно и церковь ихъ была латинская. Д. И. Иловайскій такимъ образомъ попалъ въ западню, которая ему была устроена нами совсѣмъ безъ намѣренія... Мы не знали, что эта церковь варяжской Богородицы упоминается въ актахъ Константинопольскаго патриархата и является тамъ состоящею въ распоряженіи православнаго синода¹⁾: указаніе сдѣлано было намъ А. А. Кунякомъ тотчасъ послѣ напечатанія статьи. Положимъ, что документъ патриархата относится къ позднѣйшему времени (XIV столѣтію), все-таки подтверждается та догадка наша, что мнимая церковь св. Дѣвы Маріи, выстроенная въ Константинополѣ Гаральдомъ и его скандинавскими Варягами, просто-напросто объясняется существованіемъ православной церкви «Пресвятой Вараггютиссы». Св. Олафъ тутъ ни при чемъ....

Д. И. Иловайскій пишетъ: «Главный выводъ г. Васильевского: будто Руссы, приходившіе въ Византію въ XI вѣкѣ, сами называли себя Варягами, — находится въ явномъ противорѣчій со всѣми несомнѣнными данными. Известно, что наша лѣтопись собственно въ одной баснѣ о призваніи Варяговъ смѣшиваетъ ихъ съ Русью; но, повѣствуя о событіяхъ XI, X и даже IX вѣка,

1) [Acta Patriarch. Const. I, 423: Ἐπεὶ τὸ ὄπισθεν τοῦ ἱεροῦ βήματος τοῦ κατὰ μέγιστον καὶ θειοτάτον ναοῦ τῆς τοῦ θεοῦ λόγου σοφίας διακείμενον μονῆριον, τὸ εἰς ὄνομα τιμώμενον τῆς πανυπεράγνου δεσποίνης καὶ θεομήτορος καὶ ἐπιτεκλημένον τῆς Βαραγγιωτίσσης.....].

различаетъ Русь отъ Варяговъ. Это различіе подтверждается и такимъ оффиціальнымъ (?) документомъ, какъ Русская Правда, которая относится къ Варягамъ, какъ къ иноплеменникамъ».

Насъ крайне удивляютъ эти строки. Во 1-хъ, что Руссы, приходившіе въ Византію, называли себя Варягами — это вовсе не главный выводъ нашего изслѣдованія, а мимоходомъ высказанная догадка въ объясненіе того, почему Русскіе, составлявшіе въ Византіи 6000-ый корпусъ, названы были тамъ Варягами. Мы предполагаемъ, что это имя принесено было въ Константинополь изъ Кіева, изъ Руся. У князей кіевскихъ была иностранная дружина, состоящая главнымъ образомъ изъ Скандинавовъ, и члены этой дружины назывались Варягами. Затѣмъ сами Русскіе вступили въ такое же отношеніе къ византійскому императору, въ какомъ Скандинавы находились къ кіевскимъ князьямъ; какъ они должны были обозначать это отношеніе? Нужно ли имъ было выдумывать новый терминъ? Варягъ — на Руся и въ Византіи значитъ иноземецъ, Варяги — иностранный легіонъ, иностранный корпусъ или дружина. Отсюда понятно, что на Руся, какъ скоро она стала Русью (а лѣтопись полагаетъ, что переименованіе Словенъ и Полянъ въ Русь совершилось скорѣе и почти непосредственно за призваніемъ князей), не могло быть русскихъ Варяговъ, потому что никто не можетъ быть иностранцемъ на своей родинѣ. Итакъ, во 2-хъ, спрашивается, гдѣ же мы противорѣчимъ лѣтописи или Русской Правдѣ, и кому возражаетъ Д. И. Иловайскій? Повидямому, онъ опровергаетъ не столько насъ, сколько самого себя, ибо съ какого времени давныя нашей лѣтописи о IX и X вѣкѣ стали для него несомнѣнными? А если они несомнѣнны, то, значить, ведутъ свое начало отъ такого времени, когда не представлялось никакого повода смѣшивать Русь и Варяговъ, потому что только въ концѣ X вѣка Русскіе образовали въ Византіи варяжскій корпусъ. — Съ другой стороны, почему, въ 3-хъ, Д. И. Иловайскій не спросилъ себя, когда составлена или редактирована наша лѣтопись? По этому послѣднему вопросу мы, конечно, не пойдемъ вслѣдъ за нимъ въ глубь XIV вѣка, но, если остановимся и на XII, то этого для насъ будетъ достаточно. Уже въ XII вѣкѣ въ самой Византіи не было русскихъ Варяговъ, а были англо-саксонскіе

Варяги, что принимаетъ теперь и Д. И. Иловайскій. Итакъ, по нашей теоріи, лѣтопись, говоря о русскіяхъ событіяхъ, именно должна была отличать Русь отъ Варяговъ — особенно въ IX и X вѣкахъ, когда нигдѣ не было другихъ Варяговъ, кромѣ Скандинавовъ, особенно въ XII вѣкѣ, когда Варягами въ Византіи были Англо-Саксы и Датчане. Д. И. Иловайскій можетъ отъ насъ потребовать, чтобы мы указали ему какое-либо мѣсто изъ лѣтописи, относящееся къ XI вѣку и указывающее на тождество византійскихъ Варяговъ и Русс. Но гдѣ же намъ взять такое мѣсто, когда наша лѣтопись — по какой-то страшной, необъяснимой причинѣ — ни единымъ словомъ не проговорила даже о шестысячномъ корпусѣ, отправленномъ въ Византію Владиміромъ, о чемъ говорятъ византійскіе, арабскіе и армянскіе источники.

Если бы мы относились къ лѣтописи съ такою же свободою, съ какою къ ней давно относятся нашъ уважаемый рецензентъ, то намъ не трудно было бы указать прямое объясненіе этому странному явленію. Объясненіе мы нашли бы въ другой странности, именно въ рассказѣ объ отпращиваніи въ Византію въ Кіева скандинавскихъ Варяговъ въ 980 году или вскорѣ послѣ того: объ этомъ отпращиваніи, въ свою очередь, молчатъ византійскіе источники и не только молчатъ, но не даютъ никакого намека... Мы могли бы сказать, что и здѣсь и тамъ имѣется въ виду одинъ и тотъ же фактъ, но только въ русскомъ источникѣ онъ представленъ въ ложномъ освѣщеніи и съ небольшою невѣрностью въ хронологіи, что весьма естественно въ источникѣ, рассказывающемъ даже о крещеніи Владиміра по смутнымъ преданіямъ.

Но мы хотѣли быть осторожными. Намъ казалось, что и не утверждая такого положенія, которое можно было бы утвер- 405
ждать только послѣ тщательнаго изслѣдованія соприкасающихся вопросовъ, мы въ состояніи дать рациональное и не противорѣчащее источникамъ объясненіе первоначальной исторіи русскаго варяжскаго корпуса въ Византіи. Во всякомъ случаѣ, мы заранѣе дали отвѣтъ на такіе вопросы и недоумѣнія, съ какими къ намъ обращается въ началѣ своей рецензіи Д. И. Иловайскій. Онъ находитъ совершенно непонятнымъ, почему Русскіе, упоминаемые на византійской службѣ уже съ начала X вѣка и назы-

ваемыя у византійцевъ Русью уже съ этого времени, будто бы переименованы въ Варяговъ съ конца X столѣтія и почему, получивъ названіе Варяговъ, не перестали называться Русью послѣ того... Отвѣтъ былъ уже крайне простъ. 1) Русскіе и послѣ поступленія въ Варяги не переставали быть и называться Русскими, т.-е., не были, какъ выражается Д. И. Иловайскій, переименованы. 2) Послѣ поступленія шести тысячъ Русскихъ на византійскую службу въ Россіи оставалось еще много Русскихъ, которые не могли быть называемы Варягами, потому что не служили въ Византіи. 3) Есть существенная разница между небольшимъ количествомъ Русскихъ, служившихъ въ византійскихъ этеріяхъ и въ византійскомъ флотѣ раиѣ 998 года, и цѣлымъ корпусомъ, поступившимъ на службу императорамъ въ этомъ году. Только тогда, когда Русскіе составили отдѣльный спеціальныи корпусъ, особеннымъ образомъ вооруженный, потребовалось и утвердилось особое спеціальное для него названіе... «По прошествіи 45 лѣтъ (когда въ византійскихъ источникахъ въ первый разъ Русскіе названы Варягами) изъ 6000 посланныхъ Владиміромъ едва ли многіе оставались въ живыхъ и продолжали служить въ Византіи». Но почему же Д. И. Иловайскій думаетъ, что всѣ они были бездѣтны. Мы знаемъ положительно, что, напримѣръ, Франки, находившіеся въ Византіи на службѣ, обзаводились домами и семействомъ... На это мы указывали въ своемъ изслѣдованіи, а также и на возможность постоянно поддерживающейся эмиграціи...

Мы не оставили безъ вниманія и отвѣта ни одного изъ возраженій и недоумѣній Д. И. Иловайскаго. Мы очень хорошо сознаемъ, что въ началѣ нашего изслѣдованія есть нѣкоторыя соображенія, подлежащія спору и требующія дальнѣйшаго объясненія, а можетъ быть исправленія. Грѣхъ самообольщенія да будетъ далекъ отъ насъ. Но, кажется, за нами остается право сказать, что всѣ возраженія и упреки Д. И. Иловайскаго не только не обнаружили, конечно, существующихъ слабыхъ сторонъ нашего труда, но и не касались нашихъ основныхъ положеній, попали мимо цѣли, или же не отличались основательностью и проникательностью, не отличались главнымъ образомъ строгостью логики и метода. Какъ ни велико наше уваженіе къ

литературному таланту Д. И. Иловайскаго, къ его заслугамъ предъ русскою школою, предъ русскою образованною публикой, къ его почетному положенію въ средѣ русскихъ писателей и ученыхъ — оно по справедливости и уже давно за нимъ всеми признано, — съ какимъ бы сочувствіемъ ни относилсь мы къ его благородной публицистической дѣятельности, мы не можемъ изъ благодарности за его вниманіе къ нашимъ трудамъ раздѣлять его заблужденій, не можемъ раздѣлять его презрѣнія къ филологической наукѣ и сочувствовать его историко-критическимъ, а также и полемическимъ приемамъ. Мы не ослѣплены и не связаны никакою предвзятою теоріей и никакою школою въ своихъ изслѣдованіяхъ, касающихся русско-византійской исторіи. Напрасно Д. И. Иловаискій записалъ насъ въ число какихъ-то крайнихъ защитниковъ норманизма. Мы вовсе не заявляли о какой-либо рѣшительной побѣдѣ норманизма, и за свой трудъ мы взяли вовсе не съ цѣлью возражать исключительно Д. И. Иловайскому. Если мы въ концѣ своего изслѣдованія написали, что скандинавская теорія происхожденія русскаго государства до сихъ поръ остается непоколебленною и что тѣ, которые пытались поколебать ее, потерпѣли завѣдомую неудачу, то это, во-первыхъ, относилось не къ одному Д. И. Иловайскому, а во-вторыхъ, — этимъ мы не хотѣли сказать, что скандинавская теорія непоколебима. Для насъ несомнѣнно только одно, что на ея сторонѣ до сихъ поръ остаются все преимущества метода и научности доказательствъ и что она никакъ не можетъ быть поколеблена такими изслѣдованіями, съ какими мы должны были ближе познакомиться въ продолженіе своихъ зачатій византійскими Варягами... Д. И. Иловаискій съ нѣкоторою ироніей говорить о «неожиданной новостѣ» нашего главнаго положенія о тождествѣ Варяговъ и Русь въ Византіи. Иронія совершенно была излишня. Мы указали, почему теперь возможно наше новое мнѣніе: оно возможно было потому, что въ нашихъ рукахъ были новые источники. Вольно же было Д. И. Иловайскому не обращать на нихъ вниманія и продолжать сражаться устарѣлымъ и негоднымъ оружіемъ.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

<i>На стран.</i>	<i>съ примѣч.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
<i>На стран.</i>	<i>45</i>	<i>sq.</i>	<i>sq. ed. Par.</i>
»	» 64 » строку 24	δημηγῶρους	δημηγόρους
»	» 78 » примѣч. 1	sq.	sq. ed. Par.
»	» 274 » строку 30	Гаральда	[Сигурда]
»	» 277 » » 6	Béelin	Belin
»	» 281 противъ строки 23 на поля	<i>слѣдуетъ вставить цифру 445</i>	
»	» — съ послѣдней строки	τινες	τινες
»	» 282 противъ строки 32	445	446
»	» 305 съ строку 21	σηναγροχῶς	συναγροχῶς
»	» 314 » » 8	aves	aves
»	» 349 » » 20	Graeco-latinum	Graeco-Romanum
